

Ночная радуга

Жанна Володина



Продолжение истории "Вернуть мужа. Стратегия и Тактика". Повествование от имени Лерки, Валерии Князевой, девушки невероятной, почти сказочной красоты, подруги детства и юности Варьки, Сашки, Максима, Вовки и Игоря.

Лера помогает Максиму Быстрову решить сложную ситуацию, обратившись к высокопоставленному отцу, с которым долгие годы не общается. Условие помощи со стороны отца: Лера живет с ним и выполняет его просьбы.

На первый взгляд кажется, что это попытка сблизиться с дочерью. Но что-то настораживает Леру. И что это за таинственный безымянный мужчина, который появляется в ее новой жизни?

- [Жанна Володина](#)

- [Глава 1. Восемь папок](#)
 - [Глава 2. Подруги](#)
 - [Глава 3. На живца](#)
 - [Глава 4. Там, где нежность сердца...](#)
 - [Глава 5. Ненависть](#)
 - [Глава 6. Жена Верещагина](#)
 - [Глава 7. Семейный ужин](#)
 - [Глава 8. Мечь](#)
 - [Глава 9. Бумеранг](#)
 - [Глава 10. Противостояние](#)
 - [Глава 11. Друзья](#)
 - [Глава 12. Курятник](#)
 - [Глава 13. Дуэль](#)
 - [Глава 14. Туман](#)
 - [Глава 15. Прогулка](#)
 - [Глава 16. Голый король](#)
 - [Глава 17. ВВВК](#)
 - [Глава 18. Встреча](#)
 - [Глава 19. Ужин](#)
 - [Глава 20. Приключения. Начало](#)
 - [Глава 21. Приключения. Продолжение](#)
 - [Глава 22. Бегущая от любви](#)
 - [Глава 23. Решение](#)
 - [Глава 24. Тени прошлого, часть 1](#)
 - [Глава 25. Тени прошлого, часть 2](#)
 - [Глава 26. Хорошие друзья и плохие новости](#)
 - [Глава 27. В одно окно смотрели двое](#)
-
-

Жанна Володина

Ночная радуга

Глава 1. Восемь папок

*У нас всех есть один якорь,
с которого, если сам не захочешь,
никогда не сорвешься:
чувство долга.*

Иван Тургенев

Лунная радуга (также известная как ночная радуга) - радуга, порождаемая Луной. Радуга ночью — настоящее чудо, увидеть которое удастся далеко не каждому.

СЕЙЧАС

— Сюда нельзя, прошу прощения, — строго говорит мне высокий охранник — человек в черном. Всё черное: и костюм, и рубашка, и даже галстук. Единственное светлое пятно — незапоминающееся лицо с крупным квадратным подбородком. Черт! Опять новенький!

То ли три бокала шампанского придают мне храбрости и наглости, то ли внезапно появившийся азарт подначивает, но я делаю то, чего делать не привыкла. Я решаю пройти через эту чертову дверь во что бы то ни стало, используя, если понадобится, и это...

Делаю шаг к охраннику, томно разглядываю бейдж на лацкане его пиджака, на который кладу руку в длинной голубой перчатке.

— Игнат, прошу вас, помогите мне.

Игнат недовольно хмурится, опустив взгляд на мою руку, но не смеет ни убрать ее, ни сделать шаг назад или в сторону.

— Нельзя, — мягче говорит он. — Сюда никому нельзя. Личное распоряжение господина Вяземского.

— Мне нужно, — убеждаю я Игната, вцепившись в лацкан пиджака. — Я оставила там важную для себя вещь. Мне без нее никак... Ну, пожалуйста, что вам стоит?

Он растерянно смотрит на меня и на свой пиджак:

— Это может стоить мне места работы и отсутствия рекомендаций, — четко, по-военному докладывает Игнат. — Поэтому, пожалуйста, уходите.

Вздыхаю и медленно снимаю большие черно-фиолетовые очки, скрывающие почти половину моего лица. Игнат шумно вдыхает и забывает выдохнуть. Тороплюсь не потерять преимущества произведенного эффекта:

— Игнат. Я дочь господина Вяземского. Валерия. Вы просто еще не познакомились со мной. Вы же новенький?

Игнат, безотрывно глядящий на меня, молча кивает.

— Я быстренько. Забегу в кабинет, заберу свой клатч — и сразу обратно! — клятвенно обещаю я, молитвенно сложив руки.

Да откуда взялся этот Игнат?! У меня было полное взаимопонимание и с Петром, и с Павлом.

Игнат съедает меня голодным, самым мужским взглядом, но не двигается с места.

— Так как? Игнат! — настойчиво зову я выпавшего из реальности мужчину, стоящего у меня на пути.

— Не выходит? — знакомый насмешливый голос раздается сзади. — Помочь?

Проклятье! Вездесущий Виктор Сергеевич, от внимания которого я так мастерски избежала пол часа назад, меня опять нашел.

— А вы поможете? — раздраженно спрашиваю я, разочаровавшись в себе и своих возможностях.

— А когда я вам отказывал, Валерия Ильинична? — усмехается Виктор Сергеевич. Он кивает головой Игнату, и тот делает шаг в сторону, не отрывая от меня жадного взгляда.

Мы проходим в полутемный кабинет отца. На столе переговоров, выделяясь белым пятном на коричневом фоне, лежит мой клатч.

— Надо же! Действительно, забыли? — недоверчиво удивляется Виктор Сергеевич и интересуется. — Ради чего?

— Ради чего что? — спокойно спрашиваю я, прикидывая, как мне поступить дальше.

Вот на тумбе чугунная сова. Поднять бы, не то что опустить на голову Виктора Сергеевича... Или настольная лампа "в стиле Ильича"? Вряд ли она настолько тяжелая...

— Почему мне всегда кажется, что вы хотите чем-то тяжелым ударить меня по голове? — вежливо интересуется Виктор Сергеевич, подавая мне забытый клатч.

Он еще и ясновидящий? Как же я от него устала!

— Спасибо! — холодно благодарю я мужчину, приставленного ко мне месяц назад в качестве личного охранника, и с ощущением неудачи двигаюсь к выходу.

— Валерия Ильинична! — мягко окликает меня Виктор Сергеевич. — Что на самом деле вы хотели посмотреть? Ради чего забывали клатч?

Я молчу, осторожно выбирая ответ.

— Это? — спрашивает Виктор Сергеевич, показывая мне на стопку папок на столе отца. Что я теряю? В принципе, ничего.

— Да. Это! — честно отвечаю я мужчине, быстро посмотрев на камеру в углу.

— Не волнуйтесь. Она пока отключена. Что-то там с проводами...

Виктор Сергеевич отодвигает отцовский стул и молча предлагает мне сесть. Второго приглашения не жду и почти бегом иду к столу.

Содержимое первой же папки приводит меня в состояние шока. Да. Мне тогда не показалось. Это точно Варька.

Вообще первая папка посвящена Варваре Дымовой и Максиму Быстрову. Вернее мужу и жене Быстровым. Фотографии. Документы. Какие-то сканкопии.

Осторожно открываю вторую — Сашка и ее сын Ванька. Третья — Вовка Зорин. Четвертая — Игорь Жданов. Мои лучшие и единственные друзья.

Еще четыре папки. А это чьи?

Так. Смешно и жутко одновременно. Кирилл Ермак. Сергей Перевалов (И Сергей-Филипп здесь!). В предпоследней папке "солянка сборная": Мышильда, Михаил Аронович и Георгий Михайлович, он же Георгоша, уже умершая Елизавета Васильевна Дымова, бабушка моей подруги Варьки, даже бабушкина подруга Алевтина Даниловна. О! Антон Горский — ведущий актер нашего драмтеатра.

Виктор Сергеевич с каменным лицом стоит возле меня и смотрит в стену, закрыв спиной объектив камеры.

Гадаю, что может быть в последней папке. Вернее, кто? Открываю. Незнакомый мне

мужчина. Только фотографии. Много. Ни одного документа. Ни одного слова. Ни одного имени.

— Виктор Сергеевич! — окликаю я своего личного охранника. — Раз уж вы мне помогаете, ответите на пару вопросов?

— Нет. Не отвечу, — спокойно и равнодушно говорит мужчина. — Я ничего не знаю и не хочу знать. Вы хотели посмотреть, что в папках, — вы посмотрели.

— Но вы могли мне не разрешить, — напоминаю я, разозлившись.

— Смысл? — пожимает плечами Виктор Сергеевич. — Приди я минут на пятнадцать-двадцать позже, Игнат бы вам уже всё открыл и всё разрешил. Не покажу сейчас — будете искать возможность посмотреть потом. А это небезопасно.

— Насколько? — быстро спрашиваю я. — Вы думаете, что мой отец может сделать мне что-то плохое?

— Вам? — четко и медленно переспрашивает Виктор Сергеевич, пристально глядя мне в глаза, а потом кивая в сторону папок. — Вам — нет.

Меня до одури пугает этот кивок. Мои друзья? Те, кто составляют смысл моей жизни?

— Кто это? — спрашиваю я, подтолкнув к краю стола последнюю папку. — Я не знаю этого человека.

Виктор Сергеевич молча пожимает могучими плечами, ничего не отвечая. То, что раньше казалось мне простой уступкой отцу со стороны своенравной дочери, превращается в нечто трудно понимаемое.

МЕСЯЦ НАЗАД

— Ты же понимаешь, что мы не будем ходить в парк есть мороженое или посещать цирк по воскресеньям? — спрашиваю я отца, сидящего напротив в кресле и потягивающего виски из квадратного стакана со льдом.

— Более чем, — усмехается он, сделав знак, и ему приносят еще один стакан. — Я на это и не рассчитывал. Я прошу только того, о чем мы с тобой договорились неделю назад.

— Зачем тебе это? Мне скоро тридцать. Смешно думать, что мы сможем сблизиться как отец и дочь, — устало возражаю я, мечтая принять душ и лечь спать. — Я не отказываюсь от своего обещания. Но мне просто интересно, в чем твоя выгода.

— Выгода? — красивое лицо отца становится более живым, чем пару минут назад. — Думаешь, что все дело в выгоде? По-другому никак?

— Ты не стал бы так погружаться в чужие проблемы, мне кажется, — пожимаю я плечами, чувствуя, как болят шея и затылок.

— А ты много знаешь обо мне? — ласково спрашивает отец, с тревогой глядя в мои измученные глаза.

— Немного. Как и ты обо мне, — усталость почти раздавила меня.

— Ошибаешься. Я знаю о тебе почти всё, — последние слова, которые я слышу перед первым в жизни обмороком.

Я спала почти сутки. Об этом рассказала мне приятная женщина лет сорока по имени Екатерина, которая приставлена ухаживать за мной. Так объявил отец, пришедший меня попроведовать.

— Ты меня очень напугала, Лера, — говорит он, целуя мою руку. — Разрешешь провести полное медицинское обследование?

— Зачем? — невольно смеюсь я. — Я просто устала. Это первый в моей жизни обморок.

— Я знаю, — отвечает отец и неожиданно гладит меня по голове. — Боже! Лера! Какая ты красивая, девочка моя...

Я выросла без него. Он ушел от мамы двадцать два года назад, а я осталась с ней, хотя, я помню, как в детстве обожала его. Он казался мне лучшим в мире мужчиной, а он предал маму. Сейчас, с высоты почти тридцатилетнего возраста, я понимаю, что отношения мужчины и женщины — особое пространство. И со стороны судить кого-либо не стоит.

Но забыть свою детскую обиду не могу. Я даже заставляла маму сменить мою фамилию Вяземская на ее — Князева. Но мама сказала, что папа категорически против. Тогда я дождалась своего дня рождения и сама позвонила отцу, с которым не разговаривала почти год. Я попросила у него подарок.

— Всё, что в моих силах, и даже больше, — ответил обрадованный отец.

И я попросила мамину фамилию. Отец долго молчал. Мне уже показалось, что он положил трубку, как вдруг я услышала:

— Хорошо. Если ты хочешь — ты будешь Князевой.

Я не стала объяснять, что хочу быть не Князевой. Просто я не хочу быть Вяземской.

— Так что от меня требуется? — спрашиваю я отца, присевшего на мою кровать.

— Ничего особенного, — смеется он. — Просто мы живем с тобой как родные отец и дочь. Занимайся чем хочешь. Ничем не хочешь — не занимайся. Решай сама.

— Я врач, — упрямо говорю я в растерянности, не услышав никаких условий, ограничивающих мою свободу.

— Ради бога! — разводит руками отец. — Хочешь свой частный кабинет? Легко. Не хочешь — могу пристроить в любую поликлинику и больницу.

— Врачом? — недоверчиво спрашиваю я.

— Хоть санитаркой, — смеется он. — Хочешь с перспективой карьерного роста? Без проблем.

— Я подумаю, — говорю я, не понимая, что на самом деле происходит. — Неужели никаких ограничений, запретов и обязательств?

— Никаких, — отец встает и направляется к двери. — Иногда я просил бы тебя сопровождать меня в поездках и на мероприятиях. Не на всех. На некоторых. Сама понимаешь — такой дочерью хочется хвастаться.

— А мои друзья? — подозрительно спрашиваю я.

— А что с ними не так? — иронизирует отец.

— Я хочу общаться с ними без ограничений, — угрюмо сообщаю я.

— Лерочка! Ты американских триллеров насмотрелась? Или Евгения подсадила тебя на свои любимые сериалы? — откровенно насмехается надо мной отец. — Общайся, ради бога!

— В любое время и в любом месте? — не верю я отцу.

— Конечно, — вздыхает он, наморщив свой красивый лоб. — А вот мое единственное условие.

И когда я успеваю придумать с десятков дурацких условий от требования ублажать его деловых партнеров до представления готового кандидата в мои мужа, в мою комнату заходит тот самый мужчина, который приезжал за мной.

— Вот. Виктор Сергеевич. Твоя личная охрана. Мое условие — он всегда с тобой, возле тебя, около тебя.

— Зачем? — недоумеваю я. — Мне что-то угрожает?

— Нет. Ничего, — улыбается отец, и я невольно люблю эту улыбку. Да. Я похожа на своего отца. — Статус, моя дорогая. Да и опасности появиться могут теперь запросто, когда все узнают, что ты — моя дочь.

СЕЙЧАС

Выхожу из кабинета отца и в сопровождении Виктора Сергеевича иду к машине. Игнат с несчастным выражением лица провожает нас грустным взглядом. Надеваю длинные голубые перчатки, тщательно подобранные к синему короткому пальто, и прохожу мимо Игната с обиженным выражением лица. Пусть помучается...

Мучительно гоняю мысли туда-сюда. Зачем отцу информация о моих друзьях? Чтобы обеспечить мою безопасность? Допустим. Кроме того, он помогал Максиму Быстрову в сложном деле. Здесь без информации никак. Но такое количество людей! Не только ближний круг, но и дальний... Пока непонятно.

Да! И кто тот мужчина, чьи фото в последней папке? Ни одного документа. Ни имени, ни фамилии.

Екатерина на ночь расчесывает мои волосы и восхищенно повторяет:

— Никак не могу привыкнуть к этой красоте! А вес-то какой!

Я усмехаюсь и вспоминаю, как подруга Сашка, расчесывая мои волосы, называла меня Рапунцель. Как вместе с Варькой они не разрешали мне подстригаться. Звоню Сашке, она тут же берет трубку и вопит:

— Лерка! Гадина! Посмотри, сколько у тебя пропущенных!

— И я тебя люблю! — смеясь, отвечаю я, чувствуя, как соскучилась. — Прости, была в недоступном месте. Подробности при встрече. Завтра приеду к тебе. Как дела у Варьки с Максом?

— Ура! — кричит Сашка. И я слышу еще одно "ура" в трубке — это радуется моему приезду Ванька, Сашкин сын, которому скоро пять лет. — У Быстровых все в порядке. Зорин пропадает на работе. Я его за месяц пару раз видела. Сама понимаешь: погрузился, так сказать, чтобы не видеть, не знать, не помнить... Игореха укатил в Швейцарию. Всё по-старому, подруга, только тебя нет. И я страшно, невыносимо скучаю.

— Я тоже скучаю, — говорю я и прощаюсь с подругой.

Спускаюсь на кухню, чтобы выпить на ночь теплого молока с корицей. Екатерина за месяц меня приучила. Из зимнего сада слышен негромкий голос разговаривающего по телефону Виктора Сергеевича, который никогда не уезжает домой.

— Да. Папки посмотрела. Да. На последнюю внимание обратила. Да. Спрашивала. Нет. Не ответил. Хорошо. До связи.

Глава 2. Подруги

*Главное в жизни — не терять людей,
с которыми у вас в голове
тараканы одного вида.*

Мудрость из интернета

— Представляешь! И она мне сказала, что у меня идеальная носоглотка! — хохочет Сашка, с которой мы сидим за столиком уличного кафе и ждем Варьку.

Конец сентября выдался теплым и по-августовски солнечным. Просто осень в подарок!

Мы заказали мороженое, кофе и шампанское. Сашка вываливает на меня все последние новости, боясь что-то забыть.

— Оказывается, у большинства из нас искривленная носовая перегородка! А у меня идеальная! — чокаясь бокалом, хвастается Сашка. — Когда ты, Лерка, стояла у боженьки в очереди за лицом и фигурой, я была первой среди претендентов на прямую перегородку.

Мы встретились полчаса назад, и с моего лица не сходит довольная улыбка. Я устала улыбаться, но губы сами собой растягиваются от удовольствия и счастья.

— Это, действительно, почти редкость, — подтверждаю я подруге. — У девяти из десяти человек, по статистике, искривленная носовая перегородка. А тебе повезло. Меньше проблем с дыханием, реже респираторные заболевания. Ну, и не рискуешь испытывать кислородное голодание.

— Слушай, Лерка, а ты врачом работать бросила в своей золотой клетке? — Сашка становится абсолютно серьезной. — Варька переживает, что ты принесла себя в жертву ради них. Обязательно будет пытаться.

— Жертва носит Прада, ест с серебра и мучается, что выбрать: Шанель или Версаче, — отбиваюсь я иронично. — Правда, Саш! Всё хорошо.

— Да? — искренне сомневается Сашка, покосившись на Виктора Сергеевича, сидящего за соседним столиком. — А его к тебе зачем приставили? Чтобы не сбежала?

— Чтобы берег от неприятностей, видимо, — пожимаю я плечами. — Отцу так спокойнее, а я не спорю.

— А он вооружен? — любопытствует Сашка, наклонившись поближе ко мне. — Это ж как в кино!

— Охрана Игоря никогда тебя так не удивляла, — напоминаю я, с удовольствием разглядывая хорошенькую Сашку. Высокая, стройная блондинка с короткой прической, делающей ее не старше двадцати лет. Причем блондинка, совершенно опровергающая миф о недалёкости себе подобных. Умна, решительна, отважна.

— Точно! — соглашается Сашка. — Теперь у него почти империя, и охраны в разы больше.

— Как он? — вздыхаю я. — Не спалился?

— Макс? — усмехается Сашка, зачерпывая ложечкой подтаявшее мороженое. — Ты, правда, думаешь, что Макса можно обмануть? Тем более в том, что касается Варьки? Да он всегда знал, только понимал, что Игореха, как Вовка, не опасен. Вовка струсил. Игорь слишком благороден. Да этих двоих разлучать — с огнем играть, сама знаешь...

Я знала. Всегда знала, что такое любовь мужчины к женщине. Это любовь Максима к Варьке. Ни у кого таких отношений больше не видела. Даже в маминых любимых сериалах.

— Ты тоже думаешь, что они нам с тобой всё испортили? — хмурится Сашка, подмигивая.

— Уверена, что это так, — коротко вздыхаю я, закатив глаза.

Мы смеемся, привлекая внимание и посетителей кафе, и Виктора Сергеевича. Я с полуслова понимаю, что имеет в виду школьная подруга: после того, как история любви Макса и Вари развивалась на наших глазах, после того, как мы сами видели, как можно любить, мы не сможем просить у своей жизни меньшего. А Сашкину боль и разочарование, связанные с появлением на свет Ваньки, я чувствую, как собственные.

Да. Мне тоже хотелось бы полюбить так, как полюбили друг друга мои друзья: с подросткового детства, один раз — и навсегда. Но, видимо, эта сказка только для Быстровых и героев маминых сериалов.

— Леруся! — Варькин окрик подбрасывает меня из-за стола.

Обнявшись, мы стоим несколько секунд не двигаясь. Потом я отстраняюсь и разглядываю Варвару Дымову, то есть, конечно, Быстрову. Тщательно уложенные кудри, зеленые глаза, пухлые губы. И во всем облике такая хрупкость, интеллигентность, что невольно хочется рассматривать ее снова и снова. Коротенький плащ фисташкового цвета перетянут пояском на талии, голубая косынка придает зеленым глазам какой-то морской оттенок.

— Признавайся! Что-то идет не так и у тебя проблемы! — почти трясет меня Варька и стреляет вопросами, не переводя дыхание. — Зачем Макс согласился обратиться к твоему отцу?! Надо было справляться самим. Ты в плену? Тебя месяц не было! Когда ты вернешься? Чем тебе помочь?

Ласково, но настойчиво усаживаю Варьку за стол.

— Что за глупости, Варя! — серьезно говорю я. — Просто я решила забыть детские обиды и стать взрослой. Отец и мама не обязаны были быть вместе ради меня. Но и от меня он никогда не отказывался, вы же знаете. Я с ним сейчас не только ради него, но и ради себя тоже.

— Согласна, — тут же подхватывает тактичная Варя. — Обида иссушает, разрушает именно того, кто обиделся. Тут я согласна.

Пухленькая официантка, приветливо улыбаясь, ставит на наш стол еще одну бутылку дорогого шампанского.

— Мы не заказывали! — отказывается Сашка, с удивлением глядя на девушку.

— Это от мужчин с дальнего столика, — заговорчески сообщает официантка, поправив фартук.

— Ну, конечно! — фыркает Сашка. — Началось!

Встречаюсь взглядами с усмехающимся Виктором Сергеевичем и отвожу глаза. Досадно, но он пока выигрывает в нашем споре.

— Ты на сколько дней приехала? — выпытывает Варька, хватая меня за руки. — Хотя бы неделю побудешь?

— Нет, Варюха! — причитает Сашка, разглядывая подаренную бутылку и раздумывая, открывать ее или нет. — Она на три дня, как контуженный фронтовик в отпуск.

— Почему? — тут же продолжает допрос Варька, настоящее беспокойство плещется в ее красивых глазах. — Ты всё-таки что-то скрываешь?

— Нет. Просто обещала отцу, что пойду с ним на важное для него мероприятие, — честно отвечаю я.

Информацию о папках я еще не обработала. Думаю о них день и ночь. Особенно о последней. Кто этот мужчина? Почему в папке нет никаких документов, а только фотографии? Разве не странно? Делиться ли с девчонками? Или подождать? Одни вопросы...

— О! — Варька вскакивает. — Тогда не будем тратить время, раз у нас три дня! Поехали ко мне секретничать!

Дома у Быстровых мы можем, наконец, расслабиться. Виктор Сергеевич остался в машине во дворе. Я категорически не разрешила ему идти со мной. Он принял мое распоряжение спокойно и просто коротко кивнул.

Галина Семеновна, Варина помощница по дому, приготовила нам ужин и тактично удалилась.

— Макс на работе? — интересуюсь я у Варьки.

— В командировке, — хихикает Варька. Есть у нее такая милая привычка: то икает, то хихикает, когда волнуется. — В Чехии.

— Варь, правда, всё хорошо у меня, — совершенно искренне говорю я. Кроме тоски по друзьям, мне и придаться не к чему.

— Чем занимаешься? — отщипывая кусочек пинты, спрашивает меня Сашка. — Ужинаешь с олигархами и обедаешь со знаменитостями?

— Почти! — смеюсь я, радуясь возможности расслабиться. — В Большом три раза за месяц была.

— Класс! — восторгается Сашка. — Можно нас пристроить?

— Легко! Выбирайте спектакль! — хватаюсь я за любую возможность встречи с подругами в Москве.

— Мы выберем обязательно, — обещает Сашка и не верит мне. — Правда, нечего рассказать?

— Нечего, — вздыхаю я, так и не решившись озвучить сомнения по поводу папок.

— Где будешь ночевать? У мамы? — интересуется Варька.

— Конечно! — подтверждаю я. — Она соскучилась, я тоже.

— А ты не знаешь, почему у них не сложилось? — Сашка, как всегда, без комплексов.

— Нет. Вы же видели мою маму, — пожимаю я плечами. — Наверное, и так понятно.

Мало кто из моих знакомых вообще верил, что женщина, с которой я живу, — моя мать. И это, честно говоря, частенько обижало.

— А я встретила со своей мамой, — неожиданно говорит Варька, грустно глядя на нас.

— Мамой? Какой мамой? — недоумевает Сашка. — Которая много лет назад уехала? Ты еще говорила, что Рита ее выжила.

— Максим нашел мою настоящую маму, — пожимает хрупкими плечиками Варька. — Но мне не рассказал. Всё ждал, что та сама захочет мне всё объяснить... А потом эта история с Настей...

— И что? — осторожно спрашиваю я. — Ты встретила с мамой?

— Встретилась, — улыбается Варька, но в красивых глазах бутылочно-зеленая грусть. — И это было... больно.

— Да? — сочувствует Сашка. — Твой отец ее не выгонял из-за Риты?

— Нет, — отрицательно машет из стороны в сторону кудрявая голова. — Она сама ушла к другому мужчине и согласилась оставить меня отцу и бабе Лизе.

— Жесть! — стонет Сашка, закрывая ладошкой рот. — Ты очень расстроилась?

— Вы знаете, — думает Варька, болтая в бокале белое вино, — сначала да. А потом... выяснилось, что переживать надо не из-за этого.

Мы с Сашкой молчим, боясь вспугнуть Варькину откровенность.

— Оказалось, что переживать надо из-за Мышильды, — с подозрительными плачущими нотками в голосе говорит Варька.

— Машки? А с ней что не так? — не понимаю я, осторожно глядя Варьку по тонкому плечу.

— Два дня назад Рита решила ей рассказать, что она... не ее мать, — почти плачет Варька. — И теперь мы не понимаем, что происходит. Машка мужественно не обиделась на Риту и отца. Но и разговаривать об этом пока не хочет. Ждем.

— Ничего не понимаю, — мотает головой Сашка. — Они ее из детского дома что ли взяли?

Из Варькиных огромных зеленых глаз текут крупные слезы, оставляя широкие мокрые дорожки:

— Нас родила одна мать.

В наступившей тишине раздается бранное слово. Это не выдерживает напряжения Сашка.

— Согласна, — бормочу я, с трудом себе представляя, что это реальная история из жизни семьи Дымовых, а не мамин пересказ очередной душещипательной серии.

— Но мы надеемся, что Мышильда справится! — шмыгает носом Варька, даря нам очаровательную улыбку. — Было сложнее, когда мы скрывали.

— Теперь легче? — сомневаюсь я.

— Легче. Точно легче, — уверяет нас Варька. — Хранить такой секрет сложно. Смотрю на Машку и постоянно вспоминаю, что она еще не знает. Это такой груз!

— Гульнём? — пытается поднять нам настроение Сашка. — Игореха сказал, что в его клуб мы можем ходить хоть каждый день. Депозит неограниченный с него.

— Макс будет сердиться, — хихикает смешливая Варька. — Если мы его не предупредим.

— С нами Виктор Сергеевич, — успокаиваю я подруг. — Это очень серьезный человек.

— Очень? — сомневается Варька. — Насколько?

— Ты себе не представляешь! — клянусь я. — Через пару недель, как я к отцу приехала, мы ходили на какой-то званый вечер. Скромный такой, человек на триста-четыреста. Когда один странный товарищ, устав мне безответные комплименты делать, приобнять решил, вот тут-то я и поняла, почему отец его ко мне приставил. Странный товарищ и его охрана их трех шкафов за пару минут потеряли способность к прямохождению. Это было... круто!

— А я всегда знала, Лерка, что у тебя будет удивительная судьба! — утверждает Сашка. — Всегда!

— Что ж удивительного в том, что охранник отца качественно выполняет свои обязанности? — улыбаюсь я подругам.

— Ты в другую жизнь переместилась. Этажей на десять выше. Именно там тебя и подкараулит... — начала издеваться Сашка.

— Принц на белом коне! — заканчивает за нее довольная Варька.

— Можно без коня? — ужасаюсь я. — Он же в лифт не войдет!

— Можно! — хором отвечают мои самые любимые на свете девчонки.

Сегодня в "Лисьем хвосте" вечер Вероники Серебровой, чей слегка хриплый грубоватый голос нам троим так нравится.

*Ты дарила мне розы.
Розы пахли полынью.
Знала все мои песни,
Шевелила губами,
Исчезала мгновенно,
Не сидела в засаде,
Никогда не дышала
Тихонько в трубку.*

Переполненный зал хлопает и подпевает песню "Ночных снайперов".

— Как хорошо, что ты вспомнила про клуб и наш депозит! — благодарит Сашку Варька. — Надо же! Клуб забит, а для нас такой классный столик свободен сегодня!

Мы, как всегда, обмениваемся с Сашкой понимающими взглядами: наивной и чистой Варьке до сих пор невдомек, что этот "классный" столик свободен для нее каждый вечер. Ей стоит только захотеть...

*Мы скрывались в машинах
Равнодушных таксистов,
По ночным автострадам
Нарезали круги.
Ты любила холодный
Обжигающий виски
И легонько касалась
Горячей руки.*

— Макарушка! — зовет молоденького официанта Варя. — Как я рада, что нас обслуживаете именно вы!

Смешной щупленький Макар смотрит на меня, как на идола, и стеснительно улыбается.

*А потом было лето.
Мы прощались и знали:
Мы с тобой одной крови,
Мы небесных кровей.
Твои драные джинсы
И монгольские скулы.
Ты была моей тайной,
Зазнобой моей!*

Варька заказывает мороженое с фруктами:

— Обещала Максиму не пить! — объясняет она нам. — Он считает меня подающей надежды алкоголичкой! Даже договорился с Михаилом Ароновичем на сеанс избавления от тяги к шампанскому.

— А как же мы?! — возмущается Сашка. — Ты знаешь, что дружба алкоголиков — святая вещь?! Видела, как они друг друга нежно поддерживают?

— Нет! — честно отвечает Варька и подхватывает шутку. — В моей семье я первый алкоголик.

— А Лерка у нас правильная! — упрекает меня Сашка. — Хоть бы раз с нами напилась!

— Я пробовала, вы знаете, — оправдываюсь я. — Ну не лезет в меня больше бокала!

— Потому что надо тренироваться! — поучает меня Варька. — От терпения — опытность, от опытности — надежда. Так сам Сенека говорил!

— Ходишь по фуршетам, аккуратно напиваешься, — поучает Сашка. — Там, наверное, такие напитки подают...

Мы веселимся, когда я вдруг чувствую на себе чей-то тяжелый взгляд. Честное слово... Отчетливо чувствую кожей шеи. Смотрю направо на Виктора Сергеевича. Тот спокоен, встречается со мной взглядом и чуть заметно усмехается. Смотрю налево. Ничего подозрительного. Есть парочка мужчин, которые откровенно глазят на нас, но их взгляды легкие, заинтересованные, без особой надежды. А этот был по-настоящему тяжелый, горячий, какой-то тягучий.

Виктор Сергеевич тут же считывает мое беспокойство и успокаивающе прикрывает глаза. Это знак, что всё в полном порядке. Но я не могу избавиться от ощущения, что меня почти ласкают и скоро начнут раздевать. Почему-то горят щеки и уши. Но мне не неуютно, а как-то сладко-тревожно.

— Что-то случилось? — беспокоится внимательная Сашка. — Пора уж привыкнуть! Пусть смотрят на прекрасное. Это развивает органы чувств.

— Сашка! Какая ты молодец! — нежно хвалит Сашку Варька. — Как здорово сказала! Именно! Органы чувств!

То горячо, то холодно. Чувствую себя почти больной. Кто-то смотрит на меня. Я не вижу, кто. Виктор Сергеевич не понимает, что происходит, и начинает хмуриться. Подает знак, что надо уходить. Ну уж нет...

Еще почти час мы слушаем песни в исполнении талантливой певицы, болтаем и вспоминаем прошлое.

— Лерка! А вот интересно! А где твой Сергей-Филипп? — вдруг спрашивает Сашка. — Не нашел тебя еще в Москве?

Вспомнила мой самый страшный сон... Прислушиваюсь к себе. Может, это он? Прячется где-то в клубе и смотрит... Нет. Я хорошо помню его взгляд: сильный, давящий, ревнивый. почти больной. А этот... Как бы объяснить?

— Варька! — зову пьющую фруктовый коктейль подругу, подпевающую Веронике Серебровой. — Ты можешь подобрать синонимы к слову "волнение"?

— Тревога, переживание, возбуждение, беспокойство, трепет, лихорадка, — тараторит Варька. — Еще? Можно... смятение или смута... горячка, мандраж... Хватит? Еще куча просторечных...

— Хватит, — шепчу я, физически ощущая всё то, что сейчас вывалила на меня моя подруга филолог.

— Мне нужно беспокоиться? — раздаётся над ухом тихий вопрос Виктора Сергеевича. — Или вам просто плохо, Валерия Ильинична?

— Наверное, простудное, — улыбаюсь я ему, вложив в свою улыбку все внутренние силы. Мужчина почти отшатывается от меня. — Ух ты! Это просто оружие массового поражения! — приподнимает брови Виктор Сергеевич. — Домой?

— Наверное, да, — вяло говорю я, почти теряя силы от вдруг охватившего меня напряжения.

Когда мы втроем в сопровождении Виктора Сергеевича доходим до выхода из зала, я не выдерживаю и резко оборачиваюсь.

Далеко, на противоположном конце зала, стоит высокий брюнет. Темно-синие брюки, серое поло. Несмотря на расстояние, я знаю, что у него карие глаза. Я уже видела их, эти глаза. И его я видела. Это мужчина с фотографий из последней папки.

Беспомощно смотрю на Виктора Сергеевича и подруг, снова поворачиваюсь на мужчину. Его уже нет.

Глава 3. На живца

— Я не знаю, что я хочу.

— Ну, это неправда. Ты хочешь того же, что и все.

— И чего же, таинственный незнакомец, который знает ответы на все вопросы?..

Скажи мне, чего же я хочу?

— Ты хочешь любви, в которой можно раствориться.

Ты хочешь страсти, приключений и немножко опасности.

Дневники вампира

Мама суетится вокруг меня, заставляя меня нервничать.

— Mam, всё хорошо, перестань, пожалуйста, — прошу я ее ласково, глядя по сухой тонкой руке.

Мы завтракаем вдвоем на нашей большой современной кухне. Отец никогда не скупился на наше содержание и настаивал, чтобы мы ни в чем себе не отказывали. Его единственным условием было требование к маме не работать, а всё свое время уделять мне. Мама пообещала и сдержала это обещание.

— Ты навсегда с ним останешься? — осторожно спрашивает мама с рыдающими нотками в голосе.

— Нет! Что ты! — деланно смеюсь я, снова успокаивающе хлопая ее по руке. — Поживу с ним недолго и вернусь. Или тебя к себе заберу.

— Меня? — тут же пугается мама. — Я не хочу, Лера! Я не хочу и не буду жить рядом с ним даже в качестве соседки.

— Значит, я вернусь к тебе! — решительно говорю я, наслаждаясь домашним завтраком.

— А его надо кормить? — испуганно кивнув в сторону залы, шепотом спрашивает мама.

— Вообще-то да. Я думаю, что он ест, чтобы жить, — шучу я про Виктора Сергеевича, сидящего на диване в самой большой комнате нашей двухэтажной квартиры.

— Ему туда отнести или его сюда позвать? — еще тише спрашивает мама.

— Виктор Сергеевич! — зову я.

Мужчина материализуется в дверном проеме за пару секунд.

— Валерия Ильинична?

— Прошу вас разделить с нами скромный, но очень вкусный завтрак, — церемонно говорю я, словно приглашаю к трапезе верноподданного.

Виктор Сергеевич по-военному стучит каблуками и слегка склоняет голову в знак благодарности.

— Спасибо! Не откажусь от чашки кофе.

Потом я целый день провожу с мамой за разглядыванием моих детских фотографий и милой болтовней ни о чем.

Освободившись после работы, звонит Сашка и командует:

— Сегодня мы должны проведать Вовку, но его надо застать врасплох. Подъезжай к областной больнице к семи.

— Вы будете на улице или в помещении? — спрашивает меня Виктор Сергеевич, паркуя

машину возле областной больницы. Рядом с шиком паркуется Сашка на синей тойоте.

— Не знаю, — теряюсь я. — Вряд ли Вовка гуляет вокруг больницы, наверное, войдем внутрь.

— Привет, подруга! — Сашка вылезает из машины и машет нам рукой. — И вам привет, строгий телохранитель!

Виктор Сергеевич улыбается и вежливо склоняет голову.

— Варька опаздывает, — докладывает Сашка. — Пошли пока брать Зорина тепленьким.

В регистратуре пожилая нервная женщина в белом халате и голубой шапочке категорически отказывается сообщить нам, на работе ли доктор Зорин Владимир Валерьевич.

— Хирург Зорин не ведет личный прием, — ворчит она. — И не предупреждал меня о посетителях.

— Позвони ему на сотовый, — шепчу я Сашке. В это время в фойе в сопровождении четырех медсестер широким шагом входит Вовка Зорин. Девушки восторженно смотрят на красавца-врача, ловя каждое его слово.

— Зорин! — смеясь, окликает нашего друга Сашка.

Вовка резко останавливается и удивленно смотрит на нас. Серьезное лицо взрослого мужчины за пару секунд превращается в детское лицо школьного друга. Он делает шаг нам навстречу, одновременно распахивая руки. Мы с Сашкой кидаемся ему на шею. Крепко обняв, Вовка целует нас в макушки. Стайка рыбок-медсестер беспокойно мечется неподалеку.

— Чем обязан такой чести? — радостно спрашивает Вовка, отстраняясь и с удовольствием нас разглядывая, чтобы через секунду с тревогой спросить. — С Варей все хорошо?

— Лучше не бывает! — заверяет его Сашка, нарочно повиснув на Вовкином плече, чтобы подразнить "рыбок". — Скоро подъедет. Мы решили тебя поймать на месте, чтобы ты не отвертелся от встречи.

— Просто работы много, — печально усмехается Вовка, по очереди перцеловывая наши руки.

— Сейчас ты свободен? — требует ответа Сашка.

— У меня три часа до начала дежурства, — разводит руками Вовка. — Три часа я ваш.

Пока Вовка выписывает нам пропуска, появляется Варька. Сегодня она в легком зеленом пальто и черных сапогах-чулках. Как всегда, красивая и счастливая.

— Простите меня, я копуша! — весело говорит нам Варька, протягивая руки Вовке.

Вовка привычным нам жестом ерошит светлые кудри и, прикрыв от избытка чувств глаза, прижимает к себе Варьку.

— Предатель! — шуточно хлопает ладошкой Вовку по плечу Варька. — Пропал, как Лерка! Друг называется!

И вот мы вчетвером сидим в Вовкином кабинете и пьем чай с вафельным тортом "Север". Я уже рассказала друзьям по второму кругу все, что произошло со мной за этот месяц. Кроме истории с папками.

В Вовкин кабинет за это время не зашел только ленивый или безногий. Казалось, весь коллектив больницы должен был что-то попросить или спросить у хирурга Зорина.

— Ну, девчонки, переполошили серьезное медицинское учреждение! — хохочет Зорин, теребя кудри.

— Это всё Лерка! — упрекает меня ласково и беззлобно Сашка. — Зачем в фойе темные очки сняла?

Смотрю на веселящуюся Сашку, Варьку, расспрашивающую о чем-то Вовку, на Вовку, съедающего грустным взглядом Варьку, и тоскливо становится. Послезавтра мне уезжать туда, где самым родным человеком мне является, как ни странно, охранник Виктор Сергеевич.

— Владимир Валерьевич! На федеральной трассе крупная авария. Много пострадавших. Санитарной авиацией к нам троих. Для вас готовим вторую операционную. У вас семь минут, — скороговоркой сообщает Вовке дежурный врач, молодой армянин, до этого раз пять заходивший в кабинет то за ручкой, то за советом.

Сумбурное быстрое прощание. Объятия. Поцелуи. Ловлю Вовкин взгляд, брошенный им в спину уходящей по коридору Варьки. Господи! Дай и ему счастья! Такая безнадежность может и с ума свести...

— Навестим Михаила Ароновича? — с надеждой спрашивает нас Варька. — Я ему наобещала. И Макс сегодня возвращается.

Высокий, сухощавый, аристократичный старик Паперный Михаил Аронович — друг детства еще Варькиной бабушки, Елизаветы Васильевны Дымовой, встречает нас в просторной прихожей.

— Рад! Польщен! Восхищен! — дарит он нам по очереди комплименты. — Вы осветили мою темную пещеру своей красотой!

Вообще ничего теплее, чем вечера у Дымовых в старом сталинском доме я не помню. После общения с Варькой, ее бабушкой и их другом мне сложно было понять, почему в моей жизни все не так. Мы больше часа общаемся с умным и остроумным стариком, рассматриваем новые фарфоровые фигурки и снова пьем чай, теперь уже с Георгошиными (это приемный сын Михаила Ароновича, пятидесятилетний военный врач-травматолог) пряниками.

Когда мы переползаем в квартиру Варькиной бабушки на большой диван в гостиной, мы уже не можем ни есть, ни пить.

— Я Вовке завидую, — признаюсь я подругам. — Он настоящий врач. А я?

— И ты будешь, если захочешь, — утешает меня Варька.

— Сама же не работаешь, — недоумевает Сашка. — Отец же предлагал.

— Не хочу в Москве. Боюсь тогда там остаться, — делюсь я сомнениями и переживаниями.

— Тогда не надо! — испуганно говорит Сашка. — Я тебя жду не дождусь.

— И я! — гладит мою коленку Варька.

И я решаюсь рассказать подругам о папках. Они молча слушают меня, не перебивая и не переспрашивая. И только когда я замолкаю, Сашка говорит:

— Ну, про семь папок все понятно. Обложил тебя твой папочка со всех сторон. Не удивлюсь, если у Макса на всех нас такие же папки есть.

Варька показывает Сашке язык и смеется.

— А вот что за восьмая папка? — Сашка задумывается. — С чего это вдруг Виктор Сергеевич тебе эти папки разрешил посмотреть? Из его разговора по телефону понятно, что сделал он это специально. Он с твоим отцом разговаривал?

— Не знаю. Похоже, что не с ним. С отцом он совершенно другим тоном разговаривает, — делюсь я своими сомнениями с самыми близкими после мамы людьми.

— Давайте рассуждать, — поучительно говорит Варька, смешно сморщив лоб. — Папку с моим фото ты заметила в кабинете отца накануне и вернулась, чтобы удостовериться? Папок с нами всеми оказалось семь. Восьмая с фотографиями неизвестного мужчины. Я ничего не путаю?

— Все так, — подтверждаю я.

— И никаких мыслей, кто бы это мог быть? — удивляется встревоженная Сашка.

— Никаких! — сокрушаюсь я.

— Он хоть симпатичный? — ласково шутит Варька.

Пока я думаю, что ответить, у Сашки звонит телефон.

— Это Игореха! — радуется она, подсакивая с дивана. — Да. Мы у тебя в клубе вчера были. Классно посидели, спасибо. Ты сегодня прилетел? Нет, сегодня не собирались. Сегодня у нас домашний девичник.

— Игорь в клуб зовет? — смеется Варька.

— Да. Расстроился, что мы вчера были, когда его не было. Снова зовет, — улыбается Сашка.

— Вчера там был и он, — решаюсь рассказать подругам и это.

— Кто? — спрашивают они хором.

— Мужчина с фотографии, — тихо отвечаю я.

— Это ты из-за него разнервничалась? — догадывается умная Сашка. — Чего вчера не сказала?

— Чтобы Виктор Сергеевич не догадался, — терпеливо объясняю я.

— Я всё придумала! — решительная Сашка хватает трубку. — Игореха! Мы решили ехать к тебе. Да. Прямо сейчас. Заберешь? Ждем.

— Мы опять едем в "Лисий хвост"? Зачем? — удивляется Варька.

— Будем ловить на живца! — объявляет Сашка. — Мужик явно за Леркой следит. В квартиру он не зайвится, а вот в общественное место...

— Умно! — соглашается серьезная Варька. — Ты стратег, Сашка!

— Я на Игоре ехать не могу. Мне нельзя ни в какие другие автомобили садиться, кроме машин Виктора Сергеевича, — смущенно улыбаюсь я.

— Жесть! — констатирует недовольная Сашка.

— В Нарнию? — с надеждой спрашиваю подруг.

— В Нарнию! — хором подхватывают они.

Нарнией Сашка называет мой огромный шкаф, забитый модной и дорогой одеждой. Папина причуда.

Человек-праздник, Игорь Жданов встречает нас у Леркиного подъезда.

— Дежавю! — смеется он, с удовольствием разглядывая нас.

— Неправда! — тут же обижается Сашка. — Лерка уверяла нас, что это новая коллекция.

— Дежавю в том смысле, что тройная красота у меня перед глазами, — усмехаясь, оправдывается Игорь, загорелый и похудевший. — Выстраивайтесь для поцелуев! С Лерки штрафной!

Виктор Сергеевич с некоторым недоумением смотрит на нас, целующихся друг с другом, и даже немного нервничает, когда Игорь сжимает меня в объятьях и целует дважды.

Игорь удивляется, когда я ухожу в другую машину.

— У меня охраны с собой больше, — весело говорит наш друг, показывая на две черные

машины рядом со своей. — И это только те, кого вы видите. Еще снайперы по крышам по всему пути следования до клуба.

— Паяц! — нежно обзываю я Игоря и сажусь в машину к Виктору Сергеевичу.

Сашкина идея о том, что и сегодня в клубе окажется тот таинственный мужчина, кажется мне дееспособной, поэтому я нервничаю.

— Только без фанатизма, Игорьь, пожалуйста, — умоляет Сашка. — Мы весь вечер едим. Во мне торт вафельный "Север", мятные пряники, а на работе я схомячила штук двадцать пельменей.

— Что значит без фанатизма? — снова обижается Игорьь. — Я еще не начал вас угощать.

На нашем столе появляются мясная, сырная, фруктовая и овощная тарелки размером с большие подносы.

— Что будете пить? — ласково спрашивает Игорьь. — Мой бармен изобрел новый коктейль. Правда, он на водке...

— На водке? — пугается зеленоглазая Варька. — Я не умею пить водку.

— Есть возможность научиться. Всегда такой пользуйся, — поучает Сашка. — Давай на водке.

Как только Игорьь отходит от нашего стола по делам, Сашка тут же говорит страшным шепотом:

— Лерка! Ты давай, оглядывайся незаметно. Как увидишь его — нам покажешь. Будем дальше думать.

Я киваю подругам. Уже полчаса я аккуратно и осторожно осматриваю зал клуба, но пока никого не вижу. Может, это была и не очень умная идея, снова идти сюда...

— И мальчикам нашим не говорим! — закликает Сашка. — А то под домашний арест посадят и будем только во дворе в песочнице гулять. Варька, слышишь? Максимум ничего про папки не говори. И про наше расследование тоже.

— О! Расследование! Хорошо! — обещает взволнованная Варька.

Испугавшись силе энтузиазма подруг, начинаю жалеть, что рассказала им о папках и неизвестном мужчине.

— Вот если бы ты хоть одну фотку стащила, я бы айтишника одного с работы попросила, мы бы его по фейсу быстро нашли в сети. Он наверняка человек с твоих высоких этажей, — сокрушается Сашка.

— Виктор Сергеевич не разрешил, — отвечаю я. — Сама об этом думала.

— Может, его можно связать и пытать? — строго смотрит на сидящего за соседним столиком Виктора Сергеевича Сашка.

— В тебе говорит третий коктейль! — хихикает Варька. — Это неоправданная жестокость. Такой милый дяденька!

— Игореха! Где шляешься? Пригласи Лерку танцевать. Она уезжает завтра. Когда еще увидимся? — настаивает Сашка, отвечая шепотом на мой удивленный взгляд. — На танцполе обзор лучше.

— Я готов с каждой и не по разу! — шутит Игорьь, уводя меня на медленный танец. Мы, конечно, привлекаем всеобщее внимание. Я кладу голову Игорехе на плечо и, в такт музыке меняя угол обзора, оглядываю зал из-под опущенных ресниц. Я его не вижу.

Потом Игорьь танцует с Сашкой и Варькой по очереди. Еще через полчаса Игоря вызывает охрана клуба, и он куда-то уходит с озабоченным выражением на красивом загорелом лице.

— Ладно, — уныло признает поражение Сашка. — Но попытаться стоило.

— А может быть так, что ты его не узнаешь? — любопытствует Варька. — Ты же живую его только пару мгновений видела?

— Как вам объяснить. Я его чувствую. Как Сергея-Филиппа... Взгляд орангутанга давит, дышать не дает. И этот тоже смотрит весомо, но не тяжело, а как-то затягивающе. Не страшно, но дискомфортно, — я пытаюсь подобрать слова поточнее, но у меня не получается. Всё-таки я не Варька...

— У меня есть несколько идей! — вдохновенно говорит нам Варька. — Я же столько книг прочла за свою жизнь, а сколько корректировала! Все сюжеты придуманы еще Шекспиром. Нам ничего нового не придумать.

— Поделись! — требует Сашка, беря четвертый коктейль.

— Слушайте! — Варька сверкает зелеными глазами и начинает говорить таким тоном, словно сказку рассказывает. — Это может быть хитрый план твоего отца: подснуть тебе восьмую папку, заинтересовать этим мужчиной. Ведь если бы он тебя с ним просто познакомил, ты бы из вредности с ним общаться не стала.

— Логично! — довольная Сашка чокается четвертым коктейлем с третьим Варькиным. — Соображаешь! Мне тоже в голову сразу пришла именно эта идея.

— Мне почему-то кажется, что отец не в курсе, — медленно говорю я, опуская язык в первый коктейль.

— Тогда еще интереснее. Есть еще какой-то игрок, который прячется в тени. И, возможно, игра не с тобой и не против тебя, а против твоего отца, — растолковывает мне Варька. — Расчет на то, что ты заинтересуешься и среагируешь. Что и произошло!

— Версия достойна внимания! — соглашается с Варькой Сашка. — Твое внимание он, кем бы он ни был, привлек. Даже напугал.

— Но тогда Виктор Сергеевич, которого отец считает самым преданным себе человеком, работает на кого-то еще, — почти с испугом говорю я.

Очень не хочется верить в это. К умному, спокойному мужчине за месяц я очень привыкла. Да я с матерью и с подругами столько времени в течение дня не проводила, сколько с ним.

— Жаль, что с Максом посоветоваться нельзя, — хмурится Варька и вдруг испуганно кричит. — О! Макс!

— Что случилось?! — кричим мы с Сашкой в ответ.

— Я забыла предупредить, где я. Мой телефон почему-то на беззвучке... — Варька нервно роется в памяти телефона. — Вот! Два пропущенных от Максима.

— Да! Два — это катастрофа! — ёрничает Сашка.

Но все мы понимаем, что два пропущенных звонка от Макса Варьке — это уже настоящая паника сильного мужчины.

— Он переживает, — говорит расстроенная Варька. — Теперь я буду переживать, что он переживает.

— Так позвони в ответ, успокой, — недоумеваю я.

— Связи почему-то нет, — сообщает Варька.

— И у меня, — посмотрев на экран своего телефона, говорит Сашка.

Когда я лезу в сумочку за своим телефоном, в клубе вдруг выключается весь свет, звучит триммер эвакуационного звонка и загораются желтые стрелки, указывающие на выходы. Официанты начинают распахивать все двери из зала, и посетители спешно покидают клуб.

Оглядываюсь, но не вижу Виктора Сергеевича. Вот это уже странно!

— Дымом не пахнет! — спокойно говорит Сашка. — Противопожарная система не обливает нас водой. Девочки! Идем на выход или ищем Игоря?

— Вряд ли в правилах эвакуации есть пункт "искать Игоря", — шучу я, и мы втроем идем в сторону ближайшего выхода. Сашка первая. Варька посередине. Я последняя. Отсутствие Виктора Сергеевича серьезно напрягает.

— Что за телохранитель такой? — недоумевает Сашка, словно прочла мои мысли. — Тело здесь, а охранять некому.

— Не похоже на пожар! — оглядывается на меня Варька, когда мы выходим в один из длинных коридоров, ведущих на улицу.

И только я собираюсь ответить, как одна из боковых дверей открывается, и крепкая рука затаскивает меня внутрь маленькой темной комнаты, а другая рука предварительно закрывает мне рот. Пока я раздумываю, укусить ли эту руку, знакомый голос Виктора Сергеевича звучит успокаивающе:

— Валерия Ильинична! Все в порядке.

— Ничего не в порядке! — возмущаюсь я. — Девчонки будут меня искать, а значит, вернуться в здание. А это опасно.

— Ни для кого ничего не опасно, — спокойно уверяет меня мой странный личный охранник. — Нет ни пожара, ни другой чрезвычайной ситуации. Проверяют мою реакцию.

— Какую реакцию? — спрашиваю я и не верю всему тому, что говорит этот человек.

— Своевременную, — непонятно отвечает мужчина и, накинув на меня свой пиджак и взяв меня под локоть, ведет в коридор и на выход.

Сухой и теплый сентябрь позволяет посетителям и работникам клуба стоять вокруг здания группами без верхней одежды. Проблесковыми огнями сияют автомобили: пожарные, полиция, скорая.

— Лера! — облегченно кричит напуганная Сашка, бросаясь ко мне навстречу. — Где ты была? Тебя человек десять ищут. Игорь отправил.

Игорь отделяется от группы людей в погонах и быстрым шагом подходит к нам, на ходу снимая пиджак, и, подойдя, одевает его на Варьку.

— С вами все в порядке? — отрывисто спрашивает он и, когда мы дружно киваем, продолжает. — Не понятно, почему погас свет и сработала система. Сбой технический. Через пять минут можно возвращаться в здание. На всякий случай еще и собаками проверили.

— Приключения! — смеется Сашка, которую Игорь кутает в плед, поданный одним из официантов. — Обошлось без жертв. Хотя... Я поторопилась с выводами.

Сашка кивает в сторону паркующегося автомобиля. Максим Быстров. Уставший Игорь осторожно гладит свой подбородок.

— Запомните меня молодым и красивым! — иронизирует он. — Большой брат набьет мою харизматичную привлекательную морду.

Адвокат Быстров в прекрасно сшитом сером костюме и бежевой рубашке с мрачным выражением лица встревоженным взглядом осматривает толпу и мгновенно выискивает в ней Варьку. Удивительно, как быстро в этом взгляде появляются физически ощущаемые тепло и любовь.

— Варя! — мягко окликает он и, быстро подойдя к нам, обнимает жену. Потом отстраняется и совершенно серьезно начинает ощупывать ее со всех сторон, как сделал бы

врач-травматолог.

— Максим! Щекотно! — смеется счастливая Варька, тщетно пытаясь поцеловать сурового мужа. — С нами со всеми все в порядке. Тревога ложная.

— Я звонил. Ты не брала трубку, — голосом прокурора говорит Максим. — Ответишь за каждую минуту моего волнения.

Максим целует Варьку, которая уже похоже начала "отвечать" мужу за каждую минуту его волнения.

Убедившись, что с Варькой все в порядке, Максим обнимает меня:

— Привет, дорогая! У тебя все в порядке в Москве?

— Абсолютно! — искренне убеждаю его я, удивляясь, почему мне еще до прихода Варьки Дымовой в наш класс не пришло в голову влюбиться в Максима Быстрова, или в Игоря Жданова, или в Вовку Зорина...

От этой мысли ничего в сердце не дрогнуло. И сейчас мне это не приходит в голову.

Вот он... Этот взгляд... Горячий. Жадный. Ласкающий.

Медленно поворачиваю голову вправо. На другой стороне улицы стоит он. Отворачиваюсь. Считаю до трех. Поворачиваюсь снова. Он стоит и смотрит. Никуда не делся.

Сашка перехватывает мой взгляд и тоже его видит. Это я понимаю по ее расширенным от возбуждения глазам и слову "Попался!", которое она рисует губами. Сашка начинает почти сканировать мужчину, несмотря на то, что тот стоит довольно далеко. Я знаю, зачем она это делает. Она запоминает его внешность, потом придумает, как ее зафиксировать. И Варька тоже его видит, ее губы делают привычное "О!"

Я, специально глядя в сторону, на ощупь достаю из сумочки телефон, чтобы сделать фотографию. Когда мне это удастся, мужчины уже нет.

С подозрением смотрю на Виктора Сергеевича, который стоит рядом со мной и время от времени оглядывается по сторонам. Он встречается со мной взглядом и прикрывает глаза. "Всё в порядке". Он не мог не заметить того мужчину, моих взглядов на него и реакции девчонок.

Значит, либо в сговоре с ним, либо не хочет показать, что что-то заметил. Разве не странно?

Глава 4. Там, где нежность сердца...

*Я вспоминаю детство,
и у меня заболевает нежностью сердце.*

Анатолий Мариенгоф

*Первое правило детектива:
хорошая зацепка ведет к другой зацепке.*

Облачный атлас (Cloud Atlas)

— Надо сказать Максиму, — робко предлагает Варька, у которой мы собрались на поздний завтрак, чтобы не потерять ни минутки из последнего дня моего пребывания в родном городе.

— Ни в коем случае! — не разрешаю я, поливая сметаной горячий сырник.

— Ага! — дуется Варька, трясая кудрями. — А меня всю испилили за мои тайны. За то, что помощи никогда ни у кого не прошу!

— Глупо втягивать Макса, — трезво спорю я с подругой. — Что я ему расскажу? Про папки? То, что отец собрал информацию на всех моих друзей и даже их родственников, это абсолютно логично. Макс даже не удивится. Сашка верно говорит: у самого Макса на нас еще больше информации, причем из первых рук. А отец за мной всю жизнь третьим глазом наблюдает.

— Дело не в папках на нас. Дело в восьмой папке! Почему мужик из этой папки материализовался возле тебя? Не просто же так? Что за триллер? Смотрит. Молчит. Не подходит — прячется. Надо попросить Макса что-то узнать об этом человеке. У Макса связи и возможности! — горячо убеждает меня Сашка. — А мы доморощенные сыщики. Тем более, тебя везде этот Виктор Сергеевич пасет!

— Кому-то надо было, чтобы ты эти фото увидела, — повторяется Варька, но она права. — И твой Виктор Сергеевич — ключ к этой информации. И разговор его телефонный с кем-то о тебе и фотографиях совершенно однозначен.

— Вчерашний кипиш в клубе — проверка действий Виктора Сергеевича. Он мне сам сказал, — вспоминаю я важное.

— Так и сказал? — поражается Варька.

— Значит, что-то знает точно! — Сашка решительно отправляет в рот кусочек горячего сырника. — Хочешь-не хочешь, а надо с него и начинать!

— Я пробовала — бесполезно! — сокрушаюсь я. — Вчера перед сном вывела его на разговор о случившемся, напомнила его собственные слова.

— А он? — Варька от любопытства чуть на падает со стула.

— А он ответил: "Вам, Валерия Ильинична, совершенно незачем опасаться чего-либо. Это была проверка моей способности вас защитить", — делюсь я самой свежей информацией. — А на мой вопрос, кто же его проверяет, осторожно ответил, что отец.

— Но ты не веришь? — уточняет Сашка. — Варька! Сырники — блеск! Георгошины?

— Сама! — трясет кудрями довольная Варя. — Галина Семеновна научила, конечно, но я всё сама: от теста до жарки.

— Умница! — хвалит Варьку Сашка. — Я тоже умею, но так вкусно не получается. Научи теперь меня — буду Ваньку баловать.

— Первый секрет — идеальная консистенция творога, — смеется довольная комплиментом Варя. — Второй — форма в виде маленьких шайбочек. И надо именно жарить, а не запекать. Еще добавлением муки или манки не увлекаться.

— Не увлекаться добавлением... — задумчиво повторяет за Варькой Сашка. — Это знак! Реально! Не надо пока никого привлекать. Надо выяснить, с кем твой охранник разговаривал.

— А это может быть маньяк? — вдруг пугается Варя. — Как твой Сергей-Филипп?

— Не мой, — привычно отрицаю я.

— Не-е-ет! — решительно вмешивается Сашка. — Я насчет Сергея давно передумала. Он не маньяк. Он несчастный мужчина, влюбившийся не в ту женщину. Он за столько лет Лерку пальцем не тронул. Даже целоваться не лез! Ведь не лез?

— Не лез, — подтверждаю я. — Но он меня очень напрягает!

— Остается только следить за твоим Виктором Сергеевичем, — резюмирует Сашка. — А что еще придумаешь? Что-то где-то скажет, проболтается... Как-нибудь себя выдаст.

Проболтается — это не про Виктора Сергеевича. Его статус — "непоколебимо невозмутимый". Только если случайно, как в первый раз.

— Какие планы на день? — живо интересуется Сашка, отвлекая себя и нас от темы разговора.

— Обедаю с мамой, — рассказываю я. — Ужинать надеюсь с вами.

— Я попробую всех собрать! — обещает Сашка. — Когда еще по-нормальному увидимся?

— Давайте только не в клубе! — просит Варя. — Давайте прогуляемся по местам боевой славы!

Глядя на наши удивленные лица, Варька довольно хихикает:

— По городу погуляем! К школе сходим. В "Пельменную". На лавочке в сквере посидим! — и с лукавой улыбкой читает стихи. — Чем пахнет детство? — мы забыли. Ириской, смехом, молоком... Чем пахнут взрослые? — банально. Парфюмом, грустью, коньяком.

— Твои? — смеется Сашка. — Я пахну Ванькой, цирковой лошастью и недосыпом.

— Нет. Не мои. Прочла где-то, не помню даже, где именно, — зеленые Варькины глаза сверкают нежностью и юмором. — Тогда я... я пахну...

— Максимом, фарфором и снова Максимом! — перебивает Варьку Сашка. — И по поводу фарфора Макс будет не согласен. А ты, Леруся?

Я? Я теряюсь, не зная, как ответить на этот вопрос. Сашка — молодая мама, в одиночку растящая сына. Она работает в нескольких местах, еще и подрабатывает по мелочам. Помощи ни у кого не просит. Варя — тонкая творческая натура, человек, которого мы все, не сговариваясь, всю жизнь оберегаем. От чего? Да от всего, что может ей навредить. Как так получилось — мы и сами не знаем. Как говорится, исторически сложилось. Они с Максом с двенадцати лет влюблены друг в друга. А "запах" фарфора у нее от коллекции, которую всю жизнь собирала ее бабушка Елизавета Васильевна с другом Михаилом Ароновичем. А я?

— Лерка пахнет хрусталем, надеждой и одиночеством... — вдруг говорит Варька, испугавшись того, что сказала, и покраснев.

— Почему хрусталем? — недоумеваю я. Надежда и одиночество меня никак не задевают. Это абсолютная правда. Я никогда не вру лучшим подругам.

— Ты прозрачная, — быстро объясняет Варька. — И фигура хрупкая, и глаза хрустально-серые. И потом... Кто с хрусталя ежедневно ест и пьет? Только по праздникам.

— Разве что... — усмехаюсь я. — Надежный одинокий хрусталь. Так бывает?

— Ну ты же есть, — пожимает плечами Варя. — И не надежный, а надеющийся. Это разные слова.

— Правда, Лерка, — серьезная Сашка отставляет кофейную чашку и утыкается подбородком в сложенные замком руки. — Сколько мужчин вокруг! Неужели ни разу сердечко не екнуло?

— Не помню, — искренне отвечаю я.

— Значит, ни разу! — Сашка грустно смотрит на меня. — Так и останемся мы с тобой старыми девами.

— Старая дева — мать-одиночка? — смеюсь я печально.

— Старая дева — это состояние души, а не физиологический недостаток, — насмехается над самой собой Сашка. — Я статистику смотрела: каждая третья семья с матерью, одной воспитывающей ребенка. А ты старая дева, потому что довериться никому не хочешь.

— Не могу, — коротко объясняю я.

— Вы меня расстроили, — обижается на нас Варька и, покраснев, спрашивает у Сашки. — Ты нам когда-нибудь расскажешь про отца Ваньки? Ой! Баба Лиза ругает меня за этот вопрос, чую левой пяткой!

— Расскажу, — угрюмо врет Сашка. Точно врет! Я ее двадцать три года знаю.

— Ты, Сашка, пахнешь, конечно, Ванькой. Но еще ответственностью и доверием! — важно заявляет Варька и начинает нас тормозить. — Ну так как? Гуляем?

— Гуляем! — дружно отвечаем мы с Сашкой, приводя Варьку в восторг способностью синхронизироваться.

— Куда уходит детство? В какие города? — шутит Вовка, когда наша шестерка встречается возле заветной лавочки в пришкольном сквере в семь часов вечера.

Старые липы едва шелестят золотисто-желтыми листьями. Вечер теплый и солнечный. И мы странно смотримся сейчас: шесть взрослых людей, собравшихся ненадолго вернуться в свое школьное детство.

— Ужинаем в "Пельменной"! — распоряжается довольная Сашка. — Для натурализации.

— Только на троллейбусе я не поеду! — паясничает, паникуя, Игорь. — Моя охрана с ума сойдет!

Мы радостно и свободно смеемся, оценив шутку Игоря.

— Помните, как мы играли в гадание на любимых? — спрашивает Варька, вырвав руку из руки мужа и усаживая нас на длинную деревянную скамью. Ее зеленые глаза сверкают от предвкушаемого удовольствия. Их загадочный блеск действует на нас, как всегда, парализующе и гипнотизирующе. Варька в коротком зеленом платье-пальто, цвет которого углубляет знакомую зелень ее удивительно красивых глаз.

— Варька! — хихикает Сашка. — Мы уже другие! И гадание другое получится.

— Вот и хорошо! — поддерживает Варькину идею Вовка. — Мне точно надо уточнить координаты любимой, а то мой навигатор сбился.

Вижу острый взгляд, брошенный Максимом на лучшего друга, неизменную усмешку Игоря, округлившиеся глаза Сашки и счастливую улыбку Варьки. Дурочка! Она радуется тому, что Вовка хотя бы в шутку строит новые планы на свою личную жизнь.

— Я уже нашел любимую! — сопротивляется Максим. — От добра добра не ищут!

— Нет! — капризно хмурится Варька. — Поиграем! Не сбивай меня с плана. Я всю ночь не спала, его придумывала. Сегодня я ваш экскурсовод и аниматор!

— Вот именно! — с нежностью ворчит Максим, лаская серо-голубым взглядом возбужденную происходящим жену. — Нашла себе задание на ночь замужняя жена! А молодой муж один ворочался с боку на бок и заснуть не мог!

— Не смущай меня! — тут же смущается стыдливая Варя. — Мы же не одни!

— Да ладно, Быстровы! — хохочет Сашка, аккуратно разглаживая на коленях ткань коричневых брюк. — Тоже мне секрет! Мы и так догадываемся, чем вы по ночам занимаетесь!

Успеваю увидеть, как приподнимаются брови Максима, как каменеет лицо Игоря и как легкая тень ложится на веселое лицо Вовки. Когда ж это закончится... Так хочется, чтобы наши мальчишки нашли свое счастье...

— Доставайте телефоны! — командует Варя, встав перед нами, рядом сидящими на скамье. — Будете писать в них. Итак... Сейчас, хорошо подумав, вы должны написать столько прилагательных, отражающих главные, приоритетные качества вашего избранника, сколько придет в голову. Их не надо вымучивать, брать с потолка. Это должны быть нужные вам качества.

В течение нескольких минут каждый из нас что-то пишет, уткнувшись в свой телефон. Оглядываюсь: и справа, и слева в нескольких десятках метров стоят охранники Игоря. Метрах в пяти от скамьи, на которой мы так дружно расположились, находится Виктор Сергеевич. Да... Реконструкция школьного детства страдает серьезными изъянами.

— Готовы?! — жизнерадостная Варька с любопытством смотрит на нас, и мы киваем. — Теперь сократите свои наборы до трех слов.

Вовка мучительно хмурит брови. Игорь легкомысленно усмехается. Сашка озабоченно стонет:

— Блин! Все жалко! Я такие классные напридумывала!

— Да уж... — поддерживает ее Варька, которая тоже играет вместе с нами. — Трудно, но надо!

— Готово! — докладывает Игорь.

— Теперь сокращайтесь до одного слова! — отдает распоряжение Варька. — И мы готовы вас слушать!

Через пару минут первой начинает Сашка, с некоторым удивлением глядя на собственноручно выбранное слово:

— Терпеливый.

Варька наклоняет голову, вглядываясь в Сашкино лицо, тоже удивленная таким выбором. Мне же всё понятно. Сашка — женщина-стихия, часто неуправляемая. С такой справится только очень терпеливый человек, иначе поубивают друг друга. И сама Сашка это подсознательно чувствует.

— Честная, — это уже Максим.

Паталогически прямолинейный человек. Надежный, воспитанный и порядочный. Мальчик, у которого было сложное детство, трогательно-трагическое из-за обмана отца.

Несмотря на профессию адвоката, он не приемлет обман и предательство. Варька слегка краснеет и улыбается мужу. Недавняя история их временного расставания и мнимой измены мужа еще свежа в памяти.

— Женственная, — прилагательное Игоря, сопровождаемое усмешкой.

Да. Нашему человеку-празднику, ни в чем не нуждающемуся, но в раннем детстве получившему не те уроки семейных отношений, имеющему, кроме матери и отца, еще и "мачеху с отчимом", очень хочется, чтобы рядом был образец женственности: чувствительная, сострадательная, нежная, мягкая, жертвенная. Ни я, ни Сашка под такое описание совершенно не подходим. Такая женщина совсем как... Варька. Ох...

— Верный, — глядя прямо в глаза Максиму, негромко говорит Варя.

Максим прикрывает глаза, давая понять жене, что он слышит ее. Да... Это лето началось с почти детективной истории "измены" Максима*.

— Искренняя, — называет свое слово и наш жизнерадостный заводила Вовка, исподтишка глядящий на Варьку ласково-предупредительно, нежно-внимательно.

Твою ж... Эх, Вовка, Вовка! Ничему тебя жизнь не учит... Чистосердечная, откровенная, правдивая, Варька всегда без всякого притворства выражает свои подлинные мысли и чувства.

Эх, мальчишки... Теперь будут искать похожую на Варьку, ни за что на меньшее не согласятся.

— Леруся? — ласково напоминает мне Варя о том, что я осталась последней, кто не назвал главное, определяющее качество.

— Я не смогла, — честно отвечаю я. — Вернее, смогла, но с "не".

— Как это? — не понимает меня Сашка.

— Каким он не должен быть? — быстро соображает Варька. — Очень любопытно, каким же?

— Огласите весь список, пожалуйста, — просит насмешливый Игорь, вытягивая длинные ноги. — Я буду запоминать, каким я не должен быть. Вдруг пригодится!

— Дарю! — смеюсь я, теплое чувство любви к лучшим друзьям окутывает домашним одеялом. — Не высокомерный, не эгоистичный, не вспыльчивый, не авторитарный, не безразличный, не безжалостный, не властный, не лицемерный и не мелочный, не ревнивый.

— То есть не такой, как твой отец? — догадывается сообразительная Сашка, грустно вздохнув.

— Дайте слово адвокату! — в ученическом жесте подняв руку, просит Максим.

— Говори! — важно разрешает ему Варька и артистично добавляет. — Слово предоставляется адвокату мужчин Быстрову Максиму Константиновичу.

Максим встает перед нами, коротким кивком поблагодарив Варьку за предоставленное слово:

— Хочу обратить внимание присутствующих на то, что к большей части названных Валерией Ильиничной мужских качеств можно подобрать синоним "равнодушный".

— Неправда! — горячо возражает филолог Варька юристу Максиму. — К высокомерному — смиренный, к эгоистичному — альтруистичный, к вспыльчивому — спокойный, уравновешенный.

— К авторитарному — демократичный! — подхватывает Сашка. — К безразличному и безжалостному — милосердный и сочувствующий.

— К властному — мягкий или безвольный! — усмехается Игорь, поддержав Максима.

— К лицемерному — прямой! — упрямится Варька, встряхнув тщательно уложенными кудрями. — К мелочному — щедрый, к ревнивому...

— Равнодушный! — веско перебивает жену Максим, взяв ее воинственно сжатый кулачок и поцеловав его.

— Нет! — возмущается Варя. — К ревнивому — доверяющий.

— Может, доверчивый? — играет словами улыбающийся Игорь.

— Вот! — Сашка вскакивает со скамьи. — Даже в подборе слов мужчины кичатся чувством превосходства над женщинами. Доверяющий — тот, кто безусловно доверяет.

— А доверчивый — позволяющий себя обманывать! — вторит ей Варя.

— Лера! — обращается ко мне Максим. — Тебе нужен смиренный, уравновешенный, демократичный, сочувствующий, мягкий, прямой, щедрый и доверяющий альтруист?

— Наверное, — растерявшись, пожимаю я плечами. — Вы всё так вывернули... Ты такой портрет нарисовал...

— Не я, — смеется Максим. — Ты.

— Хороший портрет! — хвалит всех Вовка. — Легко узнаю себя!

Мы смеемся, и я снова ловлю себя на мысли, как мне в жизни повезло: у меня есть такие удивительные друзья.

— Я с трудом, если честно, — вдруг говорит Сашка, — представляю рядом с тобой такого человека.

— Согласна! — присоединяется Варька. — Такой тебя ни за что не удержит!

— А зачем меня держать? — удивляюсь я. — И в чем?

— Всех женщин надо держать в ежовых рукавицах! — напыщенно и важно говорит Игорь. — А то распуститесь!

— О! — загадочно-зеленые глаза Варьки округляются вслед за губами. — Игореха! Ты женоненавистник? Мизогонист!

— Кто? — теперь округляет глаза Игорь.

— Мизогиния — неприязнь к женщине, их дискриминация по гендерному признаку.

— Красиво! — соглашается Игорь. — Но нет. Я любитель женщин.

— Ты наш любимый донжуан, казанова, ловелас, волокита, сердцеед, плейбой, женолюб, повеса! — тянется к Игорю с объятьями и поцелуем Варька.

Максим встает у нее на пути:

— Я не Леркин идеал, — шутит он с серьезными глазами. — Могу и не сдержаться, а назвать бабником, кобелем и распутником!

— Фи! — морщит носик довольная Варька. — Какие грубые слова! Лерка! Ты нарисовала Максима, если все "не" убрать.

Максим берет Варю за подбородок и нежно целует, ворча:

— Все поцелуи мои, Варвара Михайловна!

— Как скажете! — ласково отвечает покрасневшая Варька и снова командует. — Теперь в "Пельменную" ужинать!

— Папа второй сойдет с ума! — хохочет Игорь. — Когда ему отчет придет, где я провел вечер.

— Ты еще и сноб! — Сашка берет Игоря под руку.

— Не я! — возражает он. — Мамин муж.

— А я Ваньку несколько раз сюда водила. Ему страшно понравилось! — рассказывает нам Сашка, когда мы садимся за столик в углу зала. — Правда, тут уже и ремонт был

капитальный, и дизайн другой, но этот столик на месте нашего.

Официантка в легком шоке смотрит на нас, испуганно переводя взгляд с одного охранника на крыльце на второго у дверей. Виктор Сергеевич располагается за соседним столиком, заказав себе кофе.

— Мы серьезно будем ужинать пельменями? — недоверчиво переспрашивает Игорь.

— Да! — настаивает Варька. — Это историческая реконструкция, как ты не понимаешь!

— Ну, если реконструкция... — Игорь категорически настаивает. — Тогда плачу за всех я! Доставьте удовольствие, друзья мои!

Сейчас, стоя в роскошном огромном зале ресторана, где проходит праздничный ужин в честь юбилея отцовского партнера, я вспоминаю тот дружеский пельменный ужин, щедрого Игоря, спокойно-благородного Максима, трогательную Варьку, смешливую Сашку, доброгосредоброго Вовку.

— Лера! Ты сегодня вечером сопровождаешь меня на юбилей очень важного для меня человека! — говорит мне за завтраком отец. — Будь готова к семи часам. Хватит времени почистить перышки?

— Хватит, — спокойно отвечаю я, отпивая глоток апельсинового сока. — Они у меня не грязные.

Отец смеется и подмигивает мне.

— Поедете в магазин или будете заказывать на дом? — спрашивает меня Виктор Сергеевич.

Да. Еще одно преимущество жизни с отцом. Всё и вся можно получить на дом, стоит только захотеть.

— Нет, хочу пройтись по магазинам, — возражаю я, и со мной тут же соглашаются.

Молоденькая продавец со слегка подкачанными губками и милым курносом носиком обращается ко мне, хлопая накладными ресницами, которые ей очень идут, делая похожей на дорогую куклу:

— Есть предпочтения по цвету, материалу, фасону?

— Что-нибудь серебряное, платиновое, — говорю я, вспомнив свои новые туфли, к которым подойдет что-то серое. Да. Обязательно серое.

— Вы знаете, есть в новой коллекции перламутрово-ежевичное платье! — радостно восклицает девушка с бейджем "Татьяна". — Сейчас вынесу. Чай? Кофе?

Поблагодарив, отказываюсь и сажусь на маленький розовый кожаный диванчик в ожидании. И платье превосходит все мои ожидания. Фасон "Рукав епископа". Просторный рукав расширяется книзу и собирается на манжете. Платье с закрытой грудью, высоким глухим воротником и открытой спиной. Длина до середины икр. Чудесный цвет спелой, даже переспелой ежевики разбавлен серым перламутром.

— Примеряем? — с надеждой спрашивает Татьяна и, получив согласие, удаляется со мной за ширму. — Помочь?

— Да. Спасибо! — благодарю я ее, с наслаждением глядя чудесный материал и получая удовольствие от тактильного контакта.

— Вам очень-очень идет! — хлопает ресницами Татьяна. — Но надо подгонять. Чуть-чуть на талии широковато... Это займет пару часов. Зову портного?

— Да, — немедленно соглашаюсь я, влюбившись в платье с первого взгляда.

— У меня самая красивая дочь на свете! — говорит отец, восхищенно глядя на меня, церемонно целуя мою руку и подавая мне бокал холодного шампанского.

— Хороший отец должен был бы гордиться любящей дочерью, — спокойно упрекаю я его, получая удовольствие от того, что он досадливо морщится.

— Лера... — устало начинает он. — Я понимаю, что не был настоящим отцом в том смысле, какой в это слово вкладываешь ты... Но я старался им быть. Правда. Только это было непросто.

— Потому что ты обидел маму? — не хотела этого говорить, но сказала.

— Потому что я обидел тебя, — честно отвечает отец, такой элегантно красивый в сером костюме и серой, на пару тонов светлее, рубашке.

— Вы не первая и не единственная пара, которая развелась, — спокойно пожимаю я плечами. — Мне не семь лет, чтобы расстраиваться по-настоящему. Я выросла, папа.

— Я вижу, дочь, — улыбается мне отец. — И я горжусь тем, какой ты выросла.

— Зачем я здесь? — лениво интересуюсь я, оглядывая зал ресторана. — У тебя нет спутницы?

— Ты хочешь знать, нет ли у меня женщины? — тихо смеется отец, время от времени салютуя бокалом разным людям в зале. — За все эти годы у меня было немало женщин, но ни одна не подошла на роль постоянной спутницы. Не знаю, почему так получилось.

— Может, ты был слишком требовательным? — вдруг спрашиваю я, встречаясь глазами с глазами отца. — Хотел идеала, но не встретил?

— Не думаю, — не соглашается он. — Я с юных лет знал, что идеал не существует. Всё проще, Лера. Я так никого и не смог полюбить. А жить без любви оказалось невозможно.

Наверное, мои глаза стали больше возможного размера, так я удивилась этим словам отца. Мои представления о его жизненных целях были совершенно иными.

— Поэтому ты один? — осторожно предполагаю я.

— Поэтому я с тобой, — смеется отец, еще раз салютуя бокалом, но теперь уже мне. — Дочь — это другая любовь и другая гордость, не менее сильная, чем любовь к своей женщине. Иногда и более сильная, поверь мне.

Я не могу поверить. Пока не могу. Слишком долго отец был не со мной. Да и сейчас я с ним хоть и не по принуждению, но по договору. Просто я держу слово.

— Сейчас я познакомлю тебя с именинником, — переходя на деловой тон, говорит мне отец, жестом предлагая взять его под руку.

Мы подходим к невысокому изящному мужчине лет шестидесяти, который стоит возле фонтана из шампанского. Рядом с ним эффектная блондинка младше спутника лет на сорок, в коротком золотом платье. Пока мужчина смотрит на меня с неприкрытым восхищением, блондинка делает это же равнодушно, но очень внимательно.

— Николай! Позволь представить тебе мою единственную дочь Валерию, — тепло в голосе отца подсказывает мне, что между мужчинами по-настоящему дружеские отношения. — Валерия! Это Николай Игоревич, мой друг и партнер долгие годы.

— Очень приятно! — отмечаю я, не лукавя. На этого мужчину смотреть приятно. У него открытое лицо, добрая улыбка и мягкий взгляд светло-карих глаз.

— Потрясающе! — выдыхает Николай Игоревич. — Я, конечно, имел некоторое представление по фотографиям, но действительность превзошла все ожидания! Вы красавица, Валерия Ильинична Вяземская!

— Спасибо, — равнодушно отвечаю я на комплимент. — Князева. Валерия Князева.

— Да-да, простите, забыл, — искренне извиняется мужчина. — А это моя дочь Ада.

Блондинка кивает мне, продолжая дотошно рассматривать.

— Германия или Швейцария? — вдруг спрашивает меня девушка.

Приподнимаю бровь, показав легкое удивление.

— Нет, Ада! — гостеприимно улыбается ее отец. — Валерия приехала не из-за границы.

Она с рождения живет в России с матерью, но в другом городе.

— Я спрашивала, где Лера делала пластику, — недоуменно глядя на отца, объясняет Ада, дернув плечиком. — Думаю, что Швейцария.

— Господи, Ада! Что на тебя нашло? Это некрасиво! — испуганно глядя на меня и моего отца, отчитывает дочь именинник. — Простите еще раз, друзья!

Ада смотрит на отца и всех нас совершенно невинным взглядом, мол, "что такого особенного я сказала?" Решаю не достаивать ее ответом. Зачем? Сашка бы сейчас вlepила ей если не пощечину, то крепкое слово. Варька нашла бы что ответить, интеллигентно, но емко. Я же промолчу.

— Красота моей дочери природная, это позволяет здорово сэкономить, — неожиданно вступает за меня отец, и я вижу, как темнеют его глаза, предвещая бурю, но голос звучит мягко-иронично. — А ее воспитание выше всяких похвал. Ничего, Адочка, если ты, милая, хочешь добавить себе красоты, твой отец способен раскошелиться.

Адочка открывает рот, чтобы ответить, но Николай Игоревич цепко берет ее за локоть, что заставляет ее рот закрыть. Вижу, как Николай Игоревич еще сильнее сдавливает пальцы. Ада еле слышно пищит от злости и цедит:

— Извините, Валерия, вы меня не так поняли.

— Конечно, я вас извиняю, — улыбаюсь я, заставив Николая Игоревича судорожно вдохнуть, а Аду так же судорожно улыбнуться в ответ.

Вижу в глазах собственного отца и одобрение, и восхищение. Неожиданно всего за пару секунд эти чувства сменяются сначала тревогой, потом почти бешенством. Вряд ли завистливая Ада стала причиной такого эмоционального перепада. Отслеживаю отцовский взгляд: на другом конце зала стоит высокий широкоплечий мужчина в черном костюме, не отрывающий от нас взгляда.

Это он. Тот мужчина с фотографии. Мужчина из клуба "Лисий хвост". Мужчина, который стоял на противоположной стороне улицы, когда нас вывели из клуба во время тревоги.

Его взгляд скрещивается, но не с моим. С отцовским. И это смертельная схватка.

Глава 5. Ненависть

*Чем враждебнее окружающая среда,
тем лучше клетка или живое существо
развивают свои неизвестные до того таланты.*

Бернар Вебер

*Рабы, лгуны, убийцы, тати ли
— Мне ненавистен всякий грех.
Но вас, Иуды, вас, предатели,
Я ненавижу больше всех.*

Зинаида Гиппиус

— Почему он здесь? — холодный, даже ледяной вопрос задает мой отец своему другу.

На лице Николая Игоревича растерянность и досада, словно он до этого мгновения надеялся на чудо, но оно не произошло.

— Илья. Это не то, что ты подумал...

— Николай, я не застал тебя в постели со своей женой или дочерью, — сквозь зубы цедит мой отец, бережно, но крепко взяв меня за локоть, как будто защищая от опасности, одному ему ведомой. — Я удивлен, что он... твой гость.

— Это мой гость! — вмешивается в словесное противостояние мужчин Ада. — Я дочь именинника и имею полное право пригласить того, кого захочу.

— Это не твой праздник! — резко возражает мой отец. — И ты, Николай, прекрасно знаешь, что это значит для меня.

— Илья, честное слово, я... — неловко начинает оправдываться Николай Игоревич, но замолкает, потому что к нам подходит ОН в сопровождении симпатичного молодого блондина, чертами лица напоминающего... конечно, Аду.

— Добрый вечер, отец, сестренка! — молодой человек с искренними голубыми глазами пожимает руку своему отцу и поворачивается к моему. — Здравствуйте, Илья Романович! Я привел к вам...

Юноша смотрит на меня и резко замолкает, словно споткнулся на ровном месте. Наступает неловкое молчание, во время которого Николай Игоревич огорченно смотрит на моего отца, пытаюсь поймать его взгляд, Ада восторженно, по-взрослому смотрит на НЕГО, мой отец тоже не отрывает взгляда от НЕГО. В этом взгляде уже не мгновенно вспыхнувшее бешенство, как несколько минут назад, а настоящая, глубокая ненависть.

ОН же тоже, как и брат Ады, смотрит на меня, игнорируя взгляд моего отца. Его темно-карие глаза кажутся почти черными: во взгляде та же... ненависть, выстраданная, родившаяся не сейчас. Я не знаю этого человека, я никогда с ним не общалась. За что ему меня ненавидеть? Есть только один ответ — за отца.

Истуканом застывшего сына представляет мне Николай Игоревич:

— Лерочка! Это мой сын Андрей!

— Здравствуйте! — протягиваю руку для легкого пожатия, но оно получается тяжелым, почти невыносимым, потому что мою протянутую руку перехватывает большая и горячая

ЕГО рука.

— Хотелось бы тоже быть представленным.

Голос низкий, бархатный, о чем-то предупреждающий. Руку мою ОН продолжает удерживать. Сердце сбивается с ритма и пытается запуститься заново, но это у него пока не получается, поэтому оно просто не бьется, что вызывает гудение в ушах. Мою руку у НЕГО забирает мой отец, говорящий странные слова:

— Такое представление излишне! Хорошего вечера!

Отец быстро уводит меня от этих людей к самому дальнему фуршетному столу. Ведущий вечера уже представил певицу, вышедшую в центр зала с микрофоном, чтобы исполнить романс для именинника.

*В одни глаза я влюблена,
Я увлекаюсь их игрою...
Как хороша их глубина,
Но чьи они, я не открою.*

— Что происходит? — спрашиваю я медленно и осторожно. Сердце начало выполнять свою работу, наконец, запустившись. — Кто этот человек?

*Едва в тени густых ресниц
Блеснут опасными лучами,
И я упасть готова ниц
Перед волшебными очами.*

— Один старый знакомый, — с трудом отвечает мне отец, прикладывая заметные усилия, чтобы успокоиться и выровнять собственное дыхание.

*В моей душе растет гроза,
Растет тоскуя и ликуя.
Я влюблена в одни глаза,
Но чьи они, не назову я... **

— Насколько старый? — пытаюсь я пошутить. — Мне показалось, что ему...

— Ему тридцать девять лет, — резко отвечает мне отец и тут же смягчает тон. — Я назвал его старым, потому что веду с ним дела очень давно.

— Дела? — недоверчиво усмехаюсь я. — Ты ведешь дела с человеком, которого ненавидишь и который ненавидит тебя?

— Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой, — шутит пушкинскими словами отец. — Сейчас уже не веду. Не общайся с ним, пожалуйста.

— И не собиралась, — пожимаю я плечами, голой спиной ощущая ЕГО взгляд, который не отпускает меня ни на минуту. — Нам негде пересекаться, кроме как на встречах, куда водишь меня ты. Сама я никуда не хожу.

— До сегодняшнего вечера нам удавалось не пересекаться, — рассеянно-задумчиво

говорит отец, стоя спиной к НЕМУ. — Если бы я знал, что он будет здесь...

Я не прошу отца рассказать о НЕМ. Я мучительно думаю, что этому мужчине нужно от меня. Но для того, чтобы понять истоки такой глубокой ненависти к себе совершенно постороннего человека, я должна знать, что произошло между НИМ и моим отцом.

Я разворачиваюсь, и взгляд, прожигавший мне спину, теперь опалает колючим огнем кожу лица. И тут же его как будто тушит прохладой восхищения второй взгляд — взгляд Андрея. В нем и восторг, и вера в чудо. Взгляды обоих мужчин выражают желание: у НЕГО это сумасшедшая страсть, замешанная на ненависти, у Андрея мгновенная влюбленность, вспыхнувшая, как веселый огонь, охвативший сухой хворост. Взгляд же нежно-голубых глаз Ады перебегает с меня на брата и на НЕГО, потом пускается в обратный путь: от зависти ко мне к неудовольствию братом и к чистому женскому восторгу, брызгами которого она окатывает этот Памятник ненависти и страсти.

Сам Памятник могучей глыбой стоит в ярком людском потоке. Поток этот рассекается о него, дробясь на более мелкие. Отец сказал, что мужчине тридцать девять лет. Выглядит он значительно моложе, но ненависть, которая съедает его изнутри и требует выхода наружу, делает его значительно старше. Его глазам я дала бы и двадцать, за силу ярости и гнева, и все сорок-пятьдесят, за их глубину и горечь. Если сединой покрасить виски, то противоречие сгладится.

— Лера! Мне нужно срочно поговорить с Николаем, — начинает суетиться мой отец, что ему совершенно не свойственно. — Я отправлю к тебе Виктора Сергеевича.

— Хорошо, — соглашаюсь я, испытывая тяжесть трех взглядов и боясь ее не выдержать. — Может быть, мне можно уйти?

Отец внимательно вглядывается в выражение моего лица и, считав усталость и нервозность, соглашается:

— Да. Конечно. Так будет лучше для всех. Сейчас отдам распоряжение Виктору Сергеевичу.

Отец оставляет меня одну возле фуршетного стола, на который я кладу клатч и с которого беру бокал с минеральной водой и заставляю себя пить ее мелкими глотками. Лучшее средство успокоиться.

— Лера! — окликают меня, мужской голос мягкий, легкий, молодой.

Передо мной стоит Андрей. На вскидку ему лет двадцать пять. Он одет в стильный костюм-тройку с узкими укороченными брюками, серый в голубую полоску. Рубашка нежно-голубая, а галстук серебряно-голубой. Всё это делает его глаза насыщенными, яркими.

— Господи! — восклицает молодой человек. — Вы не можете быть реальной!

Вежливо улыбаюсь, ощущая, как на нас обрушивается разряд раздражения и презрения. И когда я научилась угадывать чувства по взгляду, которого не вижу?

— Вам, наверное, все так говорят? — тушется Андрей. — Не могут не говорить.

— Не все, — улыбаюсь я Андрею назло ЕМУ, надо же как-то и отвечать на нападение. — Только некоторые.

Зависнув на моей улыбке, Андрей непроизвольно протягивает ко мне руки и легко, почти не касаясь, берет за локти.

— Вы разрешите мне быть вашим кавалером на сегодняшнем вечере? — с надеждой спрашивает он, заглядывая в мои глаза.

Я только что получила подтверждение, что телепатия существует. Это абсолютно точно. Мой мозг взорвала чужая мысль: "Не позволяй к себе прикасаться!" Мысль эта ударила, как

шаровая молния, мощно и неотвратимо. Надо отбиваться. Я тоже беру Андрея за локти, и мы стоим как два старых приятеля, случайно встретившихся на вечеринке и несказанно обрадованных этой встречей. "Я сама решаю, к кому мне прикасаться!" — летит от меня к НЕМУ.

— Простите, Андрей! — моя вторая улыбка парализует молодого человека, и следующие мои слова он воспринимает как настоящий гипноз. — Но мне уже пора. Есть неотложные личные дела.

— Как жаль! — искренне жалея, восклицает Андрей, не отпуская мои локти.

Наши руки расцепляю я. Увеличиваю расстояние между нами тоже я. И тут же получаю новый сигнал: "Хорошо. Умница!" Даже трясую головой, чтобы сбросить наваждение.

Однажды Варька Дымова рассказала мне, что она придумала тараканов в голове. Не просто, чтобы посмеяться над расхожей поговоркой, а чтобы вести диалог с самой собой:

— Чтобы не сойти с ума и не получить раздвоение личности! — звонко и заразительно смеялась Варя. — Они меня совершенно не слушаются и постоянно противоречат! Когда я ссорилась с Максимом, мои тараканы лоббировали развод.

Тогда я тоже посмеялась над Варькиной фантазией, но теперь мне не смешно. Неужели я схожу с ума? Мне всего лишь тридцать лет! Но ЕГО чувства я отчетливо понимала, словно ОН их телепатировал. Скорее всего, это результат нервного перенапряжения: ОН преследовал меня несколько дней. Зачем? Чтобы напугать? Допустим, напугал. И что? Мне не хватает Сашкиной решительности и Варькиного сочувствия, от которого тепло, как от доброго летнего солнышка.

Виктор Сергеевич возникает за моей спиной, и я слышу короткий вопрос:

— Готовы?

— Было очень приятно познакомиться, надеюсь на скорую встречу, — почти не вру я расстроенному Андрею и покидаю опасный для душевного равновесия вечер.

Только когда я сажусь на заднее сидение автомобиля, вспоминаю, что оставила клатч на фуршетном столе.

— Я забыла клатч, — сообщаю я Виктору Сергеевичу.

— Опять? — щурится он, странно на меня глядя. — Это входит у вас в привычку.

— Память плохая, — и снова почти не вру.

— Оставайтесь в машине! — командует мой личный охранник и уходит за сумочкой.

Буквально через минуту после ухода Виктора Сергеевича хлопает водительская дверь — и за руль садится... ОН. От безотчетного страха и сумасшедшего по силе прилива адреналина я чувствую, как по телу проходит холодная волна: снизу вверх, сначала она ледяная, там, на кончиках пальцев ног, потом волна становится кипятком, здесь, в районе затылка.

Я начинаю говорить первой:

— Когда отец узнает о Викторе Сергеевиче, у вас никого не останется настолько близко находящегося к нему.

Мужчина поворачивается ко мне лицом и охватывает жадно-презрительным взглядом меня всю, отправляя волну в обратную сторону: из кипятка в лед.

— Bravo! — говорит он с неподдельным восхищением. — И как давно?

— С восьмой папки, — отвечаю я, медленно, но верно успокаиваясь.

— И какие версии? — обманчиво лениво спрашивает он.

Действительно, после моих слов торопиться некуда.

— Вы хотите чего-то от моего отца. Теперь, когда возле него появилась взрослая дочь, вы решили, что именно мной будете его шантажировать, — сообщаю я первое, что пришло мне в голову еще четыре дня назад.

— Неплохо, — хвалит он меня, глядя на мои губы. — Альтернативной версии нет?

— Альтернативной нет, — честно признаюсь я. — Есть только варианты этой. Давление. Похищение. И что-то в таком же духе.

— Соблазнение? — вдруг хриплым голосом добавляет он еще одну версию.

— Самая проигрышная, — нагло отвечаю я, глядя прямо ему в глаза. — Даже время не тратьте.

— Хорошо. Не буду, — серьезно отвечает он, снова опустив глаза на мои губы. — Считаете меня недостойным вашего внимания?

— Внимания — не знаю, для этого мы плохо знакомы. Чувств — да, недостойны, — смело измеряю я территорию, на которой мне позволено хамить.

И через секунду мне дают понять, что территория эта ничтожно мала:

— Я обязательно это проверю с вашего согласия или без.

Хлопает вторая передняя дверь — Виктор Сергеевич с моим клатчем. Мужские взгляды скрещиваются. Виктор Сергеевич первым опускает глаза.

— Четыре минуты, — тихо говорит мужчина, но в этом тихом голосе обещание скорой и беспощадной расправы. — Тебя не было четыре минуты. За это время можно украсть, убить, изнасиловать. Ты отстранен.

— Слушаюсь, — коротко отвечает Виктор Сергеевич, слегка бледнея. — С завтрашнего дня?

— С этой секунды, — твердо констатирует мужчина.

— Нет! — это уже я вмешиваюсь в разговор. — Виктор Сергеевич останется моим личным охранником. Другого мне не надо. Иначе...

— Иначе что, Валерия Ильинична? — мое имя в устах этого человека звучит как-то необычно: он словно попробовал его на вкус, и вкус этот ему понравился.

— Иначе это первая и последняя наша встреча, — равнодушно говорю я.

Это, конечно, и не угроза совсем, но это единственное, что приходит мне в голову. Тем более, надо как-то спасти Виктора Сергеевича, которого сама же и подставила. Но происходит неожиданное: мужчина в неподдельном удивлении приподнимает брови, словно не ожидал от меня ультиматума, и после некоторого раздумья насмешливо отвечает:

— Поторгуемся?

Пока я осмысливаю значение этого слова в нашей странной ситуации, он предлагает:

— На ежедневные встречи сговоримся?

— Встречи с вами каждый день? — скупой улыбнувшись, уточняю я.

Но даже такой едва заметной улыбки хватает на то, чтобы мужчина сжал челюсти и слегка прикрыл глаза, быстро гася вспыхнувшее чувство.

— Цель этих встреч? — осторожно интересуюсь я.

Мужчина едва заметно кивает, и Виктор Сергеевич, передав мне клатч, выходит из машины.

— Узнать друг друга поближе, — отвечает мне мужчина.

— Зачем? — позволяю ему увидеть, что я растерялась. А я растерялась.

— А вы не знаете? — из глубины карих глазах моего собеседника далекой тенью поднимается легкое презрение.

— А должна? — спокойно отвечаю я вопросом на вопрос.

Мужчина искренне-недоверчиво вглядывается в мое лицо в поисках фальши.

— Всё еще интереснее, чем я предполагал, — негромко говорит он. — Так как? Виктор остается возле вас — мы встречаемся ежедневно.

— Объяснения не было, — напоминаю я, ничего не понимая.

— Не хочу обгонять Вяземского. Пусть попробует первым. Ну уж если не решится... — мужчина вдруг резко протягивает правую руку в мою сторону и хватается меня не за руку, а за левое колено.

Крепкий захват сильных пальцев от неожиданности почти обжигает — я непроизвольно дергаюсь, но захват только усиливается. Точно будут если не ожоги, то синяки.

— Так вам нужен Виктор? Мы договорились? — каждое слово сопровождается дополнительным нажатием на колено.

— Отец просил меня не общаться с вами, — подбрасываю я новую тему для разговора.

— Неужели? — смеется мужчина открыто и искренне. Смех этот отправляет новую волну кипятка к моему затылку. — Вот так просто? Не общаться?

— Но это действительно просто, — с достоинством отвечаю я, не понимая причины странного веселья. — Разве нет?

— В нашей с вами ситуации это крайне сложно, — иронизирует мужчина, и понятнее не становится.

— Между нами есть ситуация? — спрашиваю я, глядя на свое колено, накрытое его ладонью. Боюсь, травма мне обеспечена: хватка не ослабевает.

— Спросите у Вяземского, — снова советует мужчина, начав круговые поглаживающие движения по моему многострадальному колену.

— А если он не скажет? — вдохнув, спрашиваю я, почувствовав прилив чего... возбуждения против воли?

— А вот если... — ласка моего колена сбивает с ровного дыхания хозяина руки, и он тоже не справляется с дыханием, только не вдыхает, а выдыхает, рвано, дергано, — Если он вам не скажет — тогда скажу я.

— Виктор Сергеевич? — напоминаю я.

— Он ваш, — отвечает мужчина, убирая руку с моего колена и выходя из автомобиля.

На водительское место садится Виктор Сергеевич, встречаясь со мной взглядом в зеркале заднего вида. Его серые глаза смотрят на меня внимательно, спокойно.

— Простите, — говорю я, не отводя взгляда.

Виктор Сергеевич улыбается мне в ответ и говорит:

— Всё в порядке. Вам не за что извиняться, Валерия Ильинична. Спасибо вам за помощь. Я ее недостоин.

— Как знать, — пожимаю я плечами. — Жизнь покажет, кто чего достоин.

— Вы мудро рассуждаете, — улыбается он.

— Долго живу, — шучу я. — Тридцать — это вам не двадцать.

— Несомненно, — с достоинством наклонив голову в знак согласия, отвечает мне Виктор Сергеевич.

С отцом я встречаюсь только за завтраком на следующий день. Он расстроен и молчалив, видно, что какие-то мысли не дают ему покоя.

— Мы поговорим? — мягко спрашиваю я, пытаюсь встретиться взглядом с глазами отца, которые он почти прячет.

— Мне не хотелось бы погружаться в эту тему, — честно говорит отец, наконец, перестав отводить взгляд.

— Но придется, — спокойно настаиваю я.

В отличие от взрывной Сашки и чувствительной Варьки, я редко волнуюсь или выхожу из себя.

— Лера! — эмоционально просит мой, в сущности, неэмоциональный отец. — Пусть эта старая история пройдет стороной. Всё уже случилось, и мы можем не говорить об этом.

— Не говорить о нем? — уточняю я, отодвигая тарелку с творогом. — Почему?

— Потому что этого человека не должно быть в нашей жизни — и его там не будет! — теперь передо мной мой отец, Вяземский Илья Романович, жесткий, непримиримый, чужой.

— Я могу хотя бы поинтересоваться, кто он и почему у вас такие напряженные отношения? — по-прежнему спокойно задаю я свои последние вопросы. — И как эти отношения могут отразиться на мне?

Отец морщится, как от надоедливой зубной боли, которая мучает его долгое время, и отвечает мне:

— Он никто. На тебе это никак не отразится.

— Имя у него есть? — изменяю своему принципу и всё-таки продолжаю настаивать, вспоминая крепкие пальцы на своей коленке. Кстати, наша первая встреча с "ником" оставила мне на память три маленьких синяка.

— Тебе не стоит его знать! — категорично отвечает отец, вставая из-за стола и давая понять, что разговор окончен. — Хорошего дня, Лера! В ближайшую субботу мы пойдем с тобой на открытие выставки, которую я спонсирую.

— Выставка чего? — уточняю я, не споря.

— Выставка произведений инвалидов-колясочников, — удивляет меня отец.

После обеда, который провожу в одиночестве, я усаживаюсь читать в зимнем саду отцовского загородного дома. Здесь меня и находит Виктор Сергеевич.

— Вам просили напомнить, что вы встречаетесь сегодня в пять часов вечера.

— Кто? — спрашиваю я безразлично, не отрывая взгляда от книги и внутренне замерев.

Виктор Сергеевич не отвечает. Поднимаю на него глаза. Мужчина усмехается.

— Понятно, — действительно всё понимаю я и встаю, чтобы уйти в свою комнату.

Через секунду меня окликает Виктор Сергеевич:

— Валерия Ильинична!

Медленно оборачиваюсь и, не меняя безразличного выражения лица, вежливо жду.

— Никита Алексеевич Верещагин.

Поиски в интернете приводят меня к некоторым предварительным выводам.

Во-первых, Верещагин Никита Алексеевич — сын известного политика и бизнесмена Верещагина Алексея, скончавшегося более десяти лет назад.

Во-вторых, лучшими друзьями и партнерами ныне покойного всемирная паутина называет Вяземского Илью Романовича и вчерашнего именинника Николая Игоревича Виноградова. (Надо же! Все фамилии на "В")

В-третьих, Никите Верещагину действительно тридцать девять лет и он владеет бизнесом по продаже медицинского оборудования в России и ближнем зарубежье.

В-четвертых, до недавнего времени господин Верещагин был завидным холостяком, а теперь, по данным желтой прессы, уже женат. Причем, подробности заключения этого брака вездесущим гламурным журналистам совершенно неизвестны, как неизвестна и счастливая

обладательница такого завидного мужа. Любопытные пользователи сети делают ставки на восходящую звезду центрального телевидения журналистку Елену Барон, бывшую балерину Большого Екатерина Воронину и скромного библиотекаря с дворянской родословной Маргариту Ковалевскую.

Фотографий и видеозаписей о Верещагине немного. Большинство интервью, касающихся деятельности его фирмы, дает его заместитель или руководитель пресс-службы. Светские фото связаны с благотворительными мероприятиями или вышеупомянутыми предполагаемыми "женами".

Трачу время на догадки: мне тоже становится вдруг интересно, кто же из трех молодых женщин всё-таки она, его возможная жена.

Журналистка кажется наиболее подходящей версией: высокая брюнетка лет двадцати пяти, умеющая себя подать. На одном из фото они на вечеринке в ночном клубе смотрятся как настоящая звездная пара. Всё в Елена Барон яркое и эффектное: и черные блестящие волосы до плеч, и большие карие глаза, и пухлые губы, и коллекционные сережки стоимостью как небольшая яхта.

Екатерина Воронина познакомилась с Верещагиным в детском хосписе на благотворительном мероприятии. Она явно старше Барон лет на десять, но тоже знает себе цену: изящная светская львица — блондинка с короткой стрижкой и следами пластики на красивом волевом лице.

Маргарите Ковалевской тоже, как и Верещагину, почти сорок, но выглядит она на двадцать. Невысокая стройная рыжеволосая женщина с умными зелеными глазами. Милое лицо с курносом носиком и незагримированными веснушками. Знакомы с детства, выросли вместе. Теперь понятно, как она попала в этот список. Рядом с ним Ковалевская смотрится слишком просто, но вполне достойно.

Загадываю, чтобы женой Верещагина оказалась скромная библиотекаряша. Тогда он в моих глазах станет более человечным. Пока же господин Верещагин удостоивается званий "нетерпимый", "недобрый", "ненавидящий". Опять сплошные "не".

— Где мы встречаемся? — обращаюсь я к Виктору Сергеевичу, не зная, как мне одеться.

Ответ приводит меня в состояние крайнего замешательства.

— Зоопарк? Правда? — почти смеюсь я. — Он любит животных или намекает, что дрессировщик?

Виктор Сергеевич не позволяет себе ответить.

Зоопарк так зоопарк. Тогда всё значительно проще. Серый брючный костюм спортивного стиля, короткое голубое пальто и легкие спортивные туфли.

— Вы не боитесь гнева моего отца? — своим вопросом застаю врасплох Виктора Сергеевича, ведущего машину.

— Скажем так, — вежливо отвечает мужчина, — опасаясь, но не боюсь. И мне, и вам стоит бояться гнева совершенно другого человека.

Больше я вопросов не задаю, переваривая полученную информацию. Верещагину что-то от меня надо, скорее всего, отомстить отцу с моей помощью. Видимо, у него есть способ заставить меня это сделать. По крайней мере, он точно так думает. И скоро я узнаю причину такой сильной ненависти к господину Вяземскому. Думаю, история старая и касается отца Верещагина. Но насколько я знаю собственного, справиться с ним будет непросто, недаром он единственный смог быстро и без последствий помочь Максиму Быстрову, когда я попросила.

Верещагин ждет меня у центрального входа с двумя билетами в руках. Высокий, крепкий, хмурый.

— Добрый вечер! — недовольно говорит он, интонацией совершенно противореча собственным словам.

— Как скажете, — не споря, соглашаюсь я. — Пусть этот вечер будет добрым. Зоопарк — это какой-то символ или вы решили скормить меня тиграм?

— Давно не был, — отвечает он, продолжая хмуриться. — А тигры отравятся.

Сашка бы точно влепила пощечину, Варька — развернулась бы и гордо ушла. Я же пожимаю плечами:

— Вам жаль тигров?

— Мне хочется отравить совершенно другого хищника, — откровенно говорит Верещагин.

Возле водного вольера с фламинго мы останавливаемся. Длинноногие птицы с мощными клювами и гибкой шеей мне не нравятся. Вода у берега запруды пестрит коралловыми пятнами.

— Интересно, — равнодушно начинаю я неизбежный разговор. — Если вас кормить морковкой или ракообразными, вы станете розовым?

— Мне не пойдет розовый, — развернувшись ко мне, отвечает Верещагин. — Валерия...

— А к вам? — перебиваю его я. — К вам как обращаться?

— А вы не знаете? — и снова в голосе презрение, такое явно ощутимое, что хочется сделать шаг назад.

Но такой шаг я не делаю. Только слегка запрокидываю голову. Несмотря на мой немаленький рост, я ниже Верещагина на полголовы.

— Знаю. Пару часов я знаю, что вы Никита Алексеевич Верещагин. Вам не идет это имя.

— Отец вам что-то рассказал? — карие глаза прищуриваются и строго смотрят на меня, сползая взглядом на мои губы.

— Нет. Цитирую: "Он никто. На тебе это никак не отразится", — вспоминаю я, и сжатые челюсти и сомкнутые губы становятся индикаторами его неудовольствия.

Похоже, я на верном пути. Только выведя Верещагина из себя, я могу получить хоть какую-то информацию.

— Может быть, не будем искать клетку с тиграми, а вы просто скажете, что вам от меня нужно? — насмешливо спрашиваю я, глядя на бродящих по колена в воде фламинго. Ну не нравится мне это "дитя заката"...

Верещагин смотри на меня странно и недоверчиво, явно хочет сказать что-то резкое и неприятное, но заметными глазами усилиями берет себя в руки.

— Надо обязательно посетить обезьянник. Это мое любимое место в зоопарке. Не был там лет тридцать.

— Прекрасно, — снова не споря, соглашаюсь я. — Обезьяны так обезьяны.

— Вы всегда такая покладистая? — зло спрашивает меня Верещагин, когда мы медленно идем по дорожкам парка в сторону обезьянника.

— Мое согласие посмотреть на обезьян вряд ли говорит о моей покладистости в жизни, — мягко возражаю я, оглядываясь, чтобы посмотреть, где Виктор Сергеевич.

— Его нет и не будет, пока я его не позову, — усмехается Верещагин. — Думаете, он вас защитит?

— Это вы так думаете, — усмехаюсь уже я. — Раз приставили его ко мне.

— Он лучший, — просто, без пафоса объясняет Верещагин. — У вас должно быть всё самое лучшее.

— Это забота моего отца — не ваша, — замечаю я, решив улыбнуться.

Просто резко останавливаюсь и, махнув высоким хвостом, улыбаюсь. Мужчина смотрит на меня с таким явным восхищением, что на несколько секунд с его лица и из глаз исчезает отпечаток презрения и высокомерия.

— Вы уверены? — берет себя в руки Верещагин и неожиданно добавляет. — Давайте посмотрим на обезьян, а потом поговорим.

Киваю, ничего не отвечая. Надо подумать. Пока происходящее выглядит странно и нелепо. Но я никуда не тороплюсь. Подожду, когда мне всё объяснят.

— У вас есть любимый вид обезьян? — вдруг спрашивает меня Верещагин, когда мы заходим в павильон.

— Все, — отвечаю я. — Кроме орангутанов.

— Почему? — удивляется он.

— Это старая история, и она касается только меня и моих друзей, — сообщаю я и иду к клетке с шимпанзе.

— А я люблю обезьян, — вдруг доверительно говорит моему уху Верещагин, крепко взяв за локоть. — Они очень похожи на нас.

— Трудно спорить, — соглашаюсь я. — Человекообразие нас роднит.

— Один умный человек рассказал мне, что шимпанзе часами могут наблюдать за закатом или любоваться предметами искусства, — Верещагин встает позади меня и прижимает мою спину к своей груди, чтобы шепотом продолжить. — Некоторые приматы занимаются любовью не для того, чтобы завести потомство, а чтобы получить удовольствие.

— Вы намекаете на то, что относите себя к приматам? — мягко, но решительно освобождаюсь от объятий.

— Просто вспомнил, — пожимает он плечами, но меня больше не трогает. — Так что же сделали вам орангутаны?

— Не все, — отворачиваясь от вольера, отвечаю я. — Только один. Напугал. И пугает до сих пор.

Правая бровь Верещагина приподнимается в безмолвном вопросе.

— Вас некому защитить?

— Я похожа на незащищенную? — отвечаю я вопросом на вопрос, подняв лицо к нему и глядя в его потемневшие глаза и на напрягшиеся скулы.

— Похожа, — шепотом говорит он, неожиданно проводя пальцем по моей щеке. — И хочется защищать, но...

— Но надо скормить тиграм! — весело перебиваю его я, прерывая наш зрительный контакт. — Или их всё-таки жаль?

— Жаль, конечно, — соглашается Верещагин. — Они сильные, красивые. Их надо побеждать в честной схватке, а не травить. Вы хотите мороженое?

Последний вопрос, заданный в нарушение логики предыдущего разговора, заставляет меня повторить его.

— Мороженое?

— Да, — серьезно говорит мне Верещагин и вдруг берет меня за руку, уводя из обезьянника.

Мы сидим за маленьким столиком в кафе-мороженое, перед нами стоят стеклянные розеточки с пломбиром. Но ни он, ни я его не едим. Он вообще не прикасался. Я размешала порцию до состояния густой сметаны.

По телевизору, висящему в углу помещения, идет новостная программа, которую ведет... Елена Барон. Не удерживаюсь от сарказма:

— Не ваша жена?

Верещагин поднимает глаза на экран, потом переводит их на меня.

— Нет, не моя.

— Тогда Екатерина или Маргарита? — с любопытством спрашиваю я. Мне очень хочется проверить свою теорию и узнать, права ли я в своем предположении.

— Нет. Не они, — усмехается Верещагин. — Но я действительно женат. Почти месяц. На тебе.

Глава 6. Жена Верещагина

- Ты когда-нибудь слушал тишину, Ежик?
- Слушал.
- И что?
- А ничего. Тихо.
- А я люблю, когда в тишине что-нибудь шевелится.
- Приведи пример, — попросил Ежик.
- Ну, например, гром, — сказал Медвежонок.

Сергей Козлов "Сказки о Ёжике и Медвежонке"

*Семья — театр, где не случайно
у всех народов и времен
вход облегченный чрезвычайно,
а выход сильно затруднен.*

Игорь Губерман

Медленно поднимаю глаза на Верещагина, сидящего напротив. Он безотрывно смотрит на меня и молчит, выискивая в выражении моего лица что-то, известное ему одному.

Шутка? Не похож он не шутника. Розыгрыш? Не вижу смысла? Ложь? Во имя чего? Правда? Как такое вообще возможно?

Не дождавшись от меня всплеска эмоций, мужчина, назвавший себя моим мужем, точнее, меня его женой, недоуменно выгибает красивые брови и недоверчиво спрашивает:

— Неужели ты уже привыкла к этой мысли или Вяземский как-то тебя успокоил? Что же он пообещал? Быстрый развод?

— Именно я ваша жена? — уточняю я, не переходя на "ты" и начиная есть мороженое, аккуратно, по ложечке.

Верещагин смотрит раздраженно:

— К сожалению, именно ты!

— Так в чем же дело? — отправляю в рот третью ложку, вкуса не чувствую. — Давайте разведемся, пока не надоели друг другу.

— Вся в отца, — со злостью выплевывает Верещагин. — Потрясающая выдержка.

— Не похоже на комплимент, — усмехаюсь я, отодвигая от себя мороженое.

— А это и не комплимент, — наклоняется он ко мне. — Это констатация факта.

Запах табака и лимонной мяты отчетливо щекочет мои ноздри.

— Вернемся к фактам, — киваю я послушно, поймав на себе заинтересованный взгляд двух молодых мужчин, пьющих пиво за соседним столиком. — Можно посмотреть свадебные фотографии?

Верещагин хмурится и резко разворачивается к молодым людям, смотрящим на меня. Они тушуются и отворачиваются.

— У меня есть кое-что получше фотографий, — из внутреннего кармана пиджака Верещагин достает... свидетельство о браке и кладет передо мной.

Так. Свидетельство о заключении брака. Верещагин Никита Алексеевич. Гражданин

России. Дата рождения. г. Москва. Князева Валерия Ильинична. Гражданка России. Дата рождения. г. Санкт-Петербург. Заключение брака третьего сентября этого года. О чем составлена запись акта о заключении брака №... После заключения брака присвоены фамилии: мужу Верещагин, жене Князева. Место государственной регистрации г. Москва.

— Хорошо, что я оставила себе свою фамилию, — удовлетворенно говорю я. — Я за нее долго боролась. Не хотелось бы менять. Тем более ваша мне не нравится.

Крылья носа Верещагина слегка раздуваются, выдавая силу его раздражения. Один из молодых людей продолжает меня разглядывать, и я ему улыбаюсь. Глаза Верещагина сужаются, и он отрывисто произносит, по-моему, даже шутит:

— Будь скромнее... при живом-то муже.

— Не уверена, что я ваша... жена, — мягко возражаю я. — Может, всё-таки пару фоток? Для убедительности. Я, видимо, слегка перебрала во время торжества, и этот радостный день выветрился из моей памяти. Хотя я не пью. Вас бы расстроила жена-алкоголичка?

— Меня расстраивает сам факт наличия у меня жены, — отвечает мне Верещагин и добавляет. — Но это была превентивная мера.

— Я уже предлагала вам развод. Вы не отреагировали, — напоминаю я, вздохнув.

— Неужели правда? — самого себя спрашивает мужчина, а потом и меня. — Вы и в паспорт не заглядывали?

Паспорт. Он всегда в моей сумочке. И я его никому не давала. Помедлив пару секунд, достаю свой паспорт.

— Страница четырнадцатая, — вежливо подсказывает мне Верещагин.

"Зарегистрирован брак. Третье сентября. ФИО супруга Верещагин Никита Алексеевич".

— Убедительно, — осторожно говорю я, чувствуя дрожь в коленях и тщательно стараясь ее скрыть. — Никогда не открывала эту страницу. Нет привычки перед сном перечитывать паспорт. Оказалось, зря...

Верещагин настойчиво сканирует мое лицо в поисках фальши.

— Не знала, — приходит он к выводу.

— Не знала, — подтверждаю я, наконец, уняв раздражающую дрожь. — Это вы или мой отец?

Верещагин с досадой оборачивается на настойчиво улыбающегося в ответ на мою улыбку мужчину и бросает:

— Разговаривать будем в другом месте! Поехали!

Верещагин встает и протягивает мне руку. Игнорирую ее и встаю из-за стола без его помощи.

— Нет, — твердо отвечаю я. — С вами, господин Гагарин, я никуда не поеду.

Сегодняшнее свидание закончено. До завтра.

— До завтра? — растерянно переспрашивает он.

— Мы же сторговались на ежедневные встречи? Я верно помню? — радушно улыбаюсь я теперь уже только ему. — Или вы передумали и мы прекращаем наши встречи?

— Неужели тебе не любопытно узнать, как мы поженились? — Верещагин засовывает руки в карманы и сжимает их в кулаки.

— Как вы это сделали, мне более-менее понятно, — пожимаю я плечами. — Технические детали меня не интересуют. Кто воровал паспорт, кто ставил штамп и за какие деньги... Мне, действительно, любопытно зачем. Но я дотерплю до завтра. Хорошего вечера!

Успеваю даже выйти из кафе и пройти пару шагов, когда меня крепко берут за локоть,

останавливая.

— Дорогая женушка! — горячий шепот приподнимает мелкие волоски на моей шее, некстати напоминая мне, что лимонная мята называется мелисса. — Ты чего-то не поняла! У нас домострой и патриархат. Это я решаю, когда в нашей семье что-то начинается и когда что-то заканчивается.

Разворачиваюсь к нему лицом, почти приближаю губы к его губам, и шепчу парализованному моими действиями мужчине:

— Милый муж! У нас семейная демократия и полное равноправие. Я поехала домой. Верните моего Виктора Сергеевича. Встретимся завтра, и вы мне расскажете, как мы познакомились, как полюбили друг друга, как решили пожениться. У нас будет настоящая романтическая встреча. Постарайтесь меня впечатлить. Хорошего вечера больше не желаю, передумала.

Верещагин больше не удерживает меня, и я одна иду к выходу из зоопарка, специально свернув к вольерам для кошачьих. Огромный холеный тигр смотрит на меня холодно, почти безразлично. Мощные лапы восхищают меня даже больше, чем по-восточному раскосые желтые глаза.

— Я была твоим ужином, — доверительно сообщаю я животному. — Но ты перебьешься.

Тигр смотрит на меня внимательно, меняя безразличие на сожаление.

— Пока! — машу я ему ладошкой.

— Разговариваете с тигром? — в голосе подошедшего Виктора Сергеевича добрая усмешка. — Что отвечает?

— Сожалеет, что не познакомились ближе, — рассказываю я совершенно серьезно. — Я была его ужином.

Отец ждет меня ужинать, сидя над пустой тарелкой. Быстрый и острый взгляд его напоминает тигриный.

— Гуляла?

— Ходила в зоопарк, — отвечаю я, усаживаясь за стол.

— Зоопарк? — отец искренне удивлен. — Неожиданно.

— Давно не видела тигра, — сообщаю я, разворачивая салфетку.

— Понятно... — рассеянно комментирует мои слова отец. — Тебе скучно?

— Да, — киваю я равнодушно. — Я привыкла работать и проводить время с друзьями.

— Работай, проводи, — тут же реагирует отец. — Разве я мешаю?

— Нет, не мешаешь, — соглашаюсь я. — Но, живя в разных городах, трудно делать это настолько часто, как я привыкла.

— Хорошие у тебя друзья, — вдруг говорит отец, кивком благодаря пожилую кухарку за положенные на тарелку тушеные овощи. — Верные. И дружите столько лет. Ты к Жданову не присматривалась?

— Игорю? — по-настоящему удивляюсь я. — К нашему Игорю?

— Интересный человек, по моим данным, — осторожно отвечает отец, приступая к еде.

— Он прекрасный человек! — возражаю я. — Один из лучших.

— Так в чем же дело? — продолжает прощупывать почву отец. — Он тебе не нравится?

— Ему не нравлюсь я, — смеюсь, видя, как вытягивается лицо отца. — Он всю жизнь влюблен в совершенно другую женщину.

— А ты? — во взгляде отца появляется какое-то странное чувство. — Ты этим расстроена?

— Расстроена? — отцу удается меня удивить. — Игорь — мой друг, друг детства. Как Владимир или Максим. Нас связывает очень глубокое чувство. Это не любовь. Это дружба, долгая и честная.

— Глупости, — мягко возражает господин Вяземский. — В тебя невозможно не влюбиться. Скорее всего, они просто и не надеялись на успех и взаимность.

— Папа, — тихо обращаюсь я к отцу, отпивая глоток минеральной воды. — Ты хочешь выдать меня замуж?

Отец хмурится и, отложив вилку, смотрит на меня, слегка прищурившись.

— Ты не хочешь замуж? Тебе...

— Мне тридцать. Это не смертельно, — быстро перебиваю я. — И я сама буду решать, выходить ли мне замуж и за кого.

Мне показалось или отец слегка покраснел, а потом побледнел?

— Безусловно, — кивает отец и мне, и кухарке, которая кладет на его тарелку кусок белой рыбы, приготовленной на пару. — Чем планируешь заняться завтра?

— Почитать, поболтать с подругами по телефону, погулять в каком-нибудь красивом месте, пока эта странно чудесная осень не изменилась, — рассказываю я, отказавшись от рыбы.

— Хорошо, прекрасные планы, — слишком быстро соглашается отец, но я не даю ему расслабиться:

— Ты, наверное, хотел рассказать мне о том мужчине?

Отец не делает вид, что меня не понимает. Он просто молчит, пережевывая кусочек рыбы.

— О том, из-за которого ты так расстроился на юбилее друга, — терпеливо напоминаю я. А что изменится от того, что я буду нервничать?

— Я понял, — отвечает отец, — о ком ты говоришь. Повторюсь, это лишняя информация. Этот человек тебя никогда не побеспокоит.

Внимательно смотрю на отца, выискивая в выражении его лица признаки беспокойства и лжи. Не вижу. Или не знает, что я «жена» человека, который меня «никогда не побеспокоит», или держится лучше профессионального игрока в покер.

— Я хотела бы иметь информацию. Предупрежден, значит, вооружен, — стараюсь быть убедительной.

Отец перестает есть и откидывается на высокую спинку стула. И когда мне кажется, что он так ничего и не скажет, он начинает говорить:

— Это Никита. Никита Алексеевич Верещагин. Сын моего лучшего друга Алексея, к сожалению, погибшего десять лет назад.

Терпеливо молчу, не задавая вопросов.

— По нелепой, ему одному известной причине, Никита долгие годы считает именно меня виновником смерти своего отца и причиной настойчивого затворничества матери.

— Почему именно тебя, а не Николая Игоревича? — логичный вопрос рождается сам собой. — Он ведь тоже был другом Алексея Верещагина?

— Он тоже, — тихо отвечает отец, задумываясь, но не отвечая на мой вопрос.

Отец надолго замолкает, потом делает знак, чтобы ему налили чай.

— Как Виктор Сергеевич? — закрывая предыдущую тему, спрашивает отец. — Не

докучает тебе?

— Не докучает, — закрываю тему и я.

В полной тишине мы заканчиваем ужин и расходимся по своим комнатам.

— Вам записка, Валерия Ильинична, — Виктор Сергеевич стучится в мою комнату поздним утром.

Завтракала я в одиночестве, отец уже уехал по делам. После завтрака ушла в свою комнату, забралась с ногами на маленький диванчик и позвонила Сашке.

— Лерка! — неподдельная радость в голосе Сашки греет сердце. — Как дела, подружка?

— Всё хорошо, — уверенно отвечаю я. Но Сашку не проведешь. Всё-таки дружим двадцать два года.

— Рассказывай! — зловещим шепотом приказывает Сашка. — Что он тебя заставляет делать?

— Отец ничего меня не заставляет делать, — грустно смеюсь я, делая акцент на первом слове.

Сообразительная Сашка тут же реагирует:

— Это прекрасно! Когда встретимся вживую? Поболтаем о пустяках, — Сашка ставит логическое ударение на последнее слово.

— Я же два дня назад от вас уехала, — напоминаю я, чувствуя, как успокаивающий бальзам дружеской поддержки оказывает мгновенный лечебный эффект.

— Тогда по телефону надо наболтаться! — настаивает Сашка, намекая на специальный разговор.

— Пойду прогуляться и перезвоню, — обещаю я, глядя на входящего в комнату после стука Виктора Сергеевича.

— Записка от... — я не заканчиваю фразу.

— Да, — сложенный вчетверо лист голубой бумаги оказывается у меня в руках.

Сто лет не получала настоящих бумажных записок. Только сообщения на телефон.

«Романтический вечер назначен на 20.00. Патриаршие», — сухие слова, написанные крупным мужским почерком, и маленькое сердечко, настоящей издевкой стоящее возле точки.

— Я буду готова к 19.30, — спокойно сообщаю я Виктору Сергеевичу.

— Вас куда-нибудь отвезти? — мой личный охранник смотрит на меня с беспокойством. — Или будете заказывать мастера на дом.

— Положусь на вас, — мягко отвечаю я, не понимая и не разделяя его беспокойства.

— Я бы предпочел, чтобы вы остались дома, — отвечает Виктор Сергеевич.

И это звучит так, словно его предпочтение касается не моего выхода в салон, а самой «романтической» встречи.

— Я вас послушаюсь, — соглашаюсь я. — Тогда как в прошлый раз.

В прошлый раз ко мне приезжали два мастера, которых подбирал Виктор Сергеевич.

За полчаса до назначенного времени я стою на берегу пруда, кожей ощущая таинственность атмосферы. Варька Дымова со своей бабушкой раз в год обязательно приезжала в Москву, в том числе и для того, чтобы сходить в музей Булгакова и погулять на Патриарших прудах.

— Я у Варьки. Ты на громкой связи, — предупреждает меня крайне взволнованная Сашка. — Макса нет. Он на деловой встрече. Говори свободно!

— Привет, Леруся! — слышу я приветствие Варьки и улыбаюсь от уха до уха, что, в общем-то, мне не свойственно. — Чем и как тебе помочь?

Смотрю на белого лебедя, чинно плывущего по гладкой поверхности пруда, и не знаю, что ответить. Можно ли вообще мне помочь?

— Я пока еще сама мало в чем разобралась, — негромко говорю я в трубку, оглядываясь на Виктора Сергеевича, стоящего от меня достаточно далеко. — Но с мужчиной с фотографии я встречалась и даже разговаривала.

— О! — восклицает Варька. — И что ему надо?

— Маньяк всё-таки? — паникует Сашка.

— Хуже, — вздохнув, отвечаю я на реплики подруг. — Муж.

— Чей муж? — недоумевает Сашка.

— Как выяснилось, мой... — эффектно сообщаю я.

Продолжительности наступившей паузы позавидуют лучшие театральные мастера.

— П...! — неинтеллигентно восклицает Сашка, на что Варька неожиданно реагирует словами:

— Совершенно согласна с тобой!

— Отец хочет выдать тебя замуж? — пытается понять происходящее в моей жизни Сашка.

— Мне кажется, что отец не в курсе, — осторожно предполагаю я. — Или делает вид, что не в курсе.

— Этот странный мужчина хочет на тебе жениться? — допытывается Варька. — Второй Сергей-Филипп.

— Он не хочет. Он уже на мне женился, — сознаюсь я, и реакция подруг не заставляет себя ждать.

— Когда?! — кричит Сашка.

— Почему?! — вопит Варька.

— Третьего сентября, — объясняю я. — По крайней мере, так написано в документах.

— Каких документах? — тупит Сашка.

— В моем паспорте — раз. Еще есть свидетельство о заключении брака — два, — невесело считаю я.

— Как такое возможно? — не верит мне Варька. — Как можно выйти замуж, не зная этого?

— Как вышла я, — на мой грустный и неуместный смех оборачивается стоящий спиной ко мне Виктор Сергеевич. — Когда — знаю, осталось узнать — почему.

— Он влюблен? — начинает размышлять Сашка, забрасывая вопросами. — Не смог удержаться и всё это организовал?

— Это была моя первая мысль, — сознаюсь я. — Но это точно не так. Его ненавистью можно бутерброды намазывать.

— И моя первая! — поддерживает меня Сашка. — Она самая логичная! Видимо, у него денег и власти, как у твоего отца. С такими связями и замуж взять, и ребенка выкрасть, и похоронить заживо.

— Ужас какой! — испуганно восклицает Варька, и я так и представляю себе, как округляются ее волшебные зеленые глаза.

— Как что узнаю, сразу вам сообщу, — обещаю я, безумно скучая по своим подругам.

— По моему опыту, — нервно хихикает Варька, — это может быть борьба за деньги, большие деньги.

— У меня нет больших денег, — напоминаю я, глядя, как лебедь, раскрыв огромные крылья, взлетает, но тут же снова садится на воду, словно такой полет невозможен и кто-то удерживает его силой.

— Они есть у твоего отца, — мягко напоминает Варька, чья почти детективная семейная история держала и ее, и нас в напряжении почти весь август.

— Скорее всего, — отвечаю я, оглядываясь на окликающего меня Виктора Сергеевича. — Пока, девчонки! Позвоню вам завтра.

Ко мне твердой походкой приближается Верещагин. Меня буквально накрывает волной аромат его туалетной воды: это снова табак и мелисса.

Он не здоровается. Я тоже. Несколько секунд мы молчим, разглядывая друг друга. Я его серый костюм, он — мой строгий брючный костюм цвета горчицы и длинную французскую косу, которую, соорудив мне вечернюю прическу, тщательно заплел мастер.

— У меня очень красивая жена, — вдруг хрипло говорит Верещагин, протягивая мне руку.

— Сократите свою речь на комплименты, и мы быстрее поймём друг друга, — отвечаю я, игнорируя протянутую руку.

— Ты просила романтическую встречу, — нахмурившись в ответ на мои слова, напоминает Верещагин.

Теперь болезненно хмурюсь я, реагируя на ненавистное «ты».

— Прежде всего, я просила информацию, — возражаю я.

— Продолжаете играть свою роль? — цедит он сквозь зубы.

— Не уверена, что я знаю эту роль наизусть, — не в моих привычках спорить. Он может думать обо мне всё, что ему хочется. Мне нужно понять, что происходит и как из этого выбраться.

— Прогуляемся или сразу в ресторан? — нарочито вежливо спрашивает Верещагин, предлагая взять его под руку.

— Прогуляемся, но не молча, — ставлю я условие, еще раз игнорируя его руку.

Он кивает, но не двигается с места, по-прежнему настаивая, чтобы я взяла его под руку. Кладу ладонь на его согнутую руку, и мы медленно движемся по аллее, полной гуляющих людей. Удивительно теплые и солнечные дни конца сентября словно даны нам всем в подарок.

— Что насчет нашего развода? — спрашиваю я Верещагина и чувствую, как напрягаются мышцы рук под мягкой тканью пиджака.

— Я еще не успел насладиться браком, — усмехаясь, отвечает мне мужчина.

— Давайте так! — я останавливаюсь, освобождаю свою руку и смотрю ему прямо в глаза. — Я сделаю одно предположение.

— Сделай одолжение! — продолжает «тыкать» мой «муж».

— Именно развод вы мне хотите предложить за мое участие в вашей... аванюре, — предполагаю я, не отводя глаз.

Он заглядывает в мои, в самую их глубину. Его карие умные глаза словно пытаются прочесть мои тайные мысли:

— Развод как награда? Ты умна не по годам!

— Мне тридцать, — сообщаю я, размышляя, когда успела полюбить запах табака и мелиссы. — Вряд ли это комплимент.

— Тем не менее, это действительно комплимент, — Верещагин сам кладет мою руку на свою, и мы продолжаем неспешный путь. — Предлагаю всё-таки поговорить за столом, на ходу получается плохо.

Минут через пятнадцать мы сидим за столиком в ресторане «Вино и краб» на Никольской.

— Здесь прекрасная винотека, — первые слова, которые произносит Верещагин, когда нам подают меню.

— Благодарю, — отказываюсь я.

— Тогда краб? — спрашивает Верещагин. — Это единственный ресторан в Москве, где представлены все одиннадцать видов краба.

— Спасибо. Обязательно попробую, но только один, — специально улыбаюсь «мужу», и он мрачнеет от силы моей улыбки.

После неторопливого изучения меню под сверлящим, неприятным взглядом Верещагина я останавливаюсь на черном рисе с крабом, сыром сулугуни, спаржей и черешней. Верещагин заказывает королевского краба в перечном соусе.

— Почему я? — наивно распахнув глаза, спрашиваю я хмурого собеседника. — Чтобы отомстить моему отцу за своего?

— Примитивно, — отвечает мне Верещагин. — Мой план намного шире.

— Познакомите с планом? — наслаждаюсь сулугуни, да, пожалуй, бокала белого холодного вина не хватает.

— Нет, не познакомлю. Пока, — отложив вилку, говорит Верещагин. — Еще рано.

— Что мешает мне завтра подать на развод? — ласково спрашиваю я, непроизвольно облизнув нижнюю губу.

Верещагин сплывает, с его лица сползает маска равнодушия, сменившись живым выражением, отражающим многослойный коктейль чувств: ненависть, страсть, презрение, восхищение и... сожаление.

— У нас нет детей, совместно нажитого имущества, — продолжаю я.

— Ты уже забыла, что я тебе сказал в зоопарке? — картинно удивляется Верещагин.

— Что я ужин для тигра? — паясничаю я.

— Что в нашей семье всё решаю я, — резко говорит он.

— Смешно называть нас семьей! — позволяю себе тоже быть резкой.

— Рад, что рассмешил тебя, — пожимает плечами Верещагин. — Конечно, мы разведемся, но чуть позже, когда...

— Когда я выполню ваши условия? — перебиваю я. — Что мешает мне сделать это раньше? Вы думаете, у меня не примут заявление?

— Я думаю, что ты не дойдешь до загса, — откровенное презрение в голосе мужчины заставляет меня задать вопрос:

— Вы мне угрожаете? Думаете, это хорошая идея?

— Это лучшая идея из последних, пришедших мне в голову, — отвечает Верещагин, опуская взгляд с моего лица на шею и грудь.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, — прошу я нарочито вежливо. — Я что-то делаю для вас в качестве вашей жены. Что-то важное для вас. Против собственного отца. И за это получаю развод.

— Приблизительно и не точно. Но суть ты уловила, — Верещагин следит за мной, слегка прищурившись.

— Не бойтесь, что я откажусь? — упираюсь подбородком во взятые в замок руки, которые в нарушение этикета ставлю локтями на стол.

— Не откажешь, — откровенно насмехается надо мной «муж». — Я умею быть убедительным и инвариантным.

— Чудесно! — хвалю я его, лукавым взглядом отвечая на восторженный взгляд официанта. — В обмен на мою услугу я получаю развод, я верно поняла?

Получив убийственно тяжелый взгляд Верещагина, официант фантомом растворяется в воздухе.

— В плохом переводе — да. Ты поняла правильно, — цедит он. — Странно, раньше ты не казалась мне кокеткой. Или эти представления с улыбками окружающим мужчинам только для меня?

— Раньше? — выхватываю я одно слово из потока его речи.

— То время, что я наблюдал за тобой, — ответ пугает меня по-настоящему.

— И долго? — стараюсь говорить спокойно.

— Два года, — второй ответ меня парализует, но я нахожу в себе силы спросить, сама переходя на «ты»:

— Ты маньяк?

— Не знаю, тебе виднее, — равнодушно пожимает он плечами. — Так ты готова узнать, что мне нужно на первом этапе?

— Мне любопытно, — честно говорю я этому странному страшному мужчине. — Но я передумала.

— Передумала? — не понимает он меня, выразив это непонимание удивлением во взгляде и наклоном в мою сторону, принося с собой ощущение замкнутости пространства и запах мятного табака.

— Я передумала разводиться.

Глава 7. Семейный ужин

*Здоровое недоверие —
хорошая основа для совместной работы.*

Иосиф Сталин

*Все, что делается из любви,
совершается всегда по ту сторону добра и зла.*

Фридрих Ницше

— Уверена? — выдыхает из себя Верещагин и перестает дышать.

— Всё равно я в ближайшее время замуж не собиралась, — равнодушно пожимаю плечами, с усилием заставляя себя не отпрянуть в ужасе.

Это равнодушие дается мне непросто, даже тяжело. Его близость, его запах, его взгляд — всё давит на меня гранитной плитой превосходства, злости и презрения.

— И? — торопит меня с разъяснениями Верещагин, не двигаясь и продолжая нависать надо мной.

— И я вполне могу подождать, когда этот фарс вам надоест, — доверительно сообщаю я, улыбнувшись и храбро наклонившись вперед, так, что мое дыхание смешивается с его. Он всё-таки дышит: мелко, рвано, еле заметно.

— Рискуешь... — предупреждает меня Верещагин.

— Чем же? — осторожно интересуюсь я.

— Свободой, — просто и быстро отвечает мужчина, наконец, откинувшись назад и дав мне возможность свободно вздохнуть.

— Вы считаете брак противоположностью свободы? — делаю вид, что удивлена и хочу получить ответ на свой глупый вопрос. На самом деле, то, что для Верещагина брак — форма зависимости женщины от мужчины и ее подчинение, понятно и без его объяснений.

— Тебе в третий раз напомнить про патриархат? — цинично ухмыляется «муж», этакий носитель политической власти и морального авторитета.

— Не хватает контроля и лидерства в жизни? — иду я в атаку, разозлившись и тщательно скрывая свою злость. — Решили иметь привилегии за счет слабых женщин?

— А кто будет защищать этих женщин от них же самих? — неожиданно жестко спрашивает Верещагин. — От глупых, нелепых поступков, которыми они калечат и свои, и чужие жизни?

Это звучит грубо, лицемерно. Возможно, жизнь вынудила Верещагина обрести таким безнравственно толстым панцирем. Скорее всего, настоящие живые женщины своими поступками заставили его по кирпичику выстроить настолько циничное мировоззрение и окружить себя высокой стеной презрения к женщине. Но ведь должна же быть у него мать? Та женщина, которая любит и бережет, лаской растапливает безразличие и создает образ любимой женщины на долгие годы.

— Гендерные аспекты власти — тема, конечно, интересная, но не для меня, — сообщаю я Верещагину.

— Почему же? — обманчиво лениво спрашивает мужчина, спокойно начиная

ужинать. — Господство мужской физической силы обусловлено историей и физиологией.

— Тогда и размножайтесь без нас, — так же лениво советую я. — Раз такое превосходство.

— Для этого есть вы, — продолжает насмеяться надо мной Верещагин и вдруг с горечью добавляет. — Но вы и это умудряетесь испортить.

— Кто она? — спрашиваю я и вижу, как каменеет его холеное лицо.

— Она? — обманчиво спокойно переспрашивает он.

— Та, которая прошла по вашему самолюбию и достоинству асфальтовым катком? — объясняю я очевидное мне.

Он резко выбрасывает руку вперед и больно сжимает мое запястье.

— Странные фантазии! — обвиняет он меня. — Что наговорил тебе Вяземский?

— Илья Романович Вяземский, — тяну свою руку к себе, пытаюсь освободиться, — ничего мне про вас не наговорил. Я пришла к этому выводу самостоятельно, а вы мне в этом помогли. Ваше женоненавистничество...

— Я люблю женщин, — тягуче медленно отвечает на мои нападки Верещагин, не отпуская моей руки и сжимая ее еще крепче. — Хочешь это испытать?

— Странная у вас любовь, — отбиваюсь словами, так как руку мою не отпускают. Можно, конечно, кричать, привлекая внимание, но не буду доставлять ему удовольствие демонстрацией собственной беспомощности.

— Не надо выставлять меня женофобом! — моя рука теперь свободна, но на запястье точно останутся синяки. Гематомы — неизменный спутник наших встреч.

— Я слишком мало знаю о вас, чтобы кем-то вас выставлять, — потирая руку, возражаю я.

Он следит за моими действиями и вдруг с явно ощущаемым сожалением спрашивает:

— Я сделал тебе больно?

— Переживу, — коротко отвечаю я и из вредности добавляю. — Всего лишь четвертый синяк.

— Четвертый? — растерянно удивляется он.

— Три на колене, — напоминаю я.

— На колене? — большой и сильный мужчина теряется окончательно. — Каким колене?

— Правом, — честно отвечаю я. — На том, которое вы схватили тогда в машине.

— Помню... — со дна темных глаз Верещагина поднимается какое-то чувство. Я не могу понять, какое, но ощущаю легкую дрожь в теле. Мне становится жарко и душно.

— Видимо, я должна благодарить вас за то, что вы не хватаете меня за горло? — мрачно шучу я. — Прошу заметить, что это вы на мне женились, а не я вышла за вас замуж.

Верещагин продолжает на меня смотреть пристально и как-то жадно. От этого мне неуютно и неловко, поэтому я начинаю говорить:

— Так что же вам от меня нужно?

— Называй меня на «ты», — вдруг просит мужчина.

— Зачем? — возражаю я. — Это ненужная близость.

Только сказав последнее слово, понимаю его двусмысленность, но не краснею. Нет у меня такой способности — вспыхивать румянцем, когда охватывают стыд, смущение или гнев. Вот у Варьки Дымовой всё на лице написано, ничего не скрыть.

— Не согласен, — довольно усмехается «муж». — Близость в нашем с вами случае вещь

практически обязательная. Как я объясню семье? Скажу, что ты выкаешь от большого уважения или соблюдаешь традиции столетней давности?

— Семье? — недоверчиво переспрашиваю я. — Зачем?

— Тебе кажется странным, что я хочу представить мою жену своей семье? — уточняет Верещагин.

— Естественно! — фыркаю я. — Зачем представлять фальшивую жену семье?

— Фальшивую? — он отправляет в рот кусочек крабового мяса и тщательно пережевывает, прежде чем сказать. — То есть у тебя поддельный паспорт?

— Паспорт у меня настоящий, — автоматически отвечаю я, заглядевшись на его красивый рот.

— Уверяю тебя, штамп в нем тоже самый настоящий, — говорит он, глядя на мои губы.

Несколько секунд мы смотрим на губы друг друга, не замечая ничего и никого вокруг. Зрительный контакт разрывает официант, который приносит нам кофе.

— Я не буду знакомиться с твоей семьей, — спокойно и категорично произношу я. — Никому не нужен этот цирк.

— Мне нужен, — так же категорично говорит Верещагин. — Тем более теперь все знают, кто именно моя жена.

— Откуда? — не понимаю я, испытав шок и не желая, чтобы он об этом догадался.

— Прогулка на Патриарших. Ужин здесь. А вечер еще не закончился, — глубокомысленно намекает мужчина. — СМИ, блогеры с ног сбились, чтобы узнать, на ком я женился.

— Пусть помучаются и не узнают, — предлагаю я.

— Смеешься? — недоверчиво смотрит на меня растерянный Верещагин. — Я же сказал: прогулка, ужин. Наши фотографии и видео давно в сети.

Черт возьми! Об этом я, конечно, не подумала. Кстати...

— А как отнесутся к твоей женитьбе твои невесты? — любопытствую я. — Не хочется лишиться части волос, я их столько лет растила.

— У тебя удивительные волосы, — неожиданно говорит мне Верещагин, скользя взглядом по моему лбу и волосам.

— Просто мне повезло: они густые и длинные, — возражаю я. — Ничего удивительного. Вам не надо говорить мне комплименты.

— Не буду, — обещает Верещагин. — Гуглила меня?

— Немного, — отпиваю ароматный кофе. — Для женатого человека у вас слишком много женщин.

— Неужели ревнуешь? — издевается надо мной Верещагин. — Никогда не думал, что это может быть так приятно. Ревность красивой женщины.

— Вы обещали не говорить комплименты, — насмешливо напоминаю я.

— Это факт, — пожимает он плечами. — Вернемся к теме нашего разговора. «Ты» и «Никита» — два слова, которые тебе нужно научиться выговаривать без презрения и желчи.

— Хорошо, — медленно вожу круги по краю кофейной чашки подушечкой указательного пальца. — Что тебе от меня нужно, Ни-ки-та?

— Для начала... публичности наших отношений, Ле-ра, — дразнит меня Никита Верещагин. — Пора выходить из подполья. Сегодня весь мир всё равно узнает, что мы муж и жена, так зачем прятаться?

— Что это дает вам... тебе? — пытаюсь я понять. — Досадить моему отцу? Так я ему

правду расскажу, и с его возможностями нас разведут заочно за пять минут.

— Да? — искренняя довольная улыбка освещает мрачное лицо красивого мужчины. — Просто любопытно, как ты это сделаешь?

Нехорошее предчувствие сжимает мое сердце, тревога отражается на лице, и Верещагин довольно ухмыляется.

— Начинаешь понимать? Похвально!

— Допустим... — аккуратно начинаю я говорить. — Чердак? Подвал?

Далее объясняю приподнятым в удивлении бровям:

— Где ты собираешься меня удерживать, отобрав телефон? Неужели тебе нужен выкуп?

— Выкуп? — Верещагин откровенно веселится. — Твой отец, конечно, человек богатый... Но мне нужен не выкуп. Мне нужно всё, что у него есть.

Внимательно вглядываюсь в лицо, не выражающее ничего, кроме презрения и жалости. Жду, когда внутри меня появится страх. Он меня всегда мобилизует и вдохновляет. Ничего. Ни страха, ни вдохновения.

— Ты уверен, что мой отец готов отдать тебе всё, чтобы получить меня назад? — в моей интонации явно читается сомнение. — Ты два года наблюдал за мной и ничего не понял?

— У твоего отца, кроме тебя, нет якорей в жизни, — Верещагин говорит эти слова спокойно, лениво, насмешливо.

— Фраза красивая, но бессмысленная, — почти смеюсь я. — Моего отца не удержала семья, даже ради меня он не стал жить с моей матерью. А теперь, когда мне тридцать, он, чтобы забрать меня у тебя, отдаст тебе всё? Бред...

— Ты слишком буквально понимаешь мои слова, — возражает мне Верещагин. — Или твой вкус испорчен современной беллетристикой. Всё будет тоньше и занимательнее.

— Любопытно, — отвечаю я и позволяю внутренней злости выйти наружу. — И что же ты хочешь, кроме публичности своего тайного брака? Домашнего уюта? Детей? Страшно сказать, любви?

Верещагин сжимает ладони, лежащие на столе, в кулаки, словно хочет меня ударить.

— Ты первая узнаешь о том, что я хочу, — обещает он. — Всему свое время. Начнем со знакомства. Завтра у нас семейный ужин. Безусловно, твой отец тоже приглашен. Но что-то подсказывает мне, что он откажется.

— Я могу ехать домой? — спрашиваю я, замерев в ожидании ответа.

— Можешь. Но мы можем вместе поехать и к нам. Тебе же любопытно, где живет наша молодая перспективная семья? — интересуется Верещагин, вставая и подавая мне руку.

Традиционно проигнорировав подобную помощь, тоже встаю.

— Тебе не идет имя Никита, — сообщаю я вместо прощания, показывая Верещагину, что наш разговор не выбил меня из колеи и что я не придаю значения всему, что он мне наговорил.

— Почему же? — спрашивает он, провожая меня к машине.

В шагах десяти замечаю молодого человека с фотоаппаратом, в спешке делающего десятки снимков. Охрана Верещагина, состоящая из трех высоких широкоплечих мужчин, никак на это не реагирует.

— Тебя должны звать как-то неприятнее, — говорю я Никите то, что сразу пришло мне в голову, когда я узнала, как его зовут.

— Это как? — хмурится он в недоумении. — Иннокентий? Дорофей? Онисим?

— Нет. Это вполне себе приятные имена, — почти смеюсь я, услышав вариант

«Онисим». — Мне мнился Пантелеймон.

Верещагин перестает хмуриться и улыбается мне вполне доброжелательно:

— Ты можешь продолжать веселиться, но по материнской линии Пантелеймон у меня есть точно. Ты знаешь историю происхождения этого имени?

— Нет, — сознаюсь я. Я же не Варька, чтобы всё знать.

— На греческом это имя означает «совершенство», «высшая ступень», эпитет Зевса, — тень превосходства поднимается из глубины его карих глаз. — Так что в своих ощущениях ты не ошиблась.

— Тогда почему просто «Никита»? — спрашиваю я, кивком благодаря Виктора Сергеевича, открывшего мне заднюю дверь автомобиля.

— Здесь всё скромно, — отвечает мне Верещагин. — С древнеславянского это просто «победитель».

— Всего доброго! — вежливо прощаюсь я, садясь в машину под непрекращающееся щелканье фотоаппарата.

Верещагин ничего не отвечает, обходит автомобиль сзади и садится рядом со мной.

— В чем дело? — не понимаю я. — Зачем?

— Пресса не простит мне отсутствие поцелуя молодоженов, — неожиданно шепчет Никита, берет в руки мое лицо и прижимается к моим губам. Прежде чем Виктор Сергеевич закрывает дверь, фотограф успевает сделать несколько снимков.

Меня никто к нему не готовит, к этому внезапному поцелую. Он сразу глубокий, очень интимный, требовательный. Мягкие, но сильные губы заставляют мои раскрыться и сразу сдать. Поцелуй абсолютно грешный и терпкий, табачно-мятный. Уже когда закрывается дверь, автомобиль двигается с места и стук сердца, отдающийся в ушах, стихает и позволяет слышать другие звуки, поцелуй резко становится невесомо нежным, легким, извиняющимся. Верещагин медленно отстраняется, опалая тяжелым дыханием и придавливая тяжелым взглядом. Мужчина вглядывается в меня с досадой и неприязненно спрашивает:

— Ты вообще живая?

— Более чем, — вежливо отвечаю я, одергивая жакет.

— Разве так должна жена реагировать на первый поцелуй мужа? — интонация «мужа» выражает недовольство и мной, и собой.

— Не знаю, — пожимаю плечами. — Ты мой первый муж. У меня мало опыта. Надеюсь поднакопить к следующему мужу, который будет настоящим.

— Никогда, — сильные пальцы крепко берут меня за подбородок, — никогда не говори одному мужчине о другом. Это может плохо закончиться.

— Мне не хотелось бы закрашивать синяки на лице, — спокойно говорю я. — Современная косметика, конечно, творит чудеса...

Верещагин резко меня отпускает, подает знак Виктору Сергеевичу. Автомобиль останавливается — и мужчина выходит, не попрощавшись.

— Домой? — осторожно спрашивает Виктор Сергеевич, начиная движение.

Мне надо спросить у него про мой паспорт, про Верещагина, но я не спрашиваю и просто киваю.

Несмотря на позднее время, отца нет дома.

— Илья Романович улетел в Киев на пару дней, — проводив меня в гостиную, докладывает Виктор Сергеевич. — Предупредить не успел. Дела срочные. Просил меня

передать.

Разговор с охранником откладываю сама, разговор с отцом фактически невозможен. Подождем. Уже в постели звоню Сашке.

— Он сказал, что ему нужно всё, что есть у отца, — рассказываю я подруге, которая ждала мой звонок и не спала от волнения за меня.

— Чем шантажирует? — испуганно спрашивает Сашка. — Отцом?

— Пока ничем, — растерянно говорю я. — Угрожал, что не даст развестись и не отпустит домой к отцу. Но отпустил, хотя я сказала, что всё расскажу.

— Слушай! — размышляет Сашка. — А если ему это и нужно? Ну, чтобы ты сейчас рассказала. Может, он хочет открытой схватки?

— Ерунда! — не верю я в эту версию. — Саш, моему отцу разрушить этот брак — только почесаться. Я вообще в нем смысла не вижу. А Верещагин не производит впечатление человека, совершающего бессмысленные поступки.

— Тогда еще одна версия! — воодушевляется моя находчивая лучшая подруга. — Ты только не волнуйся! Что если у твоего отца какая-нибудь болезнь, и известие о твоём замужестве нанесет ему удар?

— Ты с моей мамой советовалась? — грустно шучу я. — Так только в сериалах бывает.

— А вот и нет! — горячится Сашка. — В жизни такие сюжеты встречаются — Шекспир нервно курит в сторонке, а Толстой ему прикуривает! Как ты вообще себя чувствуешь?

— Как в желе, — ворчу я.

— В каком желе? — не понимает меня Сашка.

— Вязком, — подбираю я слова, чтобы описать свои ощущения. — Понимаешь, вроде бы жизнь моя неожиданно изменилась, но ничего не происходит. Вот сегодня... Прогулка на Патриарших, ужин в ресторане, разговор не быстрый, не резкий, не нервный. Ему что-то от меня надо, но он почти ничего не требует и не торопится никуда.

— Маньяк! — неадекватно радуется Сашка.

— Ты чего веселишься? — обижаюсь я.

— Прости! — смеется Сашка. — Просто горжусь тем, что оказалась хотя бы сейчас права. А то ты у нас такая красотка, а маньяк при тебе официальный только один — Сергей-Филипп.

Напоминание об одержимом Сергее неприятно царапает сознание.

— Кстати! — пристаёт неугомонная Сашка. — Ты оговорила, что почти ничего не требует. Значит, что-то требует?

— Называть на «ты» и Никитой, — недовольно сообщаю я.

— Он Никита? — поражается Сашка. — Вот ему вообще не подходит!

— Я ему это же сказала, — смеюсь я, в очередной раз убеждаясь, как мы близки с подругой. — Не важно, как его зовут. Важно, что он задумал и зачем ему я в качестве жены. И что скрывает от меня отец.

— Да... — растерянно тянет Сашка. — История покруче Варькиной. Звони мне каждый день, Лерка, а то приеду — и всем мало не покажется!

— Это мы оставим на крайний случай! — смеюсь я, прощаясь.

Утро следующего дня встречает дождем и сильным ветром. Подарком доставшаяся в этом году долгая золотая осень заменена наказанием. Но в главной гостиной разжигают камин, и ощущение домашнего уюта успокаивает, несмотря на то, что сегодня меня ждет «семейный ужин».

— Вас просили быть к шести часам вечера, — докладывает мне Виктор Сергеевич, нашедший меня сидящей напротив камина.

— Это вы... брали мой паспорт? — тихо спрашиваю я вместо ответа.

Мужчина выпрямляется, не отводя взгляда, но и не отвечает. Так мы и молчим, глядя друг на друга. Я сдаюсь первой и говорю:

— Зачем всё это и почему вы в этом участвуете?

Виктор Сергеевич, слегка прищурившись, мягко отвечает:

— Я работаю на Никиту Алексеевича.

— Но вы работаете против моего отца, — напоминаю я очевидное.

— Нет. Работать на Илью Романовича и есть моя работа на Никиту Алексеевича, — Виктор Сергеевич не позволяет себе улыбку, хотя звучит это довольно каламбурно.

— Вы предатель? — уточняю я настойчиво.

— Нет. Я скорее... шпион, — теперь Виктор Сергеевич всё-таки улыбается.

— Промышленный шпионаж? — еще раз уточняю я.

— Нет, — в третий раз не подтверждает мою версию мой личный охранник.

— Тогда что? — продолжаю настаивать на ответе.

— Все вопросы к Никите Алексеевичу, — спокойно отвечает Виктор Сергеевич.

— Может, лучше к Илье Романовичу? — лукаво говорю я.

— Шантаж? — улыбка Виктора Сергеевича становится широкой и привлекательной, делая его значительно моложе. — Сожалею, но не пройдет, Валерия Ильинична. Успею — исчезну. Не успею — готов и к этому. Но у меня только один работодатель.

— Хозяин? — осторожно поправляю я.

— Нет. Работодатель, — поправляет меня мужчина. — Еще вопросы?

— А вы ответите? — сомневаюсь я.

— Нет, — докладывает Виктор Сергеевич. — Магазины? Салон?

— Советуете? — аккуратно прощупываю почву.

— Рекомендую, — кивает мужчина. — Дамы, которые будут присутствовать на ужине, — настоящие модницы. Хотя не такие красавицы, как вы...

На пару секунд мне кажется, что в голосе Виктора Сергеевича сквозит почти отцовская гордость.

— В семье Верещагина много женщин? — удивляюсь я.

— Немало, — коротко отвечают мне.

Пока сижу в магазине готового платья и жду очередного предложения от проворного и общительного продавца-консультанта Наталии, звоню Сашке.

— Семейный ужин? — задумавшись, переспрашивает она. — Званный? С папарацци?

— Скорее всего, — расстроено вздыхаю я. — Еще с большим количеством женщин.

— Им всем капец! — уверенно провозглашает моя подруга. — Смотри, чтобы от зависти не отравили невзначай...

— Так от зависти или невзначай? — не удерживаясь, смеюсь я, как всегда, подзаряжаясь Сашкиной энергией.

— Да какая разница! — хихикает она в ответ. — Либо восхитятся и полюбят, либо поразятся и возненавидят. Третьего не дано!

Третьего не дано... Разглядываю себя в зеркале. Черное чайное платье миди с многослойной пышной юбкой и мандариново-коралловой вышивкой по вороту и подолу. На небрежную прическу с косой «рыбий хвост» у мастера ушел почти час. Персиковые тени на

веках — выбор стилиста, который делал мне макияж и причитал:

— Какие глаза! Боже, какие глаза!

Виктор Сергеевич оценивающе смотрит и одобряюще улыбается, помогая мне надеть серый длинный плащ.

— Подойдет? — дерзко спрашиваю я, отправляясь к машине.

— Уверен, что более чем, — отвечает мне мужчина.

В загородный дом семьи Верещагиных мы едем почти полтора часа. Всё это время я слушаю негромкую музыку и мучительно думаю, как мне вести себя дальше.

Никита встречает нас на крыльце. Один. Высокий, спокойный, опасный.

— Хороший у меня вкус на жен, — дежурно шутит и улыбается он, глаз его эта широкая улыбка не касается. Они холодные, настороженные. И сам он напряжен, я чувствую это по окаменевшим мускулам руки, на которую кладу свою ладонь.

— И вам добрый вечер! — вежливо говорю я. — Не могу сказать о себе так же.

— Спорное утверждение, — спокойно отвечает он, провожая меня в огромную гостиную, где накрыт длинный стол. — До нашей регистрации я входил в топ десяти самых завидных женихов нашей страны.

— Я завидую только двум людям в своей жизни, — сообщаю я «мужу». — И ты в это число неходишь.

— Быстрым? — спрашивает неожиданно Верещагин, и я резко останавливаюсь, удивившись, как он мог догадаться.

Никита смотрит на меня внимательно и с недоброй усмешкой говорит:

— Два года наблюдений дают возможность разобраться даже в деталях. Но завидовать чему-то эфемерному глупо. Разлюбить может каждый, разочароваться, предать. Никто от этого не застрахован. А у Быстрых вообще всё подозрительно хорошо. Так не бывает.

— Не бывает? — не верю я в то, что слышу. — Ты говоришь это живому свидетелю. Плохой из тебя наблюдатель. Быстрым нельзя не завидовать. Причем это и не зависть вовсе. По крайней мере, у нас, их друзей.

Не понимаю, почему вдруг испытываю глубокую потребность объяснить то, что чувствую большую часть жизни по отношению к Варьке и Максиму. Все мы чувствуем: я, Сашка, Игорь, Вовка. Это не гадливое ощущение досады от того, что у меня такого нет, а настоящее восхищение глубиной и силой любви двух моих друзей. Любви, которую они вырастили и выстроили с детства. Любви, которую хочет испытать каждая женщина и каждый мужчина. Хотя нет... Вспоминаю, как учительница литературы, мать Максима, Наталья Сергеевна запрещала нам в сочинениях использовать слова «каждый», «любой», «все», «всякий».

— Какими бы положительными, прекрасными, благородными не казались вам какие-нибудь чувства, эмоции, переживания, человеческие качества или поступки, избегайте обобщений. Вам ничего «каждый» и «всякий» не должен, — говорила она и, конечно, была права.

Вот он, Никита Верещагин, состоятельный и состоявшийся, самодостаточный и умный. Ему ничего не докажешь, если он в такую любовь не верит. Не верит — значит, и не получит.

— Наконец-то! — слышу я громкое радостное восклицание.

Нам навстречу стремительно двигается женщина. Я знаю ее. Она невысокая, рыжеволосая и искренне мне улыбается, радушно распахивая руки для объятия. Веснушки и

курносый нос. Вечернее кружевное платье в пол цвета спелой груши конференция. Маргарита Ковалевская.

Трачу пару секунд на принятие решения: отстраниться или нет. Поздно. Ковалевская меня обнимает, крепко, по-настоящему.

— Рада познакомиться! Очень! — весело говорит она, отпустив меня. — Вы... красавица! Слов нет! Это вообще законно?

— Что? — вежливо спрашиваю я, Маргарита мне нравится.

— Быть настолько красивой! — смеется Ковалевская. — Как вы с этим справляетесь?

— Вполне успешно, — осторожно отвечаю я. — Есть некоторые неудобства, но к ним можно привыкнуть.

— Ого! — восхищенно хлопает в ладоши Маргарита. — И никаких комплексов? Смущения? Отнекиваний? Вот так, да?! Я красивая — получайте!

— Приблизительно, — киваю я. Да. Маргарита Ковалевская мне определенно нравится.

— У моей жены устойчивая психика и высокая самооценка, — неожиданно нежно произносит Верещагин, начиная поглаживать мою руку, лежащую на его локте. — Лера! Это моя подруга Маргарита Ковалевская. Рита! Это моя любимая жена Валерия Князева.

— Насколько любимая, что ты позволил ей оставить свою фамилию? — подмигивает мне Рита. — Я в шоке, дорогая! Никитон такой собственник, что в эту уступку верится с трудом. Как вы этого добились?

— Лаской, — отвечаю я, положив свою вторую руку на его руку и тоже начав поглаживать.

Верещагин застывает, глядя на меня, и начинает отрывисто дышать, словно ему не хватает воздуха для полноценного глубокого дыхания.

— Блеск! — радуется Рита и предлагает. — Давай на «ты», Лера?

— Давай, Рита, — улыбаюсь я ей, и она даже охает.

— Как, Никитон, ты собираешься ее удержать?! Ее же охранять надо, как исторический памятник! — снова делает мне комплимент подруга моего «мужа».

— Я всё продумал! — отвечает ей Верещагин. — Запру в спальне, навешу сто замков.

Рита переводит радостно восхищенный взгляд зелено-карих глаз с меня на Никиту и обратно:

— Хорошо придумано! — хвалит Верещагина Рита. — Другого способа я тоже не вижу.

— В такие узкие рамки не впишется наш замечательный гостевой брак, — капризно говорю я, положив руку на плечо Никиты. — А ты обещал!

— Я всегда держу данное слово, — твердо произносит Верещагин, перехватив мою руку и прижав ее к себе. — Не бойся, запремся в спальне вместе.

— Этого я и боюсь, — нежно отвечаю я «мужу», проводя пальцем по его нижней губе.

Он мгновенно реагирует: ловит мой палец горячими губами и сжимает. Время и пространство вокруг тоже сжимаются до размеров его лица. Лихорадочный блеск глаз передается мне дрожью в теле.

— Ау! Молодожены! — заливисто смеется Рита, без стеснения хватая меня за руку и тянет к длинному узкому красному кожаному дивану. — Успеете наmilоваться! Пообщайтесь с нами!

— Вами? — с удивлением спрашиваю я, обводя взглядом пустую комнату.

— А! — беспечно машет она рукой и шепотом сообщает. — Сейчас набегут.

В это мгновение широко распахиваются высокие двойные белые двери на

противоположной стороне, и в гостиную заходит высокая брюнетка лет пятидесяти в обтягивающем блестящем черном платье.

— Таисия Петровна! — Рита стремительно вскакивает с дивана и устремляется навстречу вошедшей. — Добрый вечер!

— Добрый, — рассеянно отвечает женщина, не сводя с меня внимательных карих глаз. Нет, пожалуй, ей больше пятидесяти, но стройная фигура и ухоженное лицо серьезно ее молодят.

— Мама, — целуя женщине руку, мягко говорит Никита. — Я пригласил к тебе мою Леру, чтобы вы, наконец, познакомились.

Встаю с дивана, на который меня до этого усадила настойчивая Рита, и протягиваю матери Верещагина руку.

— Здравствуйте! Валерия Князева.

По лицу Таисии Петровны пробегает легкая тень:

— Почему же не Верещагина?

Мать смотрит на сына, который, усмехаясь, говорит:

— Лера не захотела. Для меня ее слово — закон. Всё, что хочет любимая. А фамилия — это такая малость.

— Вы очень красивы, Валерия, — с осуждением в голосе говорит Таисия Петровна.

— Не буду просить за это прощения, — спокойно реагирую я. — У всех свои недостатки.

— Прошу к столу! — сухо говорит мать Верещагина. — Поужинаем, пообщаемся, познакомимся поближе с женой моего сына.

— Подождите! — перебивает ее недовольная чем-то Рита. — Ты ее пригласил на наш ужин?

И только видя входящую в гостиную эффектную брюнетку в стильном обтягивающем брючном костюме, понимаю, кого ее. Елена Барон — журналистка, восходящая телевизионная звезда.

— Приветствую всех! — фальшиво улыбаясь, говорит Елена. — Торопилась, как могла! Надеюсь, вам не пришлось меня ждать?

Что за собачья свадьба? Зачем Верещагин собрал на семейный ужин всех своих невест? Впрочем, не всех. Есть еще где-то балерина Екатерина Воронина. Мне, как «жене», это, наверное, должно быть обидно. Но мне очень любопытно, что задумал мой «муж» и зачем. Не из любви же к розыгрышам.

— Мы и не знали, что ждем тебя, — говорит Никита, подозрительно глядя на мать и подругу детства.

— Вот как? — поджимает полные губы Елена и смотрит на меня, безотрывно, практически не мигая.

— Лера! Это моя... знакомая. Елена, — цедит Верещагин, не скрывая, что недоволен ее появлением.

— Очень приятно! — реагирую я, потому что мне действительно приятно. Приятно видеть, как неприятно Верещагину.

— Можно ужинать или еще кто приглашен? — Таисия Петровна вопрошающе смотрит на сына.

— Садимся! — вмешивается Рита, берет меня за руку и тянет к столу.

Странная женщина... Ровесница Верещагина, ей должно быть почти сорок, а ведет себя

как двадцатилетняя. Но это не вызывает отторжение, наоборот, симпатию.

Во время ужина мать Верещагина выполняет свое обещание и обстоятельно меня допрашивает:

— Чем занимаетесь, Валерия?

— Сейчас или вообще? — осторожно спрашиваю я, пытаясь выбрать причину ее неприязни к себе.

Причин таких может быть сколько угодно: от паталогической нелюбви к женщинам сына вообще до неприятия меня конкретно.

— Профессия у вас есть? — нелюбезно уточняет Таисия Петровна, слегка скривившись.

— Ты, наверное, модель или актриса? — доброжелательно улыбаясь, подсказывает мне Рита. — Не учительница же? И не библиотекарь, как я?

Елена Барон фыркает на эти Ритины слова, изящно накалывая на вилочку кусочек сыра.

— Не библиотекарь, — улыбаюсь я Рите и смотрю на «свекровь». — Я врач. Педиатр.

Лица у Таисии Петровны, Елены и даже Риты вытягиваются в неподдельном удивлении.

— Педиатр? — пораженно переспрашивает Рита, словно я сообщила им, что работаю токарем-фрезеровщиком шестого разряда. — Да ладно!

— Лера работает по специальности, — подключается к разговору Никита. — И она очень хороший врач.

— Откуда ты знаешь? — кривится в подобие улыбки Елена. — Успел полечиться у Валерии?

— Это наши любимые игры: строгий врач и послушный пациент, — отвечает Верещагин, лениво глядя на Елену. — Как познакомились, так и играем.

Варька сейчас бы покраснела, вскочила и сказала что-нибудь уничижительно умное. Сашка воткнула бы вилку в его красивую ладонь и наблюдала бы за тем, как красиво бежит кровь на белоснежную скатерть. Я же просто положила свою руку на его ногу под столом, сразу почувствовав, как напряглись его мышцы, и промурлыкала, медленно проводя рукой по внутренней стороне бедра:

— Перестань смущать меня, Ники!

— Ники? — мать Верещагина кашляет, сам же он напрягается еще больше и скрипит (клянусь!) зубами в буквальном смысле этого слова.

— У вашего сына чудесное имя! — почти пою я, убирая руку. — И так ему идет!

— Спасибо, — растерянно отвечает мне Таисия Петровна и вспоминает свой первый вопрос. — Надеюсь, сейчас, после... свадьбы вы не будете работать... врачом?

Пока я не спеша обдумываю ответ, Елена Барон, еще изящнее, чем до этого кусочек сыра, накалывает на вилку оливку и обращается к моему «мужу», не давая мне ответить:

— Никита! А разве свадьба уже была? Ты скрыл от нас свою невесту, потом жену. Неужели мы лишились еще и праздника?

— Сейчас это модно! — бросается защищать скрытных молодоженов Рита. — Да и тебя это не касается вовсе!

— Рита! — морщится Таисия Петровна. — Не тарыхти, дай поговорить спокойно! Хотя... Сын, ты удивил и меня. Я знаю, как раздражают тебя журналисты и пресса, но не сказать матери!

— Зато сюрприз получился! — Никита подмигивает по-мальчишески гостям и кладет руку на мою ногу, отправляя большую горячую ладонь в путешествие по внутренней стороне бедра.

Поворачиваюсь к нему лицом и вижу, как темнеют от страсти его глаза. Равнодушное выражение лица дается мне с трудом, помогают долгие годы тренировок. Мое безразличие заметно задевает Верещагина, и он крепко сжимает челюсти, убирая руку.

— Работать я буду, — отвечаю я «свекрови» и обращаюсь к Елене. — Я попросила мужа не устраивать широких торжеств — и он пошел мне навстречу. Такой душка!

«Душка» злится. Злость эту выдают слегка раздувающиеся крылья носа.

— Такой уступчивый! Значит, точно влюблен! — хихикает Рита. — Никогда бы про Никитона такое не подумала! И фамилию менять не заставил, и жить у отца разрешает в медовый месяц! Просто чудеса!

— Кто же ваш отец? — хмурится Таисия Петровна. — Тоже врач? Известный, наверное? Князев... не припоминаю...

— Вяземский, — вежливо подсказываю я, наблюдая, как с лица Таисии Петровны мгновенно уходят все краски, просто сползают на шею. — Вяземский Илья Романович.

*Какие отрастил когти...
И не ври, что было лень обрезать.
Ты просто мечтаешь вцепиться в то горло,
Которое обещал целовать.*

Моника Фортино

*Страшнее нет на свете зверя,
чем обуянный жаждой мести человек.*

Александра Лисицина

— Вы дочь Ильи? — шепотом выдыхает Таисия Петровна в наступившей тревожной тишине.

— По крайней мере, так мне говорит моя мать, — осторожно шучу я.

— Никита! — первый раз слышу, как можно визжать шепотом, но мать Верещагина именно визжит, по-другому не скажешь. — Как ты мог!

Замираю, с любопытством глядя на взволнованную бледную женщину. Наконец, хоть что-то прояснится.

— Чувства оказались сильнее, — твердо говорит Никита, взяв меня за руку и утопив мой кулачок в своей широкой ладони. — Лера теперь — часть моей жизни. Главная ее часть! Кто осмелится...

— Что ты! — обиженно перебивает его Рита. — Как ты мог подумать, что кто-то из нас способен...

— Еще как способен. Вернее, способна, — теперь не дает договорить Рите Никита, обводя всех за столом серьезным строгим взглядом, словно предупреждая.

Интересно, кого из этих трех женщин он имеет в виду? Или всех?

Рита досадливо хмурится, вздернув хорошенький курносый носик. Елена Барон смотрит на меня высокомерно, но не более. На лицо Таисии Петровны возвращаются краски, она скорее растеряна, чем раздражена.

Я порчу пафос момента неожиданной репликой:

— Ники! Что ты! У тебя такие чудесные родственники и друзья!

Верещагин вздрагивает от неожиданности, словно вспомнил обо мне только что, и цепким взглядом ловит мой взгляд, пытаюсь что-то понять или прочесть. Сейчас хорошо бы томно похлопать ресницами, но это не будет вязаться с моим прежним поведением. Эх... Надо было выбрать другое амплуа, но теперь уже поздно. Образ очарованной дурочки явно будет перебором.

Вспоминаю, как часто мы с друзьями раньше ходили в театр. Там работала заведующей литературной частью Варькина бабушка Елизавета Васильевна. Мы бывали на всех премьерах и капустниках. После успеха школьного спектакля «Недоросль» Варька даже некоторое время хотела стать актрисой. Однажды после очередной премьеры мы сидели в нашей «Пельменной». Варька рассказывала нам, какие амплуа могут быть у актрис, и раздавала их нам.

— Мне хочется играть характерные роли: Проказницу, Клоунессу! — заявляла Варька, послушно открывая рот. Вовка кормил ее горячими пельменями, предварительно дуя на них, чтобы она не обожглась. — Такой простор для выражения эмоций! Я бы развернулась!

— Вы с Вовкой еще за предыдущее не отсидели! — смеялась Сашка. — Но я с тобой согласна! На сцене из тебя бы получилась очаровательная хулиганка.

— Тебе, Сашка, подойдут амплуа и Моралистки, и Свахи, и, прости, Куртизанки! — хихикала Варька, давясь пельменем.

— И смех, и грех! — веселилась Сашка. — Куртизанка-моралистка — звучит многообещающе! А Лерка тогда кто?

— Лерка — Героиня, Влюблённая, даже Злодейка! — возбужденно размахивая руками, вещала Варя. — Я бы очень хотела увидеть ее именно в образе Злодейки! Красивое зло — это очень круто!

Красивое зло. Не думаю, что мне подходит это амплуа. А вот моему «мужу»...

— Никитон! — Рита подмигивает мне. — Семейное торжество все-таки можно было бы провести! Только для своих. Здесь, за городом.

— Обещаю подумать, — лениво отвечает Верещагин, взглядом заставляя меня молчать.

Рита в восторге почти подпрыгивает и снова хлопает в ладоши. Травести! Она точно травести. Так странно, что взрослая женщина выбрала такой стиль поведения.

Таисия Петровна откладывает столовые приборы. Невооруженным глазом видно, что настроение у нее испорчено необратимо.

— Мы можем поговорить, Никита? — спрашивает она, о чем-то мучительно думая. — Наедине.

— Я ненадолго, — многообещающе шепчет Верещагин, целуя мою ладонь и вставая из-за стола.

Никита помогает матери встать, и они выходят из гостиной.

— Уже выбрали, куда поедете в свадебное путешествие? — любопытство веселыми огоньками прыгает в добрых глазах Риты.

— Путешествие? — теряюсь я, и моя искренность удивляет молодых женщин.

— Даже не обсуждали? — не верит мне Рита, смешно выпучив глаза. — Да это же так важно!

— Разве? — пожимаю я плечами.

— Конечно! — Рита даже привстает. — Ты же можешь выбрать какое угодно место! Никитон повезет тебя, куда только пожелаешь!

— Валерия, возможно, мало где была, — сочувственно улыбаясь, встречается в наш диалог Елена.

— Вы правы, — согласно киваю я журналистке. — Я была только в Италии, Испании, Франции, Португалии, Германии, Австрии, Швейцарии, Норвегии, Финляндии, Дании, Японии, Канаде, Штатах.

Каждая отдельно названная страна постепенно тушит в глазах Елены огонек превосходства. Рита неинтеллигентно открывает рот, пораженно глядя на меня.

— Обалдеть! — говорит она.

— Что-то забыла... — мучительно вспоминаю я. — А! Лондон, Англия. Но там я была только один раз, так что ее можно не считать.

— Как я тебе завидую! — стонет Рита. — Я была только в Турции, Греции и Болгарии.

В гостиную возвращается Верещагин.

— Где мой телефон? Рита! Вызови скорую! Маме плохо.

Верещагин говорит спокойно, без надрыва и паники. Он не производит впечатление волнующегося человека. Рита вскакивает и начинает метаться по комнате в поисках телефона.

— Господи! Курица... — бормочет Елена и протягивает Никите свой телефон.

— Вызови сама! — бросает Верещагин, глядя на меня.

Взгляд этот внимательный, пристальный, раздумывающий, словно он решает, что со мной делать именно сейчас.

— Что случилось? — вежливо спрашиваю я. — Что-то серьезное?

— Слабость, — отвечает Никита, не веря в то, что говорит. — У мамы такое бывает. Присутствие врача ее успокоит, и ей станет легче. Просто она придумала повод для волнения. Утверждает, что у нее сердечный приступ.

— Я могу ее видеть? — спрашиваю я, вставая.

— Ты? — недоверчиво говорит Верещагин. — Зачем?

— Не зачем, а почему, — поправляю я его. — Если это действительно сердечный приступ, то тратить время катастрофически опасно.

— Ты детский врач! — встревает со своей репликой Елена.

— Но врач, — вежливо и настойчиво поправляю ее я, глядя на Верещагина.

— Хорошо, — соглашается он, неожиданно беря меня за руку и ведя за собой. — Пойдем!

Мы так и идем, держась за руки, как дети, на второй этаж по широкой дубовой лестнице с удивительно красивыми резными балясинами и перилами. Изящные розы оплетают тонкие столбики, маленькие птички сидят на поворотах перил. Не удерживаюсь и глажу свободной рукой одну из птичек.

— Какая прелесть! — вырывается у меня, когда Никита с удивлением на меня оборачивается. — А какая это птица?

— Птица? — Верещагин не слышит вопроса, он смотрит на мои губы.

— Вот эта, деревянная, хорошенькая... — шепотом объясняю я, непроизвольно облизывая нижнюю губу.

Мужчина сглатывает и отвечает:

— Обещали, что соловей.

Таисия Петровна лежит на краю большой кровати с закрытыми глазами. Верещагин ставит возле кровати стул для меня.

— Разрешите вас осмотреть, — ласково говорю я женщине, настороженно на меня глядящей.

Таисия Петровна щурит карие сыновьи глаза и слабым голосом отвечает:

— Не нужно беспокоиться. Я подожду врача.

— Я врач, — терпеливо напоминаю.

— Я жду настоящего, — устало отвечает она.

— Я настоящий врач, — продолжаю говаривать упрямую женщину. — Я работаю по специальности с первого дня окончания медицинского института. Последний перерыв около полутора месяцев.

— Я жду скорую, — капризничает Таисия Петровна.

— Сердечный приступ — заболевание, от которого умирают в течение нескольких минут, — серьезно говорю я, строго на нее глядя. — Боль в области груди есть? Может,

была? Одышка?

— Нет, — неуверенным слабым голосом отвечает мать Верещагина.

— Тошнота, рвота, боль в животе? — настаиваю я.

— Нет, — мотает головой Таисия Петровна.

— Сознание не теряли? — спрашиваю я.

— Не теряла, — твердо отвечает за мать ее сын.

— Что именно болит? — уточняю я. — Именно сейчас что?

— Сердце, — настаивает женщина, положив ладонь на левую грудь.

— Я спрашивала вас про боль в области груди, — терпеливо напоминаю я. — Вы сказали, что ее нет.

— Я просто не поняла ваш вопрос, — защищается Таисия Петровна и повторяет. — У меня болит сердце, и я жду скорую. Спасибо за беспокойство, но от вас мне ничего не нужно.

— Давайте измерим давление, — миролюбиво предлагаю я, не меняя радушного выражения лица.

— Скорая измерит, — ворчит женщина и морщится, как будто попробовала что-то кислое.

Я встаю со стула и поворачиваюсь к Верещагину.

— Скорая так скорая, — говорю я, удерживаясь от насмешки. — Главное, чтобы успели.

Шаги за дверь. Стук. В спальню Таисии Петровны входят мужчина и женщина в белых халатах, сопровождаемые Ритой. Здравуюсь и быстро выхожу в коридор. Спускаюсь на один пролет, когда меня крепким захватом берут за локоть.

— Лера! — Верещагин разворачивает меня к себе. — Ты куда?

— Домой, — доверительно и честно сообщаю я. — Твоей матери плохо, тебе надо быть с ней. Вряд ли мы теперь продолжим наш семейный ужин. Выделяю голосом слово «семейный».

— Почему? — насмешливо недоумевает он. — Ты же понимаешь, что мама слегка преувеличивает. Мы вполне можем продолжить трапезу. Я заказал прекрасный десерт. Моя семья его очень любит.

— Странная у тебя семья, — отвечаю я на эти слова. — Мать и две невесты. Ты точно православный?

Никита не отпускает мой локоть, сжимая свои пальцы еще крепче.

— Я настаиваю!

— Локоть! — напоминаю я.

Верещагин отпускает меня и досадливо морщится.

— Ты не ответил на мой вопрос, — говорю я, удержавшись от того, чтобы потереть руку в том месте, где он меня держал. — Твоя семья — это только мать?

— Благодаря твоему отцу — да! — лицо Верещагина каменеет, глаза темнеют, челюсти сжимаются.

Лед тронулся! Мы приблизились к чему-то важному. Теперь надо, соблюдая осторожность, вывести Верещагина из себя, чтобы ситуация стала понятнее. И я рискую:

— Может, всё-таки благодаря твоему?

И оказываюсь в жестких сильных объятиях прижатой к каменной груди. Табачно-мятный аромат тут же подавляет все остальные запахи и даже звуки. Сначала смотрю на верхнюю пуговицу его серой рубашки, потом медленно поднимаю на него глаза. Он сверлит

меня сумасшедше тяжелым взглядом, подавляющим, подчиняющим, наказывающим.

— Считаешь эту тему подходящей для шуток? — выдыхает он, вжимая меня в себя еще сильнее, буквально расплющивая.

Некстати вспоминаю, как Вовкины младшие братья так же крепко прижимали к себе подаренного им нашей компанией котенка Филиппа. Варька охала, пытаюсь объяснить мальчишкам, что малышу больно, а я представляла на месте несчастного котенка Сергея-Филиппа и испытывала мрачное удовлетворение. До сих пор стыдно перед котенком... Особенно теперь, когда я на его месте.

Скоро мое тело станет просто сплошным синяком. Хочется вырваться из ненавистных объятий, но я терплю. На кону больше, чем синяки.

— Я считаю, что все твои действия — следствие одному тебе известного преступления, которое ты приписываешь моему отцу. Если бы мой отец был виноват на самом деле, то, я уверена, ты нашел бы законный способ его наказать, — говорю я, не отводя спокойного взгляда.

— В том-то и дело... — цедит сквозь зубы Верещагин. — Не если бы...

— Можете огласить? — предельно вежливо интересуюсь я.

— Огласить что? — теряется Верещагин, не двигаясь и уже буквально срастаясь своим телом с моим.

— Список преступлений моего отца, — поясняю я. — Хорошо бы и мой.

— Твой? — губы Верещагина медленно опускаются к моим губам.

— Мой. Список моих преступлений, — подсказываю я, не дергаясь и не уворачиваясь, почти в его рот, который прижимается к моему в ожидаемом терпком поцелуе.

Теперь я готова к поцелую, но он все равно меня потрясает. Напором, силой мужской страсти и гнева, словно я виновата в том, что Верещагин меня целует. Словно он не хочет этого делать, а я его заставляю. Сильные губы забирают мои себе, подавляя и наказывая. Но я не отвечаю. Слишком рано. И много чести. И Никита останавливается, резко отпускает меня, почти отталкивая.

— Ваш список готов! — с презрением говорит он. — Начнем с первого пункта?

В этот момент на лестнице раздаются шаги: это спускаются врачи скорой и Рита. Она суетится, обгоняя врачей.

— Никитон! Маме лучше. Она просто переволновалась, — докладывает Рита с широкой радостной улыбкой, в эмоциональном порыве бросаясь Верещагину на шею. Никита обнимает ее, пристально глядя мне в глаза.

— Я рад, — мрачно говорит подруге Верещагин.

Он сам провожает врачей, что-то негромко у них спрашивая. Мы с Ритой спускаемся в гостиную. Елена Барон полулежит на красном диване, уткнувшись в телефон.

— Как Таисия Петровна? — рассеянно спрашивает она. — Ей лучше?

— Лучше! — Рита идет за своим бокалом и залпом выпивает белое сухое вино. — Ух! И переволновалась же я!

— Как всегда! — небрежно фыркает Елена. — Не утомляет?

— Нет! — беззлобно отвечает ей Рита, показав язык. — Это тебе безразлично здоровье мамы Никитона!

— Не блажи! — брезгливо морщится Елена. — Всё с ее здоровьем в порядке. Нервы. Что с ужином? Он закончился?

— Только начинается! — в голосе вернувшегося Верещагина я слышу злорадные

нотки. — Нас ждет горячее и десерт!

Семейный ужин-фарс продолжается. За столом господин Верещагин, его «жена» и две подруги. Варька сказала бы «конфуз». Сашка..., в общем, тоже сказала бы...

— Прекрасное мясо! — хвалит жаркое из кролика Рита. — Соус — песня! Ты попробовала, Лера?

— Я не ем крольчатину, спасибо, — вежливо отвечаю я, отдавая должное красной рыбе в икорном соусе.

— Почему же? — ухмыляется Елена. — Жалко пушистого зверька?

— И поэтому тоже, — мягко отвечаю я, начиная внимательно разглядывать Елену: от высокого лба и красиво подведенных глаз до пухлой нижней губы, созданной для горячих поцелуев. Вот интересно, Верещагин ее целовал, так, как меня? Какая ерунда меня интересует! Я продолжаю исследовать лицо Елены и заканчиваю. — А крокодилов не ем, потому что противно.

На лице журналистки Барон появляется выражение растерянности и досады. Пока она раздумывает, что мне такое ответить, чтобы меня расстроить, кулинарная беседа продолжается.

— А мы с Никитом ели медведя и кабана! — сделав страшные глаза, рассказывает Рита. — Никитон — охотник!

— Хороший? — интересуюсь я у Риты, но смотрю в глаза Никите.

— Опытный, — отвечает он с предупреждающей интонацией в голосе, и я понимаю, какую охоту он имеет в виду.

— Это страсть? — балансирую я на грани дозволенного, отправляя в рот кусочек ароматной рыбы. — Настоящая?

— Безудержная, — отвечает мне Верещагин, затягивая мои глаза в поединок взглядов. То, что мы ведем пикировку при свидетелях, добавляет моменту и пикантности, и адреналина.

— Надо найти способы для удержания, — советую я, начав игру словами.

— Безумная, — предлагает Верещагин.

— Всё надо делать с умом, — поучаю я, пригубив бокал вина.

— Бешеная, — парирует Никита. — Ум не справляется с бешенством.

— Ум должен справляться со всем, — умничаю я, отставляя бокал и видя, как вытянулись и застыли лица Елены и Риты. Елена растеряна и напряжена. Рита удивлена, но довольна. — Иначе безудержность, безумство и бешенство сыграют с тобой злую шутку.

— Потому что упущу? — впиваясь в меня горячим темным взглядом, спрашивает Верещагин, забирая в плен мою руку и тягуче медленно поглаживая косточки на тыльной стороне ладони.

— Потому что она слепая, стихийная, звериная, а значит — гибельная, — честно говорю я его бешеному взгляду.

— Главное, чтобы была ответной, — вдруг произносит Верещагин, до боли сжимая мою плененную руку.

— И даже в этом случае она может быть роковой, — убедительно говорю я, забирая свою руку.

— Ничего себе! — встречается в наш опасный до странности диалог Рита. — Аж искры от вас! Кстати! А как вы познакомились?

— О! — радостно восклицаю я, копируя эмоцию подруги Варьки Дымовой. — Это

весьма занимательная история. Ники обожает ее вспоминать!

«Ники» приподнимает брови в растерянном удивлении, но очень быстро справляется с собой и саркастически лениво говорит Рите:

— День нашего знакомства с Лерой я не забуду никогда. Это было почти два года назад. Зима. Февраль. Германия. Винтерберг. Горнолыжный курорт. Друг перетащил меня туда из Брэй-Червинии в Альпах. Сам он только учился кататься. В Винтенберге невысокие, некрутые трассы. Там учиться легче. И красиво очень: практически все площадки в лесах, а половина ночью освещается.

Чувствую, как холодеют ладони и ступни, покрываясь мурашками. Я помню. Тогда отец подарил мне эту поездку и взял измором, настаивая, чтобы я отдохнула. Я сдалась и решила, наконец, научиться кататься на горных лыжах.

В нашей компании профессионалом-виртуозом был, конечно, Игорь. Он три-четыре раза в год улетал в Европу кататься: Зельден, Давос, Межев, Гудаури, Банско, Сьерра-Невада, Энкамп — всех мест и не помню. Макс с Вовкой катались редко и в охотку, но в России. Прекрасно катается Сашка. Она вообще все делает прекрасно. Это самый обучаемый человек из всех, каких я встречала за всю свою жизнь. Варька и я даже не пробовали никогда кататься. Я переживала за состояние левого колена, в детстве поврежденного во время занятий художественной гимнастикой. Варька вообще не спортивный человек. Нет, если бы она решилась, наши мальчики бросились бы ей помогать, но она категорически отказывалась, смеясь:

— Я боюсь. Трису не место за рулем и на горных лыжах. Я даже на санках кататься с горки трушу. Оставьте меня, мои фронтовые друзья! Бросьте в окопе!

Тогда, в Винтенберге, я просила инструктора женщину, но мне достался молодой мужчина, влюбившийся и трогательно заботившийся обо мне. К концу первой недели я уже не знала, куда скрыться от его восторженно распахнутых глаз и куда ставить милые букетики, которыми он ежедневно меня одаривал. Хотела отказаться от его услуг, но он так обиженно на меня смотрел, что делать этого не стала. Кроме того, Эрик неплохо говорил по-русски, благодаря русской бабушке.

— И однажды на ночной трассе Лера упала в мои руки как подарок небес, — глядя на меня без тени улыбки говорит Верещагин, и на меня накатывает волна тошноты.

Я помню эту странную ночь, мое решение покататься при свете фонарей и мое нелепое падение под ноги высокому горнолыжнику во всем черном. Всего несколько минут назад мы с Эриком с неподдельным восхищением смотрели на виртуозно катающегося мужчину — и вот я лежу у его ног, потому что меня подвело колено, и я резко уехала вправо, спасаясь от острой боли и перераспределяя нагрузку на правую ногу.

Я ничком лежала у его ног, считая до ста и утихомиривая вырывающееся из груди сердце. Рывок — и сильные руки придали моему телу вертикальное положение. Черный костюм, черный шлем с тонированной защитой. Пока Эрик спускался к нам, черный человек успел ощупать меня с шеи до щиколоток. Деловито, молча, быстро.

— Лера! — кричит взволнованный Эрик, подъезжая к нам. — Колено?

Черный человек салютует нам лыжной палкой и стремительно уезжает.

— Она упала к моим ногам, — рассказывает Верещагин и начинает бессовестно врать. — Я поднял ее. Она сняла шлем и маску — и всё! Я готов!

— Какая прелесть! — всплескивает руками Рита. — Как романтично! Познакомиться на горнолыжной трассе! А тебе, Лера, Никитон тоже сразу понравился?

Смотрю в нагло смеющиеся глаза «мужа» и отвечаю с легкой иронией:

— Еще как! Ники тоже снял шлем, поцеловал мою руку...

— И сделал предложение! — перебивает меня Верещагин.

Встаю на паузу: не знаю, что сказать на это. А Верещагин продолжает:

— Так и сказал на ее «спасибо»: «Вам придется выйти за меня замуж, чтобы отблагодарить за спасение жизни!»

— А ты? — зелено-карие глаза Риты, обращенные ко мне, светятся недоверием. Елена фыркает, но ничего не говорит.

— А я женщина возрастная, — вздыхаю я, на ходу сочиняя ответ, — на тот момент почти с тридцатилетним пробегом. Как не воспользоваться случаем? Вдруг больше никто не предложит?

— Да ладно! — ворчит Рита. — Врете?

— Чуть-чуть, — насмешливо отвечает на упрек подруги Никита.

— Ладно! Не хотите — не рассказывайте! — Рита смеется. — Главное, что вы любите друг друга и теперь вместе!

— Да, — соглашается с ней Верещагин. — Это главное.

— И как ты преодолел свое отношение к Вяземскому? — вдруг спрашивает Елена, чуть отодвинувшись от стола и положив ногу на ногу. — А как же месть? Или это и есть месть?

В гостиной наступает вязкая тишина, слышно только, как почти бесшумно передвигается девушка, прислуживающая нам за столом.

— Самый обидный род мести — признать обидчика недостойным нашей мести, — спокойно отвечает Елене Верещагин. — Встретив Леру, я по достоинству оценил слова Сенеки. Наши отношения важнее.

— Красиво! — тут же подтверждает Рита, подобострастно глядя на друга.

— А как же четыре основных потребности человека? — пропитав интонацию ехидством, спрашивает Елена. — Еда, сон, секс и месть? Оставаясь неудовлетворенными, они мешают жить, отравляя существование.

— Я никогда не смогу быть достаточно удовлетворенным, — соглашается с Еленой Никита. — Но меня ждет насыщенная счастливая жизнь с Лерой, и каждый день я буду искать нового удовлетворения.

Слова Верещагина звучат двусмысленно. Рита краснеет, смущенно мне улыбаясь. Елена нервно кусает нижнюю губу.

— Это игра не в одни ворота, — улыбаюсь я Верещагину, вложив в свою улыбку намек.

Он замирает, глядя на меня, потом расслабляется и улыбается в ответ:

— Так еще интереснее!

Елена мрачнеет, продолжает нервно кусать нижнюю губу.

— Что-то случилось? — неприятно слащавым голосом спрашивает у нее Рита. И сам вопрос, и реакция на него Елены доставляют Рите удовольствие.

— Не могу дождаться десерта! — говорит Рита, чтобы поддержать беседу.

— Как и я, — медленно произносит Верещагин, лаская взглядом мои скулы, губы, подбородок, шею и показывая мне и своим гостям, что, вернее, кто достанется ему на десерт.

— Пока накрывают чай и кофе, предлагаю тебе прогуляться, — приглашает меня Никита.

— Прекрасная мысль! — подсакивает Рита, но тут же плюхается на место и виновато

улыбается мне после слов Верещагина:

— Молодожены прогуляются вдвоем, если вы не против.

— Конечно, не против! — мгновенно реагирует Рита. — Мы понимаем!

На лбу Елены Барон бегущая строка «Против!», но это никого не волнует. Снова ведомая за руку, я иду за мужчиной. Теперь в сад возле трехэтажного загородного дома. Виктор Сергеевич безмолвной тенью возникает сзади.

— Не надо! — резко реагирует Верещагин.

— Плащ для Валерии Ильиничны, — настойчиво напоминает Виктор Сергеевич.

— Не надо, — прошу уже я.

Погода во второй половине дня снова наладилась: ленивое сентябрьское солнце появилось на серо-облачном небосклоне — «что? не ждали?», ветер стих.

— Плащ, Валерия Ильинична! — продолжает настаивать мой личный охранник, работающий на Никиту Алексеевича, и неожиданно добавляет. — Пожалуйста!

Освобождаю свою руку и возвращаюсь на пару шагов назад. Виктор Сергеевич помогает мне надеть плащ и еле слышно шепчет на ухо:

— Я рядом.

— Я справлюсь, — так же тихо отвечаю я. — Но... спасибо.

Наши неторопливые шаги по дорожкам, выложенным серой плиткой и украшенным солнечными пятнами. Журчание маленького каскадного фонтана в глубине сада. Стук моего сердца. Масса противоречивых назойливых мыслей, терзающих сознание. Руки я убираю в карманы плаща, не давая взять себя за руку.

— Нас прервали, — вежливо напоминаю я. — Ты начал говорить о том, что же всё-таки тебе нужно и зачем придумана эта странная женитьба.

— Версия с курортом не прокатила? — усмехается он.

— Не прокатила, — киваю я, останавливаясь возле огромного розария.

Кустовые розы, в основном желтые и белые, яркими нежными островками дополняют красоту сада.

— Так за что же ты мстишь? — спрашиваю я, не отводя взгляда. — За смерть отца? Мой отец виновен в смерти твоего?

— Ты прямолинейна, — отвечает Никита. — Нет. Не верно. Я не виню Вяземского в смерти Верещагина. В его смерти виноват совсем другой человек.

Моя теория расплзается на глазах, но я не показываю вида, что удивлена.

— За что тогда мстить Вяземскому? — возвращаюсь я к своему вопросу.

— За мою мать, — говорит Верещагин. — В смерти моего отца виновата моя мать.

— И какая связь с нашей... свадьбой? — спокойно спрашиваю я, хотя его последние слова меня поражают. — Я здесь причем?

Верещагин, прищурившись, смотрит на меня. Скулы его обостряются, выражение лица не предвещает ничего хорошего.

— Твой отец забрал у меня мою мать, я заберу у него его дочь.

— Забрал мать? — позволяю себе переспросить. — Таисию Петровну?

— Да. Та женщина, с которой ты сегодня познакомилась, — моя мать. Но она перестала ею быть в полном смысле этого слова, когда обманула моего отца и стала любовницей Вяземского, — Верещагин говорит устало, отрешенно, словно повторяет слова, много раз проговоренные до этого.

Молчу. Жду, что он скажет дальше. Верещагина это удивляет, но он продолжает:

— Она никогда не станет моей матерью снова. А ты сделаешь для меня кое-что и не сможешь больше быть его дочерью. Вернее, он перестанет считать тебя ею.

Глава 9. Бумеранг

*Не делай зла — вернется бумерангом,
Не плюй в колодец — будешь воду пить,
Не оскорбляй того, кто ниже рангом,
А вдруг придется что-нибудь просить.
Не предавай друзей, их не заменишь,
И не теряй любимых — не вернешь,
Не лги себе — со временем проверишь,
Что этой ложью сам себя ты предаёшь.*

Омар Хайям

То, что сказал только что Верещагин, видимо, очень важно для него. Я понимаю, что каждое слово, брошенное мне, подобрано и подготовлено заранее. Но меня его слова не впечатляют. Во-первых, он явно переоценивает мою роль в жизни моего отца. Во-вторых, таких заявлений без объяснения недостаточно.

— Не вижу связи и логики, — говорю я «мужу». — Ничего противоестественного, грязного, подлого по отношению к моему отцу я делать не буду. Влияния на Вяземского я не имею. Ты выбрал не ту женщину.

— К сожалению или к счастью, у Вяземского нет других дочерей, — пожимает плечами Верещагин. — И ты ничего не поймешь до того, как это произойдет. Уверяю тебя, твой отец уже в курсе и в шоке. Ты знаешь, почему его нет в Москве?

— Потому что он в Киеве, — отвечаю я.

— Потому что ему срочно пришлось туда вылететь, чтобы понять, что происходит, — Верещагин горько усмехается. — И если сейчас он не лежит в больнице с настоящим сердечным приступом, в отличие от моей матери, то уже летит обратно, чтобы предотвратить то, что предотвратить невозможно.

— Много слов — минимум информации, — возражаю я. — До этого момента вы производили впечатление делового человека.

— Я не буду на тебя охотиться, — резко выдыхает Никита. — Ты уже мой трофей. Согласна ты с этим или нет.

— Естественно, не согласна, — спокойно отвечаю я. — У тебя ничего не получится.

— Посмотрим, — так же спокойно реагирует на мои слова Верещагин. — Мы никуда не торопимся.

— Я тороплюсь домой, — сообщаю я. — Ужин весьма затянулся и мало похож на семейный.

— Но ведь и семья у нас с тобой необычная, — напоминает мне «муж». — С сегодняшнего дня мы живем здесь, в этом доме, все вместе. А еще у нас есть своя квартира. Большая, современная, красивая.

— Все вместе? — совершенно искренне смеюсь я, игнорируя информацию о «нашей» квартире. — Втроем или вчетвером? Балерина тоже подьедет?

Верещагин морщится:

— Все вместе — это с моей матерью. Рита часто приходит в гости. Она мой друг.

Елена... как появилась сегодня и благодаря кому, я разберусь.

— Ну, слава богу! — картинно выдыхаю я. — А то я решила, что ты завел гарем. Рита мне, честно говоря, понравилась, но и с ней в одном гареме я бы быть не хотела.

— Многоженство меня не привлекает, — отвечает Верещагин, неожиданно сделав шаг в мою сторону и обняв меня. — Да и кому придет в голову желать другую, когда есть ты?

— Обоюдное желание не привлекает тебя? — смело спрашиваю я, не пытаюсь освободиться. — Тогда тебе придется применить силу.

— Не придется, — в карих глазах поднимается волна страсти, захлестывая и его, и меня. Поцелуй опьяняющий. Я понимаю, что ждала его, этот третий поцелуй Верещагина. Даже готовилась. Поэтому и справилась. Меня не сломили ни его крепость, ни его сладость, ни его продолжительность.

— Я устала целоваться с тобой, — намеренно оскорбляю я недовольного отсутствием моей реакции мужчину. — Я привыкла к другим поцелуям.

Сильные пальцы приподнимают мой подбородок.

— Я уже предупредил тебя, — цедит он. — Нельзя говорить своему мужчине о тех, что были у тебя раньше.

— Вот когда у меня будет мой мужчина, тогда и воспользуюсь твоим советом, — освобождаюсь от захвата. — Пора прекращать этот фарс. Я уезжаю. Привет маме и подругам!

Не успеваю пройти и пары шагов, как меня останавливают.

— Тебе придется остаться. Тебя попросит об этом твой отец.

Не скрываю удивления и холодно спрашиваю:

— Зачем ему это делать? — раз. Зачем мне его слушаться? — два.

— Подождем. Посмотрим, — отвечает мне Верещагин, контрастно мягко предыдущим попыткам взяв за локоть и провожая в дом.

Елены Барон в гостиной уже нет.

— Елена просила извиниться за нее. Ее вызвали на телевидение. Улетела птичкой — видимо, что-то предложили, — рассказывает нам довольная Рита.

Мы молча возвращаемся за стол.

— Вишня в вине. Домашнее мороженое. Панна Котта. Еще фондан! — рекламирует десертный набор Рита, облизывая ложечку, которой подцепила вишенку, и обращается ко мне, говоря горячо и убедительно. — Лера! Мне так хочется познакомиться с тобой поближе, подружиться! Я всю жизнь рядом с Никитом. Я тоже важная часть его жизни!

— Несомненно, важная, — аккуратно соглашаюсь я, не решаясь на ответный порыв. Я не против новых друзей, но мне достаточно старых. Но вслух я этого не говорю. Мне вообще не хочется говорить. Надо переварить то, что сказал мне Верещагин. И позвонить девчонкам.

— Валерия Ильинична! Вас к телефону, — в гостиной появляется Виктор Сергеевич и протягивает мне свой телефон.

Прошу прощения и выхожу из-за стола в соседнюю комнату.

— Лера! — взволнованный голос отца звучит как-то странно, словно он не верит в то, что всё происходит на самом деле. — Ты у Верещагина?

— Да, — отвечаю я. — Мой... муж пригласил меня на ужин. Ты находишь, что это звучит странно? Поверь мне, я тоже. Я ждала от тебя информации, но не получила. Теперь я здесь.

— Возвращайся немедленно домой! Виктор Сергеевич сейчас же тебя привезет! — в

голосе отца если не настоящая паника, то что-то похожее на нее.

— С удовольствием! — почти эмоционально отвечаю я ему. — Скоро буду!

Возвращаюсь в гостиную, чтобы попрощаться, прежде всего, конечно, с Ритой, но не сразу, пару минут стою у дверей, раздумывая. Верещагин стоит у окна гостиной и тоже разговаривает по телефону.

— Да, Илья Романович. Вы поняли верно. Всё будет именно так, как я сказал. Решение зависит от вас и только от вас.

Никита оборачивается в мою сторону и продолжает разговор, не отводя от меня насмешливого взгляда:

— Вы знаете, что должны сказать своей дочери. Вам придется положиться на мое слово. Не верите? Что ж... Другой гарантии для вас у меня нет.

Верещагин слушает ответ моего отца и спрашивает того:

— Так я передаю трубку Валерии Ильиничне? Лера! С тобой хочет поговорить твой отец.

Тщательно скрывая недоумение, беру телефон.

— Лера! — голос отца сух и жесток, как наждачная бумага. — Я не могу объяснить тебе сейчас все подробности, но пока тебе нужно остаться в доме... Верещагина.

Мне хочется спросить отца, в своем ли он уме, здоров ли он, не держит ли возле его виска дуло пистолета какой-нибудь громила, но я не спрашиваю. Насмешливо беспокойным взглядом меня сверлит Верещагин. Решаюсь на импровизацию для проверки дальности ограничительных буйков:

— Хорошо, папа, я вернусь домой. Прямо сейчас и выезжаю.

Насмешка на лице Верещагина тает, как тонкий снежок под весенним солнышком. Он хмурится и недоверчиво смотрит на меня, словно ослышался.

— Подожди, дочь! — в голосе отца я второй раз в жизни различаю нотки искреннего волнения. Первый раз на моей памяти он волновался почти месяц назад, когда я упала в обморок. — Я понимаю, как это выглядит со стороны... Но, Лера, так надо. Всего на несколько дней. Я найду способ договориться с ним.

— Хорошо, — как можно равнодушнее отвечаю я. — Что-то еще?

— Да. История с твоим замужеством — мой промах и его фарс. Ты не должна... — отец замолкает и старается подобрать нужные слова, но не может.

Терпеливо жду, рассеянно улыбаясь Рите, которая переводит ничего не понимающий взгляд с меня на Никиту и обратно.

— Прости, ради бога, Лера. Что бы ни сказал Верещагин, ваш брак я аннулирую очень скоро, и ты не должна..., - отец снова замолкает, решаю ему помочь.

— Я поняла, папа, что ты хочешь сказать, не волнуйся.

— Лера! Я обещаю тебе, что разгребу эту историю, — твердо говорит отец. — И очень скоро.

Мне хочется посоветовать ему, чтобы он подогнал для этого экскаватор, но слишком много ушей слушает наш диалог, и я просто прощаюсь.

— Что-то случилось? — нетерпеливо выпытывает Рита. — Что же? Это серьезно?

— Всё просто прекрасно! — Верещагин рисует на лице улыбку Чеширского кота. — Я уговорил Леру сегодня остаться со мной, меняя предыдущие договоренности.

— Как мило! Так и до свадебного ужина для друзей и родственников недалеко! — умиляется Рита, по-детски хихикая, и просительно обращается к Никите. — Можно мне

сегодня тоже остаться?

Верещагин смотрит на меня и отвечает ей:

— Нет, Рита. Сегодня не до тебя. Извини. Сейчас вызову тебе такси.

— Я понимаю, — вздохнув и подмигнув мне, говорит подруга Верещагина.

Как же ты не права, Рита... Ничего-то ты не понимаешь...

Через полчаса мы остаемся одни. В гостиную бодрым шагом заходит Таисия Петровна и, увидев меня, сидящую за столом с чашкой чая, резко останавливается, словно налетела на невидимое препятствие. Еще как видимое!

— Тебе лучше, мама? — саркастически усмехаясь, спрашивает Верещагин. — Настолько, что ты даже встала, преодолев боль в сердце?

— Я живу с этой болью много лет! — кривится в печальной улыбке Таисия Петровна. — Жаль, что ты, сынок, этого не понимаешь.

— Я понимаю больше, чем ты думаешь, — возражает Верещагин матери. — Но я рад, что тебе легче.

По выражению лица моего «мужа» понятно, что он не рад, а совершенно не сомневается, что ей и тяжело-то не было.

— Чашечку горячего зеленого чая! — устало просит Таисия Петровна у прислуживающей девушки. — Только обязательно «Три самурая»!

Неожиданно Таисия Петровна обращается ко мне:

— Не хотите попробовать, Лера, мой любимый чай? Он с дыней, персиком, грушей, киви, лимонной травой, цветками граната и мальвы.

— Нет. Спасибо. Похоже на компот, — миролюбиво отвечаю я женщине. — Звучит заманчиво, но я уже выпила две чашки черного чая.

— Черный чай портит цвет лица, — наставляет меня Таисия Петровна.

— Такое лицо невозможно испортить, — возражает ей Верещагин, беря мою руку и целуя ее. — Не лицо — икона.

— Обожествлять женщину не в твоих привычках, — поджав тонкие губы, подведенные свежей розовой помадой теплого оттенка, говорит Таисия Петровна.

— Я изменил многие свои привычки, мама. И не только благодаря Лере, но и тебе, — не глядя на мать, отвечает сын. — Мои представления о женщине, заложенные и воспитанные еще отцом, претерпели существенные изменения.

Таисия Петровна снова поджимает губы, но ничего не говорит.

Зато не молчу я:

— Не стоит обожествлять никого. Ни женщину, ни мужчину. Так разочарование слабее и менее болезненное. Но в любом случае переосмыслить свой жизненный опыт всегда полезно.

— У тебя, дорогая, тоже есть такой опыт? — ласково спрашивает меня Верещагин.

— Мне тридцать лет, — напоминаю я. — Конечно, есть.

— А мне почти сорок, — напоминает он. — Но мне неприятно слышать о твоём опыте, касающемся других мужчин.

Таисия Петровна осуждающе смотрит на нас, ведущих новый странный диалог. Мы как будто прощупываем чужую территорию ночью и вслепую.

— Большинство мужчин предпочитают строить серьезные отношения с женщинами из порядочных семей. Им не хочется связываться с неадекватными женщинами, имеющими негативный семейный опыт, — говорю я.

— Ради чувств можно и рискнуть, — тут же отвечает Никита. — Когда мужчину охватывают чувства, он становится слепым.

— И глухим, — добавляю я.

— Тоже опыт? — быстро спрашивает Верещагин и лениво добавляет. — Как тебе за тридцать лет удалось не попасться на крючок самой и никого не поймать?

— Я не люблю рыбалку и охоту, — вслух рассуждаю я, видя, как лицо «свекрови» с каждой нашей репликой, небрежно брошенной друг другу, вытягивается от удивления все сильнее.

— Между вами все хорошо? — осторожно спрашивает она нас.

— Между нами чувство, которое трудно удерживать в рамках, — снова не глядя на мать, поясняет сын. — Держусь из последних сил.

После этих его слов краснеет Таисия Петровна, а не я, как было бы положено.

— Ты смущаешь мать! — вяло возмущается она.

— Хотел смутить не ее, — честно отвечает Верещагин, прожигая меня тяжелым взглядом еле сдерживающего свой порыв человека. — Но Лера у нас человек сдержанный.

— В отца, — парирую я, внимательно наблюдая за реакцией «родственников».

Таисия Петровна нервно сглатывает, отставляя чашку с чаем. Верещагин прищуривается и говорит:

— Я вижу.

Я понимаю, какое чувство он имеет в виду. Это презрительная ненависть. Он презирает меня за то, что сделали когда-то мой отец и его мать. Почему же тогда не самого себя?

— Я устала и хотела бы отдохнуть, — обращаюсь я к «мужу». — У меня много планов на завтрашний день.

— Можно ознакомиться? — лаская взглядом мою шею, интересуется Никита. — Я мог бы помочь.

— Это девичьи заботы, — отмахиваюсь я, вставая и вопросительно глядя на Верещагина.

Он тоже встает и протягивает мне руку. Под подозрительным взглядом матери мы выходим из гостиной и снова поднимаемся по лестнице с чудесными птичками на поворотах перил. Теперь это не второй, а третий этаж. За нами бесшумно движется Виктор Сергеевич.

— Уверена, что мы идем не в мою спальню? — с ленивой усмешкой спрашивает Верещагин.

— Надеюсь на это, — отвечаю я и оказываюсь прижатой к нему.

— Ты не можешь этого не чувствовать, — шепот щекочет висок и ухо.

— Чего? Можно пару подсказок? — уточняю я.

— Влечения, желания, — подсказывает Верещагин, положив большую ладонь на мою спину и поглаживая ее.

— Не буду извиняться, но... нет... не чувствую, — честно вру я, мягко освобождаясь от объятий. — И мне неприятно, Никита.

— Что именно тебе неприятно? Это? — Верещагин привлекает меня к себе и прижимается к моему лбу в каком-то целомудренно братском поцелуе.

— Это неприятно? — Никита спускается поцелуем на переносицу, на кончик носа, на губы.

Этот поцелуй как обещание чего-то большего, намного большего. Мужские губы не сминают мои, как в предыдущий раз, а будто пробуют на вкус. Легко, словно опасаясь, что

вкус может не понравиться, не подойти, оттолкнуть. Потом эта робость преодолевается настойчивым напором: мои губы пытаются раздвинуть, но это не получается.

— Мне казалось, что ты понимаешь человеческую речь, — равнодушно упрекаю я, не вырываясь и не повышая голоса.

— Кукла тряпичная! — резко бросает Верещагин, сжимая кулаки и отступая назад на шаг.

Позади нас раздается негромкое кашлянье.

— Ты еще и дуэнья? — раздраженно, желчно спрашивает Никита, оборачиваясь к Виктору Сергеевичу.

— По вашему же приказу, — спокойно напоминает охранник.

— Это приказ касался всех, кроме меня, — металлическая интонация появляется в голосе Верещагина.

— Таких уточнений вы мне не давали, — продолжает настаивать Виктор Сергеевич.

— Где же моя комната? — прерываю я диалог мужчин.

— Я покажу, — Виктор Сергеевич жестом предлагает мне двигаться дальше по коридору.

— Доброй ночи! — вежливо желаю я Верещагину и иду за охранником.

— Я буду под дверью, спокойной ночи! — Виктор Сергеевич поворачивается, чтобы выйти из гостевой спальни, в которую только что меня привел.

— Зачем? — не могу удержаться от легкой иронии. — Охранять от собственного хозяина?

— Работодателя, — поправляет меня Виктор Сергеевич.

— Есть разница? — не верю я.

— Да, — отвечает он просто и уверенно.

— Вы всерьез будете караулить меня под дверью? — пытаю я охранника.

— Не караулить. Охранять, — он снова меня поправляет.

— От кого? — улыбаюсь я. — От Верещагина или вора-домушника?

— От всех, — улыбается он в ответ. — Спокойной ночи!

Аккуратно вешаю свой костюм на пустые вешалки в пустой шкаф. На полках нахожу несколько махровых халатов, женских домашних костюмов разных цветов и разных размеров в магазинной упаковке. Невольно ухмыляюсь. Под любую невесту и жену подойдет, любого калибра: маленькую и высокую, стройную и пухленькую.

В бело-розовой ванной комнате (для Барби!) есть все, чтобы снять макияж, а потом его нанести. Господин Верещагин приготовил для любой гостьи практически все. Будут в восторге женщины всех возрастов и типажей. От разнообразия выбора косметики захлебнутся слюной и брюнетки, и шатенки, и блондинки. Смотрю на разноцветные баночки. Варька на моем месте схватила бы каждую и перенюхала бы содержимое.

Контрастный душ принимаю, тщательно спрятав волосы под шапочку. Не хочется их мочить и потом долго сушить. Сосредоточенно, не торопясь, расчесываю волосы перед изящным дизайнерским туалетным столиком с изогнутыми ножками. Собравшись мыслями, звоню Сашке и долго, подробно пересказываю события сегодняшнего вечера.

- Вот индюк! — возмущается Сашка.

— Почему индюк? — смеюсь я.

Я расслабляюсь, как только слышу Сашкин голос, словно перелезла из новых жмущих туфель в старые любимые тапки.

— Не знаю! — хохочет Сашка. — Пришло в голову. У бабушки в деревне был. Огромный, противный и злой.

— Огромный и злой — да, — подтверждаю я. — Но не противный.

— Что я слышу?! — вопит Сашка. — Лерка! Ты поплыла?!

— Нет, — неуверенно отвечаю я подруге. — Правда, Саш, не поплыла, но и оговаривать его не буду. Что-то гложет его. Не дает жить спокойно. У них с отцом война. Давняя и тотальная.

— Кошмар! — констатирует Сашка. — Он на тебе женился тайком, чтобы наказать за что-то твоего отца. Ведь даже не скрывает, что мстит! Подумаешь, его мать была любовницей твоего отца! Тоже мне трагедия! Ему ж не четырнадцать, чтобы так реагировать!

— Ему почти сорок, — соглашаюсь я с доводами Сашки.

— Вот! — настаивает она. — Просто он пользуется личными причинами, чтобы замаскировать свои финансовые игры. К гадалке не ходи — здесь замешаны деньги. Большие деньги!

— Скорее всего, — еще раз соглашаюсь я. — Но есть еще что-то, связанное со смертью его отца. Он же сказал, что винит собственную мать.

— Вот и разбирался бы с ней! — возмущается Сашка. — И зачем ему нужно, чтобы ты ночевала в его доме? Чтобы сплетен не было?

— Вот уж что ему точно безразлично, так это сплетни, — уверенно говорю я. — Верещагин убежден, что я, будучи его женой, обязательно помогу ему справиться с собственным отцом.

— Странная уверенность, — размышляет Сашка. — Мне не пора приехать?

— Нет! — смеюсь я. — Такие козыри в начале игры не выкладывают.

— Ладно! — ворчит довольная моим комплиментом Сашка. — Только обещай, Лерка, что ничего не будешь скрывать от нас! Мы с Варькой волнуемся очень! Позвони ей, она тоже ждет.

Сначала торжественно обещаю Лерке ничего от них не скрывать и звонить постоянно, потом набираю Варьку.

— Леруся! — радуется Варя. — Как же я рада тебя слышать!

Второй вариант моего рассказа обо мне и Верещагине получает совсем другую реакцию и другую оценку.

— Странно, Лера, — задумавшись, говорит Варька. — А зачем он со стороны за тобой наблюдал? Что узнать хотел?

— Я тоже об этом думаю, — откликаюсь я. — Если говорит правду и действительно наблюдал, то должен был убедиться, что близких отношений с отцом у меня не было и нет.

— Понимаешь, — Варя медлит и старается быть очень тактичной. — Я бы не торопилась с выводами. Это могут быть и настоящие чувства. Я думаю, что он в тебя влюбился. И старые дела с твоим отцом смешались с новыми чувствами к тебе.

— Ты старая романтичная девушка! — сердце просто щемит от любви к нашей Варьке. Я вообще подобных ей никогда не встречала.

— Старая девушка? — хихикает Варька. — Это оксюморон, Лера! Но за романтичную спасибо! Если он наблюдал лично, то не мог не понять, не увидеть, какая ты замечательная. Это моя версия. Вот увидишь, он влюбился! А узнает поближе — полюбит по-настоящему.

— Я не знаю, надо ли мне это, — остужаю я энтузиазм Варьки.

— Когда сама поллюбишь — станет надо, — мягко, ласково возражает мне Варя. — Это как еда, воздух — без него не можешь жить. Нет! Не так! Можешь, но не хочешь.

— Не всем везет так, как вам с Максом, — теперь возражаю я. — Я свидетель.

— Да, — быстро соглашается Варя. — Нам повезло. Но мы и много работаем на нашу любовь. То, что дают на блюдечке с голубой каемочкой, не ценится дорого, потому что дается дешево. Поэтому будь честна с собой, наши советы можешь не слушать.

— Хорошо, Варюха, — не спорю я и обещаю, прежде чем попрощаться. — Я постараюсь.

На удивление, засыпаю сразу и сплю без сновидений и пробуждений. Утро солнечное, с грибным дождем. Смотрю в окно своей комнаты, выходящее на искусственный пруд, и вижу роскошную радугу. Пусть это будет хорошим знаком.

Долго разглядываю, не трогая, коробочки, баночки, пузырьки, флакончики и решаю ничем не пользоваться. Оставляю лицо без макияжа, просто умывшись.

На завтрак меня приглашает Виктор Сергеевич. Вынуждена надеть тот же костюм. Спускаюсь за серьезным строгим мужчиной в гостиную. Таисия Петровна уже здесь. Она прекрасно выглядит: кремовая блузка под горло и коричневая длинная юбка. И мне по-прежнему кажется, что больше пятидесяти лет ей не дашь.

— Доброе утро! — радостный возглас Риты меня практически не удивляет. Вчера по выражению ее лица было понятно, что ей очень не хочется уходить. Поэтому ее утреннее возвращение было почти предсказуемым. — Какая ты свеженькая, Лера! Без макияжа совсем девочка!

А вот вопрос от Елены Барон о том, как мне спалось, вызывает усмешку, которую я не сдерживаю. Надо же... И эта вернулась.

— Боюсь, по моей вине Лера выспаться не смогла! — раньше меня успеваешь ответить Верещагин. Сам он свеж, энергичен, подтянут. Серая рубашка и темно-синие слаксы. — Прости, дорогая!

Хороший ход. Надо чем-то отвечать.

— Восьми часов сна мне вполне хватило, спасибо, дорогой!

Рита хихикает. Елена растерянно, но довольно улыбается. Таисия Петровна хмурится. Верещагин мрачнеет.

— Давайте завтракать, девочки! — командует Таисия Петровна на правах хозяйки.

Сесть за стол не успеваю — Верещагин перехватывает меня по дороге.

— Уж простите, дамы, но у нас завтрак молодоженов! — весело говорит Никита, поворачивая меня к лестнице. — Иди за сумочкой!

— Как же так? — разочарованно тянет Рита. — Я так торопилась на завтрак, чтобы пообщаться с Лерой. Уверена, и Елена раним-рано встала, чтобы провести утро в нашей компании!

— Не был знаком с вашими планами, — холодно улыбается Верещагин, когда я отправляюсь за сумкой. — Сами запланировали, сами и воплощайте!

В машине через полчаса полного молчания Никита недоверчиво интересуется:

— Тебе совсем неинтересно, куда мы едем?

— Нет, — отвечаю я, поворачивая голову в его сторону. — Смысл? Приедем — узнаю.

Мы сидим на заднем сиденье. Автомобиль ведет Виктор Сергеевич. Верещагин недовольно хмурится, словно я обманула его ожидания. Очень надеюсь, что это так.

Оказывается, завтрак наш запланирован в ресторане «Ноев ковчег». Зал в стиле

восемнадцатого века.

— Я взял на себя смелость сделать заказ заранее, — первые слова, которые говорит мне Верещагин, когда нас провожают к отдельному столику. — Винный салат, ассорти из брускетт, сок, кофе.

— Винный? — вежливо переспрашиваю я, чтобы хоть что-то сказать.

— Свежий тархун, виноград, сыр Чечил, итальянские хлебные палочки гриссини из лаваша, медово-горчичный соус! — докладывает молодой симпатичный официант, восторженно глядя на меня.

— Спасибо! — улыбаюсь я ему.

Настроение у Верещагина портится еще больше:

— Я и забыл, как все на тебя реагируют! Надо было завтракать дома. Но там не поговорить.

— А мы поговорим? — спрашиваю я, пробуя листик тархуна.

— Да. Я выбрал это место за уют и камерность, — отвечает Верещагин, отпивая кофе. — Люблю восточную кухню, грузинскую, армянскую. Поэтому «Ноев ковчег». Ну... и символично.

— Что именно? — вежливо поддерживаю я разговор, отправляя в рот зеленую виноградинку. — Мне кажется, что в выражении «каждой твари по паре» для тебя ключевым словом будет именно «тварь».

— Тебе не удастся пристыдить меня, Лера, — усмехается Верещагин. Светло-серый пиджак отделил темно-серую рубашку и освежил его красивое хмурое лицо. — Я долго продумывал и просчитывал свои шаги, теперь готов к финальной стадии.

— Сколько лет ты живешь этими мыслями? Два? Три? Пять? — спрашиваю я уверенного в себе сильного мужчину. — Чем сильнее человек, тем легче он прощает своих врагов.

— Десять, — отвечает мне Верещагин. — Я живу этим десять лет. В тот день, когда я хоронил своего отца, я понял, на что я теперь способен.

— У тебя не было любовниц среди замужних женщин? — насмешливо говорю я.

— Не было, — Верещагин смотрит на меня снисходительно и вдруг впивается в меня острым взглядом. — А ты предпочитаешь женатых?

— Я предпочитаю порядочных, — просто и спокойно отвечаю я. — А порядочность не зависит от того, женат он или нет. Это категория более широкая.

— Дочь своего отца! — иронизирует Никита. — А то, что верность и преданность — составляющие порядочности, тебя не смущает?

— Ты отказываешь в порядочности моему отцу и своей матери? — догадываюсь я.

— Бинго! — ерничает Верещагин.

— Хорошо, — убираю салфетку на колени. — Поправь, если я ошибаюсь. Мальчику тридцать лет. Он узнает, что мама изменяет ему с чужим дядей. Страшная трагедия.

Верещагин наклоняется ко мне через весь стол, и мне кажется, что он меня сейчас ударит.

— Да. Мальчику действительно тридцать лет, и он узнаёт, что его отец добровольно ушел из жизни, потому что его мать долгие годы изменяла ему с лучшим другом, которого он считал просто вторым отцом.

Молчу и внимательно смотрю на Верещагина. Глаза его стали совсем темными, обострились скулы, поджалась губы. Поскольку он сам сказал то, что сказал, то позволяю

себе спросить:

— Твой отец покончил с собой?

Никита на несколько секунд закрывает глаза, словно собирается с силами, и тихо отвечает:

— Да.

— Это доказано? — уточняю я, испытывая прилив сочувствия к глубине горя этого взрослого сильного мужчины.

— Это скрыто серьезными усилиями, хорошими связями и большими деньгами, — выплевывает из себя Верещагин.

— Моим отцом? — еще раз уточняю я, уже зная, какой будет ответ.

— И им тоже, — получаю я ответ.

Верещагин откидывается назад, я начинаю говорить:

— Мне жаль, что всё сложилось так, как рассказываешь ты. Я не удивлена рассказом о моем отце. Но я не буду во всем этом участвовать. Если ты реально наблюдал за мной около двух лет, то должен знать...

— Я знаю! — перебивает меня Никита. — Я многое знаю о тебе. Я поручил опытному частному детективу собрать о тебе всё, что только можно узнать. А после первого же отчета с фотографиями и видео я регулярно наблюдал за тобой сам. Получалось не часто, но достаточно для того, чтобы узнать о тебе еще больше.

— Тогда мне и объяснять не нужно, — не удержав вздоха, говорю я.

Аппетита больше нет. Как и желания общаться.

— Ты думаешь, я не понимаю, что ты далека от отца и его жизни? — Верещагин зло улыбается. — Знаю, понимаю, принимаю. Но это не отменяет твоей роли в том, что я запланировал.

— Ты заходишь слишком далеко, — медленно говорю я. — Фарс с женитьбой на мне ничего тебе не даст.

— Я так не думаю, — отвечает Никита. — Пока мой план выполняется без сбоев.

— Первый пункт — женитьба. Второй — ее огласка. Третий — совместное проживание, — перечисляю я, не торопясь. — Всё верно?

— Верно, — напряженно отвечает мне Верещагин, протягивая руку, чтобы взять мою. — И мне нужно настоящее совместное проживание.

— Это не нужно мне, — забираю я свою руку. — Трагедия в твоей семье ко мне не имеет никакого отношения.

— Ошибаешься, — по тону понимаю, что Верещагин начинает заводиться. — Отношения твоего отца и моей матери привели к тому, что я потерял самого близкого, самого любимого для меня человека. Ему было всего лишь пятьдесят лет. Твоему отцу нечего терять, кроме своего бизнеса и тебя. И он потеряет всё.

— Не понимаю, — стараюсь говорить спокойно, но его горячность, слепая, непонятная уверенность в абсолютной бессмыслице нервируют меня. — Если ты собираешься меня убить или подстроить мою смерть, то зачем сообщать об этом жертве? Ее муки тебя забавляют?

— Меня позабавят муки твоего отца, получившего справедливое наказание, — устало отвечает Верещагин.

— Он сможет меня защитить, — парирую я. — Да я и сама не беспомощна.

— Надеешься на друзей? — почти смеется надо мной Верещагин. — Глупо. Даже если

Жданов и Быстров используют весь арсенал собственных возможностей, объединившись со своими отцами и с твоим отцом, со мной они не справятся. Без моей подготовки — да. Но ты же помнишь, как давно я начал готовиться?

— Если ты думаешь, что, для того чтобы освободить меня от тебя, мой отец отдаст тебе весь свой бизнес, то ты серьезно ошибаешься. Грош цена твоему частному детективу и твоим собственным наблюдениям, — откровенно насмехаюсь я, перестав беречь его чувства. — Была бы я еще невинной школьницей — куда ни шло! А так...

— Ты явно недооцениваешь его отношение к тебе, Лера, — теперь надо мной насмехается он. — И твой возраст не имеет значения.

— Ошибаешься, — возражаю я. — Возраст женщины всегда имеет значение. Теперь у меня есть мозги.

— У тебя есть, прежде всего, сногшибательная красота, — шепчет Верещагин. — Она значительно усложнила исполнение моего плана. Но не отменила его. И если ты думаешь, что мужское желание твоего тела перевесит желание мести, то это ты ошибаешься!

— Мелко и противно, — презрительно говорю я. — Недостойно такого серьезного и взрослого мужчины.

— Твое презрение я переживу, — равнодушно отвечает Верещагин. — Я из тех, у кого цель оправдывает средство. И мне наплевать как на твои чувства, твои переживания, так и на свои собственные. Даже мать это уже поняла. Думаешь, почему так участились ее сердечные приступы? Она не может поверить, что сама превратила меня в чудовище. А у каждого чудовища должна быть своя красавица. И у меня будешь ты.

— Перечитай Аксакова, — советую я, вставая. — Красавица спасает чудовище любовью. Не боишься?

— Чего? — пораженно спрашивает он. Моя реакция его удивляет.

— Любви, — объясняю я снисходительно, словно передо мной маленький несмышленный мальчик.

— Я в ней не нуждаюсь. Теперь, — отрезает Верещагин и тоже встает.

— Но ты нуждаешься в моей помощи, которую не получишь, — оставляю последнее слово за собой.

— Посмотрим! — «муж» не дает мне быть последней в споре.

Виктор Сергеевич открывает для меня дверь автомобиля и с беспокойством заглядывает в глаза.

— Всё в порядке? — тихо спрашивает он.

— Конечно! — беспечно отвечаю я, еле сдерживая рвущуюся наружу злость. Как там говорит Сашка: «Хочется уронить и пинать ногами!»

И снова мы вдвоем на заднем сиденье. И опять молчим. Когда я в уме проигрываю уже десятый вариант выхода из ситуации, Верещагину звонят. Собеседница говорит так громко и взволнованно, что я слышу каждое слово, несмотря на то, что громкая связь не включена.

— Никита Алексеевич! Тимоше плохо! Что нам делать?

Пока Верещагин что-то отвечает почти рыдающей девушке, потом звонит какому-то врачу, которого называет Федор-дружище, и просит помочь, пока отдает распоряжение Виктору Сергеевичу разворачиваться, я рассматриваю его лицо: лоб, скулы, глаза, губы, подбородок. У него очень интересное лицо. Это лицо мужчины, который всё для себя решил и идет к своей цели. И нет таких препятствий, которые могут его остановить.

Не спрашиваю, что случилось. Никита рассказывает сам:

— Надо помочь одному малышу.

Верещагин, оказывается, почти человек. Конечно, с его возможностями помогать нуждающимся проще простого. Ох, Лера! Некрасиво ты рассуждаешь. Нельзя так. Отодвинувшись как можно дальше от Верещагина, откидываюсь назад, закрываю глаза и думаю, думаю, думаю...

Маленькому мальчику Верещагин готов помогать, а меня, взрослую тридцатилетнюю красивую женщину он использует ради мести. Контрастная личность.

Мы подъезжаем к многоэтажному дому в спальном районе на окраине Москвы. Навстречу паркующемуся автомобилю из подъезда выбегает молодая девушка в джинсах и клетчатой рубашке. Она буквально хватает Верещагина за руки и тянет в подъезд. Никита оборачивается ко мне и быстро говорит:

— Можешь остаться в машине с Виктором Сергеевичем, можешь пойти со мной.

— С тобой, — так же быстро отвечаю я. — Если можно.

— Я же сказал, что можно, — морщится Никита и представляет нас друг другу. — Это волонтер Женя. А это моя жена Лера.

— Вы красавица! — откровенно и громко говорит кудрявая рыжеволосая Женя. — Я думала, что в жизни таких не бывает.

— А где бывают? — усмехается Верещагин, когда мы втроем едем в лифте.

— В кино, в сказках, в книгах, — пожимает худенькими плечами волонтер Женя и переключается на свою проблему. — Тимоша страдает.

— Федор приехал? — спрашивает Никита.

— Да. Через полчаса, как я вам позвонила, — Женя всхлипывает и хватается Верещагина за лацканы пиджака. — А если Тимоша умрет?

Пока Никита пытается разжать Женины пальцы, я вежливо и успокаивающе спрашиваю, чтобы помочь Верещагину:

— Тимоша ваш сын или брат? Вы очень молодая для матери.

— Воспитанник, — подозрительно хрюкает Женя, роняя крупные слезы на дорогую ткань пиджака. — Любимчик.

— Он и мой любимчик, — Верещагину удается спасти пиджак. — Федор обязательно поможет.

В квартире на десятом этаже открыта входная дверь. Мы втроем заходим внутрь, я иду последняя. В просторной большой комнате двое мужчин: один постарше в веселом голубом халате с белыми корабликами и розовой шапочке с клубничками, второй помоложе в джинсах и белой футболке с принтом милейшего розово-голубого ежика.

— Здравствуйте, Никита Алексеевич! — виновато здоровается с Верещагиным мужчина помоложе. — Вот и вас зря дернули!

— Приветствую! — к нам разворачивается второй мужчина и застывает, увидев меня.

Я тоже застываю, потому что в руках у него маленькая обезьянка в человеческом памперсе.

— Я говорил тебе, Никита, что выпил виски, которое ты подарил. И оно галлюциногенное, — громко шутит мужчина в голубом халате и шепотом добавляет. — Мне мерещится фея!

— Тебе явилась, пьяный друг мой Федор, моя жена Лера, — улыбается Верещагин, протягивая руки к обезьянке, которая шустро перепрыгивает к нему и обнимает за шею.

— Обезьяна! — потрясенно говорю я.

— Какая обезьяна! — весело возражает мне Федор. — Разрешите представить, фея! Это малолетний преступник Тимофей! Карманник, мошенник, шулер и вообще рецидивист. А я дядя Федор. Ваш покорный слуга!

— Дядя Федор? — смеясь, переспрашиваю я. — Из Простоквашино?

— Из Долгопрудного, — подмигивает мне Федор, протягивая руку.

Я подаю свою, и он долго держит ее в своих руках, не отпуская, пока Женя не начинает ненатурально кашлять и, вращая зелеными глазами, показывать на Верещагина.

— Черт! — ругается Федор и получает обезьяньим кулачком по подбородку.

Женя смеется и объясняет:

— Тимоша — страшный ревнитель чистоты русского языка! При нем нельзя ругаться! Видимо, его бывшие хозяева были теми еще матерщинниками! Поэтому мы с Женькой ругаемся обыкновенными словами. Целый словарь изобрели.

— Женя! — представляется мне молодой человек и, видя мое удивление, рассказывает. — Да. Мы с Женькой муж и жена. В июне поженились. Евгений и Евгения. Как-то так...

— Чтобы их не пугать, она Женька, а он Евгений, — докладывает мне Федор, не отводя восторженного взгляда. — Ну почему, Верещагин, все красивые женщины твои? Так просто нечестно!

— Оставляю всех остальных тебе! — искренне смеется Верещагин, ласково глядя Тимошку. — Я выиграл джек-пот!

— Нельзя быть мужем феи! — серьезно наставляет Никиту Федор. — Феи блюдут обет безбрачия.

— С чего ты взял? — не верит Федору Женька. — Никогда такого не слышала. Незамужние феи...

— Слышала про замужних? — строго спрашивает Федор.

— Нет... — растерянно отвечает Женька, теребя рыжие локоны.

— Вот! — наставительно поднимает указательный палец Федор, за него тут же хватается потянувшийся к нему Тимошка.

— Вы врач? — спрашиваю я, непроизвольно улыбаясь.

— Я ветеринар, — вздыхает Федор. — Но! Могу измерять давление, считать пульс, делать массаж человекам. Лера! Вам же нужен массаж тела? Желательно всего...

— Федор! — предупреждающе рычит Верещагин. — Попридержи коней! Я неожиданно оказался ревнивым мужем. Что-нибудь тебе сломаю.

— Что же случилось с Тимошей? — спрашиваю я, чтобы поменять тему разговора.

— Объелся шоколадом, — виновато говорит Евгений. — Но это Женькин промах!

— Почему я?! — морковкой вспыхивает рыжая Женька. — Он же его украл!

— Ты на шкафу замок не закрыла! — обвиняет Евгений и объясняет нам. — У нас с Женькой все шкафы на замках. Тимофей — криминальный элемент. Просто угощение его не устраивает, только самолично ворованное. Вот кто ты после этого? Кастрюля!

— Это вместо растяпы! — шепотом смеется Федор и получает обезьяньей ладошкой по плечу.

— Вот слух! — ворчит Федор беззлобно и ласково.

— Давайте пить чай! — радуясь, что всё обошлось, предлагает Женька. — У нас есть пряники, печенье и вафельный торт!

Мы все оказываемся на довольно просторной кухне. Чувствуется, что Женька и Евгений

недавно въехали в эту квартиру. Часть посуды еще в коробках.

— Вторая неделя, как мы заселились, — подтверждает мои мысли суетящаяся Женька. — Тут Никита Алексеевич предложил забрать Тимошку из приюта пока к нам домой.

— А как он в приюте оказался? — спрашиваю я, помогая Женьке расставлять на столе чашки.

— Один папик своей чике на новый год подарил, — рассказывает Евгений. — Не справились — выбросили.

— Выбросили? — не верю я.

— Натурально выбросили! — подтверждает Женька. — Не продали, не сдали в приют, не подарили кому-то, а выпустили на улицу. Зимой. В минус двадцать.

— Его в один из приютов, которым Никита Алексеевич помогает, принесли добрые люди, соседи этих извергов, — подключается к рассказу Евгений. — Мы его еле выводили. Мы там подрабатываем с Женькой по вечерам волонтерами.

— Дядя Федор посоветовал его домой забрать от собак и кошек, чтобы мальчик успокоился и привык к нормальной жизни. Переговоры ведем с тремя зоопарками, чтобы его пристроить, — Женька разливает по чашкам свежесваренный чай.

— Дядю Федора пристроить? — шутит Верещагин, передавая Федору Тимошку и садясь за стол.

— Очень смешно! — фыркает ветеринар, садясь рядом с обезьяной на коленях.

— У нас всего три стула, — извиняется передо мной Женька, садясь на колени к мужу.

— Войдем! — откликается Никита, и не успеваю я понять, что происходит, — как оказываюсь на коленях Верещагина.

Произошедшее никого не удивляет. Мужчины на стульях. Жены на коленях мужей. Тимофей на коленях ветеринара. Сажу на крепком теплом колене, выпрямив спину и напрягшись. Верещагин успокаивающе хлопает по моему бедру ладонью, так же, как он хлопал некоторое время назад по обезьяньей спинке.

Увидев, что я напряглась, Федор подмигивает мне и говорит Верещагину:

— Поменяемся?

Получив в ответ на свое предложение строгий предупреждающий взгляд, Федор нарочито громко вздыхает и продолжает вредничать:

— А почему я не знал, что ты женился?

— А должен был? — иронично выгибает бровь Никита.

— Я бы тебе сказал, — обиженно отвечает Федор.

— Это был порыв, — лениво поглаживая меня по бедру, говорит Верещагин. — Мы не смогли удержаться и поняли, что должны быть вместе немедленно.

Ни его слова, ни поглаживания не провоцируют меня на ответ. Сажу на коленях «мужа» и молчу.

— Угощайтесь! — хлебосольным широким жестом Женька показывает гостям на стол и обращается к Тимофею. — А ты, пипетка, на диете!

Тимофей подозрительно прищуривается, глядя на хозяйку, явно сомневаясь в значении слова «пипетка», но, видимо, не найдя совпадений в своем словаре, ничего не предпринимает.

— Попей еще водички, дружок! — просит его Федор.

Тимофей же вдруг обращает внимание на меня, вернее, на мою маленькую темно-

коричневую сумочку, которую я зачем-то взяла с собой из машины и теперь глупо держала, сидя на чужих коленях. Тимоша шустро хватает сумочку своими черными почти человеческими руками с детскими пальчиками и ноготками. Встретив сопротивление, Тимофей добавляет к рукам ноги, ничем от рук не отличающиеся.

— Тим! — громкий и строгий окрик Верещагина застаёт обезьянку врасплох, и она выпускает из рук-ног мою сумочку. — Нельзя!

Тимофей обижается и, обняв Федора за шею, прячет мордочку на его плече.

— Это какая обезьяна? — миролюбиво спрашиваю я у Федора, глядящего животное по спине.

— Зеленая мартышка, — почему-то шепотом объясняет мне Евгений. — Но он не любит это слово. Наверное, когда его ругали и били хозяева, они его постоянно говорили.

— Его били? — ужасаюсь я.

— Постоянно, — вздыхает Женька. — Федор его долго лечил.

— Я знаю, что это прозвучит грубо и жестоко, но я хотел бы, чтобы таких людей наказывали соответственно, — Федор меняется в лице, его голубые глаза вспыхивают огоньками гнева. — Хозяйка, эта дура, (обезьянка хлопает Федора ладошкой по лбу) была Тимошку ремнем. Настоящим мужским ремнем. Пряжкой! На мой взгляд, ее не надо судить по тем законам, которые у нас есть. Ей надо выписать ровно столько ударов пряжкой ремня, сколько раз она была несчастное животное. Причем, лупила, куда попало: по спине, по голове, по ногам. Как вы думаете, Лера? Вот ваш муж поддерживает мое мнение.

Не ожидая такого серьезного вопроса и не зная, что ответить сходу, я растерянно молчу.

— Женька, добрая душа, всё ждет, когда по стране над такими садистами суды будут с реальными приговорами, а не штрафами, — разбавляет молчание Евгений.

— Не согласен! — горячится Федор, беря второй пряник и откусывая от него почти половину. — Вот получила бы она тридцать ударов пряжкой по холеному лицу, по загорелым плечам, по тонким рукам с маникюром...

— Тогда кому-то, такому, как вы, Федор, надо будет стать палачом, — осторожно, но осознанно говорю я охваченному праведным гневом ветеринару. — Вы думаете, это легко?

Федор распаивает на меня свои голубые глаза, в которых отражается изумление.

— Я?

— Вот вы бы, будь у вас такая возможность, взяли бы на себя выполнение приговора? — настаиваю я. — Кто-то же должен привести его в исполнение? Почему не вы, если так сильно веруете в «око за око»?

— А ты, любовь моя, — Верещагин разворачивает меня к себе лицом, — не согласна с Библией?

— Это слишком буквальная трактовка, — дерзко говорю я, встречаясь с ним взглядами. — Я верю в возмездие.

— Где? Когда? После смерти? — Никита резко бросает в мою сторону вопросы. — Не поздновато?

Я прекрасно понимаю, что мы с ним сейчас говорим не о животных и их истязателях, а о своих отцах.

— Мы не можем знать наверняка, что каждый из нас получит по заслугам там. Поэтому, я уверен, каждый должен получить здесь. Причем, соразмерно содеянному, — Верещагин сух, зол, категоричен.

— Проблема в том, что считать соразмерностью, — вздыхает Федор. — Я понимаю, что

хочет сказать Лера. Помнишь нашу первую неспасенную собаку, Никита?

Я чувствую, как мышцы ног и рук Верещагина напрягаются.

— Не будем об этом! — Никита запрещает Федору продолжать. — Давайте спокойно поьем чай. Тебе какой, Лера, зеленый или черный?

— Спасибо, я еще завтрак не переварила, — устало улыбаюсь я, отказываясь и вставая с колен «мужа».

— Ну, тогда мы, пожалуй, пойдем, — встает и Верещагин. — Спасибо, Федор, за помощь. Я сейчас вызову тебе такси. И вам спасибо, ребята, что Тимошку приютили.

— Приходите проповедать Тимку! — Женька провожает нас до дверей в обнимку с Евгением, а Тимошка ерзает на руках у ветеринара, с вожделением глядя на мою сумочку.

Представляю себе, как этого милашку с круглыми выразительными глазами бьют ремнем по голове, мордочке, ручкам и ножкам, и сердце сжимается в тошнотворном сочувствии.

— У вас, Лера, нет какой-нибудь живности, чтобы я мог ее наблюдать, лечить, если придется? — спрашивает Федор, лукаво улыбаясь. — Может, рыбки аквариумные или попугайчик?

— Нет, — улыбаюсь я в ответ, широко, искренне. — Из живности у меня есть только муж.

— Я мог бы попробовать полечить и его, — чешет затылок ветеринар. — Но что-то мне подсказывает, что, как Тимошка, этот зверюга не дастся.

За «зверюгу» Федор тут же получает черным кулачком по щеке.

— Ты считаешь меня палачом? — неожиданно спрашивает Верещагин уже в лифте.

— Не важно, что считаю я, — медленно отвечаю ему. — Важно, что решил для себя ты. А ты решил мстить. Значит, ты не палач. Палач не может испытывать к жертве никаких чувств: ни ненависти, ни сочувствия. Это его работа. А ты презираешь и ненавидишь.

— Ты права, — крепкое объятие чуть не заставляет меня охнуть от неожиданности. — Я полон чувств. Разных. Противоречивых. Сильных. Значит, я не палач? Так кто же я?

— Реши сам, — выскальзываю из его рук и выхожу из лифта.

— Ты снова не спрашиваешь, куда мы едем? — севший в машину Верещагин зол и насмешлив. Виктора Сергеевича нет. Никита за рулем. Я на переднем сиденье.

— Зачем? — устало отвечаю я. — Или сам скажешь, или увижу.

— Ты... — Никита пытается выразить мысль, но не может подобрать слова. — Ты какая-то странная. Не сопротивляешься. Не просишь ни о чем. Не спрашиваешь.

— Хорошо, — поворачиваюсь к нему. — И куда мы едем?

— Гулять, — неопределенно отвечает он.

— В лес? — грустно усмехаюсь я.

— В тихое место, где можно поговорить, — отвечает он.

— А мы не наговорились? — уточняю я.

— Ты же хотела расставить все точки над «и»? — интересуется он. — Даже требовала.

— И что будет тихим местом? — рассеянно спрашиваю я, думая о своем.

— Сокольники, — Верещагин зловеще улыбается мне. — Мы там гуляли с отцом. Теперь там есть сад астрономов. Там я не был. Давно хотел посмотреть. Посмотрим вместе, как добропорядочная супружеская пара.

Через астральные ворота мы входим в сад астрономов и довольно долго, почти полчаса, молча бродим по кольцам планет, останавливаясь возле их скульптурных изображений.

Недалеко от шарообразной конструкции «Луна» мы находим скульптуру «Целующиеся улитки».

— Их три, — говорю я. — Мама, папа и ребенок.

— Да, — соглашается Верещагин. — Здесь надо гулять с ребенком. Когда я был маленьким, сада астрономов еще не было. Мы с отцом гуляли вдоль прудов с Еремой и Фомой.

Отвечая на мои приподнятые брови, продолжает:

— Первый — курцхаар, второй — дратхаар. Легавые. Мой отец был прекрасным охотником.

— У тебя тоже есть собаки? — спрашиваю я. Мне действительно интересно.

— Есть, — отвечает Никита. — У меня испанский пойнтер Туман.

— Ты любишь собак? — задаю глупый вопрос.

— Конечно! — интонация ответа доказывает мне, что вопрос был по-настоящему глупым.

— А что случилось с первой спасенной собакой? — осторожно уточняю я.

Никита болезненно морщится:

— Не хочу об этом говорить. Забыть хочу. Не получается. Но именно ее судьба привела меня к мысли об обязательном возмездии. Здесь и сейчас. И никак иначе.

— Чьими руками? — настаиваю я на своей позиции. — Чьими руками возмездие?

— Ты же слышала расхожую теорию об эффекте бумеранга? — спрашивает Верещагин.

Мы не спеша идем по аллее парка, и я, как ни стараюсь, не вижу Виктора Сергеевича.

— Слышала, — киваю я. — Теория заслуживает внимания, но не всегда срабатывает на практике.

— Чтобы она срабатывала, надо ей помочь, — Верещагин плотно сжимает челюсти, словно еле сдерживает негодование и это усилие поможет его сдержать.

— Тогда это не теория, — честно отвечаю я. — А ее нарушение. Если бумеранг, то он должен сработать сам. По принципу «Что посеешь, то и пожнешь».

— Да-да, — отмахивается от моего довода Верещагин. — Я помню: «Как аукнется, так и откликнется», «Не рой другому яму — сам в нее попадешь».

— Но ты роешь? — иронизирую я. — Помогаешь фольклору? Бумеранг должен вернуться сам. Им управляет только тот, кто бросил.

— Тогда объясни, почему он возвращается не ко всем? — из интонации Верещагина исчезает насмешка, сменившись досадой. — Что мешает ему вернуться? Моего отца нет. Твой есть.

— Твой отец сам так решил, — еле успеваю сказать я, как оказываюсь расплющенной о каменное тело.

— Мой отец, — сквозь зубы цедит Верещагин, — слепо верил в любовь и дружбу. А твой, как лучший друг, смог показать, что одним поступком можно предать и то, и другое.

Впервые начинаю оказывать физическое сопротивление, упиравшись руками в его грудь и отталкиваясь.

— Твоя мстительная натура, излишняя самоуверенность и высокомерие не дают тебе понять, что ты превращаешься в монстра, — выплевываю я. — Тебе жаль свою спасенную первую собаку, зеленую мартышку Тимофея, но совершенно не жаль меня.

Верещагин тяжело дышит, опустив руки и не пытаясь меня схватить.

— Я дочь Верещагина. Какое отношение я имею к истории наших отцов? Это подло —

пытаться использовать меня в качестве орудия возмездия, — мне становится холодно, и я обхватываю свои плечи руками.

— Подло?! — почти рычит Верещагин. — Подло использовать влюбленную в тебя женщину за спиной верящего тебе мужчины. Подло замаскировывать под чувства элементарную жадность и стремление к выгоде. Подло не выстрелить в упор, а вложить огнестрельное оружие в руки самой жертве. Подло высказывать соболезнование убитой горем вдове и пытаться предложить помощь сыну, зная, что помогал погибшему нажимать на курок.

— Повторю свой вопрос, — настаиваю я. — Меня в этой цепочке твоих рассуждений нет.

— Есть, — вдруг успокаивается Никита. — Ты ахиллесова пята своего отца. Ты отработала свое предназначение.

— Ты лжешь, лжешь сам себе, — упорно возражаю я. — За столько лет ты просто пережил свой собственный план. Фарс с браком вообще за пределами добра и зла.

— За пределами? — Верещагин начинает смеяться. Зло, опустошенно, саркастически. — Что страшного, трагического в своей жизни ты пережила, жена моя? Хоронила родителя? Выла на луну от бессилия перед человеческой жестокостью? Была предана другом? Потеряла любовь, которая была смыслом твоей жизни?

— Ты смешал свою жизнь, свои эмоции и переживания с чувствами и поступками собственного отца, — глубинная злость питает меня энергией сопротивления. — Это твоя боль, но не твоя война. Если мой отец виновен, жизнь накажет его лучше, чем ты. Иначе ты рискуешь потерять больше, чем пытаешься вернуть. Я честно пыталась тебя понять. Но я не согласна с твоей трактовкой событий и твоей попыткой вмешательства в мою жизнь. Я хочу вернуться к отцу. К тебе я больше не поеду.

— Поедешь, — Верещагин смотрит на часы, достает из кармана пиджака телефон и подает мне. — Звони отцу именно с моего. Просто нажми на зеленую трубочку.

подавив порыв бросить телефон в кусты, нажимаю на кнопку.

— Лера! — голос отца по-деловому сух и серьезен. — Всё в порядке?

— Относительно, — уклончиво отвечаю я. — Ответ зависит от того, что ты хочешь узнать.

— Он не трогал тебя? — осторожно спрашивает Вяземский.

— Нет, — морщусь от того, что задан не тот вопрос.

— Я тороплюсь, как могу, — в голосе отца появляется просительная нотка. — Побудь с Верещагиным еще немного, пожалуйста. Скоро я тебя заберу.

— Почему я не могу уехать сейчас к тебе или домой, к матери? — настаиваю я.

— Потому что сейчас нельзя, — торопится ответить мой отец. — Не волнуйся, у меня всё под контролем. Скоро. Я обещаю.

— Что мешает мне уехать домой, плюнув на вас обоих? — не удерживаюсь я от вопроса.

— Он не отпустит тебя, Лера, — в голосе отца появляется металл. — Ты только ухудшишь ситуацию. Тебе нельзя сейчас ничего предпринимать. Тем более, уходить от него.

— Ты уверен, что он не хочет меня убить, — говорю достаточно громко, чтобы Верещагин слышал каждое слово, — покалечить, опозорить, унижить.

Каждое слово Верещагин воспринимает болезненно, как погружение бура стоматолога в больной зуб без анестезии.

— Дорогая, — отец торопится переубедить меня, — что бы он тебе ни говорил, чем бы

ни пугал, он бессилен против меня. Поэтому и пугает.

— Достаточно! — Верещагин протягивает руку за телефоном. — Отвези ее!

Возле меня Виктор Сергеевич с моим плащом. Получив телефон обратно, Верещагин уходит от нас по аллее, не сказав ни слова и не оборачиваясь.

— Пойдемте в машину, Валерия Ильинична, — Виктор Сергеевич заботливо накидывает мне на плечи плащ.

— У меня к вам два вопроса, — резко сбрасывая плащ с плеч обратно ему на руки, говорю я. — Не ответите — никуда не пойду, и вам придется вести меня силой. А это привлечет внимание.

— Вы уверены, что я знаю ответы на эти вопросы? — темно-серые глаза охранника светятся беспокойством и бесконечным терпением.

— По поводу первого — надеюсь, что да. Второго — точно да, — отвечаю я.

— Слушаю, — короткий кивок согласия.

— Не знаете ли вы, что случилось с первой, не спасенной Верещагиным собакой?

— Это был спаниель. Подростки-наркоманы избили его, зачем-то побрили избитого налысо, до голой кожи, а потом подожгли.

Я пораженно молчу. И Виктор Сергеевич молчит, размышляя и разглядывая меня, как будто хочет по выражению моих глаз понять мои мысли.

— Кто подложил на стол отца восьмую папку? — очнувшись от ужаса, задаю я второй вопрос. — Он сам или Верещагин через вас?

Виктор Сергеевич, помолчав пару минут, всё же отвечает:

— Верещагин. Через меня. Но не восьмую. Все восемь.

Глава 10. Противостояние

*Не имеет никакого значения — насколько быстро,
сильно и умело ты можешь ударить,
если ты не знаешь:
кого и куда надо бить и за что...*

Сергей Юрченко

*Я всегда был силён...
никто не мог выстоять передо мной.
Никто.
Но как бороться с тем, кого нельзя ударить?*

Джордж Мартин «Игра престолов»

Загородный особняк Верещагина встречает нас улыбкой огромных окон, смягчающей строгие мужские линии архитектурного стиля с элементами хай-тек.

— Я привезу ваши вещи через два часа, — говорит мне Виктор Сергеевич, провожая в гостиную.

— Лера! — почти бросается мне навстречу Рита, которая сидит около Таисии Петровны, что-то раскладывая на черном стеклянном журнальном столике.

Впервые задумываюсь над тем, что дом Верещагина полон женщин, а построен для мужчин, судя по выбору стиля самого дома и его интерьера. Мне хочется спросить, почему библиотекарь не в библиотеке, но я, разумеется, не спрашиваю.

— Вы завтракали полдня! — обвиняюще обиженно ворчит подруга моего «мужа».

— Мы еще гуляли и общались с друзьями Никиты, — беспечно отвечаю я, продвигаясь к лестнице, чтобы подняться и скрыться в своей комнате.

— С друзьями? — растерянно переспрашивает Рита, задерживая меня репликой.

— С дядей Федором, Женькой, Евгением, — вежливо перечисляю я, вдруг понимая, что эти имена ничего не говорят лучшей подруге Верещагина. — И Тимошей.

На лице Риты теперь не просто растерянность, а потрясенное удивление. Она открывает рот, чтобы спросить, кто все эти люди, но вовремя одумывается и не спрашивает, неловкой улыбкой показывая якобы понимание. Интересный факт, надо обдумать.

— А мы тут карты Таро раскладываем, — бесхитростно сообщает Рита.

— Хорошо, — говорю я, не зная, что на это сказать.

Я никогда не раскладывала карты Таро. Мама несколько раз вместе со мной гадала на картах, но это была обычная колода. Еще в Рождество мы с девчонками гадали на чертика, на свечах, на колечках. Больше для развлечения, чем для получения информации от Вселенной. По-моему, только доверчивая Варька Дымова доверяла гаданиям. Впрочем, что бы ей ни выпадало, она однозначно трактовала это как любовь и счастье с Максом Быстрым. Как показало время, она не ошиблась, а Вселенная не обманула.

— Складывали Пирамиду Влюбленных, — продолжает говорить Рита, смущенно потупившись, потом вдруг хватает меня за руку и тащит к столику. — Таисия Петровна, расскажите еще раз для Леры, что мне выпало, а потом разложим на нее.

— Я не люблю карты, — терпеливо объясняю я возбужденной Рите. — Да и не верю.

— Пожалуйста-пжалуйста! — Рита молитвенно складывает ладошки и тянет их ко мне. — Я очень-очень верю!

Сдаюсь и сажусь на кресло возле столика. Таисия Петровна смотрит на меня настороженно и грустно:

— У Риты интересный расклад, — тихо сообщает она. — Сама Рита — карта Суд. Эта карта говорит о том, что Рита достигла важной стадии в своем духовном развитии. Это лечение старых ран и пробуждение к новой жизни. Карта предупреждает о том, что надо принять решение, требующее объединения интеллекта и интуиции.

Рита благоговейно вздыхает, радостно глядя на меня и мою «свекровь». Во взгляде если только интуиция, никак не интеллект.

— Ее партнер — карта Маг, — продолжает Таисия Петровна, с некоторым раздражением посмотрев на глупо восторженную Риту. — Не дилетант в любви. Человек состоятельный и состоявшийся. Богат, умен, красив, стоит выше многих. Даже романтичен: вы можете разговаривать до рассвета и чувствовать, что вам хочется сказать гораздо больше, чем уже было сказано.

— Разговоры до рассвета! — Рита закатывает глаза. — Когда-то мы с Никитомом...

Она резко замолкает и испуганно смотрит на нас.

— Нет! Лера! Ты не подумай, ради бога, что я претендую!

— Я и не думаю, — успокаиваю я «новую подругу».

Хочется сказать, что с удовольствием отдам «мужа» в хорошие руки, но для счастливой новобрачной эти слова будут больше, чем черный юмор, поэтому снова молчу, чтобы не шокировать женщин.

— Теперь карта Отношение, — строго смотрит на Риту Таисия Петровна. — Карта перевернута.

Рита охает и хватается за сердце.

— Перевернутые карты Таро соответствуют ретроградным планетам, — нехотя поясняет мать Верещагина Ритину неадекватную реакцию и добавляет успокаивающе. — Они не всегда обозначают что-то плохое, но, несомненно, предупреждают того, на кого гадают.

Рита в нетерпении ерзает на кресле, как малышка, ждущая обещанного сладкого. И меня снова неприятно царапает этот контраст возраста и поведения.

— У тебя Луна Перевернутая, — как-то по-старушечьи вздыхает Таисия Петровна. И это тоже весьма странно: «свекровь» настолько хорошо выглядит, что слово «старуха» подойдет ей лет этак через тридцать, ближе к девяностолетию. — Это значит, что союз бесперспективен и даже опасен для вашего здоровья и жизни. Кроме того, есть скрытые враги, которым ваши отношения ненавистны.

— Ох! — печально вздыхает Рита и торопит Таисию Петровну. — А что последняя карта? Она тоже перевернута?

— Да, — Таисия Петровна красивым розовым ногтем с нарисованной на нем нежной, хрупкой веточкой сакуры легонько стучит по карте, на которой изображена седая женщина с косой в длинном сером плаще с капюшоном. — Перевернутая Смерть. Не надо ее бояться. Попытка форсировать перемены не приведет к желаемому результату и не принесет искомого счастья, а лишь исчерпает силы. Расставание с прошлым неизбежно, но это медленный процесс.

— Ну и ладно! — обижается на карты Рита. — Я и не верю вовсе! Правильно Лера сказала — не надо верить!

— Нельзя ругать карты! — Таисия Петровна опять недовольна поведением Риты и ее словами. — Сама уговорила меня гадать, теперь капризничаешь!

— Простите, не буду! — умоляет Рита и уговаривает хозяйку. — Теперь на Леру!

Поразмыслив пару секунд, согласно киваю Таисии Петровне. Она насмешливо смотрит на меня, собирает карты в колоду и перетасовывает, потом подавая мне.

— Перетасуйте сами и выберите четыре карты. Первая — это вы. Вторая — ваш избранник. Третья — ваши отношения сейчас. Четвертая — будущее ваших отношений, — быстро объясняет женщина.

Кладу на столик четыре карты рубашкой вверх. Таисия Петровна аккуратно, по одной, переворачивает их картинкой к нам.

Рита от любопытства вытягивает шею, стараясь рассмотреть рисунок первой.

— Ну что ж... — Таисия Петровна довольна моим раскладом, как будто и не сомневалась, что мои карты лягут именно так, а не иначе. — Ваша карта называется Дьявол. Вы испытываете желание подчинить всё своей воле и установить над всем контроль, что проявляется в безудержном накопительстве или в форме ничем не сдерживаемых сексуальных желаний. Дьявол — дух анархии и экстаза, раскрывающий животную сущность человека. Дьявол хранит несметные сокровища, прежде чем отдать их, он требует низменных и нецивилизованных проявлений.

— Сразу Дьявол? — вежливо уточняю я. — Без вариантов?

— Вы сами тасовали и вытаскивали, — пожимает плечами Таисия Петровна, почти не пряча усмешку.

— А дальше? — с некоторой опаской глядя на меня, спрашивает Рита.

— Партнер Риты — карта Шут, — яркой картинкой на столе моя вторая карта. — Этот партнер может на многое открыть глаза, но у него всегда каверза за пазухой. Для него любовь — забава. Он любит играть, развлекаться, смешить. Но это будет смех сквозь слезы.

— Никитон — Шут? — не может поверить Рита. — Глупости! Я его знаю всю жизнь. Он очень ответственный человек.

— Почему сразу Никита? — кисло морщится Таисия Петровна, будто Рита сказала несусветную глупость. — Мы гадаем на Леру, ее партнера и ее отношения.

— То есть как? — не понимает и настаивает на ответе Рита. — Разве муж не партнер жены?

— Мы говорим о чувствах, а не о браке, — в глазах Таисии Петровны неожиданно появляются лукавые искорки. — Любовь часто связывает не с супругом, а с тем, кого любят.

— Знаете по себе? — аккуратно и осознанно хамлю я. — Жизненный опыт подсказывает?

Таисия Петровна каменеет, побледнев. Рита же краснеет. «Свекровь» резко встает с кресла:

— Мой сын слишком многое себе позволяет, если рассказывает вам эту чудовищную ложь. И вы не в праве...

— Конечно, не в праве, простите, — почему-то не испытывая угрызений совести, отвечаю я, тоже вставая. — Мне нужно отдохнуть, прошу меня извинить.

— Подождите! — вскакивает с места и Рита. — Еще две карты! Нельзя так оставлять гадание.

— Разгадывайте сами! — Таисия Петровна протягивает Рите книгу и выходит из гостиной.

— Садись, Лера! — Рита с нетерпением тянет меня за руку вниз, вынуждая снова сесть. — Смотри! Вот третья карта — ваши отношения. Это карта Император Перевернутая. Сейчас посмотрим в книжке.

Рита открывает толстый фолиант и выразительно читает, словно отвечает урок в школе и очень хочет получить пятерку:

— Один из вас или же вы оба используете друг друга для повышения престижа из корыстных или эгоистических побуждений. Вам не хватает эмоциональной окраски для укрепления союза. Карта обозначает неуравновешенность в отношениях. Например, авторитетный или влиятельный мужчина желает установить любовную связь с молодой и красивой женщиной с целью выглядеть значительнее на публике. Или женщина не чувствует себя комфортно без красивого эскорта и человека, используемого ею для физического удовлетворения. Карта может означать и различные противостояния между партнерами. Вы можете оба бороться за верховенство, отстаивая свою точку зрения, понимая лишь себя и не прислушиваясь к мнению другого. Вам кажется, что правы всегда вы. В этом случае только радикальная перемена отношений может поправить положение.

Рита внимательно вглядывается в выражение моего лица. Мне нечего ей ответить, а с лица эмоции она не считает — не тот уровень отношений со мной. Всё чушь с первой карты. Приехали! Парочка — гусь да гагарочка! Дьявол с Шутом...

— Подожди! — как клещ, впивается в мою руку тонкими пальчиками Рита. — Еще будущее, Лера!

— Может, не надо? — с усталой надеждой спрашиваю я ее, мечтая закончить это цирковое представление. Говорят, раньше гадалки прибивались к цирковым труппам.

— Одна карта, пожалуйста! — Рита переворачивает последнюю карту. — О! Верховная Жрица! Но она перевернутая... Сейчас посмотрим...

Рита снова листает книгу, к выразительности чтения добавляется предсказательно-зловещая интонация:

— В вашей ситуации неблагоприятно продолжать попытки реализовать задуманные планы, потому что вам не удастся преодолеть возникшие трудности. Если вы не отступитесь от задуманного, у вас появятся враги или же всплывут на поверхность секретные сведения о вас, которые не позволят осуществить эти начинания. Тогда вы ясно поймете, с кем или с чем имеете дело. Надо набраться терпения и действовать осторожно.

— Спасибо, Рита, но мне очень хочется отдохнуть, может, даже поспать, — твердо прерываю я ее и всё-таки направляюсь в свою комнату.

— Не проси выход в театр! — кричит мне вдогонку Рита.

— Какой театр? — торможу у первой ступеньки, ей, наконец, впервые удается меня удивить, и я этого не скрываю.

— Сегодня мы идем на концерт! — радостно отвечает мне Рита, получая удовлетворение от моей растерянности и неинформированности. — Никитон сказал, что я тоже приглашена. Просил передать тебе, сказал, что не может до тебя дозвониться.

— Когда сказал? — задумываюсь я.

— Звонил. За полчаса до твоего возвращения, — рассказывает Рита и тут же расстраивается. — Ты против, чтобы я пошла с вами? Вам хочется проводить время только вдвоем?

Мне хочется ответить, что я против того, чтобы идти самой. Но вслух посоветовать им пойти без меня не решаюсь. Не хочу, чтобы эта девочка-женщина вмешивалась еще и в мои отношения с «мужем».

— Что ты! Какое уединение в театре? — дарю Рите улыбку. — Буду рада!

Через пару часов, благодаря Виктору Сергеевичу, в моем шкафу в доме Верещагина одежды больше, чем в Нарнии. Так мои лучшие подруги, Сашка и Варька, называют мой платяной шкаф дома у мамы. За три недели, что я живу у отца, он уже завалил меня подарками, да и сама я первые недели посвятила новому гардеробу.

Какой концерт? Зачем? Понятно одно: Верещагин закрепляет в сознании окружающих образ нашей счастливой супружеской пары — раз. Демонстрирует мне, что управляет событиями моей жизни, — два.

— Ухаживает за животными? — пораженно спрашивает Сашка, которой я звоню после контрастного душа. — Неожиданно! Охотник ему подходил больше, чем волонтер.

— Не сам ухаживает. Я поняла, что он финансово поддерживает приюты, — объясняю я. — Хотя лично знает и волонтеров, и ветеринара. Общается с ними, даже дружит.

— Почти святой! — недовольно фыркает Сашка. — А тебя использовать пытается! Не забывай об этом!

— Отец обнадежил меня, что справится с ситуацией, — спокойно рассказываю я. — Да и как использовать? Не понятно. Так ничего, кроме совместного проживания, и не потребовал.

— В постель тащит? — предсказуемо сердится Сашка.

— Да не тащит, вроде... — честно отвечаю я. — Так... Пара неуместных шуток.

— Что планируешь? — волнуется Сашка. — А вернуться домой, к маме, к нам?

— Отец просит не делать этого. Да и технически проблематично. Меня охраняют, — объясняю я подруге.

— Жесть! — стонет Сашка. — Триллер какой-то! Всё у вас, небожителей, не по-человечески!

— Каких небожителей? — расслабившись, смеюсь я. Сашка, как всегда, подняла мне настроение.

— Обыкновенных. Богатых и влиятельных, — отвечает Сашка. — Охрана, тайны семейные, деньги большие, люди странные.

— Это не моя тайна. Не моя война. Не мой мир. Я не хочу и не буду в нем жить, — твердо говорю я.

— Не сомневаюсь, подруга! — клянется мне Сашка. — Что бы ты ни сделала, можешь на меня и всех нас рассчитывать!

— Я знаю, — еще тверже говорю я. — Я знаю, что у меня есть вы. Поэтому я сильнее.

— Слушай, Лерка, лиши его сна и отдыха! — категорично требует от меня всегда предпочитающая активную позицию Сашка. — Запутай его, разрушь планы — пусть так запутается, что перепутает день и ночь, черное и белое, пол и потолок! Только так можно заставить его отступить от придуманного и выношенного плана мести тебе и твоему отцу.

Второй звонок Варьке и разговор с ней становятся для меня полной неожиданностью. Выслушав последние новости, Варька вдруг поддерживает Сашкину стратегию:

— Леруся! Сашка права. Он тебя, как овечку на заклание, использует. Покажи ему, какая ты на самом деле. Он уже влюблен, но сопротивляется этому. Чем сильнее будет чувство, тем грубее и жестче он станет. Но это только сначала. Потом его накроет по-

настоящему — и он не сможет нанести тебе вред. Может, это и есть выход, если по-другому с такими людьми не справиться?

— Это манипулирование людьми, — напоминаю я Варю. — Помнится, Максим у тебя за это чуть не получил десять лет лагерей без права переписки. И это при том, что он адвокат и мастер манипулирования, я бы сказала — гений.

— Я была неправа, — просто и искренне отвечает мне Варька. — Наша жизнь во многом всё-таки игра. Какая хочешь: и шахматы, и покер, и театр. И игроки мы разные. Кто-то гроссмейстер, кто-то новичок, кому-то просто везет. У тебя сильный противник — играй на своей территории и по своим правилам.

— Узнаю стиль Михаила Ароновича, — ласково смеюсь я. — Это у тебя от него. Поговорила с тобой — и сразу легче.

— С кем поведешься, так тебе и надо! — веселится Варька, прощаясь и чмокая трубку.

Что ж, господин Верещагин! Решили использовать меня в качестве жены? Тогда я использую вас в качестве мужа.

Выбираю черное вечернее платье чуть ниже колена. Оно прямое. Очень широкие рукава с разрезом по всей длине заканчиваются узкими манжетами, расшитыми стразами. Черные вечерние туфли-лодочки с ремешком на серебряной шпильке дополняют придуманный образ. На v-образном вырезе платья гармонично смотрится оригинальное авторское кольцо из белого золота «Бригантина», которое подарил мне отец на тридцатилетие.

— Девятьсот шесть ограненных бриллиантов, — сказал он тогда. — Я очень хочу, чтобы у твоей красоты была настоящая огранка.

— Мне всегда казалось, что огранка из порядочности и доброты тоже подойдет, — сыронизировала тогда моя мама, заставив отца поморщиться.

Осталось придумать прическу. Поскольку от услуг мастера я отказалась, хотя Виктор Сергеевич настойчиво предлагал, почти час трачу на свои волосы, делая греческий узел. Еще полчаса уходит на макияж. Крашусь и с щемящей теплотой вспоминаю, как мы делали это вдвоем, с Варькой и Сашкой, когда собирались на выход. Это всегда был настоящий ритуал: выбирали косметику, советовались, даже спорили. Я редко останавливала свой выбор на вечернем макияже, а подружки иногда настаивали.

— Блин! Лерка! — смеялась тогда Сашка. — Дай хоть посмотреть, как всех переклинит! Это ж как в театр или в кино сходить!

— Правда, Леруся! — подключалась и Варька. — Это просто завораживающее зрелище. Хотя... мужчин, конечно, жалко...

Маргарита Ковалевская и Никита Верещагин ждут меня внизу. На Рите красивое темно-зеленое платье и сливочно-кремовые туфли на высоком каблуке, делающем ее солиднее. Волосы собраны в простой пучок на затылке. Счастливая и очень милая.

Верещагин в серых брюках, черном пиджаке и белой рубашке. Мрачный и очень красивый.

Увидев меня, Рита некрасиво открывает рот, а Никита замирает и смотрит не отрываясь. Взгляд из пораженного увиденным постепенно превращается в разозленно-страстный.

— Я готова, — сообщаю я очевидное, впервые в жизни глупо наслаждаясь тем, какое произвела впечатление своим внешним видом, и позволяя Виктору Сергеевичу одеть на меня белое легкое пальто-халат с поясом.

— Ты принцесса! — провозглашает Рита, которой короткий черный плащ помогает

надеть Верещагин.

— Она просто фея, — неожиданно хриплым голосом говорит Никита. — Просто замужняя фея.

Недавние воспоминания заставляют меня искренне улыбнуться и Рите, и Никите.

— Спасибо! — откликаюсь я на комплименты и сама беру под руку Верещагина.

Он удивленно на меня смотрит, но ничего не говорит.

— Какой концерт? — оживленно спрашиваю я «мужа», который сидит на переднем сиденье возле незнакомого мне водителя.

Верещагин оборачивается, странно глядя, но отвечает на мой вопрос не он, а Рита:

— Современная классика. Шедевры Поля Мориа и Джеймса Ласта. Здорово, правда?

— Здорово! — соглашаюсь я, аккуратно разглаживая подол платья на коленях.

Поднимаю глаза и натываюсь на глубокий взгляд, в котором и страсть, и досада, и раздражение. Весь путь до Концертного зала в салоне автомобиля ощущается напряжение, которое время от времени мы с Ритой разбавляем ничего не значащими репликами:

— Какое потрясающее кольцо! Это подарок Никитона? — с неприкрытым любопытством и завистью Рита.

— Это подарок отца, — с вежливым вниманием я.

— А вы останетесь жить с Таисией Петровной или уедете в свою квартиру? — заранее огорчаясь, Рита.

— Мы еще не обсуждали, — заранее соглашаясь с решением «мужа», я.

— А свадебный прием всё-таки будет? — настойчиво намекает Рита.

— Мы как раз выбираем место, — вдохновенно вру я.

В тот момент, когда Верещагин помогает мне выйти из машины, подол платья предательски задирается, и взору постороннего для меня человека открывается кружевной край ажурного черного чулка.

— Простите, — виновато бормочу я.

Сашка мною бы гордилась: так незаметно, но мастерски придержать подол локтем можно только после долгих тренировок, а у меня получилось с первого раза.

Верещагин хмурится, заметно сглатывая и слегка дергаясь. А что вы хотели, дорогой муж? Женские ноги, они такие... Длинные, стройные, знойные... Кстати, почему «знойные»? Как ноги могут быть знойными? Надо будет спросить у Варьки. Такими глупостями занимаю свою голову, пока мы идем от парковки в фойе Концертного зала.

— Лера! — неожиданный окрик заставляет меня оглянуться. Вместе со мной останавливаются Никита и Рита.

К нам подходят... Надо вспомнить их фамилию... Да. Виноградовы. Друг моего отца и отца Никиты, Николай Игоревич Виноградов. Его дочь Ада и сын Андрей. Окликает меня именно он, Андрей.

— Лерочка! Никита! Маргарита! — бодро перечисляет наши имена Николай Игоревич, приблизившись. — Надо же, где мы с вами встретились!

— Лера! — с каким-то придыханием повторяет мое имя Андрей. — Я так рад!

— Моя. Жена. Тоже. Очень. Рада. Встрече, — чеканит Верещагин, такой своей реакцией заставляя меня довольно улыбнуться Виноградовым.

Андрей сникает, но быстро берет себя в руки:

— Твоя жена, Никита, прекрасна! Ты уверен, что заслужил такую?

— Я ее не заслужил, — тут же отвечает на выпад Верещагин. — Я ее встретил и

покорил.

— Лучше не скажешь! — хвалю я «мужа» и, потянувшись к его щеке, оставляю на ней легкий поцелуй.

Верещагин снова вздрагивает, словно его прошел слабый удар тока. Рита и Ада скептически разглядывают друг друга. И это выглядит очень странно: этакий поединок сорокалетней и двадцатилетней. Рита вполне могла бы быть матерью девушки.

— Опоздаем! — цедит Ада, и все, дежурно улыбнувшись друг другу, заходят в здание.

Концерт был прекрасен, Верещагин был ужасен. Места у Виноградовых оказались на ряд впереди и на пару кресел левее. В течение всего первого отделения Андрей не отрывал от меня восторженно влюбленного взгляда, я видела это краем глаза, поскольку твердо решила не поощрять его. Эту восторженность своим грозным ответным взглядом пытался погасить мой «муж», но у него ничего не получалось. Андрей вредничал, я веселилась, Никита заводился, музыка Поля Мориа слегка смягчала, я бы сказала, скрашивала ситуацию.

— Ты его поощряешь! — сердито шепчет мне Верещагин.

— Чем же? — мягко спрашиваю я, положив свою руку на его. — По-моему, это вы глаз друг от друга не отрываете. Не опасаясь пикантных сплетен?

— Нахал малолетний! — шепотом рычит он.

— Неправда. Очень симпатичный малыш! — ласково спорю я.

— Малыш? Звучит слишком сексуально, — нападает на меня «муж». — Что вообще происходит, Лера?

— А что-то происходит? — придуриваюсь я.

Недовольные взгляды окружающих заставляют нас замолчать. Разговор продолжается в антракте, когда мы останавливаемся возле огромного зеркала.

— Ты задумала обольстить меня? — обвиняет Верещагин. — Ты думаешь, что я настолько самец, что паду ниц перед красивой женщиной?

— Самцы не падают ниц, — поправлю я его, ловя на себе, на нас обоих множество любопытных взглядов.

Наше отражение в театральном зеркале во всю стену завораживает и меня. Высокий дергано хмурый мужчина и высокая спокойно улыбчивая женщина.

— Ты права, — мужчина в отражении неожиданно публично прижимает женщину к себе и говорит на ухо жестко и грубо даже для него. — Самцы просто берут самок, когда и где захотят.

Вспоминаю один из вечеров дома у Варьки и долгие беседы с ее любимым соседом, врачом-психиатром Михаилом Ароновичем, из-за мощного влияния его личности я когда-то и решила стать врачом, и отвечаю пространно, вежливо и непонятно для Верещагина:

— Самец может быть альфа, бета, гамма, омега или сигма. Тебе надо сначала определиться, чтобы выбрать свою самку. Но это точно буду не я. При любом раскладе.

— А какой тебе нужен самец? — жарко выдыхает Верещагин, заметными усилиями удерживаясь от того, чтобы не утащить меня за высокую мраморную колонну, подальше от зеркала и от посторонних взглядов, чтобы прибить, наверное.

— Не такой, как ты, — теперь выдыхаю я, опалив своим дыханием его губы, которые так близко.

— Я взял для тебя холодное шампанское! — возле нас появляется без разрешения перешедший со мной на «ты» Андрей Виноградов, который протягивает мне бокал.

Верещагин от такой наглости даже теряется на несколько секунд, которых хватает,

чтобы я взяла прохладный бокал, поблагодарила и даже отхлебнула.

— Taittinger? — узнаю я любимое шампанское Игоря Жданова, которым он изредка угощает нас, своих друзей.

— Да! — радуется Андрей, глядя на меня глазами преданной собаки, надеющейся на похвалу хозяйки. — Официальный поставщик шампанского для ФИФА.

— Спасибо! — еще раз благодарю я назойливого поклонника.

— Значит, это вы секретная жена Никиты? — кто б сомневался, возле нас и хорошенькая Ада Виноградова.

— Секретная? — любопытствую я, внутренне поражаясь, какой точный эпитет выбрала Ада, но вслух говорю. — И от кого же это секрет? Я знала точно.

— Для нас. Для всех, — Ада пожимает узенькими плечиками. — Ни приема, ни свадьбы, ни хроники.

— А где Рита? — игнорируя слова Ады, спрашиваю я Никиту.

Пока Верещагин, давящий на меня и Андрея, стоящего рядом, грозным взглядом обманутого мужа, растерянно оглядывается с выражением типа «А кто такая Рита?», Ада снова обращается именно ко мне:

— Вы подружились с этой малахольной?

— Прекрати, ведешь себя... — краснеет и морщится от неловкости Андрей. — Простите...

Ада фыркает, но не извиняется. Верещагин в недоумении смотрит по сторонам. Рита появляется под руку с Николаем Игоревичем.

— Потеряли меня, наверное? — смущенно спрашивает она, неловко улыбаясь. — Мы болтали.

— Маргарита — единственный знакомый мне библиотекарь, — смеется Николай Игоревич. — Обсуждали новинки иностранной литературы.

— Я последний раз в библиотеке был в студенческие времена, — поддерживает тему разговора Андрей.

— Смотря что читать, — серьезно отвечает ему Рита, на короткое мгновение превратившись в нудную библиотекаршу. — Если беллетристику, то да, можно обойтись и без библиотеки. А если серьезные работы, существующие в одном экземпляре...

— Моя подруга любит читать только бумажные книги, — вспоминаю я о любимой Варьке. — Очень любит шуршание страниц и запах типографской краски. Если в день не прочла страниц триста — день прожит зря.

— В этом есть своя прелесть, — соглашается Андрей, не отводя от меня взгляда, показывая, кто здесь настоящая «прелесть».

Я чувствую внутреннее раздражение происходящим, которое переполняет Верещагина. А кто говорил, что будет легко? Причем, это только начало.

Перед тем как войти в зрительный зал, Верещагин отправляет меня вперед и придерживает за локоть Андрея Виноградова. Никита произносит какую-то короткую фразу — Андрей заметно бледнеет, глаза его вспыхивают угрожающе, но он не спорит и ничего не отвечает. В течение второго отделения концерта Андрей больше не поворачивает ко мне голову, а Верещагин сидит спокойный и довольный собой, как авторитетный кот в подвале, полном запуганных его присутствием мышей. Рита, сидящая по правую руку от Никиты, время от времени бросает на меня, не на него преданно восхищенный взгляд.

Выйдя из Концертного зала на парковку, мы видим всё семейство Виноградовых,

которое ожидает нас возле Верещагинского черного Audi.

— Друзья! — пафосно произносит Николай Игоревич. — Такой прекрасный вечер и такая неожиданная встреча! Давайте продолжим ее в более тесной обстановке! Приглашаю всех на ужин к нам. Можно в ресторан на ваш выбор.

— Спасибо! — Рита почти подпрыгивает от восторга. — Было бы здорово!

Глаза Андрея, украдкой смотрящего на меня, светятся затаенным удовольствием. Ада смотрит на отца с нескрываемой досадой и разочарованием. Рита умоляюще глядит на Верещагина.

— Спасибо, но мы с Лерой приглашены на день рождения. И уже опаздываем из-за концерта, — сухо отвечает Никита, обнимая меня за талию. — Но ты, Рита, вполне можешь принять приглашение господина Виноградова.

— Никита, — морщится Николай Игоревич. — Ты, как всегда, можешь называть меня дядя Коля.

— Дядей Колей вы были много лет назад, — без улыбки отвечает Никита и, помедлив пару секунд, добавляет. — Дядя Коля и дядя Илья умерли в тот же день, что и мой отец.

Наступает неловкое молчание, тяжелое, давящее. Молчание как наказание. Значит, Верещагин считает виноватым и этого друга своего отца. Может, его недовольство поведением Андрея вовсе не ревность взрослого мужчины по отношению к фиктивной жене, а часть его собственных сложных отношений с этим миром, предавшим его отца.

Попрощавшись со всеми небрежными кивком, Верещагин буквально запикивает меня в автомобиль на заднее сиденье. Кивок — и водитель с охранником выходят. Мы уезжаем вдвоем.

— Не спросишь, у кого день рождения? — в зеркале заднего вида насмешливые глаза довольного своей выходкой мужчины-мальчишки.

— Увижу, — отвечаю я и спрашиваю. — А это удобно, если с тобой буду я?

— Боюсь, если я буду без тебя, именинник удивится, — загадочно смеется Никита, у которого заметно улучшилось настроение. — Не спросишь, куда едем?

— Если хочешь, спрошу, — миролюбиво соглашаюсь я, хотя спрашивать и не собиралась. Зачем? Что от этого изменится? Маршрут? — Никита, скажи, а куда мы едем?

— Именинник выбрал Темпл-Бар на Бауманской, — услужливо говорит Верещагин.

— У нас есть подарок? — интересуюсь я, почувствовав, что Никите хочется общаться.

— Есть, не волнуйся, — улыбка в зеркале.

В уютном зале на кремовых диванчиках с большими пестрыми подушками вокруг темно-коричневого длинного стола сидит веселая разношерстная компания во главе с дядей Федором. Людей много, человек пятнадцать.

— Друзья! — Федор, обнимавший до этого платиновую блондинку в розовом мини, вскакивает в радостном порыве. — Они пришли! А вы не верили! Мой добрый гений Верещагин и его красавица-жена Лера.

— Верещагин, Верещагин! — щебечут молоденькие девушки, хихикая и толкая друг друга локтями. — Сам Верещагин!

— Дожили! — обнимая Никиту, иронизирует Федор. — Сам Верещагин! Какой почет имениннику!

— Не завидуй! — усмехается Верещагин. — Я brutальнее тебя и харизматичнее. У девочек просто хорошее зрение.

— А я храбрее! — хохочет блондин Федор, которому очень идут черная футболка и

черные джинсы. — Ты боишься змей!

— Опасаюсь, — поправляет друга Никита.

— Вид у вас какой-то... светский, — внимательно рассматривает нас Федор. — Откуда такой бомонд к скромному ветеринару?

— С концерта, — объясняю я, улыбаясь и протягивая руку имениннику. — С днем рождения!

— Ее можно целовать? — с надеждой спрашивает Федор Верещагина.

— Конечно... нет, — с ленивой усмешкой отвечает Никита.

— Так и знал! — сетует Федор, пожимая мою руку. — Можно хотя бы на «ты»?

— Конечно... да! — смеюсь я.

С противоположного конца стола со счастливыми улыбками нам машут Женька и Евгений. Федор усаживает нас рядом с собой, требуя от Верещагина тост.

— За благородного и сильного человека! — поднимает рюмку коньяка Никита. — Мой... наш подарок подгонят, куда скажешь.

Верещагин достает телефон и показывает Федору фотографию. Сказать, что Федор поражен — ничего не сказать. Он распахивает глаза и странно стонет:

— Не может быть! Это он? На ходу?

— Может. Он. На ходу, — улыбается Никита, подмигивая и показывая фотографию мне. — «ИЖ-49». Раритетный мотоцикл. Федору достался от прадеда.

— Никита его восстановил! Представляешь, Лера?! — перевозбужденный Федор залпом выпивает огромную кружку пенного пива. — Мне все мастера отказали! Я счастлив! Спасибо, друг!

В течение двух часов я сижу рядом с Верещагиным с бокалом прохладного белого вина в руках и наблюдаю за происходящим. Девчонки, окружающие Федора, строят глазки Никите, виновато мне улыбаясь. Гости произносят тосты, рассказывают байки из жизни ветеринара дяди Федора.

Верещагин прижимается бедром к моему бедру и, как я ни пытаюсь отодвинуться, становится только хуже. Горячее мужское бедро опалает меня жаром, словно мы сидим в сауне, а не в баре. Мне кажется, что чулок на правой ноге сейчас просто расплавится, и я получу ожог. Никита смотрит на мою ногу, но, кажется, что видит он ту самую резинку от чулка, которую я опрометчиво показала ему, выходя из машины.

Верещагина раздражают противоречивые чувства и эмоции: это понятно и по тому, как он каменеет каждый раз, когда контакт бедер усиливается, и по тому, как время от времени смотрит на меня, жарко, тяжело, пугающе. Карие глаза то вспыхивают, то мутнеют, подергиваясь легкой дымкой плохо контролируемой страсти. Похоже, скоро меня ждут серьезные проблемы. Не тот это мужчина, которого можно разжечь, растравить, а потом просто отставить остывать в сторонке, как свежее испеченного Колобка на подоконнике.

Поэтому, когда Женька встает из-за стола, чтобы выйти в туалет, то я, пользуясь ранее состоявшимся знакомством, быстро встаю тоже и иду с ней.

— Привет! — обращается к моему отражению рыжеволосая приятельница, прихорашиваясь у туалетного зеркала. — Выглядишь... офигенно! Тебя никогда не пытались украсть? Можно ведь на «ты»?

— Нет! — смеюсь, вру я, вспомнив происшествие в театре с Сергеем-Филиппом. — Никто и никогда. И да. Можно.

— Странно! — хихикает Женька и убежденно добавляет. — Тогда должны пытаться

отравить! Вон, Федины подружки талантливее Тимофея кривляются, чтобы Никите Алексеевичу понравиться. А теперь такое препятствие в виде тебя!

— Я оставила без присмотра бокал с недопитым вином! — охаю я. — Что теперь будет?

— Его отравят! — констатирует Женька. — Я бы обязательно отравила!

— Жестоко! — картинно сокрушаюсь. — За что?

— За красоту, — пожимает плечами Женька, вытирая руки. — Потому что нельзя быть на свете красивой такой... Ты ж в курсе?

— В принципе, да... — теперь плечами пожимаю я.

— Это хорошо, что ты замужем, — Женька аккуратно расчесывает свои кудри. — Чтобы не было соблазна у других. Никита Алексеевич тебя защитит.

— На меня никто и не нападает, — отвечаю я, проверяя, в порядке ли моя прическа.

— Потому и не нападают! — убежденно говорит Женька. — Мне из Евгения своего еще растить и растить мужчину. А этот — лучшее, что может быть! Вырос уже до встречи с тобой. Тактичный, добрый, умный, сильный...

— Верещагин? — на всякий случай уточняю я, услышав чьи угодно качества, но только не его.

— Разве ты не в такого влюбилась? — Женька тщательно подкрашивает губы.

— Ты права, — быстро соглашаюсь я, чтобы не развивать эту тему. — Именно в такого.

Верещагин ждет меня на выходе, Женька, по-глупому хихикнув, убегает в зал.

— Ребята перебираются в ночной клуб. Поедем? — заглядывая мне в глаза, спрашивает Верещагин.

— Мне бы не хотелось, — отвечаю я честно. — Я люблю ходить в такие места только с близкими друзьями, а не в большой чужой компании.

— Кто может быть ближе мужа? — Никита мягко притягивает меня к себе, прижав мой живот к своему бедру.

— Настоящий муж, — настойчиво отодвигаю его я.

— Я готов стать настоящим, — он снова берет меня за талию.

— Когда закончится эта комедия, я сама выберу себе мужа, — убираю его руки со своей талии.

— Когда же трагедия успела превратиться в комедию? — недовольством Верещагина можно намазывать бутерброды, как сливочным маслом. Он кладет правую руку на мою шею сзади. — Чем смерть моего отца тебе так смешна?

— Ты прекрасно понимаешь, что именно я имею в виду, — отвечаю я, не сумев освободиться от захвата и нападая словами. — Смешна не смерть, конечно, а твои попытки отомстить по-шекспировски. Стоило ждать десять лет? Почему не сразу? По горячим следам?

Верещагин внимательно смотрит на меня, будто раздумывает, достойна ли я честного ответа, потом всё-таки говорит:

— Тогда, десять лет назад, я знал немного, зато во многом ошибался. Этих лет хватило, чтобы получить информацию и принять решение.

— За всех? — презрительно уточняю я.

— Конечно! — не менее презрительно отвечает он. — Если учитывать желания всех, то придется отказаться от собственного плана. А это не входит в мой план.

— Когда же я узнаю суть своей роли? — решаюсь спросить я, разозленная его тавтологией. — Ты хочешь пустить моего отца по миру, а меня опозорить публично?

— Очень неумный план, — зло усмешается Верещагин. — Твой позор — теперь и мой позор. Муж и жена — одна сатана. Я не собираюсь разорять твоего отца. Он всё отдаст сам. Всё сам. Как он любит...

— Мы можем поговорить в другом месте? — оглядываясь на дверь туалета, спрашиваю я.

— Естественно, — Никита отпускает мою шею и берет за руку. — У нас дома. В нашей новой квартире.

Мы прощаемся с Федором и его гостями и идем в машину.

— И где мы живем? — спрашиваю я, демонстрируя «мужу» заинтересованность.

— На пересечении Нового Арбата и Никитского бульвара. Театральный дом на Поварской, — насмешливо отвечает Верещагин. — Устраивает?

— Менее километра от Кремля? — не удивляюсь, констатирую. — Зачем такая роскошь?

— У моей жены должно быть всё самое лучшее, — просто отвечает Никита.

— У настоящей — да, несомненно, — искренне соглашаюсь я. — Так и будет, не сомневаюсь. А для этого спектакля это просто декорации. Не слишком ли дорогие?

— Отчасти, — кивает мне Верещагин. — Тебе понравится. Пентхаус на втором этаже с камином.

— Хоть с бассейном, — устало выдыхаю я. — Ты плохой режиссер, если думаешь, что я буду там жить.

— Я не думаю — я уверен, — желчно отвечает Никита. — У тебя нет выбора.

— Выбор есть всегда, — возражаю я. — Пока человек жив, выбор есть всегда.

— Вот именно... — глаза Верещагина прожигают меня насквозь. — Пока жив...

Квартира на втором этаже огромная, но... неожиданно уютная. Четыре основных цвета: мягкий светло-серый, кремовый, терракотовый и спокойно-оранжевый своим теплом создают ощущение комфорта. Действительно, камин. Настоящий камин в центре Москвы.

— Очень красиво! — вырывается у меня. — Со вкусом. Сам выбирал?

— Не совсем... — уклончиво отвечает Верещагин. — Проходи. Здесь всё твое.

— Спасибо, не нуждаюсь, — как можно тверже отвечаю я. — И прекрати, пожалуйста, эти намеки. Мы не семья и не влюбленные. Жить вместе мы не будем.

— Почему? — как так быстро Никита сократил между нами расстояние, я не понимаю. Только что я стояла возле камина, а он на пороге большой гостиной — и вот он держит меня в крепких и сильных объятиях. — Тебе не приходило в голову, что это может быть просто судьба?

— Судьба — это то, что делается с нами против нашей воли, но меняется под влиянием наших усилий, — говорю я, чувствуя жар его рук и прилагая эти самые усилия, чтобы освободиться.

— Борьба с судьбой трудно, но возможно, — соглашается он шепотом, не сдавая позиции и не отпуская меня.

— Вот я и борюсь, — мой ответный шепот в его левое ухо показывает, как трудно ему держать и себя, и меня в руках.

Звонок телефона заставляет вздрогнуть уже обоих. Верещагин потрясенно смотрит на домашний аппарат — узкую трубку стального цвета, висящую на стене. Голос в трубке удивляет Никиту не меньше, чем сам факт звонка.

— Я бы сказал доброй ночи, а не добрый вечер! — говорит кому-то Верещагин,

мгновенно ошетилившись и помрачнев. — Разговор не может подождать до утра, Илья Романович? Не подскажите, как узнали мой номер телефона? Я сам его не знаю.

— Папа? — спрашиваю я, решительно забирая трубку из рук Никиты. — Ты в Москве?

— Да, — голос отца глух и раздражен. — С тобой всё в порядке? Верещагин тебя не трогал?

— Папа! Это, в конце концов, просто смешно! — громко, отчетливо говорю я, глядя в глаза Верещагину. — Поздно блюсти мою честь. Мне тридцать, и я, как оказалось, замужем. Но это вовсе не означает, что моего молодого мужа ждет постель. Вернее, я в постели.

— Прекрасно! — жестко и как-то издевательски иронично отвечает мой отец. — Передай ему, что я все вижу и слышу. Я был в Киеве и отыграл два его хода. Пусть утретя!

— Передай это сам. Даже запоминать не буду, — устало отвечаю я, несколько не удивившись отцовской лексике. Отыграл... Это еще и игра...

Верещагин слушает моего отца, напрягшись и окаменев. Я реально вижу, как его глаза, всего пару минут назад наполненные страстью, теперь выплескивают наружу ненависть и презрение. И эти эмоции вполне эквивалентны предыдущим по глубине и силе. Страсть Верещагина не я. Его страсть — игра с моим отцом. Игра на выбывание.

— Я прекрасно осознаю, что делаю, Илья Романович, — огрызается Верещагин.

Я не понимаю вопросов отца, но слышу ответы «мужа». Полноценная картинка не складывается. Только разрозненные лоскутки, ничего не объясняющие, а только запутывающие. Под такие ответы подойдут сотни вопросов.

— Нет. Не боюсь.

— Да. Не отпущу.

— Нет. Не сказал. Предоставляю это вам. Как говорится, только после вас.

— Нет. Я никуда не тороплюсь. Десять лет ждал — подожду еще немного.

— Да. Сделаю и это.

— Глупо упрекать в подонстве подонка, дорогой мой тесть. Или вы ждете, что я буду называть вас папой?

— Странно, но он бросил трубку, — эти слова Никита говорит уже мне. — Только разговорились, нашли общий язык...

Раздается звонок уже на мой телефон. Виктор Сергеевич.

— Валерия Ильинична! Я на улице в машине. Если что...

— Если что?! — эмоционально спрашиваю я, натываясь на насмешливо злой взгляд Верещагина. — Ваш работодатель настаивает на том, чтобы мы ночевали здесь.

Брови Верещагина взлетают в крайнем удивлении, когда он понимает, с кем я разговариваю.

— Вы — мой объект, — спокойно и твердо отвечает на мой выпад Виктор Сергеевич. — Я за вас отвечаю не только перед работодателем, но и перед собой. Поэтому... Одно ваше слово — и я открою любые двери, чтобы быть рядом.

Некстати я представила себе, как охваченный страстью, похотью, желанием Верещагин тащит меня в постель. Я зову на помощь своего охранника. И он, как только что сказал мне, находится рядом, пока... Пока мой «муж» принуждает меня выполнить мой супружеский долг, Виктор Сергеевич успокаивает меня словами «Не волнуйтесь, Валерия Ильинична! Если что, я рядом!» За этой визуализацией приходит глупый смех, вообще-то мне не свойственный.

— Не думала, что скажу это, — начинаю я, перестав смеяться под его удивленным

взглядом, — но мне хотелось бы вернуться в дом твоей матери. Там все мои вещи и ...

И люди. Там еще люди, хочется сказать мне, но Верещагин не дает мне договорить, решительным шагом направившись вглубь квартиры и поманив меня за собой.

В большой просторной спальне, оформленной в фисташково-серой гамме и подходящей и мужчине, и женщине, Никита распахивает двери огромного шкафа: в нем оказывается вся моя одежда.

— Это твоя спальня, дорогая, — жесткий смешок довольного мужчины. — Если устала — ложись. Если хочешь поболтать — возвращайся в гостиную. Если есть более интересные предложения — готов выслушать.

— А ты? — останавливаю я Верещагина вопросом уже на пороге спальни. — У тебя есть своя спальня?

— Боишься, что приду в твою? — нарочито ласково спрашивает он.

— Учитываю, — мягко отвечаю я.

— Пригласишь — не откажусь, — обнимает меня нежной интонацией его голос.

— Вряд ли, — быстро, но уже твердо говорю я.

— Тогда не волнуйся, — продолжая обволакивать меня нежностью, почти негой, отвечает он. — У нас с тобой отдельные спальни. Пока.

Теперь надо понять, что «пока»? Он попрощался или намекнул, что спальни пока отдельные, до поры до времени?

— Спокойной ночи, — облегченно желаю я его спине.

— Завидую тем, у кого ночь спокойная, — снова обернувшись на пороге, ухмыляется Верещагин. — Я третий год сплю плохо.

Когда за мужчиной тихо закрывается дверь моей спальни, я догадываюсь, что он имел в виду. Плохо он спит с тех пор, когда познакомился со мной. Вернее, когда узнал о моем существовании и стал наблюдать. Что ж... Моей вины в этом нет абсолютно.

Всё делаю размеренно и сосредоточенно: принимаю душ, чищу зубы, выбираю одежду, в которой буду спать. Через пару часов бессонницы в плотном теплом домашнем костюме с сотней мелких, но крепких пуговиц сдаюсь и выхожу в поисках кухни, чтобы выпить воды.

В квартире темно, красивая подсветка по периметру потолка и в коридоре, и в гостиной позволяет не наткаться на предметы. Кухня оказывается рядом с гостиной. В большом холодильнике нахожу маленькую бутылочку минеральной воды с лимоном и в компании с ней возвращаюсь в гостиную, чтобы посмотреть в окна, выходящие во внутренний двор, ухоженный и тоже подсвеченный.

— Не спится или решила поболтать? — Верещагинская насмешка в темноте квартиры звучит неожиданно, но не пугающе. — А может быть, соскучилась в своей огромной постели одна-одинешенька?

Верещагин полулежит на диване. Он без пиджака, галстука, в расстегнутой до самого ремня рубашке. На столике стакан со льдом и каким-то алкогольным напитком. То ли виски, то ли джин.

— Не такая уж она и огромная, — возражаю я из духа противоречия. — У меня дома в два раза больше.

— Знаю, — меняя положения и садясь, отвечает Никита. — Видел.

— Ты видел мою кровать? — холодею я от ужаса. — Когда?

— На фотографиях. Виктор Сергеевич делал фото твоей квартиры. Всех ее комнат, — наслаждаясь моим ужасом, говорит мужчина, совершенно не стесняясь своего внешнего вида

и позволяя мне видеть свою голую грудь и живот. — Хочешь выпить?

— Я не люблю алкоголь, — автоматически отвечаю я дежурной фразой, которую использую много лет в диалогах с мужчинами.

— Какой кошмар! — издевается надо мной Верещагин. — И как же ты спасаешься от мерзостей и трудностей этого мира? Пожалуйста, скажи, что сексом!

— Общением, дружбой, работой, — эти слова, самые честные в мире, я произношу с полной уверенностью в том, что говорю. — Любовью.

Никита резко встает и подходит ко мне.

— Чем сильнее любовь, чем крепче дружба, тем глубже и страшнее предательство, — напоминает мне на глазах раздражающийся мужчина.

— Естественно, — спокойно не спорю я. — Враг не может предать. Предать может только друг или любимый человек. В этом и есть смысл дружбы и любви.

— В чем в этом? — я чувствую запах виски, когда он наклоняется ко мне близко-близко. — В предательстве?

— В доверии, — отвечаю я, не отодвигаясь. — Без него нет ни дружбы, ни любви.

— Доверять кому-то очень глупо, фатально глупо, — выплевывает из себя фразу Верещагин.

— Не доверять другу — нелепица. Значит, он не друг. Не доверять любимому — катастрофа. Значит, он не твоя судьба, — уверенно говорю я мрачному и недовольному моими словами мужчине, который сейчас нависает надо мной с выражением лица, больше подходящим прокурору, зачитавшему приговор серийному убийце. Он и удовлетворен своим приговором, и очень раздосадован тем, что закон не позволяет просто вздернуть преступника. Без суда и следствия.

— Так мы болтаем? — вдруг расслабившись, спрашивает он, возвращаясь на диван и рукой демонстрируя жест гостеприимства: мол, садись, не стесняйся.

— О чем? — удивляюсь я приглашению. — У нас на всё диаметрально противоположные взгляды. О любви и дружбе уже не поговорим.

— Мы можем поговорить о предательстве, — подбрасывает тему Никита, наливая себе еще виски в бокал со льдом.

— У меня нет опыта, — говорю я, садясь на противоположном конце длинного дивана. — Мои друзья меня не предавали. Длительных отношений с мужчинами у меня никогда не было, и они меня тоже не предавали.

— А отец? — впившись в меня болезненно острым взглядом, пытается Верещагин. — Его уход из семьи разве не предательство?

Размышляю, прежде чем ответить.

— Моя мама сказала мне, что папа уходил тогда не к женщине. Просто он уходил от нее. По ее же просьбе, — зачем-то честно отвечаю я на неудобный вопрос «мужа». — У меня нет оснований ей не доверять.

— Что за семейка у тебя блаженная! — почти с отвращением говорит Верещагин. — Брошенная женщина с ребенком не винит мужа в уходе из семьи. Дочь, выросшая с матерью-одиночкой, общается с отцом, не воспитывавшим ее. Не просто общается, а даже отказывается его проучить за подлость и предательство.

— У меня непростые отношения с отцом, — я снова предельно честна. — Я долгое время, действительно, была обижена на него за то, что он оставил маму. Но потом, в том числе и благодаря маме, эта обида прошла. Да. У нас с ним нет близких отношений, но у нас

есть порядочные отношения.

— Порядочные? — Верещагин откидывается на диване, обманчиво демонстрируя расслабленность и равнодушие. — Порядочный человек порядочен во всем. Нельзя быть таковым в семье, но не быть таковым за ее пределами.

— Поскольку тебе это качество не свойственно, не вижу смысла обсуждать его отсутствие у моего отца, — дерзко говорю я.

— Тебе не удастся меня оскорбить, — спокойно отвечает на мою дерзость Никита, отхлебывая виски. — Ты права. У меня нет этого качества. Хорошо, что ты это понимаешь. Не будет сюрприза, когда...

Он замолкает и не отрываясь смотрит в мои глаза, потом, сглотнув, говорит:

— Я раньше никогда не понимал этого слащавого сравнения глаз с омутами. Теперь понимаю... В детстве в одном из таких чуть не утонул. Отец спас.

— Тебе не обязательно говорить мне комплименты, — чувствую, что улыбка моя получилась кривой и неискренней. — Я в курсе, что у меня большие и красивые серые глаза. Это видно и тебе, я понимаю. Этого вполне достаточно.

— Устала от комплиментов? — злится Верещагин. От его расслабленности не осталось и следа. — Знаешь, что красива, и пользуешься этим?

— Как именно? — уточняю я вежливо, собираясь встать и уйти. — Вынудила тебя жениться на мне?

Какое-то из только что сказанных мною слов или моя интонация приводят к тому, что Верещагин оказывается сидящим рядом и опять хватает меня.

— Я знаю, по какой причине нас разведут, — морщусь я от боли. — Бытовая драка и мои синяки.

Никита тут же отпускает меня и неожиданным, трогательно незнакомым мне жестом ерошит свои волосы.

— Прости, — бормочет он. — Я до тебя никогда не хватал женщин. Даже позыва не было.

— Они хватали тебя? — весело уточняю я, так мне нравится его растерянность. — Тогда ты не альфа-самец. Он всё и всех хватает сам и первым.

— А! — фыркает Верещагин. — Твоя дурацкая иерархия самцов!

— Не моя. Не дурацкая. Но иерархия, — смеюсь я. — Психологи делят вас на группы по буквам греческого алфавита.

— Можно узнать критерии деления? — по-доброму мне улыбаясь и гипнотизируя мои губы, спрашивает Никита. — Очень уж хочется узнать, кто я. А то вдруг я делаю что-то не так, как положено представителю моей группы. Это ж какой позор! Надо же соответствовать!

— Критерии просты, — мне вдруг становится легко и еще веселее. — Степень доминирования в обществе, уважение среди мужчин, успех в работе, популярность у женщин.

— Да? — разочарованно спрашивает Верещагин. — То есть не все завязано на сексе?

— По Фрейду всё, — отвечаю я и поздно понимаю, что сказала провокационную вещь.

— Всё? — мужчина отставляет стакан и подается ко мне всем телом.

— Я имею в виду, что Фрейд считал развитие личности именно психосексуальным, — объясняю я, напрягшись и отодвигаясь. — Мне кажется, твоя личность уже достигла пределов своего совершенства. Я не знаю, кто ты из самцов. Мне это безразлично.

— Так уж и безразлично? — резкое движение — и его правая рука на моей талии, левая на шее сзади.

Трудно изображать безразличие, когда сотрясает внутренняя дрожь, грозящая выйти наружу истерикой. Вот бы Сашка удивилась! Хоть видео снимай...

— Безразлично, — холодно подтверждаю я и больше для себя, чем для него, добавляю. — Абсолютно.

— Врешь! — выдыхает в мой приоткрытый рот смесь ароматов виски и потрясающего мужского парфюма Верещагин. — Твои омуты потемнели и сверкают, как ночная вода на Ивана Купала.

— Это от злости и невозможности доказать, — включаюсь я в старую, как мир, игру, злясь на себя.

— Что ты хочешь доказать? — правая рука ползет вниз, левая вверх.

— То, что у тебя ничего не получится, — храбро отвечаю я, внутренне похвалив себя за качественный выбор домашнего костюма. Католические монашки самого строгого схимничества, если бы зависть не была смертным грехом, обзавидовались бы. Плотная черно-белая ткань, длинный покррой и рубашки, и штанов, невероятное количество мелких, но крепких пуговиц. Короче, «ни расстегнуть, ни задрать», так, хохоча, называла этот мой любимый костюм Сашка.

То, что происходит дальше, кажется мне невероятным. Верещагин вдруг отпускает меня и, взявшись за полы рубашки, резким и сильным движением разрывает ее, справившись с многочисленными пуговицами, которые с бисерным звоном катятся по блестящему черно-серому паркету.

Справившись с шоком, удерживаю себя от того, чтобы схватиться за рубашку и соединить ее разлетевшиеся половинки. Но усмешку не держу, позволяю ей украсить мое лицо. Его же лицо быстро теряет страстно-хищное выражение, сменившись растерянноневерчивым. Под рубашкой у меня не лифчик, не голое тело, а серая футболка, которую подарила мне Варька. На футболке розовый принт — надпись: «В смысле корону снять? Может, еще кровь голубую слить?»

Верещагин пару секунд молчит, потом начинает хохотать. Вежливо ему улыбаюсь, встаю и, выходя из гостиной, роняю небрежно:

— Пуговицы соберешь и завтра отдашь.

Никита ничего не отвечает, но резко перестает смеяться.

Дрожащими руками закрываю дверь спальни, на ходу снимаю рубашку без пуговиц, подходя к зеркалу. Это еще хорошо, что Верещагин в порыве страсти или в попытке меня запугать не сорвал с меня рубашку полностью. Просто на спине тоже надпись: «Довести до греха не обещаю, но провожу».

— Я обязательно, ты слышишь? Я обязательно,
— сказал Медвежонок.

Ежик кивнул.

— Я обязательно приду к тебе, что бы ни случилось.
Я буду возле тебя всегда.

Ежик глядел на Медвежонка тихими глазами и молчал.

— Ну что ты молчишь?

— Я верю, — сказал Ежик.

Сергей Козлов

Доверяя безоговорочно человеку,

ты в итоге получаешь одно из двух:

или человека на всю жизнь, или урок на всю жизнь.

Приписывается и Оноре де Бальзаку, и Омару Хайяму

Почти три часа ночи, но я не обращаю на это внимание, когда звоню отцу. Он очень быстро берет трубку, словно караулил у телефона.

— Что-то случилось? — быстро спрашивает он. — Виктор Сергеевич в курсе?

— Виктор Сергеевич в машине, — невесело шучу я. — Да. Случилось. Третьего сентября. Я вышла замуж. Потом случилось, что я познакомилась со своим мужем. Тебе не кажется, что в этом порядке важных событий нарушена логика? Это ваши игры — не мои.

— Лера! — отец не склонен, как я, шутить. — Что сделал Верещагин?

— Ничего, — отвечаю я, вспоминая звон рассыпавшихся по полу гостинной пуговиц. — У меня нет вопросов, папа, есть только его ответы. Мне нужны твои вопросы.

— Лера! Ты все равно ничего не поймешь! — досада в голосе отца очевидна. — Буквально пара дней — и ты будешь дома.

— Скажи, — прошу я спокойно. — Если я найду способ уйти от него, ты сможешь меня защитить?

— Легко, — отвечает отец. — Но... сейчас уходить от него рано. Мне надо успеть проверить одну маленькую, но важную информацию. А до этого тебе лучше не уходить. Поверь. Виктор Сергеевич не даст тебя в обиду. Он сказал мне, что всё спокойно.

— А ты уверен, что Виктор Сергеевич работает на тебя? — решаюсь спросить я, испытывая смутную неловкость и даже смущение, потому что мне не хочется выдавать своего охранника и своего «мужа». Что за бред у меня в голове?

— Как в себе, — тут же отвечает отец. — С этой стороны у нас всё перекрыто надежно. Ладно... Не буду настаивать...

— По разговору с Верещагиным я поняла, что ты должен мне что-то сказать первым, — продолжаю я настаивать на другом.

— Дочь! — отец голосом выделяет мой статус в наших отношениях. — Этот... мерзавец специально пытается посеять в твоей душе и разуме сомнения. Чертов извращенец!

— То есть находиться рядом с мерзавцем и извращенцем я могу, ничего не боясь,

положившись на твое слово без объяснений и на помощь надежного и верного Виктора Сергеевича, который сейчас в машине во дворе? Но при малейшей для меня опасности он сломает любые двери и спасет мою честь или жизнь? В любом порядке? Поправь меня, если я что-то путаю, — предлагаю я отцу.

— Ты ничего не путаешь, — устало говорит отец. — Всё так и есть, как бы нелепо это ни звучало.

— А почему он извращенец? — интересуюсь я. — Почему мерзавец, понятно. Но извращенец — слово очень сильное.

Отец кашляет, оставив трубку, потом говорит, смеясь:

— Это чтобы тебя не пугать настоящими ругательствами, — и тут же меняет тему. — Помнишь про выставку работ инвалидов-колясочников? Мне важно встретиться с тобой там, Лера! Попроси Верещагина привезти тебя на нее. Суббота уже послезавтра.

— Хорошо, — я тоже устала и прощаюсь, так и не получив нужные мне вопросы для готовых ответов.

Утро встречает сильным дождем, идущим с таким шумом и с такой силой, словно ливень все эти недели нетерпеливо ждал, когда же ему удастся добраться до этих расслабившихся под ласковым осенним солнышком людишек. Всему приходит конец, и такой редкой в последние годы волшебной золотой осени тоже.

После душа надеваю серый брючный костюм с голубым шелковым топиком, плету простую косу и собираю ее на затылке, удерживая десятками шпилек. Вспоминаю Сашкины шутки:

— Лерка! Даже десять шпилек не держат! Давай на саморезы?

Так и не выбрав обувь к костюму, босиком, неслышно ступая, выхожу из своей спальни. На часах всего лишь семь утра — очень надеюсь, что Верещагин еще спит или хотя бы в душе.

Он не спит. Он не в душе. Он точно после него. Стоит у окна гостиной спиной ко мне. Торс голый, черные домашние штаны.

— Рисковый вы человек, Илья Романович! — голос Верещагина желчен, но тих, видимо, не хочет меня разбудить.

Застываю на пороге и слушаю, не дыша.

— Почему блефую? — смех тоже тихий. — Доказательство блефа у вас есть? Нет. Вот видите... А как вам мои доказательства? Практически железобетонные.

Верещагин некоторое время слушает ответ отца, потом говорит сквозь зубы, свирепо, зло, надрывно:

— Еще как сделаю! Да. Ничего святого. Да. И вам хорошего дня!

Верещагин продолжает стоять лицом к окну и спиной ко мне. Я вижу, как сильно, до побелевших костяшек, он сжимает телефон.

— У нас есть какие-то особенные планы или я могу уйти по своим делам? — негромко спрашиваю я.

Никита медленно поворачивается и молча смотрит на меня. Оценивающий взгляд пробегает снизу вверх: от босых ног до закрепленной шпильками косы.

— Своим делам? — в голосе Верещагина легкое, но ощущаемое пренебрежение, будто даже предположить то, что у меня могут быть хоть какие-то заботы и проблемы, ему невероятно сложно.

Я не повторяю вопрос, просто жду его решения. Мой строгий «муж» хмуро смотрит на

меня, но у меня впечатление, что он еще не переключился мыслями с телефонного разговора с моим отцом на живой разговор со мной. Проходит пара напряженных минут, после которых Верещагин отвечает:

- Мне нужна пара часов, чтобы поработать в офисе. Потом мы вместе едем в наш загородный дом, где будем жить некоторое время, достаточно продолжительное. Не думаю, что за этот небольшой временной промежуток ты успеешь сделать свои дела. Магазины еще закрыты. Поэтому советую позавтракать. Завтрак привезут через десять минут. Успеешь поболтать по телефону с подружками и собраться примерно на пару недель.

Из потока речи выбираю два ориентира, чтобы задать свои вопросы:

— Ты собираешься удерживать меня возле себя? У тебя есть еще один загородный дом или речь о доме, в котором живет твоя мать?

Верещагин прищуривается и отвечает в обратном порядке:

— Это другой дом. В нем не будем моей матери. Мы будем там только вдвоем. Плюс охрана.

Итак. Меня в срочном порядке вывозят за город и собираются там держать под охраной. От чего? От кого? От отца? И сколько у меня времени, чтобы что-то предпринять? Два часа, пока Верещагин будет в офисе?

Все эти вопросы я оставляю при себе и терпеливо жду реакции «мужа». Он примагничивает мой взгляд своим цепким недоверчивым взглядом, словно подозревая меня в чем-то.

— Оставляю тебя с Виктором Сергеевичем. У тебя два часа. В начале десятого я вернусь, и мы поедem в наш дом.

— Наш? — уточняю я насмешливо. — Наш дом... Наша квартира... Ты, действительно, готовился к нашей встрече.

— Надеюсь, мне еще не раз удастся тебя удивить, — неожиданно мягко отвечает Верещагин, с этими словами уходя из гостиной.

— Я могу выйти на два часа? — бросаю я вслед самый важный вопрос.

— Нет! — ответ летит ко мне уже из коридора.

Возвращаюсь в свою спальню, сбрасываю жакет и ложусь на заправленную кровать. Лежу, глядя в зеркальный потолок, и думаю, как не позволить Верещагину изолировать меня от мира и отца. Легкий стук в дверь отвлекает от пары придуманных вариантов.

— Валерия Ильинична! — Виктор Сергеевич появляется в дверях спальни. Свежий, подтянутый, внимательный.

Интересно, где же он спал? Неужели в автомобиле? Или в этом доме у Верещагина не одна квартира?

— Доброе утро! — откликаюсь я на свое имя.

— Что-то нужно? — вежливо интересуется мужчина. — Привезли завтрак. Перекусите?

Молча встаю и иду за охранником на кухню, разглядывая его затылок. Виктор Сергеевич пару раз оборачивается с опаской.

На кухонном столе-барной стойке стоит свежесваренный кофе, мисочка с творогом, свежей клубникой и голубикой, тарелка овсяной каши и стакан апельсинового сока.

— Приятного аппетита, Валерия Ильинична! — кивок в сторону барного стула.

— А вы? — вежливо спрашиваю я. — Не позавтракаете со мной?

— Спасибо, я уже завтракал час назад, — по-военному докладывает мужчина. — У вас достаточно времени, чтобы и позавтракать, и собраться.

— Мне надо в аптеку, — осторожно прошупываю я почву.

— Я схожу, — тут же откликается Виктор Сергеевич. — Просто составьте список.

— Хорошо, — послушно киваю я, приступая к завтраку.

Потом возвращаюсь в спальню и звоню Сашке. Подруга, выслушав последние новости, сначала крепко ругается, потом твердо говорит:

— Найти тебя, если он увезет, будет проблематично. Надо сбегать сейчас!

— Конечно, — соглашаюсь я. — Но пока не могу придумать, как это сделать. Осталось полтора часа.

— Слушай! — кричит Сашка. — В Москве должен быть Игореха. Позвони ему!

— Не хочется мальчиков вмешивать, — слабо сопротивляюсь я, но мысль уже начала лихорадочно работать.

— Не мальчиков, а друга! — возражает Сашка. — Давай так. Я ему кратко всё изложу, и он, если может помочь, сам тебе позвонит.

Кладу трубку и начинаю ждать. Проходит не более десяти минут. Веселый рингтон, выбранный для Игоря, оповещает меня, что звонит друг.

— Лера! Привет! — голос друга детства согревает и успокаивает нервную дрожь, уже подбирающуюся ко мне изнутри. — Мне нужно полчаса, чтобы понять, как тебе помочь. Отправь мне точный адрес и найди способ выйти из дома.

— Мне нужно в аптеку, — повторяю я свою просьбу Виктору Сергеевичу, находящемуся в гостиной.

— Список, — вежливо склонив голову, напоминает он.

— Мне надо самой, — не знаю, получилось ли слегка покраснеть, но я старалась.

— Не смущайтесь, — тепло говорит мужчина. — Я могу купить всё, что вам угодно.

— Нет-нет, — мотаю я головой. — Это не совсем удобно! Вернее, совсем неудобно! Я должна купить сама. Мне надо выбрать. Сравнить.

Виктор Сергеевич задумывается, потом выходит из гостиной, чтобы позвонить Верещагину. Буквально через минуту возвращается и сообщает, что мне разрешено сходить в аптеку самой, но недолго.

С этого момента все события прессуются в моем сознании. Время сжимается и идет слишком быстро. Жакет. Туфли. Сумочка. Зонт. Ближайшая аптека. Девушка-провизор, предлагающая мне на выбор гигиенические прокладки десятка видов. Я, делающая вид, что выбор этот ой как труден.

Виктор Сергеевич, понимающе кивнув, чтобы не смущать меня еще больше, выходит из аптеки на крыльцо.

Провизор терпеливо ждет. Из подсобного помещения выходит высокий мужчина в черном костюме и легком сером плаще. Его бесстрастное лицо мне незнакомо. Девушка вообще не обращает на него внимания.

— Валерия! — окликает он меня. — Вам надо пойти со мной прямо сейчас.

Замираю и теряю секунды на принятие решения, поскольку мужчина не представляется. Поняв, что я замешкалась, мужчина в сером мокром плаще, глядя мне в глаза, произносит:

— Чёртова варежка.

И я подаюсь ему навстречу. Подсобное помещение, в которое открывает дверь невозмутимый провизор. Закрытый двор. Открывающийся надо мной огромный черный зонт. Ливень, идущий стеной. Серый автомобиль. Дверь. Темно-синяя кожа на сиденье. Теплые сухие объятия.

— Привет! — легкий поцелуй в лоб, и автомобиль срывается с места.

— Игорь! — радостно выдыхаю я, прижимаясь к мужчине, с облегчением и наслаждением ловя знакомый запах базовых ароматов его парфюма: белый велюр, мускус и специи. — Спасибо!

— Не за что, принцесса! Прости, что конь не белоснежный! — и добрая усмешка, родная и любимая.

— Я не знаю, чем для тебя это может кончиться, — запоздало предупреждаю я, вглядываясь в знакомое с семи лет лицо.

— Не дрейфь, принцесса! — смеется Игорь. — Я тоже не лыком шит.

— Всё непонятно, но очень серьезно, — поспешно пытаюсь я объяснить. — И мой отец, и Верещагин этого так не оставят!

— У тебя есть я и Макс. Мы тоже этого так не оставим, — совершенно спокойно отвечает мне Игорь, успокаивающе похлопывая по руке. — И у нас тоже есть отцы. А еще Сашка! Они еще с ней не связывались!

Мы смеемся вместе. Он раскатисто, довольный своей шуткой. Я облегченно, расслабившись. Потом Игорь забирает мой телефон, выключает его, вытаскивает симку.

Четыре часа пути на бешеной скорости — и я дома. Здесь тоже дождь. Но не сильный, а нудный, лениво накапывающий, будто успокаивающий.

— Будешь у меня в коттедже, — говорит Игорь, помогая выйти из машины. — К матери тебе пока нельзя. И ей знать, что ты здесь, не стоит. Лишние волнения.

— Я понимаю, — действительно, понимаю я и захожу в дом Игоря.

— Новая симка, — говорит мне Игорь, возвращая телефон. — Отдыхай! Ничего не бойся!

Обняв и поцеловав Игоря, иду, провожаемая тем же мужчиной, что был в аптеке, в комнату на втором этаже. Сбрасываю жакет и забираюсь в кровать. Сон после бессонной ночи в квартире Верещагина, утренней нервозности и побега приходит сразу. Снится мне Виктор Сергеевич, укоризненно качающий головой, и мне стыдно за свой побег.

Просыпаюсь, когда за окном уже вечерет. По-прежнему идет мелкий дождь. За дверью моей комнаты возня и громкий шепот. Резко вскакиваю, радостно распахивая дверь. Я знаю, кто это.

С визгом ко мне врываются Сашка и Варька.

— Прости, Лерка! — смеется вошедший за подругами Игорь. — Этих фурий не удержать!

И от хохочущей Варьки получает за фурий моей подушкой.

— Давайте ужинать и думать, как решать проблему, — приглашает Игорь, уходя.

— Рассказывай! — после визгливых объятий теребит меня Сашка, повалив на кровать. Варька пристраивается сбоку.

Мой подробный рассказ вызывает и возмущение, и довольный смех.

— Ты понимаешь, что он хотел тебя изнасиловать? — нахмурившись, спрашивает Сашка, схватив меня за руку.

— Не говори глупости! — возмущается Варька, хватая меня за вторую руку. — Не пугай Лерку! Он просто хотел ее шокировать. Моя футболка ее спасла!

Сейчас, когда я среди друзей, история последних дней моей жизни кажется нелепой и карикатурной.

Мы спускаемся вниз за уже накрытый стол. Игорь салютует нам бокалом сухого

красного вина.

— Что будем делать? — по-деловому спрашивает Сашка после первого тоста.

— Пока ничего, — спокойно отвечает Игорь. — Подождем, что предпримут Вяземский и Верещагин.

— Мне тревожно, что я вас вовлекла непонятно во что, — беспокоюсь я, оглядывая друзей.

Сашка бодра и агрессивна. Варька взволнованна, но таинственно мягка. Игорь собран и возбужден, как перед хорошей охотой.

— Все восемь папок Верещагинские, — сообщаю я. — А это значит, что он следил и за вами.

— Просто, чтобы больше знать о тебе, — Игорь по-прежнему спокоен и категоричен. — Без видимой причины Верещагин не полезет ни на Быстровых, ни на Ждановых. Это смешно и глупо! Разрулим как-нибудь.

Игоря прерывает телефонный звонок.

— Всё в норме, — докладывает он кому-то и смеется. — Девчонки все у меня. Нет. Не треснет!

— Макс? — догадывается Варька.

— Приветы от нас! — говорит Сашка. — Возьмет Берлин и сразу пусть возвращается!

— Макс в Германии? — удивляюсь я и улыбаюсь Варьке. — Вот почему ты одна.

— Я не одна! Я с вами! — Варька ласкает всех нас по очереди нежным взглядом чудесных зеленых глаз. — Игореха нас защитит, а там и Макс вернется.

Игорь улыбается в ответ и картинно расправляет плечи:

— Я ваш рыцарь Игореха! Разрешите представиться!

Мы говорим глупости и смеемся до боли в животе. Поглощаем вкусный ужин. Вспоминаем веселые истории из нашей общей жизни. Как-никак впятером из шести человек в нашей компании мы вместе двадцать три года. А Сашка с Игорем еще и в детском саду с трех лет вместе были. Сашка требует считать эти четыре года до школы за восемь, поскольку Игорь бросал ей в суп мелкие детали от конструктора, раздавил любимую пластилиновую собачку, которую слепила Сашка, и отказался на ней жениться, когда в шесть лет она это искренне предложила в знак примирения.

— Игорь! — Варька просительно обращается к хозяину. — Дождь кончился. Можно нам погулять у тебя в саду? Посекретничать?

— Легко! — радушно разводит руками Игорь. — Сплетничайте на здоровье! А мой повар пока придумает что-нибудь уникальное. Буду угощать десертом за поцелуй от каждой. А за добавку...

Мы снова смеемся и, надев плащи, выходим на улицу, дождь закончился. Варька тащит нас в сад камней по мокрым плиткам дорожек.

— Мелкая галька — это символ воды, — рассказывает Варька, решив стать нашим экскурсоводом. — В саду камней должны быть представлены все четыре стихии.

Мы с Сашкой расслабленно слушаем, любуясь оживленной Варькой.

— Плоские камни — земля. Высокие бульжники — небо. Японцы считают камни живыми. Для них у камней есть и лицо, и фигура, и характер.

Варька ведет нас дальше.

— А это тсукубаи — традиционный японский мини-фонтан. Видите башню? В ней обязательно должно быть нечетное количество ярусов.

— А камней в саду сколько должно быть? — интересуется Сашка, разглядывая фонтан.

— Тоже нечетное количество, — рассказывает умиротворенная Варька почти шепотом. — Кратное трем или пяти. Идеально — пятнадцать камней. Ну и ставят их по принципу триады. Группами по три штуки.

— А как осознать всю эту красоту и ее смысл? — с сомнением, тоже переходя на шепот, спрашивает Сашка. — Надо тренироваться?

— Надо выбрать точку созерцания, — таинственно шепчет Варька. — С нее должно быть видно все пятнадцать камней. Согласно восточной философии, созерцать полную картину могут только избранные.

— А что избранные увидят? — спрашиваю я нашего добровольного экскурсовода.

— Сущность мироздания, — как-то просто и легко отвечает на мой вопрос Варя.

— Ха! — фыркает Сашка. — Всего-то! Сейчас увидим и познаем!

Мы останавливаемся и смотрим на сад камней, на фонтан. Молчим некоторое время.

— Всё! — докладывает Сашка. — Я познала! И у меня есть вопросы. Лера! Как тебе Верещагин?

Вопрос застает меня врасплох. Темно-серые глаза Сашки и получившие изумрудный оттенок благодаря плащу цвета морской волны зеленые глаза Варьки смотрят на меня, не отрываясь.

— Что значит как? — недоумеваю я. — Большой, недобрый, целеустремленный, опасный.

— Я уверена, что он в тебя влюблен! — внимательно вглядываясь в выражение моего лица, заявляет Варька.

— Это без вариантов! — злобно поддерживает Варькину мысль Сашка. — Еще бы не влюбился! Только в его случае это усугубляет, а не упрощает.

— Да, — огорченно откликается на Сашкины слова Варька. — Он хотел просто отомстить, а теперь чувство к Лере превращают его месть в нечто более страшное и мерзкое. И его от этого выворачивает.

— Лера! — в саду камней появляется Игорь. — Звонит твой отец. На мой телефон. Ты будешь с ним разговаривать?

— Нет! — быстро отвечаю я.

Не хочу. Его молчание и секреты привели к тому, что я оказалась женой Верещагина.

— Лера... — лицо у Игоря серьезное, и в глазах какое-то нечитаемое чувство. — Если бы не твой отец, Макс не смог бы разрулить свои проблемы. Мы ему должны. Тебя я ему не отдам, но поговорить...

— Прости, — огорченно вспоминаю я недавнюю историю Вари и Макса. — Конечно, с ним я поговорю.

Друзья оставляют меня одну с телефоном Игоря и уходят.

— Лера! — усталый голос отца звучит спокойно. — У тебя всё хорошо?

— Да, папа, — так же спокойно отвечаю я. — Я в безопасности. Среди друзей.

— Рад слышать это, — отцовская интонация, действительно, выдает облегчение, которое он испытывает.

— Надеюсь, ты понимаешь, что Виктор Сергеевич не виноват? — с надеждой спрашиваю я, почему-то искренне беспокоясь о судьбе своего охранника. — Я его обманула.

— Дорогая! — мягко смеется отец. — Из всех, кто тебя окружал в Москве, ты обманула только Верещагина и его людей.

— Подожди! — догадываюсь я. — Ты знал? И он знал?

— Естественно! — в голосе отца привычная мне, сухая ироничная интонация. — Если бы аптеку не придумала ты, ее придумал бы Виктор.

Мозг начинает лихорадочно работать. Отец не знает, что Виктор Сергеевич его предал и работает на Верещагина. А я почему-то не могу этого рассказать. Я не чувствую опасности со стороны этого странного человека. Но я могу и ошибаться. Черт возьми, вообще не понимаю, что делают мой отец и Верещагин и зачем им я. Одному в качестве дочери, другому — жены.

— Зато перед Верещагиным ты чист? Я правильно понимаю? — спрашиваю я.

— Молодец! — насмешливо хвалит меня отец. — Красивая женщина, способная мыслить логически... Кому-то же достанется такое счастье!

— Но не Верещагину? — подсказываю я вариант.

— Ему никогда! — легкая насмешка сменяется злорадством. — Или он тебе нравится?

— Нет. Не нравится, — осторожно отвечаю я, заглянув внутрь себя и обнаружив там полное смятение.

— Прекрасно! — констатирует отец. — Связь через Жданова. И, Лера... Присмотрись к нему!

— Папа! Мы уже говорили об этом, — напоминаю я. — Игорь — мой друг. Не более. Мы любим друг друга, как брат и сестра.

— Тебя невозможно любить по-братски! Тем более здоровому взрослому мужику! — смеется отец, но больше не настаивает.

— Сейчас я вам что-то покажу! — таинственно говорит Игорь, уводя нас на другой конец сада.

— Ух ты! — восклицает Сашка. — Что за компания и зачем? Ты увлекся скульптурой?

— Это место силы! — дурачится Игорь, показывая нам уголок сада, в котором по кругу выставлены бронзовые фигуры высотой примерно в половину человеческого роста. — Прихожу сюда, чтобы вдохновиться их победами и опытом.

— Так... — морщится Сашка, пытаясь узнать увековеченных в бронзе. — Это Суворов. Это Жуков. Это...

— Македонский, — подсказывает Варька. — Невский. Чихгисхан. Цезарь.

— Ричард Львиное Сердце, — подключаюсь я к игре в узнавание. — Наполеон Бонапарт.

— Игореха! — не может удержаться от смеха Сашка. — Ты лелеешь планы по захвату мирового господства?

— Не мирового, но господства. Я сам это придумал! — хвастается друг. — Выбрал полководцев. Заказал фигуры скульптору. Поставили их кругом. Скамья в центре, чтобы присесть и напитаться их силой и энергетикой.

— Стратег! — веселится Сашка. — Личности, конечно, потрясающие. Есть, чему поучиться. Но можно и нарваться! У каждого из них столько косяков было, что мама не горюй! Спроси у Варьки — у нее память, как у компьютера. Не боишься, что тебе не только сила и энергетика перейдут, но и фобии, и роковые обстоятельства жизни?

— Не боюсь! — хорохорится Игорь, усаживая нас на скамью и подняв правую руку. Тут же по его знаку нам приносят алкогольные коктейли.

— Так... — старательно вспоминает Варька. — Что бы интересного вспомнить...

Наполеон, например, страдал аилурофобией.

— Да? — ерничает Игорь. — И что это? Аилуры — это кто или что?

— Это боязнь кошек! — Варька пробует свой коктейль и зажмуривается от удовольствия. — Вкусно! Кстати, и Чихгисхан, и Александр Македонский их тоже боялись.

— Кошек я не боюсь, — храбро говорит Игорь. — Зато я знаю, что восемь процентов мужчин-монголов — прямые потомки Чингисхана.

— Еще бы! — смеется Варька. — Чингисхан считал, что, чем больше у человека потомства, тем он значительней. В его гареме насчитывалось несколько тысяч женщин, и почти все из них родили от него детей.

— О! — оживляется Игорь. — Вот это интересно! Мне подходит!

— Балабол! — хлопает его по плечу Сашка. — Одного хоть заведи!

— В поисках! — защищается Игорь. — Вы за меня не идете, а другие мне не нравятся. — Варьку Макс экспроприировал еще восемнадцать лет назад. Лерка мне в третьем классе отказала. Мы же с Вовкой из-за нее подрались по-настоящему. Она никого не выбрала, хотя победил я. Больше просить не буду — я гордый!

Мы смеемся, а Игорь добавляет шепотом:

— А Сашку я вообще боюсь! У меня сашкофобия! Ей бы армией командовать, а не мужем!

— Я всё слышу! — ворчит довольная Сашка. — Зато я прекрасная мать!

— Кстати, о матери, — радуется подсказке Варька. — Ричард Львиное Сердце был маменькиным сынком. Свою мать он брал с собой даже в Крестовый поход.

— Вот! — в смехе Игоря грусть. — У меня матерей целых две! Боюсь, не просто со свечкой возле брачного ложа стоять будут, а инструктажем молодую жену замучают. Вдруг она меня слишком крепко обнимет? Или, не дай бог, поцарапает?

— Дурачок! — целует Игоря в кончик носа Варька. — Две матери — и обе возле тебя. Что может быть лучше?

Мы некоторое время молчим, вспоминая печальную историю о Варькиной матери, которая оставила и ее, и младшую дочь Машу, по прозвищу Мышильда, отцу и приемной матери Рите.

— Невского канонизировали, — тихо продолжает Варька. — Он человек твердой веры. От католичества несколько раз отказался, несмотря на материальную выгоду. В самой Золотой Орде умудрился организовать православную епархию. И ни одного сражения не проиграл, как и Македонский, и Суворов. Кстати...

Варька вскакивает со скамьи и, оживившись, говорит, сверкая зелеными глазами:

— Суворов любил устраивать женитьбу своих крепостных крестьян, выстраивал их в шеренгу по росту, затем приказывал: «Сойтись!» и лично венчал образованные пары. Это же ужас какой-то! Представляете, если бы нас по росту распределить?!

— Да уж, — ворчит Сашка, допивая коктейль. — Тогда Лерка досталась бы Максиму, Ты, Варька, — Игорю, а я — Вовке.

На словах «Варька — Игорю» наш друг вздрагивает и даже мотает головой. Осуждающе смотрю на Сашку, она досадливо морщится, виновато моргая.

— Десерт? — меняет тему Игорь, и мы уходим в дом.

После чая хозяин деликатно оставляет нас одних, уезжая по делам и напутствуя:

— Девочки! Дом охраняется как Форт-Нокс! Ничего не бойтесь! Главный — Савелий. Если что — звоните мне или Максиму.

Савелием оказывается тот самый мужчина, который помог мне улизнуть из аптеки.

— Оружие оставишь? — серьезно спрашивает Сашка, но долго хранить серьезность у нее не получается, и она фыркает.

— Да, оставлю, — тут же соглашается Игорь. — Тебе, Сашка, сковородка. Варьке скалка. Лерке...

— Лерка будет стрелять глазами! — перебивает его Сашка. — Очередями!

На ночь нам приготовили три отдельные спальни, но девчонки пришли спать ко мне.

— Леруся, — аккуратно начинает разговор Варька, когда мы втроем укладываемся в одну постель. — Мне не дают покоя эти два года, что Верещагин наблюдал за тобой. Мне кажется это очень важным.

— Согласна с Варькой! — задумывается и Сашка. — Ощущение, что Верещагин отложил месть на два года, когда тебя увидел.

— Он сказал мне, что нанял частного детектива. Потом получил первые фото и видео и не смог удержаться — начал наблюдать за мною сам, — рассказываю я подругам.

— Вот! — «адвокат» Верещагина Варвара Быстрова радуется, как ребенок. — Это его, несомненно, оправдывает.

— Опомнись, Варька! — злится Сашка. — Незаконно организовал женитьбу, отца чем-то запугивает и шантажирует, всё забрать собирается. Да еще на совместном проживании настаивает. Душка, а не мужчина!

— Мне кажется, что любой мужчина, который может заполучить Лерку, будет настаивать на этом самом проживании, — смеется Варька. — Драконит мужика: и мстить надо, всё-таки смерть отца, предательство отцовских друзей и даже собственной матери, а между мстостью и совестью — Лерка.

— Вообще-то, тебе, Лерка, такой сильный мужчина и нужен! — выносит вердикт Сашка. — Слабаку и добряку с тобой не справиться! И самому завоевывать надо, и от посягателей извне защищать! Мало, кто справится!

Горячую речь Сашки прерывает телефонный звонок. Варьке звонит муж. Она хватается трубку.

— Варешка! — голос Максима слышен и без громкой связи. — Как ты, любимая?

— Всё хорошо! — радостно отвечает Варька, нажимая на кнопку громкой связи. — Охраняем Лерку в доме Игоря. Ты же в курсе?

— В курсе! — усмехается Максим. — Переживаю за вас. Вылетаю в Москву через сутки. Скоро увидимся! Девчонкам привет и поцелуи!

— Ага! Сейчас! — возражает ревнивая Варька, хитро улыбнувшись. — Обойдутся приветом!

Мы с Сашкой переглядываемся: не будем потакать Варькиным тараканам.

— Не обойдемся, Максик! — вопит Сашка, вырывая трубку у Варьки. — Она с Игорем целовалась. Три раза. Я свидетель!

— Убью обоих! — шутливо рычит Максим Быстров. — Нет. Жданова убью. Ее засужу. Приговорю к пожизненному сроку со мной. Без права досрочного освобождения.

— Ура! — радуется Варька. — Я согласна!

— Люблю тебя, Варешка! Скоро буду! — обещает Максим и отключается.

— Кстати, — вспоминаю я. — Когда этот Савелий в аптеку зашел и с собой позвал, я растерялась и думаю, от кого он. Вдруг не от Игоря. А Савелий мне — «чертова варешка».

— Точно! — восклицает Сашка. — Игорехина фраза, за которую он от Вовки получил леща. Это когда мы Варьку потеряли!

— Не потеряли, а нашли! — вздыхает Варька, закатывая зеленые глаза и наматывая на палец локон.

Это было лет четырнадцать назад. На двадцать третье февраля для мальчишек-одноклассников мы, девчонки-десятиклассницы, заказали игру в лазертаг «Зомби апокалипсис». Технически в то время это было гораздо проще, чем сейчас, но популярно и очень дорого. Огромное здание заброшенной фабрики в центре города находчивые собственники превратили в клуб для экстремалов. Там были и скалолазы, и туристы, и лазертаг, и пейнтбол.

По сценарию мы разделились на две команды: Зомби и Охотники на Зомби. Играли с азартом и удовольствием. Многие вообще в первый раз. К концу первого часа из заказанных двух обнаружилось, что пропала Варька. Игравший с Варькой в паре Вовка никак не мог понять, куда она делась.

— Я оставил ее за этим углом. Сказал ждать, — растерянно рассказывал бледный Вовка.

— Спокойно! — как всегда, беря всё в свои руки, скомандовала Сашка. — Пусть включают везде свет — будем искать.

За полчаса ни злой, как черт, Максим, ни испуганный Вовка, ни энергичный Игорь, ни организаторы развлечения, ни все мы, Варькины одноклассники, между прочим, почти тридцать человек, не смогли ее найти. Варька появилась ниоткуда сама, растерянная и виноватая. Извинилась, пробормотала что-то про срочно, про выйти, про головокружение.

— Как так?! — кричала возмущенная Сашка. — Мы тебя на всех этажах искали! И на улице! Не было тебя нигде!

Как сейчас, помню бешенством горящие голубые глаза и сжатые кулаки Максима, радостно облегченный вздох Вовки и неожиданно резкий рык Игоря, схватившего Варьку в крепкие объятия:

— Чертова Варешка!

Вовка, отталкивающий Игоря. Максим, отдающий свое оружие и выходящий из зала, ни на кого не глядя.

— Знаете, где я была? — вдруг спрашивает Варя сейчас, спустя столько лет.

И снова этот растерянный и виноватый взгляд родных зеленых глаз.

— Где? — осторожно спрашивает Сашка и улыбается снисходительно. — Только не говори, что Сонька Игнатова тебя выкрала и в подвале спрятала.

— Лучше бы Игнатова, — нервно хихикает Варя. — Меня выкрал Сергей-Филипп.

Нижняя челюсть Сашки падает почти на колени. Мой рот тоже глупо открывается.

— Вы только не выдавайте меня, — тихо просит Варя, испуганно оглядываясь на дверь, словно кто-то может подслушивать и этому кому-то есть дело до подростковых глупостей такой давности.

— Как? — только и могу выдавить я из себя. — Зачем?

— Помнишь, мы с тобой куртками поменялись? — спрашивает меня странно смущенная Варька. — Ты сказала, что у тебя слишком теплая, чтобы активно бегать, а я мерзла и бегать не хотела?

— Смутно, — отвечаю я, уже догадываясь, что расскажет Варька. — Он перепутал тебя со мной?

— Естественно. В темноте. В шапке, — вздыхает Варька. — Узнал не сразу, как узнал — отпустил и выпустил.

— Почему не рассказала тогда?! — возмущается пришедшая в себя Сашка и кровожадничают. — Мы бы его тогда...

— Вот именно! — горячо говорит ей Варька. — Но дело больше в том, что он...

Варька замолкает и опять странно смотрит на меня, прежде чем сказать:

— Он меня целовал. Долго и сильно.

— Как это целовал? — не понимаю я, ужаснувшись и представив, как испугалась тогда моя нежная целомудренная подруга.

— Как сумасшедший, — густо покраснев, шепотом отвечает Варя. — Мы с Максом до таких поцелуев дошли года через два...

— Ничего не понимаю! — почти кричит Сашка. — А ты чего поддалась? Почему не боролась?

— Там темно было. Он меня в какую-то подсобку без света затащил, — начинает оправдываться резко бледнеющая Варя. — И потом... Я ему отвечала еще похлеще, чем он меня целовал.

Мы смотрим на подругу детства так пораженно, словно она сообщила нам, что стала валютной проституткой, пройдя серьезный отбор, и очень гордится этим.

— Господи! — не веря услышанному, бормочет Сашка. — Ты же не пила тогда алкоголь. Наркотики не принимала никогда...

— Я думала, что это Макс! — нервно смеется Варя, спрятав лицо в подушку. — Только через несколько минут сообразила, что это не он. По рукам. Они же ростом одинаковые. И Сергей-Филипп тогда не был таким шкафом, каким стал сейчас. Это сейчас он раза в два Макса шире.

Да. У Максима руки пианиста: ладони узкие, пальцы длинные.

— Так что я не того испугалась, что он меня украл, а того, что я его с Максом перепутала, — с досадой вздыхает Варька. — Вот столько лет и мучаюсь, боюсь Максу признаться.

— Да... — тянет Сашка. — Надо было сразу. Теперь глупо как-то... Хорошо еще Сергей-Филипп не выдал!

— Он сам напугался! — хохочет Варька. — Больше меня! Так что... Как бы смешно и нелепо это ни звучало, но у меня с Сергеем-Филиппом есть общая тайна с сексуальным подтекстом.

— Крутая тайна! — чувствую, как мурашки страха и неприязни покрывают мое тело. — Пусть тайной и остается! Аминь!

— А Игореха-то какой молодец! — хвалит нашего друга Сашка. — Вспомнил про «чертову vareжку».

На этих словах мы слышим легкий стук в дверь — и в моей временной спальне появляется Игореха-молодец с тремя красными розами в зубах и подносом с четырьмя бокалами, наполненными игристым.

— Это вам, красавицы! — говорит сквозь зубы Игорь, и мы, смеясь, разбираем по розе. — Выпьем?

— Давайте сфотографируемся! — просит Сашка. — Итак... Садимся по-турецки на

кровати и с бокалами.

Мы долго фотографируемся в разных позах: сидя, стоя, лежа. Последнее фото-селфи Игорь делает так: мы втроем ложимся на левый бок, оголив ноги и вытянув губы, вокруг Игоря, лежащего на спине посередине.

— Отправляю Быстрову и Зорину с подписью «Мой гарем»! — говорит довольный Игорь и вдруг шутит, обращаясь ко мне. — Верещагину отправлять?

— Не стоит, — не поддерживаю я шутку.

От Вовки тут же приходит ответ: «Завидую! Всех целую!». От Макса предостережение: «Руки прочь от замужней женщины!»

Игорь отвечает Вовке: «Тьфу на тебя, противный! Не хочу с тобой целоваться!» Макс унагло короткое: «Я ее трогал только ногами».

— Господи! — смеется Сашка. — Детский сад! Нам тридцатник, господа!

— Ну и что? — возражает Варя. — Самая молодость!

Девчонки так и не уходят в свои комнаты, и мы спим все вместе на моей кровати. Единственное отличие от детства и юности — посередине не Варька, как мы привыкли, а я.

— Мы последний рубеж твоей охраны! — важно провозглашает Варя.

— Да-да! — вторит ей Сашка. — Хотят добраться до тебя — пусть справятся с нами!

Теплая волна любви к подругами греет меня лучше, чем пуховое одеяло, которое выдал нам Игорь.

— Я точно сплю не с вами? — обиженно спрашивает он, когда мы его, наконец, выпроваживаем. — Вы не знаете, от чего отказываетесь! В сексе я лучший! Кто пробовал — прохода потом не дает! Даже деньги предлагают!

— Спокойной ночи! — хохочет Сашка и толкает Игоря к выходу. — У нас денег нет, а в долги залезать не хочется!

— Сегодня существенные скидки! Эх! Меня царицы соблазнили! Но не поддаюсь я! — скребется в дверь спальни Игорь, и мы еще долго смеемся, до боли в скулах. — Расскажи что-нибудь, Варь! — просит Сашка, когда мы собираемся засыпать.

— Про любовь? — откликается Варя. — Давайте Дементьева?

— Конечно, про любовь! Только оптимистичное! — предупреждает Сашка. — Для поднятия настроения!

Варя улыбается. Я не вижу в темноте ее улыбку — я ее чувствую.

Нет женщин нелюбимых.

Невстреченные есть.

Проходит кто-то мимо,

Когда бы рядом сесть.

Когда бы слово молвить -

И все переменить.

Былое светом молнии,

Как пленку, засветить.

Сашка вздыхает и ворчит, перебивая Варю:

— Где ж такого деликатного мужчину взять? Вон Лерке одни неандертальцы попадаются: то Сергей-Филипп, то Верещагин... За волосы — и в пещеру!

Нет нелюбимых женщин.
И каждая права.
Как в раковине жемчуг -
В душе любовь жива.
Все в мире поправимо,
Лишь окажите честь...

— Не всё! — и снова Сашкино ворчание, по всему видно, что много у нее претензий к этой жизни.

Нет женщин нелюбимых
Пока мужчины есть.

— Где их взять-то, настоящих? — оставляет за собой последнее слово Сашка. — Быстрова уже прикарманили (Варька снова улыбается, довольная, как сытая кошка), Зорина фиг окрутишь — однолюб (Сашка получает от меня толчок локтем в бок, охает, но продолжает), со Ждановым связываться себе дороже, кастинг у многочисленных родителей не пройдешь, да и с разных мы улиц...

— Сашенька! — любвеобильная Варька успокаивает подругу. — Он где-то есть, твой мужчина. Вам осталось только встретиться! А мы с Лерой ждем рассказ о Ванькином отце. Ты обещала! Я вон в каком ужасе вам сегодня созналась! Давай! Делись!

— Не сегодня! — отрезает Сашка. — Всё! Спать!

Утро встречает нас облачной погодой и выстрелами. Настоящими выстрелами. Поскольку нас никто не останавливает, мы с девчонками, наспех одевшись, выбегаем во двор. Еще на лестнице Сашка восхищенно мне говорит:

— Неужели твой Верещагин дом штурмом берет? Вот это мужик! Может, нам с Варькой к нему в гарем попроситься?

— Я не могу! — вежливо напоминает Варя. — Я замужем и счастлива.

Возле крыльца, широко расставив ноги и держа в руках охотничье ружье Beretta, стоит совершенно спокойный Игорь.

— Кто стрелял? — глупо спрашиваю я.

— Что случилось? — это Сашка.

— На нас напали? — это Варька.

— Стрелял я, — подтверждая очевидное, отвечает нам Игорь. — Убил двух птичек.

— Ой! — расстраивается Варя. — Перелетных?

Из глубины сада выходит знакомый нам Савелий и еще один молодой охранник. Оба кладут к ногам Игоря... по дрону.

— Один серый, другой белый. Два веселых гуся! — весело поет Игорь. Покорёженные выстрелами дроны, действительно, серого и белого цвета. — Вот! Лера! За тобой прилетали эти гуси-лебеди.

— За мной? — переспрашиваю я, догадываясь, что Игорь имеет в виду.

— Так точно! — шутит Игорь, заметно возбужденный ситуацией. — Сейчас

выпотрошим птичек — будет понятнее. Но, думаю, просто шпионы.

— Нас не берут штурмом? — осторожно шутит Сашка, с опаской глядя на растерзанных «птичек».

— Нет, конечно, — успокаивающе улыбается Игорь. — Охрану я уже усилил, на всякий случай.

— Не могу же я прятаться у тебя вечно, — говорю я, глядя Игорю в глаза.

— Вечно и не придется, — беспечно пожимает он плечами, даря нам свою неизменную добрую усмешку. — Твой отец всё решит. Не сомневайся. Не того уровня Верещагин, чтобы самого Вяземского переиграть.

Игра... Опять игра... Теперь почти охота. И кто я в ней? Трофей? Как дохлая перелетная птичка?

— Завтракать! — командует Игорь. — Буду обольщать вас яичницей и мюсли, раз шампанское не сработало.

Верещагин здесь. В моем родном городе. Где-то совсем недалеко. Не из Москвы же запускали этих «гусей»... Я же далека от мысли, что он сам запускал дронов-разведчиков, но то, что он приехал за мной, это точно. Я чувствую. Странно... Почему я его чувствую?

Варька с Сашкой сразу садятся пить кофе и обсуждать потрясающие события сегодняшнего утра.

— Я сама тебя заплету! Как раньше! — кричит мне Сашка.

Я иду в комнату переодеваться и побыть одной. Меня подташнивает от нелепости и неотвратимости происходящего. Еще и лучших друзей втянула!

Варька привезла мне свои джинсы и несколько блузок на выбор. Выбираю персиковую, рубашечного покроя, и начинаю расчесывать волосы, когда звонок моего телефона прерывает мои размышления о несправедливости судьбы.

— Здравствуй, Лера! — голос Верещагина негромкий, спокойный. Нет ни насмешки, ни ехидства, ни сарказма.

— Здравствуй! — панической атаки нет, есть только раздражение.

— Не очень-то вежливо уходить от мужа без предупреждения, — мягко укоряет он.

— Мне было не до этикета, — вежливо объясняю я.

— Когда вернешься... ко мне? — ироничный вопрос.

— Никогда, — аккуратный ответ.

— Ответ неправильный. Подумай. Позвоню через пятнадцать минут, — настойчивый совет.

— Не стоит беспокоиться, — настойчивый ответ.

— И, Лера... — Верещагин говорит твердо и жестко. — Не меняй симку! Это несколько задержит меня, но не становится. Пятнадцать минут.

Верещагин отключается. В спальню возвращаются девчонки. Лихорадочно думаю, что сказать во время следующего разговора с Верещагиным и как поговорить с ним, не привлекая внимания. И имею ли я право скрывать информацию о разговорах с «брошенным мужем» от людей, которые рискуют ради меня.

Сашка начинает плести мне французскую косу, Варька развлекает нас стихами, как и всегда, погружая в мир своей любимой литературы. Я вообще не знаю человека, который бы столько читал и столько текстов знал наизусть.

Любовью оскорбить нельзя.

Кто б ни был тот, кто грезит счастьем,

Нас оскорбляют безучастьем.

— Лопе де Вега? — узнает Сашка и традиционно спорит. — Я опять не согласна!
Любовью можно оскорбить, если она безответная или насильственная!

Я знаю, что могу навек

Возненавидеть, как любила, — смеется Варька.

— Вот! — соглашается Сашка. — А под этим подписываюсь!

Кому дана такая сила,

Тот — небывалый человек, — смеясь, продолжает Варька.

Мы с Варькой переглядываемся: Сашка опять дала нам понять, что ненавидит того, кого так сильно любила.

— Ты идешь завтракать? — целуя меня в пробор волос, спрашивает Сашка. — Игореха будет выпендриваться. Там у него блюд десять приготовлено шеф-поваром, выписанным из какого-то ресторана.

— Он нас своим гостеприимством задушит! — благодарно хихикает Варька.

— Спускайтесь, я за вами, — отвечаю я, отправляясь в туалет.

Как только Верещагин звонит мне еще раз, твердо говорю:

— Разбирайтесь с отцом между собой без моего участия. Я вернулась домой и планирую на следующей неделе выйти на работу.

Верещагин некоторое время молчит, потом говорит:

— Не удаляй мой номер. Скоро я свяжусь с тобой.

— Я не буду брать трубку, — предупреждаю я.

— Не просто будешь! А позвонишь мне сама! — отрезает Верещагин и отключается.

Завтрак проходит оживленно, весело. Он насыщен вкусной едой и воспоминаниями.

— Я оладушки Елизаветы Васильевны всю жизнь вспоминаю, — вздыхает Сашка, пробуя нежные оладьи со сметаной.

— А помните жареную колбасу в школьной столовой? — мечтательно спрашивает Игорь. — Мне потом сколько ни жарили — такая не получалась.

— Тебе жарили дорогую элитную колбасу, — смеясь, объясняет Варя. — А надо было самую дешевую!

Улыбаюсь всем, без удовольствия глотая кусочки чудесного бананового пирога. Мое поведение никого не удивляет: я не из тех, кто болтает за столом.

— Могу я предложить вам белое сухое? — спрашивает Игорь.

— Что ты! — отмахивается Варя. — Пить с утра вредно!

Игорь салютует нам чашкой кофе и вдруг читает стихи:

Высокое, разумное, могучее
для пьянства я имею основание:
при каждом подвернувшемся мне случае
я праздную моё существование.

— Губерман! — радостно констатирует Варя. — Мы с Михаилом Ароновичем очень его любим. Давай батл, Игореха!

Варя закрывает глаза на секунду, потом сверкает зелеными кристаллами глаз и говорит:

Однажды летом в январе
слона увидел я в ведре,
слон закурил, пустив дымок,
и мне сказал: «Не пей, сынок».
Игорь усмехается и подается вперед:
Я много лет себя искал
во многом множестве занятий
и вдруг нашёл: держа стакан
с подругой около кровати.

Варя тут же отвечает, ласково улыбаясь другу:

Где-то в небе, для азарта
захмелясь из общей чаши,
Бог и чёрт играют в карты,
ставя на кон судьбы наши.

Игорь ловит Варькин взгляд, в глубине его карих, почти черных глаз всплывает давно скрываемое чувство:

На склоне лет я тем горжусь -
помимо редких горьких шуток, -
что в собутыльники гожусь
почти в любое время суток.

Варя мгновенно парирует, не отрывая восторженного взгляда от Игоря. Мы переглядываемся с Сашкой. Как хорошо, что сейчас их не видит и не слышит Максим!

Употребление без меры -
с утра я склонен к философии -
лишает нас надежды, веры,
любви и матери их Софии.

Но Игорь оставляет последнее слово за собой. Боже мой! Расслабился, наш друг, размечтался...

Горю стыдом со дня вчерашнего,
случился в разуме провал:
я долго, нудно и неряшливо
по пьяни душу раскрывал.

— Есть какие-то новости? — спрашивает находчивая Сашка, сбивая Игоря с романтического настроения.

— Дроны, как я и сказал, передающие видеозапись птички. Молодой человек провел разведку боем. Ничего она ему не дала. Но серьезное отношение к ситуации с нашей стороны он вполне прочувствовал, — отвечает довольный Игорь.

— Молодой? — иронизирую я. — Ему скоро сорок лет. Как-никак на десять лет старше нас.

— Это тоже еще молодость! — спорит Варя. — Даже Михаил Аронович молодой!

— Да-да, — подтверждаю я. — Он мне при последней встрече предлагал покровительство. Так и сказал: «Давайте, Лерочка, я стану вашей первой большой любовью, вы моей последней!»

— Он тот еще шутник! — подтверждает Варя, и в ее голосе столько любви и нежности, что мы некоторое время уважительно молчим, вспоминая любовь всей жизни Паперного Михаила Ароновича — Варину бабушку Елизавету Васильевну.

— Как вас развлечь? — спрашивает Игорь. — Могу хоть цирк сюда привезти, хоть оперный театр.

— Ага! — фыркает Сашка. — Только цирка нам не хватает. Я вечером к Ваньке метнусь.

— С охраной! — не терпящим возражения тоном говорит Игорь.

— О! — Сашка довольно посмеивается, но не спорит. — И мне перепадет от вашего образа жизни! Прикольно! Личный водитель, охрана и всё такое?

— Полный комплект! — усмехаясь, обещает наш друг. — И тебе, Варя, тоже. Ты же Макса дома ждать собралась?

— Соскучилась, — виновато оправдывается Варя. — Хочу ждать дома.

— Как прикажете! — подобострастно склоняет голову Игорь.

Где-то через час после завтрака, обмусолив меня прощальными поцелуями, Варька и Сашка уезжают. Когда я в одиночестве иду гулять в сад и захожу проведать бронзовые скульптуры полководцев, раздается звук пришедшего на телефон сообщения. Это фото от Верещагина, которое я открываю, не задумываясь, автоматически, — и холодею до кончиков пальцев ног.

На фотографии сам Никита. Строгий, спокойный, большой. Он сидит за столиком в уличном кафе, перед ним чашечка кофе. А за соседним столиком... Сашкины родители и Сашкин сын, четырехлетний Ваня. Довольный мальчик ест мороженое, а бабушка и дедушка о чем-то оживленно разговаривают, улыбаясь внуку и друг другу.

Верещагин оказался прав. Я звоню ему сама.

— Что мне надо сделать? — спрашиваю я без предисловия.

— Сказать Жданову, чтобы автомобиль с Виктором Сергеевичем пропустили до ворот, — отвечает Верещагин, и я внутренним зрением просто вижу его презрительную усмешку. — Твой Игорь играет в настоящую войну. По периметру всё перекрыто. Даже ДПС стоит.

— Хорошо, — соглашаюсь я. Одного слова для Верещагина вполне достаточно. Большого он не дождется.

— Через полчаса за тобой подъедут, — Верещагин кладет трубку.

Иду к Игорю и пересказываю всё, как было, ничего не утаив и не упустив. Теперь в игре Ваня. Рисковать и скрывать что-либо просто опасно. Друг выслушивает меня с потемневшим

лицом:

— Мне надо посоветоваться, — зло бросает мне он и звонит моему отцу.

Я не слушаю их разговор. Ухожу в гостиную и ложусь на черный диван, глядя в черный гляцевый потолок с огромной люстрой из черной бронзы. Нервно сглотнув, вспоминаю страшилки, которыми в детстве, в «доваречный период», как Сашка называет время дружбы без Вари, нас пугали в темноте наши мальчишки:

В одном черном-черном лесу был черный-черный дом. В этом черном-черном доме была черная-черная комната. В черной-черной комнате стоял черный-черный стол. На этом черном-черном столе стоял черный-черный гроб. Из этого черного-черного гроба выскакивала черная-черная рука: «Отдай мое сердце!!!»

Я не отдам этому черному человеку свое сердце. Даже от страха.

— У тебя в сумочке, в кармане плаща есть несколько новых симок. Вставишь, когда сможешь, — просит Игорь, с окаменевшим лицом провожая меня за ворота, где уже стоит Верещагинский Ауди.

В автомобиле только Виктор Сергеевич, который выходит из-за руля и, вежливо кивнув, молча открывает мне заднюю дверь.

— Всё будет хорошо! — подмигивает мне Игорь, и я уезжаю.

Почти час мы едем молча, потом Виктор Сергеевич говорит:

— Валерия Ильинична! Метров через пятьсот дорогу в неположенном месте будет перебегать человек. Я совершу резкий маневр. Когда машина встанет, и сработают подушки безопасности, вашу дверь откроет человек. Он будет в строгом коричневом костюме с веселым галстуком-бабочкой. Идите с ним спокойно. Он отвезет вас к отцу.

— Веселым? — единственное, что приходит мне в голову переспросить.

— Рад, что остальное вас не напрягает, — улыбается мне Виктор Сергеевич. — Проверьте, хорошо ли вы пристегнуты, и ничего не бойтесь. Я в молодости каскадером на киностудии подрабатывал.

— Можно посмотреть фильмы с вашим участием? — нервно смеясь, спрашиваю я.

— Я подготовлю для вас список, — снова улыбается он. — А теперь приготовьтесь!

— Подождите! — кричу я. — Ваня!

— С ним всё хорошо! Его никто не тронет! — последние слова Виктора Сергеевича перед аварией.

Галстук-бабочка, действительно, веселый. Он чудовищно безвкусно смотрится на фоне стильного коричневого коллекционного костюма-тройки и белоснежной рубашки.

— Почему именно такой галстук? — спрашиваю я пожилого мужчину в возрасте моего отца, когда он, аккуратно поддерживая меня за локоть, помогает выйти из попавшей в аварию машины и быстро ведет к одному из трех черных автомобилей, усаживая меня внутрь той, что стоит посередине.

— Виктор... Виктор Сергеевич сказал, что женщине в состоянии шока бесполезно говорить какие-то слова, — объясняет импозантный мужчина. — Нужна яркая деталь, которая ее отвлечет. Вот я и придумал этот галстук.

— Понятно... — бормочу я, совершенно ничего не соображая. — А с Виктором Сергеевичем всё в порядке?

— Конечно! — ласково успокаивает меня странный мужчина в странном галстуке. — Всё рассчитано до секунды. Мы даже порепетировать успели.

— А вы? — никак не могу сформулировать вопрос, но мужчина сам догадывается о том,

что я хочу спросить.

— Аркадий Сергеевич, — церемонно представляется он. — Ваш покорный слуга!

— Мы едем к отцу? — наконец, я вспоминаю второй главный вопрос.

— Да, Валерия Ильинична, скоро вы будете дома.

Странно... За этот месяц я не научилась считать отцовский дом домом.

Отец ждет меня на первом этаже, меряя шагами огромную гостиную. Это признак крайнего волнения, проявление которого я вижу впервые.

— Лера! — отец обнимает меня, но не крепко, а очень осторожно. — У тебя нет травм? Порезов?

— Нет, — успокаиваю его я. — Что с Виктором Сергеевичем?

— В больнице, — отвечает отец, но тут же успокаивает меня. — С ним всё в абсолютном порядке. Заработал законный выходной. Завтра выпишут.

Мысленно ставлю крестик: выяснить всё-таки настоящую роль Виктора Сергеевича в этой драматической комедии или комедийной драме. И на кого, в конце концов, он работает?

— Что теперь будет с Верещагиным? — спрашиваю я, вглядываясь в отцовские глаза.

— Что-нибудь да будет... — уклончиво отвечает отец. — Тебя не должно это волновать, Лера!

— Он мой муж, — напоминаю я.

Отец морщится, как от зубной боли:

— И это я исправлю в ближайшие дни.

— Ты уже что-то исправил? — устало спрашиваю я, садясь в кресло. — Почему нельзя было забрать меня от Верещагина раньше? Зачем я была с ним несколько дней?

— Не зачем, а почему, — не менее устало отвечает отец, и, приглядевшись, я вижу и темные круги под глазами, и более глубокие морщинки на переносице. — У него был рычаг давления на меня. Теперь этого рычага нет.

Поняв, что бизнесмен Вяземский не станет рассказывать мне суть происходящего между ним и бизнесменом Верещагиным, я встаю, чтобы уйти к себе.

— Завтра прием, — напоминает отец. — Будет телевидение. Обо мне снимают документальный фильм. Мне важно твое добровольное участие в мероприятии.

— Телевидение? Фильм? — переспрашиваю я. — Ты собрался в политику?

— Нет! — отец даже смеется. — Лет десять назад еще поразмыслил бы над этим предложением, а сейчас — нет. В политику идет Коля. Николай Игоревич Виноградов. Я его деловой партнер.

— Что от меня требуется? — по-деловому интересуюсь я.

— Быть собой. Очаровать. Восхитить. Запомниться, — перечисляет довольный отец.

— Кого и кому? — уточняю я. — Кого очаровать? Кого восхитить? Кому запомниться?

— Всем! — отвечает отец и вдруг недобро улыбается. — Но особенно... Верещагину.

*Нет, я не знал забавы лучшей,
чем жечь табак, чуть захмелев,
меж королевствующих сучек
и ссучившихся королев.*

Игорь Губерман

*Была вчера на выставке гадюк.
Вернулась с медалью и грамотой.*

Современный «стервозный» статус

К субботнему приему по случаю открытия выставки, аукциона и светского ужина я готовлюсь тщательно. Впервые в жизни мне важно выглядеть как можно лучше. Почему? Зачем? Для чего мне что-то доказывать человеку, который видит во мне только объект для осуществления мести? Я и сама не знаю...

Перед сном, позвонив подругам и Игорю, сообщаю им последние новости. Информацию об использовании Верещагиным фотографии Ваньки в давлении на меня мы с Игорем решаем пока скрывать.

— Это психология, Лерка! Чистый блеф! — убеждает меня Игорь. — Мне нарыли о твоём Верещагине всё! Если он способен нанести вред ребенку — к чертовой бабушке уволью своего аналитика да и в себе разочаруюсь. Не его формат! Просто пугает.

Около полудня появляется Виктор Сергеевич. Он бодр, активен, предупредителен. О происшествии напоминает только легкий свежий шрам над бровью.

— Это все последствия от встречи с подушкой безопасности? — напряженно спрашиваю я. — Говорят, при ее срабатывании могут быть серьезные травмы.

— Могут, — улыбается Виктор Сергеевич. — Но не было. Рад, что всё получилось так, как задумывалось. Надеюсь, Аркадий вас впечатлил? И внешним видом, и манерами?

— Впечатлил. Бабочкой, — киваю я. — Он ведь ваш брат?

— Старший. Разница — пятнадцать лет, — подтверждает Виктор Сергеевич. — Аркадий — бывший личный охранник господина Вяземского. Последние десять лет — начальник его службы безопасности.

— Поговорим? — с надеждой спрашиваю я и тут же бросаю вопрос. — На кого же вы работаете?

— Я говорил вам, — мягко напоминает Виктор Сергеевич. — На своего работодателя.

— Остроумно, — соглашаюсь я с ответом. — И кто же он? Фамилия?

— Верещагин, — отвечает мужчина, не моргнув глазом.

— Разве? — позволяю себе усмешку недоверия. — Тогда почему?

Виктор Сергеевич молчит. Его темно-серые глаза, намного темнее моих, светятся умом и доброжелательностью.

— Тогда почему вы везли меня к Верещагину, но участвовали в передаче отцу? Да еще с такими приключениями? — пристально смотрю на стоящего передо мной мужчину. — Это часть чьей игры? Верещагина или Вяземского? Кто кого сегодня переиграл?

— Пока всех переиграли вы, — произносит странные слова Виктор Сергеевич и переключает меня на свой вопрос. — Магазин и салон или всё на дом?

— Я хочу в люди, — отвечаю я и вижу его широкую понимающую улыбку. — Но могу ли я позволить себе выйти? Хотя бы за платьем?

— Положитесь на меня, — склоняет голову в знак уважения этот странный мужчина.

— Каждая женщина обязательно встречается с ним, своим безупречным платьем. Везучим женщинам такая встреча светит несколько раз! — вспоминаю я Сашкины слова, которые она говорила нам с Варькой во время очередного «похода» в Нарнию.

И я встречаюсь с ним, моим новым безупречным платьем. Это темно-серое миди с запахом и узлом. Продавец-консультант назвала цвет «древесно-угольным». Интимный запах, иначе не скажешь, делает платье потрясающе сексуальным, а огромный узел подчеркивает талию.

— Вы стали такой хрупкой! — удивленно восклицает испуганная девушка, представившаяся Полиной.

Испуг продавца вызвало невероятное количество фактурных мужчин, заполнивших магазин готового платья одного из европейских брендов. Двое на крыльце. Трое в салоне. Это она еще не знает, что несколько человек во внутреннем дворе со стороны черного входа, да и приехали мы на трех автомобилях в сопровождении Аркадия Сергеевича.

— Стала? — переспрашиваю я.

— Вы очень стройная, но... в этом платье стали трогательно хрупкой. Как... — восторженная девушка старается подобрать понятный мне образ. — Как веточка на морозе. Такая... корочкой льда покрытая. Неужели вам не нравится?

— Нравится, — честно отвечаю я, мысленно подобрав к платью и клатч, и туфли. — Упакуйте.

— Подождите, не снимайте! — суетится Полина и просит меня пройти в зал. — Надо показать вашему отцу.

— Отцу? — теряюсь я.

— Я больше духовный отец, — с доброй усмешкой говорит Полине Аркадий Сергеевич, откровенно любясь мной. — Но от такой дочери не отказался бы!

— Вы оригинал! — улыбаюсь я мужчине и вижу очень похожую усмешку на лице Виктора Сергеевича. — Дочь мою мне быть еще не предлагали. Были другие замысловатые варианты на выбор.

Хозяйка магазина, холеная возрастная женщина с аккуратным естественным макияжем, в темно-синем строгом костюме предлагает всем кофе, но соглашается только Аркадий Сергеевич.

— Я сделаю фотографию для Ильи Романовича, — голосом доброго доктора, который старается не напугать мнительного пациента, предупреждает Аркадий Сергеевич.

— Он соскучился? — ехидничаю я.

— Он подберет украшения, — объясняет Виктор Сергеевич.

— Так неинтересно! — недовольно фыркает Аркадий Сергеевич. — Был бы сюрприз!

— Валерия Ильинична не любит сюрпризы, — безэмоционально возражает брату Виктор Сергеевич.

— Зря, — ставит диагноз начальник охраны. — Последний месяц жизни Валерии Ильиничны — просто фестиваль сюрпризов! Вам не кажется, что бог дает нам в виде

испытания не только то, что мы можем вынести, но и именно то, что мы не любим?

Пока я задумываюсь над тем, что сказал этот оригинальный мужчина в потрясающем сером костюме, Аркадий Сергеевич делает несколько фотографий и отправляет снимки.

— Мастера будут у вас через два часа, — докладывает мне Виктор Сергеевич, помогая сесть в машину.

Еще раз надеваю платье дома, чтобы показаться визажисту и парикмахеру.

— Что бы вы хотели? — интересуется парикмахер, очень крупный мужчина, которому подошла бы роль корабельного кока, объедающего всю команду.

— Мне нужна прическа на длинные волосы, — рассказываю я о своем решении. — Причем на всю длину. Очень простая.

— Сильно! — задумывается Кок. — Бохо? С элементами плетения?

И я соглашаюсь.

— Что бы вы хотели? — второй раз слышу я вопрос, теперь от стильной блондинки с коротким ежиком платиновых волос. — Классика или романтика?

— Романтика, — выбираю я абсолютно осознанно.

В течение часа Платиновый Ежик буквально «лепит» мое лицо из мягких переливов естественных цветов, переходя от теплых тонов к холодным.

Когда я абсолютно готова, а Кок и Платиновый Ежик, выполнив свою работу, уходят, ко мне приходит отец.

— Белое золото и черный бриллиант, — говорит он, вешая мне на шею изящную подвеску. — Как жаль, что ты не носишь сережки! Но можно подобрать клипсы.

Черная капля в вырезе платья смотрится стильно, привлекая внимание к моей груди, аккуратно закрытой обманчиво скромным запахом. Как сказала сегодня продавец Полина? Веточка, корочкой льда покрытая?

— Я до сих пор не верю, что ты моя дочь, — шепчет отец, целуя мою руку. — Что в тебе есть частичка меня.

— Мама тоже так говорит, — отшучиваюсь я. — Меня подбросили или вы меня украли?

Отец искренне смеется и сквозь смех отвечает:

— Нет. Сам удивлен, но мы родили тебя с твоей мамой совершенно самостоятельно. А вот сейчас я волнуюсь, что тебя могут украсть.

— Если я правильно поняла вчера, то у Верещагина больше нет возможности давить на тебя? — на всякий случай уточняю я.

— Да! — мой отец очень доволен собой и говорит, ничего, как всегда, не объясняя, обходясь общими словами. — Всё выяснено, проблемы преодолены.

— А мое замужество? — я не даю отцу менять тему. — Что с ним? Или мне просто ждать первую годовщину и банкет в честь нее? Как долго? Так и до серебряной свадьбы недалеко...

Отец морщится, а я спокойно его разглядываю. Он прекрасно выглядит в черном костюме и белой рубашке, перламутрово-голубой галстук освежает легкую бледность его строгого лица.

— Лера... — аккуратно начинает свой ответ отец. — Я подвел тебя, когда пропустил одну из комбинаций Верещагина. Но теперь, когда я во всем разобрался, всё будет по-моему. По-моему. Ключевое слово.

Выставка картин художников-инвалидов, организованная Виноградовым Николаем

Игоревичем и Вяземским Ильей Романовичем, имеет серьезный успех. Ее открытие освещают два новостных канала, кроме того, съемочная группа федерального канала работает в нашем городе второй день, чтобы снять документальный фильм о кандидате в депутаты и его деловых партнерах.

Я всё время нахожусь либо рядом с отцом, либо в сопровождении Виктора Сергеевича и Аркадия Сергеевича. Медленно обхожу залы, разглядывая картины. Встречаются очень достойные работы. В отдельном зале собраны заказные работы: Виноградов объявил конкурс картин, посвященных своей покойной жене, трагически скончавшейся много лет назад.

— Ее звали Лиля, — негромко рассказывает мне отец. — Она умерла вскоре после того, как родила Аду.

В этом небольшом зале собраны картины с лилиями, выполненные пастелью, маслом, карандашом, даже углем. Лилии всех возможных цветов. В вазах и на клумбах. В составе натюрмортов и на фоне моря, гор, неба. Но меня привлекает одна, не похожая на остальные работа. Это оторванные бутоны белоснежных лилий, небрежно разбросанные по грубому дощатому столу. Часть бутонов плавает в белом фарфоровом тазу со сколами. И так чисто, невинно, возвышенно смотрятся эти бутоны на фоне грубого дерева и старого фарфора, что трогательность контраста вызывает у меня спазм в горле. Даже если раздавить эти бутоны, порвать на клочки, они будут правдивее и жизненнее всего вокруг.

— Тебе нравится? — слышу я вопрос, заданный моим волосам, завитым в легкие локоны и доходящим до середины бедра.

Не оборачиваюсь, жду, когда источник вопроса появится перед моими глазами.

— Боже! Лера! Ты прекрасна! — Андрей Виноградов говорит с придыханием. Он в сером приталенном пиджаке в крупную клетку и черных узких укороченных брюках. Молод, энергичен, весел. — С точки зрения сторонников эзотерики, ты просто богиня! Такое богатство — твои волосы!

Я вспоминаю, как нам, девчонкам, бабушка Вари, Елизавета Васильевна, рассказывала о том, что сила женщины и всего ее рода заключается в волосах, как издревле считалось на Руси. Чем гуще и длиннее волосы женщины, тем род богаче и сильнее.

— Думаете, почему женщина косы плетет? — мягко улыбаясь, спрашивала нас, притихших подростков, баба Лиза. — Длинная коса закрывает позвоночник с его энергетическими точками. И плетут ее из трех частей: тело, душа и дух. Незамужняя с одной косой гуляет, а замужняя уже с двумя. Одна коса для мира, вторая для мужа. Именно он косы жены перед сном и должен распускать. Только ему и можно.

— Да. Мне очень нравится эта картина, — отвечаю я молодому человеку, почувствовав прилив доброты от теплых воспоминаний, приветливо улыбаясь.

— Прогуляемся вместе? — с надеждой спрашивает он, оглядываясь с опаской на мою охрану и, не удержавшись, добавляя саркастически. — Твой Верещагин охраняет тебя, как Кощей сундук. Сам-то где? Преумножает богатства?

— Скорее всего, — отвечаю я уклончиво и соглашаюсь. — Прогуляемся.

Аркадий Сергеевич забирает из моих рук бокал розового брютта, и мы с Андреем подходим ближе к понравившейся мне картине.

— Она самая живая из всех, — говорю я спутнику. — Несмотря на то, что самая мертвая.

Встречаюсь с его голубыми добрыми глазами, которые светятся каким-то особенным удовольствием:

— Значит, вы будете голосовать за эту картину?

— Будет голосование? — удивляюсь я. — Я думала, что Николай Игоревич сам выберет... Или с вами...

— Без меня, — быстро отвечает Андрей. — Есть причина, по которой я не участвую в выборе. Это сделают зрители.

Мы медленно бродим по залам, рассматривая картины и обсуждая их. Перед портретом маленькой девочки с большими серыми глазами и глубоким взрослым взглядом Андрей останавливается.

— Она напоминает тебя, Лера, — в голосе молодого человека радостное удивление.

— Если только цветом глаз, — сомневаюсь я, внимательно рассмотрев детский портрет.

— Не только, — спорит Андрей, — Еще сам взгляд. Он пробирает до дрожи. У меня с первой встречи впечатление, что ты всё обо всех знаешь, но это знание тебя не радует, а тяготит.

— Возможно, ты и прав, — неожиданно и для самой себя соглашаюсь я. — И сразу могу предупредить тебя, что из нашего общения не вырастет дружба или что-то другое. Мне жаль, если ты этого не понимаешь и на что-то рассчитываешь.

— Я умнее, чем кажусь на первый взгляд, — грустно смеется Андрей Виноградов, но отчетливо видно, что он расстроился. — Я это понимаю.

— Замечательно, — киваю я. — Рада, что это так.

— Тебя не впечатляют мои скромные комплименты? Или отталкивает мой возраст? — вдруг сердится Андрей, привлекая сердитым выражением лица внимание всех, кто за нами наблюдает, в том числе и моей охраны.

— Валерия Ильинична? — строго предупредительно ко мне обращается Виктор Сергеевич, но пристально и укоризненно смотрит на моего собеседника. — Что-нибудь хотите? Воды? Сока? Шампанского?

Свободы. Так я должна ответить, но молчу, просто снисходительно улыбаюсь Андрею.

— Он одержим тобой, — вдруг сердито говорит Андрей, глядя куда-то за мое плечо. — Я это и вижу, и чувствую. Это ненормально даже для мужа.

Судя по тому, что совсем близко ко мне встали оба охранника да еще двое взяли откуда-то и застыли неподалеку, даже не делая вид, что разглядывают картины, появилась опасность для меня. И ею может быть только Верещагин.

Через пару секунд я вижу его. Он появляется в этом зале, третьем из пяти, в сопровождении Риты и Таисии Петровны. Большой и обманчиво спокойный. Серый костюм в серебряную полоску, темно-серая рубашка, цвет которой напоминает цвет моего платья. Потемневшими карими глазами он медленно обводит зал, и я нарочно позволяю ему встретиться со мной взглядом. Он тут же чудовищно давит на меня этим взглядом, игнорируя то, что говорят ему подруга и мать. Почти облучая, сканирует меня, мое тело, лицо. Потом усмехается, увидев количество моих охранников, делает это снисходительно. С такой усмешкой опытный охотник смотрит на уже загнанного в ловушку раненого зверя.

Это чувство превосходства, так открыто мне демонстрируемое, честно говоря, удивляет. На что он надеется теперь, когда я всё-таки ушла от него к отцу? Или это очередной блеф, спектакль, рассчитанный на трусость зрителей?

— Лера! — в очередной раз подошедший ко мне отец бодр и подтянут. — Сейчас ужин

для части приглашенных и аукцион. Ты так и не созрела до интервью?

— Не созрела, — категорично отвечаю я и вспоминаю, как в детстве была разочарована оскоминой от незрелой груши, которую я попробовала, несмотря на предостережение матери. Неприятное ощущение на языке и нёбе долго не проходило. Сейчас отец скривился точно так же, как и я тогда, но мгновенно взял себя в руки:

— Хорошо! Обойдемся фото! Ты прекрасна, дорогая!

— Гости заранее распределены по столикам, — сообщает чем-то чрезвычайно довольный Андрей со знанием дела, взяв меня за локоть, который я не вырываю, потому что увидела напряженно сжатые челюсти Верещагина. — И за это отвечал я.

— И это значит? — вздыхаю я.

— И это значит, что ты сидишь за столом с моей семьей и парочкой самых важных гостей, — очень гордится собой сын Виноградова.

— Это особенно радует, — улыбаюсь я до боли в скулах и беру его под руку.

На лице у Верещагина обещание легкой смерти. «Я не буду тебя мучить, — говорит оно, — убью быстро, по старой дружбе».

Когда мы перемещаемся в зал, предназначенный для ужина и аукциона, выясняется некоторая странность.

— На этих местах должны сидеть мы с тобой! — шепотом, чтобы не привлекать ничье внимание, восклицает Андрей, кивком показывая мне на пожилую пару, сидящую за центральным овальным столиком, рассчитанным на десять человек. — Номера шесть и семь, проверь свой пригласительный!

Я достаю из клатча картонку и отдаю Андрею.

— Ничего не понимаю, — бормочет он, читая текст. — Так... Приглашаем вас, Князева Валерия Ильинична, ... ужин... аукцион... место за столиком номер... Почему пятнадцать?

— Рассаживаемся! — торопит нас по-голливудски улыбающийся Николай Игоревич. — Сейчас запись моей речи будет!

— Я провожу вас, — Виктор Сергеевич приглашает меня начать движение, чтобы уступить место в проходе между столами оператору с огромной телевизионной камерой.

Охранник провожает меня к другому столу.

— Пожалуйста! Вот место пятнадцатое! — вежливо говорит он, отодвигая стул с высокой спинкой.

— Я сделаю это сам! — оттесняет его... Верещагин, подошедший к нам, и добавляет, насмехаясь. — У меня же четырнадцатое.

Николай Игоревич уже выходит к небольшой трибуне. Мой отец сверлит меня и Верещагина горящим взглядом, который гасит огромным усилием воли. Андрей откровенно расстроен. Хорошенькая Ада в длинном зеленом платье с разрезом на бедре не понимает, что происходит. Ее милое личико терзают муки сомнения: она рада, что я не сижу за столом с ее семьей, но огорчена тем, что я возле Верещагина.

Единственный, кто по-настоящему доволен происходящим, конечно, Верещагин. По его холеному лицу разлились и торжество, и превосходство, и презрение. Он позволяет увидеть эти эмоции всем, кто не отрывает от нас глаз. В течение пяти минут наш столик на шестерых заполнен гостями. Это Рита, Таисия Петровна, Елена Барон и...

Наконец-то! Вот и встретились! Екатерина Воронина. У нее потрясающая фигура, великолепная осанка и чудовищная улыбка-оскал. Улыбка отвергнутой женщины. Интересно, если я сейчас наклонюсь к ней и скажу, что она может забирать Верещагина себе

со всеми потрохами, то что она делает или ответит? Обнимет? Поцелует? Плюнет в лицо?

— Я так рада с вами познакомиться! — Екатерина лихорадочно, придирчиво строго осматривает меня, как мать гулёну-дочь после долгой разлуки. — Честно говоря, по фотографиям я решила, что это просто ретушь.

— И я рада! — честно отвечаю я и из вредности, которой никогда в себе не замечала, добавляю. — Все так ошибаются. Потом расстраиваются.

Пока Екатерина, ошарашенно распахнув глаза, раздумывает, обнять, поцеловать или плюнуть, я здороваюсь с Маргаритой Ковалевской.

— Привет! — Рита машет мне ладошкой. — Я скучала по тебе!

Елена Барон ничего не говорит мне, даже не здоровается. Она в великолепном красном брючном костюме, макияж яркий, вечерний, призывно красные губы рисуют дежурную улыбку для всех скопом.

— Ты неотразима! — шепчет, наклонившись к моему уху, Верещагин и добавляет, усмехнувшись в это же ухо. — Рядом со мной ты смотришься...

— Зависимой? — подсказываю я в его ухо, тут же почувствовав легкую дрожь его мощного тела.

— Хотелось бы... — нагло усмехаясь, отвечает Никита и снова шепчет, чтобы не услышали сидящие с нами за одним столом. — Зависимая, плененная, подчиняющаяся, покорная...

Каждое из этих слов в отдельности и все они вместе должны были бы меня, по его версии, смутить, но не смутили. Верещагин не представляет себе уровня моей закалки и продолжительности ее срока.

— Ты путаешь меня с представителями твоего (хочу сказать «гарема», но удастся подобрать более точное слово) курятника, — с наслаждением хамлю я, получая почти физическое удовольствие от гневного огонька в злых карих глазах.

Мне было семь лет, когда я нашла маму сидящей на полу кухни, тихо рыдающей, если так можно выразиться, и так же тихо стонущей.

— Лера! — испугалась мама, глядя на меня сквозь спутанные тонкие волосы и икая от неожиданности. — Ты же у бабушки должна ночевать...

— Мы перенесли ночевку, — растерянно ответила я. — У бабушки давление, она меня домой отправила... А что случилось?

Прошло уже двадцать три года, но я помню наш диалог дословно, хотя никогда не прокручиваю его в памяти. Чем громче и нервнее говорила тогда мама, тем спокойнее и тише реагировала я.

— Твой отец уехал! Совсем! От меня! Сказал, что заберет тебя с собой!

— Мама. Я останусь с тобой. Не плачь.

— Тебе будет лучше с ним! Он сможет дать тебе всё, что тебе только захочется!

— Мне будет лучше с тобой. Мне ничего не надо.

— Я ему не пара! Он стыдится меня!

— Я горжусь тобой и люблю тебя. Мы будем жить вдвоем.

В какой-то момент я поняла, что мой ровный голос ее успокаивает. Она больше не кричит, не истерит, не плачет. Мы сидим на кухонном полу и держимся за руки. Молодая некрасивая мать и маленькая красивая дочь. Два самых родных человека.

Мама при мне больше никогда не плакала. Стала тихой и спокойной, когда поняла, что я действительно остаюсь с ней, а отец взял на себя все наши финансовые расходы. А я

поняла, что все беды и радости в этой жизни надо встречать равнодушно. Отсутствие эмоций дает преимущество, позволяет скрыть слабости и не ошибаться. Почти...

Когда Верещагин понимает, что ему не удалось меня смутить, он сжимает зубы и добавляет:

— Твое место в курятнике еще свободно, жена моя! Потерпи! Я тоже скучаю. Особенно по ночам.

И деланно вздыхает, когда не дожидается в выражении моего лица отклика на свою грубую шутку.

После эмоциональной речи Виноградова-старшего о выставке, ее авторах и устроителях, спонсорах начинается ужин с постоянной переменой изысканных блюд, концертными номерами и аукционом картин.

— Лот номер семнадцать! — выкрикивает распорядитель аукциона. — Картина-победитель объявленного нашим учредителем конкурса. Художник просил не объявлять его имя.

На сцену выносят те самые лилии, которые так мне понравились. Непроизвольно оглядываюсь на Андрея и получаю очаровательную улыбку от этого симпатичного молодого блондина, явно не собирающегося сдаваться, хотя я только что отказала ему даже в дружбе.

— Первоначальная цена лота номер семнадцать...

Начинается торг, который за несколько минут доходит до ста тысяч рублей. Я с сожалением смотрю на картину, вдруг отчетливо представив себе, как мне хотелось бы быть ее обладательницей. Я даже знаю, где я ее повешу. Дома у мамы, в своей спальне.

Неожиданно, увидев мою заинтересованность, к торгу подключается и Верещагин. Таисия Петровна нервно морщится. Елена Барон откровенно злится. Екатерина Воронина не отрывает от меня взгляда, еще более тяжелого, чем взгляд Верещагина до этого. Рита восхищенно наблюдает за тем, как Верещагин одного за другим убирает конкурентов. На сумме триста тысяч рублей он остается один. Но за пару секунд до последнего удара молотка звучит еще одно предложение. Оно становится полной неожиданностью для Верещагина. Сначала он тратит время на то, чтобы посмотреть на того, кто посмел перебить его цену, потом, чтобы уставиться на меня с явным неудовольствием.

Крайне возбудившийся распорядитель быстро закругляет торги. Картина с трогательным названием «Ее звали Лилия» уходит к Андрею Виноградову.

На лице у Верещагина обещание тяжелой смерти. «Я буду тебя мучить, — говорит оно, — убью медленно, но обязательно».

Возможно, это глупо, но я рада, что картина не досталась Верещагину, прекрасно понимая, что он хотел купить ее для меня. Пусть еще раз поймет, что не всё и не всегда должно происходить так, как хочется ему, как решил он. Спасибо, Андрей!

Ужин в курятнике продолжается. Верещагин хмур, но энергичен. Темная сила его энергии куполом накрывает наш странный стол и заставляет всех, кроме меня, нервничать. Он понимает, что время в моем обществе у него ограничено. И меня до сих пор не забрала охрана отца только потому, что идет светское мероприятие и в зале работает телевидение.

Нарекаю Верещагина не петухом, а индюком, так неприятно мне находиться рядом с его Высокомерием в его курятнике-индюшатнике. Его раздражение я ощущаю маленькими волосками на руках, которые встают дыбом, стоит ему посмотреть на меня. А поскольку он и не отрывает от меня взгляда, то чувствую себя мелким электрическим прибором, вынужденным работать до перегрева.

— Ему-то зачем эта картина? — практически плюется желчью его Спесивость. — Терять деньги только для того, чтобы досадить мне?

— Она прекрасна и она посвящена его матери. Не удивительно, что он хочет иметь ее у себя, — спокойно и доходчиво объясняю я, чувствуя потребность защитить Андрея. — И она лучшая из того, что там было.

— Если бы это было целью Андрея Виноградова, тогда да, — возражает сквозь зубы его Надменность. — К сожалению, любовь моя (Рита восторженно улыбается. Таисия Петровна морщится. Елена фыркает. Екатерина ухмыляется), это всё лишь для того, чтобы получить надо мной временное сомнительное превосходство. Я мог бы вложиться в их фонд, а он вложил в него собственные деньги. Неумно.

В это мгновение я вдруг понимаю, что меня пробивает горячее чувство несправедливости, протеста против неверного, неправильного отношения к Андрею. И ещё... Честно. Мне остро хочется драки, настоящей драки с этим сильным, умным, несчастным человеком с мертвой душой, которую уже не оживить. Первый раз за три десятка лет мне важно оставить последнее слово за собой, да что там слово... Мне важно выговориться. Впервые понимаю Варю, которая всегда убеждает нас в мощной силе слова. Именно слова.

— Имея заботливую мать, которая всегда рядом с сыном, сложно понять мужчину, с пяти лет растущему без нее, — говорю я пренебрежительно его Заносчивости и попадаю в цель.

Таисия Петровна заметно бледнеет, Рита контрастно ей краснеет, а Верещагин напрягается, жестом соглашаясь с выбором горячего: с предложенным официантом говяжьим стейком с кровью.

— Твоя наивность даже умиляет, — жестко говорит его Чванство, надрезая стейк, и я вижу кровавый соус, сочащийся из ломтика мяса. — Смерть матери Андрея и Ады — страшное горе, не менее страшное, чем смерть любого другого родного человека.

Верещагин не произносит ни слова о своем отце, но я прекрасно понимаю, о ком он говорит сейчас.

— Лилия Павловна умерла, к сожалению, через несколько недель после того, как родила Аду, — совершенно равнодушно продолжает его Кичливость. — Она была больна давно. Ее убили не роды, а неизлечимая болезнь, которая прогрессировала с огромной скоростью из-за перенесенной беременности и состоявшихся родов. Это было ее решение — рожать второго ребенка. Это был ее осознанный выбор.

Я понимаю, что хочет сказать этим Верещагин. Смерть матери Андрея — трагическая закономерность, которую нельзя было исправить. Смерть его отца — преступление моего отца и отца Андрея. И еще матери Верещагина. И они за это еще не заплатили. Понимаю, но не соглашаюсь:

— Ее выбор был не в том, чтобы умереть, — возражаю я его Гордыне и осознанно рискую еще больше. — Ее выбор был в том, чтобы дать жизнь дочери. А когда взрослый человек, здоровый и дееспособный, принимает решение уйти из жизни, перестав бороться с людьми и обстоятельствами, то это тоже его выбор, его решение.

Рука Верещагина, держащая столовый нож, слегка вздрагивает, когда он отвечает мне, опалив холодом презрения, возвращая мне мои же слова:

— Здорового и дееспособного могут так раздавить люди и обстоятельства, что он предпочтет смерть такой жизни. Предательство любви и дружбы — худшее из преступлений.

Открыто смотрю в его каменное красивое лицо, выражающее усталость и агрессию одновременно, и говорю то, что думаю:

— Это если были любовь и дружба. Их могло и не быть с самого начала.

Его Фанаберистость мгновенно, прямо на моих глазах, превращается в его Растерянность, потом за эти же мгновения становится его Превосходством, которое говорит:

— Тогда это еще и обман. Подлый обман.

Таисия Петровна шумно, дергано выдыхает. Рита заинтересованно прислушивается. Елена Барон хищно наблюдает, но не за нами и нашим разговором, а за работой коллег с федерального канала. Успокоившаяся Екатерина спокойно ужинает, время от времени бросая на всех насмешливо высокомерный взгляд. Теперь мне кажется, что из всех представительниц курятника, она самый подходящий его Гонору экземпляр. Прямо вторая туфелька в паре.

Ужин и аукцион подходят к концу. С каждой минутой растет и напряжение Верещагина. Уголки моих губ растягиваются в легкой улыбке. Как быстро я под села на такой вид получения удовлетворения... Кто бы мне сказал об этом всего лишь месяц назад...

Съемки, аукцион, ужин, испытание моего терпения закончены. Ко мне наклоняется Аркадий Сергеевич и шепотом просит:

— Держитесь меня, пожалуйста. У Виктора срочное дело. Его не будет некоторое время.

— Поговорим? — спрашивает меня встающий из-за стола Верещагин и жестко берет за локоть, пытаясь помочь встать.

— Добрый вечер, дамы! — возле нашего стола появляется отец. — Лера! Сейчас едем к Виноградовым. Иди в машину.

В течение пары минут Вяземский и Верещагин ведут поединок твердых взглядов, в котором не выявляется победитель, поскольку Рита громко спрашивает, отвлекая их обоих:

— Мы тоже?

— Конечно, дорогая! — теперь рядом и сам Виноградов. Его сын и дочь. — Все вы, красавицы! Никита, конечно, тоже.

С усилием освобождаю свой локоть от жесткого захвата и разворачиваюсь к Андрею, беря его под руку.

— Картина прекрасна! Поздравляю с покупкой!

— Спасибо! — Андрей берет мою руку и целует, перевернув вверх ладонью, прижав свои губы к ней на непозволительно долгое время. Поцелуй руки из этикетного жеста превращается в интимное событие на глазах зрителей.

Руку не вырываю — поднимаю глаза на окружающих. Интересно... Его поступок шокирует всех. И Николая Игоревича, который морщится досадливо. И моего отца, который пренебрежительно закатывает глаза. И Аду, которая кусает губы, нещадно портя только что подправленный слой розовой помады. И Таисию Петровну, которая нервно смотрит на друзей своего покойного мужа и теребит ручку дамской сумочки. И Елену, не скрывающую неприязни ко мне. И Екатерину, пораженно задумавшуюся над происходящим. Эта курочка многие события в курятнике просто пропустила и теперь семимильными шагами пытается наверстать упущенное. И Риту, которая замерла в испуганном ожидании реакции Верещагина, но поддерживающе мне улыбающуюся.

Верещагин негромко, но твердо говорит Андрею:

— То, что дуэли отменены, тебя не спасет, мой... друг.

— Выбирай место, время и оружие! — шутит Андрей, оторвавшись от моей ладони. В его голубых глазах нет и тени шутки, которая ситуативно заложена в слова.

— На берегу моего нового пруда. На рассвете. Шпага. Рапира. Сабля. На твое усмотрение! — резко отвечает Верещагин, неприятно улыбаясь.

Рита натужно смеется, пытаюсь разрядить странно напряженную ситуацию.

— Шпага? — Андрей приподнимает брови. — Серьезно? Думаешь, мне нужны твои подачки?

— Это не подачка, — Верещагин обманчиво расслаблен. — Это подарок от фирмы Верещагин и Ко.

Теперь ненатурально смеется Николай Игоревич:

— Друзья! Не будем терять времени! Поехали!

— Секундочку! — лучезарная улыбка Аркадия Сергеевича останавливает всех, уже начавших движение к выходу из зала. — Небольшая формальность. Валерии Ильиничне нужно принять участие в оформлении книги отзывов. У нас договоренность на фотосессию. Я привезу ее через полчаса.

Десятки глаз смотрят на меня и начальника охраны отца. Отец коварно улыбается.

— У Валерии нет своего личного помощника? — насмешливо спрашивает Екатерина.

Всё-таки пластику ей сделали очень удачно. Прекрасно выглядит. Еще бы укол доброты подкожно... Мой отец, недобро прищурившись, смотрит на Екатерину, но отвечает ей Аркадий Сергеевич:

— А зачем Валерии Ильиничне личный помощник, когда его вполне может заменить сам Аркадий Сергеевич?

Мужчина жестом приглашает меня за собой. Неподалеку ждут два фотографа.

— Сам Аркадий Сергеевич? — смеюсь я. — Звучит напыщенно!

— Зато честно и соответствует действительности, — элегантный возрастной мужчина тепло мне улыбается.

Фотосессия длится минут двадцать. Я делаю запись в книге отзывов о выставке. В утвержденном ранее тексте не меняю ни одного слова, ни одной буквы. Появившийся Виктор Сергеевич кивает мне и ждет поодаль.

— Передаю ценного клиента! — шутит Аркадий Сергеевич, провожая нас к автомобилю.

Уже в машине спрашиваю Виктора Сергеевича:

— Мне обязательно ехать к Виноградовым?

Он улыбается в отражении зеркала заднего вида по-отечески тепло и странно хитро, но не отвечает.

Через час мы въезжаем в коттеджный поселок и подъезжаем к высоким автоматическим воротам, за которыми красивый двухэтажный дом. Не такой мужской, как у Верещагина, а какой-то женский, удивительно изящный, с огромными окнами, которых кажется больше, чем самих стен. Фасад отделан камнем благородного серого цвета. Природный камень сверкает в лучах заходящего осеннего солнца, красуясь античной сединой. У господина Виноградова хороший вкус. Ловлю себя на мысли, что, если бы мне пришлось выбирать дом для себя, я могла бы выбрать такой.

В закрытом дворе больше нет автомобилей. Наверное, они в большом белом гараже. Нас никто не встречает. Виктор Сергеевич провожает меня в тихий дом, где в просторной каминной комнате меня ждет... Никита Верещагин.

Спокойный большой мужчина стоит посреди комнаты со стаканом виски в руках. Он без пиджака и галстука, в одной рубашке с расстёгнутым на две пуговицы воротом.

— Поговорим? — Верещагин повторяет вопрос, заданный после ужина.

— Где все остальные? — спрашиваю я, игнорируя его вопрос еще раз.

— Что им делать в нашем доме? Я их к себе не приглашал. Ты, по-моему, тоже, — ухмыляется Верещагин. — Они все сейчас у Николая Игоревича. И твой Андрей тоже.

— Ты меня похитил? — устало интересуюсь я, оглядываясь в поисках Виктора Сергеевича, которого рядом уже нет. — Или это твой очередной ход в игре с моим отцом?

— Тебе не нравится у нас? — не подтверждает мое предположение Верещагин, теперь уже он игнорирует мой вопрос. — Я два года строил этот дом для тебя.

— Нравится, — я сажусь на небольшой диванчик и вытягиваю ноги, сбрасывая туфли. — Зачем? Для мести моему отцу и своей матери ты выбрал очень долгий, ненадежный путь. Я правильно поняла, что то, на что ты делал ставку, теперь не работает? Или мой отец меня обманул?

Верещагин зачарованно смотрит на мои ноги без обуви, потом переводит взгляд затуманенных карих глаз на мое лицо.

— Да. Не работает. Нет. Не обманул.

— Мне порядком надоели вы оба, — честно говорю я. — Его долго не было в моей жизни, тебя не было никогда. Я вполне могу обойтись без вас. Что и планирую сделать.

Верещагин оказывается рядом со мной на диванчике. Он кладет одну ладонь на мои колени, другую на шею сзади.

— Знаешь, в чем настоящая странность? — спрашивает он, заглядывая в мои глаза. — Теперь я не могу обойтись без тебя.

— Это обман зрения, — сетую я. — Ты не первый так ошибаешься.

— Черт! — ругается Верещагин ласково. — Что за кокетливая привычка говорить о других мужчинах с тем, который рядом и надеется? Предупреждаю уже третий раз!

— Оберегаю от неизбежного разочарования, — охотно объясняю я, не делая попытку освободиться, просто прошу. — Отпусти.

— Не могу, — шепчет Верещагин, наклоняясь и притягивая меня к себе.

Его рука ныряет под мои колени — и я оказываюсь сидящей на его коленях. Резко выпрямляю спину и вскидываю голову, его сухие горячие губы, нацеленные на мой рот, промахиваются и прижимаются к шее. Он перемещает руку с моей шеи на мою спину. Сильные пальцы начинают гладить волосы, перебирать их.

— За одни волосы можно душу отдать, — серьезно говорит Никита и задумывается, словно прикидывает, делать это или нет.

— Не стоит, — тоже серьезно не советую я. — Обмен неравноценный. Душу потратишь, а добыча не окупится.

— Я ее уже потратил, — хмурится Верещагин, наматывая мои волосы на руку. — Давно.

— Хочешь утащить в пещеру? — желчно интересуюсь я, дернув головой, плененной жестким захватом. — На эту прическу потрачен час жизни и довольно солидная сумма.

— Я отдам и то, и другое, — обещает Никита, ожидаемо целуя меня.

Теплые терпкие губы со вкусом виски и табака нежно прижимаются к моим, поджатым и пресным. Верещагин на пару секунд отстраняется, чтобы еще раз всмотреться в мое лицо, потом прижимается снова, терпеливо раскрывая и возрождая к жизни мои мертвые губы, становясь всё более настойчивыми.

— Не ответишь? — спрашивает тяжело дышащий мужчина, прислонившись лбом к моему лбу.

— Нет, — говорю я, пытаюсь отстраниться, но он мне не дает этого сделать, продолжая попытки вызвать отклик хотя бы в виде трепета.

Проходит несколько томительных минут, и в тот момент, когда я чувствую, что тело тридцатилетней одинокой женщины уже готово отдельно от мозга сдаться этим рукам и губам, сдается он.

— Такое впечатление, что ты тренировалась! — горько усмехнувшись, бросает мне Верещагин, ссаживая меня на диван и резко вставая.

— Чтобы что? — выдыхаю я, мысленно благодаря «мужа» за нетерпеливость.

— Чтобы ставить мужчин на место! — рычит Верещагин, отходя к окну.

Поскольку я не отвечаю, Никита спрашивает:

— Что молчишь?

— Ты сердишься, когда я упоминаю свой опыт общения с мужчинами, — напоминаю я. Верещагин чертыхается. Я достаю телефон из сумочки, чтобы позвонить отцу, но связи нет.

— Странно... — бормочу я, встав и передвигаясь по комнате, чтобы поймать сеть. — Где есть связь? На улице?

— Нигде, — на каменном лице Верещагина живыми кажутся только глаза. — Ни в доме, ни на участке по всему периметру.

— Так бывает? — сомневаюсь я. — Мы же не на болотах и не в глухом лесу, а в пределах города.

Верещагин продолжает молчать, и я догадываюсь:

— Ты глушишь сигнал?

— Да, — спокойно отвечает он. — Иначе нам не дадут поговорить.

Я отхожу к окну и молча долго смотрю на уже темный двор, дорожки которого подсвечены теплым желтым огнем садовых фонарей.

— Говори, — негромко предлагаю я.

Верещагин подходит сзади и кладет тяжелые ладони на мои плечи.

— Давай попробуем жить вместе по-настоящему. Как муж и жена, — предлагает мужчина моему напряженному затылку.

— Бред! — отвечаю я, не оборачиваясь. — Не сработал план А, пытаешься запустить план Б?

— Естественно, — настойчиво нетерпеливые мужские губы нежными лепестками касаются косточки за левым ухом.

— Надеешься на получение моего наследства? — устало ухмыляюсь я. — Реально веришь в такую возможность?

— Это слишком далекий путь. Твой отец крепок и силен. Ждать его смерти глупо и долго, — от такой откровенности мне становится не по себе. — Само наличие меня в качестве твоего мужа и его зятя уже достаточное наказание для него.

Медленно разворачиваюсь к нему лицом и спокойно отвечаю на его слова:

— Ты не просто одержим мстью. Ты болен. Это я тебе как врач говорю. Пора прекратить все эти игры. Ты давно заигрался.

— Эмоционально вжился в образ, — темно-карие глаза Верещагина горят черными угольками. — Продуктивно и перспективно получилось. Сегодня я видел, как все мужчины в

зале смотрели только на тебя.

Никита стоит близко-близко, согревая дыханием мой висок и говоря:

— Фантазируя в отношении объекта игры, я чувствую свою власть над ним.

— Эта власть иллюзорна. И она лишь в твоей голове, — мягко отстраняюсь я. — Твоя игра — способ ухода от реальности. Это форма обхода запретов, которые ты не можешь преодолеть по-настоящему. По сути, ты сам себе наносишь психологическую травму.

— Тебе жаль меня? — сухие горячие губы начинают рисовать дыханием мои брови. — Не хочешь пожалеть и приласкать?

— Жалость унизительна и губительна, особенно в твоём случае, — наше дыхание переплетается, и я уже не понимаю, сама ли я дышу, или он дышит вместо меня.

— Я тоже так думал, — до соединения губ в поцелуе остались миллиметры. — Бесился от невозможности объяснить самому себе. А потом вдруг понял, что важно другое.

— И что же? — не могу удержать вопроса и задаю его.

— Потребность. В тебе, — Верещагин отстраняется, не пройдя последние миллиметры. — Она сильнее, чем в еде и воздухе.

— Иллюзия, — упрямо настаиваю я. — Значит, ты не хочешь ни есть, ни дышать. Или так привык к тому, что ешь и дышишь, что готов обойтись без этого. И это ошибка. Причем фатальная.

— А если нет? — он, наконец, целует меня, не отпуская долго, несколько минут, потом неприязненно говорит. — У меня такое ощущение, что я тебя насилую...

— Ты не далек от истины, — тут же отвечаю я, стремясь задеть его как можно сильнее. — В этой игре участвуют двое. А ты играешь один.

Верещагин отпускает меня, делает шаг назад, но возвращается и ощутимо больно впивается сильными пальцами в плечи. Не выдержав, морщусь, но он не понимает почему:

— Что со мной не так? — почти кричит он. — Чем я хуже всех предыдущих твоих мужчин? Некрасивее? Беднее? Проще?

— Глупее, — сознательно хамлю я, вызывая новую гримасу отвращения на мужественном красивом лице. — Умный мужчина понимает, что ему отказали, с первого раза.

— Моя глупость заключается только в том, что я не беру то, что могу взять, а зачем-то веду с тобой эти душеспасительные разговоры, — резко отвечает он, отпуская меня и выходя из комнаты.

Тут же в нее заходит Виктор Сергеевич.

— Могу я показать вам вашу комнату?

— Вы ориентируетесь в моем доме лучше меня? — нервно спрашиваю я странного мужчину.

— Это пока, — отвечает он, жестом приглашая идти за ним.

Моя комната оказывается на втором этаже. Она очень большая, с гардеробной, ванной и балконом, выходящим на искусственный пруд.

— Я вообще не понимаю, что вы делаете, — говорю я, вглядываясь в его спокойное и приветливое лицо.

— Не стоит напрягаться, — улыбается он. — Всё разъяснится постепенно.

Мне хочется ответить ему, что всё должно разрешиться немедленно, но я осознаю, что это невозможно.

— Мой отец наверняка пытается дозвониться до меня, — провожу я аккуратную

разведку.

— Несомненно, — вежливо соглашается Виктор Сергеевич.

— Но дозвониться не может, — осторожно констатирую я.

— Скорее всего, — подтверждает охранник.

— Но он знает, что я здесь, — предполагаю я.

— Безусловно, — подсказывает он.

— Вы можете увезти меня к нему? — интересуюсь я.

— Могу, но не увезу, — отвечает Виктор Сергеевич.

— Странно, что между Верещагиным и Вяземским вы выбрали Верещагина, — говорю я, а потом намеренно обижаю мужчину. — Неужели Верещагин настолько больше платит? Или у него на вас, как в кино, чудовищный компромат?

Виктор Сергеевич не обижается, а тепло улыбается мне и интересуется:

— Никита Алексеевич приглашает вас в беседку к пруду пить чай. Что мне передать ему?

Я не даю увести меня от темы разговора:

— Как вы объясняете отцу всё происходящее со мной? Он же умный человек. Неужели покупается на ложно выигранные ходы Верещагина?

— Моя задача — не вмешиваться в действия этих людей. Мой приказ — быть всегда возле вас, — охранник терпеливо ждет моей следующей реплики.

— Вы хотите сказать, что Вяземский верит вам? — настаиваю я на ответе.

— И это тоже, — кивает Виктор Сергеевич. — Но по-настоящему я служу только одному человеку. И это ни тот, ни другой.

— Вы не скажете кто? — понимаю я, ощущая, как скручивает желудок от ощущения нереальности происходящего. — Есть еще кто-то?

— Всегда есть еще кто-то, — философски отвечает мужчина. — Так как насчет вечернего чая?

— Скорее, ночного, — поправляю я его, глядя на часы. — Первый час ночи.

— Время — вещь относительная, — снова философствует Виктор Сергеевич. — Горячий чай прохладной осенней ночью согревает и вдохновляет.

— На что? — удивляюсь я.

— На жизнь, — улыбается мой странный охранник.

В крытой беседке тоже есть камин, березовые дрова в нем горят ярким веселым пламенем, издавая приятный треск и создавая обманчивое впечатление уюта и безопасности.

— Ты любишь красный чай? — звучит неожиданный вопрос. — Юньнаньский красный чай со вкусом миндаля и меда?

— Я никогда такой не пробовала, — отвечаю я, проходя вглубь беседки.

На круглом столе под стилизованным под старину бронзовым светильником накрыт чай на двоих.

— Мне хотелось бы утром вернуться к отцу, — твердо говорю я.

— И что потом? — спрашивает Верещагин. — Будешь ждать нашего развода и искать другого мужа? Того, которого посоветует отец?

— А потом я планирую вернуть свою жизнь до всего этого... — откровенно делюсь я своими планами.

— Что такого было в твоей жизни там, дома, чтобы ты мечтала вернуть ее? — не понимает меня Никита.

— Там моя семья, мои друзья и моя работа, — отвечаю я и четко осознаю, что это абсолютная правда. Это всё, что мне нужно в этой жизни. Наверное...

Бордово-золотистый чай в нежно-голубых фарфоровых чашках смотрится по-королевски. Благородный аромат и терпкий вкус элитного сорта доставляет удовольствие и успокаивает.

— Отец был хорошим охотником и собачником, — вдруг говорит Верещагин. — Сколько себя помню, в нашем доме всегда были собаки. А его любимчики Ерема и Фома стали просто членами семьи. Мне иногда казалось, что они мои братья.

— У меня никогда не было собак. Я их не люблю. Уважаю, но не люблю, — признаюсь я. — Мне тебя не понять. Хотя нет... Понимаю. У Игоря тоже страсть к охоте. Максим просто любит охоту, а для Игоря это больше, чем увлечение.

— Жданов? — прищуривается Никита. — Он тебе нравится?

— Почему нравится? — искренне удивляюсь я. — Я его люблю. Большую часть жизни преданно люблю. Как и он меня.

— И что же вам мешает быть вместе? — резко вставая из-за столика и отходя к камину, чтобы подбросить дрова, желчно спрашивает Верещагин.

— Ничего. Мы вместе, — смеюсь я. — Мы дружим двадцать три года. В качестве любовников и супругов мы друг друга никогда не рассматривали.

Верещагин, сидящий на корточках возле камина, разворачивается ко мне и неожиданно улыбается. Облегченно и радостно.

— Я счастлив это слышать, — говорит он. — Если ты свободна, то я не вижу препятствий для наших отношений.

— Я не вижу причин для наших отношений, — возражаю я.

— А брак? — шутит он серьезно.

— Разве это серьезная причина для отношений? — шучу в ответ.

Верещагин ловит мой взгляд, потом опускает свой на мои губы. В течение нескольких минут ничего, кроме треска дров в камине, в беседке не слышно. Звонок телефона прерывает зрительный контакт.

— Ты знаешь, что ночь, заполошная? — строго, но не грубо спрашивает кого-то Никита.

Я вижу расстроенное выражение его лица, но ничего не спрашиваю, а жду, что он скажет.

— Тимофей пропал! — сообщает растерянный Верещагин. — Женька входную дверь на замок не закрыла — и он, скорее всего, воспользовался, шельмец! Поедешь со мной?

— Ночью? — удивляюсь я.

— Женька считает, что он на мой голос выйти может, если где-то во дворе спрятался, — объясняет Никита.

— А он может? — снова удивляюсь я.

— Надо проверить, — Верещагин подходит ко мне и протягивает руку. — Поехали?

Зеленая мартышка Тимофей не откликнулась ни на голос Верещагина, ни на призывные крики Женьки и Евгения. После двух часов бесплодных поисков, мы сидим на кухне у ребят и пьем горячее молоко. Женька вскипятила его, добавила имбирь, мед и мяту и заставила всех пить. Я не ожидала, что это так вкусно.

— Женька даже Тимошу научила этот горячий коктейль пить! — вздыхает Евгений. — Знаете, как он забавно на горячее молоко дует?

Женька трёт заплаканные глаза и смотрит на нас виновато.

— Будем надеяться, что он к людям потянется, а на ошейнике вся информация есть, — успокаивающе хлопает Женьку по руке Верещагин.

Женька испуганно краснеет, потом белеет.

— Что?! — нервничает Евгений. — Ты опять с него ошейник сняла?

— Он просил очень! — оправдывается расплакавшаяся девушка. — Ручкой теребил всё время!

— Идиотизм! — почти кричит Евгений молодой жене. — Я тебя сколько раз просил не делать этого!

— Ты меня идиоткой назвал?! — вскакивает с табуретки Женька. — Сам дурак! Я тебя сколько раз просила замок починить? Его заедает всё время!

Несколько растерявшись от взрыва эмоций хозяев квартиры, я испытываю неловкость и подхожу к окну, чтобы отвлечься.

— Я не дурак! Сама дура! — злится Евгений.

Прямо передо мной чудовищный оскал с ярко выраженными клыками и вытарашенные глаза бусинками. Размах черного кулачка — и мультипликационная ладошка шлепает по стеклу. Вскрикиваю от неожиданности — Верещагин тут же вскидывает голову, вскакивает и через мгновение оказывается возле меня.

— Тимоша! — кричит Женька, вылетая из кухни в комнату, чтобы выбежать на лоджию, которая делает поворот к кухонному окну. У Женьки и Евгения угловая квартира.

Замерзшего и расстроенного Тимофея, обнявшего Женьку за шею, та приносит на кухню. Тимоша тут же тянется к чашке с молоком.

— Он всё это время был на лоджии? — недоверчиво спрашивает Евгений. — Мы же там смотрели.

— Прибраться балкон надо было давным-давно! — ругается на мужа Женька. — Завалили бараклом! Это всё ты, лентяй!

Женька получает легкую пощечину от мартышки и счастливо смеется:

— Ты бы меня идиоткой не назвал — мы бы его еще не скоро заметили!

И получает вторую пощечину.

Когда мы уходим, Тимофей, согретый и сытый, сонно смотрит на нас с Верещагиным мутными глазками. На прощание он обнимает Никиту и перебирается к нему на руки, потом строго смотрит на меня и вдруг хватает мой кулон за цепочку, изо всех сил тянет к себе. Чтобы не дать ему порвать украшение, мне приходится практически прильнуть к Верещагину, который пользуется ситуацией и обнимает меня. Так и стоим, обнявшись, в небольшом коридоре перед входной дверью: я и Верещагин, а между нами почти раздавленная нашими телами зеленая мартышка, вцепившаяся в мой кулон.

— Тимоша! — сердится Евгений. — Вор! Жулик! Отпусти Леру!

Тимофей разрывается между желанием иметь интересную вещицу и необходимостью наказать Евгения за сквернословие.

— Уголовник! — наращивает негодование в голосе хозяин обезьянки. — Я сейчас полицию вызову!

Тимофей разжимает ладошку, отпуская кулон и меня, и перепрыгивает с рук Верещагина на руки Евгения, схватив того за ухо и начав его дергать в порыве

лингвистического негодования.

Никита так и не отпускает меня из своих рук, а я не решаюсь дергаться, чтобы не удивлять своим поведением ребят. Так, обнимаемая за талию «мужем», я и иду с ним к лифту.

Когда я ложусь, наконец, в «свою» кровать в «своей» комнате «своего» дома, уже почти четвертый час. Скоро рассвет. Мне снится Тимофей, угощающий меня горячим молоком с медом, миндалем и мятой.

Звонок сотового телефона подбрасывает меня на постели. Глухо и сильно стучит сердце. Шесть часов утра. Господи! Кто это? Что случилось? И почему телефон вдруг поймал сеть?

— Лера! Это ты, Лера?! — кричит в трубку какая-то женщина, взволнованный голос которой я никак не могу узнать.

Первые мгновения я пугаюсь, что что-то случилось с мамой. Потом на ум сразу приходят тревожные мысли про Варьку и Сашку. Кипяток испуга ошпаривает с темени до кончиков пальцев ног.

— Это Рита! — женщина пытается добиться от меня хоть какого-то ответа. — Маргарита Ковалевская!

— Да. Рита, это Лера, — выдавливаю я из себя, теперь ошпарившись кипятком облегчения, который течет в обратном направлении: от ног до головы. — Что-то случилось?

— Я не знаю! — кричит Рита. — Тебе лучше знать. Ты же рядом с ними!

— С кем? — искренне не понимаю я подругу Верещагина.

— С Никитом и Андреем! — выдает она. — Иди к пруду! Они должны быть там!

— Рита! — прихожу в себя и требую ответа. — Я тебя не понимаю!

— А я не знаю, где находится ваш чертов дом! — у Риты начинается настоящая истерика. — Я там никогда не была!

— Что с прудом? — я начинаю злиться.

— Не с прудом! С ними! С ним! С Никитом! Андрей его покалечит! Всё из-за тебя! — Рита плюется словами в трубку.

— Рита! — теперь я разозлилась по-настоящему. — Прекрати верещать! Почему Андрей должен покалечить Никиту? Что за бред ты несёшь? Сейчас шесть утра!

Мне вдруг приходит в голову, что Рита — скрытая почти сорокалетняя алкоголичка, которая напивается в одиночестве, и теперь у нее белая горячка. — И почему из-за меня? Все спят, опомнись!

— Никитон сейчас в твоей постели? — внезапно перестает кричать Рита. — Ты меня не обманываешь?! С ним всё в порядке? Он точно рядом?!

Отрываю трубку от уха, зажимаю ее в руке, задираю голову к потолку и считаю до десяти, глядя на свое отражение на глянцевой, почти зеркальной поверхности. Десять!

— Рита! — медленно и четко говорю я сумасшедшей женщине. — Я сплю в своей спальне. Никита Алексеевич спит в своей. Я не могу понять, что тебя так напугало.

— Иди к пруду! — набрав в грудь побольше воздуха, почти визжит Рита. — Ты не знаешь, не понимаешь... Эти мужские шутки не доведут до добра! Андрей — мастер спорта по фехтованию! Из-за тебя он обязательно покалечит Никитона!

— Господи! — я начинаю вспоминать текст хоть какой-нибудь молитвы, но меня разбирает неуместный смех, который я с трудом сдерживаю. — А я кандидат в мастера

спорта по художественной гимнастике. Но именно в это момент я не бегаю по спальне с лентой, обручем и булавами.

— Я поняла! — резко отвечает мне Рита. — Ты издеваешься! Надо было догадаться, что такие, как ты, специально стравливают мужчин, чтобы потешить самолюбие.

В этот момент я вдруг вспоминаю диалог Верещагина и Виноградова-младшего.

— *То, что дуэли отменены, тебя не спасет, мой... друг.*

— *Выбирай место, время и оружие!*

— *На берегу моего нового пруда. На рассвете. Шпага. Рапира. Сабля. На твое усмотрение.*

— *Шпага? Серьезно? Думаешь, мне нужны твои подачки?*

— *Это не подачка. Это подарок от фирмы Верещагин и Ко.*

— Андрей — шпажист! — никак не успокаивается Рита. — А Никитон занимался фехтованием только в секции исторического фехтования. Кроме того, левой он драться не умеет, а правая рука у него не совсем здорова.

Дав себе твердое обещание стать самой послушной клиенткой Паперного Михаила Ароновича, врача-психиатра, я вздыхаю и сползаю с кровати, потом подхожу к окну и поднимаю жалюзи.

Сегодня пасмурно. Рваные облака затянули весь горизонт, поэтому темнее, чем обычно в это сентябрьское время. На берегу пруда, который виден из моего окна как на ладони, двое мужчин с оружием в руках. И да. Это, видимо, шпаги. Пока я щипаю себя за руку, чтобы проснуться, Рита активизируется:

— Ты идешь к пруду или нет?! Ты можешь мне назвать адрес вашего дома?! Я могу приехать к вам?!

— Не убьют же они друг друга, — растерянно бормочу я. — Да ну... Бред! Так не бывает!

— Конечно, не убьют! — я слышу, как скрипят от бессилия и злости Ритины зубы. — Просто Виноградов унизит Никитона, и Верещагин его убьет, но уже не шпагой.

— Я не верю... — отвечаю я, ошарашенно глядя, как мужчины встают на изготовку и салютуют друг другу шпагами. — Да чтоб вас...

Я бросаю телефон на постель и выбегаю из спальни. Пока спускаюсь по лестнице, мысленно представляю, как поразятся моему рассказу о сегодняшнем утре Сашка с Варькой.

— Варька даст мне прозвище графиня де Монсоро! — сообщаю я Виктору Сергеевичу, который здоровается со мной кивком и подает мое белое пальто. — У вас нет взаймы пистолета?

*Мужчины никогда не упустят возможность
слегка посоперничать и произвести
впечатление на девиц, даже если девицы —
сестры или чужие невесты.*

Елена Лобанова «Предел»

*Когда неприятель делает ошибку,
не следует ему мешать.
Это невежливо.*

Наполеон I Бонапарт

— У меня есть пистолет, — улыбается Виктор Сергеевич. — Но я никому не даю свое оружие.

— Тогда сковородка? — серьезно интересуюсь я. — Или кухарка так же щепетильна, как и вы?

— Полагаю, что да, — Виктор Сергеевич вежлив и предупредителен. — Никита Алексеевич никому не позволит вмешиваться. Ни с пистолетом, ни со сковородкой.

— Тогда пусть сам разговаривает со своей Ритой, — ворчу я, выходя из дома.

Пасмурно. Прохладно. Тревожно.

Ухоженный сад вокруг дома кажется чисто-чисто вымытым, словно только что кто-то натер мокрой тряпкой серые камни дорожек, белые камни бордюра, черные камни инсталляций да еще протер каждый листочек и лепесточек, придав им глянецовость. Несмотря на ранний час, уже убрана частично опавшая листва. Осенние цветы проснулись и отряхнутся от мутного сна, напрасно надеясь на еще один солнечный день.

Очень легко дышится. Сна как не бывало. Быстрым шагом добираюсь до пруда, никем не сопровождаемая. Интересный факт. Может, отсюда и уехать можно без помощи Виктора Сергеевича.

Пруд — настоящее произведение ландшафтного искусства, это не только центр композиции огромного участка, но и центр притяжения отдыхающего на природе взгляда. Береговая линия декорирована натуральными материалами: песчаник, красный гранит. В таком месте надо мечтательно созерцать или созерцательно мечтать.

На широком участке берега, выложенном ромбовидной серой плиткой, прямо сейчас, на моих глазах, идет бой на шпагах. Участники поединка сосредоточены и серьезны. Это абсурд, но это так! Я свидетель дуэли двух соперников. Понимаю, что дуэль понарошку, но от этого ощущение опасности, висящей над прудом тяжелой низкой тучкой, не притупляется.

Кто же из них пытается произвести на меня впечатление? Судя по тому, что они оба, увидев меня, искренне и досадливо хмурятся, то никто. Если бы не ранний звонок сумасшедшей Риты, я бы просто проспала этот спектакль, рассчитанный только на двух актеров без зрителей.

— Рад! Видеть! Тебя! Лера! — каждое выкрикнутое Андреем слово сопровождается

звоном от удара шпаги.

От Верещагина, одетого в абсолютно черный спортивный костюм, я слышу только одно слово, выдавленное сквозь зубы:

— Уйди!

Застываю на месте и невольно любуюсь четкими, размеренными движениями, которые совершают мужчины. Складывается впечатление, что они просто разминаются перед настоящим боем. В выпадах и ударах нет злости, накала, желания победить. Только легкий спортивный азарт. Откуда я знаю, может, у Верещагина с Виноградовым это добрая традиция — тренироваться на рассвете?

Ну, Рита! Я тебе при первой же встрече устрою! Истеричка чертова!

— Ухожу! — громко отвечаю я Верещагину. — Когда освободишься, позвони Рите и успокой ее сам.

— Постой! — окликает меня Андрей. Молодой, легкий, азартный.

Только сейчас задумываюсь над тем, что Андрею двадцать пять, а Никите почти сорок. Возрастная разница серьезная. Но это не чувствуется: Верещагин, несмотря на то, что почти на полголовы выше Виноградова и значительно шире в плечах, двигается на удивление легко и свободно. И я не ухожу, замороженная красотой поединка, от которого и сами фехтовальщики получают заметное удовольствие.

Внезапно в голову приходит мысль: если это тренировочный поединок, то почему мужчины без специальной экипировки? Я, конечно, не специалист, но должны же быть у них на лице маски с металлической сеткой и воротом. Почему только гарда защищает руки? Где же перчатки? Черт возьми! У них, кроме самих шпаг, больше ничего нет. Вглядываюсь в шпаги — не вижу защитных наконечников.

Прости, Рита... Похоже, что ты права. И только задумываюсь над этим, как вижу разрез на левом рукаве ветровки Верещагина.

Окликнув меня, Андрей вдруг начинает двигаться в два раза быстрее, удары его становятся резче и сильнее. Не похоже, чтобы для Верещагина это стало неожиданностью — отбивает каждый удар мастерски, но легкости в этом нет. И я, наконец, понимаю, что имела в виду Рита, когда говорила о том, на что способен Андрей, в отличие от Никиты. Шпага Андрея — продолжение его руки, сильной, крепкой, меткой. Мое вчерашнее хвастливое упоминание о художественной гимнастике теперь кажется неуместным и даже глупым.

Чем выше становится скорость движений фехтующих, тем хладнокровнее делаются их строгие лица. Они больше не отвлекаются на реплики в мою сторону. Андрей совершает резкий выпад вперед, почти коснувшись кончиком клинка широкой груди Никиты. Верещагин делает небольшой шаг назад и, вывернув собственное запястье, практически завязывает клинок Виноградова своим клинком. Шпага Андрея перестает слушаться хозяина, нервно вырываясь из руки, как живая. Андрей напрягается и резко шагает вперед, надавив всем своим весом на правую руку Никиты. По лицу Верещагина волной проходит судорога боли, которую он физически подавляет усилием воли.

— Левой он драться не умеет, а правая рука у него не совсем здорова, — некстати вспоминаю я слова Риты.

Верещагин дергает руку назад, к себе — и Андрей, повинувшись сильному толчку, пролетает пару шагов вперед, тут же получив легкий укол в бок.

Я ощущаю себя зрителем, насильно приглашенным на спектакль, поставленный по незнакомой и не нравящейся мне пьесе. Ни замысел, ни сюжет меня не увлекают — пугают.

— Если вы сейчас же не прекратите, — наблюдаю, как моим голосом говорит застывшая от ужаса женщина, так похожая на меня, — то я пристрелю вас обоих из пистолета Виктора Сергеевича.

Мужчины застывают во встречном выпаде.

— Достаточно! — недобро усмехаясь и морщась, видимо, от боли в боку, говорит Андрей. — Дама просит!

— Дама в такое время должна сладко спать! — резко, неприязненно бросает Никита, заметно устало опуская руку с оружием. — А не мешать тем, кто ее не звал!

Возмущение подобным хамством бурлит в горле, грозясь вырваться наружу. Последний раз я так возмущалась лет в пять, когда отец ругался с мамой. После той ссоры родителей не было случая, чтобы мне хотелось ответить немедленно и грубо. Я всегда выбирала достойное молчание.

— Вы можете проткнуть друг другу хоть глаза, хоть сердце! — желчно отвечаю я на слова Верещагина. — Как ты смел дать Рите мой новый номер телефона?

Верещагин смотрит на меня тяжелым неприятным взглядом, слегка поводя правым плечом назад, словно пробуя его на профпригодность. Я вижу отблеск боли на дне его темно-карих глаз, которую он тотчас прячет, прикрыв недовольством мною.

— Я никому не давал твой номер, — негромко отвечает Верещагин мне и поворачивается к Андрею. — Продолжим сейчас или перенесем на другое, более тихое и малолюдное утро?

— Решай сам, — так же негромко говорит Виноградов. — Ты удовлетворен? Мой Boss Orange испорчен.

Андрей делает вид, что огорчен дыркой в мягкой серой ткани его модного спортивного костюма.

— Пока нет! — рычит Верещагин и, подойдя ко мне, берет за локоть, традиционно крепко и больно. — Если пришлось встать, пойдем завтракать!

— Надеюсь, я приглашен? — оборачиваюсь и вижу обаятельную улыбку молодого нахала.

— Нет! — не оборачиваясь, отвечает ему Верещагин, усиливая захват моего многострадального локтя.

— Да! — радушно приглашаю я. А что? Я ж здесь тоже хозяйка!

— Спасибо! — радуется Андрей, которого не останавливают ни мрачный угрожающий взгляд моего «мужа», ни его попытка преградить путь в дом нежелательному гостю силой мысли. — Чертовски проголодался! Это ж сколько калорий потеряно!

— Я в душ! — зачем-то сообщает мне Верещагин и продолжает тянуть меня за собой, даже войдя в дом.

Торможу ногами по светлому паркету теплого цвета, оттенка кофе с молоком, помогаю себе свободной правой рукой, делая пасы в воздухе, словно хочу за него зацепиться.

— Удачи! — искренне желаю я возбужденному происходящим мужчине, когда мне всё-таки удастся освободиться от мертвого захвата. — Ты прекрасно справишься без меня.

Верещагин резко останавливается и тяжело дышит, глядя на меня и Виноградова, категорически не желая оставлять нас одних. За моей спиной материализуется Виктор Сергеевич. Его присутствие выдает только тень, которая вытягивается и закрывает меня почти полностью.

— Можешь воспользоваться гостевым душем! — неожиданно спокойно, но не спуская

подозрительного взгляда с соперника-дуэлянта предлагает Никита Андрею.

— Обязательно! — широко улыбается молодой человек и, весело подмигнув мне, идет за Верещагиным на второй этаж. — Можем потереть друг другу спинки!

Резкий невежливый ответ Верещагина, приправленный неприличным ругательством. Довольный громкий смех Андрея с легкой, но прекрасно ощущаемой мною перчинкой досады.

— Куда подавать завтрак? — любезно и хладнокровно спрашивает мою спину Виктор Сергеевич.

— Вы жадина! — злобно констатирую я, разворачиваясь к нему лицом. — Мне так нужна была сковородка!

— Она вам не пойдет! — охранник слегка кланяется, тепло улыбаясь. — У наших сковородок ярко-красные ручки. Это моветон. Так в гостиной или на кухне?

— Я могу позавтракать в своей комнате? — прощупываю я минное поле, ища безопасный проход.

— Нет, — мягкий, но уверенный ответ.

— Вообще не завтракать? — снова пытаю счастья.

— Категорически нет! — от мягкости в интонации не остается и следа.

— Скромный выбор, — упрекаю я мужчину.

— Могу предложить еще зимний сад, — утешает меня Виктор Сергеевич. — Вам там понравится.

— Но завтракаю я с... мужем и гостем? — вздыхаю я.

— Так точно! — соглашается с моей версией охранник. — Советую привести себя в порядок и спуститься в зимний сад.

Горячий душ расслабляет скованные раздражением мышцы, слабый напор практически усыпляет. Хочется снова лечь в постель и доспать хвостик утреннего времени. Вот сейчас лягу и засну. Что они мне сделают? Разбудят, оденут и силой за стол посадят? Конечно, нет! Чтобы не уступить неприятному малодушно трусливому порыву так и сделать, резко усиливаю напор и включаю холодную воду.

Прохладная вода напоминает мне о необходимости прохладного же отношения к происходящему вокруг. Откуда столько эмоций?

Ну, разбудила меня раным-рано малахольная великовозрастная, почти пожилая девочка Рита...

Ну, пытались если не убить, то покалечить друг друга два взрослых мальчика...

Ну, не нашла я еще способ окончательно «уйти» от мужа...

И что? Я жива, здорова, охраняема. Меня не бьют, не насилуют, не держат в подвале или на чердаке.

Левый локоть тут же откликается, возмущенный легкой болью. Как это не бьют? На коже два красных пятна — последствие жесткого захвата. К вечеру станут синеватыми и только за несколько дней через зелень и желтизну доползут до долгожданной бледности. Может, с помощью отцовских юристов начать уголовное дело о домашнем насилии? Такое семейное событие — удар по любой репутации.

Злобно ухмыляюсь своему отражению в зеркале, еще раз разглядывая пятна. Я вообще не помню у себя такой улыбки...

Долго расчесываю волосы: после вчерашней прически в стиле Бохо они вьются, и толстая слабая коса, которую вяжу сегодня, из-за этого кажется еще толще.

Открываю платяной шкаф: все мои вещи здесь. Нервный смешок сопровождает выбор одежды для «светского» завтрака. Они что? Так и будут перетаскивать мои вещи из дома отца в дом матери Верещагина, потом в «нашу» квартиру, теперь в «наш» дом?

Представила свой удачный побег: я быстро бегу по темной ночной дороге в сторону от дома, освещая себе путь фонариком телефона, а за мной так же быстро и деликатно бежит в некотором отдалении Виктор Сергеевич с двумя огромными чемоданами.

Надеваю темно-синие узкие брюки капри и серую шелковую блузку с воротником стойкой и длинными рукавами. Серебряные лодочки на широком высоком каблуке придают уверенности и торжественности моему «домашнему» виду. Хочется быть строгой и равнодушной. Очень хочется. С удивлением ловлю себя на противоречии: буду тратить энергию на демонстрацию равнодушия. Приехали...

Вытаскиваю симку из телефона и с каким-то садистским удовольствием смываю ее в унитаз. Вставляю новую. Ну что, Рита? Теперь дозвонишься? Спасибо, Игорь! Если что — у меня есть еще три штуки.

В зимнем саду, куда приводит меня Виктор Сергеевич, никого нет. Странно. Я не торопилась. Неужели мужчины так долго собираются? Тоже приводят себя в порядок?

— Им раны обрабатывают, — прочитав мои мысли, докладывает Виктор Сергеевич и, увидев мои поднятые брови, поспешно добавляет. — Ничего серьезного, но обработка нужна.

Жаль, что ничего серьезного. Лучше бы сейчас они лежали в больнице, а я бы ехала домой к маме. Даже не собираюсь совестить себя за такие крамольные мысли: они же сами этого хотели.

Зимний сад в этом доме является продолжением гостиной, и стены, и потолок в нем из тонированного стекла нежно-терракотового оттенка. Этот флористический участок, по задумке дизайнеров, должен стать тем местом, в котором зимой и осенью продолжают весна и лето. Пальмы разных видов, азалии разных цветов, орхидеи, от нежно-белоснежных до иссиня-красных. Неожиданностью для меня становятся лимонные и мандариновые деревья. Их много, и они придают саду какую-то сказочную декоративность. Желто-оранжевые плоды яркими мазками поднимают настроение и вызывают желание улыбнуться.

Большой белый стол из выбеленного натурального дуба, такие же стулья с очень высокими резными спинками и мягкими подушками мятно-фисташкового цвета. Белая холщовая скатерть, желтые и зеленые тканевые салфетки. Стол сервирован на троих. Женщина лет пятидесяти в светлом льняном платье-халате расставляет тарелки на столе, снимая их со столика на колесиках.

— Доброе утро! — вежливо говорит она мне и продолжает свою работу.

Виктор Сергеевич помогает мне сесть за стол. Пораженно смотрю на выбор блюд и прихожу к выводу: мы будем жить в этом зимнем саду пару недель втроем, раньше нам всё это не съесть. Может, Виктор Сергеевич и женщина, то ли обслуга, то ли кухарка, примут долевое участие в поедании завтрака?

Панкейки с бананом и черникой. Фриттата с овощами. Куриные маффины с сыром. Пицца Маргарита на лепешке. Маннй пудинг. Яичные роллы. Шоколадный пирог.

Меню оглашает мне женщина, вежливо и заинтересованно ожидая, с чего я начну.

— Пиццу, пожалуйста, — выбираю я, мстительно представив на месте аппетитного куска итальянского пирога, пиццы Маргарита, Риту Ковалевскую.

— Какой кофе предпочитаете? — женщина мило улыбается, и эта улыбка не кажется

дежурной.

— Черный. С медом и лимоном, — улыбаюсь в ответ, вызывая ее восхищенный вздох.

— Лера! — первым в зимнем саду появляется Андрей. Мокрые после душа волосы тщательно уложены, одет в легкий костюм с футболкой. В руках большой сверток в крафтовой бумаге. — Я привез тебе подарок!

По размеру и форме я сразу понимаю, что это та самая картина, которую он купил на благотворительном аукционе.

— Это лишнее, — теряюсь я, подняв голову к стоящему возле моего стула покрасневшему молодому человеку.

— Почему? — радость и ожидание чего-то гаснут в нежно-голубых глазах Андрея.

— Это... дорого и слишком лично, — нахожу я правильные слова и встаю, чтобы не задирать голову и не чувствовать себя неловко перед стоящим передо мной растерянным мужчиной. — Это тебе, вам... важнее. Это должно висеть у вас в доме.

— У меня есть нечто подобное. А эту я купил тебе. Она написана несколько лет назад. Я имею право хотеть, чтобы она была у тебя! — возбуждается и нервничает Андрей.

— Я совершенно посторонний человек, — аккуратно спорю с Андреем. — Она посвящена твоей матери. Она прекрасна и она твоя!

— Ты не посторонний человек мне. Ты моя... муза! — упрямо качает головой Виноградов-младший и начинает снимать упаковку дергаными движениями, волнуясь и торопясь. — Я хочу, чтобы она была у тебя!

— Муза? — начиная догадываться, переспрашиваю я. — Это ты нарисовал? Прости, написал эту картину? Ты художник?

— Я, — Андрей облегченно выдыхает. — Это моя картина.

— Подожди! — очень боюсь его обидеть. — Мы видимся третий раз в жизни. Картина написана несколько лет назад. Какая муза?

— Прекрасная! Лучшая! — горячится Андрей. — И видимся мы в четвертый раз! Первый раз на юбилее отца, второй раз на концерте, третий раз вчера.

Голубизна глаз молодого человека пропитывается обидой и искренним огорчением. Перевожу взгляд с так понравившихся мне нежных ломаных бутонов на его красивое лицо, искаженное сейчас печалью и досадой.

— Ну... если в четвертый, — неловко и невесело шучу я. — Спасибо! Повторюсь, она прекрасна! Я говорила тебе это еще на выставке.

— Да! — торжествующе говорит Андрей, в его голосе ликование и гордость. — Я верю тебе. Твоя реакция на мою картину сделала меня самым счастливым человеком на свете!

— Сразу на свете? — устало спрашиваю я, почти раздавленная его напором и восторгом. — Не преувеличивай!

— На свете! — по-детски настаивает Андрей и, бросив порванную упаковку на пол и поставив картину на соседний стул, порывисто обнимает меня, не обращая внимания ни на Виктора Сергеевича, ни на милую женщину, вернувшуюся с чашкой моего кофе по-еврейски.

Через крепкое плечо Андрея смотрю на предупредительно спокойного Виктора Сергеевича. Что? Не защитите? Прекрасно понимая мои немые вопросы, мужчина придает своему лицу дурашливо непонимающий вид и даже отворачивается. Это разве охрана? Пытаюсь мягко высвободиться сама — бесполезно. Андрей только крепче сжимает обернутые вокруг моей талии горячие сильные руки. Мой нос прижат к чужому твердому плечу, и дышать проблематично. Когда руки молодого счастливого художника начинают

гладить мою спину, раздаются тяжелые шаги, думаю, моего мужа. «Просыпается» Виктор Сергеевич, который деликатно и негромко покашливает.

— Продуло? — выпущенная из объятий, ехидно спрашиваю я своего личного охранника и сажусь. — Или нервное?

Стремительно вошедший в комнату Верещагин одет в голубую рубашку и джинсы. Он строго смотрит на меня, сидящую и нюхающую аромат чудесного кофе, и Андрея, по-прежнему стоящего надо мной.

— Я рассчитывал на тихий семейный завтрак молодоженов! — рычит Верещагин, садясь напротив меня и кивая женщине, которая тут же ставит перед ним кофе и кладет на тарелку яичный ролл.

— Твоя грубость и отсутствие манер не делают тебя мужчиной, — парирует Андрей, садясь рядом со мной.

— Ты думаешь, что мужчиной делают тебя манеры и попытка волочиться за чужой женой? — усмехается Верещагин, делая глоток кофе и глядя на меня.

— Волочиться? — смеется Андрей, получая выбранным им панкейк. — Играешь в благородного хозяина поместья? Кем мнишь себя? Герцогом? Графом? Тебе надо было жениться на Рите. Она настоящая дворянка.

— Я женился на том, на ком захотел жениться, — сарказмом Верещагина можно, как специями, приправить и мою пиццу, и его яичницу, но приправляет он сладкий панкейк Андрея. — Тебе такая жена и не снилась!

Я не буду встречать в диалог двух павианов в период гона.

Во-первых, дурацкая дуэль может продолжиться и неизвестно чем закончится.

Во-вторых, отношения отца с Виноградовыми абсолютно отличаются от отношений с Верещагиным, поэтому не хочу показывать Андрею реальное положение дел в моей молодой «семье».

В-третьих, в меня вселяется злой дух противоречия: Сашка сказала бы, что Лерка «отмерзла». Эмоции царапают мое равнодушие и спокойствие, оставляя неглубокие, но болезненные шрамы, как царапины на нежной коже от тонких, неокрепших когтей расшалившегося котенка.

— Снилось, — отбивает подачу Андрей, мыча от удовольствия. То ли панкейк вкусен, то ли раздражение Верещагина нравится. Скорее всего, и то, и другое. — Снится каждый день.

— И это твой максимум! — обещает Верещагин, кивком получая куриный маффин.

— Посмотрим! — философски предрекает Андрей, переходя на шоколадный пирог.

— Нам некуда повесить твою картину! — категорично утверждает Никита и приступает ко второй чашке черного кофе.

— Она уже не моя. Она Лерина, — откидывается на спинку стула насытившийся Андрей. — Где она захочет — там и будет висеть! Ты же тоже можешь нарисовать что-нибудь. Она и твою картину повесит!

Андрей чрезвычайно доволен собственной шуткой и смеется громко, нахально.

— Хорошая идея, — подтверждает Верещагин. — Я нарисую тебя. Ты бы предпочел портрет в какой технике? Я одинаково плохо владею любой.

Слова Никиты вызывают слабую улыбку на моем лице. Андрей видит ее и начинает злиться.

— Пожалуй, ты прав! — Андрей встает и бросает на стол салфетку. — Продолжим в

скором времени. Руку подлечи! Десять лет прошло — неужели до сих пор беспокоит?

По тому, как каменеет лицо Никиты, как он резко сжимает в руке чашку с кофе, как медленно поднимает на Андрея почерневшие, почти черничные глаза, я понимаю, что наш гость переступил какую-то запретную черту. Верещагин тоже встает:

— Тебя сейчас будут беспокоить и руки, и ноги, и голова, — негромко и как-то устало говорит Никита.

Встаю и я, специально громко отодвигая свой стул. Находящийся до этого момента на другом конце зимнего сада Виктор Сергеевич оказывается прямо позади меня, услужливо отодвигая стул еще дальше. Женщина, обслуживающая стол, получив едва заметный знак от охранника, быстро выходит.

— Андрей, до свидания! — твердо говорю я гостю. — У нас с Никитой важное семейное дело запланировано на сегодня. На сейчас. Откровенно говоря, ты немного мешаешь.

— Прошу меня извинить! — кивает мне Андрей, по-прежнему напряженный, с недобрый холодным взглядом. — До встречи, Лера! Приятного аппетита!

Верещагин молчит, высверливая темным взглядом дыру на высоком чистом лбу Виноградова. Дыру глубокую, с выходом наружу со стороны затылка. Андрей уходит, грустно мне улыбнувшись. Верещагин садится на место, неживой и застывший в одной позе, напоминая памятник, который всё-таки посадили, несмотря на всем известную расхожую кинофразу «Кто ж его посадит, он же памятник!»

Возвращается женщина и вопросительно смотрит на меня.

— Нет, спасибо, ничего не нужно, — расшифровываю я ее взгляд, направившись на выход.

— А наше семейное дело? — негромко интересуется у моей спины Верещагин.

— Ах, да! — останавливаюсь и поворачиваюсь к Никите с безразличным выражением лица, изображая легкую благодарность за то, что он мне напомнил о моих же словах. — Мы хотели заняться разводом. Предлагаю сделать это сегодня. Не откажусь даже отметить.

— Ты хотела, — поправляет меня Верещагин, волшебным образом оказавшись возле меня близко-близко. — Я не хотел и не хочу.

— Дискуссия бессмысленна, — дерзко смотрю в его посветлевшие глаза. — Мы всё неоднократно проговорили. Мы можем сделать это сами, но я могу и подождать, когда это сделает мой отец.

— Сегодня воскресенье. Выходной, — нежно сообщает мне Верещагин, глядя на мои губы. Непроизвольным движением языка облизываю нижнюю губу — и он судорожно сглатывает, хватая меня за локти. Откровенно морщусь и дергаюсь в его руках.

— В твоём штате есть травматолог? — угрюмо спрашиваю я.

Да я за все детство, не сказать, что пацанское, но нормальное, с беготней по дворам, прятками и «казаками-разбойниками», за все годы профессиональных занятий художественной гимнастикой не получала столько синяков, сколько имею за несколько дней общения с «мужем». До Сашки мне, конечно, далеко: она и по гаражам да деревьям лазила, и в «войну» играла, причем была не санитаркой, а командиром отряда. Но!

— Травматолог? — шепчет Верещагин, неумолимо наклоняясь к моим губам и продолжая меня удерживать. — Зачем?

— Травмы лечить! — фыркаю я, с усилием освобождаю локти и, расстегнув перламутровую пуговку на манжете, закатываю рукав. — Вот!

— Травмы? — бессмысленным, замутненным взором Никита смотрит на красные пятна — будущие синяки, оставленные его пальцами.

Постепенно до мужчины доходит предложенная мною информация, и в глазах появляется мысль. Он растерянно рассматривает мои локти, потом бережно берет в свои большие ладони и гладит пятна горячими пальцами.

— Чёрт! — шепчет он и вдруг прижимается к моему левому локтю губами, жаркими, табачно-мятными, порочно-жадными.

Замираю, охваченная болезненно-нервным ощущением: мне плохо и хорошо одновременно. Плохо, что я это ему позволяю, хорошо, что я это понимаю. Если понимаю, то есть надежда, что справлюсь.

Терпкие, покаянные поцелуи переходят на всю длину моей руки, добираясь до плеча и ключицы. Отвлекаю себя умной мыслью: где Виктор Сергеевич и женщина? Мы с Верещагиным перекрыли выход, но их в зимнем саду нет. Здесь есть второй выход?

Не получив от меня никакой реакции на свои действия, Никита позволяет мне увидеть злость, раздражение, обиду, недовольство. Он почти оскорблен отсутствием моего отклика. Хоть какого-то, не обязательно удовольствия и удовлетворения.

— Кукла! Манекен! — с досадой говорит он, тяжело, надрывно дыша, так, словно только что закончился этот нелепый поединок с Андреем, и он потерял много сил.

— Заводная? — недобро усмехаюсь я.

— Если бы заводная... — выплевывает Верещагин. — Завод сломался...

— Механизм с секретом, — сообщаю я, испытывая легкое, но заслуженное чувство торжества и справедливости. — Просто не всем нужно место в твоём курятнике.

— У меня нет никакого курятника, — его губы теперь в опасной близости от моих. — С каждой из этих женщин меня связывают либо деловые, либо дружеские отношения.

— Это теперь, — возражаю я, почему-то разозлившись. — Пресса называет их твоими невестами. Называла...

— Ты веришь каждому печатному слову? — недоуменно спрашивает он. — С Ритой я дружу с детства. Она... Впрочем, тебя это не касается. Елена работает со мной над одним из проектов моей фирмы. Екатерина...

Тут Верещагин умолкает, словно нуждается в аккуратном подборе нужных слов. Я его не тороплю и не перебиваю.

— С Екатериной мы некоторое недолгое время были в... отношениях, — слова даются Никите с трудом. — Но это было давно...

— Неужели два года назад, пока ты не встретил меня? — иронизирую я, прижатая к дверям зимнего сада.

Верещагин прижимает меня еще сильнее, но, увидев мои нахмуренные брови, ослабляет нажим, хотя не отпускает.

— Чуть меньше, — неожиданно покраснев, отвечает он.

Темный румянец на смуглом лице смотрится изысканно красиво и благородно. Я ошиблась: Верещагин живет, чем кажется.

— Насколько меньше? — продолжаю я, не давая ему вспомнить о моем теле, которое он придавил своим.

— Больше ста дней! — неожиданно сообщает Никита моему подбородку, ласково царапая его своим свежевыбритым.

— Насколько больше? — у меня получается даже улыбнуться. Надеюсь, снисходительно

и спокойно.

— На много, — надолго отвлечь Верещагина не удастся, и жесткие мужские губы запечатывают мой уже открывшийся для очередного вопроса рот.

Этот поцелуй другой: он продолжительный и какой-то привилегированный. У меня стойкое ощущение, что мужчина награждает меня им, как будто ему был предоставлен выбор, и он выбрал меня из десятка, а то и сотни претенденток. Это чувство придает силы и помогает достаточно удачно оттолкнуть крепкого мужчину.

— Ты ревнуешь? — искренне недоумевает он, потом широко улыбается, утверждая. — Ты ревнуешь!

— Других вариантов нет? — спрашиваю я довольного собой красивого мужчину. — Только этот, утешающий уязвленное самолюбие?

Появляется желание уязвить не только словами, и я вытираю целованные им губы тыльной стороной ладони. Его глаза прищуриваются, но я успеваю заметить вспышку разочарования в их карей глубине.

— Я готов выслушать тебя. Услышать, что ты хочешь, — тихо выдохнув, говорит Верещагин.

— Домой, — быстро и не раздумывая, отвечаю я.

— Вяземский тебя больше не получит! — Верещагин напрягается и, отшагнув, выпрямляется. Гордо. С достоинством. Одинок.

— Я. Живая, — четко произношу я, наклонившись к нему. — Пусть кукла. Но живая. Не картонная. Не тряпичная. Не фарфоровая. Я не желаю зависеть ни от отца, ни от тебя. Но он хотя бы отец... Пусть он не был рядом со мной в полном смысле этого слова. Но он родил меня, по-своему заботился обо мне и маме. Ты... Ты никто.

— Я твой муж, — перебивает меня начинающий злиться мужчина. Желваки ходят под смуглой кожей, челюсти сжимаются, глаза темнеют.

— Тебе надо отомстить моему отцу за своего — вот и женись на нем! — нагло предлагаю я, тихо радуясь тому, что он так ярко реагирует. — Я здесь при чем? Мой отец обманывал твоего, соблазнив твою мать и сделав ее своей любовнице? Или это было изнасилование? Принуждение с его стороны?

Верещагин сжимает кулаки и молчит.

— Твоя мать тоже принимала в этом участие. Я — нет! Что за итальянские страсти?! Почему за прелюбодеяние родителей должны отвечать их дети?! Я? Андрей? — бросаю вопросы-обвинения в лицо словесными пощечинами.

— Ты и Андрей? — рычит он. — Прекрасно! Вы уже вместе?

— Ты псих, — безэмоционально констатирую я. — Больной на всю голову. Человек, нуждающийся в профессиональной помощи. Врача.

— Вот и помогай! — почти кричит он.

— Я педиатр! — в ответ кричу я.

Я редко кричу. Если вы спросите у Вари и Саши, моих лучших подруг, знающих меня с раннего детства, то они будут утверждать: я не кричу никогда. Пару моментов из подростковой жизни я всё-таки припомню, но, сами понимаете, исключение только подтверждает правило. Да что ж такое...

— Я детский врач, — тихо и спокойно повторяю я. — Тебе уже не помогу. Поздно. Это максимум до пятнадцати лет.

Верещагин жжет меня пронзительным острым взглядом и вдруг говорит:

— Вообще-то у меня вся надежда на тебя. С тобой я начал что-то чувствовать, кроме желания отомстить.

— Добавилось желание изнасиловать и убить? — не верю и горько спрашиваю я. — Или в обратном порядке?

— Появилась мысль бросить всё к чёртовой матери! — горячо шепчет он, снова придвигаясь ко мне.

— Я бы не стала называть Таисию Петровну матерью чёрта, но... если ты настаиваешь... — отвлекаю я его от намерения меня поцеловать попыткой пошутить по-черному.

— Ты считаешь меня чёртом? — вглядываясь в мое лицо, удивленно спрашивает он.

— Скромно? — догадываюсь я. — Хотите быть бесом?

— Есть разница? — морщится он, замороженный чем-то в моих глазах.

— Огромная! — вздыхаю я притворно. — И тот, и другой — прихвостни дьявола. Но чёрт — просто мелкий пакостник, с шерстью, рогами и копытами, с мерзким запахом, сразу его выдающим. А у беса, кроме рогов и копыт, еще и крылья. Он может летать, вселяться в человеческое тело. Его запах губителен, но приятен.

— Тогда лучше бес, — совершенно серьезно выбирает Верещагин, как будто кто-то предлагал ему этот выбор. — Будем считать, что я занял это человеческое тело. Тебе приятен мой запах?

Отвлечь от выбранной цели настойчивого мужчину не удастся. Крупное тело вжимает мое и в себя, и в дверь. Чуткие ноздри Верещагина раздуваются, и он впитывает мой запах, жадно, сильно.

— Мы говорили о твоём запахе, — напоминаю я, не шевелясь.

— И чем же я приятно пахну? — усмехается он почти в мой рот.

— Приятно? Уверен? — не удивляюсь я его самонадеянности и высокомерию.

Но он, конечно, прав. Кроме табака и мяты, сегодня я отчетливо чувствую гвоздику и душистый перец. И этот парфюмированный «маринад» неожиданно волнует, сочетаясь с запахом опасности, безотчетной тревоги и... надежности. Пока я раздумываю, как опасность может сочетаться с надежностью, он говорит, губами двигая мои губы, как кукловод.

— А ты пахнешь грушей, — вдруг говорит мне Никита.

— Грушей? — пораженно удивляюсь я.

Как? Как он смог почувствовать верхние ноты моей туалетной воды, которые растворяются в воздухе и исчезают с кожи буквально через десять-пятнадцать минут после нанесения, даже раньше. Как этот аромат стал шлейфовым для его обоняния?

— И какой-то морозной ягодой, — добавляет он, накрывая мои губы, перебирая их своими губами, пробуя на вкус.

Поцелуй осторожный, нежный, робкий, словно мужчина ждет моего сопротивления, но не верит, что оно будет. С трудом, распрямив руки на всю длину, отстраняю его от себя, так и не ответив на поцелуй.

— Я мог бы стать для тебя настоящим, — слова Верещагина, сказанные им сейчас, после утреннего завтрака в зимнем саду, после всего того, что было и сегодня, и в предыдущие дни, кажутся нелепыми.

— Бесы считаются падшими ангелами, изгнанными из рая, но мечтающими туда вернуться, — говорю я, и в это время у Верещагина звонит телефон.

— Рита? — брови мужчины слегка приподнимаются в немом вопросе.

Замечательно! Наконец, ей хватило ума позвонить не мне, а ему. Ах, да! Сейчас она не сможет мне позвонить, я поменяла симку. Но как она позвонила на предыдущую?

— Рита! Всё в порядке! Что за истерика?!

Верещагин бросает меня у двери и отходит вглубь зимнего сада, к лимонам и мандаринам.

— Рита! Успокойся! Ты всё преувеличиваешь, как и всегда. Какая опасность? Это была обычная тренировка, — Никита оборачивается ко мне и спокойно врет. — Мы были в масках, в защите. Зачем ты позвонила Лере? Моя жена любит поспать после...

Верещагин специально замолкает, позволяя Рите самой додумать, после чего я так люблю поспать.

— Откуда у тебя номер ее телефона? Алло! Рита!

Никита пожимает мощными плечами и говорит мне раздраженно и устало:

— Прервалось. Прости ее, она паникерша та еще!

— Если сегодня нас не разведут, поскольку воскресенье, — начинаю я, снова неторопливо двигаясь по минному полю, — тогда я хотела бы заняться своими делами.

— У тебя сегодня есть дело, — терпеливо отвечает он. — Мы идем...

— На охоту? — иронично перебиваю я.

— Нет. На охоту выдвигаться уже поздно. Зато мы успеем на утреннюю рыбалку! — неожиданно смеется Верещагин.

— Я не рыбачка, — отказываюсь я, мечтая, если не выпустят из дома, потратить время на досыпание и телефонные разговоры с друзьями. Ехидно добавляю. — И, насколько я знаю, утро, подходящее для рыбалки, ты потратил на тренировку.

— В нашем пруду не поймать рыбу очень трудно, надо как следует постараться! — весело говорит успокоившийся Никита. — Пруд искусственный, рыба запущенная и откормленная. Золотой и серебряный караси, толстолобик.

— Но это же не рыбалка! — удивляюсь я. — Никакой уважающий себя рыбак ее таковой не считает.

— Это для тебя, не для меня, — возвращается ко мне, стоящей в дверях, Верещагин. — И для наших детей. Им же интересно будет научиться ловить рыбу, чтобы потом приготовить из нее обед или ужин для домашнего стола.

Вот в этот момент мне по-настоящему становится страшно... Зрительный контакт, который сейчас установился между нами, становится тягучим, засасывающим, как трясина, в которой погибнем оба, я и он. Вместе.

Какие дети? Мои и его? Холодеют руки и ноги, в горле пересыхает. Самое главное, чтобы он этого не понял, не почувствовал.

Открывающаяся за мной дверь запускает в зимний сад Виктора Сергеевича, который будничным голосом спрашивает меня, не обращая внимания на Верещагина:

— Вы будете, как хотели, читать книгу, которую мне заказали вчера, Валерия Ильинична?

— Да! — разворачиваюсь я навстречу своему спасителю. — Конечно. Спасибо.

Оставив ухмыляющегося Верещагина в зимнем саду, я в сопровождении охранника поднимаюсь в свою спальню.

— Книга на тумбе возле постели, — говорит он, открывая мне дверь.

— Книга? — рассеянно переспрашиваю я. — Она существует?

— Несомненно, — кивает он.

— И я ее заказывала? — улыбаюсь я в ответ на его хитрую улыбку.

— А разве нет? — отвечает он лукаво, уходя и оставляя меня одну.

Конфуций? Виктор Сергеевич намекает на философское отношение к происходящему?

Юморист...

Книга новая, глянцевая обложка, типографский запах.

«Если ты ненавидишь — значит, тебя победили».

Надо предложить Верещагину выгравировать эти слова на дверях его дома. Но похоже, что это ему уже не поможет. Ненависть вытравила его изнутри. В нем нет содержания, есть только оболочка. Какой сложный и страшный человек. Да и Андрей не так прост, каким показался во время знакомства и последующего общения.

«Счастье — это когда тебя понимают, большое счастье — это когда тебя любят, настоящее счастье — это когда любишь ты».

Варька тут же поддержала бы древнего философа. Девчонки!

Сашка не берет трубку, получаю от нее сообщение: «Перезвоню, если ты Лера».

Варя берет трубку и от ее мягкого нежного голоса мне становится тоскливо и радостно одновременно. Как же я по ним скучаю, по своей прежней размеренной и понятной жизни!

— Да? Слушаю вас, — осторожно говорит подруга.

— Это я, — смеюсь. — Алекс Юстасу.

— Леруся! — очаровательный Варькин тембр сразу влюбляет в себя. — Рассказывай, как и что там с тобой?

— Сложно, — честно отвечаю я. — Меня опять увезли к Верещагину. Я, видимо, переходящий приз.

— Подбирается! — констатирует Варька. — Всё, как мы с Сашкой и предполагали. Влюбился и на стену лезет от желания обладать тобой! Да еще и месть проверить надо! Параллельно...

— Похоже на то... — устало соглашаюсь я.

Короткий сон. Звонок Риты. Дуэль. Картина в подарок от Андрея. Объятия и поцелуи Верещагина. *«Я мог бы стать для тебя настоящим».*

— Я хочу спать, — жалуюсь я Варьке. — Но меня тащат на рыбалку!

— Живешь интересной, насыщенной жизнью, подруга! — хохочет Варя. — Лови золотую — загадаешь желание.

Крупная рыба с золотисто-бурой чешуей резво прыгает по траве, дергая мою удочку и мои руки. Я поймала ее за каких-то пять первых минут так называемой рыбалки.

— Видишь, как просто, — мягко улыбаясь, говорит мне Верещагин, снимая золотую рыбку с крючка.

— Красавица! — замороженно говорю я и неловко шучу. — И желания, как положено, исполняет?

— Зачем тебе для этого она? — серьезно спрашивает меня Никита. — Оглашай! Я все исполню. Кроме двух. Не дам развод и не отпущу домой.

— А так всё-всё? — подначиваю я. — Как в анекдоте?

— Каком анекдоте? — Верещагин бросает пойманную мною рыбу в пластиковое ведро.

— Поймал как-то раз совершенно нечаянно старик Хоттабыч золотую рыбку. И вот смотрят они молча друг на друга — ситуация-то патовая, — охотно рассказываю я, и Верещагин смеется.

— Ну, почти! — подтверждает он. — Так загадаешь?

— Услышав моё желание, Золотая Рыбка всплывет кверху брюхом, Фея попадет в психушку, Хоттабыч побреется налысо, а у Джинна будет сильная душевная травма, не совместимая с размером той бутылки, в которой он живет, — грустно говорю я.

— Что же это? — искренне удивляется Никита, пристально глядя на меня.

— Откажись от мести, — прошу я шепотом. — Или перед тем как мстить, вырой две могилы.

— Что? — холодным мертвым голосом переспрашивает Верещагин. — Что ты сказала?

— Это не я. Это Конфуций, — обреченно и безнадежно отвечаю я.

Верещагин, не глядя на меня, садится на маленькую скамеечку в паре шагов от кромки воды и негромко, но отчетливо говорит:

— Не могу. Я болен желанием добиться справедливого возмездия. И что бы ты ни говорила — эта болезнь неизлечима.

— Неизлечимо болен... — не верю я. — Чем? Слабоумием?

Я сажусь рядом и терпеливо спрашиваю:

— Я не понимаю. Объясни. Мой отец предал твоего отца. Твоя мать предала твоего отца. Твой отец покончил с собой. Мой присвоил себе чужое. Виноградов-старший тоже в курсе. Законным способом доказать это ты не можешь. Тогда почему?

— Что почему? — я слышу, как по-настоящему скрипят его зубы, когда он сжимает челюсти.

— Почему ты мстишь мне и детям Виноградова? — я кладу ладонь на его колено и совершенно по-детски упрекаю. — Это несправедливо. Нечестно.

Верещагин молчит, ничего не отвечая.

— Причину своей боли ты прекрасно знаешь. Теперь будь сильным — прости. Не Вяземского, не Таисию Петровну, не Николая Игоревича. Себя прости за ненависть.

— Если мне понадобится духовник, я пойду в церковь! — грубит мне озлобленный и напряженный мужчина. — Так можно от прощения договориться до чувства глубокой благодарности врагу за преподнесенный урок!

— Прощать и пережить — разные вещи, — настаиваю я, пока мне не заткнули рот и не запретили говорить. — Ты уже искалечил себя. Не надо калечить меня и Виноградовых. Сколько бы это ни стоило.

Верещагин поворачивается ко мне всем корпусом:

— Моего отца нет. Ты понимаешь это? Его нет. Он точно так же, как и твой, мог бы сейчас жить, открывать выставки, сниматься на телевидении. Он мог дожждаться нашей свадьбы и внуков.

Так... Приехали... Ещё и это... Он продолжает свою дуэль, только теперь не с Андреем, а со мной...

— Послушай! — я по-прежнему не убираю ладонь с его колена. — Эту часть твоих фантазий мы обсуждать не будем. Ты хотел меня использовать — передумал. И бог с этим!

— Я не передумал, — его ладонь накрывает мою и до боли сдавливает. — Я не откажусь от своего решения. Господам Виноградову и Вяземскому должно быть так же плохо, как и мне.

— Ты не хочешь слышать ни меня, ни кого-то еще, — сдаюсь я, пытаюсь забрать руку.

— *«Советы мы принимаем каплями, зато даем ведрами».* Это тоже Конфуций, — отрезает Верещагин вставая и подавая мне удочку.

— Не буду, — вредничаю я. — Ни ловить, ни есть. Отпусти ту, что я поймала.

— Она может не выжить. У нее порвана губа, — мужчина мрачен и задумчив.

— И я, — говорю я, подняв лицо к нему. — Я тоже могу не выжить. У меня тоже порвана губа. А ты продолжаешь дергать.

Когда мы возвращаемся в дом, Верещагин отдает пойманного мною золотого карпа на кухню. Свой выбор он сделал. Так и меня скоро приготовят по его приказу в сухарях или в сметане.

Глава 14. Туман

*В диалоге с жизнью важен не ее вопрос,
а наш ответ.*

Марина Цветаева

*Человек — единственное животное,
которое причиняет другим боль,
не имея при этом никакой другой цели.*

Артур Шопенгауэр

— Всё, что неожиданно изменяет нашу жизнь, — не случайность, — ласково говорит мне Варя.

Ее голос в телефонной трубке звучит успокаивающе и убаюкивающе, согревает и утешает, как теплое молоко перед сном. Или я всё-таки очень хочу спать.

— Давай подумаем, зачем в твоей жизни появился Верещагин? Вот такой, жесткий, грубый, опасный?

— В наказание? — недоверчиво спрашиваю я, устало рассмеявшись. — Как учитель и урок?

— О! — Варя иронично усмехается. — Это очень глобально! Так масштабно мыслить мы пока не будем... Давай по-другому. Что появилось в твоей жизни вместе с ним? То, чего до этого не было точно?

Отвечаю подруге, не задумываясь, очень быстро:

— Эмоции! В основном, негативные! Ощущение бессилия что-либо объяснить, доказать.

— И чем это плохо? — наивно спрашивает Варя. — Ты только не обижайся, Леруся, но у тебя очень ограниченный лимит на выдачу эмоций окружающим. Теперь ты точно знаешь, что у тебя они есть.

— И что дает мне это знание? — не понимаю я истинного смысла Вариных умозаключений. — Он пробил меня эмоционально. Я теперь дырявая... В чем счастье?

— Не совсем счастье, — терпеливо вздыхает Варя. — Скорее опыт.

— Хорошо, — не спорю я и уточняю. — Вот ты нынче получила опыт новых отношений с мужем. Три недели жила со стойким убеждением о его измене. Потеряла прежние жизненные ориентиры. Училась, вернее, планировала жить по-новому, без него. Без Макса. Что это тебе дало?

Варька некоторое время молчит, дышит в трубку, потом отвечает, медленно, но твердо, по-прежнему демонстрируя чудеса терпеливости:

- Еще большую уверенность в его любви, в его верности. И в своей... глупости. Я усомнилась. Я не дала ему ни слова сказать в свое оправдание, ни разу, потому что мне всё было якобы очевидно. Я взяла на себя единоличное решение того, что и как будет дальше в нашей семье. И чуть не потеряла...

— Глупости! — даже фыркаю я, перебивая, и выдаю многословную тираду. — Ты его никогда не потеряешь вот так... Что бы ты ни решила, Макс никогда бы тебя не отпустил.

Это твоя иллюзия, что ты могла уйти от него. Это не тот случай, когда надо ставить на его врожденное благородство. Когда дело касается тебя — у него летят к чёртовой матери все базовые характеристики, шаблоны и заготовки. Если бы, для того чтобы тебя удержать, ему понадобилось поступиться всеми своими принципами и Уголовным кодексом, он бы это сделал. Но не отпустил. Никогда.

— Ты не поняла, — мягко поправляет меня Варька. — Я чуть не потеряла... себя. Свою веру в его любовь. Это страшнее.

Я понимаю, что имеет в виду Варя, и с усталым вздохом отвечаю, вспоминая, как жила Варя без Максима:

— Наша общая ошибка в том, что мы решаем за других, как и что они должны думать, предпринимать в той или иной ситуации. С Максимом Быстровым не работает эта формула: лишь бы любимая была счастлива, пусть и не со мной. Ты обречена, Варвара Михайловна. Вот если ты сама разлюбишь — я тебе не завидую. Даже представить страшно, брр...

— Так что Верещагин? — напоминает Варя.

— Верещагин буквально сожрал себя изнутри, взращивая и лелея свою ненависть, — выдыхаю я обреченно.

— Это самый сложный случай, — мягко соглашается Варя. — Человек действует вопреки здравому смыслу, инстинкту самосохранения, библейским заповедям и даже собственным истинным желанием. Ты права. Это одержимость, болезнь.

— Его надо ввести в искусственную кому, но это дорого, — зло шучу я. — Или хотя бы дать по голове тяжелым чем-нибудь.

— Тоже вариант! — нежно смеется Варя и прощается до следующего разговора, рекомендуя. — С Сашкой посоветуйся — она кровожаднее меня!

Я почти засыпаю, лежа в постели, не раздевшись, только сбросив туфли, когда мне звонит кровожадная Сашка.

— Прости! — частит она, говорит громко, почти задыхаясь. — Не могла перезвонить сразу. Шеф воспитывал.

— Опять пристает? — догадываюсь я.

Сашка, наконец, нашла приличную новую работу с высокой зарплатой и крутым социальным пакетом. Но руководитель фирмы сразу положил на нее глаз, теперь медленно, но верно, тащит в постель и припугивает увольнением. Вспоминаю, как дома, на последнем девичнике, мы с Варькой предупредили Сашку: сама не справится в ближайшее время — расскажем Макс и Игорю.

— Не страшно! — энергично докладывает подруга. — Руки пока не распускает, а намеки свои пусть засунет... Лектор чёртов! Взял моду лекции мне читать о пользе свободных отношений в постели с харизматичным и достойным мужчиной. Такое впечатление, что он к ним даже готовится, гад!

— А ты? — завидую мощности и силе Сашкиной энергии. — Надеюсь, обошлась без рукоприкладства?

— Я ж говорю — руки не распускает! — беспечно смеется запыхавшаяся Сашка. — Он говорит — я тщательно конспектирую. Знаешь, как его это бесит! Он, как увидел меня с тетрадкой и ручкой и понял, что я за ним его слова записываю, — позеленел от злости! Ему идет зеленый!

— Чего так дышишь? — удивляюсь я. — Не заболела? Или уходишь от погони?

— Пешком иду на тридцатый этаж, — докладывает Сашка. — Не поехала с ним в лифте.

Прибью ведь! А мне эта работа очень нравится. Жаль потерять по хулиганке.

— Рисковая ты, Сашка! — смеюсь я с удовольствием и ощущением знакомого уюта от общения. — А вариант тебе понравиться существует? Твой шеф, он какой?

— Умный. Настойчивый. Правда, харизматичный. Прямой, Но... — честно отвечает Сашка, распределяя эпитеты, которыми награждает своего начальника, по одному слову на одну ступеньку. — Сам. Себе. Нравится.

— Женат? — догадываюсь я.

— А то! — смеется не понятно чем довольная Сашка. — Жена, двое детей, сын и дочь. Но я в его постели — логичный и дополнительный штрих к полной картине его жизни. Я сначала хотела ей, его жене, анонимно стукнуть. Но потом подумала: зачем ей жизнь портить? Она про его потуги либо знает и мирится с этим, либо не знает и счастлива. Я же в его постель все равно не лягу, так что и волновать ее не стоит.

— Справишься сама? — еще раз спрашиваю я, разволновавшись.

— Легко! — уверяет меня отдувающаяся Сашка и нападает. — Лерка! Ванька по тебе скучает. Вечером мы с ним тебе позвоним. Что там у тебя сегодня стряслось? Прибила Верещагина и не знаешь, куда труп прятать? Давай сделаем так: я возьму у Портного отгул и помогу тебе копать.

— Что копать? — не понимаю я Сашку, ухмыльнувшись при упоминании смешной фамилии Сашкиного шефа.

— Яму копать! — объясняет довольная шуткой Сашка и вдруг волнуется. — Или топим его? Тогда нужны веревка и камень. Достанешь или мне привезти?

— Правильно Варька сказала: ты кровожадная! — улыбаюсь я, потягиваясь и почти засыпая.

— Справедливая! — возражает Сашка. — Всё! Один этаж остался. Так... Отдыхаю пару минут, чтоб дыхание выровнять и сердце приостановить. А то выпрыгивает... Так что случилось?

— Случилась дуэль. На рассвете. На шпагах. Без шуток. Даже ранения есть, — рассказываю я.

— Ага! Алмаз нашел достойную огранку! — неадекватно радуется Сашка. — Дуэль! Шпаги! Кровь! Так и до принца недалеко! А я говорила! Тебя не в том веке по ошибке родили. Хотя, я думаю, и не рожали вовсе. Где-то портал есть, как в книгах у Анны, которые Варька корректирует. Спёрли из постельки новорожденную принцессу и подкинули Вяземским. А что? Наука сейчас почти не отрицает параллельные реальности!

— Конечно! — в голос смеюсь я. — Наука, видимо, психиатрия?

— Естественно! — Сашка абсолютно серьезна. — А что там с дуэлью? Кто победил-то?

— Дружба! — ворчу я. — И мужской идиотизм!

— И с кем Верещагин бился? — торопит меня Сашка. — Отвечай скорее, Лера! Портной за мной сейчас на лестницу припрётся — лифт пока еще объективно быстрее меня. А тут еще безлюднее!

— С Андреем Виноградовым. Я вам с Варькой про Виноградовых рассказывала, — тороплюсь я ответить.

— Это здоровая конкуренция или так себе? — допрашивает Сашка.

— Какая конкуренция? — вяло, зевая, возмущаюсь я. — Они же не меня делили, а старые амбиции защищали! Ноги у этой дуэли десятилетней длины! Он меня заколоть шпагой в поединке не может — вот и лезет на Виноградова.

— Ладно, подруга! Вводные запомнила. Порешаю, — Сашка со школы ко всем ситуациям относится, как к математической задачке. — О результатах доложу! Пока! Целую!

Засыпаю раньше ответно озвученного поцелуя. Будит меня тактичный Виктор Сергеевич. Стоит за дверью и деликатно кашляет.

— Вас ждут к обеду. Через сорок минут, — вежливо сообщает он, открыв дверь.

— Меня ждет заточение с обязательным приемом пищи в компании с Верещагиным? — бормочу я, вставая.

— Не могу знать! — негромко отвечает мужчина. — Но поесть всегда пригодится.

— Здесь переодеваются к обеду? — интересуюсь я.

В доме отца меня это совершенно не волновало.

— Не знаю, — Виктор Сергеевич улыбается мне и слегка пожимает плечами. — В этом доме никто, кроме Никиты Алексеевича, еще не жил. Какую традицию заведете — так и будет.

Вот еще! Я не буду заводить никакие традиции в чужом для меня доме. Но переоденусь. Выбираю темно-синее платье-халат с элегантным запахом и широким поясом. И балетки.

Обед на двоих накрыт в гостиной. Верещагин разговаривает по телефону.

— Нет, Рита! Тебе не стоит сюда приезжать. Да. Мы с Лерой хотим пока оставить в тайне это место. Сама понимаешь, медовый месяц.

— Медовым назвали месяц потому, что молодожены должны за месяц допить всю медовуху, которую заготовили к свадьбе. Потом испортится, — вежливо сообщаю я «мужу» и корректно добавляю. — Это одна из версий. Мне подруга Варя рассказывала.

Верещагин отключает телефон и негромко говорит:

— А я думал, что это название связано с тем, что молодая жена — сладкая женщина. С ее уст мед пить надо.

Мои губы почему-то пощипывает от этих слов, и я сдерживаюсь, чтобы их не облизать.

— Такая версия мне не известна, — отвечаю я.

— Проверим? — говорит Никита хрипло, как будто в горле першит.

— Не стоит, — прячу взгляд и сажусь за стол.

После того, как Виктор Сергеевич помогает мне сесть, он встает за моей спиной в паре шагов и застывает на месте.

— Спасибо, ваши услуги больше не нужны! — мрачно говорит моему охраннику Верещагин. — Мы будем обедать в одиночестве. Свободны, Виктор Сергеевич. Я способен защитить свою жену в периметре гостиной. Вас это тоже касается. Я всё смогу положить на тарелки сам.

Никита обращается к той самой женщине, что обслуживала нас утром за завтраком. И мы остаемся одни. За сырным супом-пюре, который Верещагин разливает по тарелкам, мы молчим. Под красивой белой фарфоровой крышкой с крупными красными маками на настольном мармите на подогреве оказывается... мой золотой карп.

— Я не буду его есть, — говорю я твердо, складывая приборы.

— Почему? — Верещагин сжимает челюсти. — Потому что я его не выпустил?

— И поэтому тоже, — киваю я.

— Ты объявляешь голодовку? — усмехается Никита.

— Смешно и легко объявлять голодовку, когда съел целую тарелку супа, — спокойно отвечаю я.

— Злата приготовила карпа под совершенно чудесным сметанным соусом, — голосом

искусителя сообщает мне Верещагин.

— Злата? — переспрашиваю я.

— Женщина, которая нас обслуживает, — поясняет Верещагин. — Она работала в моем доме со времен моего отца. Теперь, когда я решил жить отдельно, она выбрала работу у меня.

— Выбрала? — не понимаю я.

— Мать не отпускала ее от себя, — Верещагин мягко мне улыбается. — Но Злата попросила меня ее забрать. Есть возражения?

— Нет. Возражений нет, — отвечаю я. — Меня вообще это не касается.

Буквально через пару мгновений Никита оказывается за моей спиной и кладет свои горячие ладони на мои напряженные плечи. Ласковое давление сильных рук. Нежное поглаживание шеи. Большие пальцы добираются до затылочных костей и начинают круговые движения. Приятная легкая боль доставляет удовольствие.

— Какие у тебя удивительные волосы, — шепчет Верещагин моему затылку. — Ты веришь в сакральность женских волос? Ты разрешишь мне их расчесать? Мне уже несколько дней снится этот сон. Тот, в котором я расчесываю твои волосы.

— Нет, — говорю я, наклоня голову вперед и отстраняясь от его рук, и жестко добавляю. — Прекрати!

Верещагин убирает руки и, отчетливо вздохнув, возвращается на свое место.

— Я неприятен тебе? — поморщившись, спрашивает он, так и не приступив к еде.

Грустно смотрю на мармит. Золотая рыбка погибла зря и по моей вине. Встречаюсь взглядом с «мужем» и честно отвечаю на прямой вопрос:

— Нет. Не неприятен. Безразличен.

— Это Жданов? — вдруг резко выдыхает Никита. — Это он — твой выбор?

— Игорь? — и этот туда же. — С чего ты взял?

— Он помогает тебе, — упрекает меня Верещагин. — Чтобы так помогать — надо иметь особые отношения!

— У нас, действительно, особые отношения, — мечтательно прикрыв глаза, дразню я ревнивого мужчину. — Они и называются особым словом — дружба.

— И всё? — не верит Верещагин. — Дружба между женщиной и женщиной? Не смей!

— Не веришь в такую дружбу? — подначиваю я. — Но ты же дружишь с Ритой. И, как оказалось, с Еленой и Екатериной.

— Это другое! — возражает Никита.

— Впервые с тобой согласна, — киваю я, взяв стакан яблочного сока. — Твоя дружба кажется мне более чем странной, в отличие от моей.

— И чем же уникальна твоя дружба? — с легкой ноткой презрения спрашивает Верещагин.

— Она старая и настоящая, — просто отвечаю я. — Тебя это не касается, но я отвечу. Игорь, Максим и Вовка — мои друзья, одноклассники. Они способны сделать для меня практически всё, как и я для них. Но...

Нагло смотрю в глаза хмурому и напряженному собеседнику:

— Но я с ними не сплю, хотя спала с ними много раз.

Красиво очерченные брови Верещагина взлетают в недоумении:

— Это такая загадка? Или в вашей компании все и со всеми?

Аккуратно складываю темно-синюю тканевую салфетку в несколько раз, тщательно

проглаживая швы, и четко, от души произношу:

— Сволочь!

— Спорное утверждение, — не соглашается Верещагин. — Спишь ты, а сволочь я?

— Я не буду обсуждать свою дружбу и своих друзей детства с тобой, — говорю я, вставая, — с человеком, который не знает значение слова «дружба».

— Зато я знаю значение слова «спать»! — слишком резко отвечает мне Никита, вставая за мной.

— Скромный словарь, — констатирую я. — Узконаправленный.

— Ты мне хамишь? — удивляется мужчина.

— Я отвечаю на хамство, — объясняю я. — Правда, тоже хамством.

Мы стоим, каждый возле своего стула, и сверлим друг друга презрительными взглядами. Напряженную обстановку разряжает телефонный звонок.

— Опять Рита! — с досадой говорит Верещагин, глядя на экран телефона.

— Ответь! — советую я и не удерживаюсь от сарказма. — Дружба обязывает!

— Да, Рита! У меня нет времени. Я занят! — рычит в трубку Верещагин, потом резко бледнеет и неожиданно тихим хриплым голосом переспрашивает. — Что?!

За рулем Виктор Сергеевич. Верещагин сидит возле водителя на переднем сиденье. Я одна сзади.

После разговора с Ритой, Никита отключает телефон и странным чужим голосом говорит:

— Мне надо ехать. Срочно. Туман!

— Какой туман? — не понимаю я. — Где?

— Моя собака. Пойнтер Туман. Он умирает.

— Конечно, — теряюсь я, не зная, что сказать.

— Ты едешь со мной! — выходя из гостиной, категорично командует Верещагин.

— Зачем? — спрашиваю я его каменную напряженную спину. — Я не собираюсь пользоваться ситуацией и сбегать!

— Я тебе не верю! — не оборачиваясь, отвечает Никита.

В салоне автомобиля устанавливается вязкая, неподвижная, давящая тишина. Видимо, что-то случилось, поскольку ситуация для Верещагина оказалась неожиданно трагической.

Автомобиль еще движется во внутреннем дворе дома семьи Верещагина, а взволнованная Рита, с красным заплаканным лицом, уже бросается под колеса, обегая машину скорой ветеринарной помощи.

— Никита! — воет она, бросаясь Верещагину на шею, и некрасиво причитает. — Как же так?!

Верещагин отцепляет Риту от себя, отставляет ее в сторону и хрипло спрашивает:

— Где он?

— В гостиную принесли, когда скорую вызвали, — семенит за Никитой Рита.

Виктор Сергеевич помогает мне выйти из машины и накидывает на плечи плащ. Я не успела переодеться, честно говоря, и не вспомнила о том, что это надо сделать, поэтому по-прежнему в домашнем платье-халате и балетках.

В гостиной на диване на клетчатом пледе под капельницей лежит большая охотничья собака. Мощное, подтянутое, пропорциональное тело, серое с черными пятнами, занимает

собой почти весь диван. Шея длинная, мускулистая. Большая коричневая голова откинута назад. Двое мужчин в ярко-синих халатах негромко переговариваются между собой.

Верещагин встает на колени возле дивана, положив одну руку на передние лапы пойнтера, а вторую на его голову.

— Что с ним? — спрашивает он срывающимся на хрип голосом. — Действительно, отравлен?

— Да, — отвечает один из врачей. — Мы промыли ему желудок, поставили капельницу, но...

— Но что?! — рычит Верещагин.

— Но это мало поможет, — вежливо и спокойно отвечает ветеринар. — Мы не дали ему умереть, чтобы вы могли с ним проститься.

— Почему? — очень тихо говорит Никита. — Чем он мог отравиться?

— Он и не мог, — так же тихо обращается к Верещагину второй врач. — Его отравили. Яд сильный и доза слишком большая. Я бы посоветовал вызвать полицию.

— Совсем ничего нельзя сделать? — поднимает голову Никита. Лицо бледное, глаза бешеные и темные.

— Можно, — осторожно отвечает первый. — Можно продлить его мучения на несколько недель, даже месяцев. Но он не будет ходить, видеть и слышать.

Всё это время я стою в дверях гостиной, спиной опираясь на грудь Виктора Сергеевича. Происходящее кажется невероятным, нелепым и страшным. Впрочем, таким оно и является.

— Как же так?! Как же так?! — мечется по гостиной Рита, до этого момента замершая рядом со мной, а сейчас беспрерывно меряющая широкими шагами комнату. — Надо его лечить! Лечите немедленно! Никита! Что ты молчишь?!

Никита резко вскидывает голову:

— Сядь!

Его окрик, нервный и грозный, действует на Риту мгновенно — она, пискнув, плюхается в рядом стоящее кресло.

В течение последующего часа ветеринары сидят возле собаки, лежащей под капельницей. Рита уходит в свою комнату (выяснилось, что у Риты есть в этом доме своя комната) плакать. Верещагин, мрачный, рвущий сердце мертвым выражением лица, отдает мне приказ переодеться и готовиться к поездке.

— Переодеться во что? — тихо спрашиваю я, не глядя ему в глаза.

— Что-нибудь спортивное и теплое, — бросает он и выходит, говоря с кем-то по телефону.

Надеваю черные джинсы и серый свитер оверсайз с высоким воротом, беру с собой стеганую куртку и спускаюсь вниз. Чудесные деревянные птички на перилах лестницы кажутся живыми и теплыми на ощупь, снова не отказываю себе в удовольствии их погладить.

Глядя на приехавшего Федора, который, осмотрев собаку, разговаривает с Никитой, уезжающую ветеринарную скорую, опухшую от слез Риту, я вдруг понимаю, что пошел обратный отчет времени, тягостно давящий на виски и глаза. С того момента, как Федор, увидев меня, грустно улыбается и здоровается, минуты начинают идти физически ощущаемо.

Рыдающую Риту, уцепившуюся за руку Верещагина, Никита с трудом отрывает от себя и передает в руки одного из охранников.

Огромный черный внедорожник. Верещагин садится за руль. Я, Федор и Туман в салоне. Более двух часов в пути. И молчание, звенящее молчание, из-за которого закладывает уши.

Мы приезжаем на берег небольшой реки. Никита берет собаку на руки и, вытащив из салона, бережно кладет на расстеленный на гальке плед. Туман в сознании, он тяжело дышит, но не скулит. Большие умные темные глаза почти такого же оттенка, что и у хозяина, с мукой и болью смотрят на него.

— Ну что ты, друг? — ласково спрашивает пса Верещагин, садясь на плед рядом. — Скоро не будет больно, обещаю.

Федор обнимает меня за плечи и отводит в сторону. Мы стоим с ним на береговой гальке и смотрим на темную осеннюю воду. Меня трясет мелкой противной дрожью.

— Замерзла? — шепотом спрашивает Федор.

— Нет, — отвечаю я, зуб на зуб не попадая. — Что сейчас будет? То, о чем я думаю?

— Да, — после короткого перерыва на вздох говорит Федор.

Поднимаю на него глаза и вижу страдание и скорбь на искаженном гримасой лице. В глазах симпатичного блондина усталость и настоящее горе. Киваю, не в силах сказать что-то еще, нервно кутаясь в куртку.

— Федор! — негромко окликает друга Никита.

— Не смотри туда, — просит меня Федор, резко сжимает мою безвольно висящую вдоль тела руку и идет к Верещагину и Туману.

Сначала я отворачиваюсь, чувствуя, как мутные слезы наполняют глаза и размывают видимость. Потом неведомая сила заставляет меня повернуться обратно. Я вижу мрачную решимость на лице Верещагина, бледное спокойствие Федора, закрытые глаза собаки. В размытой слезами картинке в руках Федора появляется шприц. Неожиданно, не переставая держать пса за лапу, Верещагин поднимает лицо в мою сторону, и я вижу слезы в его больших выразительных глазах. Скорбные мужские слезы. Это практически невыносимо. Снова отворачиваюсь, чувствуя, как бухает тяжелыми толчками мое сердце.

— Лера! — окликает меня Федор.

На берегу нет ни Верещагина, ни собаки. В сознание врываются тихий плеск воды у берега, далекий шум автострады, шелест листьев прибрежных кустов и дыхание молодого мужчины.

— Где Никита? — спрашиваю я, но никаких звуков мой рот не произносит, прокашливаюсь и спрашиваю еще раз.

— Они с Туманом ушли в лес, — отвечает Федор, протягивая руки и неожиданно обнимая меня, прижимая к себе.

Позволяю ему это делать без сопротивления. Но слез нет. Есть только першение в горле и головная боль, напавшая резко и выкручивающая виски, давящая на затылок.

— Они ушли? — глупо переспрашиваю.

— Никита понес Тумана в лес. Хоронить. Им надо побыть одним, — шепчет мне Федор. — Не стесняйся, поплачь.

— Я никогда не видела эту собаку, — зачем-то сообщаю я Федору. — Сегодня первый раз. И последний.

— Туман у Никиты давно. Пойнтеры — очень преданные собаки. Охотники, не сторожа. Верещагин сегодня потерял настоящего друга, — говорит мне Федор, глядя плечи и унимая дрожь.

— Я понимаю, — отвечаю я. — Его отравили. Так сказал ветеринар скорой. Кто?

— Никита разберется, — обещает мне Федор.

Мы стоим и смотрим на тихую воду, ничего больше не говоря и не двигаясь. Потом мы долгое время сидим в машине, ожидая ее хозяина. Затем снова стоим у воды. Федор по-прежнему обнимает меня за плечи и поддерживает. Не возражаю, чтобы его не обидеть.

Верещагин появляется только через час. За нашими спинами раздаются тяжелые шаги и такое же тяжелое дыхание. Мы с Федором оборачиваемся и смотрим на приближающегося Никиту. Лицо мертвенно спокойное, глаза темные и пустые, челюсти плотно сжаты. Равнодушный взгляд скользит по нашим лицам, опускается на мои плечи и руки Федора, постепенно меняясь на колючий и недобрый. Федор тушует и отдергивает руки.

— Возвращаемся? — осторожно спрашивает Федор.

Верещагин кивает и бросает Федору ключи, молча показывая, что тот теперь за рулем. Никита садится на заднее сиденье рядом со мной. Автомобиль начинает движение, и Верещагин неожиданно обнимает меня, крепко, даже жестко. Сильные пальцы берут за подбородок, приближая мое лицо. Это больно, но я молчу. В карих глазах читаются разочарование, усталость и досада.

— Как же легко вы забираете чужие жизни! — цедит Верещагин и неадекватно своим словам целует.

Поцелуй долгий, болезненный. Поцелуй-наказание. Ему не удастся раздвинуть мои губы, и он внезапно отпускает меня, даже отталкивает. Ничего не говорю, просто отсаживаюсь от мужчины как можно дальше, почти прижимаясь к автомобильной двери. Верещагин расслабляется, вытягивает ноги и откидывается назад, положив голову на высокий подголовник. Мужчина, больше ни разу не посмотрев на меня, закрывает глаза. В такой напряженной тишине и возвращаемся в «наш» дом.

Федор и Никита остаются во дворе возле автомобиля, а меня на крыльце встречает Виктор Сергеевич.

— Добрый вечер, Валерия Ильинична, — сочувственно говорит он и советует. — Вам нужно отдохнуть перед ужином.

— Значит так, — обращаюсь я к своему охраннику. — Я не буду ужинать. Не хочу. Я уйду в свою комнату до утра. И попробуйте только возразить.

— Что вы! — печально улыбается он. — И не посмею.

Занимаю руки и мысли горячим душем, мываю голову, сушкой, укладкой волос. Трачу на это не меньше двух часов. Пару раз за дверьми раздается голос Виктора Сергеевича, предлагающего то чай, то легкий ужин, то какую-нибудь помощь. От всего отказываюсь и прошу до утра меня не беспокоить.

Сашкин звонок застает меня врасплох. Я сижу перед туалетным столиком и с досадой смотрю на травмированную жестким поцелуем нижнюю губу. Распухшая, она доставляет дискомфорт легкой болью.

— Лера! С тобой хочет поговорить твой жених! — смеется в трубку Сашка.

— Привет, Ванюшка! — ласково говорю я, представив Сашкиного четырехлетнего сына. — Я по тебе соскучилась!

— Я тоже соскучился, — совершенно серьезно говорит Ваня. — Когда ты приедешь?

— Не очень скоро, — вздыхаю я, не хочется обманывать ребенка. — Но я постараюсь пораньше. Очень постараюсь, дружок!

— Я накопил уже триста рублей, — с гордостью сообщает мне Ваня. — А ты?

— И я накопила, — смеюсь я. — Пятьсот!

— Ого! — смеется довольный Ваня. — У нас уже много денег на свадьбу!

Ваня недавно решил стать моим женихом и на мне жениться. Сашка сказала сыну, что денег на свадьбу у нее нет, и Ванька решил их копить.

— Ну что? Как сейчас дела? — торопит меня с рассказом Сашка, забрав у сына телефон.

— Плохо, — честно говорю я. — Кто-то отравил собаку Верещагина. И мне кажется, что он считает виноватым моего отца. Он пока четко это не сформулировал, но дал понять.

Осторожно трогаю языком губу. Саднит. Неприятно.

— Отравил собаку? — охает Сашка. — Ужас какой! Животное-то причем?! Твой отец мог это сделать?

— Приказать отравить собаку Верещагина? — задумываюсь я и с сомнением отвечаю. — Не знаю. Честно. Но я уже ничему не удивлюсь.

— Кошмар! — вздыхает подруга. — Тебе срочно надо оттуда выбираться!

— Это я понимаю, — отвечаю я. — Но пока это весьма проблематично.

— Надо просто сбежать и прятаться не дома, а где-то в другом месте, — размышляет Сашка.

— Сколько прятаться? — возражаю я. — Дни? Недели? Месяцы? Нет. Так не пойдет. Мне надо вернуть мою жизнь. Целиком и полностью.

В этот момент раздается стук в дверь. Громкий, сильный, неожиданный. Виктор Сергеевич так стучать не может.

— Лера! Выйди! — голос Верещагина звучит глухо, злой и раздраженный. Замираю, потом торопливо прощаюсь с Сашкой до завтрашнего разговора.

— Выйди! — Верещагин стучит по дверному полотну кулаком, но я не отвечаю и даже не встаю с места.

Принимаю решение: пусть хоть дверь вынесет, но сейчас я не отвечу и не открою. Верещагин сегодня потерял друга — любимую собаку, и ему плохо. Теперь он хочет, чтобы плохо было мне. Не выйдет.

— Никита Алексеевич! — окликает хозяина мой охранник. — Валерия Ильинична приняла снотворное и легла спать пораньше. Не надо стучать.

— А! Это ты! Как тебя величать? Харон? Минос? Цербер? Плутос? Минотавр? — слышу я странные вопросы Верещагина.

Он явно пьян. Раздается четкий ответ охранника:

— Виктор Сергеевич будет более точно. Но по отношению к Валерии Ильиничне я бы использовал Херувима и огненный меч.

— Да ты эстет! Утверждаешь, что это врата не в ад, а в рай? — фыркает Верещагин.

— Утверждаю, — спокойно и твердо отвечает Виктор Сергеевич. — Она спит. Стучать бесполезно.

Дальнейший диалог я не слышу, поскольку голоса удаляются. Мне искренне жаль этого сильного и непоколебимого мужчину. Смерть Тумана — это страшное, непоправимое горе. А его отравление вообще за гранью добра и зла. Кому нужно так ранить гордого человека? Неужели моему отцу или Виноградовым?

Вопреки ожиданию бессонницы, засыпаю очень быстро. Просто проваливаюсь в сон, как в яму, устланную мягкими осенними листьями. Постель тоже пахнет чем-то травяным, горько-острым, но пахнет приятно.

Просыпаюсь далеко за полночь от жажды. Сильной и терпкой. Возле кровати нет

привычной бутылки лимонной минеральной воды. Придется спускаться вниз.

В доме тихо и пусто. Спускаюсь вниз и захожу на кухню, не включая свет. На всякий случай. В огромном черном холодильнике есть всё, что только могут придумать те, кто совершает ночные набеги на склад продуктов. В том числе и самая разнообразная минеральная вода. Выбираю небольшую бутылочку воды с соком лайма, и в этот момент включается свет.

— Изгнали из рая или сбежала? — в дверях кухни стоит высокая, широкая фигура. Верещагин. В одних джинсах, с голым торсом, босиком.

— Пришла взять воды, — осторожно говорю я, показывая бутылочку.

Верещагин делает шаг вперед, слегка покачнувшись, и я понимаю, что он пьян. Очень пьян.

— Разве тени питаются и пьют? — развязно спрашивает Никита, резким движением придвинув к себе стул и садясь на него верхом, спинкой вперед, перегородив мне выход из кухни.

— Тени? — вежливо переспрашиваю я, мучительно думая, как выйти из кухни и не раздражить вымотанного ситуацией человека.

— Твой Цербер... нет, Херувим... утверждает, что там, где ты, там рай, — говорит Верещагин, строго глядя на меня. — Значит, ты с Луны, если по Данте?

— Ты настоящий знаток системы Данте? — не удерживаюсь я от вопроса. — На первый взгляд не производишь впечатление...

— Начитанного? Образованного? — заканчивает он за меня, выбросив вперед руку и схватив за запястье.

— Читающего Данте, — отвечаю я, безуспешно пытаюсь освободиться и прикидывая, кричать или нет.

— Ты с Луны, — шепчет в мое ухо Никита, развернув стул и силой усадив меня на свои колени, поднимая в боевую стойку волосы на шее. — Ты душа не сдержавшей обета монахини.

— Хочешь сказать, что более высокие небеса мне недоступны? — вступаю я в разговор, пререкаясь.

— Ты претендуешь на высшую благодать? — зло смеется Верещагин.

— Я претендую на свободу от тебя и возвращение моей жизни, — спокойно отвечаю я, стараясь не разозлить нетрезвого мужчину, сегодня трагически потерявшего друга.

Но Верещагина бесит не мой уравновешенный тон, а мои слова и я сама. Он неожиданно встает со мной на руках и сажает меня на черную каменную поверхность большого стола, раздвинув мои ноги в стороны и встав между ними. Мягкое серое домашнее платье на молнии сдается без боя: молния разъезжается, распахивая полы халата и являя его затуманенному взору красный кружевной пеньюар. В первые мгновения мне кажется, что белки его карих глаз становятся красными, отразив, как зеркало, цвет моего белья.

— Свобода от чего? — тяжело дыша и не отводя взгляда от кружев, спрашивает Верещагин. — От эмоций? От правды? От ответственности за эту правду?

Запрещая себе истерически дергаться, не пытаюсь запахнуться, я ловлю его бешеный взгляд и медленно, стараясь не выпасть из кокона равнодушия, отвечаю:

— Свобода от тебя — залог моего счастья.

— А ты его заслужила? — рычит Верещагин, прижимаясь губами к моей ключице и целуя сильно, болезненно.

Не хватало еще, чтобы, кроме синяков, на мне остались кровоподтеки. Прихожу в движение, настойчиво пытаюсь слезть со стола, но все мои потуги бессмысленны. Широкие ладони на моей спине давят, заставляя меня прижаться к его голой груди, его губы перемещаются на плечо, а зубы захватывают бретельку и тянут ее вниз.

— Прекрати! — прошу я спокойно, удерживая внутри себя гнев и злобу.

Мужские губы тянут поцелуй от плеча по шее к подбородку.

— Прекрати! — прошу я в последний раз, но он, не обращая внимания на мои слова, добирается до моих губ.

И снова это не нежность и ласка, а напор, раздражение и боль. Внутренне сгруппировавшись, одновременно толкаю Верещагина в грудь руками и тут же, сведя и поджав ноги, бью его ногами. Ошарашенный мужчина практически отлетает к противоположной стене, ударяется спиной и с недоумением смотрит на меня.

— Будем считать, что меня обидел не ты, а алкоголь и горе, — медленно, не поворачиваясь к противнику спиной, двигаюсь я к дверному проему.

Мой тактический маневр почти удается, но Верещагин делает рывок, слишком быстрый для нетрезвого человека, и успевает схватить меня за талию.

— Не смей меня трогать! — сквозь зубы цежу я, откидываясь назад и прогибаясь.

— Спортивное прошлое? — восхищенно усмехается Верещагин и хамит. — Инсценируем Камасутру?

Звук пощечины, раздающийся в тишине спящего дома, заставляет меня вздрогнуть, а Верещагина отпустить меня.

— Хам! — как можно спокойнее констатирую я.

— Между мужем и женой могут быть и такие шутки, — хмуро отвечает он, потирая левую щеку.

— Я-тебе-не-жена! — чеканю я, продолжая отступать.

— Запомню? — ухмыляется он, продолжая наступать. — Документы еще действительны.

— Это насилие, — напоминаю я.

— Разве? — нагло удивляется он. — Мне казалось, что это супружеские обязанности, которые пора выполнять.

— У тебя поехала крыша! — заявляю я. — Твой гарем-курятник готов их выполнить вне очереди!

— Очередь устанавливаю я. Твоя ревность меня возбуждает, — ласково говорит Никита, делая шаг в мою сторону.

Я не успеваю выйти из кухни — оказываюсь прижатой к прохладной стене.

— У тебя сумасшедшая красота, — быстрые и частые поцелуи покрывают мое лицо, каждый его сантиметр. — Я с ума схожу!

— Туман, — не найдя другую возможность его остановить, напоминаю я. — Сегодня умер Туман. Ты помнишь, что его отравили?

Мощное тело вздрагивает. Поцелуи прекращаются. Руки мужчины перемещаются на мое горло, слегка сдавливая его.

— Ты что-то знаешь? — хрипит он, во взгляде страсть и горе, а еще ненависть.

— Никита! — женский голос в тишине сонного, погруженного во мрак дома, в котором ярким пятном выделяется кухня, звучит неожиданно.

В дверях кухни стоит Рита. В дверях кухни «нашего» дома, адрес которого она не знает.

Ночью.

— Рита? — Верещагин отпускает меня и недоуменно смотрит на взволнованную женщину. — Ты как здесь?

— Мне надо было срочно тебя увидеть, — бормочет Рита, уставившись на мое белье. — Вот я и...

— Валерия Ильинична! — окликает меня Виктор Сергеевич, стоящий за Ритой. — Вас проводить в вашу комнату?

Глава 15. Прогулка

*В жизни нет безвыходных ситуаций,
есть только непринятые решения.*

Олег Рой

*Вся твоя жизнь на 90 % зависит от тебя самого
и лишь на 10 % от обстоятельств,
которые на 99 % зависят от тебя.*

Эрих Ремарк

— Можно я приеду? — первое, что говорит Сашка, выслушав утром мой рассказ о ночном происшествии на кухне. — Или тебе запрещено принимать в этом доме друзей?

— Не знаю. Я не спрашивала, — задумчиво говорю я. — Но, думаю, пока рано. Всё очень запутанно и остро. Сначала надо разобраться с отравлением Тумана. От этого многое зависит.

— Согласна, — раздумывает подруга и докладывает. — Смотри, Лерка! Расклад такой: наблюдай за Ритой, ты что-то упускаешь, что-то важное. Судя по твоему описанию, что-то не так именно с ней. Заочный диагноз, гарантирую совпадение на 90 %: она влюблена в Верещагина всю жизнь, мнит себя частью его семьи, семья тоже с этим согласна. Любовницей его она никогда не была. Верещагин считает ее другом, но с оговоркой. Твоя задача — понять суть этой оговорки, только тогда мы сдвинемся с мертвой точки в понимании ситуации.

Меня ждет завтрак втроем. Правда, Виктор Сергеевич, пришедший в десять часов пожелать доброго утра, не настаивает на том, чтобы я спускалась к завтраку, и спрашивает, не принести ли мне его в комнату.

— Нет, — отвечаю я стоящему в дверях мужчине. — Я спущусь. Мне скучно.

В темно-серых глазах появляется едва различимая хитринка.

— Как скажете, Валерия Ильинична! Завтрак в гостиной через пятнадцать минут. Если что, я внизу.

— Если что? — усмехаюсь я.

Виктор Сергеевич не отвечает, вежливо улыбнувшись, разворачивается, чтобы уйти.

— Спасибо! — окликаю его я.

Он останавливается и, не поворачиваясь ко мне лицом, спрашивает:

— За что?

— За приглашение на завтрак, — говорю я и, когда он начинает движение, добавляю. — И за явление Риты народу.

Плечи мужчины слегка приподнимаются, но он так и не поворачивается и уходит, не ответив.

Выбираю домашний голубой брючный костюм со свободным жакетом и широкими брюками. Тяжелые волосы с большим трудом укладываю в бабетту с низкой посадкой. Чтобы она держалась высоко, надо помощника, еще время и еще сотню шпилек.

За столом в гостиной уже сидят угрюмо-раздраженный Верещагин и испуганно-

восторженная Рита. Никита в джинсах и бледно-сиреневой рубашке навывпуск, которая делает его смуглое лицо еще темнее. Рита тоже в джинсах и в огромной мужской футболке.

Правда? Неужели это футболка Верещагина? Судя по тому, как смущается Рита, как она одергивает коричневую футболку, доходящую ей почти до середины бедра, мило краснея и скашивая зеленые глазки в сторону Никиты, — футболка его. Неожиданно и оригинально! Намек на старые близкие отношения или на их невинное обновление? Будем выяснять. Мне не нравится острое чувство разочарования, которое комариным укусом жалит меня при виде Риты. Мимолетное ощущение, но крайне неприятное. Лера! Опомнись!

— Доброе утро! — дарю всем широкую улыбку, надеясь, что это утро, в отличие от вчерашнего, действительно станет добрым.

Моя улыбка расстраивает обоих: Верещагин шумно втягивает в себя воздух, забыв выдохнуть, Рита таращит на меня глаза и трясет двумя короткими рыжими хвостиками, делающими ее моложе и как-то беззащитнее.

— Лерочка! Привет! — пищит Рита и спешит оправдаться. — Я тут блузку намочила, пришлось взять у Никитона футболку.

Я вежливо продолжаю улыбаться и ничего не отвечаю Рите. Это ее напрягает, заставляет что-то бормотать в свое оправдание. Так и не дождавшись от меня вежливого «ничего страшного», Рита начинает частить:

— Прости, что завалилась к вам ночью. Мне нужно было срочно поделиться своими мыслями с Никитой. И я не смогла дождаться утра. Вчера ночью почему-то казалось, что промедление меня раздавит.

Я продолжаю молчать, с откровенным равнодушием оглядываю стол, дежурно улыбнувшись и Злате, стоящей рядом.

— Вам такой же кофе, как вчера? — мягко спрашивает она.

— Да, — с благодарностью киваю я.

— Хорошо, — тепло улыбается мне Злата. — Что бы вы хотели? Яичный рулет с ветчиной и сыром. Сэндвич «Монте-Кристо». Яблочные оладьи. Булочки с творогом.

— Лера! — вмешивается в мой диалог со Златой Рита. — Обязательно попробуй сэндвич «Монте-Кристо». Сочетание сладкого и соленого.

— Оладьи, пожалуйста, — прошу я Злату, игнорируя подсказку Риты. — И булочку.

— Эх! — Рита, неловко улыбаясь, завистливо вздыхает. — А если я съем оладьи да булочку — сразу прибавлю не меньше килограмма, а с моим ростом...

И эти слова не заставляют меня поддержать беседу с ней своей репликой. Благодарю Злату и приступаю к завтраку.

— Как спалось? — ирония Верещагина течет медленно, как тот цветочный мед, которым Злата поливает мне оладьи.

— С чистой совестью, — отвечаю я, облизывая сладкие губы.

Риту мой ответ удивляет, и она откровенно вопросительно смотрит на меня, словно ожидает объяснений. Никита презрительно усмехается и насмешливо говорит, чуть помедлив, глядя на мои губы:

— В наше время чистота совести — редкое качество. Она, несомненно, относительна.

— Относительно чего она относительна? — предлагаю я тему для разговора.

— Относительно наших поступков? — лениво предлагает Верещагин, приступая к яичному рулету.

— Поступков — во вторую очередь, — соглашаюсь я, пробуя булочку. — И мыслей — в

первую.

— И что же для тебя совесть, жена моя? — спрашивает Верещагин и подначивает. — Расскажи мне об осознанном чувстве моральной ответственности перед самим собой.

— Ответственность перед самим собой могут нести только высоко духовные люди, муж мой, — сообщаю я.

— В число коих я, по твоему мнению, не вхожу? — догадывается Верещагин.

— По моему убеждению, — киваю я, усиливая позицию.

Рита растерянно переводит взгляд с меня на Никиту и обратно, силясь понять, что происходит, радоваться ей или огорчаться.

— А ты считаешь себя мерилom высокой духовности? — зло интересуется Верещагин, и Рита радостно напрягается.

— Я считаю свою совесть внутренним регулятором собственной нравственности, — отвечаю я, допивая кофе. — Нельзя мерить кого-то своей линейкой. У каждого она своя. У кого-то слишком короткая. Или вообще без делений.

— Видимо, у меня? — прищурившись, спрашивает Никита.

— Это можешь решить только ты сам, — предлагаю я, внезапно обратив внимание на Риту. — А ты как думаешь?

— Я? — пугается женщина и краснеет под моим внимательным взглядом. — Думаю?

— Ну, ты же думаешь иногда? — вежливо хамлю я подруге детства своего «мужа». — Когда решаешься что-то сделать. Когда придумываешь, что сказать. Как-то же ты приходишь к результату?

— Я всегда стараюсь думать, — кивает мне Рита и умоляюще смотрит на Никиту. — Умный человек всегда много думает.

— Ты согласна со мной? — настаиваю я на ответе. — Ты можешь назвать свою совесть способностью к моральному самоконтролю? А самооценкой совершаемых поступков? А критерием самосознания личности?

С каждым моим вопросом Рита краснеет еще гуще и, хватая ртом воздух, в отчаянии смотрит на Никиту.

Верещагин успокаивающе ей улыбается, устало и как-то обреченно.

— Рита! Ты позавтракала? Сейчас тебя отвезут домой. Или ты хочешь к моей матери?

— Я? Уже? — расстраивается Рита. — Я думала, что мы с тобой... с вами побудем вместе, пообщаемся. Я еще дом не посмотрела. А где будет моя комната?

Моя догадка, несомненно, верна, могла бы, Лера, и раньше догадаться, без Сашкиной подсказки.

— Давай ты сама выберешь? — спрашиваю я Риту, вставая из-за стола. — Пошли дом посмотреть? Я его сама еще не видела.

— С тобой? — сомневается Рита.

— И со мной, и с Ники! — бодро подтверждаю я, насмешливо глядя на Верещагина.

Он подозрительно хмурится и тоже встает, категорически заявляя:

— Когда-нибудь потом останешься в гостях, Рита! Не сегодня. И не в ближайшее время.

Но я настаиваю, и за полчаса мы неторопливо обходим дом. «Ники-экскурсовод» на одном из поворотов пропускает Риту вперед, хватая меня за локоть, тянет на себя и сердито шепчет:

— Зачем тебе это? Думаешь, если Рита будет в нашем доме, ты спасешься от моих домогательств?

— Девять, десять, — говорю я, глядя на пойманный в захват локоть.

— Что? — переспрашивает Верещагин.

— Девятый и десятый синяк, — доверительно сообщаю я его левому уху, опалая его теплым ласковым дыханием.

Про Риту я уже всё поняла, но проверить свою догадку пару раз для верности, как сказала бы Сашка с ее математическими мозгами, надо.

Тугодум Верещагин не сразу отпускает мой многострадальный локоть, и я спешу закрепить успех, боковым зрением видя обернувшуюся к нам и застывшую на месте Риту.

— В коллекцию к предыдущим и этому, — продолжаю громко шептать я, расстегивая верхнюю пуговицу жакета и спуская его с плеча, показывая потемневшим глазам небольшой кровоподтек, оставленный его жадными губами вчера на моей ключице. — И этому...

Провожу пальцами по своей нижней губе, до сих пор припухшей от его жестких поцелуев.

Вижу Риту, вспыхнувшую свекольно-морковным цветом до корней рыжих волос и в смущенной досаде резко отвернувшуюся от нас. Вижу мужскую страсть, поднимающуюся из карих глубин и сметающую всё на своем пути: и стеснение перед Ритой, и мое сопротивление. Сухие губы прижимаются к кровоподтеку на ключице, осторожно, нежно, руки же контрастно губам обнимают сильно, крепко. Одна рука ныряет под широкий жакет и начинает гладить позвоночник от шеи до копчика. Другая ложится на мой затылок, уничтожая с таким трудом сооруженную бабетту.

Рита практически убегает за поворот на лестницу. Это я понимаю по ее вскрику и торопливым шагам и их удаляющемуся звуку. Сейчас очень важно продержаться еще несколько минут, потому что только словесного подтверждения догадке мало. Нужно знать наверняка.

Верещагин никак не реагирует на звуки и действия Риты, словно ее и нет рядом. Одна рука продолжает пересчитывать мои позвонки, а другая уверенными движениями вытаскивает шпильки из моих волос, распуская их по плечам и спине.

Прислушиваюсь: осторожные шаги — Рита на цыпочках возвращается обратно и, скорее всего, выглядывает из-за поворота, как маленькая девочка, играющая в прятки.

Верещагин отрывается от ключицы и накрывает мои губы нежным, но настойчивым поцелуем, чувственно лаская языком ранку на губе.

— Ответь! — хрипло просит мужчина, продолжая зализывать распухшую губу. — Ответь, пожалуйста, Лера!

Рука, спустившаяся по спине, оттягивает брючный пояс, пытаюсь попасть ниже.

Что ж ты, Рита? Давай быстрее! Так и ответить недолго. Прерывистое дыхание распяляющегося мужчины сбивает и мое, делая его нервным. Выдыхаю прямо в его рот, устав ждать реакции Риты, и получаю наказание в виде захвата. Губы Верещагина забирают мои в плен, смакуя ощущения и заставляя меня волноваться по-настоящему.

— Ответь! — снова просит он с мучительным стоном.

Топот. Грохот. Визг. Наконец-то... Долго же ты соображала, Рита!

Настойчиво отпихиваю от себя ничего не слышащего и не видящего, кроме меня, Верещагина.

— Что-то случилось с Ритой! — почти кричу я ему в лицо, пробиваясь сквозь затуманенный взор к сознанию.

Получается не сразу, поэтому к упавшей на лестнице Рите мы успеваем не первыми. Ее

уже осторожно поднял суровый на вид охранник Верещагина. Мужчина лет тридцати с невероятным по ширине разворотом плеч и всегда со спокойно-ленивым выражением квадратного лица. Верещагин обращается к нему по имени.

— Что случилось, Миша?

Миша пару секунд подбирает новое выражение лица, меняя предыдущее на предупредительно-внимательное.

— Не могу знать, Никита Алексеевич. Скорее всего, Маргарита Рэмовна упала.

— Ногу подвернула, — совершенно искренне морщится от боли Рита, в руках охранника кажущаяся Дюймовочкой. — Мне бы лечь.

— Сейчас вызову скорую, — говорит Верещагин раздраженно.

Как я и рассчитывала, Рита несколько не возражает. Храбрая девочка. Работает по-честному. По-другому такие, как она, и не могут.

Скорая приезжает быстро. Риту осматривает веселая пожилая врач, обещая, что до свадьбы ушиб мягких тканей и легкий вывих лодыжки обязательно заживут и госпитализация не требуется.

— Миша! Отвези Маргариту Рэмовну к моей матери. Сейчас я ее предупрежу, — командует Верещагин, странно поглядывая на меня.

Такое ощущение, что ему не терпится продолжить с того места, на котором мы закончили наше «общение» на одном из поворотов второго этажа.

Рита обиженно смотрит на Никиту и просит:

— Никитон! Пожалуйста, разреши мне остаться! Я тихо полежу в своей комнате. Мне нельзя двигаться.

— Да. Двигаться пока нельзя, — подмигивает ей врач и тут же расстраивает травмированную женщину еще больше. — Но осторожно перевезти из дома в дом — вполне!

Рита вздыхает и умоляюще смотрит на меня. Я рисую на лице поддерживающую улыбку и обещаю ей:

— Таисия Петровна будет ухаживать за тобой. Теперь ее очередь.

Когда расклеившуюся от досады и боли Риту увозят, Верещагин, приказав всем заниматься своими делами и не беспокоить нас, буквально тащит меня в гостиную.

— Продолжим? — спрашивает он, закрывая двери на замок и разворачиваясь ко мне.

— Разговор о совести? — придуриваюсь я.

— Можно и разговор, но между... — усмехается Верещагин, подходя ко мне вплотную и погладив распушенные им же волосы широкой ладонью. — Между тем, чем должны заниматься муж и жена.

— Ты на мне для другого женился, — спокойно напоминаю я, отходя от Верещагина и садясь на диван. — Что я должна сделать? Узнать код от сейфа в кабинете отца? Переписать на тебя мое наследство? Может, отравить его?

— Отравить? — мгновенно заводится мужчина. — Это у вас семейное?

— Хорошо, что ты напомнил, — дерзко отвечаю я, задавив в себе отголосок сочувствия. — Ты разбираешься с отравлением Гумана?

— Вариант с твоим отцом отмечаешь сразу? — презрительно интересуется Верещагин, стоя напротив меня, покачиваясь, держа руки в карманах.

— Нет. Не отмечаю, — признаюсь я. — Мне вообще не хотелось бы погружаться во всю эту многосерийную историю, но без этого, видимо, не получится от тебя освободиться.

Верещагин делает шаг ко мне, встав надо мной и зажав мои колени расставленными

ногами. Он берет меня за подбородок и поднимает лицо, вглядываясь в глаза:

— С того момента, когда я впервые открыл папку с твоими фотографиями, у тебя не осталось на это ни единого шанса.

— А если тебе удастся отомстить так, как ты задумал? — рискую я спросить. — Разве не этого ты хочешь? Получишь свое и оставишь меня в покое?

Верещагин рывком поднимает меня с дивана, до боли стиснув в объятиях. Потом медленно расслабляется и начинает пропускать мои волосы сквозь свои пальцы:

— Мне опять снилось, что я тебя расчесываю.

— Это либо нереализованная мечта стать парикмахером, либо ложно направленный комплекс наседки, — серьезно отвечаю я. — По логике ты должен мечтать мне их выдрать.

В ответ на мои слова он правой рукой забирает мои волосы в хвост и слегка оттягивает мою голову назад, медленно, чувственно начав целовать мою шею.

— Вернемся к отравлению, — настаиваю я, прогибаясь назад и подбирая обидные слова, чтобы он отпустил меня сам. — Или уже забыл о любимой собаке?

Верещагин перестает меня целовать и толкает спиной на диван.

— Дрянь! — цедит он. — Большая часть людей вокруг меня и когтя его не стоит.

— Умеешь ты говорить комплименты, — откликаюсь я. — Этими людьми ты окружил себя сам. Вернемся к отравлению и Рите.

— Ты намекаешь на то, что это сделала Рита? — недоверчиво спрашивает Никита и добавляет. — Ты в своем уме?

— Я — да! — утверждаю я. — А она?

— Что ты имеешь в виду? — отойдя на противоположную сторону комнаты, говорит Верещагин.

— Ты всё прекрасно понял, — вздыхаю я, начав заплетать косу. — И я поняла. Не сразу, но поняла.

— Что ты поняла? — глухо переспрашивает Никита.

— Что это было? — у меня готово много вопросов, только успевай отвечать, дорогой муж. — Черепно-мозговая? Инфекция? Интоксикация? На эндокринные нарушения не похоже. И точно не врожденное. Что?

— Не понимаю тебя, — сопротивляется Никита, хмурясь и отворачиваясь к окну.

— Это она не всё понимает, — жестко говорю я, — по причине прогрессирующего слабоумия. Давно она не работает библиотекарем? Не работает вообще давно? И как давно пытается стать твоей женщиной?

Верещагин поворачивается ко мне и, вздохнув, отвечает:

- Жаль, что это не личный интерес и не радующая мужское эго ревность.

— Конечно, не ревность, — киваю я устало, справившись с плетением косы, и добавляю, не жалея собеседника. — Ревнуют того, кто необходим.

Верещагин снова отворачивается к окну и молчит довольно продолжительное время. Я жду. Я умею ждать.

— Менингит, — негромко говорит моему отражению в огромном окне Верещагин. — Серьезные осложнения.

— У нее есть близкие? — пользуюсь тем, что получила ответ, поэтому сразу задаю следующий вопрос.

— Только моя семья, — Верещагин по-прежнему общается с моим отражением. — Мои родители долгое время были ее опекунами. Теперь это я.

— Рита недееспособна? Ты ее опекун? — бомбардирую вопросами Никиту. — Значит, она инвалид?

На все мои вопросы Верещагин выдавливают из себя одно слово:

— Да!

— А что с ее родителями? — продолжаю я.

Верещагин, наконец, оборачивается ко мне:

— Они погибли, когда ей было... нам с ней было по тринадцать лет.

— Понятно, — задумчиво констатирую я.

Никита оказывается рядом со мной за пару секунд:

— Что?! Что тебе понятно?!

— Мне понятно всё, что связано с Ритой, — спокойно объясняю я, не давая ему прикоснуться к себе. — Осталось выяснить диагнозы Елены и Екатерины.

— С ними всё в порядке! — рычит Верещагин.

— То есть ты не их опекун? — вежливо уточняю я. — Откуда я знаю, может быть, ты опекаешь не только несчастных животных, но и несчастных девушек?

— Стерва! — награждает меня очередным званием Верещагин.

— Подождешь минуточку? — спрашиваю я его.

— В каком смысле? — не понимает он.

Я быстро набираю телефон Вари Быстровой.

— Варюша! Привет! — тараторю я. — Можешь быстро помочь?

— Всё, что в моих силах! — смеется Варя и говорит, видимо, Максиму. — Это Лера! Я отвлеклась на минуточку? Да, Лерочка! Тебе привет от Максима.

— Варюша! Разъясни, кто такая стерва, пожалуйста! — прошу я, включая громкую связь.

Варя мгновенно ориентируется в ситуации и говорит со своей непередаваемой интонацией:

— По-русски «стерва» — это, по первому значению, падаль, полуразложившийся труп. Это слово употребляли раньше в основном по отношению к падшей домашней скотине или лесной живности.

Верещагин, растерявшийся от моей выходки, молчит, вслушиваясь в Варькин тембр, завораживающий и подчиняющий. И не важно, что именно она говорит, сам голос действует на всех безотказно. Сама каждый раз попадаю под влияние, хотя иногда пытаюсь сопротивляться.

— По второму значению, отвратительный, подлый человек, — Варя тихо смеется, и Верещагин против воли млеет.

Знай наших!

— По-английски «сволочь» — «bitch» — это сначала самка собаки, а потом злобная, язвительная, навязчивая женщина. Обращаю внимание, любящая доминировать, — заканчивает Варя и спрашивает. — Тебе эти значения или то, которое распространено сейчас?

Верещагин, по-прежнему замороженный Вариным голосом, по-моему, почти не понимает того, что она говорит.

— Это не мне, — значительно говорю я. — Это одному человеку, с трудом понимающему современную лексику.

Варя тихо хихикает и продолжает:

— Откуда пошла легенда, что стерва — это синоним успеха, бомонда и крутизны, неизвестно.

— Спасибо, родная! Максу привет с поцелуями! — благодарю я.

— Уточни, куда поцелуи, Лерка! — вклинивается в разговор бархатный голос Макса Быстрова. — Чтобы она не откосила при передаче!

Теперь я привычно замираю, наслаждаясь. Вот дал же Господь Бог человеку всё, что только можно было дать! Всех нас хоть чем-то обделил, а его наградил сверх меры. Можно влюбиться в один голос, не видя его обладателя. Нашли же друг друга мои друзья!

— А куда бы ты хотел? — шутя спрашиваю я Максима, видя, как шевелит челюстями отмерший Верещагин.

— Перезвони мне на личный телефон и уточним, — шепчет Максим, и целую секунду я, как кобра, гипнотизируемая звуком флейты факира, собираюсь это сделать.

— Так какое из значений ты имел в виду? — насмешливо интересуюсь я, отключив телефон. — Неужели злобная, язвительная, навязчивая женщина-доминант?

— Скорее всего, — ворчит он.

— Это ты мне говоришь, что я доминант? — настаиваю я. — Ты, подлогом на мне женившийся? Ты, удерживающий меня возле себя против воли? Ты, планирующий уничтожить моего отца с моей же помощью?

Верещагин презрительно смотрит на меня и встречно обвиняет:

— Ты только что чуть из костюма не выпрыгнула, пока с Быстровым разговаривала! Лужей практически растеклась у моих ног, думая о нем! У вас там шведская семья?! Эта самая Варя в курсе, что ты на ее мужа так реагируешь?

— На ее мужа все женщины так реагируют в возрастном пределе от трех лет до бесконечности, — сообщаю я. — А что? Слабоумного можно назначать опекуном для слабоумного?

Спрашиваю я недоверчиво, не удивившись обвинению, потому что Верещагин отчасти прав. Но чтобы понять, что это ни для меня, ни для Макса ничего не значит, надо знать нас и уважать. Это как минимум.

— В чем же проявляется мое слабоумие? — я снова оказываюсь я крепких объятиях. — В том, что всё прощаю? В том, что не наказываю за то, за что другая женщина, любая, была бы...

— Отлучена от царского тела? — догадываюсь я. — Так для меня это не наказание, а награда.

Жесткий захват подбородка и терпкий поцелуй. Не сильный и не слабый. Поцелуй-искушение. Не заставляющий и не подчиняющий. Не нежный, но и не безжалостный. Пока он не превратился в поцелуй-наслаждение, выныриваю из мужского захвата.

— Когда я могу покинуть этот дом, хотя бы для того чтобы просто прогуляться и посмотреть на других людей? — спрашиваю я.

Верещагин молчит, не отрывая взгляда от моих губ, потом отвечает:

— Собирайся. Через час поедem гулять.

Собираюсь тщательно. Делаю легкий макияж. Волосы убираю в рыбью косу с низким плетением. Надеваю синее платье-пальто до середины колена и черные сапоги-чулки на высоком широком каблуке.

Верещагин ждет меня на крыльце. Красивый и строгий во всем сером: серые брюки, серая водолазка, серая куртка.

— Хочешь слиться с окружающей средой? — шучу я.

— Хочу привлечь тебя красотой своего внутреннего мира, а не тела, — неожиданно говорит он. — Надеюсь, что получится.

— Смело! — отвечаю я, садясь в машину.

Уезжаем мы одни, машина охраны следует за нами.

— Куда мы? — спрашиваю я, решив не молчать.

— Секрет! — приветливо щурится Верещагин в зеркало заднего вида. — Тебе понравится, если мой частный детектив меня не обманул.

Пока я размышляю над загадкой, мы едем молча, слушая классическую музыку в современной обработке.

— Много информации обо мне передал тебе детектив? — вежливо спрашиваю я. — И что ты с ней делаешь?

— Много, — подтверждает Никита, усмехаясь. — Использую, конечно, в корыстных целях.

— Каких же? — продолжаю я диалог.

— Секрет! — звучит второй раз.

Секретом оказывается блошинный рынок «Левша».

— Этому рынку скоро сто девяносто пять лет, — рассказывает Верещагин, видя мое неподдельное удивление выбором места для прогулки. — Ты с подругами пару раз в год ходишь на блошинный рынок. Всё верно?

— Верно! — подтверждаю я, испытывая неприятные ощущения от того, что за мной наблюдали и многое обо мне знают. — Варя ищет там фарфоровые фигурки для бабушкиной коллекции.

— И... — Верещагин делает вид, что вспоминает. — Для Паперного Михаила Ароновича?

Неприятные ощущения усиливаются.

— Я тоже люблю сюда ходить, — вдруг сообщает мне мужчина, взяв меня за руку, не больно, но крепко. — Отгадай, что я собираю?

— Орудия пыток и лопаты? — ворчу я, слегка дернувшись в бессмысленной попытке освободиться. — Или игрушки для Риты?

— Нет! — совершенно не обижается на меня Никита, погладив большим пальцем тыльную сторону моей ладони и, наклонившись, сообщает «по секрету». — Советских оловянных солдатиков!

Смотрю в его веселые, искрящиеся смешинкой глаза и искренне удивляюсь. Верещагин, видимо, как и наш Игорь Жданов, мнит себя полководцем. Только тот черпает магические силы в обликах великих, а этот копит маленькую армию.

— На кого войной пойдешь? — шучу я. — На моего отца и Виноградовых?

— На весь мир! — шепчет Верещагин совершенно серьезно, потом не выдерживает и смеется, открыто, легко, весело.

— И большая у тебя армия? — спрашиваю я, невольно залюбовавшись его искренней широкой белозубой улыбкой, так украшающей его и без того красивое мужественное лицо. Сорокалетний мальчишка, играющий в солдатиков...

— Это секрет! — смеется он, продолжая поглаживать мою руку. — Но у меня есть и пешие, и конные, и пулеметчики, и пушечные расчеты, и военачальники! Первым моим приобретением на самостоятельно накопленные деньги был пулеметный расчет из трех

человек с пулеметом «Максим». Он стоил целых два рубля!

Улыбаюсь в ответ на эти слова, с большим трудом представив себе маленького Верещагина, покупающего солдатиков. Получается у меня плохо: я просто уменьшаю большого Верещагина в размерах раза в три. Выглядит нелепо и карикатурно.

Мы быстро находим мужчину средних лет в комбинезоне камуфляжной расцветки, похожего на отставника, который здоровается с Верещагиным, как с завсегдатаем.

— Достал? — с надеждой спрашивает Никита.

— А то! — хвастается «отставник». — Как ты и просил! Вот они! Богатыри Донского похода!

«Отставник» выставляет на складной столик семь фигурок: это средневековые русские рыцари с мечами и щитами, на фигурках сохранились остатки цветной краски, красной, серой, желтой.

— Ковбой с индейцами будут через две недели, — сообщает «отставник», получая от Верещагина пятитысячную.

— Теперь выберем подарок для тебя, — говорит мне Никита, уводя от продавца оловянных солдатиков.

— Мне ничего не нужно, — отказываюсь я. — Я не увлекаюсь ничем подобным. Я бы выбрала для Варьки.

Выбор советского фарфора невероятен. Но я сразу влюбляюсь в пухлую девочку с короткими волосами в трусиках. Она стоит на подставочке, изображающей красный коврик под ногами, и делает наклон влево.

— «Зарядка». Серия «Счастливое детство», — безрадостно сообщает нам очень полная пожилая женщина. — ЛФЗ. Ленинградский фарфоровый завод.

— Вот! — по-настоящему радуюсь я. — Варька собирает эту серию. Такой фигурки у нее точно нет.

Видя, как Верещагин отсчитывает женщине деньги, пораженно открываю рот.

— Тридцать пять тысяч?! — спрашиваю я так потрясенно, как может спросить среднестатистический врач. — Кошмар какой! Я сама заплачу.

— Это мой подарок твоей подруге! — не терпящим возвращение тоном говорит Никита. — Нормальная цена для такой вещи. Их осталось-то...

— Вот! — бормочет продавец «Счастливого детства», пряча деньги. — Ориентируйтесь, женщина, мужчина понимает!

— Спасибо! — благодарю я и сразу предупреждаю. — Не думай, что я тебе буду что-то должна за этот подарок!

— Я легко переживу потерю этих денег, — смеется Верещагин. — Едем дальше?

— Едем, — киваю я, лишь бы не сидеть взаперти дома.

Перед тем, как сесть в машину, краем глаза замечаю крупного мужчину неподалеку. Что-то смутно знакомое в его фигуре, посадке головы. Не могу понять, что именно, поэтому оборачиваюсь всем корпусом, чтобы разобраться. Но мужчины уже нет.

— Что-то случилось? — терпеливо спрашивает Верещагин.

— Нет. Пока нет, — хмурюсь я, пытаюсь поймать причину неожиданно испортившегося настроения.

Парковка у салона красоты «Венера» меня сразустораживает.

— Что ты для меня тут заказал? — подозрительно спрашиваю я.

— Для нас, — таинственно отвечает он и традиционно добавляет. — Секрет!

Улыбчивая девушка в темно-зеленом платье-кимоно провожает меня в отдельный кабинет с массажным столом. Верещагин, нагло послав мне воздушный поцелуй, прощается с нами обеими и выходит.

— Сейчас будет массаж? — догадываюсь я, обратившись к предупредительной девушке.

— Да. Для вас самый лучший, — демонстрируя милые ямочки, сообщает она. — Надо раздеться до трусиков. В душ пойдете?

Едва слышная музыка-релакс. Массажный стол. Легкий аромат восточных благовоний. Девушка накрывает меня шелковой зеленой простыней и тихо выходит, предложив расслабиться и приготовиться к массажу.

Через пару минут в кабинет приходит массажист. Я не вижу его, поскольку лицо мое находится в специальном отверстии. Он негромко здоровается, называет себя Иваном и начинает работать.

Это неземное блаженство; и я прощаю Верещагину такой «секрет» за сладкую боль в мышцах и райское ощущение маленького неторопливого счастья, расплавившего мое тело и даже кости. Постепенно массаж начинает приносить зашкаливающее по силе наслаждение. Крепкие мужские пальцы играют на моем теле потрясающую мелодию удовольствия, нежности и ласки. Нега окутывает меня, волной пройдясь от макушки до кончиков пальцев на ногах. Хочется застонать, но я, конечно, этого себе не позволяю.

Когда руки массажиста спускаются под простынь, сложенную на моих ягодицах, я напрягаюсь.

— Не надо! — резко говорю я, мгновенно напрягшись.

Массажист застывает — и я вдруг отчетливо слышу его тяжелое дыхание.

— Что за черт?! — проговариваю я, уже зная, что происходит. — Уйди, Верещагин! Не смей здесь находиться!

Мужские руки возвращаются на мои плечи и продолжают массажные движения.

— Уйди! — жестче говорю я. — Не смей ко мне прикасаться!

Короткий вздох, но прикосновения не прекращаются. Подтягиваю вывернутой рукой простынь к себе и резко сажусь, прикрывая грудь льнущей к телу мягкой тканью.

— Хорошая попытка! — хвалю я застывшего возле меня, возбужденного происходящим мужчину. — Но бессмысленная.

— Почему? — искренне интересуется Никита, съедая меня горящим темным взглядом. — Массаж некачественный?

— Массаж неплохой, — не спорю я по пустякам. — Продолжение ниже спины — лишнее.

— Разве? — вздыхает Верещагин, сглатывая слюну. — Я оплатил массаж всего тела.

— Перебьешься! — спокойно констатирую я. — Всё тело ты не получишь.

— Да? — иронично выгибая бровь, спрашивает Никита. — Тогда какую его часть?

— Вот эту, — сообщаю я, даря Верещагину звонкую пощечину. — Максимум, правую ладонь.

Он слегка дергается от сильного удара, но довольно улыбается.

— Всё-таки я урвал чуть-чуть и других частей! — радостно сообщает он. — Идем гулять дальше?

— Дальше? — теряюсь я от такой неприкрытой наглости и абсолютного отсутствия чувства неловкости с его стороны.

— Обедать! — оставившись на мою грудь, прикрытую простыней, отвечает Верещагин

и намекает. — У меня разыгрался аппетит.

— Пошел вон! — ласково говорю я.

И Верещагин уходит со словами:

— Да ты знаешь, какая очередь ко мне на массаж? На три месяца вперед!

— Вот и принимай по очереди! — сердито советую я.

Ресторан «Воронеж» на Пречистенке приятно балует необычным оформлением с расписанными вручную потолками. Верещагин, ошарашенный несанкционированным массажем моей спины, заказывает мне Мурманскую треску с печеными кабачками, а себе говяжьи ребра Шорт рибс с можжевельником.

— Постарайся расслабиться и получить удовольствие! — нахально советует мне мой кавалер. — Если не получилось при массаже, пусть получится сейчас.

— Спасибо, — отвечаю я, не обращая внимания на его провокацию.

Чувствую на себе тяжелый взгляд. Ощущение настолько привычное, в стиле «дежавю», что я внутренне холодею. Зал полон. Никого не вижу. Но отчетливо понимаю, кого ищу.

— Сыграем? — неожиданно предлагает Верещагин за десертом.

— Во что? — удивляюсь я, поднимая глаза от мусса из ряженки с вяленой клубникой и шоколадом.

— В «Правду и Действие», — шепчет, подмигивая мне, Никита.

— Эта игра для большой компании, — быстро реагирую я. — Я играла в нее с друзьями. И настаиваю — это игра для молодежной компании.

— Можно играть и вдвоем, — возражает Верещагин и терпеливо ждет.

— Хорошо. Но точно не здесь, — почему-то соглашаюсь я, расправляя на коленях салфетку. Потому что мне нужны его ответы на неудобные вопросы.

Нам было лет по пятнадцать. Оставшись в квартире одна, потому что ее родители уехали к родственникам на юбилей куда-то на Урал, Сашка в осенние каникулы собирала нас у себя.

Мы играли в карты, смотрели вместе фильмы. Сами варили себе покупные пельмени или жарили на всех яичницу.

Это было удивительное время относительной свободы. Если мальчишкам можно было почти всё, и их родители не контролировали каждый их шаг, то у Варьки Дымовой был очень суровый отец. И она ни разу не смогла остаться ночевать. Я всегда могла договориться со своей матерью. Сашка сейчас была свободна от родительского контроля сроком на неделю. Тетя, мамина сестра, проверяла ее по утрам или днем, вечера и ночи были наши.

В один из вечеров Сашка предложила сыграть в «Правду или Действие».

— Это очень весело! — вещала она нам, рассевающимся в большой комнате на диване и на полу. — Выберите «правду», отвечаете на вопросы других. А если «действие», то выполняете их. Проще простого!

— В чем подвох? — веселился Вовка, сидящий на полу возле Варьки, которая расположилась на диване. — Есть же какой-то подвох?

— Никакого подвоха нет! — сурово ответила Сашка. — Но!

— Вот! — проворчал Игорь. — Сейчас начнутся всякие «но»!

Сашка показала ему язык и продолжила:

— Нельзя выбирать более двух одинаковых заданий подряд. После двух «правд» придется брать «действие» и наоборот. Понятно?

— Понятно! — хихикала Варя, лодыжку которой щекотал Вовка. — Вроде не сложно.

— А заменять задания можно? — поинтересовался Максим, не сводящий глаз с Вовкиной руки.

— Можно! — объяснила Сашка, переглядываясь со мной. — Но каждому участнику не более двух раз за одну игру.

— Жеребьевку проводить не будем, — продолжила Сашка. — Играем так: по часовой стрелке те, кто выполняют, против часовой, те, кто дают задания.

Игра начинается с Варьки и Игоря. Жданов-провокаатор тут же придумывает вопрос, поскольку Варя выбрала «правду»:

— Кто из игроков больше всего похож на твой идеал?

Варя округлила и без того большие зеленые глаза и сделала губами традиционное «О!». Максим застыл. Вовка практически перестал дышать. На лице Игоря появилась довольная ухмылка.

— Легкий вопрос! — встрял Вовка, откинув голову назад на Варины колени. — Конечно, это я!

Серо-голубые глаза Максима превратились в острые холодные льдинки. Варя рассеянно начала перебирать Вовкины светлые кудри и вдруг сказала:

— Меняю на действие.

— Жаааль... — протянул лениво вредный Игорь. — Тогда спой, Варька!

Мы начали хохотать: Варя абсолютно лишена музыкального слуха. А потом все вместе помогали ей спеть куплет и припев песни Цоя «Группа крови на рукаве».

Сашка предложила Вовке, выбравшему «действие», прорекламирровать себя как хороший товар. Вовка вскочил с пола и, встав на середину комнаты перед нами, начал паясничать:

— Жизнерадостный юноша. Неприхотлив в быту. Всеяден. Послушен.

Предлагал себя всем, но мы все понимали, что предложение действительно только для Варьки, которая искренне и открыто смеялась, не замечая тревоги в глазах Макса.

— Очень ласковый и преданный, — Вовка уже смотрел прямо в Варькины глаза и говорил с придыханием.

Сашка приподняла брови, взглянув на меня со значением, мы с ней одновременно подняли руки и прокричали:

— Беру!

Я тут же зафиксировала благодарный кивок от Макса.

— И я беру! — потянулась к Вовке Варя.

— Я весь ваш! — раскланялся довольным своим выступлением Вовка и спросил с надеждой. — Может, подеретесь из-за меня?

— Мы подумаем, — вежливо пообещала я.

Мне, выбравшей «правду», достался вполне логичный вопрос от Максима:

— О чем ты обычно врешь другим людям?

— О том, что мне приятно их общество, — я постаралась быть максимально честной. — Это касается практически всех, кроме вас.

— Мы избранные? — шутит Игорь.

— Избранные, — подтверждаю я.

Через час после обеда мы отправляемся в парк музея-заповедника «Царицыно» и катаемся в конном экипаже по его историческим дорожкам. Белоснежная лошадь запряжена

в черный элегантный экипаж для двоих пассажиров.

— Играем? — усмехается Верещагин, задумчиво вертя в руках одного из солдатиков-воинов войска Донского.

— Чей ход первый? — смиряюсь я с неизбежным, уже придумав свои вопросы.

— Конечно, твой, белая королева! — улыбается «муж».

— Хорошо, — соглашаюсь я. — Что выбираешь?

— Правду, — отвечает он совершенно серьезно. — Спрашивай!

— За что тебе больше всего стыдно в жизни? — спрашиваю я, глядя прямо в его глаза.

— За то, что не отомстил за своего отца раньше. За то, что столько лет сомневался, нужно ли это делать, — говорит Верещагин, морщась, как от горького лекарства. — Теперь твоя очередь. Правда или действие?

— Правда, — соглашаюсь я.

— Как выглядело твое первое свидание и твой первый поцелуй? — в меня вливается колючий взгляд.

— Насколько первое? — уточняю я, пробуя кофе. — По факту или по-настоящему?

— По-настоящему! — рычит Никита, заводясь.

— Я встречалась со своим однокурсником, — смело отвечаю я. — Поцелуй не был обоюдным.

— Он тебя заставил? — подается вперед мгновенно разозлившийся мужчина.

— Да, — я само спокойствие. — Впрочем, как и ты. Чему ты удивляешься?

— Я твой муж! — громко говорит Никита, привлекая внимание возницы, пожилого мужчины, одетого в костюм кучера с цилиндром.

— Фальшивый аргумент, — пожимаю я плечами. — Так думаешь только ты и те люди, которых ты подкупил для оформления документов. Теперь «правда» или «действие»?

— Действие, — расслабляется Верещагин, хитро улыбаясь.

Неужели он думает, что я попрошу у него поцелуй? Смотрю на его чуть полные губы, вспоминаю истории уже случившихся поцелуев. Мужчину завораживает мой взгляд: я уверена, он вспоминает их же.

— Признайся в любви любой прохожей женщине, на свой выбор, — заказываю я. — Громко и отчетливо.

Верещагин растерянно усмехается, ожидаемо говоря:

— Меняю на «правду».

— Что тебе нужно от меня? Когда, наконец, я узнаю, что именно ты придумал для меня? — задаю я заготовленные вопросы.

Никита откидывается назад и кладет правую руку за мою спину, обнимая за плечи.

— До личного знакомства с тобой у меня был вполне конкретный план действий. Твоих действий против твоего отца, — жестко говорит он, глядя мое плечо. — Теперь я прекрасно понимаю, что ничего из того, что я придумал, ты делать не станешь. И вряд ли мне удастся заставить тебя посмотреть на твоего отца моими глазами.

— Рада, что ты это понял, — равнодушно хвалю я его. — Но ты по-прежнему удерживаешь меня рядом. Зачем?

Верещагин разворачивает меня к себе, вглядываясь в мое лицо:

— А ты не догадываешься? Правда?

Наши лбы соприкасаются, дыхание смешивается.

— Догадываюсь, — отвечаю я. — Теперь тебе нужна просто я. Я сама. Без моего отца и

его грехов перед тобой.

— Умница! Я отказался от прежних планов. Всё-таки само наличие меня в качестве зятя — тоже своеобразная месть любящему отцу, — нежно выдыхает Никита, прижимаясь к моим губам.

Настойчиво освобождаюсь и от поцелуя, и от объятий.

— У тебя не было «действия», — спокойно напоминаю я и объясняю. — Я не согласна. Я тебя не выбирала. Я буду только с тем, кого выберу сама.

— Правда или Действие? — тяжело выдыхает Верещагин, не отрывая взгляда от моих губ.

— Правда, — снова выбираю я.

— Тогда кого? Кого бы ты смогла выбрать? — задает он ожидаемый вопрос.

— Я не могу сказать, кого. Я могу сказать, какого, — ответ у меня готов давно. — Не такого, как ты.

— И что со мной не так? — желчно спрашивает он.

— Ты одержимый, властный, негибкий и невосприимчивый к чужому мнению, — охотно предлагаю я свои выводы. — И ты слишком... страстен. Для меня это перебор.

Захват подбородка. Лицо к лицу. Глаза в глаза.

— Ты просто не хочешь узнать саму себя, — шепчет он. — Вернее, хочешь ответить на мою страсть, но не разрешаешь себе. Одному богу известно, почему.

— Ты. Мне. Не нравишься, — доходчиво объясняю я. — Ты. Мне. Не подходишь. Признай это и отпусти.

— Ни за что не поверю, что ты не понимаешь очевидного, — не отпускает меня Верещагин. — Это же так просто. Если ты попадаешь в руки какого-то мужчины, то он тебя никому и никогда больше не отдаст. Честно говоря, я приятно поражен, что ты досталась мне.

— Я устала от того, что меня выбирают без моего участия, — говорю я сквозь зубы. — Мне это надоело с тех пор, как первый из вас подумал, что ему нужна именно я.

— Ну, что тебе ответить? — Никита неожиданно отпускает меня. — Ты же слышала, наверное, утверждение, что красота — это наказание, а не награда.

Про «не родись красивой» я всё понимаю лучше всех. Тридцать лет, как понимаю.

— Значит, я буду жить одна, — сообщаю я собеседнику о своем сокровенном решении, принятом много лет назад. — Я знаю, как должно быть. Как у Быстровых. Или приблизительно так.

— Свет клином на них сошелся? — недоумевает Верещагин. — Неужели ты не понимаешь, что это всё игры и игрушки? Красивая картинка! Так не бывает. А если и бывает, то только в книгах и в кино.

Я устала что-то доказывать человеку, не доверяющему никому.

— А может быть, дело в том, что тебе нравится вовсе не Жданов? — крепкие пальцы вцепляются в мои плечи, и я морщусь от боли.

Верещагин не обращает внимания на мою мимику.

— Это Быстров? Да? — выплевывает свои вопросы Никита. — То-то ты так замерла, когда он с тобой по телефону разговаривал! Говори! Это он?!

Возница начинает беспокоиться на нас оглядываться.

Господи! Дурак какой!

— Ты примитивен, как инфузория-туфелька, — ругаюсь я. — И прямолинеен, как

чугунная шпала! И так же деликатен!

Верещагин молчит некоторое время, резко отпустив меня и зыркнув на кучера, потом спокойно, даже лениво сообщает мне:

— Ты моя жена. Я тебя не отпущу. Если твой отец разведет нас, то мы поженимся еще раз.

— У тебя ничего не получится, — так же расслаблено сообщаю я. — Это смешно. На дворе двадцать первый век. Я свободный человек. У меня есть своя семья и друзья. У меня есть своя жизнь. И в ней тебе нет места.

— Посмотрим! — бросает он. — Если что — все подвинутся!

— Экранизация сказки «Теремок»? — иронизирую я. — Пришел медведь и всех раздавил?

— Типа того! — хамит Верещагин.

В этот момент меня окатывает дрожь. Забытая, но знакомая. Такая привычно навязчивая и опасная. Осторожно оглядываюсь. Тело не подвело меня. Это он. Такой, каким я видела его с девочками в нашем театре полтора месяца назад. Высокий, мощный, одержимый.

Возле фонаря, мимо которого проезжает наш экипаж, стоит и смотрит на меня Сергей-Филипп.

Глава 16. Голый король

*Все хотят изменить мир,
но никто не хочет измениться сам.*

Лев Николаевич Толстой

*Какой прекрасный день!..
Пора его испортить.*

Девиз стервы

— Сергей-Филипп?! — с ужасом выдыхает Сашка. — Он следит за тобой? Приехал в Москву?

— Это точно он! — панически выдыхаю я, прижав к уху трубку. — Я его почувствовала и на блошином рынке, и в ресторане, но увидела только в парке. Представляешь, мы просто проехали мимо в экипаже. Он с места не сдвинулся и глаза не отвел.

— А Верещагин? — чувствую, как Сашка напряглась в испуге.

— Он ничего не заметил, потому что я сама глаза тут же отвела, — отвечаю я. — Но как же это плохо...

— Может, не очень плохо? — осторожно надеется Сашка.

— Помнишь, что он сказал мне давно, в классе десятом, по-моему? — напоминаю я. — Когда в любви объяснялся?

— Освежи! — по-деловому просит Сашка.

— Он сказал, что любит меня. Что будет любить всю жизнь. Что дождетя, когда и я его полюблю. Что ему трудно представить меня рядом с кем-то другим. Но, если я выберу другого, он будет ждать. Правда, добавил, сжав кулаки, если сможет отдать другому. А он не сможет. Всё, — повторяю я слова, отложившиеся на подкорке.

— Вспомнила! — почти кричит Сашка. — Еще Варька тогда заявила о том, как неожиданно Сергей-Филипп с грустными красивыми глазами орангутанга оказался романтиком. И завидовала тебе, потому что Макс никак не объяснялся ей в любви.

— Это не романтика. Это явно что-то другое, — спорю я. — По моим ощущениям, по сравнению с ним Верещагин просто Владимир Ленский.

Сашка вздыхает и очень деликатно спрашивает:

— Может, всё дело в том, что Верещагин тебе нравится, а Сергей-Филипп нет?

Замираю, не зная, что ответить. Что сделала бы я, если бы меня поцеловал Сергей-Филипп? Так и столько раз, как и сколько это уже позволил себе Верещагин? Лера... Будь честна сама с собой... И ты позволила. Да. Не ответила. Да. Пару раз рыпнулась из крепких рук. Не более того. И что это значит?

— Я его просто не боюсь, — отвечаю я подруге. — Сергея-Филиппа я боюсь до позорной дрожи в коленях. Причину такого страха даже объяснить не могу!

— Да-а-а, ситуация! — тянет, задумавшись, Сашка и решительно заявляет. — Тогда надо просить помощи у Верещагина.

— Тогда это будут не шпаги, а дубинки или вилы, — невольно смеюсь я. — Или бои без правил.

— Может, пусть? — вдруг предлагает Сашка. — Прибьют друг друга — и ты свободна?

— Ага! — спохватываюсь я. — А если кто-то из них победит? Мне что? Отдаваться победителю? Вряд ли они будут соревноваться в благородстве.

— Принесла же нелегкая! — возмущается разволновавшаяся Сашка. — Ладно, думай! Я тоже буду думать. Что там с Ритой? Прощупала?

— Ты оказалась права, — благодарно хвалю я подругу. — Всё было на поверхности. Есть у нее особенность. И странные умозаключения. И плохая память. И почти детское поведение. И телячья привязанность к Никите.

— Она больна? — догадывается Сашка.

— Да. Осложнение после менингита — прогрессирующее слабоумие. Верещагин — ее опекун. Она недееспособна, — рассказываю я. — И еще сирота с тринадцати лет. До восемнадцати лет ее опекунами были родители Верещагина. Уже взрослой она тяжело заболела. Сколько лет назад, не знаю.

— А ее родители? — интересуется Сашка. — Хоть кто-то у нее есть?

— Никита сказал, что они погибли. Были друзьями Верещагиных, — вспоминаю я.

— Слушай! — оживает Сашка. — Давай я одного хорошего хакера попрошу порыться в Ритиной жизни. Исключать ее участие в отравлении нельзя. Может, и не сама. Руководил ей кто-нибудь. А может, и сама. Могла думать, что чем-то вкусным собаку кормит.

— Хакера? — снова смеюсь я, умеет Сашка поднять упавшее настроение. — Настоящего?

— А то! — хвастается Сашка. — Пентагон, конечно, не вскрывал, банки не грабил, но может очень многое найти. Не только то, что на поверхности, но и все веточки боковые разнюхает. Аналитик от бога!

— Где ж ты такого достала? — удивляюсь я, поблагодарив за помощь и согласившись.

— Случайно познакомились, — отмахивается Сашка, не желая делиться информацией. — Очень помог мне пару лет назад. Завтра будут новости, обещаю.

— Валерия Ильинична! — под дверью Виктор Сергеевич. — Я могу зайти?

Получив разрешение, мужчина появляется на пороге моей спальни.

— Пора ужинать? — спрашиваю я, попрощавшись с Сашкой.

— Не совсем, — улыбается мужчина. — Никита Алексеевич сегодня пригласит вас на один деловой ужин. Вернее, ужин вполне светский, но для него деловой. Вам желательно согласиться.

— Желательно? — усмехаюсь я и лукаво интересуюсь. — Ваш предок Арман Жан дю Плесси?

— Таких сведений я не имею, — слегка кланяется мне не удивившийся Виктор Сергеевич. — В родовом древе, насколько мне известно, нет людей с фамилией Ришельё.

— Вы уверены, что вы охранник? — по-прежнему не сдаюсь я.

— Абсолютно точно! — задорно и артистично щелкает каблуками охранник. — Вы, конечно, можете отказаться от поездки на этот ужин. Силком вас Никита Алексеевич не поведет, но сам вынужден будет уйти. Но я бы рекомендовал вам пойти.

— Зачем? — упорно требую прямого ответа.

— Там будет ваш отец, и я смогу устроить вам встречу, — доброжелательно улыбается Виктор Сергеевич «Ришельё».

— Мне опять придется перебежать из дома в машину и уезжать от мужа к отцу, участвуя в инсценированной аварии? — сомневаюсь я.

— Не придется, — успокаивает Виктор Сергеевич. — Но разговор будет вам полезен.

— Хорошо, — решившись, соглашаюсь я. — Буду ждать приглашения.

Через полчаса после ухода охранника приходит Верещагин. Хмурый, отрешенный, чем-то загруженный.

— Лера! — говорит он напряженно. — Мне нужно быть на встрече в ресторане сегодня вечером. Это довольно большой и важный прием. Прошу тебя пойти со мной.

Молчу почти минуту, потом киваю. Он облегченно выдыхает и торопится выйти.

— Подожди! — окликаю я его. — Мне нужна помощь.

Обернувшийся Верещагин криво ухмыляется:

— С бельем или платьем?

— Не твоя, — спокойно отвечаю я на пошлость. — Мне нужна помощь с прической. С остальным я справлюсь сама. Вызови мастера или передай эту просьбу Виктору Сергеевичу.

— Хорошо, — соглашается он и вдруг как будто что-то вспоминает. — Злата может тебе помочь. Она практически универсал. И кухарка, и личный помощник, и прически умеет делать. Ты не против?

— Не против, — тут же отвечаю я. — Пусть будет Злата.

— У тебя полтора часа до выхода, — предупреждает Никита.

Приятная женщина приходит ко мне в комнату практически сразу после ухода Верещагина.

— Добрый вечер, Валерия Ильинична! — скромно улыбается невысокая и очень приятная женщина лет пятидесяти. — Никита Алексеевич сказал мне, что моя помощь может вам понадобиться.

— Да. Спасибо! — благодарю я. — Мне нужна вечерняя прическа. Сейчас покажу, какая именно.

Я начинаю рыться в памяти телефона и нахожу фотографию: я, Сашка и Варька в клубе Игоря Жданова «Лисий хост».

— Сможете такую, как у меня здесь? — интересуюсь я. — Мне одной не справиться.

Злата внимательно, с любопытством рассматривает фото.

— Думаю, да, я делала прически ретро, — просто говорит она. — Смогу и такую с вашей инструкцией. Приступаем?

— Значит так, — инструктирую я. — Пряди спереди завиваются и укладываются в локоны, задние собираются в пучок-гульку, а сверху у меня будет крохотная вуаль. Пробор набок. Волны делаем справа.

— Хорошо, — дарит мне добрую улыбку женщина.

— Как ваше отчество? — вежливо спрашиваю я. — Злата...

— Евгеньевна, — отвечает она. — Можно и без отчества. Я привыкла к одному имени.

— Выбирайте! — настаиваю я. — Либо вы Злата Евгеньевна, а я Валерия Ильинична, либо вы Злата, а я Лера.

Злата смотрит на меня внимательно, чуть прищурившись, потом отвечает:

— Я Никиту Алексеевича пятнадцать лет называю Никитой Алексеевичем. Поэтому вы только Валерия Ильинична.

— Договорились, Злата Евгеньевна, — легко соглашаюсь я, добавив к смутному пока портрету женщины новый штрих.

Злата уверенными и решительными движениями начинает работать с моими волосами.

— У вас потрясающие волосы! — искренне восхищается она. — Просто роскошь! Редко

кому так везет!

— Возможно... — соглашаюсь я и интересуюсь. — А кому вы делали прически?

— Таисии Петровне, Маргарите Рэмовне. — охотно отвечает Злата. — Я пятнадцать лет у Верещагиных.

— А вы не помните, когда Рита заболела? — решаюсь я спросить.

Злата ничем не показывает мне, что мой вопрос некорректен, и отвечает со вздохом:

— Пять лет назад. Маргарита Рэмовна очень тяжело болела. Думали даже, что не выкарабкается. Но выздоровела, хотя...

Злата умолкает, а я прекрасно понимаю, что она хотела сказать. Жестоко, но откровенно.

Больше я ни о чем не спрашиваю свою помощницу и сосредоточиваюсь на подготовке к выходу в свет.

Увидев меня, спустившуюся вниз в назначенное время, Верещагин, одетый в строгий черный костюм с белой рубашкой и перламутровым галстуком, показывает свое восхищение моим внешним видом загоревшимися восторгом глазами и короткой хриплой репликой:

— Ты прекрасна!

Это платье я решила надеть сразу, как услышала приглашение на званый ужин. Атласное черное, приталенная модель с расклешенной юбкой до колена. Простой треугольный вырез горловины украшен тончайшими черными кружевами, край которых лежит на голой загорелой коже, показывая причудливый изящный рисунок, похожий на изысканную татуировку. Из таких же кружев выполнены длинные перчатки, надевающиеся на большой палец и закрывающие руки практически полностью. Изюминкой выбранного мною образа становится маленькая черная вуаль, лежащая на лбу и едва прикрывающая глаза с тщательно нарисованными черно-серебряными стрелками.

Верещагин, окинув меня потрясенным взглядом с ног, обутих в серебряные туфли на огромной шпильке, с тонких чулок со стрелкой до вуали висит на моих темно-сливовых губах. Редко пользуюсь акцентом на губах, но для этого образа он необходим.

— Ты опять пахнешь свежей грушей, — шепчет Верещагин, сделав шаг мне навстречу, взяв мою руку и поцеловав ее. — Сладкой и терпкой.

Я снова удивляюсь его невероятной способности чувствовать верхние, быстро испаряющиеся нотки моего парфюма.

— Я готова, — сообщаю я «мужу».

— Я вижу, — сглатывает он. — И в замешательстве.

Он наклоняется ко мне, нежно взяв за подбородок и подняв мое лицо.

— Я никому не хочу тебя показывать. Совсем, — сознается он.

Глупый, почти детский комплимент неожиданно отдается во мне приятным послевкусием. Такое бывало всего лишь несколько раз за всю мою жизнь: мне радостно, что я красива.

— Ты сам пригласил меня на публичный ужин, — напоминаю я. — Но я могу и остаться.

— Нет! — тут же сопротивляется Никита. — Я хочу это видеть. Видеть, как они узнают о том, что ты только моя.

— Эгоистично, — усмехаюсь я. — И самонадеянно. Я не твоя.

— Не напоминай, — морщится Верещагин. — Это твоя ошибочная позиция.

— Мы спорим, ссоримся или едем? — спокойно спрашиваю я, вполне готовая вернуться

в свою комнату и переодеться в домашнее.

— Едем! — провозглашает Никита, галантно открывая дверь и провожая меня к автомобилю.

С нами Виктор Сергеевич и Михаил. Мой личный охранник делает мне комплимент, слегка прикрыв восхищенные глаза. Михаил чуть зависает, забыв выбрать подходящее выражение лица. Наконец, справляется с шоком и выбирает глупо-радостное выражение, совершенно не подходящее его квадратному лицу. Под ревнивым взглядом Верещагина довольно быстро меняет его на «базовое», равнодушно-спокойное.

— Мы еще от дома не отъехали, а я уже вышел из себя от ревности, — шепчет мне Никита, помогая сесть в машину.

— Напрасно, — советую я. — С таким настроением сорвешь нужный тебе ужин, деловую встречу и дашь повод для светских сплетен.

— Буду стараться, — вздохнув, обещает Верещагин. — Шпагу оставляю дома.

— И на том спасибо, — улыбаюсь я в ответ.

— Не улыбайся так, — зловеще просил Никита. — А то мы никуда не поедem. Оба.

— Как так? — удивляюсь я.

— Как живая! — хамит напряженный Верещагин. — Так, как будто я что-то для тебя значу.

— Ты действительно значишь для меня больше, чем другие мужчины, — не отрицаю я очевидного и добавляю застывшему от моего неожиданного заявления мужчине. — Ты единственный из всех на мне женат.

Верещагин морщится от досады, но быстро берет себя в руки.

— Таковым и останусь! — последнее слово мой «муж» оставляет за собой.

Званный ужин оказывается встречей в банкетном зале одного из деловых центров Москвы, рассчитанной более чем на сто человек и посвященной заключению нескольких деловых контрактов между дружественными фирмами.

Распорядитель, приятный молодой человек по имени Станислав, провожает нас к столику на четверых, находящему в центре зала.

— Прошу вас, Никита Алексеевич, Валерия Ильинична! — бодро и любезно приветствует он нас, заглядывая в планшет, на котором быстро находит всю нужную ему информацию. — Ваши соседи скоро будут.

— Все смотрят на тебя! — обвиняет меня Верещагин.

— Да что ты? — глупо удивляюсь я и напоминаю еще раз. — Ты сам меня пригласил.

— Во-первых, на такие встречи люди моего уровня ходят с супругами или возлюбленными, — шепотом рычит мужчина, выдвигая для меня стул. — Во-вторых, я не думал, не знал, что ты будешь так... так выглядеть!

— Ты предполагал, что я пойду сюда в бесформенном домашнем платье или спортивном костюме? — подначиваю я, неожиданно получая от нашего диалога удовольствие. — И в маске?

Верещагин садится рядом и угрюмо молчит.

— Я и так с вуалью, — улыбаюсь я.

— Которая делает тебя... сумасшедше красивой! — ворчит Верещагин.

— Всё закономерно, — успокаиваю его я. — У меня устойчивое ощущение, что я не первую неделю в сумасшедшем доме и у половины окружающих меня людей, как минимум, даже есть настоящая справка.

— Ты опять о Рите? — спрашивает меня Никита. — Оставь ее в покое! Она несчастная женщина. Она для тебя не опасна.

— А для тебя? — перебиваю я, привычно ловя на себе заинтересованные взгляды мужчин и неприязненные женщин.

— Она как ребенок! — доказывает мне Верещагин. — Чуть старше подростка.

— А ты знаешь, на что способны подростки? — серьезно интересуюсь я. — Ты вообще слышал о подростковой жестокости?

— Хватит! — приказывает мне он, только хочу ответить, как к нашему столику Станислав подводит яркую женщину блондинку и высокого фактурного мужчину с бритой головой и фигурой спортсмена-борца или боксера.

Женщина в коротком белом вечернем платье на тонких бретелях. Платье с серебряными пайетками и страусиным боа. Екатерина Воронина.

Никита удивлен не меньше меня, но, в отличие от меня, позволяет себе показать это удивление:

— Гриша! У тебя новое увлечение? — насмешливо спрашивает он.

— И у тебя? — внимательно глядя на меня и практически раздевая голодными глазами, парирует Гриша.

— У меня не увлечение. У меня жена, — хвастливо и гордо отвечает Верещагин. — Лера! Это мой... приятель и бывший партнер по бизнесу Григорий Соболев. Может быть, слышала? Чемпион Европы по боксу.

— Очень приятно! — с придыханием говорит Григорий. — А что? Жена не может быть увлечением? Быстро же ты охлаждаешь к выбранной женщине!

— То есть я охладел, поэтому женился? — искренне смеется Никита. — Интересная теория!

Екатерина Воронина, оставшаяся без внимания, осторожно кашляет, напоминая о себе кавалеру.

— Разрешите представить! — галантно усаживая Екатерину за стол, начинает говорить Григорий.

— Оставь, Гриша! — лениво прерывает его Никита. — Твое новое увлечение — это опять мое старое? Что за привычка донашивать за старшими?

Откровенное хамство Верещагина заставляет Екатерину злобно прищуриться, а Григория сжать кулаки.

Да... Если что, то шпага тут не поможет.

Григорий быстро берет себя в руки, заметно расслабляется и отвечает:

— Мы с Екатериной — деловые партнеры. Я же иду в политику, а Катя — мой личный помощник.

— Неисповедимы пути твои... — ерничает Верещагин.

— Тебе идет ревность, — находчиво встревает в наш разговор Екатерина, с пристрастием рассмотревшая меня всю и побледневшая от раздражения. — Но что ж поделывать! Ты меня всё-таки упустил, Никита! Таких женщин, как я, трудно удержать.

Верещагин вдруг резко наклоняется вперед и накрывает ладонью руки Екатерины, которые она сложила на скатерть перед собой. Голос Никиты, глухой, почти дрожащий от страсти, перешедший в шепот, гипнотизирует всех сидящих за столом:

— Катюша! Что ты! Как ты только могла подумать, что я от тебя отказался! При чем здесь жена?! Что за глупости?! Какая жена помешает нашей страсти и любви? Глупенькая!

Мы все замираем. Григорий с трудом удерживает нижнюю челюсть от падения на стол. Екатерина внезапно бледнеет и начинает тяжело дышать, до побелевших костяшек пальцев вцепившись в тканевую салфетку.

— Зачем тебе Григорий? — вкрадчиво, чувственно продолжает Верещагин, начиная поглаживать руки Екатерины. — Он импульсивен, невыдержан. Приревнует — и хук слева!

Глаза Екатерины наполняются ответной страстью и нервной радостью.

— Брось его! — Верещагин тянется к лицу Екатерины и большим пальцем гладит кожу ее подбородка. — Просто жди. Жди меня.

Никита вдруг так же резко откидывается назад, а Екатерина хрипло отвечает:

— Да! Я... Я буду тебя ждать!

Из глаз и голоса Верещагина исчезает страсть, заменяясь презрением и усталостью:

— Что и требовалось доказать, Гриша! Так кто и что упустил?

Когда до Григория и Екатерины наконец доходит смысл нанесенного оскорбления, из уст ведущего вечера звучит первый тост. Предлагается выпить за деловых партнеров и процветание их фирм. Все присутствующие встают. Звон бокалов хрустальным эхом разносится по огромному, богато украшенному залу.

В глазах Верещагина оскорбляющая насмешка. В глазах Григория обещание ответа, скорого, обязательного, жесткого. В глазах Екатерины ничем не подавляемая ненависть, но не к Верещагину, а ко мне. Ответно улыбаюсь ей, жалея несчастную женщину. Григорий остро, жадно вглядывается в мое лицо и говорит:

— Зачем такой красавице такой хам? Он держит вас в заложниках? Шантажирует жизнью и здоровьем близких?

Верещагин насмешливо смотрит на меня, во взгляде предупреждение.

— Нет, — отвечаю я Григорию. — У нас всё страшнее и оригинальнее.

— Это как? — любопытно успокоившийся Григорий Соболев.

— Это я его держу в заложниках и шантажирую близкими, — доверительно сообщаю я, видя, как вытягивается лицо Григория, как округляет поражено глаза Екатерина, и чувствуя, как горячая рука Верещагина благодарно пожимает под столом мое колено.

— Я так и думала! — позволяет себе нервно рассмеяться Екатерина. — И не удивлена.

— Всегда приятно оказаться догадливым, — вежливо соглашаюсь я с ней.

— Никита Алексеевич! — доброжелательный голос подошедшего пожилого мужчины привлекает наше внимание. — Прошу прощения у присутствующих! Можно тебя на пару слов?

Верещагин встает и пожимает руку незнакомому мне мужчине.

— Рад видеть вас! Да. Конечно!

Он наклоняется ко мне, положив руки на мои голые плечи

— Дорогая! Ненадолго перейдем за другой столик. Друзья извинят нас!

«Друзья» кивают, убивая нас взглядами. В дальнем конце зала я вижу Виктора Сергеевича, который прикрывает глаза, давая мне знак.

— Я подойду, дорогой! — встаю из-за стола и дарю «мужу» и его знакомому самую радужную улыбку. — Мне нужно выйти ненадолго.

Пожилый мужчина смотрит на меня оторопело несколько секунд, потом начинает извиняться перед Верещагиным.

— Никита Алексеевич! Предупреждать надо. Мне уже шестьдесят. Сердце не той закалки, что в молодости. Какую войну ты выиграл, чтобы захватить в плен эту фею?

— Мировую! — смеется Верещагин. — И еще не выиграл. Пока в глухой обороне.

Верещагин провожает меня к выходу из зала, передавая Виктору Сергеевичу. Сам уходит за стол к не представленному мне знакомому.

Иду по длинным коридорам за своим охранником, надеясь, что в этот раз меня никто не похищает. Мы даже спускаемся этажом ниже. Виктор Сергеевич заводит меня в светлый кабинет, в котором только диван, три кресла и журнальный столик. На одном из кресел сидит мой отец, встающий при нашем появлении.

— Лера! — отец обнимает меня тепло, крепко. — Надеюсь, у тебя по-прежнему всё в порядке? Верещагин не воспользовался ситуацией?

— По-моему, он только это и делает всё это время, — усмехаюсь я.

— Лера?! — напрягается отец.

— Не воспользовался, — подтверждаю я, садясь на диван и расправляя платье.

— Ты сегодня удивительно красива! — осуждающе восклицает отец, садясь в кресло напротив.

— Прости! — извиняюсь я. — Не хотела тебя расстраивать. Но эта претензия скорее к вам с мамой.

— Обижаясь? — вздыхает отец, спокойный, привычно деловой, но очень уставший.

— Да, — абсолютно честно отвечаю я на его осторожный вопрос. — Ты сломал мою жизнь. Теперь ее ломает он. За что?

Отец хмурится и отвечает серьезно:

— За то, что ты моя дочь. Другой причины я не вижу.

Киваю, показывая, что понимаю и принимаю такую причину.

— Ты обещал мне развод, — напоминаю я. — Когда выполнишь свое обещание?

Отец кивает Виктору Сергеевичу, и тот, достав из внутреннего кармана пиджака, кладет передо мной мой паспорт и свидетельство о разводе. В паспорте оказывается штамп о разводе. Смотрю на Виктора Сергеевича: он вежливо смотрит в потолок.

— Свидетельство о расторжении брака между Верещагиным Никитой Алексеевичем и Князевой Валерией Ильиничной, — читаю я, испытывая удовлетворение. — Прекращен тридцатого сентября... На основании решения мирового судьи... Свидетельство выдано Князевой Валерии Ильиничне.

— Сегодня? — удивляюсь я. — Нас развели сегодня?

— Два часа назад, — улыбается отец. — Свидетельство для Верещагина я сейчас отправлю курьером. Едем домой?

— Едем, — задумываюсь я. — А можно я сама передам?

— Что передашь? — не понимает меня отец.

— Привет от тебя и свидетельство, — терпеливо объясняю я.

— Было бы неплохо, — глаза отца загораются азартом, но тут же тухнут. — Но это лишнее. Он может удержать тебя силой. А я не смогу обратиться в полицию во избежание скандала. Особенно сейчас, когда Николай Виноградов пошел в политику. И не хотелось бы брать штурмом дом Верещагина по той же причине.

— Он не посмеет, — продолжаю уговаривать я. — Мне очень хочется посмотреть ему в лицо, когда он это узнает.

— Хорошо, — нехотя сдается отец. — Виктор Сергеевич возле тебя. Делай всё, что он говорит!

— Обещаю! — клянусь я пафосно, предвкушая свою победу над Верещагиным.

Перед тем, как вернуться в банкетный зал, сопровождаемая охранником, захожу в туалет освежить макияж, оставляя Виктора Сергеевича ждать меня. Воспользовавшись пудрой и помадой, иду на выход. Здесь натыкаюсь на Екатерину. Она бледна, соревнуясь цветом лица с цветом своего белого платья и явно выигрывая это соревнование.

— Если ты думаешь, что Никита шутил о том, что я должна его просто подождать... — начинает она без предисловия и эпиграфа.

— У меня нет привычки думать о тебе, — мягко возражаю я, перебивая. — И я не собираюсь ее заводить.

Екатерина резко краснеет. Румянцем покрываются и лицо, и шея.

— Если ты думаешь, что настолько красива... — дрожа от злости, нападает она. — То ошибаешься!

— Насколько для чего? — подсказываю я.

— Чтобы заинтересовать такого умного человека, как Верещагин, — презрительно фыркает она. — Его одной красотой не купишь!

— Еще, видимо, тактом и добротой? — снова подсказываю я.

— Я прекрасно знаю, что ваш брак фиктивный! — теперь голос Екатерины дрожит от радости. — Ночная кукушка перекукует дневную. Ты взрослая девочка и понимаешь это сама!

— Вы вежливо сообщаете мне, что спите с моим мужем? — спрашиваю я наступающую на меня женщину.

— Естественно! — Екатерина останавливается и пожимает голыми плечами. — Сплю с первого дня нашего знакомства и до сегодняшнего дня. Ты думаешь, куда он уезжает по ночам?

Он уезжает по ночам? Этот вопрос я задаю себе, а не ей. Неужели, правда, уезжает? Не караулила. Не знаю. Уезжает так уезжает...

— Ищи себе другого принца! — советует Екатерина. — Он всё равно с тобой разведется. Он мне обещал!

Размышляю, что бы на моем месте сделали Сашка и Варька. Сашка воздействовала бы физически, а Варя обязательно гордо показала бы свидетельство о расторжении брака. Прямо по нос бы сунула. Но я Валерия Князева.

— Пока одни ждут, что судьба положит им в постель принца, я давно уже сплю с королем, — шепчу я, наклонившись к изящному ушку Екатерины, которая ниже меня на полголовы.

— С каким королем? — тупит бывшая балерина, до боли вцепившаяся в свою золотую сумочку.

— С голым! — сообщаю я другому ушку, аккуратно обхожу Екатерину Воронину и выхожу к ожидающему меня Виктору Сергеевичу.

За нашим столиком никого, кроме Верещагина, нет. Он быстро встает, увидев меня.

— Что ты так долго? — ворчит он, пытаясь помочь мне сесть.

— Принесла тебе подарок, — говорю я, отказываясь садиться.

В зале играет громкая музыка. На танцполе уже появились первые пары. Шумно, весело, празднично.

— Спасибо, что испортил мою биографию только на двадцать семь дней, — неискренне благодарю я «бывшего мужа» и кладу на стол его свидетельство.

Он смотрит на серо-голубой лист недоверчивым взглядом и молчит, переводя глаза на

меня.

— Лера! — начинает он, схватив меня за локоть.

— Отпусти! — улыбаюсь я, освобождая руку. — И прощай! Не скажу, что мне было приятно с тобой познакомиться. Мне жаль, что умер твой отец. Мне очень жаль знать, как он умер. Но у тебя есть шанс изменить свою жизнь.

Тот же самый пожилой мужчина подходит в это время к нашему столу и обращается к Никите. Пользуюсь ситуацией и быстро иду на выход, где ждет меня Виктор Сергеевич. Верещагин окликает меня, но я никак не реагирую.

Мы очень быстро двигаемся по коридорам, лестницам, спускаясь на подземную парковку. Виктор Сергеевич ведет меня к совершенно незнакомому автомобилю.

— Лера! — окликает меня голос из моих личных кошмаров.

Медленно-медленно оборачиваюсь. Виктор Сергеевич кладет правую руку на левое бедро. Там у него кобура. Достаточно далеко стоит... Сергей-Филипп, делающий такое же движение рукой, но тоже не доставая оружие.

— Идите в машину! — спокойно и твердо говорит Виктор Сергеевич. — И ничего не бойтесь!

— Иди ко мне, Лера! — зовет меня Сергей-Филипп, копируя спокойствие и твердость моего охранника и, мрачно усмехаясь, добавляет. — И ничего не бойся!

— Я не пойду к тебе! — резко отвечаю я Сергею-Филиппу, ругая себя за эту резкость.

Чёрт! Мне бы их спокойствие и твердость. Я не знаю, что будет дальше, но к Сергею-Филиппу я не пойду, даже если оба мужчины будут стрелять в меня.

— Идите в машину!

— Иди ко мне!

Внутренне напряженные мужчины повторяют свои реплики. Да ладно! Мы же не в кино. Никто не будет стрелять!

Эту мою мысль тут же иллюстрирует Сергей-Филипп, достав... пистолет или револьвер? Я не разбираюсь. Пусть будет пистолет. Виктор Сергеевич достает свое оружие. Кино и немцы — сказала бы Сашка.

— Лера! — слышу свое имя, произнесенное третьим мужчиной.

На таком же отдалении, как и Сергей-Филипп, только справа, перед одной из огромных железных дверей, выходящих на парковку, стоит Верещагин. В его потемневших глазах просто конец Вселенной. Не глаза, а два Черных Карлика.

— Иди ко мне! — Никита просто тянет ко мне руку.

Я не бегу. Не даю себе суетиться. Я просто улыбаюсь Виктору Сергеевичу, а потом, повернувшись спиной к Сергею-Филиппу, иду к Верещагину. Его глаза чуть-чуть светлеют, в них появляется мысль.

— Лера! — меня снова окликает Сергей-Филипп.

— Не двигайтесь! — видимо, к нему обращается Виктор Сергеевич.

Поскольку охранник не говорит, а кричит, делаю вывод, что Сергей-Филипп начал движение. И тогда я, не оборачиваясь, чтобы проверить это, бегу к Верещагину. Он делает пару широких шагов мне навстречу, больно (потерплю!) хватает меня за плечи и буквально запихивает за железную дверь, двигаясь вплотную ко мне и закрывая меня своим большим телом. Противный лязг задвигаемого засова. Меня крепко обнимают, подозреваю, желая сломать мне пару ребер.

— Это еще кто, принцесса? — спрашивает он меня удивленно, взяв мое лицо в свои

руки. — Это от твоего отца? Или очередной воздыхатель? Прекрасный принц?

— Наверное, — пожимаю я плечами, вызывая гневный огонек в его карих глазах. — Только мне принц не нужен. У меня есть король.

— Какой король? — Верещагин так же не понимает меня, как до этого не понимала Екатерина.

— Голый, — сообщаю я напряженному мужчине.

— Это ведь что-то плохое? Вернее, кто-то? — вспоминает он. — Имя нарицательное. Лживый человек, выдающий себя за значительное лицо.

— Да? — придуриваюсь я. — И почему бы это?

— Ты обо мне? — прищуривается Никита. — Я был с тобой предельно откровенен. Почему же лживый?

— Словесно был — да, — киваю я, расслабившись после такого напряженного момента, даже ноги подкосились, и Верещагин прижал меня еще крепче. — Но собираешься-то поступить бесчестно.

— Что бесчестного в мести за смерть? — прямо спрашивает он.

— Мечь бесчестна по сути, если задевает невинных, — говорю я, глядя в его такие близкие глаза.

— Мечь обязательно задевает тех, кто дорог, — отвечает на мои слова Никита. — Иначе какой смысл в мести?

— Ты упускаешь шанс спасти своих будущих детей от этого же, — выдыхаю я без надежды на успех.

— Почему ты пошла ко мне? — вдруг спрашивает он. — Не в машину и не к тому человеку? Ты же его знаешь?

— Потому и не пошла, — уклоняюсь я от прямого ответа.

— Но меня ты тоже знаешь, — настаивает на ответе Верещагин.

— Потому и пошла, — прямо отвечаю я.

*Трое могут сохранить секрет,
если двое из них мертвы.*

Бенджамин Франклин

*Вот встретить бы того,
кто пишет сценарий моей жизни и спросить:
у тебя совесть есть?!*

Мудрость из Интернета

Возрождаю к жизни свой планшет, до этого момента лежащий на дне одного из чемоданов. Мне нужно видеть лица моих подруг, пока я не свихнулась окончательно.

Ночь. Звоню по скайпу Сашке, которая ночует у Вари. Максим в очередной командировке. Подруги слушают не перебивая. Милая Варя с прочесанными на ночь каштановыми кудрями, убранными в две косички, и бодрая блондинка Сашка с короткой стрижкой, делающей ее лет на десять моложе.

Мой рассказ о званом ужине, диалоге с Екатериной и триллером на подземной парковке встречен ими потрясенным молчанием. По окончании скупого, но точного повествования Сашка витиевато ругается, а Варя нервно хихикает.

— Сергей-Филипп ведет себя логично тому, что мы о нем знаем, — убежденно говорит Варя. — Вот именно от него и можно было этого ожидать. Разве нет?

— А чем там всё закончилось? — живо интересуется Сашка в радостном возбуждении. — Стреляли?

— Нет, — облегченно выдыхаю я. — Не стреляли. И вообще это было для антуража. Я уверена. Никто бы не стал стрелять. Это же не шутки. Это же потом в полиции объяснять надо. Тем более Сергей-Филипп там служил или служит. У них отчет по расходу каждого патрона письменный. Я в сериале видела.

— Он и свои патроны купить мог, — логично поправляет меня Сашка. — И пистолет мог быть свой, а не служебный.

— Пистолет или револьвер? Они ведь отличаются? — спрашиваю я, не боясь показаться глупой.

— Отличаются, — тут же откликается Варя. — Главное отличие — у пистолета затвор не передергивается. Только при установке нового магазина или при осечке, а у револьвера передергивается.

— Еще пистолет отбрасывает гильзу автоматически, а в револьвере они остаются в своих гнездах, — встречает Сашка.

— Поэтому при длительном огневом контакте, — важно перебивает ее Варька, — удобнее пользоваться пистолетом!

— Зато при осечке профессионалы выше ценят револьвер, — Сашка оттесняет Варю плечом от экрана.

— Зато пистолет выигрывает в скорострельности! — ворчит Варя.

— У пистолета магазин, а у револьвера барабан! — смеется Сашка, наслаждаясь

спором.

— Девочки! — смеюсь и я. — Вы меня пугаете! Откуда такие познания? Но главное — зачем?!

— Я часто корректирую и редактирую книги, в которых эти мелочи очень важны по содержанию, — весело объясняет Варя. — Специально изучала. А то у некоторых авторов герои эффектно крутят барабан у пистолета или ловят разлетающиеся гильзы у револьвера. Что ошибочно по сути и раздражает знающих читателей, отвращая от книги.

— А ты, Сашка? — подозрительно спрашиваю я. — Ты-то откуда?

— Ну... — Сашка отводит глаза. — Я когда-то стреляла и из того, и из другого. Потом как-нибудь расскажу...

— Какая тебе разница, из чего тебя застрелят? — философски спрашивает Варька и тут же пугается того, что сказала. — Ой! Прости!

— Хотелось бы еще пожить! — тоже философствую я, нисколько не обидевшись на эмоциональную подругу.

— Готовы слушать, что нарыл мой хакер? — важничая, спрашивает нас довольная собой Сашка.

— Что-то стоящее? — интересуюсь я. — Про Риту и ее семью?

— Верещагин сказал тебе, что его умерший отец, Вяземский и Виноградов долгие годы были деловыми партнерами? — уточняет Сашка.

— Да. Это общеизвестный факт, — подтверждаю я. — Я это сама сразу вычитала в интернете, как только начала искать информацию по Никите. И Верещагин постоянно об этом говорит. И Вяземского с Виноградовым ненавидит.

— Надо же! — восклицает Варя. — Все три фамилии на букву «В». ВВВ. Оригинально!

— Я в доме Таисии Петровны видела старые диванные подушки в саду на лавках и на качелях с красивым вышитым вензелем «ВВВ», — вдруг вспоминаю я. — Это, видимо, предметы из того периода жизни.

— Да, скорее всего! — подтверждает ставшая совершенно серьезной Сашка. — Вот интересно, сохранились ли в том доме предметы с первым вензелем деловых партнеров?

— Что значит первым? — не понимаю я. — Каким первым?

Сашка выдерживает настоящую театральную паузу, стряпая важную мину, но не выдерживает серьезности момента и фыркает от смеха, когда получает толчок в бок острым Вариным локтем.

— Первым вензелем, символизирующим их деловое сотрудничество, было сочетание четырех букв: «ВВВК», — Сашка смотрит на меня торжествующе. — А это значит...

— А это значит Вяземский, Виноградов, Верещагин и... Ковалевский! — легко догадываюсь я.

— Именно Рэм Ковалевский собрал много лет назад группу из удачливых и работоспособных друзей, начинающих первые шаги в бизнесе, — рассказывает Сашка обо всем, что нарыл ее хакер. — И стартовый капитал был его. И большая часть доходов тоже.

— И что дает нам эта информация? — напоминает о сути происходящего Варя.

— Надо разобраться, почему отец Верещагина решил покончить с собой, — решительно говорит бодрая, несмотря на поздний час, Сашка. — Версия с изменой жены и предательством друга у меня не катит. Сериальная какая-то. С трудом верится, что такой сильный и прагматичный человек, достигший таких высот в бизнесе, оказался таким ранимым и нежным. Судя по сыну, в характере Верещагиных-мужиков было бы застрелить

жену и ее любовника, но никак не себя самого!

В словах Сашки мне видится рациональное зерно, но я всё еще сомневаюсь.

— Что мы можем узнать, если Верещагин со всеми своими возможностями уже всё узнал и приговор вынес: во всем виноваты мой отец и его мать, они были любовниками, — пожимаю я плечами.

— Кто это сказал? — спрашивает меня хваткая, въедливая Сашка.

— Никита, — растерянно отвечаю я, не совсем понимая, что она имеет в виду.

— А твой отец? А его мать? — пристаёт ко мне Сашка. — Они это подтвердили?

— Отца напрямую я не спрашивала, — докладываю я, подчиняясь Сашкиному командному тону. — Таисии Петровне не очень вежливо намекала на данное обстоятельство, она всегда реагировала резко и обиженно.

— Это твое домашнее задание! — поручает Сашка и подбрасывает еще информацию для размышления. — И потом... А как он покончил с собой? Застрелился? Повесился? Отравился? Выбросился из окна офиса? Утопился, сбросившись с моста? Бросился под электричку? Влез на столб «Не влезай — убьет!»? В общедоступной сети об этом ничего нет. Там вообще информации о его самоубийстве нет. Мой хакер нарыл только внезапную остановку сердца.

— Да, — вздыхаю я, растерявшись от силы напора Сашки. — Никита говорил, что семья при помощи связей и денег скрыла факт самоубийства его отца.

— А как погибли родители Риты? — вдруг спрашивает задумавшаяся Варя. — Мне кажется, что это тоже важно.

— Вот! — Сашка таинственно приподнимает указательный палец. — Они умерли от (снова эффектная пауза, почти Мхатовская) отравления!

Варя округляет пухлые нежные губы в привычное, родное «О!», моя же нижняя челюсть просто некрасиво отвисает.

— И кто их отравил? — осторожно спрашиваю я, вспомнив глаза отравленного Тумана и глаза раздавленного горем Верещагина, сердце сжимается от сочувствия и безысходности.

— В том-то и дело! — голосом прокурора вещает Сашка. — Следствие установило, что они просто перепутали нитрит натрия и соль.

— Как перепутали? — не понимает дотошная Варя. — А где они его взяли? Или им его подсунули?

— Они ночевали в охотничьем домике. Мать Риты, оказывается, была заядлой охотницей, как и муж. Они что-то там себе готовили на ужин и все блюда щедро посолили нитритом натрия, — вздыхает Сашка. — Полиция сочла, что это смерть по неосторожности. Тем более с ними там, в этом домике, никого больше не было.

— Но это же пищевая добавка, которая разрешена во всем мире, — искренне не верю я. — И в колбасу ее добавляют. И в твою любимую, Сашка, — в «суджук». И Варькину «краковскую». И в вареную из нашего детства.

— Всё зависит от количества, — объясняет Сашка. — Я тут много чего про это начиталась. Странно, но во всем мире нитритом натрия травятся регулярно. Путают с солью. Даже статистика есть. И по России тоже, причем и с массовыми отравлениями. Но чтобы умереть, надо съесть довольно много и долгое время не получать медицинскую помощь. Что в далеком охотничьем домике неудивительно.

Минуту мы молчим, удивленные и растерянные.

— А чем отравили Тумана? — спрашивает Варя. — Тоже нитритом натрия? А собака

его разве не должна была почувствовать?

— Не знаю, — теряюсь я. — Я в собаках не разбираюсь.

— Вот тебе и второе домашнее задание, — распоряжается Сашка.

— А что будем делать с Сергеем-Филиппом? — интересуется взволнованная сегодняшним происшествием Варя. — Что сказал Верещагин по поводу его появления возле тебя, Лерка?

— И почему ты всё-таки не в машину села к охраннику, а к Верещагину подалась? — хитро прищуривается Сашка.

— Не знаю. Инстинктивно, — объясняю я. — Почему-то показалось, что, если я сяду в машину Виктора Сергеевича, то кто-то выстрелит. Теперь понимаю, что глупость сделала.

— Да-а-а, — мычит Варя. — История!

— С нашей Леркой вечно истории разные. В основном, с мордобоем, — смеется Сашка. — Внуков будешь развлекать рассказами о своей молодости! Дуэли, шпаги, пистолеты... трупы...

— Дожить бы до внуков! — нервно смеюсь я, обхватив свои плечи руками в попытке унять дрожь.

— Лера! — тоже дрожащим голосом восклицает Варя. — Тебе надо вернуться домой. Срочно! Теперь ты разведена. Надо возвращаться!

— Что ты так разволновалась, Варюха? — ласково, успокаивающе спрашиваю я. — Конечно, я скоро вернусь. Главное, чтобы отец про Сергея-Филиппа не узнал, а то может и не отпустить. Хотя... Виктор Сергеевич ему стопроцентно доложит...

— Как ты не понимаешь?! — паникует Варя. — Сергей-Филипп — меньшая из твоих бед! Тебя могут отравить! Тут всех травят!

— Типун тебе на язык! — хлопает ее по плечу Сашка. — Что ты несешь?

— Типун — нарост на языках птиц! — важно поучает Варя. — Это птичья болезнь!

— Птичья, — поддерживаю я Варю как врач. — У людей нарост на языке называется глоссит.

— И человеческое проклятье! — ворчит Сашка. — Для болтунов!

Я понимаю, почему разнервничались мои подруги: они за меня очень волнуются.

— Лера! — неожиданно раздаётся под дверью хриплый голос Верещагина. — Если ты не спишь, то я хотел бы поговорить с тобой!

— Час ночи! — зловеще шепчет Сашка и предрекает. — Соблазнять будет!

— Почему сразу соблазнять? — вступается Варя, споря с Сашкой. — Поговорить всегда лучше, чем отмолчаться!

— Ага! — дразнит Варю Сашка. — А когда мы тебя заставляли поговорить с Максом, ты нам что говорила?

— Я была не в себе, — мило краснеет Варя — завидую: я так не умею. — Я уже много раз обо всех своих побегах пожалела!

— Лера! — Верещагин по-прежнему под моей дверью.

— Я бы поговорила, — вкрадчиво подсказывает Сашка. — Заодно и домашнее задание выполнишь!

— И домой приедешь! — мечтает Варя. — Он же тебя отпустит?

— А кто он теперь такой, чтобы не отпустить? — храбрюсь я и кричу, чтобы Верещагин меня услышал. — Я спущусь через десять минут!

— Что твой Виктор Сергеевич? — на прощание интересуется Сашка. — На кого всё-

таким образом? На Верещагина или твоего отца?

Но у меня нет ответа и на этот вопрос.

— Вот! — вдохновляет меня Сашка. — Работы непочатый край! А ты валяешься!

— Ага! — смеюсь я, согретая любовью и волнением подруг. — И чего это я валяюсь в час ночи — ума не приложу!

Надеваю длинное, до пят, домашнее трикотажное платье серо-голубого цвета прямого покроя с карманом «кенгуру» и большим капюшоном. Вместо обуви выбираю белые вязаные носки. Разобрав прическу, прочесываю волосы, передние локоны ложатся крупными волнами. Делаю хвост, завязывая из самих волос низкий узел. Косметику смываю полностью.

Верещагин ждет меня на кухне, где сам варит кофе в турке. Он в том же костюме, только без галстука и пиджака. Сосредоточенный, серьезный, неприветливый.

— Кофе будешь? — спрашивает он, не оборачиваясь.

И как меня услышал? Я ведь в вязаных носках и шла бесшумно.

— Ночью? — справедливо удивляюсь я.

— А какая разница, когда его пить, если хочется? — отвечает он вопросом на вопрос и предлагает тему для спокойной светской беседы. — Я читал, что вы, врачи, его реабилитировали.

— Да, — подтверждаю я. — Я тоже читала. Ученые из разных стран провели около двух десятков тысяч исследований полезных и опасных свойств кофе и пришли к выводу, что употребление кофе связано с уменьшением риска смерти от различных причин. А раньше кофе считали возбуждающим напитком, вредным во второй половине дня и провоцирующим приступы гипертонии и инфаркты.

— А теперь? — Верещагин по-прежнему не оборачивается, не отрывая взгляда от медной турки, по стенкам которой медленно поднимается густая коричневая пена.

— А теперь научно доказано, что пьющие натуральный кофе процентов на пятнадцать-восемнадцать реже болеют сердечными и желудочными болезнями, чем от него отказывающиеся. Еще кофе способен задержать начало развития диабета второго типа, — соглашаюсь я с совершенно безопасной темой для ночного разговора. — Бессонницу и сильное сердцебиение он вызывает только у тех, кто пьет его впервые или очень редко. На сегодняшний день рекомендовано три-четыре чашки свежесваренного напитка в день.

— Возбуждающий, говоришь? — из всего потока моей умной речи Верещагин выбрал именно это достоинство кофе.

— Я бы попила просто кипятка, — отступаю я, резко меняя тему. — Горло согреть.

— Чай «Белая роза»? — усмехается Верещагин, наконец, обернувшись и посмотрев на меня.

— Что? — не поняв, переспрашиваю я, садясь на барный стул, самый дальний от него.

— Моя мать так называет голый кипяток вместо чая и кофе, когда на диету садится, — любезно объясняет он, включая электрический чайник и намеренно интонационно выделяя слово «голый».

При такой находчивости собеседника будет трудновато подобрать наиболее нейтральную тему для беседы слегка одержимого мужчины и сопротивляющейся всеми силами женщины в пустом доме в начале второго ночи.

Никита ставит передо мной хрупкую белоснежную чашку с кипятком, себе наливает очень крепкий кофе в такую же чашку. Новой усмешкой оценив выбранное мною место,

Верещагин, не поленившись, садится прямо напротив меня.

— Празднуешь победу? — саркастически спрашивает он. — Развод — это то, что ты так хотела?

— Одно из... — соглашаюсь я предельно вежливо, боясь его спровоцировать.

Сейчас, в полумраке кухни, где Верещагин включил только подсветку по периметру комнаты, сегодняшней порыв пойти к этому мужчине, выбрав его из трех, предложенных странно опасной ситуацией на подземной парковке, уже не кажется мне разумным.

— Говори! — как-то грустно улыбается он. — Отец выполнил твой каприз. Теперь моя очередь, но при одном условии: ты расскажешь мне о Сергее Владимировиче Перевалове.

— Зачем тебе? — осторожно уточняю я, так и знала, что не обойдется.

— Должен же я понимать, кто угрожал моей жене... бывшей жене и моему охраннику, — равнодушно пожимает он плечами.

— Ты про него, наверное, уже сам всё выяснил? — продолжаю осторожноничать я, вот не кажется мне его равнодушие искренним и настоящим.

— Многое, — снисходительно кивает Никита. — Возраст, рост, вес, образование, служба. А мне нужно знать о его увлечении тобой.

Отхлебываю глоточек кипятка, наслаждаясь теплом, окатившим горло.

— Два последних года в школе. Четыре после, — сообщаю я абсолютную правду.

— Это срок ваших отношений? — мгновенно мрачнеет Никита, от показного равнодушия не остается и следа.

— Нет! — нервно смеюсь я, делая второй глоток, по-детски, глупо радуясь, что опять его пробила. — Это срок моей фобии.

— Ты его боишься? — подается вперед Верещагин.

— Не его, — возражаю я. — Его отношения ко мне.

— А меня и моего отношения ты не боишься? — удивляется он, лениво пробуя кофе.

— Нет! — заявляю я, раздумывая, как назвать свое отношение к нему. Не боязнь точно.

— Ну-ну... — бормочет он. — И что было дальше? После этих шести лет?

— Сергей-Филипп служил где-то далеко, потом вернулся домой. Но я его не видела долгое время, — устало рассказываю я. — Совсем недавно он объявился опять. Всё.

— У него двойное имя? — хмурится Верещагин. — Почему я об этом не знаю? В его досье этого не было.

Улыбаюсь поверх чашки.

— Это не двойное имя, — неохотно объясняю я. — Это мы с девчонками дали ему такое прозвище. У нас в зоопарке живет орангутанг Филипп. Варька и Сашка заметили, что у него такие же грустные глаза, как у Сергея. И во взгляде что-то общее.

Верещагин коротко смеется.

— Злые вы! — замечает он. — Вам на язык только попадись!

— Кстати, нет, — возражаю я, расслабляясь. — Это как раз комплимент. Глаза и у того, и у другого очень красивые.

Я даже не успеваю понять, как так быстро Никита оказывается возле меня. Развернув к себе на крутящемся барном стуле, зажимает ногами мои бедра и, отобрав чашку кипятка, ставит ее на стол.

— Что же ты не пошла на его красивые глаза? — наклонившись близко-близко, спрашивает Верещагин.

— Красота глаз — это не главное, — шепчу я, зависая под взглядом его карих глаз,

святиющихся какой-то внутренней решимостью.

— А что главное? — он тоже переходит на шепот.

— Потребность друг в друге, — отвечаю я напряженными губами, потому что, если я их не напрягу, то они коснутся его губ, находящихся в паре миллиметров. — Желание счастья дорогому тебе человеку. Даже если он не с тобой.

— Благотворительность какая-то... — его горячее дыхание лишает меня и смелости, и словоохотливости. — Вот твой Быстров отпустит твою-свою Варвару с пожеланием счастья даже не с ним?

— Нет, — честно отвечаю я, вспомнив недавний разговор с Варей на эту же тему.

— А тебе самой нужен мужчина, готовый тебя отпустить? — продолжает настаивать он, пугая меня глубиной настойчивого взгляда.

— Не знаю, — отвечаю я, наши губы всё-таки слегка соприкасаются, но он не пытается меня поцеловать.

— Когда будешь знать? — шепчет он, проводя рукой по волнам на моих волосах, оставшимся от укладки.

Трясу головой и отклоняюсь назад, застывая. И Верещагин оставляет меня, возвращаясь на свое место.

— Жду твои вопросы и пожелания, — снова равнодушно говорит он, залпом допивая кофе, словно это рюмка крепкого алкоголя.

И я решаюсь на выполнение «домашнего задания»:

— Ты выяснил, кто отравил Тумана?

Верещагин прикрывает глаза на пару секунд, но я успеваю увидеть огонек острой боли, до сих пор терзающей его.

— Нет, — вполне спокойно отвечает он. — Никого чужого, проходящего человека в тот день в доме не было.

— А накануне? — настойчиво спрашиваю я.

— Важен только тот день, поскольку Тумана отравили свежей едой, — говорит Верещагин, сжимая лежащие на барной стойке руки в кулаки.

— У тебя же много камер и в доме, и во дворе, — напоминаю я.

— Я всё посмотрел. Все записи, — отвечает Никита, взъерошив волосы и положив голову на руки. — Две ночи на это потратил.

— Вместе с Екатериной? — не удерживаюсь я от ехидного вопроса, этот вопрос для меня самой звучит неожиданно, как будто и не я его задаю.

— Причем здесь Катя? — назвав свою женщину укороченным домашним именем, поднимает голову Верещагин.

— Она претендует на твои ночи. Мне уступила дни, — какой-то чёрт толкает меня в бок и говорит за меня эти слова, честное слово!

Я вдруг представляю себе его вполне отчетливо: маленький, юркий, с черно-коричневой шерсткой, круглыми красными глазками, треугольными ушками с милыми кисточками и умильным мокрым пятчком.

Варька была бы счастлива! Она считает меня ледышкой, не способной к визуализации фантазий. Очень по этому поводу огорчается, забавно рассказывает о своих тараканах, как о реально существующих сожителях. Будет чем ее обрадовать, если раньше обо мне не позаботятся санитары.

Никита пристально смотрит на меня и лениво, провоцируя, отвечает:

— Мне приятно, что за мое внимание борются две красивые женщины.

— Так уж и две? — продолжает разговор не Лера Князева, а чёртик, уютно и нахально устроившийся у меня на коленях. Я даже чувствую его легкий вес, похожий на вес зеленой мартышки Тимофея.

— Не радуй меня, — предостерегающе предупреждает Верещагин (совершенно не замечающий маленького нахала!). — Я решу, что хоть чуть-чуть тебе нравлюсь. Хотя... Если бы это было так, то ты бы не добивалась развода.

— Наш брак был твоей выходкой, — освежаю плохую память «бывшего мужа». — Сейчас просто восторжествовала справедливость. Вернемся к видеозаписям. Где ты держал Тумана и кто его кормил?

Чёртику скучно. Он показывает мне черный язычок и исчезает, махнув на меня рукой с копытцем (или это нога?) совершенно безнадежно.

— У меня псарня за домом, — говорит Никита. — Там несколько собак. Их кормит специальный человек. Он проверен сотни раз. Он не мог.

— Хорошо, — не спорю я пока. — Тогда кто мог зайти?

— Судя по камерам — никто, — обреченно отвечает Верещагин.

— А с камерами всё нормально? — не отстаю я.

— Да, — утверждает Никита. — Я проверял.

— Ни ты, ни Рита, ни Таисия Петровна, ни один из охранников и работников дома не заходил на псарню? — не унимаюсь я. — Или под «никто» ты понимаешь только чужих?

— Все, кто заходил, проверены, — отмахивается от меня Верещагин, почти так же, как до него визуализированный чёрт. Только копыт на руках (у этого точно на руках!) я не вижу. Хотя, если напрячь скудное воображение...

— Кто-то из них может обманывать, — продолжаю настаивать. — Я могу узнать, кто это был? Всех, кто это был?

— Зачем тебе? — не понимает меня мужчина. — Ты разве хоть кого-то знаешь в моем доме из обслуживающего персонала? Ты кого-то конкретного подозреваешь?

— А ты нет? — абсолютно не верю я ему.

— Я хочу понять, к чему ты клонишь, — осторожно отвечает он, вставая со стула и унося кофейную чашку в раковину.

— Ты веришь, что Ритины родители отравились сами, по ошибке? — спрашиваю я и слышу звон разбиваемой посуды.

— Что ты сказала? — оборачивается ко мне Верещагин. — Что значит отравились?

Он смотрит на меня с искренним недоумением. Я зеркалю ему такую же эмоцию. Меня совершенно потрясает его искренность.

— Ты не знал? — почему-то верю я ему после секундного анализа.

— Чего я не знал? — возвращается к столу Никита. — Что за бред ты несешь? Вяземский совсем спятил? Эту-то историю к чему ворошить и перевернуть?

— Отец тут не при чем... — внимательно вглядываюсь в возмущенное мужское лицо.

— Они погибли в автокатастрофе, — цедит сквозь зубы Верещагин, совершенно разочарованный странным разговором со мной. — Рите тогда было тринадцать лет, как и мне. Я тебе говорил.

— У меня другие данные, — вредничаю я, не сдаваясь и усиливаю позицию. — И нет причин не доверять источнику.

— Объяснись! — рычит Никита, тряхнув головой, как будто хочет выбросить из нее те

слова, что я только что заложила против его воли.

— Я не могу назвать свой источник, — аккуратно, стараясь не раздражать его еще сильнее, отвечаю я находчиво, словно завзятый пройдоха-журналист. — У тебя откуда информация об автокатастрофе? Ты ее хорошо проверял?

Никита замирает на пару минут, потом говорит растерянно и тихо, упавшим голосом:

— Я ее никогда не проверял. Лера! Это было двадцать шесть лет назад! Двадцать шесть! Мои родители сказали мне и Рите... Я всегда так думал...

На полутемной кухне становится совсем тихо. Верещагин по-прежнему стоит возле барной стойки. Я сижу напротив. Мы смотрим друг на друга как-то странно, словно впервые встретились, исполняя чужую волю, и очень друг другу не понравились.

— Я проверю, — наконец с трудом говорит он. — Твой источник не может ошибаться?

— Любой источник может ошибаться. Но если предположить, что твои родители просто пощадили детскую психику... Подумай сам, каково было бы Рите узнать, что они отравились или их отравили. Отсюда и версия о катастрофе, — уже сама с сомнением отвечаю я. — Но меня уверили, что такая информация есть в... очень закрытых источниках. Ее не просто найти. Для меня нашли.

— Быстров? Жданов? — у Верещагина резко меняется настроение: от ошарашенного, раздавленного информацией до раздраженного, разозленного подозрением.

— Нет. Не они, — стараюсь говорить спокойно, но... мой чёрт вернулся и уселся прямо напротив меня на уголок барной стойки. Сидит, хвостиком помахивает и шепчет: «Провоцирует! Не спускай!»

Мне надо к Михаилу Ароновичу. Желательно побыстрее. Чем раньше я вернусь домой, тем больше шансов сохранить душевное здоровье. За последний месяц я пережила такую палитру эмоций, что, боюсь, только таблетками не обойдется, будут и уколы. Я врач — я понимаю.

— Тогда точно твой отец! — откровенно и яростно бесится Никита. — От себя подозрение отводит! Перед тобой порядочность разыгрывает!

— Давай у него вместе спросим. И у твоей матери, — успокаивающе предлагаю я, но внутренне тоже бешусь.

В отличие от Верещагина, бешусь вежливо и деликатно. Чёртик разочарованно морщит пяточек и, смачно плюнув через плечо (правое! чтоб на родню не попасть!), смотрит на меня с сомнением и жалостью. Во взгляде чёртов приговор: «Лера! Ты безнадежна! Так и завязнешь в своем любимом тихом болоте».

— Спокойной ночи! — желаю я опасно нервному собеседнику и находчиво отправляюсь на выход, надеясь, что попрощалась не только с Верещагиным, но и новым копытным другом.

Успеваю дойти до дверного косяка. В него меня и впечатывают с явным намерением напугать. Правая рука ребром легко давит на шею, а левая на талию.

— Мы в разводе, — настойчиво напоминаю я и команду. — Отпусти!

— А что? Когда мы были в браке, что-то было по-другому? — дарит мне довольную ухмылку странно возбужденный мужчина. Будем надеяться, что всё-таки от крепкого кофе... — Зачем ты меня сегодня выбрала?

— Ты прав, — язвительно соглашаюсь я, покорно вздыхаю. — Незачем было тебя выбирать. Села бы в машину к Виктору Сергеевичу, была бы уже у отца, а завтра дома, в родном городе.

— А выбрала бы своего Сергея-Филиппа, — тяжело дышит Верещагин, и его накрывает приступ плохо контролируемой ярости. — Сейчас была бы в его постели!

— Не думаю, — спокойно вру я и надеюсь. — Он бы не посмел.

— А я посмею... — накрывает он мои губы поцелуем.

Этот поцелуй пахнет крепким кофе и мужской наглостью, граничащей с сумасшествием. Он целует меня так, словно мы прощаемся навсегда или, наоборот, встретились после долгой разлуки. И теперь через поцелуй пытаемся передать свою большую любовь, сильную страсть, тяжелое возбуждение. Целует он отчаянно, безнадежно, словно понимая, что не добьется ответа даже силой.

Меня охватывает настоящая паника. Я начинаю бояться, что отвечу. Вот прямо сейчас. Через минуту, две, позорно сдамся.

Открываю автоматически закрывшиеся глаза и вижу сидящего на плече у Верещагина чёртова знакомого, который дразнит меня насмешливым выражением волосатой мордочки и даже вытягивает своё рыльце в подобие поцелуя. И это мне помогает, хотя мохнатый «друг» явно рассчитывал на обратное: я не отвечаю Верещагину на поцелуй.

Через несколько томительных минут он сам отпускает меня, но званиями «дрянь» и «стерва» не награждает.

— Почему? — шепчет он нежно, выравнивая рваное дыхание волевым усилием. — Почему не я?

Я не отвечаю, не зная, какие слова подобрать для ответа.

— Почему, Лера? — еще раз спрашивает Никита, взяв в руки мое лицо.

— Если тебя это утешит... — медленно начинаю я свой ответ. — То я не выбирала не тебя. Я не выбрала никого...

— Чего ты хочешь? — продолжает он настаивать на своем. — Что мешает тебе полюбить?

— Полюбить? — совершенно автоматически переспрашиваю я.

Впервые наш разговор не о мести, не о страсти, не о фальшивом браке, а о чем? О любви?

Ошарашенный словами возбужденного мужчины, чёртик таращит на меня круглые глаза и вдруг подмигивает, превращая всё в шутку.

— Просто полюбить, — он прижимает свой лоб к моему. — Вот такого неправильного, отучившегося получать примитивные человеческие радости от жизни...

Вместо ответа прокашливаюсь, уткнувшись в его плечо и пряча лицо. Но он не дает мне спрятаться, приподнимая голову за подбородок и устанавливая связь двух пар глаз.

— Совсем не можешь? — шепчет он настойчиво. — Или не хочешь?

— О какой любви ты говоришь? — нахожу нужные слова.

Что за бред?! Я дурею от невозможности и нелепости происходящего. Почти слышу похрюкивание нежданного друга и провокатора. Какая любовь? Откуда? Он разговаривает со мной так, словно до этого момента не раз объяснялся мне в любви, а я этого никогда не ценила. И вот его терпению пришел конец — и он справедливо требует моего прямого и честного ответа.

Рогатый друг сверлит меня сердитым взглядом: «Расслабься и получай удовольствие!»

У меня стойкое впечатление, что кто-то вырвал из сценария моей жизни целый десяток страниц, так и не дав мне их прочесть. И это были страницы, посвященные любви Верещагина ко мне, о которой он сейчас говорит, как о само собой разумеющемся.

Недоверчивый взгляд Никиты, устремленный на меня исподлобья, подтверждает либо факт пропажи вырванных страниц, либо сигнализирует мне о начавшемся рассеянном склерозе. А что? Все болезни в нашем веке стремительно молодеют. Я врач — я знаю.

Я хочу к маме. К моей лучшей подруге Сашке Тимофеевой и «жениху» Ваньке. К Варьке и Максиму Быстровым. К Игорю Жданову. К Вовке Зорину. К Михаилу Ароновичу на прием и просто в гости.

Оказывается, что всё это я говорю не про себя, а вслух, потому что Верещагин хмурится и снова нападает:

— Детство кончилось, Лера! Каждый должен жить своей жизнью! Неужели ты не понимаешь, не чувствуешь, что твоя жизнь рядом со мной?

Никита внимательно вглядывается в мое потрясенное лицо и выносит вердикт:

— Не чувствуешь...

Вот если я сейчас поеду домой, то к утру попаду на прием к Михаилу Ароновичу. Варька окажет протекцию.

— Я готов ждать. Я буду ждать, Лера! — начинает говорить Верещагин, встряхнув меня для того, чтобы убедиться — я его слушаю. — Но я смогу ждать, только если ты будешь рядом.

— Чего ждать? — уточняю я, переживая, что подвержена прогрессирующему слабоумию даже без видимой медицинской причины.

— Твоего ответа, — с досадой отвечает Никита. — Твоего ответа на мои чувства.

— Ты точно никакие реплики не пропустил? — сомневаюсь я и в его умственных способностях.

Может, они с Ритой вместе менингитом заразились тогда? Прости, Господи, за такую грубость...

Верещагин жестко и нежно одновременно берет меня за узел волос и говорит прямо в мои истерзанные предыдущим поцелуем губы:

— Тебе смешна моя любовь?

Поцелуй в подбородок.

— Скольких ты уже раздавила своим равнодушием?

Поцелуй в висок.

— Чего ты добиваешься?

Поцелуй в лоб.

— Хочешь заставить меня ползать на коленях?

Поцелуй в кончик носа.

— Дави меня. Только не уходи...

Поцелуй в губы. Долгий, ласковый, залечивающий ранки и покраснение кожи.

Если он меня сейчас не отпустит в мою комнату, я опущу что-нибудь тяжелое и на его голову, и на рога маленького чудовища, сидящего на шее Верещагина и умоляющего меня забрать их обоих в свою спальню.

«Я свечку подержу! — хамит мне разошедшаяся нечисть. — Главное, чтобы не восковую!»

— Предлагаю завтра... уже сегодня поговорить с твоей матерью и с моим отцом о Ковалевских, — бодро говорю я, ничего не отвечая на бред «бывшего мужа».

И, мягко высвободившись из мужских рук, ускользаю в свою комнату. Жаль, что звонить Варьке очень поздно. Ладно, порадую ее завтра...

Глава 18. Встреча

Было бы болото, а черти будут.

Русская народная поговорка

Хорошая подруга знает все твои истории.

Лучшая подруга пережила их вместе с тобой.

Мудрая мысль

Долгий, здоровый, полноценный сон стал сюрпризом и наградой. Знаком, что я всё делаю и чувствую правильно. Хвалю себя за стойкость и спокойствие. И никакие черти не лезут ко мне с советами при утреннем свете. Никакие вообще и один индивидуальный в частности.

Завтрак на двоих в зимнем саду начинается с вопроса-претензии, заданного ворчливым тоном:

— Ты собираешься выполнять обещание?

— Какое? — осторожно, напрягшись, спрашиваю я Верещагина, сидящего за столом и с мрачным выражением лица жующего бутерброд с бужениной и свежим огурцом. Наслаждения в выражении лица не больше, чем было бы при жевании вот этой красивой белоснежной скатерти, на которой яркими пятнами выделяются многочисленные блюда, предназначенные для нашего многокомпонентного завтрака.

— Встреча и разговор с твоим отцом, — сквозь зубы напоминает Никита.

— И с твоей матерью, — вежливо напоминаю я.

— Гренки с картофельной корочкой. Сырники-пампушки. Манный пудинг. Творожно-банановый десерт, — не обращая внимания на наш диалог, докладывает довольная Злата, уже без дополнительных вопросов наливая мне кофе по-еврейски.

— Всего-то? — шучу я, с приязнью глядя на хлопчущую вокруг нас женщину.

Она слегка пугается, не поняв шутку, и неуверенно добавляет:

— Еще могу предложить сделать быструю творожную запеканку. Или сырны лепешки. Или любую кашу. На воде, на молоке...

— Я шучу, Злата Евгеньевна, — успокаиваю я Злату. — И этого много!

Последние слова я произношу, встретившись взглядом с Никитой.

— Много чего? — тут же реагирует он. — Много событий? Чувств?

— И того, и другого, — честно отвечаю я, остановив свой выбор на гренках и десерте. — У меня ощущение, что все эти недели я не отдыхала, а работала в две смены в районной поликлинике, где не хватает половины специалистов. И еще дежурила день через день.

- Тебе так тяжело? — хмуро уточняет Никита. — Я пообещал тебе, что не буду тебя использовать.

— А того, что ты уже успел сделать, мало? — спрашиваю я, требуя откровенности.

Злата, налив Никите еще кофе, быстро выходит из зимнего сада. Виктора Сергеевича я вообще еще не видела. А он так мне нужен после вчерашнего для подробного и сурового допроса.

— А что я сделал? — вызывающе говорит Верещагин. — Такого, чтобы об этом говорить в таком тоне?

— Да ничего страшного и серьезного! — я фальшивым участием успокаиваю его. — Так, не стоящие внимания мелочи!

И, любуясь на сжатые челюсти, напоминаю:

— Выкрал мой паспорт. Оформил наш брак. Угрожал мне. Вынуждал действовать против родного отца. Отказал мне в праве самой распоряжаться своей жизнью. Я что-то упустила?

— Упустила! — парирует Верещагин, стискивая зубы, потом расслабляясь. — Я пальцем тебя не тронул. Мы с тобой оказались прекрасной супружеской парой. Я ради тебя отказался от мести твоему отцу.

Я знаю, что у меня большие глаза. Красивые серые большие глаза. Сейчас они, вероятно, стали раза в два больше — так я реагирую на наглуую ложь. Но я не спешу разоблачать «бывшего мужа» по вышеназванным пунктам.

— Ты должен отказаться от мести ради себя, — нападаю я с другой стороны. — И не только моему отцу и Виноградовым, но и собственной матери.

— Я подумаю, — рычит Никита, отодвигая тарелку с пудингом. — Собирайся! Поехали!

Наша поездка начинается со встречи с матерью Верещагина. Я уже успела забыть, как хорошо она выглядит, и прохожу к выводу, что если мой отец и был связан с Таисией Петровной какими-то взрослыми особыми личными отношениями, то его в какой-то степени можно понять.

Мать Никиты сидит в гостиной за журнальным столиком и раскладывает карты Таро. Возле нее графин с темно-вишневой наливкой и рюмка. Она смотрит на нас, входящих в комнату, удивленно и несколько настороженно. Ничего не ответив на приветствие мое и сына, она спрашивает Никиту холодно и отрешенно:

— Догадался проведать Риту? Кто из вас ее покалечил?

— Детская ревность, — быстро отвечает Никита и, пододвинув второе кресло, чтобы перекрыть матери возможность встать и выйти, усаживает на него меня. — Мы пришли поговорить, мама.

— О Рите? — уточняет она тоном, пропитанным осуждением и порицанием.

— Можно сказать и так, — кивает ей Верещагин. — У моей... у Леры есть к тебе несколько вопросов. Ответишь?

— Лере? — недобро уточняет Таисия Петровна, не беспокоясь о моей реакции на ее тон. — Или тебе?

— Нам! — сообщает Никита, положив одну руку на моё левое плечо, другой рукой взяв мою правую руку и крепко сжав.

— Как умерли родители Риты? — задаю я главный вопрос, заставив женщину смотреть мне в глаза.

Таисия Петровна бледнеет, потом краснеет, потом снова бледнеет, шепотом переспрашивая:

— Родители Риты? Что за вопрос?

— Нормальный вопрос, мама! — терпеливо говорит Никита, поглаживая тыльную сторону моей ладони большим пальцем. — Ты же его поняла? Или повторить?

— Я не Рита! — отмахивается она от сына. — И в своем уме!

Почувствовав, что сказала лишнее, Таисия Петровна опять покрывается краской.

— Ты знаешь ответ, Никита! — возмущается она довольно активно и бодро, быстро приходя в себя. — Что за странный интерес к давнему старому горю этой несчастной семьи?

— Почему странный? Теперь я опекун Риты. Мне положено знать о ней если не всё, то многое, — не соглашается Никита, говоря негромко, стараясь не давить на мать. — Семейное горе не может быть старым.

Но по какой-то причине Верещагину вдруг изменяет спокойствие, и он заканчивает фразу довольно резко и оскорбительно для матери:

— Старой оказалась твоя ложь!

Таисия Петровна дрожащими руками откладывает колоду, которую до этого момента так и держала в руках:

— Это переходит все границы! — женщина резко встает. — У меня нет ни времени, ни желания продолжать этот разговор.

— Сядь! — звучит грубая и громкая команда, потом Никита слегка смягчает тон и снижает громкость. — Сядь, мама, пожалуйста! Я всё равно тебя не выпущу, пока ты не дашь ответы на наши вопросы.

— У меня срочные дела! — нервничает женщина, сев на место и принявшись разглаживать ткань своего домашнего брючного костюма нежного фисташкового цвета.

— Успеешь! — отвечает Никита и увещевает. — Чем быстрее ответишь, тем раньше к ним приступишь!

Таисия Петровна молчит, ничего не отвечая на последние слова сына, выискивая на брюках и рукавах жакета невидимые глазу пылинки и стряхивая их. Молча. Не отказываясь отвечать, но и не обещая это сделать.

— Мама, — не торопясь, снова начинает атаку Верещагин. — Как умерли дядя Рэм и тетя Ирина?

Таисия Петровна поднимает на сына растерянные глаза и решается. Этот миг ее выбора я отчетливо вижу по тому, как сжимаются ее кулачки и быстро темнеют так похожие на сыновьи карие глаза.

— Рэм выпил, Ирина не справилась с управлением. Она вообще не любила водить, и опыт вождения у нее был очень скромный, — тихо, как-то подслеповато прищурившись, словно скрывая мысли, отраженные во взгляде, отвечает Таисия Петровна.

И так у нее это получается просто и искренне, что я немедленно верю.

— Ты врешь от страха или с какой-то корыстной целью? — говорит Никита, в отличие от меня, видимо, не поверивший родной матери. Он не дает ей опомниться. — Ты чего-то боишься? Кого-то?

— Тебя, — шепчет мать сыну. — Ты же во всем опять обвинишь меня.

— Не переводи разговор на другую тему, — настаивает Верещагин, сжав мою ладонь. — Дядя Рэм и тетя Ирина...

— Я не знаю! — почти кричит Таисия Петровна, и я вздрагиваю от неожиданности. — Я мало что знаю! Алексей сказал, что нельзя пугать Маргариту. Нельзя вызывать нездоровый интерес к нашему бизнесу! Это были девяностые! Начало девяностых!

— Уточни, что именно ты не знаешь, — в голосе Никиты легкое отчаяние и глубокое разочарование, он еще крепче сжимает мою ладонь.

— Илья, Коля, Алексей... были раздавлены случившимся! Каждый из них мог быть под подозрением! Это несправедливо! — крики женщины привлекают внимание прислуги. Молодая женщина, убирающая особняк, заглядывает в гостиную, но тут же исчезает,

остановленная охранником Михаилом, быстро примерившим постное выражение лица и понимающе кивнувшим Верещагину.

— Что с ними случилось? — настаивает Никита. — Мама!

— Они отравились, — уронив голову на руки, стонет Таисия Петровна. — Ирина что-то там перепутала в специях. Их слишком поздно нашли. Твой отец так мучился от мысли, что их можно было спасти! Но кто ж знал, что с ними случится такая нелепость?!

— Если всё так, то зачем скрывать? — чувствуя нарушение логики в собственных внутренних размышлениях, осторожно вмешиваюсь я в диалог матери и сына и так же осторожно продолжаю, отлично понимая голый цинизм того, что сейчас скажу. — Отравились и отравились. Так, к сожалению, бывает. Или у следствия были сомнения? Следствие вообще было?

— Я повторяюсь! — резко вскидывает голову женщина, глядя на меня так, как смотрят на крайне неприятного тебе человека. — Это были девяностые. Беспредел и в бизнесе, и во власти.

— Это ведь не главная причина? — мягко спрашивает Никита, садясь на подлокотник моего кресла и обнимая меня за плечи, явно демонстрируя матери, что с выбором тона и взгляда для меня она перестаралась.

Таисия Петровна смотрит на взрослого сына мокрыми глазами и начинает быстро говорить, словно боится, что ее сейчас перебьют или она сама передумает:

— Если это было отравление, а не несчастный случай в быту, то... То это было третье покушение на жизнь Рэма Ковалевского только за тот последний год. И удачное. Один конкурент в бизнесе был очень заинтересован в том, чтобы разорить или посадить любого из четырех друзей. Если бы не покровитель из МВД... Сел бы Верещагин. Сначала дело об отравлении фабриковали на него.

— Покровитель? — подсказываю я, искренне пораженная рассказом.

— Покровитель был у Ильи. Ильи Романовича Вяземского, — неприязненно смотрит на меня Таисия Петровна. — Еще по его старому бизнесу в Питере. Он всех и вытащил. Он же и придумал версию автокатастрофы. Тогда это было несложно, тем более для человека его уровня. Ковалевских и хоронили в закрытых гробах. Якобы обезображены аварией и пожаром после нее. На самом деле они были просто... синие... Их кожа была синей. Такая особенность отравления.

— И вы столько лет скрывали? — строго и как-то ошутимо горько спрашивает Никита, не давая матери расслабиться. — А расследование как проводилось? А если их всё-таки отравили?

— Да куплено следствие было! Ты слышишь меня? Это девяностые! Это кошмар наяву! — нервничает Таисия Петровна. — Двух надежных партнеров Ковалевского вообще насмерть забили в собственных подъездах. А оформлено всё было под ограбление наркоманов.

Мы молчим, и мать Никиты продолжает:

— На самом деле, со мной информацией Алексей делился крайне редко. Я больше ничего не знаю. Риту мы вырастили в память о ее родителях. И потом... Что мы могли тогда рассказать вам с Ритой? Никита! Вам было по тринадцать лет! Как ты это вообще себе представляешь?

— Но нам ведь не всегда было тринадцать, — ледяной тон Верещагина медленно замораживает нас обоих и его самого. — Пусть не в день совершеннолетия, пусть даже не в

двадцать лет... Когда отец... умер, мне было уже двадцать девять. Какого черта?!

Мать смотри на сына печально и говорит:

— Это было решение твоего отца. Кто я такая, чтобы его оспаривать? И что дала бы тебе эта информация?

Сын не отвечает, и я на правах участника разговора снова вмешиваюсь.

— Спасибо, Таисия Петровна, — мягко благодарю я женщину и направляю ее мысли и воспоминания чуть-чуть в сторону, отвлекая от темы сохранения тайны. — А потом, через столько лет, почему не стали расследовать еще раз? А если всё-таки умышленное отравление?

— Зачем? — непонимающе смотрит на меня Таисия Петровна, не оценив моего вклада в нормализацию обстановки. — Зачем ворошить старое? Ковалевских не вернешь... А репутацию в наше время надо беречь серьезнее, чем тридцать лет назад.

— Понятно. Насчет отказа о возобновлении следствия... Правильное решение. Я о нем не знал, но я с ним согласен, — тихо говорит Верещагин, вставая с подлокотника и пытаясь поднять меня с кресла. — Мы, пожалуй, пойдем...

— Подожди! — не даю я себя ни поднять, ни увести и снова обращаюсь к его матери. — Тогда зачем ваш сын устраивает этот спектакль с мезтью моему отцу? Ковалевских не вернешь. Но и вашего мужа тоже не вернешь. Почему не работает эта установка в его отношении?

— Лера! — жестко окликает меня Никита, до боли сжимая ладонь и плечо. — Пойдем!

— Нет! Никита! — в том же тоне отвечаю я, не обращая внимания на легкую боль. — Таисия Петровна ответит — и я уйду.

— Я не несу ответственности за решения, принимаемые почти сорокалетним мужчиной, — заносчиво отвечает мне женщина и неожиданно добавляет. — И Никита не потерпел бы вмешательства.

— Почему терпите вы? — перебиваю я ее, сбросив мужские руки и наклонившись к ней почти вплотную, тороплюсь вывалить на несчастную женщину все свои вопросы и просьбы, не считаясь с тем, что Никита рядом. — Попросите своего сына. Скажите ему, объясните, расскажите о своих чувствах.

Таисия Петровна пораженно смотрит на меня, словно видит впервые. Я уверенно и напористо продолжаю:

— Или мой отец вас насильовал? Причем неоднократно, раз ваш сын утверждает, что он был вашим любовником несколько лет у него под носом, у всех под носом.

Я замираю в ожидании ее ответа. Застывает и Никита. Он перестает давить на меня. Поднимаю на него глаза. Лицо отрешенное, жестко равнодушное. Острое чувство ситуации выдают только глаза, горящие ярким внутренним огнем. С этими глазами встречаются материнские, и их обладательница решительно вскакивает со своего места.

— Выпустите меня немедленно! Я больше не в состоянии об этом говорить! Никита! Прекрати это издевательство!

Я реагирую первой: встаю с кресла, перекрывающего Таисии Петровне дорогу, и демонстративно отхожу в сторону. Я знала, что на все свои вопросы ответов за один разговор не получу. Женщина с достоинством скидывает голову, одаривает нас неприязненным взглядом и быстро выходит из гостиной.

— Зачем ты это устроила? — в тоне Верещагина и недовольство, и усталость, и раздражение.

— Что именно? — спокойно уточняю я. — Попытку понять поведение наших родителей?

— Ты хотела мне доказать, что она тоже виновата в измене? — глухо спрашивает он. — Я это знаю. О чём сразу тебе и сказал. При первом же разговоре на эту тему.

Я делаю шаг навстречу Никите и говорю, встав совсем близко:

— Всё, что тебе известно о том времени и тех людях, может не соответствовать действительности, — терпеливо объясняю я. — Ковалевские — яркий пример.

— И что? — выдыхает он мне в лицо, пробежав неожиданно ласковым взглядом по моим щекам, бровям, носу, глазам, губам.

— И то... — в рифму отвечаю я, против воли почувствовав прилив смущения, как от настоящего прикосновения. — Твоя версия их измены тоже может иметь другую модификацию.

— Не думаю... — отвечает он, остановив взгляд на моих губах. — Тебя же прошу подумать...

— О чём? — удерживаюсь от безотчетного желания убрать с его лба прядь волос, нарушившую его безупречный образ и делающую его каким-то домашним, безопасным.

— О моем предложении остаться со мной, — отвечает он.

— Зачем это мне? — невежливо спрашиваю я и иду на выход, не оглядываясь и не получая ответа.

— Мы едем к моему отцу без предупреждения или ты пригласишь его к себе? — спрашиваю я, садясь в машину.

— Ни то, ни другое, — отвечает Верещагин, усаживаясь рядом.

В автомобиль садятся водитель и охранник. Еще одна машина с охраной выезжает из ворот вслед за нашей.

— Встретаться будем на нейтральной территории в окружении множества посторонних людей, — спокойно объясняет мне Никита.

— На дискотеке или на кладбище? — мрачно шучу я.

— Нет, — улыбается мне Никита. — Предложения хорошие, но я уже выбрал другое место, и твой отец с этим выбором согласился.

«Другим местом» оказывается модный ресторан с огромной летней верандой. Мы с Верещагиным садимся за центральный столик, охрана рассаживается справа и слева. Веранда почти заполнена посетителями. На редких пустых столиках стоит табличка «Столик зарезервирован».

— Почему здесь? — спрашиваю я Никиту, отпивая глоток минеральной воды.

— Отсюда твоему отцу будет крайне проблематично забрать тебя у меня, — расслабленно отвечает он.

— У тебя? — раздражаю я его вопросом.

— У меня! — жестко отвечает он, от его расслабленности не остается и следа.

На веранде, сопровождаемый администратором, появляется мой отец. Рядом с ним только Аркадий Сергеевич в шикарном сером костюме, превосходящем по элегантности и стоимости внешний вид и Верещагина, и Вяземского.

— Добрый день! — сухо говорит мой отец, садясь за наш столик.

Аркадий Сергеевич располагается за соседним зарезервированным столом в одиночестве.

— Привет, папа! — спокойным и ласковым голосом приветствую я отца, стараясь дать

ему понять, что у меня всё неплохо.

— Лера! — он протягивает мне руку и нежно гладит пальцы моей руки, положенной на стол.

Я встречаюсь с глазами Аркадия Сергеевича, который церемонно кланяется мне, как будто я наследница престола, и тут же нелогично подмигивает, демонстративно поправив идеальный воротник белой сорочки и черный галстук.

Пока я размышляю, что бы это значило, Верещагин начинает говорить:

— Илья Романович! Я рад, что вы не возражали против выбора места встречи.

— Удобство места встречи зависит от темы разговора, — снисходительно отвечает отец. — Поэтому качество его я смогу оценить чуть позже. Слушаю.

Верещагин смотрит на меня с ухмылкой и молчит, как будто подталкивает именно меня к началу разговора. Что ж...

— Папа! — улыбаюсь я отцу. — Мы знаем, как погибли Ковалевские.

Приподнятая бровь Вяземского позволяет понять, что для него это сюрприз. Он явно рассчитывал на другую тему разговора. Видимо, думал, что я заставила встретиться Верещагина с ним, чтобы решить вопрос со мной. Или начать его решать.

— Что же вы знаете? — не торопится выразить свое удивление словами мой отец.

— То, что их отравили! — быстро реагирует Верещагин, не дав мне ответить.

Так... Пошел ва-банк.

— Это вряд ли, — лаская мою руку, лениво отвечает отец. — Вы можете знать, что они отравились, не более.

— Откуда? Откуда такая уверенность, что это не преступление? — бросает вопрос Никита. — Два вменяемых, трезвых, взрослых человека, опытные охотники. Не могли же они сами заменить всю соль в собственном охотничьем домике на нитрит натрия? Или они, как и мой отец, так разочаровались в собственной жизни и своем окружении, что решили таким экстравагантным способом уйти из жизни?

Чувствую всем кожным покровом, как заводится Верещагин. Чем раздражённее он становится, тем спокойнее и даже равнодушнее реагирует Вяземский.

— А что сделал твой отец? — вмешиваюсь я, вспомнив про домашнее задание от Сашки, и смело продолжаю. — Прости. Он тоже отравился?

В наступившей тишине становятся слышны звуки, на которые мы, занятые важным разговором, до этого не обращали внимания: тихие чужие разговоры, стук столовых приборов, звон бокалов, быстрые шаги расторопных официантов, легкая музыка из динамиков.

— Нет, — скрипит зубами Никита, немного побледнев, но больше ничего не рассказывает.

Во взгляде отца появляются насмешка и... сострадание, чистое, искреннее, глубокое. Через пару секунд оно исчезает, оставив место только насмешке, легкой, снисходительной.

— Папа! — обращаюсь я к отцу, почувствовав в глубине собственной души безотчетное желание защитить Верещагина.

Стокгольмский синдром? Хронический недосып? Прогрессирующее слабоумие? Выбор не радует.

— Неужели не было версии об отравлении? — продолжаю я. — Ведь была?

— Была, — отвечает отец, по лицу которого проходит тень осуждения моей реакции. — Чтобы спасти и жизни, и бизнес, и репутацию, мы втроем решили придерживаться версии

несчастливого бытового случая.

— Втроем? — не верит Никита, явно намекая, что он точно знает, чье решение это было.

— Хорошо, — кивает отец. — Хочешь правды — пожалуйста. Наслаждайся! Это было решение Верещагина. Это была его горячая просьба.

— С какой стати? — презрительно фыркает Никита. — Удобно теперь оставить виноватыми во всем Ковалевских и Верещагина! Они же мертвы!

Вяземский кивает Аркадию Сергеевичу, который помогает ему встать, выдвигая стул, и снисходительно говорит Никите:

— Первое: у тебя сутки чтобы вернуть мою дочь по-хорошему.

Никита дергается, но остается сидеть.

— Второе: охотничий домик принадлежал твоему отцу. Новый, на тот момент недавно построенный. Ковалевские остановились там по его приглашению. Как ты думаешь... сынок? Они с собой в обжитый, упакованный всеми удобствами дом сами притащили нитрит натрия и заменили им соль во всех трех хозяйских солонках?

Верещагин недоверчиво замирает, уставившись на моего отца, который целует мне руку, слегка пожимает плечо успокаивающим хозяйским жестом и разворачивается на выход, не прощаясь.

Поднимаю глаза на задержавшегося, чтобы задвинуть отцовский стул, Аркадия Сергеевича. Его элегантный костюм из последней линейки итальянского бренда украшает чудовищный зеленый галстук-бабочка, так знакомый мне по предыдущим «приключениям». Я понимаю, что это сигнал. Мне.

— Пообедаем? — хладнокровно спрашивает Верещагин, отмирая.

— Пообедаем, — послушно соглашаюсь я. — Хотя... Может, я просто догоню отца и уеду с ним? Зачем ждать сутки?

— Нет! — отрезает Никита. — Ни сейчас, ни через сутки.

— Это уголовное преступление, — предупредительно подсказываю я. — Тебе не удержать меня теперь, когда мы уже не женаты.

— Разве? — иронизирует Никита.

— Увидишь, — обещаю я и спрашиваю. — Мне можно выйти в туалет?

— Можно, — кивает Верещагин Михаилу. — После проверки.

— Проверки чего? — расплываюсь я в улыбке. — Меня или туалета?

— Обоих, — не улыбаясь в ответ, говорит Никита.

Михаил уходит с веранды, чтобы вернуться через десять минут и кивнуть хозяину. В течение этого времени я внимательно изучаю меню, остановив свой выбор на белой рыбе на пару и овощах гриль.

— Вино? — вежливо спрашивает Верещагин, думая о своем.

Глаза его перестают видеть меня, хотя он их не отводит. В них мгла, горе и скорбь. Пережитые еще раз. И я понимаю, что не по Ковалевским. По отцу.

— Прошу тебя, не задерживайся! — вдруг действительно просит Никита, обращаясь ко мне, вставшей из-за стола. — У меня хватит стыда, чтобы зайти в женский туалет.

— Приходи! — нагло приглашаю я. — Поможешь подкрасить губы и подтянуть колготки.

Никита прищуривается и ничего не отвечает, только бросает на Михаила мрачный, суровый взгляд-обещание наказания за возможные промахи.

Широкий светлый внутренний коридор ресторана пуст. Возле женской комнаты две девушки приводят себя в порядок перед огромным зеркалом в пол. Одна из них в белом платье невесты. Хорошенькая брюнетка со сложной прической, украшенной мелкими яркими стразами-розочками. Из главного зала доносится бодрый голос, многократно усиленный микрофоном. Там идет свадебный прием. Невеста и ее подружка в розовом платье нервно хихикают, глядя на моего сопровождающего и еще двух охранников, разошедшихся в два конца длинного коридора.

— Вы со мной, Михаил? — чувственно спрашиваю я.

Мужчина ни капли не смущается, просто подбирает вежливо-подобострастное выражение лица.

— Нет. Благодарю. Мне не надо, — громко отвечает он, вызвав у меня улыбку, а у девушек веселый смех.

В прохладном женском туалете ярко горит свет, отражаясь от бело-серых плиток с блестками, которыми выложены пол и стены. У раковины перед зеркалом тщательно поправляет свою ужасную бабочку Аркадий Сергеевич.

— По-моему, не подходит и к этому костюму, — огорченно говорит он, поворачиваясь ко мне лицом.

— Почему? — невинно шучу я. — А по-моему, неплохо. Авангардно. Яркое. Необычно.

— Обманываете старика? — грозит мне пальцем мужчина и снимает бабочку, убирая ее в карман пиджака.

— Как можно! — смеюсь я.

— Едем домой? — спрашивает Аркадий Сергеевич тепло и приветливо.

— Домой? — сердце падает в район моих новых туфель, кувыркнувшись от счастья.

— К отцу, — поправляет себя мужчина, с сожалением глядя на разочарование, вытянувшее мое лицо. — Домой к матери — затратно по времени и ресурсам, выделенным на охрану. Оттуда Верещагин вас вывезет в течение суток на раз-два-три. Вы же не будете обращаться в полицию?

— Не буду, — киваю я со вздохом.

— И Илья Романович не будет, — подтверждает мои мысли Аркадий Сергеевич. — Поехали?

— Поехали, — соглашаюсь я, понимая, что другого выхода у меня нет. — Но как? У Никиты с собой почти вся охрана.

Аркадий Сергеевич снисходительно усмехается, ничуть не обидевшись на мои сомнения в его профессионализме.

— Сейчас вы выйдете из туалета и просто пойдете в зал, где проходит свадьба, — говорит он.

— Михаил стоит под дверью. Он меня туда не пустит, — сомневаюсь я снова.

— Просто сделайте то, о чем я вас прошу, — слегка кланяется мужчина, надевая черный галстук, снова делающий его образ безупречно элегантным.

— Последний вопрос, — прошу я, и он с предупредительной готовностью смотрит на меня. — Где мой Виктор Сергеевич?

— Эх... — картинно, ненатурально вздыхает Аркадий Сергеевич. — А про меня вы так, Валерия Ильинична, ни разу не спросили. — Не волнуйтесь! Скоро убедитесь, что с ним всё хорошо.

Решительно сжимаю сумочку и выхожу из туалета. В коридоре нет ни Михаила, ни тех

двух охранников, ни невесты с подружкой. Удивившись, быстро иду в дальний зал, откуда гремит заводная музыка и доносится громкий смех. С обратной стороны двойной двери обнаруживается Виктор Сергеевич, который берет меня за локоть и через весь зал, наполненный танцующими и подпевающими себе людьми, ведет в противоположный его конец. Пройдя через подсобные помещения, он выводит меня во внутренний двор ресторана, где стоит старая серая отечественная «Чайка», выглядящая как музейный экспонат. Отреставрированная и предназначенная для того, чтобы хвастаться перед ценителями и знатоками.

— Пижон! — усмехается Виктор Сергеевич, усаживая меня на заднее сиденье и садясь рядом.

Водитель, пожилой мужчина с пышными седыми усами и такой же пышной седой шевелюрой, кивнув Виктору Сергеевичу, трогает с места.

Огорченная неприятной мыслью, портящей мне настроение и зудящей, как назойливый комар над ухом, я как-то резко и недовольно спрашиваю Виктора Сергеевича:

— Вы всех подкупили? Они все предали его? Михаил и вся охрана?

Виктор Сергеевич внимательно смотрит на меня, недоумение сменяется подозрением:

— С чего вы это взяли?

— Меня охранял десяток человек! — нервничаю я, не понимая, что со мной. — Вас двое. С водителем (гляжу на невинного седого мужчину обвиняюще) трое. Как такое возможно?

Виктор Сергеевич мягко улыбается мне и просто отвечает:

— Опыт.

Потом вздыхает и виновато произносит:

— Ну, и моя предательская роль, вы правы.

— Вы предали Верещагина? — злюсь я на себя, на Виктора Сергеевича, на Аркадия Сергеевича, седого водителя, отца и самого Верещагина.

— Я не предавал своего работодателя, — аккуратно подбирает слова Виктор Сергеевич. — Я всего лишь выполняю приказы своего хозяина.

— А! — взвиваюсь я, приводя мужчину в крайнее изумление, и вижу глумливую улыбку на мордочке моего личного чёрта, усевшегося на переднее сиденье рядом с водителем, оборачивающегося и откровенно насмехающегося надо мной. — У вас всё-таки есть хозяин!

— Есть, — вздыхает Виктор Сергеевич. — Я назначен вашим отцом вашим личным охранником. Им же я направлен к Верещагину.

— Как шпион? — рычу я, испытывая непонятную досаду и стыд.

Копытная нечисть демонстративно поднимает хвост и начинает чистить черную кисточку на нем, поглядывая на меня красными свинячьими глазками, в которых чистая провокация.

— Можно сказать и так, — не спорит со мной мой охранник. — Я был уверен, что вы давно догадались, что я работаю на вашего отца и только на него. Остальное — необходимые действия для вашей же безопасности. Кстати, поменяйте симку в телефоне.

Тяжело дышу, очень хочется врезать и чёрту, и Виктору Сергеевичу. И это при том, что никого в своей жизни, кроме пары молодых людей, когда-то лезших ко мне с поцелуями, и самого Верещагина я не била. Да у меня весь опыт — несколько пощечин защитительно-показательного характера.

По совершенно странной причине мне стыдно перед Верещагиным. И его слова о мести

моему отцу через меня, и его озвученное решение отказаться от использования меня, и его неадекватное решение не отпускать меня от себя, и странности и тайны в биографии наших отцов — всё смешалось в винегрет и заправилось острым, терпким соусом из неловкости, сожаления и досады.

— Вы же сами мне несколько раз об этом говорили, — напоминает Виктор Сергеевич. — Я решил, что вы обо всем догадались.

— Я догадалась, — соглашаюсь я, мучительно размышляя. — Но я уверила себя, что вы всё-таки работаете на Верещагина, обманывая моего отца, подыгрывая ему.

— Вы так думали и не сдали меня отцу? — Виктор Сергеевич поражен.

— Я решила не вмешиваться в ваши игры, — признаюсь я, с ненавистью глядя на рогатую скотинку, только что не пляшущую передо мной в издевательском порыве.

Виктор Сергеевич бросает рассеянный взгляд на пустое правое сиденье и так же рассеянно смотрит на меня.

— Ладно! — снимая приступ неведомой мне ранее злости глубоким дыханием, говорю я. — Чёрт с вами со всеми!

Чёрт, услышав свое имя, сказанное таким недобрым тоном, показывает мне большой палец. Мол, молодец, злись сильнее, а я подпитаюсь.

Через пару кварталов мы пересаживаемся в другой автомобиль, тоже мне не знакомый.

— Передай Аркадию, что я восхищен выбором авто, — прощается мой охранник с водителем. — Но в следующий раз пусть предупреждает, пижон чёртов!

Мой личный враг, который и не собирался пересаживаться в другую машину, воодушевляется и пытается переметнуться ко мне на колени, но Виктор Сергеевич быстро захлопывает дверь. Я представляю себе, что сижу в клубе Игоря Жданова «Лисий хвост» и неспешно, с наслаждением пью коктейль, охлажденный льдом и сводящий зубы. Запрещаю себе нервничать и злиться. Черно-рыжее недоразумение остается на улице.

Отец ждет меня в своем кабинете, где уютно трещат дрова в камине и пахнет его сигарами.

— Садись, солнышко, — ласково просит он меня, показывая на противоположное кресло. — Всё в порядке?

— В полном. Спасибо, что вывез меня, — сухо говорю я, и он отрывает взгляд от огня, переведя его на меня.

— Что-то не так? — настаивает на ответе отец.

— Всё так, — не поддаюсь я на внутреннюю провокацию, которую, как оказалось, я могу устроить себе сама и без посторонней помощи. — Твой шпион окончательно раскрылся.

— Виктор? — удивленно спрашивает отец. — Что значит раскрылся?

— В прошлый раз вы устроили липовую аварию, чтобы отвести подозрение от Виктора Сергеевича, — напоминаю я. — Сейчас у Верещагина не будет сомнений, что он работает на тебя.

— Естественно, — просто соглашается отец. — Если бы он не был настолько самонадеян, он бы сразу это понял. А он решил, что может перекупить у меня моего человека. Это более чем наивно, дорогая.

— Но ты же именно на это и рассчитывал? — спрашиваю я. — Разве нет?

— На это, — спокойно соглашается со мной отец. — Это часть большой и достаточно нервной игры. Но тебе же не нравится это слово.

— Не нравится, — подтверждаю я, уж купаясь в ледяном бассейне, который, вместо ледяного коктейля, в моем больной воображении, воспалившемся только к тридцати годам, наполнил для меня Игорь в своем коттедже.

— Слово — фикция, придумка, — отец снова смотрит на огонь, который неровно освещает его строгое лицо, то выхватывая острый взгляд, то пряча его в тени. — На самом деле, конечно, это не игра вовсе.

— А что? — шепчу я, загипнотизированная языками пламени.

— Жизнь, — отец добивается моего ответного взгляда. — Молод еще твой Верещагин, чтобы тягаться со мной. Ненависть и месть никогда не принесут ощущения полной победы, даже достигнув цели.

— По себе знаешь? — интересуюсь я хладнокровно.

— По себе, — безропотно соглашается Вяземский Илья Романович.

— Скажи мне, — прошу я отца. — Зачем тебе были нужны отношения с женой друга? Разве это дружба, если ты обманываешь его? Или это такая невыносимая любовь?

Отца совершенно не удивляют мои вопросы. Но он не собирается на них отвечать. Я вижу это по его сощурившимся глазам и потемневшему лицу.

— Как ты живешь столько лет с таким грузом? — снова задаю я вопрос, который, скорее всего, останется без ответа. — Тебе твой друг не снится?

Отец молчит, никак не реагируя. Встаю, чтобы уйти к себе. Невыносимо тоскливо. Когда я уже берусь за ручку двери, слышу неожиданный ответ:

— Снится. Но не Верещагин. Много чести!

Застываю спиной к нему, но не оборачиваюсь и не выхожу, а спиной же задаю новый вопрос:

— Когда ты отвезешь меня домой, к маме?

— Я прошу тебя сопровождать меня на один прием. Через три дня. На следующий день после него я тебя увезу. Даю слово, — такой ответ получает моя гордая и прямая спина кандидата в мастера спорта по художественной гимнастике.

Прижавшиеся друг к другу Варька и Сашка слушают по скайпу мой рассказ о последних событиях, затаив дыхание.

— Значит, Верещагин и правда не знал, — размышляет Варька. — Ни о Ковалевских, ни том, что тот охотничий домик принадлежал его отцу.

— Думаю, да, — отвечаю я, чувствуя, как разлука с девчонками обостряет непонятную тоску, которая поселилась внутри меня с того момента, как я вместе с Аркадием Викторовичем села в «Победу».

— А что его отец? — напоминает Сашка. — Он что с собой сделал?

— Не знаю, — нервно вздыхаю я. — Он не ответил. Разозлился.

— А твой отец? — интересуется Варька, с сочувствием глядя на меня своими волшебными зелеными глазами.

— А он о семье Верещагина вообще ничего не говорит. Никиту называет слишком молодым, чтобы с ним тягаться. Да еще эти слова — «много чести» — про Верещагина-отца, — отвечаю я, ложась на кровать с планшетом в руках.

— Наверное, — осторожно предполагает деликатная Варька, — они в последнее время, перед смертью Верещагина, не дружили уже?

— Стопудово враждовали! — не церемонится прямая Сашка. — Я бы тоже с другом-предателем не миндальничала! Кстати, Варюха! Миндаль тут причем?

— Миндаль причём, — кивает важная Варька, улыбаясь. — По ассоциации со сладостями. В России издавна этот орех — самый частый ингредиент в выпечке. А сладкая выпечка из белой муки, наоборот, гость на столе не частый.

— Окей! — принимает Варино объяснение Сашка и вяжется ко мне. — Чего такая смурная, Лерка? Ты ничего не скрываешь?

Я всегда знала, что утаить от Сашки свои истинные мысли и реальное настроение — дело гиблое. Не женщина — сканер! Нет. Сканер, радар и шокер в одном флаконе.

— Неуютно мне. И по поводу Виктора Сергеевича. И по поводу самого Верещагина, — сразу сознаюсь я, традиционно не тратя время на отнекивание.

— Еще бы! — тут же поддакивает мне эмпат Варя Быстрова, в девичестве Варвара Дымова. — Как ты с такими мыслями спать ляжешь? И уснешь ли?

— Лерка — кремень! Нет! Алмаз! Чтобы ее пробить, лазерное оружие нужно! — хвалит меня Сашка и вдруг всматривается в экран. — Или уже не нужно? Или Верещагин топором справился?

— Ага! Томагавком! — отшучиваюсь я и всё-таки радую подруг своей бедой. — Варя! Привет твоим тараканам от моего чёрта!

— О! — радуется по-детски Варя. — Воспользовалась советом?

— Слушайте! — возмущается обиженная Сашка. — А тем, кто на танке, кто объяснит причину вашего неадеквата?

— Понимаешь, — Варька нежными ладошками обнимает Сашкины плечи. — Леруся, по моей просьбе, попыталась придумать образ для своих эмоций. Так психологически комфортнее и безопаснее. У меня тараканы...

Варя мило краснеет и продолжает:

— Ревнивые, правда, и ленивые очень. Но верные! А у тебя, Лера?

— А у меня чёрт! — нервно смеясь, делюсь я причудами своего проснувшегося к зрелости воображения. — Маленький, наглый, но... хорошенький.

— Чёрт? — недоверчиво переспрашивает Сашка, с недоумением глядя то на меня, то на Варю. — Да ладно!

— Около святых черти и водятся, — вспоминает русскую поговорку Варька. — А Лерка у нас и красоты божественной, и характера святого!

— Не было печали — черти накачали! — вступает в сражение Сашка.

— Не так страшен черт, как его малюют! — парирует развеселившая Варька, заранее предвкушая победу.

— Чего только черти не натворят, пока Бог спит! — расходится азартная Сашка.

— Никто беса не видит, а всяк его ругает! — ласково отвечает Варька, целуя Сашку в щеку.

— Черт черту рога не обломает! — ворчит расслабившаяся Сашка.

— Где черти ни бродили — везде их бранили, — поучает Варя нас обеих.

— Лерка! — ругается Сашка, которая ненавидит проигрывать, хоть во что: от гляделок до покера. — Помогай!

— Силен черт, да воли нет! — неудачно подсказываю я.

— Нормально! — поддерживает меня Сашка. — Зачет!

— Гуляй, черти, пока бог спит! — нежно смеется Варя.

— Вспомнила! — воодушевляется Сашка и показывает Варе язык. — Шел бы черт на свадьбу, да попа боится!

— Богу молись, но и черту фиги не показывай! — поучает Варя, и мы понимаем, что Сашке ее не переиграть.

— Божья мучка, да чертова ручка! — вдруг вспоминаю я постоянную мамину поговорку.

— Молодец! — хвалит меня Варя. — Черт силен — и горами качает, и людьми, что веником, трясет.

— Сдаюсь! — хохочет Сашка.

— Связался черт с младенцем! — радуется своей прогнозируемой победе Варька.

— Оскорбительно! — ворчит Сашка, мне подмигивая.

— Не нам судить попов, на то черти есть! — не унимается Варя.

— Ладно-ладно! Я же сдалась! — напоминает Сашка, дергая Варю за локон.

— Связался с чертом — пеняй на себя! — улыбается мне хитрая Варя.

— Вот именно — пеняй на себя! — напоминает Сашка. — Не увлекайтесь тут, подруги! Тоже мне! Жертвы Михаила Ароновича! Хотите дать подзаработать старичку? Так он одни шахматы кошачьи продаст — и всю мою квартиру выкупить сможет!

— Всю квартиру не сможет, — спорит честная Варя. — Только комнату в ней. Они около полумиллиона стоят всего.

— Фигня вопрос! — соглашается Сашка. — Я бы в такие дешевые и играть не села!

— Что планируешь делать? — Варька возвращает нас к основной теме разговора. — Твой Верещагин еще не обложил дом отца вертолетами?

Звонок на мой телефон. По высветившемся номеру понимаю, что это Верещагин. На этот раз ему понадобился только час на поиски моего нового номера.

— Будешь брат? — любопытствует Сашка.

— Нет, — твердо решаю я.

После двух продолжительных настойчивых звонков приходит сообщение «Возьми трубку, пожалуйста!»

— Через три дня прием в честь выхода книги Николая Виноградова, — рассказываю я девчонкам. — Никита точно там будет, раз отец сказал, что его не пригласили. Он такой возможности встретиться не упустит.

— А ты не хочешь продолжать ваше... знакомство? — догадывается Варя.

— Знакомство? — перекаत्याваю я во рту это странное слово. — Да я ни с одним мужчиной столько не общалась и не...

Замолкаю, смутившись. Если так дело пойдет, то и краснеть научусь. Чёртик сидит на моем туалетном столике, лезет пяточком в баночки и коробочки с косметикой, нюхает и удивляется разнообразию запахов.

— И не целовалась! — смеясь, помогает мне Сашка. — Как хоть он целуется?

— Давненько мы такие пикантности не обсуждали! — шумно радуется Варя и тут же обвиняет нас в скрытности. — Я вам про Сергея-Филиппа рассказала!

— Тоже мне! Поцелуй из прошлого! — дразнит ее Сашка. — Просроченный! Целовал он тебя в десятом классе, а призналась ты за полчаса до пенсии!

— Мне было стыдно перед Леркой! — фыркает Варька, веселясь от души и тут же пугаясь. — И я боюсь, что узнает Максим. Не про то, что это было, а про то, что я не рассказала. Шутка ли! Почти четырнадцать лет назад!

— Всё! — решительно говорит Сашка. — Ты у нас на крючке, Варька! Будем тебя этим порочным фактом твоей биографии шантажировать.

— Ну и пожалуйста! — не верит ей Варя. — Подумаешь...

— Самое отчетливое мое желание — приехать домой, — делюсь я планами, отсмеявшись в очередной раз. — Верещагин поклялся, что от мести моему отцу отказался. Да и информации новой про старые дела на него сейчас навалилось много. Он предыдущую десять лет гонял на все лады в голове — теперь его даже пожалеть можно...

— Не чувствуешь к нему ничего, кроме жалости? Ни капелюшечки? — спрашивает Варя и нелогично добавляет. — Ведь интересный человек. Необычный мужчина. Мне он кажется каким-то цельным, верным, справедливым.

— Справедливым?! — возмущаемся мы с рогатым, забавляющимся с пудреницей и пуховкой к ней. — Он через меня, а значит, и мне мстить хотел за то, что недоказуемо и, возможно, за то, что мой отец и не делал! А еще он на мне женился!

— Это преступление! — неожиданно саркастически поддерживает мое возмущение Сашка. — И как посмел только!

— Так... — подозрительно тяну я. — Разыгрываете или издеваетесь?

— Разыгрываем! — хихикает Варя.

— И чуть-чуть издеваемся! — поддакивает Сашка.

— Меняем тему! — команду я, сгоняя силой мысли маленького нахала, обозвавшего меня жадиной, с туалетного столика. — У вас что нового и важного?

— У меня Портной активизировался! — потирает руки Сашка. — Обложил со всех сторон! Каждый рабочий день — битва на выживание.

— За что боретесь? — улыбаюсь я.

— За меня в его постели, — громким страшным шепотом делится секретом боевая подруга.

— Шансы? — по-деловому интересуюсь я.

— Нулевые! — провозглашает Сашка, стукнувшись кулачками с Варькой.

— Чего ж радуешься? — с любовью спрашиваю я, снова чувствуя, как скучаю по нашему живому общению. Хоть скайп, хоть телефон — всё не то.

— Драйву. Победе. Жизни, — серьезно шутит Сашка. — Мужик держит меня в тонусе! Спасибо ему за это! А то у Варьки всё включено с рождения: генетика крутая, талант немереный, любовь великая. У тебя, Лерка, красоты, ума, порядочности на десятерых выдано, да тебе одной досталось. А у меня, обделенной по всем статьям, всё на оптимизме держится!

— Трепло! — хлопает Сашку по плечу Варя и недовольно обвиняет, заводясь с каждым словом. — Как ты так можешь? Сама же не пускаешь никого в свою жизнь! Как и Лерка! Буки! Сидят две красотки на попе ровно, а весь мир им чего-то должен!

— Не заводись! — успокаивает ее Сашка, мне подмигивая. — Сама Макса у всего мира отбила, а таких, как он, больше нет!

— Ой! — морщится Варька. — Только не свистите, мастера художественного свиста, что вам мой Макс нужен! У вас до меня шесть с половиной лет было, чтобы его себе выбрать! Чего розы нюхали?

— Он тебя ждал на режиме энергосбережения. Даже на Сонечку Игнатову не реагировал! — дразнит Сашка Варю. — Ты в наш класс приперлась — и всё! Тебя заклинило, его заклинило. Чего ж мы лезть будем? Конечно... можно и отбить...

На лице у Вари растерянность, переходящая сначала в подозрительность, потом в ревность.

Мы смеемся долго, до слез, как будто нам не тридцать почти, а по-прежнему

двенадцать-тринадцать.

— Не дрейфь, Варюха! — успокаивает Сашка. — Если уж Макс на Лерку за всё это время не среагировал, то шансы у тебя высокие! На нее только мертвые не реагируют и Быстров.

— Ага! Еще Зорин и Жданов! — напоминаю я. — И Ермак!

— О! — вспоминает Варя, как всегда очень эмоционально. — Кстати, о Ермаке!

Мой личный чёрт зверски завидует такой человекохозяйке. Дурачок! Тут без шансов! У Варьки армия собственных тараканов, а они пленных не берут. Даже чертями.

Варя устраивается поудобнее и рассказывает:

— Мышильда всерьез возомнила себя его невестой. А он осторожный. События не форсирует. Время от времени ее в кино, в театр да по ресторанам водит. Не часто, но и не редко. На все семейные торжества приглашения имеет.

— И что? — перебивает ее Сашка. — Чем сестра невесты недовольна?

— Сестра невесты всем недовольна! — вспыхивает Варя. — Как Макс в отъезде, так Ермак у подъезда. Сидит в машине и на мои окна смотрит! Я в ателье к своей портнихе — он там. Я с Милой и Анной в кафешке встречаюсь — о! какая неожиданность! И Кирилл Ермак здесь! Случайно зашел.

— Надо в твоей родословной порыться, — серьезно говорит Сашка. — Или ведьмы были, или заклятие какое на тебе сошлось.

— А что Макс? — удивляюсь я. — Он куда смотрит?

— Я его от Ермака отвлекаю, как могу! — переживает Варя. — Мне Мышильда никогда не простит потерю такого жениха! Она с восемнадцати лет по нему сохнет!

— Ну... — предполагает задумчивая Сашка. — Тут не потерей жениха пахнет! Макс ему саму женилку или узлом завяжет, или оторвет к чертовой матери!

Услышав о своей матери, мой чёртик возвращается и прислушивается к разговору, мотивируя это тем, что речь идет о его близком родственнике.

— Давай мы с Ермаком поговорим? — предлагаю я Варе. — Мы с Сашкой. Как только я приеду. Или Игоря попросим.

— Лучше сразу Вовку, — грустно улыбается Варя. — Сам покалечит, сам и полечит. Хорошо. Я за вас с Сашкой, чтобы без кровопролития.

— С Сашкой и без крови? — сомневаюсь я, и мы опять смеемся.

— Значит, Леруся, три дня плюс прием — и ты дома? — спрашивает на прощание Варя.

— Очень на это надеюсь, — действительно, надеюсь я. — Но у меня плохое предчувствие. С тех пор, как я в Москве и «замужем», с каждого «приема» меня куда-нибудь вывозят, как переходящий красный вымпел.

Сашка с Варькой хитро переглядываются. Не к добру!

Три дня я провожу в доме отца, не отвечая на звонки и сообщения Верещагина, которые он отправляет регулярно. Симку больше не меняю. Нет смысла. Все сообщения спокойные, типа «Возьми, пожалуйста, трубку».

День приема посвящаю не только подготовке к нему, но и сбору вещей. Беру с отца слово, что сразу после приема, утром следующего дня, я уезжаю домой. Он это слово спокойно дает. Дает не только слово, но и Виктора Сергеевича в сопровождение. Аркадий Сергеевич убеждает меня, что поедем мы сложным путем: никаким Верещагиным не догадаться.

Когда я в длинном вечернем платье прямого покроя появляюсь перед отцом, он даже пугается.

— Лера! Верещагин, конечно, не приглашен на вечер. Но... Он там точно будет, можно не сомневаться. Для человека его уровня это нетрудно. Он может прийти с любым из сотен приглашенных, и Николай не посмеет его не пустить. Поэтому...

— Поэтому, — продолжает вслед за отцом Виктор Сергеевич, получивший сигнал кивком, — не волнуйтесь, я постоянно буду рядом.

— Спасибо, — спокойно благодарю я. — Надеюсь, что мне не придется через подвал или чердак отправляться к нему домой. Платье не располагает свободой для быстрых и широких движений.

Платье мое, действительно, не располагает ни к чему, кроме восхищения его неземной красотой. Черное, льнущее к телу, ласкающее кожу, с акцентом на кружевные вставки: треугольник на животе и верхней части груди, вся спина, длинные узкие рукава. Узор кружев тонкий, изящный, похожий на причудливый морозный узор, только черный.

Сложная вечерняя прическа удерживает мои волосы на макушке, полностью открывая шею и спину.

Для приема по случаю выхода своей книги Виноградов Николай Игоревич снимает огромный дворец культуры. Действо красочное, торжественное, помпезное. Мне приходится находиться рядом с отцом неотлучно, а значит, и с семейством Виноградовых. Андрей счастлив и не скрывает этого. Ада раздосадована, и это тоже не секрет. После пресс-конференции свободное общение гостей. Живая музыка, фуршетный стол, выступления артистов разных жанров. То поют, то фокусы показывают, то развлекают публику танцевальными номерами.

Виноградов-старший настойчиво приглашает в отдельный зал на более плотный ужин. Андрей предвкушает, Ада скрипит зубами, я считаю часы до свободы.

Я уже увидела и Елену Барон, и Екатерину Воронину с тем же спутником. Полкурятника здесь. Где же петух-индюк?

— Никита! — алым румянцем вспыхивает Ада, раскрасив лицо в цвет своего милого, очень короткого платья, открывающего взорам окружающих почти стройные ножки. Пару сантиметров до нижнего белья можно легко преодолеть силой мужского воображения. Смелая девушка...

Как так получается, что мы остаемся одни в наполненном сотнями нарядных людей зале? Находясь в добром десятке метров, он мгновенно находит меня острым карим взглядом, накаливает и уже не отпускает.

— Не волнуйтесь, Валерия Ильинична! — успокаивает меня Виктор Сергеевич. — Что бы это ни было: противопожарная сигнализация, настоящий пожар, угроза заложенного взрывного устройства, эпидемия чумы — вы от меня ни на шаг. Понятно?

— Думаете, что он предпримет такие радикальные меры? — нервно смеюсь я, чувствуя, что меня опять пробили. Вернее, пробил.

Черно-рыжее мракобесие сидит на фуршетном столе и смешивает напитки в замысловатые коктейли. «Украдет! — шепчет гаденьш. — Как пить дать, украдет! Кстати! Пить дать?» И протягивает высокий бокал с зелено-желтой смесью.

Принимаю взвешенное, взрослое, умное решение: не ходить по туалетам, лестницам, подсобкам, приклеиться к отцу и Виктору Сергеевичу, может, даже заставить охранника обнять себя или водить за ручку.

Чёрт накалывает на маленькие рожки кусочки колбасы и сыра. «Я бы ему сказал, что надеяться не на что! Обязательно сказал бы! Лично! А то потащится за нами к нашей маме!»

Я не успеваю возразить своему больному воображению, что мамы у нас с ним разные. С усилием забрав свой взгляд у Верещагина, выразительно смотрю на поющего артиста, когда слышу рядом знакомый смех, вызывающий ностальгическую тоску. Так умеет смеяться только Варька Быстрова. Черт возьми! Говорят, из врачей получают самые безобразные и безнадежные пациенты. Папа разорится на услугах Михаила Ароновича и взятках прессе.

— Лера! — окликает меня проклятый чертила голосом второй лучшей подруги, теперь Сашки.

Я разрешаю себе обернуться, схватив за локоть Виктора Сергеевича.

Уф! Я здорова! Варя и Сашка смотрят на меня, ласково улыбаясь. Две потрясающие молодые женщины, экипированные по номеру один.

Когда-то Сашка придумала эту нумерацию для наших эскапад: один — полный парад (лучшие наряды, прически и макияж, даже Лерка красится!), два — почти праздник (Лерка может второй раз надеть одно и то же платье и может не краситься!), три — (идем как есть, Лерка может даже в спортивном!), четыре — (Варя! Макс знать не должен! Клянись!)

После объятий и поцелуев, представлений подруг отцу и всему семейству Виноградовых мы отходит на полшага и начинаем говорить одновременно:

— Сюрприз! — Сашка.

— Ты рада?! — Варька.

— Очень! — я. — То-то вы так хитро кривлялись во время нашего последнего разговора!

— Мы решили приехать и уехать с тобой, — Варька.

— Чтобы точно без других сюрпризов! — Сашка.

— Умницы! — я. — Какие вы умницы!

— И красавицы! — сердито напоминает Сашка. — Будем у тебя поклонников воровать!

— Вариант номер один? — смеюсь я, радуясь так, как не радовалась уже давно.

Смущенные мордашки подруг заставляют меня насторожиться.

— Девочки?

— Если честно, — шепчет Варя в оригинальном зеленом платье, открывающем левое плечо и нежную ключицу. — То сегодня номер четыре!

— Да! Спонтанно! — защищается от моего пораженного взгляда Сашка, смахивая невидимые пылинки с рукава своего темно-синего платья, длина которого спорит с длиной платья Ады и побеждает в первой раунде. — Мы помочь хотим!

— А нам всем кто теперь поможет? — осторожно спрашиваю я и категорично заявляю. — Когда Макс меня допрашивать в пыточной будет, я уйду в несознанку. Дам письменные показания, что вас, дур, даже не знаю.

— Все уйдем! — беспечно машет рукой Варя.

— Я придумаю классную отмазку, — обещает неадекватная Сашка. — И потом... Мы завтра вернемся домой — он не узнает даже.

— Давай! Показывай своего Верещагина! — тербит меня нетерпеливая Варя.

— Чего показывать! — фыркает Сашка. — Я его уже вычислила. Вон тот породистый экземпляр с глазами сварщика-маньяка! Нас увидел. Недоволен!

— Если у него и были планы по твоему похищению, то он понял, что они провалились! — смеется Варя. — Трех девушек он похищать не будет.

— Почему? — не соглашается Сашка. — Я готова! Может, он на меня переключится? Нечего такими мужиками кидаться! Холостой. Богатый. Умный.

— Злой. Бессердечный. Мстительный, — напоминаю я, испытывая горячее желание зацеловать своих любимых «дур».

— Слушай! — ворчит Сашка. — С таким лицом и фигурой он может быть даже мормоном!

— Почему мормоном? — не понимаю я.

— Сашка считает мормонов многоженцами, — хихикает Варя, прикрывая изумрудно-сапфировые глаза. — Это уже давно не так! В конце девятнадцатого века их церковь это положение отменила.

— Жаль... — тянет Сашка, благодарно кивая официанту, предложившему бокал шампанского.

Верещагин продолжает смотреть на меня из глубины зала, не обращая внимания на Риту, висящую у него на локте.

— Вы же у меня ночуете? — строго спрашиваю я.

— Ну, если у Верещагина нельзя, то у тебя, — картинно вздыхает Сашка. — Напьемся и проболтаем до утра!

— Прекрасная программа! — поддерживаем мы с Варей.

Виктор Сергеевич сдержанно улыбается.

Спасибо за награды и звездочки! Особая благодарность подписчикам: это настоящее доверие автору!

*Женщина быстро сдается тому,
кого не любит, и долго сопротивляется тому,
кого полюбила, потому что с любимым мужчиной
ей хочется казаться хорошей,
а с нелюбимым
не стыдно показаться и плохой.*

Константин Мелихан

*Женщина, в целом, поддается дрессировке,
если, конечно, любит мужчину-дрессировщика.*

Бернард Шоу

Один из концертных номеров представляет из себя оригинальный танец русалок, которые соблазнительно двигаются между длинными узкими полосками переливающейся ткани цвета морской волны. Зрелище очень красивое, даже завораживающее. Отвлекаюсь и не замечаю, что мы уже не одни.

— Девушки! — к нам с широкой обаятельной улыбкой подходит Андрей Виноградов. — Мне кажется, что вы, все трое, финалистки конкурса красоты. Как же подружились три такие красавицы? Разве так бывает?

— Когда дрались за корону, — доверительно сообщает Сашка, беря Андрея под руку, и шепчет ему на ухо. — Я победила.

— А как же теория о страшненьких подругах? — смеется Андрей, оглядываясь на меня.

— Это та, согласно которой, надо окружать себя некрасивыми подружками, чтобы самой выглядеть на их фоне получше? Теория истинная и доказанная, — авторитетно сообщает ему Сашка. — Только Лерке с Варькой не говорите, расстроятся!

— Мы не претендуем! — веселится Варя, сверкая бутылочной зеленью глаз. — Мы с Леркой вице-мисс. Нас всё устраивает!

— Не обманывайте меня! — шутит Андрей, преследуя меня голубым внимательным взглядом и пытаясь заглянуть в мои глаза. — Мое предположение такое: вы избавляетесь от соперниц заранее. Действуете втроем.

— Как вы догадались?! — «паникует» Сашка. — Не выдавайте нас, добрый юноша!

«Юноша» недовольно морщится, огорчившись из-за намека на его молодой возраст.

— Юноша уже в том возрасте, что вполне способен не только оценить красоту по достоинству, но и на практике доказать силу и мощь своего восхищения ей! — пафосно шепчет Андрей на ухо Сашке, по-прежнему глядя только на меня.

— Не провоцируйте меня, Андрей! — чувственно шепчет в ответ Сашка. — Я женщина-вамп! Попадете на крючок — пожалее!

— Я жалею только о том, что не знал вас и Леру раньше, — действительно сожалеет Андрей, видимо, собравшийся весь вечер провести в нашей компании.

— Поверь, — улыбаюсь я младшему Виноградову. — Наше позднее знакомство — благо для тебя, а не огорчение. Наши мужчины несколько нервно относятся к другим мужчинам

возле нас.

— Наши мужчины? — низкий, густой голос Верещагина, и горячая волна возбуждения резко спускается с шеи в область лопаток, заставляя их сжаться, потянуться друг к другу, словно мне надо спрятать крылья.

Варя и Саша, не скрываясь, откровенно рассматривают Никиту, подошедшего к нам с Ритой, вернее, их почти приволокла к нам, стоящим в компании Виноградовых, возбужденная Ада. Внимательный, острый взгляд Верещагина останавливается по очереди на Варе и Саше. Варя очаровательно краснеет, Сашка этого себе позволить не может по умолчанию.

— Наши, — лукаво подтверждает свои слова Сашка, пряча хитрые глаза за бокалом шампанского. — Ревнивые. Строгие. Требовательные.

Варя восхищенно улыбается, понимая, что Сашка начала словесную игру. Упоминание о «наших мужчинах» вызывает любопытные взгляды Виноградовых и пристальную, адресную злость Верещагина. Злость усталую, беспомощную, обреченную.

— Женщина-вамп, Сашка, должна быть неотразима, абсолютно уверена в себе, взрывоопасна и призывно сексуальна! — тут же объясняет Варя.

— Спасибо за комплимент! — нахально благодарит Сашка. — Как с меня списано!

— Тогда добрый вечер! — приятный мужской баритон Верещагина с легкой хрипотцой звучит камертоном, настраивая мои мысли и эмоции на борьбу с ним же.

То, что Верещагин с Ритой подойдут к нам открыто, не ожидал даже мой отец.

— Добрый! — бодро отвечает за всех Николай Игоревич Виноградов, отлично держащий лицо.

— Привет! — млеет Ада, повиснув на локте Никиты с другой стороны, уравновесив фигуру «Мужчина и его восторженные поклонницы». — Вы опоздали!

— Это из-за меня! — мило смущается Рита. — Никак не могла найти вторую туфельку!

Мы все смотрим на «Золушкины» ножки, обутые в лакированные белые туфельки, вполне подходящие к белому брючному костюму.

— Нашла? — ядовито, не скрывая антипатии, спрашивает Ада.

— А ты не видишь? — недоброжелательно отвечает Рита, нахмурившись и посмотрев на Никиту с мольбой во взгляде.

Верещагин никак не реагирует на нее, потому что занят: он давит на меня тяжелым осуждающим взглядом темно-карих глаз.

— Лера! — мило, по-детски улыбается Рита, забыв об Аде и туфлях. — Ты гостишь у отца? Когда домой, к Никитону?

— Сегодня и поедем! — говорит Верещагин, усиливая силу давления.

— Папа! — встречает Ада, которая по-прежнему висит на локте Верещагина симметрично Рите. — Мы же приглашаем Никиту на ужин с нами?

— Конечно, приглашаем! — бодро реагирует на слова дочери Никита Игоревич, слегка виновато глядя на моего отца, спокойно застывшего и молчащего. — Будем рады!

— Благодарю, — сухо отвечает Виноградову-старшему Никита, но и не отказывается.

Встречаюсь взглядами с отцом. Он кивает, показывая мне, что волноваться не о чем. Ужин накрыт в отдельном помещении, куда мы приходим довольно большой компанией: я с отцом и двумя подругами, свалившимися как снег на голову, все Виноградовы и Верещагин с Ритой. Виктор Сергеевич застывает в дверях. Охрана Виноградова и Верещагина остается за дверью.

— Поздравляю, Николай Игоревич! — желчно говорит Никита, помогая Рите сесть за стол. — Прекрасная презентация. Книгу прочту обязательно.

— Рад! — растерянно отвечает Виноградов-старший. — Будет интересно услышать твой отзыв.

— Непременно, — Верещагин садится рядом с Ритой и Адой, но смотрит на меня.

— Девушки! — обращается к моим подругам Никита Игоревич. — А как вам моя презентация?

— Очень... стильно! — откликается Варя, и я могу спорить на любую сумму, что сейчас она под столом сжимает Сашке колено, чтобы та не вставила никакое ехидное замечание.

— Навещаете подругу? — вдруг обращается к девчонкам Верещагин, подозрительно глядя на Варю и Сашу.

— Соскучились, — призывно, волнуяще улыбается ему Сашка. — Да и обстановку сменить захотелось. А то у Лерки сплошные приключения — нам же завидно!

— Оставайтесь! — неожиданно радушно приглашает мой отец. — Я обеспечу вам совершенно необыкновенную развлекательную программу.

— Готов подействовать! — подключается Андрей, не обращая внимания на недовольный взгляд младшей сестры.

Верещагин на миг прикрывает глаза и открывает их, направляя горячий недобрый взгляд на Андрея. Андрей демонстративно выпрямляет спину и дерзко смотрит на Никиту в ответ.

Официанты начинают выносить блюда. Все отвлекаются и делают выбор.

— Вау! — восторженно, возбужденно шепчет Сашка. — Будет интересно! Варька! Может, останемся все вместе на пару деньков?

— Я не могу! — испуганный шепот Вари смешит Сашку и меня. — Максим тогда узнает, что я уехала, его не предупредив. Они все меня сдадут! И Михаил Аронович, и консьержка, и мои родители. Даже Мышильда сдаст: она, как мороженка, тает, стоит Макс к ней только обратиться.

Перспектива встретиться с разозленным Максом вызывает у Сашки только смелую улыбку.

— Давай, Варя! Столько впечатлений получим, наблюдая за битвой самцов! — уговаривает Сашка. — Эти двое за Лерку биться будут, а отцы семейств ее защищать. Это же так впечатляюще! У меня из развлечений только приставания Портного. Скучно. Привычно. Предсказуемо.

— Осторожно! — предупреждаю я разошедшуюся Сашку. — Я своего согласия на это не давала. Я домой хочу. Так что без самостоятельности! Пусть они все тут остаются — а мы домой!

— Тяжелые вы на подъем! — капризно жалуется Сашка. — Вот раньше Варька с Вовкой отмочат что-нибудь — загляденье! Весело, неожиданно, креативно!

— Ага! — хихикает Варя, церемонно разглаживая салфетку и отказавшись от мясной закуски, предложенной официантом. — Не ты ли меня воспитывала после наших с Вовкой примочек? И жужжала, и зудела...

— Была не всегда права! — быстро сдается Сашка. — Лишала и себя, и тебя простых радостей жизни!

— Я не могу! — улыбается Варя и цитирует Пушкина. — Я другому отдана и буду век ему верна!

— Не ожидала от тебя такой прыти, — улыбаюсь и я, обращаясь к Сашке. — С чего это вдруг такая активность?

— Возраст! — зловещим шепотом сообщает Сашка. — Тебя, Лерка, это тоже касается. У нас из удачно пристроенных одна Варька!

— Предлагаю тост за Николая Игоревича и его книгу! — громко провозглашает мой отец, подняв первый бокал. — Рад за тебя и нас всех! Поздравляю!

Звон бокалов. Улыбки. Поддерживающие реплики. И тяжелый взгляд Верещагина, которым он успеваешь давить и на меня, и на мужчин Виноградовых, и на Вяземского.

— Б-р-р-р! — поводит плечами Сашка и снова шепчет, пользуясь тем, что мы сидим на противоположной стороне огромного стола, достаточно далеко от Виноградовых и Верещагина. — Вот это взгляд! Приговор! Я недооценила противника. Надо валить домой. Сожрёт и не подавится. Может, ты права, Лерка! Он тебе не пара.

— А кому она пара? — громкий вопрос Верещагина застаёт нас всех врасплох. Сашка даже вздрагивает.

— Читаете по губам? — ехидно спрашивает она моего "бывшего мужа". — Не думаю, что вы могли услышать то, что я сказала не для ваших ушей.

— Всё, что касается моей жены, относится и ко мне, — пожимает плечами Верещагин. — Так что... Да. Я умею читать по губам.

— Бывшей жены, — вклиниваюсь я, позорно не выдержав и стараясь не смотреть на чёртика, сидящего на спинке стула Никиты и болтающего копытцами.

— Бывшей? — в голубых глазах Ады сияние всех звезд Вселенной.

— Вы развелись? — в вопросе Андрея радость и недоверие.

— А что случилось? — удивляется Николай Игоревич.

— Никитон! Это правда? — пораженная Рита даже хватается его за руку.

— Моя жена, как и все красивые женщины, просто капризничает, — спокойно отвечает на все вопросы Никита, мягко освобождаясь от крепкого Ритиногo захвата. — Она одумается, и всё нормализуется.

— Одумается?! — вежливо интересуюсь я, а мой личный чёрт разочарованно вздыхает, огорчаясь из-за того, что я тоже спокойна и эмоционально выдержанна.

— Я подожду, — обещает Верещагин при всех, смущая Аду, восхищая Варьку и Сашку, раздражая Андрея и моего отца, удивляя Риту.

— Как будет угодно! — отвечаю я на вызов, и все начинают преувеличенно безразлично копаться в своих тарелках.

— Я не понимаю! — звонкий голос Риты заставляет всех поднять головы и посмотреть на нее. — Я не понимаю, что же произошло? Почему? Лера! Ты обиделась на Никитона? Никитон! Ты теперь снова можешь жениться? Жениться на другой?

— Я обязательно женюсь, — отпивая глоток воды, обещает ей и всем Верещагин. — И скоро. И на Лере.

Первый раз в жизни слышу скрип собственных зубов. Рыже-черное чудовище даже стонет от счастья, что пробило мою хлипкую защиту. Рано радуешься! У меня с тыла подкрепление подошло.

— Какой вы, однако, самонадеянный мужчина! — фальшиво вежливо хвалит Никиту Сашка. — У нас на Лерку совершенно другие планы!

— Другие! — подтверждает включившаяся в игру Варя, награждая слушающих ее блеском фантастически красивых зеленых глаз, беря в плен своим удивительным тембром и

заканчивая фразу в стиле заправской свахи. — Наша Лера достойна лучшего!

— Достойна лучшего — получит лучшего, — глядя на Варю и Сашу, заявляет Верещагин, вступая в открытый бой.

Я буквально чувствую вибрацию, которая охватывает его тело, несмотря на то, что Никита сидит так далеко от меня. Но самое удивительное то, что мое тело подрагиванием тут же синхронизируется с этой вибрацией.

— Уходить будем катакомбами и на рассвете, пока противник спит! — шепчет нам Сашка, пряча рот за салфеткой.

— Лучше вертолетом и ночью, — советует Варя. — И мне домой пораньше, и от погони уйти легче!

— Веселитесь? Издеваетесь? — подозрительно спрашиваю я и предупреждаю. — Вы со мной в одной связке теперь!

— Не вопрос! — успокаивает меня Сашка и обещает. — Всё и всегда вместе. Этого делить будем?

— Дурочка! — смеюсь я в бокал с шампанским.

— Спорное утверждение! — весело не соглашается Сашка. — Золотая медаль и красный диплом у кого?

— Не у меня, — отнекивается Варя.

— Не у меня, — подтверждаю я.

— Вот! — ставит точку Сашка.

— А я читала, — лукаво говорит Варя, элегантно держа в левой руке бокал, — что количество и качество образования не делает человека умнее. Самые известные шизофреники — люди с блестящим образованием, учеными степенями и даже гениальными открытиями.

— Завтра приглашаю всех вас на спектакль. Премьера. Считайте это моим подарком, — говорит Николай Игоревич, оглядывая своих гостей добрым и умным взглядом. — Всем вам пришлют билеты завтра утром.

Ужин продолжается. Я прекрасно держу себя в руках. Рогатое недоразумение куда-то исчезает. Сашка усыпляет бдительность Верещагина и остальных дополнительными вопросами: А какой театр? А какой спектакль? А кто режиссер? А каких известных актеров мы увидим?

Варя одобрительно кивает, радуясь находчивости Сашки. Всем нам будет лучше, если Никита не помешает нашему отъезду.

Разговоры за ужином касаются безопасных тем и текут плавно, неспешно, интеллигентно. Обсудили уже и книгу Виноградова, и ее презентацию, и театральные премьеры этого сезона, и новинки кино, и осеннюю охоту, и подаваемые блюда.

— Девушкам пора! — вдруг говорит мой отец, вставая и вежливо объясняя. — Лерины подруги с дороги. Отдохнуть надо, наболтаться. Завтра в театре увидимся.

Верещагин напрягается и подается вперед, но через пару секунд расслаблено откидывается назад. Теперь это напрягает и меня. Если Верещагин расслабился — мне надо быть начеку.

— Охрана проводит вас в машину, — обращается ко мне отец, когда мы спускаемся в фойе. — Устраивайтесь. Завтра утром поговорим, и Виктор с Аркадием объяснят, как именно вы поедете домой.

— Круто! — благодарит Сашка. — Я такое только в пятилогии о Джейсоне Борне

видела! А нам положены рации?

— Я подумаю, — улыбается Сашке отец, целует наши руки и возвращается к Виноградовым и Верещагину с Ритой.

Передвигаемся под усиленной охраной к парковке. Внимание Виктора Сергеевича привлекает отреставрированный роллс-ройс.

— Не может без пижонства! — осуждающе качает он головой, открывая заднюю дверь и жестом предлагая нам садиться.

Трое вооруженных людей в черной форме с надписью «Полиция» на спинах отсекают меня от остальных. Еще четверо берут в кольцо, и я ощущаю себя либо ценным свидетелем преступлений мафии, либо известным коррупционером, наконец-то взятым с поличным. Виктор Сергеевич, успевший достать оружие, мгновенно разоружен и положен на землю. Пятеро его охранников красиво лежат рядом, образовав вытянутыми телами своеобразную ромашку.

Глаза Вари и Сашки соперничают размером с современными жидкокристаллическими экранами телевизоров-гигантов. Сашка красная от страха и злости, Варя бледная. Я спокойна: никакая придумка Верещагина больше меня не удивит. Надеюсь, в это время по его нелепым, недоказанным обвинениям не арестовывают моего отца. Молодец! Прекрасный способ стать ближе к понравившейся девушке!

Запах хлороформа и ткань цвета морской волны — мой последние воспоминания перед потерей связи с реальностью.

Лежать удобно и мягко. Кружится голова. Тело слегка подбрасывает толчками снизу. Открываю глаза: надо мной серый полукруглый верх автомобиля с двумя тускло горящими овальными лампами. Похоже на внутренности «Газели». Хочу ощупать себя руками, но не могу их поднять. Взгляд вниз: мое тело обмотано гигантским количеством ткани цвета морской волны. Вспоминаю, что именно в этих волнах танцевали русалки. Скашиваю глаза в стороны. Право... Лево... Рулоны похожей ткани.

Запеленали меня не туго, поэтому минут через десять-пятнадцать мне удастся освободиться.

— И мне помощи! — ворчит тканевый рулон справа голосом Сашки. — И зачем я про Борна вспомнила и ляпнула!

На коленях подползаю к рулону и вижу веселые глаза подруги.

— С тобой всё в порядке? — волнуясь я так, что дрожат мои руки, которыми я помогаю Сашке распеленаться.

— Красиво оформляют сейчас задержание! — сквозь зубы говорит Сашка, поправляя свою короткую юбку. — Просто новаторство какое-то! Что это было? Хлороформ?

— Думаю, да, — соглашаюсь я, садясь на пол, на мягкий матрас, рядом с Сашкой. — Наркотическое вещество сильнее эфира. Действует быстрее наркоза и расслабляет мускулатуру. Токсично.

— Потрясающе! — ехидно отвечает мне Сашка, сверкая карими глазами, так идущими ей, блондинке с короткой эффектной стрижкой. — Тебе такой драматический арест не кажется странным?

— С чего ты решила, что это арест? — вздыхаю я, продолжая себя ощупывать и не находя никаких повреждений. — У тебя что-нибудь болит?

— Нет, только чешется, — фыркает Сашка, потирая голые колени.

— Колени чешутся? — беспокоюсь я. — Дай посмотрю. Может, у тебя аллергическая реакция.

— Руки у меня чешутся! — грустно смеется Сашка, поднимая на меня глаза и поправляя прядь моих волос, выбившуюся из испорченной прически. — Верещагина первая не трогай! Он мой!

— Не обещаю! — действительно не обещаю я.

— Хичкок хренов! — ругается моя стойкая подруга. — Ты посмотри! И полицию подкупил!

— Это могла быть и не полиция! — возражаю я. — Это могла быть и его переодетая охрана.

— С автоматами? — сомневается Сашка, и я тоже начинаю сомневаться.

Я понимаю, что она, как и я, совершенно не напугана, а только разозлена. Мы пару мгновений удивленно смотрим друг на друга, потом начинаем хохотать, одновременно замолчав и синхронно испуганно прокричав:

— Варя!

— Вспомнили! — обиженный голос Варьки слышен глухо, словно она где-то далеко.

Варька обнаруживается под многочисленными рулонами, тоже завернутая в несколько слоев.

— Нас украли? — бодро спрашивает она. — Верещагин?

— Надеюсь, что он, — задумчиво отвечает Сашка, и мы вдвоем ощупываем Варьку со всех сторон.

— Со мной всё в порядке! — клянется она. — Боже! Как интересно! Как в последней книге Милы! Герой похищает героиню, увозит ее спящей на необитаемый остров в замок и уговаривает ему отдаться.

— Занимательно! — рычит Сашка. — Кто первой будет отдаваться?

— Не я, — мягко отвечает Варя. — Я не могу. Я замужем.

Мы с Сашкой встречаемся взглядами, и смеховая истерика начинается снова.

— Воп-рос... вре-ме-ни... — еле-еле выговаривает Сашка. — Я ему не завидую!

Я смеюсь до икоты и боли в животе.

— Я бы тоже посмеялась, — просит нас Варька. — Если бы вы объяснили, над чем.

— Грош цена всем его двухлетним наблюдениям! — выдыхаю я, успокаиваясь. — Последний, кого надо было похищать, это Варька.

— Ее надо было аккуратненько оставить там! — поддакивает Сашка, вытирая слезы смеха. — Из-за тебя тушь потечет!

— Из-за меня? — возмущается Варя.

— Не волнуемся! — командует успокоившаяся Сашка. — Сидим на попе ровно. Ждем Макса!

— Макса?! — пугается Варя. — Он меня убьет!

— Сначала он убьет Верещагина, потом нас с Леркой, а потом тебя... поцелует, — зловеще предрекает Сашка.

Мы сидим на мягких толстых матрасах, которыми устлан пол автомобиля. Машина движется быстро, и время от времени нас подбрасывает.

— Будем долбиться в стены или подождем? — по-деловому спрашивает нас Сашка.

— Подождем, — отвечаю я, начиная злиться на этого твердолобого мужлана, который распоряжается мной и моей жизнью, как своей. А теперь еще и самых родных и дорогих мне

людей впутал в наши непростые отношения.

— Маньяк! — удовлетворенно констатирует Сашка. — А я говорила!

— Он влюблен и борется! — «адвокат» Быстрова говорит быстро и горячо. — Смотрите, как нас аккуратно упаковали! Тут чисто. Матрасы мягкие. Завернули в ткань. Ни веревок, ни кляпов.

— Сумочек нет и телефонов, — вспоминаю я. — Я бы кофе с коньяком выпила...

— Это понятно. Всё-таки похищение силами полиции или ряженых! — грустно смеется Сашка. — Несolidно как-то телефоны оставлять и кофе пить.

Машина резко останавливается. Мы застываем и беремся за руки. Вот сейчас я выскажу этому Верещагину всё, что накопилось у меня за эти недели. И пусть филолог Варя, интеллигент в десятом поколении, не удивляется языковым способностям лучшей подруги. Накопилось! Сашка оценит — я знаю.

Двери распахиваются. Карие глаза на суровом мужском лице выхватывают меня и безэмоционально осматривают с головы до ног.

— Обалдеть! — стонет Сашка и недоверчиво восклицает. — Сергей-Филипп?!

Перед нами мой личный кошмар, преследующий меня с того памятного бала в суворовском училище.

— Сергей! — восклицает удивленная Варя. — Это вы?!

— На «вы» его еще называть! — возмущается Сашка. — Что за цирк ты устроил, Сережа?

Сергей-Филипп ничего не отвечает. Неспешно оглядывает всех троих и молча закрывает дверь.

Когда машина снова трогается с места, Сашка оторопело спрашивает нас:

— А чего мы не ломанулись на выход?

— У него кулаки с мою голову, — устало отвечаю я, почувствовав страшную апатию.

— И что? — не понимает меня Сашка. — Неужели бы он стал тебя бить? Бред!

— Меня, возможно, и не стал бы... — пожимаю я плечами.

Разочарование от того, что это не Никита, окутывает ознобом.

— И нас не стал бы! — тут же возражает Варя. — Он не такой...

— Траванул бы хлороформом еще разик! Только и всего! — Сашка снова трет голые колени. — Что делать будем?

— Он нас отпустит или нас спасут, — сообщает Варя, словно заканчивает сказку, которую начала рассказывать нам раньше.

— Ну... — предполагаю я. — У нас теперь спасателей или спасителей на одного больше. Кроме Макса и моего отца, еще и Верещагин.

— Прекрасно! Чудесно! Замечательно! Великолепно! — восклицает Сашка и вытягивается на матрасе. — Ложитесь, дамы! Отдохнем перед битвой!

Совсем скоро машина снова останавливается. Теперь двери открывают двое мужчин в камуфляже с закрытыми лицами. Сергея-Филиппа я не вижу.

— Разбудите меня после этой серии! — стоном просит Сашка. — Лерка! Может, ты какой государственный секрет знаешь?

— Выходите, пожалуйста, — глухим голосом просит мужчина, тот, который выше, но уже в плечах, чем второй, низкий, широкоплечий. — Аккуратно, не споткнитесь!

Переглянувшись, мы выбираемся из автомобиля, опираясь на поданные для помощи сильные руки мужчин.

— Прошу, проходите в дом! — вежливо просит Высокий, а Широкий показывает рукой на крыльцо единственного дома, окруженного огромным, наверное, четырехметровым забором.

Двенадцать ступенек. Через холл первого этажа нас ведут на второй и заводят в комнату с большой кроватью и накрытым столом. На столе чайник на мармите и тарелки под высокими пузатыми крышками.

Когда за Высоким и Широким закрывается дверь, Сашка бросается к окну.

— Не открыть! — констатирует она, обшарив раму.

— И не разбить! — подтверждает Варя, постучав по толстому стеклу.

— Простите, девчонки! — искренне прошу я, сев на край кровати.

— Зачем он это сделал? — не понимает Сашка. — Ну, украл бы одну Лерку. Мы-то ему зачем? Он же понимает, кто за всеми нами стоит? Он же знает, кто такие Быстров, Верещагин, Вяземский.

— Я бы и Жданова не исключала! — советует Варька, с любопытством поднимая с тарелок крышки и разглядывая еду. — О! Курочка жареная! Брокколи, картошечка, колбаска... Как вы думаете? Это всё можно есть?

— Ты есть хочешь? — удивляется Сашка.

— Нервничаю... — пожимает плечами Варя, отправляя в рот кусок колбасы. — Вряд ли отравлено. Ему и незачем...

— Ешь! — разрешает Сашка, продолжая размышлять. — Да. И Жданов тоже. Лерка! Твой Сергей-Филипп — псих конченный!

— Мой? — возмущаюсь я. — Он Варькин! Может, он ее из-за того поцелуя украл? Как пить дать, он его забыть не может!

— Очень смешно! — морщит носик Варя, смело располагаясь за столом и жуя кусочек сыра. — Садитесь пить чай! Горячий. С дороги полезно.

— Твоя правда! — поддерживает ее Сашка и, схватив меня за руку, тащит к столу. — Пьем чай!

И мы действительно пьем чай. Молча и сосредоточенно. Я знаю, что Сашка просчитывает несколько десятков вариантов освобождения собственными силами, Варька прикидывает, как будет оправдываться перед Максом. Я же жду. С ужасом понимая, что жду... Верещагина.

И пусть он придет за мной немедленно!

После короткого стука открывается дверь в комнату. Смешно... Вежливый похититель Сергей-Филипп... Но вместо него через порог переступает Николай Игоревич Виноградов.

Глава 20. Приключения. Начало

Первый вздох любви — это последний вздох мудрости.

Антони Брет

*Если однажды меня не окажется рядом с тобой,
запомни: ты храбрее, чем подозреваешь,
сильнее, чем кажешься,
и умнее, чем ты думаешь.
И еще кое-что — я всегда буду с тобой,
даже если меня не будет рядом.*

Алан Александр Милн

Я смотрю на элегантного, почти хрупкого, невысокого мужчину с добрыми голубыми глазами спокойно: не успела придумать, почему стоит испугаться. Варькины зеленые глаза горят любопытством: она даже наклоняет голову, потрянув кудрями, чтобы лучше рассмотреть уже знакомого ей человека. Сашка смотрит пристально, жестко, время от времени переводя взгляд с мужчины на тяжелые предметы в комнате.

— Не припоминаю, чтобы вы просили о продолжении вечера в приватной обстановке, — иронично выгнув бровь, бодро говорит Сашка. — И почему сразу троих? Не смогли выбрать или любите погорячее?

Николай Игоревич улыбается на Сашкину реплику с благородным достоинством, но ничего не отвечает. Голубые глаза не отрываются от моего лица.

— Сыр неплохой! — хвалит угощение Варя, отправляя в рот кусочек сыра, который она искупала в жидком меде. — И виноград чудесный!

Варя берет гроздь нежно-зеленого винограда и, деликатно отщипывая ягодки, ест их.

— Лера... — в интонации Виноградова-старшего тоже жидкий мед. — Валерия Ильинична! Мне нужно было поговорить с вами без свидетелей. Ни Илья, ни Никита не поймут меня так правильно, как это сможете сделать вы.

— Других способов встретиться со мной вы не придумали? — спрашиваю я, мучительно думая, каким образом в этой странной истории участвует кошмар моей школьной юности — Сергей-Филипп.

— И почему без свидетелей? — капризно спрашивает Варька.

Изумрудные глаза подруги детства блестят в предвкушении... Чего? Словесной баталии? Приключений? Вспоминаю, на какие выходки Варька с Вовкой были способны в детстве и мысленно улыбаюсь. Чувства страха и ощущения опасности по-прежнему нет. Почему?

— Судя по тому, как именно мы были сюда приглашены и доставлены, от свидетелей вы будете избавляться? — спрашивает Сашка, вытягивая ноги и снимая, наконец, туфли на высоком каблуке.

— Свидетелей чего? — вдруг задает вопрос Варька. — Похищения? Или у вас, кроме статьи сто двадцать шестой УК РФ, наполеоновские планы на сто двадцать седьмую? На все три части?

Улыбаюсь, оценив юридическую шутку жены адвоката Быстрова.

— Я могу пригласить вас на конфиденциальный разговор? — настаивает Николай Игоревич, не ответив на слова моих подруг и глядя на меня.

— Я могу быть уверена, что с Сашей и Варей всё будет в порядке? — отставляю чашку ароматного чая.

— Даю слово, — без пафоса, устало говорит мужчина, слегка отодвинувшись и показывая мне путь на выход. — Девушек, конечно, придется ненадолго закрыть, но вы скоро к ним вернетесь. Вы все очень скоро вернетесь домой.

— Значит, не наша земная красота — причина похи... приглашения? — Сашкин сарказм оценила только Варя, подмигнув подруге.

— Увы и ах... — разводит руками Виноградов, впервые за это время отреагировав на кого-то, кроме меня.

Выхожу из комнаты в широкий коридор. За дверью Высокий и Широкий с закрытыми лицами. Николай Игоревич галантно распахивает дверь напротив, заводя меня в большую светлую комнату с окнами в пол. Что-то вроде библиотеки: глухая стена закрыта высокими полками с книгами. Это многотомники с темными корешками. Большой стол, пара кресел. Скупое, по-деловому, по-мужски.

Сажусь в кресло и молча смотрю на нашего похитителя. Он совершенно невозмутимо выдерживает мой взгляд, садясь в кресло напротив.

— С вами и вашими подругами всё в порядке? Никто не пострадал? — вежливо интересуется он, словно старый знакомый спрашивает меня о моих делах.

— Зачем я вам? — спрашиваю я, игнорируя его вопрос.

— Если хотите, я приглашу к вам врача, чтобы он осмотрел всех троих, — теперь он меня игнорирует.

— Это как-то связано с гибелью родителей Риты и собаки Верещагина? — продолжаю я.

— Вы молоды, красивы, и я переживаю, что у вас могут быть какие-нибудь травмы, — продолжает он.

— Наши травмы — меньшая из ваших проблем, — всё-таки отвечаю я на его последний вопрос.

— Я понимаю, — неизменно вежливо кивает мне Николай Игоревич. — Вы думаете, что вас ищут и обязательно найдут рано или поздно здесь. Поверьте, это будет не скоро. Я отпущу вас гораздо раньше, если мы договоримся.

— Давайте договариваться, — киваю уже я. — Что именно нужно вам от меня?

— Коньяк? Вино? Ликер? — быстро спрашивает он, вставая и отходя к установленному в стенной нише бару.

Рука его, открывающая замочек бара, слегка дрожит. Не так уж он спокоен, каким хочет мне казаться.

— Коньяк, — вдруг соглашаюсь я, неожиданно и для него, и для себя.

— Рекомендую, — Николай Игоревич ставит на стол коньячные рюмки и бутылку. — «Vieille Reserve». Элитный сорт. Выдерживается от двадцати до тридцати лет, содержит до ста пятидесяти спиртов возрастом от десяти до семидесяти лет. Илья подарил. Ваш отец.

Виноградов наливает янтарно-золотистую жидкость и подает мне рюмку. Нежный цветочный аромат успокаивает, быстро сменяясь на аромат дорогого белого вина. Опускаю язык в коньяк — вкусовые рецепторы взрываются восторгом сладости белого изюма. Грею

рюмку в руках: добавляются нотки травяного бальзама и свежего персика.

Николай Игоревич неспешно пьет свой коньяк, глядя на меня с легким беспокойством. Во рту ненадолго появляется вкус свежей сливы. Он приходит и уходит, а на его место выплывают вкус и запах цветочного меда. Втягиваю носом потрясающий аромат и почти замираю от неожиданности: чувствую запах белой розы.

— Вкусно! — против воли сознаюсь я, катая во рту второй глоток.

Теплая, густая, маслянистая сладость дубовой бархатистости уступает терпкости и вкусу какой-то специи. Какой именно — догадаться не могу. Странную шутку играет со мной стресс: мне нравится — так и спиться недолго.

— Мне не нужно от вас ничего особенного, — аккуратно начинает разговор Виноградов и решается, начиная говорить многословно и горячо. — Вам ничем не придется поступаться. Мне жизненно необходимы именно вы. Вернее, ваше влияние на отца и фиктивного мужа.

— Фиктивного? — переспрашиваю я автоматически.

— Я знаю о вас почти всё, — кивает Николай Игоревич, расслабившийся, успокоенный моими спокойствием и выдержкой. — Я знаю об амбициях и целях Никиты. Я наблюдал за вами.

Верещагин наблюдал за мной. Виноградов наблюдал за Верещагиным. Но похитили меня и моих подруг.

— Илья очень любит вас, — напоминает мне Виноградов. — И Никита влюблен так сильно, как может любить сорокалетний мужчина, почти разочаровавшийся в жизни, женщинах и любви.

Я не отвечаю. Жду, не перебивая и не возражая. Николай Игоревич наклоняется ко мне и продолжает:

— Я знаю, что отец вам всё-таки дорог, хотя вы и выросли вдали от него. Я знаю, что Верещагин вам не нужен ни в качестве мужа, ни в качестве жениха.

Делаю третий глоток и прихожу к мысли о том, что попрошу отца подарить мне такой же коньяк. Нет! Заставлю Верещагина подарить мне такой же, в наказание за долгое его ожидание. И напьюсь. Первый раз в жизни.

— Недоверие и подозрение Никиты не позволили мне обратиться к нему. Но одно несомненно: он не станет выносить сор из избы. Это вредно, катастрофично в наше время для честного бизнеса, не говоря уже о политике, — Виноградов внимательно, цепко вглядывается в мои глаза, ловя малейшие оттенки эмоций.

— Я вынесла сор, которого вы боитесь? — смело уточняю я. — О Ковалевских, старшем Верещагине?

— Еще не вынесли, поэтому я и пригласил вас на разговор, — мягко отвечает Николай Игоревич. — Моя карьера развивается настолько стремительно, что я не могу рисковать.

— Это я понимаю, — действительно понимаю я. — Но вы не можете не понимать, что подобным «приглашением» поставили себя в опасное положение.

— О вашем пребывании в моем доме никто не узнает, — ласково говорит Виноградов. — Я не буду об этом рассказывать. Вы не будете. Всё хорошо.

— Вы реально думаете, что нас не будут искать? — искренне удивляюсь я. — Мои подруги. Они со мной. Вы успели узнать подробности их жизни, чтобы сейчас так спокойно рассуждать об отсутствии последствий?

— Вы имеете в виду их семьи? — уточняет Николай Игоревич. — Перед ними за всё ответит Верещагин. Нам же с вами его не жаль? Или я ошибаюсь?

— Не жаль, — соглашаюсь я, переставляя в уме отдельные пазлы, никак не получая отчетливого рисунка. — Ближе к делу, пожалуйста.

— Ваша задача — не дать отцу и бывшему мужу заниматься делом Ковалевских, делом Алексея Верещагина, — жестко говорит Виноградов. — Не дать прямо сейчас, когда я вас отпускаю. Чтобы решить мои проблемы, надо действовать быстро и срочно. Вы уже зашли слишком далеко.

— Это вы отравили Ковалевских? — спрашиваем мы вдвоем, я и четвертый глоток коньяка.

— Нет, конечно! — спокойно отвечает Виноградов, подливая себе и мне чудесный алкогольный напиток, поклонницей которого я стала на раз-два-три. — Имея такой груз в прошлом, я никогда не решился бы на политическую карьеру.

— Тогда кто? — нас с коньяком такой ответ не устраивает.

— У Илья есть своя версия, у меня своя, у Никиты третья, — пожимает плечами Николай Игоревич и неспешно объясняет, словно добрый учитель ученику с задержкой умственного развития. — Но ни одну из них мы не будем перепроверять. По крайней мере, сейчас. Всё решено много лет назад. Не надо ничего ворошить. А ворошить начали вы. Вы всех переполошили. Вы внесли сомнения в стройные рассуждения Никиты. Скоро это выльется наружу. Что-нибудь пронюхают СМИ. Тем более возле Никиты эта журналистка Барон вертится постоянно... В моем случае даже дым без огня крайне вреден и недопустим.

— И поэтому вы нас похищаете? Чтобы было тихо? — не понимаю я. — Странно... А моя охрана?

— А что с вашей охраной? — вежливо интересуется Виноградов.

— Вы разоружили ее. Уложили лицом на асфальт пятерых охранников. Наружные камеры всё записали. Как вы это скроете? Мой Виктор Сергеевич... — пытаюсь доходчиво объяснить я, но меня перебивают.

— Войди! — кричит Николай Игоревич.

Дверь в кабинет открывается — и на пороге появляется Аркадий Сергеевич. Он вежливо склоняется в приветственном поклоне. Он в другом костюме, черном, таком же великолепном, как и все предыдущие, сидящем изумительно элегантно.

Я не успеваю спрятать пораженного выражения лица, поэтому и не стараюсь казаться равнодушной.

— Валерия Ильинична! — мягко окликает меня начальник охраны моего отца. — Надеюсь, у вас всё в порядке?

Впервые в жизни мне хочется выкрикнуть в лицо другого человека странное слово «предатель!», так я разочарована и раздавлена.

— Виктор Сергеевич? — тихо спрашиваю я Аркадия Сергеевича.

— С ним всё в полном порядке! — уверяет меня мужчина.

— Он... как и вы... он с вами? — выстраиваю я цепочку из слов, не сумев соединить их в предложение.

— С ним всё в порядке, — повторяется Аркадий Сергеевич. — Ваш отец, Никита Алексеевич, Ада Николаевна и Андрей Николаевич уверены в том, что вы с подругами уехали, чтобы спрятаться от Никиты Алексеевича, продолжающего вас преследовать. Пару часов назад вы написали и отправили Илье Романовичу сообщение об этом. Он поручил мне вас охранять. Что я и делаю.

— Спасибо! — кивком благодарит Аркадия Сергеевича хозяин дома, и охранник-

пижон-предатель выходит.

— Мне нужны гарантии вашего молчания, вашего невмешательства в старые дела нашего круга. Мне нужна ваша помощь в обуздании Никиты, если у него сорвет предохранители, — монотонно, безэмоционально внушает мне Виноградов, словно проводит сеанс психологической реабилитации. — У вас ведь нет причин желать мне зла? Вас никак не задевает моя карьера? Мои дела? Я не имею никакого отношения к делу Ковалевских, к смерти Алексея Верещагина. Ваш нездоровый интерес к старым историям напугал Тасю, Таисию Петровну. Озадачил Илью. Возбудил Никиту. До вашего появления всех всё устраивало.

— Не всех. Не всё, — не соглашаюсь я с Виноградовым. — Никиту не устраивало. Ничего. Он решил мстить моему отцу. И вы, по-моему, у него в чести не были, как и собственная мать.

— Вы заставляете меня повторяться, — устало вздыхает Николай Игоревич, взглянув на наручные часы, но не раздражается, а терпеливо, вежливо продолжает. — Никита — представитель серьезного бизнеса. Он не станет рушить всё, что создавал его отец и он сам.

Поскольку я просто смотрю на него, не перебивая и не задавая больше никаких вопросов, Виноградов продолжает, словно уговаривает в общем-то послушного, но внезапно заупрямившегося ребенка, делая это несколько снисходительно:

— Илья давно поставил точку в старых делах. Никому не нужен этот интерес к прошлому. Но он, этот интерес, опасен. И мне, и Вяземскому, и Верещагину. Помогите себе и мне. Ради себя и своего отца. Пусть всё останется таким, каким было до того, как Верещагин обманом сделал вас своей женой и снова полез в прошлое.

— То есть... пусть Никита думает, что в смерти его отца виноват мой отец? — снова уточняю я. — А вам самому не интересно знать правду о том времени? Не важна эта самая правда?

— Жизнь столько раз не просто щелкала меня по носу за подобную правду, а била по темечку, сильно, больно, что я ценю не правду, а душевное спокойствие. Собственное и своих близких, — жестко, твердо отвечает Николай Игоревич. — Вы слишком молоды и до этого момента не сталкивались с такими событиями, которые сейчас ворвались в вашу размеренную, спокойную жизнь.

Он совершенно прав. Ворвались. Была размеренная. Все тридцать лет. Два раза только потрянуло: когда ушел от мамы отец и когда Варька Быстрова чуть не стала снова Варькой Дымовой.

В семь лет казалось, что папа совершил предательство и никак иначе. А в истории с Варькой чуть не рухнула моя система жизненных ценностей, чуть не сбились главные ориентиры. Я тогда для себя решила: если Максим действительно изменил или изменяет Варе, то про великую любовь лжет все искусство мира.

— А мои подруги? Их с собой зачем? — два последних вопроса задаю просто так, чтобы потянуть время, ответы на них знаю сама.

— Отделить их от вас было нереально, да и история с вашим совместным бегством от Никиты — лучшая версия из всего, что я до этого придумал, — честно отвечает Николай Игоревич.

— Мне не хочется вас огорчать, но ваша задумка обернется против вас, — предрекаю я. — Если бы только я и Сашка... Но Варю...

— Напоминаю: через пару часов вы будете свободны. Сейчас три часа ночи. Можете

остаться в этом доме до утра, можете уезжать сразу, — уговаривает меня Виноградов. — Дайте слово.

— Вам нечем меня шантажировать? — усмехаюсь я и подсказываю. — Жизнью моей семьи? Матери? Отца?

— Лера! — Николай Игоревич смотрит на меня, как на сумасшедшую. — Вы с мамой смотрите много сериалов. Такой сценарий был бы возможен только лишь при условии моей вины. Еще раз уверяю вас, моего участия ни в одном из преступлений, если это преступления, нет. Но моему сегодняшнему положению угрожает и чужая вина. Ближний круг, Лера...

Ближний круг. И тут он прав. У меня он тоже есть. И я за него в ответе. Но Виноградов Николай Игоревич зря думает, что он всё просчитал. Насчет меня у него получилось, и сейчас он об этом узнает. Но вот с Варей Быстровой он точно промахнулся...

— Я готова договориться, — трезво, осознанно обещаю я. — Никто не узнает о вашем необычном «приглашении». Ни мой отец, ни Верещагин. Если вы сумеете это скрыть. Я почти верю, что вам это удастся.

— Почти? — перепрашивает он, заметно успокоившись, даже посветлев лицом.

— Для того чтобы поговорить со мной, совсем не обязательно было нас похищать, — говорю я.

— У меня почти не оставалось времени, — Виноградов в очередной раз вздыхает. — Елена Барон, когда вы появились возле Верещагина, начала проявлять нездоровый интерес к его прошлому. Как, собственно, и вы.

— Сомнения раздирают Никиту. Он не остановится, — охотно объясняю я очевидное.

— Он не вынесет сор из избы, — настаивает Виноградов.

— Дело не в этом, — мне странно, что Николай Игоревич этого не понимает. — Он пристрастен, горяч и может вынести приговор не тому человеку. И тогда будет не важно, что информация скрыта и ваша карьера в безопасности.

— Вот тогда и будем беспокоиться, — ставит точку в нашем разговоре Виноградов. — И... Валерия Ильинична, вы прекрасно понимаете, что об участии Аркадия Сергеевича в вашей... прогулке лучше Илье не говорить.

— Я понимаю, не беспокойтесь, — уверяю я.

Меня сейчас беспокоит совершенно другое.

— Примерно через час Аркадий организует ваш отъезд. Остановиться до утра вам стоит в той гостинице, которую выбрали ваши подруги сегодня утром, когда приехали, — Виноградов по-деловому собран и снова энергичен, просто излучает приязнь и симпатию. — Или останетесь до утра?

— Нет! Не останемся. Уедем через час, — подтверждаю я и прощаюсь с Виноградовым.

Практически бесшумно открывается дверь. За ней Аркадий Сергеевич. Мне надо пройти всего три шага, чтобы оказаться в комнате с девочками. За эти три шага я успеваю задать вопросы и получить на них ответы.

— Слуга двух господ? У вас это семейное? Не бойтесь моего отца?

— Служу одному. Не буду бояться, если вы сдержите слово, данное Николаю Игоревичу. Девчонки лежат на кровати и садятся при моем появлении.

— Ну? — спрашивает нетерпеливая Сашка, одергивая короткий подол. — Что?

— Всё хорошо, — сообщаю я. — Договорились. Через час Аркадий Сергеевич увезет нас вашу гостиницу.

— Аркадий Сергеевич? — пораженно переспрашивает Варя. — А разве это не начальник охраны твоего отца?

— Тут какие-то странные многоходовки, — растерянно отвечает ей Сашка вместо меня. — В гостиницу — это неплохо для начала. Что ты обещала?

— Ничего, что не могла бы выполнить, — пожимаю я плечами. — Виноградов объяснил мне почти всё, кроме одного...

— Сергея-Филиппа? — догадывается Варька. — Ты про него спросила?

— Нет, — трясусь я головой, позволяя прическе рассыпаться окончательно. — Сама не знаю, почему.

— Давай я тебя заплету, — предлагает Сашка.

— Я посплю часик? — зевает Варя. — С ужасом думаю о том, что Макс звонил мне, а телефон не у меня.

Варя ложится, свернувшись клубочком, и закрывает глаза. Мы с Сашкой перебираемся к туалетному столику, на котором в фабричной упаковке лежат самые разнообразные расчески, носовые платки, зубная паста и щетки.

— Приготовился к приему гостей, — цедит сквозь зубы Сашка, выбирая расческу.

— Что сделает Макс, не дозвонившись до Вари? — спрашиваю я Сашкино отражение в большом зеркале.

— Позвонит тебе и мне, — быстро отгадывает загадку Сашка. — Но ночью он звонить не станет. Последний раз Варька с Максом разговаривала сегодня, перед тем как мы поехали к тебе, на презентацию Виноградова.

— Хорошо, — успокаиваюсь я. — Через час нам отдадут сумки и телефоны, а к утру мы доберемся до гостиницы. Очень не хочется, чтобы во всё это вмешался и Макс.

— Виноградов тебя шантажирует? — осторожно спрашивает Сашка, начиная расчесывать мои волосы.

— Нет, — задумчиво смотрю я на свое отражение. — Он меня просто убедил. В чем-то он прав.

Эта странно спокойная молодая женщина в роскошном вечернем платье пугает меня тоскливым выражением больших серых глаз.

— Чего тоскуешь? — догадывается о моих чувствах проницательная подруга. — Его ждешь?

— Это так заметно? — шепчу я, чувствуя, что могу испортить остатки макияжа.

— Еще как заметно! — шепчет с кровати Варька.

— Что планируешь? — смеется Сашка, услышав Варькины слова.

— Первое — уехать отсюда, — смеюсь и я. — Второе — не встретиться с ним...

— Появление Сергея-Филиппа вообще за ранью моего понимания! — сетует Сашка, заплетая мне косу.

— Если ты, математик и шахматистка, ничего не понимаешь, то мы с Варькой вообще выпали из реальности, — ворчу я нежно, отдаваясь ласковым умелым рукам подруги.

Ровно через час в комнате появляется Аркадий Сергеевич с нашей верхней одеждой. Еще через пять минут мы садимся в большой черный внедорожник. Один автомобиль впереди. Один сзади. На огромной скорости движемся по шоссе.

— Не настолько мы торопимся! — почти кричит водителю испуганная Сашка. — Соблюдайте разрешенную скорость!

Водитель не обращает на Сашкины крики никакого внимания. Кроме него, в нашей

машине Высокий, сидящий впереди и так и не снявший маски с лица.

— А почему водителя мы можем видеть, а вас нет? — спрашивает Варя, сверкая любопытством в зеленых глазах.

— Молчи! — толкает ее локтем в бок Сашка.

Через полчаса наш кортеж внезапно останавливается. И снова всё быстро, нереально, странно и удивительно.

Мы с девочками стоим на обочине, вытащенные из автомобиля Широкий. Водитель и Высокий лежат на обочине в свете фар с заложенными за голову руками. Чуть дальше в такой же позе Аркадий Сергеевич и водитель первой машины. Успеваю злорадно усмехнуться и почувствовать бесчеловечное удовлетворение. Обернуться и посмотреть, что с третьей машиной и людьми в ней, мне не дает Сашка. Она хватает меня и Варьку в объятия и шепчет:

— Спокойно! Сергей-Филипп!

Быть спокойной после объявления этого имени я не могу. Моя дрожь передается и девочкам. Медленно оборачиваюсь.

Широкий приглашающим жестом указывает нам на третий автомобиль, возле которого стоит Сергей-Филипп.

— Быстрее! — хрипло командует Широкий, кивая нам.

Сергей-Филипп молча ждет, пока мы быстрым шагом дойдем до его автомобиля. Ждет, пока сядем на заднее сиденье. Потом что-то говорит Широкому и людям, положившим нашу охрану на обочину. Затем садится за руль и, резко крутанув руль, выезжает на шоссе.

В машине нас четверо. Я с подругами и мой главный кошмар.

Глава 21. Приключения. Продолжение

*В любви и на войне одно и то же:
крепость, ведущая переговоры,
уже наполовину взята.*

Маргарита Валуа

*Любовь — битва двух полов.
Женщине надо защищаться сперва,
мужчине надо защищаться после,
и горе побежденным!*

Александр Дюма-сын

— А если здесь есть мыши? — дрожащий голос Вари заставляет нас с Сашкой пристально всматриваться в темные углы.

Сашка начинает насвистывать мышиную тему из «Щелкунчика» — Варины глаза увеличиваются до неприличных размеров, и она становится похожей на героинь современного японского аниме, у которых глаза занимают практически всю площадь лица.

— Дом чистый и мышей здесь нет! — нарочито строго говорит Сашка.

И мы с сомнением тремя парами глаз еще раз осматриваем комнату в старом деревянном доме, в котором нас закрыл Сергей-Филипп больше часа назад. Скорее всего, больше часа, определяю я по ощущениям, потому что сумочки и телефоны у нас опять забрали.

Забрал. Мрачный и молчаливый Сергей-Филипп. Они привез нас на берег какого-то водоема: в темноте было не понятно, какого именно, не то пруд, не то озеро, не то река. Без единого слова завел в старый бревенчатый дом и закрыл в большой комнате, так и не издав ни звука. Мы, не сговариваясь, тоже молчали.

— Чёрт! — устало ругается Сашка. — Теперь мы потеряем время — и все начнут нас искать!

— Это же хорошо? — удивленно спрашивает Варя. — Или нет?

— Для Виноградова плохо, — огорченно признаюсь я. — Он изо всех сил старается скрыть абсолютно всё: и настоящее, и прошлое. Я думала, что у него получится и что он не учел только Варьку, а его теперь подведет Сергей-Филипп.

— Девочки! — Варя осторожно двигается по периметру комнаты, слабо освещенной отсветом фонаря, подвешенного на крыльце. — Он хороший!

— Кто из них? — ехидничает Сашка. — Виноградов? Верещагин? Перевалов?

— Кто такой Перевалов? — не понимает Варя, остановившаяся перед старым платяным шкафом с зеркалом во всю дверь.

Зеркало потемнело от времени, покрылось сетью трещинок, россыпью пятен.

— Сергей-Филипп, — отзывается Сашка, вставая рядом с Варей. — Он Перевалов. Не помнишь?

— Не помню... — замороженно вглядываясь в мутную поверхность, шепчет Варька. — Про Виноградова ничего сказать не могу. Но и Верещагин, и Перевалов мне нравятся. Как

мужчины.

— Осторожнее с откровениями, подруга! — смеется Сашка. — Быстров их сортировать не станет. С обоими расправится. Кто тебе разрешил симпатизировать чужим мужчинам?

— Никита сильный, — не поддерживает Сашкину шутку Варя, осторожно проводя пальчиком по зеркальной поверхности. — Такой сильный, что страдает от этой силы, жесткости, неумения расслабиться, забыть, простить. Ему кажется, что если он это сделает, то сразу же станет слабым и беспомощным.

— Согласна! — выбрасывая руку вверх в голосующем жесте, говорит Сашка. — И свою любовь к тебе, Лерка, он считает слабостью, проигрышем. Нет, не считает. Считал.

— Но в чувствах Никиты нет безнадежности, — продолжает философствовать Варя, не в силах оторваться от собственного отражения. — А в глазах Сергея-Филиппа полная безнадега.

— Как он вообще оказался здесь? — размышляю я, подходя к подругам и тоже отражаясь в зеркале. — Почему помогал Виноградову? И помогал ли?

Наше общее отражение кажется в тусклом свете таинственным, почти волшебным. Мы такие разные: зеленоглазая Варька с темно-каштановыми кудрями, кареглазая Сашка с короткой стрижкой, платиновая блондинка, и я. Темная коса, которую очень крепко, надежно заплела мне Сашка, в полном порядке. Не пострадала ни от быстрой езды, ни от перехвата Сергея-Филиппа, ни от волнений этой ночи, постепенно уступающей место занимающемуся утру. Я кажусь себе осунувшейся и несчастной. И еще ждущей и надеющейся.

— Что он от тебя хочет? — спрашивает Сашкино отражение моего зеркального двойника.

— Кто из них? — копирую я ее интонацию.

— На этот раз Сергей-Филипп, — улыбается Сашка. — Я всегда знала, Лерка, что тебя ждет блестящее будущее!

— Ага! — соглашаюсь я. — Голливудское.

Скрип двери застаёт нас врасплох и заставляет синхронно вздрогнуть. В открытом дверном проеме высокая темная фигура — Сергей-Филипп. Он некоторое время не двигается, потом машет рукой, показывая на выход. Мы так же синхронно втроем делаем шаг вперед, когда раздаётся глухое:

— Нет! Только Лера!

— Сергей! Не дури! — закрывает меня собой Сашка. — Не пугай нас!

— Ничего не бойтесь, — спокойный, размеренный голос, действительно успокаивает. — Я не сделаю вам ничего плохого. Мне нужно просто поговорить с Лерой.

— Просто поговорить?! — злится Сашка. — А других способов не нашёл?!

— Мы не боимся тебя! — наивная Варя вкладывает в свою фразу и беспокойство, и напряжение последних часов и останавливает Сашку мягким протестующим жестом. — Мы так давно тебя знаем! Ты очень хороший человек!

Варя выходит вперед и намеревается подойти к Сергею-Филиппу совсем близко. По старой привычке мы с Сашкой, не договариваясь, тянем Варю назад и закрываем ее собой. Не могу даже объяснить, почему так происходит. Просто так заведено. С детства.

— Хорошо! — быстро соглашаюсь я, надеясь все-таки выиграть время. — Давай поговорим. Что еще делать свободной девушке в пять часов утра?

Сашка отпускает меня без сопротивления, только слегка сжимает мою ладонь на

прощание. Я смотрю на нее и улыбаюсь. Мы обе смотрим на Варьку и с пониманием киваем друг другу: мы справимся сами и защитим Варю.

Сергей-Филипп ведет меня на берег непонятно чего, и мы долго стоим там, глядя на тихую осеннюю воду, темную, тяжелую, густую. Часть берега освещается ярким фонарем, висящим на крыльце дома. Я ничего не спрашиваю, давая Сергею возможность объясниться самому.

— Я напугал вас? — первый хриплый вопрос.

— Нет. Удивил, — мой первый ответ. — Ты работаешь на Виноградова?

— Работал, — кивает он.

Я смотрю на его могучие плечи, широко расставленные ноги, четко очерченное лицо с крупными чертами и темно-карие глаза, которыми он напряженно всматривается в мрачную гладь воды, только чтобы не смотреть на меня.

— А теперь? — подсказываю я.

— Теперь не работаю, — пользуется он моей подсказкой.

— Что ты хочешь? — решаюсь я на главный вопрос и замираю в ожидании ответа.

Считаю, сколько лет я знаю Сергея-Филиппа. Мне тридцать, встретились мы в шестнадцать. Путем несложных математических вычислений получаем четырнадцать лет.

— Я люблю тебя, — негромко говорит он, глядя не на меня, а на воду. — Я очень давно и очень долго люблю тебя.

Его признание ожидаемо, но всё равно оно придавливает меня тяжелой гранитной плитой. Становится тяжело дышать от отчаяния. Моей вины в его разочаровании от безответности и безысходности нет. Нет, но я ее почему-то чувствую. В моей жизни это не первое признание в любви. Не первое, но такое же безнадежное, как и все предыдущие. Все, кроме одного.

— Я не могу принять твою любовь, — честно отвечаю я и решаюсь на главные слова, не собираясь ходить вокруг да около. В конце концов, в тридцать лет это смешно, глупо и нелепо. — Я тебя не люблю.

Он не отрывает взгляда от воды, не поворачивается ко мне, не двигается вообще и не отвечает. Мы снова молчим в унисон, оба напряженные и приготовившиеся к обороне.

— Я знаю, — бесцветным, глухим тоном отвечает Сергей. — Я всегда это знал.

— Зачем же появился сейчас? — спрашиваю я, недоумеваю.

— Чтобы помочь тебе, — Сергей разворачивается, и его темно-карие большие глаза на суровом лице снова напоминают мне о причине, по которой он получил свое прозвище Филипп, вызывая ассоциации с орангутангом в нашем зоопарке.

— В чем? — не понимаю я.

— Я теперь консультант по охране у Виноградова. Но своей идеей похитить тебя для срочного разговора он со мной не поделился. Я подключился только на стадии перевоза вас в загородный дом, — объясняет Сергей, внимательно вглядываясь в меня, переводя свой взгляд с моего лица на шею, грудь, живот, ноги.

Становится не по себе. Вдруг мерзнут плечи, руки, ноги. Неужели я зря высказалась резко, прямо? Не станет ли он пользоваться ситуацией? Не наивна ли наша Варька, защищающая его?

— Что будет сейчас? — спрашиваю я, обнимая себя за плечи.

— А его ты любишь? — хрипло спрашивает он, впившись потемневшим взглядом в мои губы. — Он обманул тебя. Удерживал силой. Шантажировал.

— Кто дал тебе такую информацию? — поражаюсь я его осведомленности. — И ты следил за мной? Я видела тебя в парке, когда мы с Никит... с Верещагиным катались в экипаже.

— Я следил за тобой, но эту информацию мне дал Виноградов, когда поставил в известность о том, что сейчас происходит, — лицо Сергея становится еще темнее, взгляд еще безнадежнее.

— Информация слегка... искажена, — говорю я, получив новую порцию эмоций: злость и раздражение.

Когда же явится этот проклятый Верещагин?

— И в чем же? — в голосе Сергея холод безразличия, а в глазах контрастно этому ярко плещется настоящая страсть.

Злость на Верещагина сменяется злостью на Сергея. Да я за это время истеричкой стала!

— Не хочется отвечать грубо, — осторожно начинаю я. — Но тебя это не касается.

Никита в ту же секунду заявил бы, что всё, что относится ко мне, касается и его, по его же извращенной логике. Сергей-Филипп такого не говорит, только и без того несколько грубые черты его лица становятся еще грубее.

— Ты права, — вдруг отвечает он. — Я не могу заставить тебя быть со мной, хотя очень хочется.

— Ты отпустишь нас? — спрашиваю я, нервно вздрагивая. — На самом деле, нам очень нужно как можно скорее попасть в гостиницу, где девчонки сняли номер.

— Я отвезу вас, — спокойно отвечает он и показывает мне в сторону дома.

— Спасибо, — выдавливаю я из себя, и он ведет меня в дом.

— Ну что?! — нетерпеливая Сашка бросается ко мне, как только я захожу в комнату и за мной закрывается дверь.

Странно... Зачем нас запирают, если согласился и отпустить, и даже отвезти?

— Признался в любви и готов отвезти нас в гостиницу, — вздыхаю я, садясь на деревянный стул. — Но не сказал, когда это сделает. И опять запер зачем-то.

— Признался в любви? — романтичная Варька Быстрова складывает ладошки в молитвенном жесте. — А что ты?

— Сказала правду, — улыбаюсь я Варе, живущей в мире литературы и любви Максима.

— А он? — подключается к допросу Сашка. — Расстроился?

— Скорее да, чем нет, — уверенно говорю я. — Зачем запер? Не понимаю! Обещал помочь.

— Запер и запер! — смеется Сашка. — Окна обычные, закрываются на шпингалеты. Вернее, открываются легко. Мы с Варькой проверили. Хоть сейчас вылезай! Только куда мы пойдем? И как далеко люди, которые смогут нам помочь?

Я пожимаю плечами, и мы с Сашкой обмениваемся понимающими взглядами. До того времени, когда нас начнет искать Максим, осталось совсем немного.

— Он работает на Виноградова? — Сашка над чем-то мучительно размышляет.

— Да, — киваю я. — Но про наше похищение узнал уже после того, как оно состоялось. И, если я поняла правильно, то Виноградов не в курсе, что Сергей знает нас с детства.

— Очень хочу попасть в гостиницу до звонка Макса, — говорит Варя, наматывая на палец локон. — А то придется ему всё рассказывать. Он рассердится. А сердится он редко. Но если сердится...

— Согласна с тобой совершенно и по всем пунктам! — Сашка подходит к окну. — Слушайте! Может, вылезем всё-таки? По ощущениям, этот дом недалеко от трассы. Нас стопудово ищут люди Виноградова. Они и отвезут нас в гостиницу.

— Давайте чуть-чуть подождем, — принимаю я решение. — Сергей произвел впечатление человека слова. Он, скорее всего, организует нашу поездку. Ему же от людей Виноградова прятаться надо, в отличие от нас.

— Ага! — не верит Сашка. — А если он обманул тебя? Просто усыпил бдительность, чтобы мы не бухтели и сидели тихо, не пытаясь сбежать?

— Точно нет! — горячо уверяю я подругу. — В отличие от Виноградова, Сергей прекрасно осознает, что со мной ты и Варя. И он знает, перед кем за нас будет отвечать. Если не сошел с ума...

— А если сошел? — желчно спрашивает Сашка. — Шутка ли! Столько лет по тебе вздыхать! У любого крыша поедет! Он в неадекватности может думать, что всё просчитал и предусмотрел. Смещенное сознание, и всё такое...

— Вероятность, конечно, есть... — не спорю я. — Но будем надеяться, что Варя права.

— Конечно, права! — беспечно говорит Варька. — Вот увидите!

Но мы не увидели, а услышали. Звуки борьбы возле дома, которые мое воображение классифицировало и выстроило в стройную систему. Вот шаги, а вот удары. Вот что-то упало на крыльце — и раздался треск ломающегося дерева. Вот что-то большое швырнули прямо на нашу запертую дверь. И ни звука человеческого голоса. Ни слов, ни криков.

— Хорошо хоть не стреляют, — спокойно говорит вдруг Сашка, садясь на маленькую тахту в углу комнаты и вытягивая уставшие ноги. — Вот, Лерка, кто сейчас победит, тому ты и достанешься!

— Отличная шутка! — иронично хвалю я ее, пытаюсь в окно увидеть, что происходит.

Но ничего и никого не вижу: крыльцо с той стороны дома, где наша дверь, а не окно.

— Я поняла главное, — вещает Сашка. — Кто бы тебя, Лерка, и нас ни похитил, ни бить, ни пытаться, ни убивать не будет. Остальное мы переживем. Еще бы от Макса всё скрыть — и мы в шоколаде!

Наступает неожиданная тишина, такая глубокая, что слышно наше нервное, рваное на клочки дыхание. Выжидаем несколько минут — ничего не происходит. Сашка не выдерживает.

— Всё! Я вылезая и смотрю, что там! — объявляет она, смело открывая окно. — Лерка! Останься с Варей!

— Я тоже хочу вылезти и посмотреть! — спорит Варя, вытягивая шею от любопытства, глядя, как Сашка перелезает через подоконник.

— Успеешь! — строго не разрешает ей Сашка. — Кто самбо занимался? Правильно, я! Только попробуйте вылезти за мной!

— Занималась она самбо! — испуганно шепчу я, вместе с Варей подбежав к окну. — Три месяца в восьмом классе! Самбистка, тоже мне!

Сашка прикладывает палец к губам, призывая нас замолчать, и на цыпочках уходит за угол. Мы с Варей остаемся вдвоем и ждем новостей, не отрывая взгляда от запертой двери, которая довольно быстро отпирается. На пороге Сашка.

— Сюда! — зовет она полупшепотом-полукриком. — Он здесь! И ему нужна помощь!

Выбегаю на крыльцо, готовая оказать любую помощь Сергею-Филиппу, скорее всего, пострадавшему от людей Виноградова по собственной глупости, но свою вину всё равно

чувствую.

Но помогать надо не ему. На ступенях крыльца лицом вверх лежит Верещагин.

Ноги мои подгибаются, а сердце совершает бешеный спурт, отчетливо толкнувшись в ребра и вызвав ноющую боль.

— Он затылком о ступень ударился, — спокойно сообщает Сашка. — Я проверила. Теперь ты, Лерка, спасай своего мужика.

Я опускаюсь на ступеньку возле головы Никиты. Бледное его лицо в свете раннего утра кажется серым. На скуле разливается, обещая стать ярким и долгоиграющим, огромный синяк, словно Верещагин пропустил чудовищный боксерский удар. С трудом замедляя собственный сердечный ритм, ищу его у Никиты. Пульс есть, слабый, но стабильный. Осторожно ощупываю голову. Гематома на затылке, на первый взгляд детского врача Князевой Валерии Ильиничны, обещает, что всё будет в порядке, но не сейчас.

Варя сидит с другой стороны и ласково гладит Никиту по разбитым костяшкам пальцев.

— Надо скорую вызвать! — говорит она, глядя на меня мокрыми зелеными глазами.

— Как? — спрашиваю я, решая, что теперь делать и как помочь Никите своими силами.

— Я пойду искать наши сумки и телефоны, — вскакивает Варя.

— А я Сергея-Филиппа, — решительно заявляет Сашка, злая и нервная. — А ты лечи Верещагина. А то сказка плохо кончится!

— Его надо занести в дом, — говорю я, продолжая осматривать Никиту в поисках других ранений.

— Через некоторое время, — обещает Сашка, осторожно отходя от крыльца и отправляясь обходить дом.

— В доме наших сумок нет! — докладывает запыхавшаяся Варя. — Надо искать в машине, на которой нас сюда привезли. Если Сергей наши вещи не выкинул.

— Никого и нигде! — возвращается и Сашка. — Ни людей, ни машин. Неужели Сергей сбежал?

Мы потрясенно молчим пару минут, потом я спохватываюсь.

— Надо занести его в комнату и положить на тахту, — говорю я подругам. — Кроме холодного компресса мне ему помочь нечем. Нужно как-то вызвать скорую.

Транспортировка тяжелого Никиты Верещагина на тахту становится настоящим испытанием. Мы, три хрупкие женщины, с трудом затаскиваем тело большого мужчины в комнату, последние силы тратя на то, чтобы с пола положить его на тахту.

— Тяжелый, зараза! — рычит Сашка, без сил садясь прямо на пол возле тахты. — У меня прабабушка санитаркой во время войны была. Вот вообще не представляю, как она раненых с поля боя выносила! Она ростом мне до подмышки!

— Это подвиг, — серьезно, совсем не пафосно отвечает ей Варя. — Женщины способны на него не меньше, чем мужчины.

— Он не умрет? — вдруг спрашивает Сашка, Ее слова бьют меня по сердцу едва ли не сильнее, чем ударился Никита.

— Конечно, нет, — усилием воли заставляя свой голос не дрожать, отвечаю я. — Травмы головы — самые опасные. Могут быть и перелом костей черепа, и сотрясение, и повреждение мозга. Я уверена, что сотрясение есть. И не легкое. Но выкарабкается — и скоро.

Сашка странно смотрит на меня. Варя поддерживающе улыбается и по моей просьбе находит на кухне чистое полотенце. Сашка приносит в какой-то миске холодную воду.

Смочив полотенце, подкладываю его под голову Никиты. Он тихо стонет. Я надеюсь, что он скоро придет в себя. Очень надеюсь.

— Не бойся! — гладит меня по плечу Варя. — Всё будет хорошо!

— Будет, — соглашаюсь я, непроизвольно глядя осунувшееся лицо Никиты, бледные щеки, высокий лоб.

Варя вдруг начинает читать стихи. Читает негромко, проникновенно, вызвав у меня спазм в горле, а у непробиваемой Сашки слезы:

Я отмолю тебя у всех богов:
Христа, Аллаха, Иеговы, Будды.
Пускай не будет у тебя врагов
И губ минует поцелуй Иуды.
Я храмы всех религий обойду,
Поставлю свечи, вознесу молитвы,
Любую отвести смогу беду:
Пожары, бури, катастрофы, битвы...

— Не дави на жалость, Варька! — ворчит Сашка. — Когда он придет в себя, я ему лично врежу за все Леркины и наши переживания!

— Говори! — прошу я Варю, прижимая ладони к вискам Никиты.

Я буду за тебя поклоны бить,
Держать посты и соблюдать субботу...
Не знала я, что так могу любить,
Захлебываясь чувств водоворотом.
Я отмолю тебя у всех богов,
В которых, впрочем, мы с тобой не верим.
Да сбережет тебя моя любовь,
Перед которою ты запер двери...*

— Хорошие стихи, — говорю я, взяв Никиту за руку.

— Расскажи что-нибудь повеселее, — командует Сашка. — А я думать буду, что делать...

— Есть история в тему, — быстро соглашается Варя. — Вам понравится.

Варя и Сашка сидят на полу возле тахты. Я на тахте возле лежащего на ней Никиты, еще не пришедшего в сознание. Чудесный, завораживающий Варин тембр будто предназначен для того, чтобы погружать слушателей в блаженное состояние тихого сиюминутного счастья.

— Это было очень-очень давно. Было на самом деле. В Германии. В крепости, современное название которой с немецкого переводится как «Женская верность». И так... Начало одиннадцатого века. Междоусобица. Крепость осадил король соседнего государства и после жестоких боев взял. Но то ли приближающееся Рождество, то ли справедливый нрав короля-победителя сыграли свою роль, но... Король, перед тем как отдать захваченный городок на разграбление своим солдатам, проявляет настоящее королевское великодушие,

достойное истинного монарха. Он решает утром казнить всех мужчин, но разрешает женщинам покинуть крепость и уйти, взяв с собой ровно столько, сколько они могут унести на себе. Дает на сборы одну ночь.

Дыхание у Никиты спокойное, пульс ровный. Но в себя он по-прежнему не приходит. Варя продолжает, успокаивая и завораживая своим проникновенным голосом. Была бы мужчиной — влюбилась бы в нее немедленно.

— Утром ворота крепости открываются, и перед пораженными взорами захватчиков потрясающая воображение картина: с холма спускается длинная цепочка женщин, несущих на собственных спинах своих мужчин, обреченных на смерть.

У Никиты сбивается дыхание, и я вздрагиваю, ложусь ухом на его грудь, слушаю глухие удары его сердца.

— Отказавшись от ценностей, теплой одежды, продуктов, они предприняли наивную попытку спасти самое дорогое. Король был потрясен. Легенда гласит, что на его глазах приближенные увидели слезы. Брат короля, увидев их, напомнил монарху, что мужчины — это не ценности и не предметы первой необходимости, и предложил тут же всех перебить. Однако король не разделил кровожадности брата и произнес свою знаменитую фразу: «Королевское слово дается лишь однажды и не может быть отменено».

— Он отпустил их? — вдруг волнуется Сашка.

— Не нервничай! — смеется Варя. — Ты опоздала лет на восемьсот. Нет. Не отпустил.

— Вот козел! — психует Сашка, хлопнув ладонью по половой доске.

— Король помиловал всех и разрешил жителям вернуться в город. Солдатам своим запретил его грабить, велел жителям заплатить вполне сносный выкуп, — заканчивает Варя прекрасную историю. — И музыканты, и художники, и поэты прославили и верность женщин, и щедрость, великодушие короля Конрада. Сам Генрих Гейне посвящал этой легенде стихи.

— Красиво! — говорю я.

— Глупо, — слышу я тихий голос Верещагина. — Глупо спасать мужа, если он тебе не нужен.

Встречаюсь с мутным взглядом Никиты.

— Как ты? — спрашиваю я, глядя его по щеке.

— Стоило долбануться затылком раньше, чтобы увидеть такие твои глаза, — голос его по-прежнему тих.

— Сколько? — спрашиваю я, показав Никите три пальца.

— Три красавицы и один дурак, — отвечает он, пытаюсь повернуть голову.

— Не двигайся! — предупреждаю я строго. — У тебя сотрясение мозга.

— Нельзя сотрясти то, чего нет, — ворчит он, неожиданно хватая меня за пальцы и прижимая их к своим губам. — Надеюсь, у твоего рыцаря тоже теперь чего-нибудь не хватает.

— Тоже мозгов! — услужливо сообщает Сашка, потягиваясь и вставая с пола.

Свет фар, звук подъезжающих к дому автомобилей, топот многочисленных ног на ступенях крыльца. И люди. Много людей. Знакомых мне и абсолютно неизвестных. Даже скорая и врачи, суемящиеся возле тахты и отталкивающие нас от нее. Михаил, бросающийся к Верещагину. Виктор Сергеевич, подбегающий ко мне. Всеобщая суета и суматоха.

— Валерия Ильинична, Варвара Михайловна, Александра Юрьевна! — Виктор Сергеевич осматривает меня и поглядывает на моих подруг. — Прощу в машину!

— Лера! — окликает меня Никита.

— Надо уезжать! — шепчет мне на ухо Виктор Сергеевич. — Через пять минут тут будут телевизионщики.

Дверь. Крыльцо. Автомобиль.

— Лера! — на этот раз меня окликает Сергей-Филипп, стоящий возле машины скорой помощи. — Разреши связаться с тобой.

Киваю, садясь в машину. Девчонки рядом — можно успокоиться. Но я не могу. В окно отъезжающего автомобиля вижу, как Никиту выносят на носилках и помещают в скорую.

— Что это было? — спрашивает Сашка всех нас.

— Мой брат всё вам объяснит! — обещает Виктор Сергеевич, и я, глядя в его добрые серые глаза, отказываюсь его бояться, отказываюсь нервничать волноваться по любому поводу, кроме одного.

— С Верещагиным всё будет хорошо, — дает еще одно обещание Виктор Сергеевич. — А нам надо поторопиться. Это в ваших интересах.

И, видя наши приподнятые брови, говорит:

— Быстров и Жданов едут нам навстречу.

Варя охает и икает. Сашка присвистывает. Я успокаиваюсь окончательно. Теперь ни от меня, ни от всех вокруг ничего не зависит.

*** Стихотворение Алены Вайсберг**

Глава 22. Бегущая от любви

*Когда я попросил Алису выйти за меня замуж,
она дала ответ, полный нежности,
романтики, пронизательности,
красоты и теплоты.*

— Нет.

Фредерик Бегбедер «Любовь живет три года»

— У вас хорошие отношения?

— Да. Мы кричим друг на друга.

Айрис Мердок

Через час остановка на шоссе. На правой стороне дороги наш автомобиль и машина охраны. На левой стороне три черных внедорожника. Из второго выходят Игорь и Максим.

Всегда светлое, улыбающееся лицо Игоря Жданова сейчас хмуро и серьезно, вечная усмешка не украшает его физиономию и не создает впечатление беспечности и легкости, всю жизнь сопровождающее нашего верного и щедрого друга.

Быстров спокоен, собран, хладнокровен. Его красивое породистое лицо выражает крайнюю степень сосредоточенности и одновременно некоего высокомерия, которое не унижает, не оскорбляет, а как-то возвышает его над окружающими, которые без сопротивления, без борьбы уступают ему роль первой скрипки во всем, что бы ни происходило. За все проведенные вместе годы я только пару раз видела такое выражение на лице Максима Константиновича Быстрова: в общении с нами он эту маску не надевает никогда. Сейчас она предназначена явно для всех вокруг.

— Не выходите из машины раньше, чем я подам знак, — вежливо просит Виктор Сергеевич. — Мне надо по поручению Ильи Романовича передать Быстрову пару слов наедине.

— Пожалуйста! — фыркает Сашка, кутаясь в свое легкое пальто. — Что-то я сама не очень-то тороплюсь встретиться с друзьями детства.

— Я тоже, — пищит Варька. — Хотя... Девочки! Вам не кажется, что Макс сегодня в общем-то добрый какой-то... И взгляд вроде мягкий...

— Добрый? — нервно смеюсь я.

— Мягкий? — почти икает Сашка.

— Игорь же вступится за нас? — интересуюсь я так, ради интереса, чувствуя свою ответственность и вину за всё, что с нами случилось с того момента, когда девчонки приехали ко мне в Москву.

Нет! С той минуты, когда эта мысль пришла им в их красивые и умные головы. Нет! С того дня, когда я погрузила их в свои проблемы.

И мне сейчас точно попадет, но не за это. А за то, что не попросила помощи у мальчиков. Сейчас эти самые «тридцатилетние мальчики», Быстров и Жданов, напомнят мне о многолетней дружбе, о коллективной ответственности и о том, как их (о боже!) достали наши идиотские женские тайны и секретки, последствием которых стали наши

приключения.

— Думайте! — Сашка быстрее всех берет себя в руки. — Абсолютно всё они знать не могут. Поэтому многословно не оправдываемся, лишнее не болтаем. Может, за половину содеянного и не получим — пронесет.

— Попробуем, — соглашаюсь я, в этом что-то рациональное есть.

— Хорошо, — вздыхает Варя, постепенно накручивая себя. — Вообще не вздумайте оправдываться, девочки! Я сама приняла решение, меня никто не заставлял. Он не может и не должен контролировать каждый мой шаг.

Мы с Сашкой улыбаемся, встретившись взглядами.

Виктор Сергеевич разговаривает с Быстровым, слушающим его молча, безэмоционально. Игорь Жданов смотрит на окна нашего автомобиля, и мне кажется, что сквозь тонировку он прекрасно видит нас, сидящих на заднем сиденье с трусливо-наглым выражением на лицах.

— Похоже, нас будут передавать, как политических заложников или провалившихся резидентов, — мрачно шутит Сашка.

Виктор Сергеевич оборачивается к нашему автомобилю и, улыбнувшись, кивает нам, мол, можно выходить. Игорь останавливает его резким жестом и сам идет к машине, пересекая дорогу. Дверь распаивается, и его знакомый голос иронически, но всё-таки мягко приветствует нас:

— Привет, путешественницы! Прошу на выход!

Сашка первой попадает в его дружеские объятия. Потом Варя. Последней — я.

— Варька меня несколько не удивила, — вздыхает Жданов, целуя меня в щеку. — Но Сашка...

— Что Сашка? — тут же выставляет ежиные иголки наш предводитель. — У Сашки всё было под контролем.

— Так уж и всё? — подмигивает нам «наш» Игореха. — А помощи попросить? Хотя бы у меня?

— В чем помощи? — не сдаётся Сашка. — В походе на бал? Ты же не фея!

— Не фея, — картинно вздыхает Игорь. — Но сейчас вас ждет встреча с...

— Со злобной мачехой? — подсказываю я, кивнув в сторону ждущего нас Макса.

— Можно сказать и так, — смеется Жданов, провожая меня и Сашку к своей машине.

Варя упрямо остается на месте. Максим широким шагом сам идет к ней. Берет ее счастливое испуганное лицо в свои ладони и резко целует в губы. Потом обнимает и прижимает к себе, глядя спину. Варя что-то быстро говорит ему, но он не отвечает, а берет жену за руку и ведет к другой машине. Они поедут не с нами.

Когда Варя, издали махнув нам рукой, садится в автомобиль, Максим возвращается к нам. Обнимает меня, Сашку, спрашивает:

— Всё нормально? Чем помочь?

— Даже не знаю, — честно говорю я, глядя в его красивое лицо. — Придумаю — попрошу помощи. Спасибо.

— Пока ответь на один вопрос, — Максим по-деловому сосредоточен. — Верещагин — закрытая страница или это не моего ума дело?

Смотрю в его серо-голубые глаза, для меня на время слегка подобревшие, и пожимаю плечами:

— Я скажу, если не справлюсь сама.

Максим неожиданно улыбается мне, хочет что-то сказать, но, немного подумав, не говорит, а обращается к Сашке:

— Как она тебя опять уговорила?

— Не знаю, — беспечно смеется та. — Это же Варька! Как всегда, я и не заметила! Не сердись. Всё обошлось.

— Я не сержусь, — и Сашке достается редкая улыбка Быстрова, умеющего улыбаться только Варе всегда и клиентам при острой необходимости. — Я волновался.

— Прости, — Сашка обнимает его и целует в идеально выбритую щеку.

— А куда я денусь? — вдруг шутит он, напоминая того самого Макса Быстрова, молчаливого, умного, интеллигентного и верного, с которым мы подружились в детстве и, надеюсь, на всю жизнь. — Эх, Сашка! Тебе бы руку твердую, мужскую... И энергию твою на добрые дела направить...

— Я пока их в своих твердых руках подержу, — обещает Игорь другу, усаживая нас в машину. — Иди к Варе, этих я буду воспитывать.

— Удачи! — прощается с нами Максим. — Я жду, Лера. Готов помочь, если нужно будет. Помощь любая.

— Ага! — киваю я ему благодарно. — И морду сможешь набить кое-кому, если что?

Максим (о чудо!) смеется и обещает:

— Порешаем и это!

— Кому надо бить морду? — интересуется веселый и успокоившийся Игорь, обернувшись к нам с переднего сиденья, когда его машина, в которую сели мы с Сашкой, трогается с места.

— Пока никому, — ворчу я, мучительно думая, у кого теперь интересоваться здоровьем Верещагина. — Он еще не выздоровел.

— Хорошо, — принимает мой ответ Игорь. — Набьем, когда подлечится. Домой?

Очень странно, непривычно звучит слово «домой» сейчас, в салоне одного из его дорогих автомобилей. Словно не было ни ночных похищений, ни людей в масках, ни старого деревянного дома у воды, ни раненого Никиты, потерявшего сознание от удара, ни моего очевидного ожидания его прихода за мной.

— Как узнали про нас? — настырная Сашка ищет проколы в своем идеальном плане.

— Максимум доложила Галина Семеновна, что Варя вторую ночь ночует у Сашки. Сашки дома не оказалось. Няня Ваньки доложила, что Сашка вторую ночь не ночует дома, — на лицо Игоря возвращается его неизменная насмешка. — Тогда из подозреваемых осталась одна Лерка.

— Доложили ему... — Сашка возмущается, но вяло, устало, потом признает. — Но приключение было всё-таки опасным. Волноваться было из-за чего...

— Макс вышел и на Вяземского, и на Верещагина, и на Виноградова, — рассказывает нам Игорь. — В общем-то, вас нашел не Макс, а Вяземский.

— Отец? — удивляюсь я. — Николай Игоревич уверял меня, что отца совершенно убедило «мое» сообщение о том, что я уехала к подруге.

Игорь откровенно и весело смеется надо мной.

— Илья Романович не тот человек, которого можно так просто убедить. Он всё перепроверяет. Кто-то из его людей всегда возле тебя.

— Вы про Сергея-Филиппа знаете? — вспоминает вдруг Сашка. — Про его участие в происходящем с Лерой?

— Знаем, — Игорь смотрит на меня глазами, которые тоже усмеваются. — Он нам и позвонил, что Лера и вы у него.

— Вам позвонил Сергей?! — пораженно восклицает Сашка, прикрывая ладонью широко открытый от удивления рот.

— А Верещагин? — против воли вырывается у меня.

— А Верещагин нашел вас сам. Ни я, ни Макс не могли уговорить его дождаться помощи. Потерпел бы — не лежал бы сейчас в больнице, — Игорь не отрывает от меня взгляда умных карих глаз, совсем не похожих на карие глаза Сергея. — Всё детство из-за тебя только и дрались, Лерка! Теперь его очередь!

— Ну, положим, не всё детство... — справедливо возражаю я.

— Регулярно! — подтверждает слова Игоря Сашка. — В третьем классе между собой из-за тебя, а потом из-за тебя со всем миром. То футболисты школьные, то парни из параллельного, то орангутанг из суворовского... Всех и не упомнишь.

— Мне кажется, что и за вас с Варькой бились пару раз, — пытаюсь вспомнить я.

— Нет! — смеется Сашка. — Это Варька дралась с Сонечкой Игнатовой из-за Максима. А из-за меня только футболисты между собой.

— Вы думаете, что Никиту избил Сергей? — спрашиваю я, вспомнив огромный кровоподтек на скуле Верещагина.

— Я не думаю, — подмигивает Игорь. — Я знаю. Он нам сказал, что Верещагин бросился на него, как чудище лесное. Слово сказать не дал. А Сергей-Филипп, если что, мастер спорта по боксу.

— Он бросил Никиту! — тут же обвиняю я.

— Он врезал твоему Никите и просто ушел, зная, что вы рядом, — как само собой разумеющееся объясняет Игорь. — Он вызвал скорую и связался с Вяземским.

— Просто благородный рыцарь! — иронизирую я, испытывая горячее желание врезать Сергею так, как он ударил Никиту.

— Он просто влюбленный мужчина, — ухмыляется Игорь. — А мы, мужчины, в состоянии влюбленности способны на многое, если не на всё!

— Назови свои достижения в этом состоянии! — подначивает Сашка.

— У меня всё по Шварцу, — глаза Игоря становятся грустными. — Помните, в «Обыкновенном чуде»?

— Что ты сделал из-за любви к девушке? — вспоминает Сашка вопрос Сказочника, заданный Медведю.

— Я отказался от нее, — цитирует автора Игорь.

В салоне устанавливается тишина, легкая, ни к чему не обязывающая и такая понятная всем нам.

— Как я хочу увидеть, как ты влюбишься, Игорёчек! — стонет сердобольная Сашка. — Да так, чтобы внутренности вывернуло!

— Какая ты кровожадная! — сетует Игорь. — Что я тебе сделал плохого, кроме хорошего?

— Поэтому и мечтаю для тебя о самом лучшем, — посылает Сашка воздушный поцелуй нашему другу.

— Самые лучшие уже заняты, — делает нам комплимент Игорь. — Пока не встретил никого, хоть чуть-чуть дотягивающего до вас.

— И не встретишь! — заверяет Сашка.

— И не надо! — уверяю я.

Третий день дома. С мамой. С подругами. Покой, уютное общение и... тоска. Тоска, которая не скручивает в узел, а свербит, зудит надоедливый комаром, которого отгоняешь резким движением мысли, но он возвращается вновь и вновь, пока не устанешь и не проворонишь тот момент, когда он все-таки вопьется и насытится. А ты с досадой смотришь на место укуса и злишься и на него, и на себя. На него за то, что добился своего. На себя за то, что утратил бдительность.

Я отчетливо осознаю момент, в который утратила эту самую бдительность: мама, оживленная и успокоенная моим возвращением, суетится, накрывая чайный столик в нашей большой и светлой гостиной, быстро пересказывает мне содержание сотни предыдущих серий очередного латиноамериканского сериала. Как всегда, делаю вид, что мне очень интересно. Время от времени даже переспрашиваю что-то, чем радую маму еще больше, и она делает вид, что верит в мой интерес.

— Хоркес одержим Мартиной, — щебечет мама, выкладывая абрикосовый джем собственного приготовления в розетки. — Вчера, в последней серии, он подрался с Кесаром. Тот попал в больницу, от Мартины этот факт скрывает ее дядя, которому нужно приданое Мартины.

— Это главный злодей? — спрашиваю я, ворую крупную ябrikосину.

— Дядя? — оживленно переспрашивает мама, лукаво подмигивая. — Да! Он стоит за всем, что происходит в семье Эстебан!

Пока я задумываюсь над тем, кто стоит за всем, происходящим в семье Верещагиных, мама разливает по чашкам ароматный темно-вишневый чай. Уютное детское чувство защищенности укутывает теплым пледом счастья. Вспомнив о защищенности, вспоминаю и о Викторе Сергеевиче, к которому привыкла и которому доверяла на уровне интуиции, что бы ни происходило. И что чувствую? Что мне его не хватает... Кажется, обернусь: вот он сидит напротив, вроде бы лениво наблюдая за мной. На самом деле зорко и внимательно.

Ежедневно звонит отец, осторожно напоминая, что я в любой момент могу вернуться к нему, как только захочу. Но я не хочу. Я хочу совершенно другого, того, в чем не сознаюсь не только Варьке, Сашке, маме, но и самой себе.

Начинается мамин сериал, она внимательно смотрит на большой экран, занимающий в гостиной всю стену. Тихонько охает, ахает, оборачиваясь на меня и призывая в свидетели происходящего молча, округлившимися от удивления глазами.

До того, как раздастся телефонный звонок, подлый дядя Мартины с красивым именем Федерико успевает украсть собственную племянницу, обмануть всех трех женихов Мартины и снять деньги со счетов всех главных действующих лиц сериала. Извиняюще улыбаюсь маме и ухожу на второй этаж в свою комнату. Эту огромную трехкомнатную двухуровневую квартиру в центре города папа купил нам, когда уходил из семьи. Внизу гостиная и кухня, сверху наши с мамой комнаты.

— Лера! — в трубке бодрый голос отца — очередной дежурный звонок. — Всё в порядке, дорогая?

— Да, — честно отвечаю я и чувствую, что всё-таки вру.

— Планируешь вернуться ко мне или остаешься с матерью и выходишь на работу? — осторожно спрашивает он в который раз.

— Возвращаюсь и в детскую поликлинику, и в частную, — рассказываю я. — Как ты?

— Оптимистично! — сухо смеется он. — Пытаюсь помочь Николаю. Получается плохо. Не могу простить ему выходку с твоим похищением.

— Лукавишь, — грустно смеюсь я. — Ты не можешь простить себе, что проворонил это мероприятие.

— Разве? — в голосе отца настоящее лукавство и удовлетворение.

— Ты знал? — пораженно спрашиваю я и догадываюсь, обвиняя. — Ты всё знал!

— Не всё. И не я, — со вздохом сознается отец. — Аркадий — мой глаза, уши, руки.

— Но мозг ты? — улыбаюсь я, наконец, построив в своей голове весь сюжет последней серии собственного триллера.

— Я не мозг, — ругает себя отец. — Я безмозглый, самодовольный, самоуверенный человек, который не учел в своей партии не только чувства главных фигур, но и их волю.

— Самокритично, — вяло хвалю его я. — Хорошо всё, что хорошо кончается. Кончилось...

— Ничего не кончилось! — вдруг резко отвечает отец. — Твой твердолобый Верещагин...

— Не мой, — по-прежнему вяло сопротивляюсь я и напоминаю. — Ты сам нас развел...

— По твоей настоятельной просьбе, — осторожно напоминает отец и тут же меняет тему. — Жду тебя в любое время.

— Вряд ли... — отвечаю я и прощаюсь.

— Постой! — отец не дает мне положить трубку. — Я хочу предупредить тебя... Никита... Он... Я знаю его с рождения. Его отец был моим лучшим другом. Эта старая трагедия ломает его по-настоящему. Я не буду больше с ним бороться. Обещаю.

— Сильно, — киваю я отцу, хотя он меня не видит. — Только вряд ли его это остановит.

— Вот и я об этом! — восклицает мой неэмоциональный обычно отец. — Его вообще не остановить. Вернее, остановит его только одно.

— Пуля? — по-черному шучу я, внутренне содрогаясь от визуализации только что сказанного. — Серебряная?

— Нет, — вздыхает мой отец. — Это ты. Но...

— Но ты не советуешь? — догадываюсь я.

— Не то чтобы не советую... — отец замолкает, подбирая слова. — Я боюсь за тебя. Если Никита пройдет весь путь до конца, он станет совсем другим человеком. Правда раздавит его. Он накажет только самого себя.

— Пусть так, — не спорю я. — Это его выбор и его решение. Меня это больше не касается. Кстати, я и твоему другу Виноградову это обещала.

— Младший Виноградов просил у меня твоей руки, — вдруг быстро говорит отец и лукаво замирает, ожидая моей реакции.

— Что значит — просил руки? — зависаю я, что мне совершенно не свойственно. — Что за бред... Это такая шутка?

— Не думаю! — смеется отец. — Вот такой домострой карикатурный. Приехал, напросился на встречу и просил меня посодействовать.

— Прикольно, — сказала бы Сашка.

— Какая прелесть! — пропела бы Варька.

— А ты? — спросила я, Лерка Князева.

— Я обещал, — уже в голос смеется отец. — Шучу-шучу. Я ответил, что тебя вряд ли заинтересует это предложение.

— Папа! — смеюсь и я. — Ему двадцать пять!

— Возраст тут не главное, — вдруг проникновенно отвечает господин Вяземский. — Знаешь, после прихода Андрея мне звонил Николай. Он, по его словам, не против этого союза.

— Мы экранизируем пьесы Островского? — не верю я в то, что сейчас слышу. — Что же ты решил дать мне в качестве приданого? Золото Колчака? — уныло спрашиваю я, пытаюсь шутить.

— Чуть-чуть больше, — серьезно отвечает отец. — На пару монет.

— Ну... — разочарованно тяну я. — Так на мне каждый второй решит жениться.

— А разве без моего приданого не так же дела обстоят? — участливо интересуется отец.

— Переживаешь, что, несмотря на фасад, в девках останусь? — грублю я.

— И за это тоже, — не поддерживает грубую шутку отец и неожиданно говорит. — Андрей сообщил Никите, что женится на тебе и якобы я дал согласие.

— И что? — предчувствуя недоброе, спрашиваю я. — Зачем?

— Зачем — это у него спроси, — осторожно отвечает отец. — А вот — и что, тут посерьезнее. Верещагин скоро будет у тебя.

Резко сажусь на кровати, куда улеглась, разговаривая с отцом.

— Зачем?! — паникую я от глупой радости.

— Я же сказал, про «зачем» спроси у него, — обреченно вздыхает отец и бормочет. — Значит, нам с Аркадием не показалось...

— Вам с Аркадием? — искренне возмущаюсь я. — Меня обсуждает этот... этот... профессиональный предатель?

— Преданнее Аркадия может быть только собака, — одновременно жестко и как-то мягко говорит отец. — Умирать за меня он не станет, но вот предать — никогда. Он выполнял мои инструкции.

— Я когда-нибудь узнаю, что это была за игра? — спрашиваю я, лихорадочно думая, что сделаю первым: позвоню Сашке или спрячусь на квартире Быстровых? Успею ли спрятаться?

— Виктор даст тебе знак, если Никита появится у вашего дома, — возвращает меня к реальности отец.

— Виктор Сергеевич? — удивляюсь я. — Он тоже едет сюда?

— Он всегда рядом с тобой, — напоминает отец наш давний разговор.

От неожиданности я даже оглядываю комнату в поисках Виктора Сергеевича. Пока не вижу.

— Как скоро... Верещагин? — вторая волна паники комком доходит от живота до самого горла.

— Уже в городе, — пугает меня отец. — Если не хочешь встречаться и разговаривать, Виктор тебя прикроет.

— Не надо меня прикрывать, — шепотом прошу я. — У меня ощущение, что я агент три нуля, где-то на мне спрятана флешка и все спецслужбы мира ищут ее.

— Эпичное сравнение, — по-молодежному иронизирует отец. — Он просто одержим тобой.

— Как Хоркес Мартиной, — констатирую я. — Где-то должен быть и дядя Федерико Эстебан.

— Что? Не понимаю, — переспрашивает отец. — Это из какого-то анекдота?

— Это из моей жизни, — прощаюсь я с растерявшимся отцом, пообещав держать его в курсе.

Мое заявление о том, что я буду ночевать у Сашки, мама воспринимает спокойно, просит позвонить, как только доберусь.

Из собственного подъезда выхожу крадучись, как полуночный вор, хотя на дворе ранний вечер. Непроизвольно оглядываюсь в поисках Виктора Сергеевича. Пока не вижу.

Такси привозит меня к Сашке за полчаса.

— Лера! — нежно-серые глаза Ваньки, Сашкиного четырехлетнего сына, моего самозванного жениха, вспыхивают огоньками удовольствия, когда я врываюсь в их маленькую уютную двухкомнатную квартиру.

Сашка, как человек практичный и очень расчетливый, создала на небольшой площади интерьер-шкатулку. Большая часть мебели трансформируется и легко превращается во что-то другое или после некоторых нехитрых манипуляций становится компактнее, освобождая необходимое жизненное пространство. Последние годы на все значимые праздники мы с друзьями дарим ей что-нибудь из вещей интерьера в таком же стиле.

Плюхаюсь на диван в большой комнате, он же шесть банкетов, и обнимаю «жениха».

— Привет, любимый! — ласково говорю я, пока Сашка, нервно хихикая, убирает мое пальто в шкаф, он же дополнительное спальное место, и уносит в маленькую комнату мою небольшую спортивную сумку.

— Ты будешь с нами жить? — интересуется практичный в мать сын.

Выражение его лица настолько забавное, что мне становится смешно: бровки поползли вверх, губки вытянулись в трубочку, словно он подсчитывает, насколько это выгодно для него лично.

— Только ночевать, — огорчаю его я, глазами побитой собаки глядя на лучшую подругу.

— Рассказывай! — командует Сашка, садясь рядом. — Вань! Пойди в свою комнату. Собери лего в коробку.

Ванька кивает и тут же убегает — он любит прибираться, чем всегда приводит в ужас и восторг ленивую Варьку.

— Ему работы минут на двадцать, а то и полчаса! — смеется Сашка. — Не поверишь: раскладывает детальки конструктора по размерам и цветам. И пересчитывает.

— Молодец! — горжусь я нашим «сыном полка».

— Бежишь? — резко меняет тему Сашка. — От кого или от чего?

Задумываюсь, не зная, что ответить.

— Человек обычно боится того, что сильнее его, больше, тяжелее, — тихо говорит моя подруга, беря мои руки в свои. — Того, что не может пережить, перетерпеть и даже принять... Я четко осознаю, что не могу принять я. Чего не можешь принять ты?

— Не чего... — сопротивляюсь я. — Кого...

— Разве? — умные светло-карие глаза Сашки совсем не похожи на темно-карие глаза Никиты, но именно они почему-то смотрят сейчас на меня. — На самом деле дело не в нем, а в тебе.

— Практикуешь психологию? — усмехаюсь я, понимая, что она права.

— Долго живу, — улыбается подруга. — Много знаю. Почти всё испытала.

— Не дольше меня, — упрекаю я Сашку. — И что же такого ты знаешь?

— Честно? — прищуривается Сашка, испытующе глядя на меня.

— Честно, — с опаской вздыхаю я, уже боясь Сашкиного напора.

— Хорошо... — Сашка отпускает мои руки и даже отодвигается на другой конец дивана. — Ты намеренно избегаешь близости и эмоциональной привязанности. Ты задумывалась почему?

Звонок Сашкиного телефона вырывает меня из нервной задумчивости, а Сашку из менторского состояния.

— Варька! Привет! — радуется Сашка, принимая видеозвонок. — Лерка уже у меня.

— Привет! — машет нам рукой Варя. — Ну! Чем порадуете?

— Ты под домашним арестом? — спрашиваю я, потому что сообщением просила и ее приехать к Сашке.

— Кто ж ее посадит? — фыркает Сашка. — Она из стального Быстрова веревочки мягкие вяжет.

— Канитель! — смеется Варя, окутывая нас своим очаровательным тембром.

— Почему канитель? — не понимаем мы ее.

— Это тонкая металлическая нить для вышивания или ювелирных поделок, — объясняет Варя. — Ее буквально тянут чаще всего из жидкого золота или серебра. Про канитель из стали никогда не слышала. Мы сегодня ужинаем у Михаила Ароновича. Ему восемьдесят один!

— Передавай наши поздравления! — просит Сашка. — Мировой дед! И свободный. Передай ему, что, если что, я согласна!

— Передам! — обещает Варя. — До чего вы договорились?

— До того, что я избегаю близости и эмоциональной привязанности, — ворчу я. — Сашка-психотерапевт поставила такой диагноз.

— Совершенно логичный! — поддерживает Сашку Варя. — Ты, Лерка, Бегущая от любви.

— Хорошо хоть не по волнам... — снова ворчу я, не обижаясь.

— Тебя держит какая-то другая зависимость, — рассуждает Варя. — И не дает сконцентрироваться на новом и нужном.

— Ты боишься, что он просто влюблен в твою оболочку? — даже не спрашивает, а констатирует Сашка.

Пожимаю плечами, не отвечая.

— Зря! — перехватывает «мячик», брошенный в мою сторону, Варя. — Вы с ним немало пережили. Очень немало! Он тебя знает как человека, как женщину, а не просто как куколку-красотку.

— Не факт! — осторожно отвечаю я, мучительно споря не с Варей, с самой собой.

— Тогда ты нарцисс! — не жалеет меня Сашка. — Скажи, Варюха!

Варюха не соглашается с Сашкой, бросаясь на мою защиту. Ой, чувствую, разыгрывают подруги как по нотам... Опять репетировали!

— У нарцисса отсутствует способность сопереживать. Это не Лерка! Нарцисс не берет на себя ответственность и не признает свои ошибки. Это не Лерка! — начинает Варя загибать пальцы.

— Ага! — хохочет Сашка. — Адвокатша Быстрова!

— Адвокатша — это просторечие! — поучительно говорит Варя, морща нос. — Я жена адвоката и опытная возрастная женщина.

— Так и Лерка возрастная! — по-прокурорски нападает Сашка.

Точно разыгрывают! Вместо негодования чувствую теплую волну дружеской любви.

— У нарциссов идеализированное представление о себе. Это не Лерка! — продолжает Варя, загибая третий палец. — Для нарциссов характерна чрезмерная подозрительность. Это...

— Это Лера! — загибает палец перед моим носом Сашка. — Вот мы и добрались до сути! В чем ты подозреваешь Верещагина, кроме того, что он запал на твою внешность?

— Он жесткий. Даже жестокий, — оправдываюсь я перед прокурором Сашкой, не имея возможности обратиться в суд присяжных. — Он хотел меня использовать как приманку. Настаивал, чтобы я вредила отцу.

— Использовал? Настоял? — перебивает меня Варя, что ей совершенно не свойственно, в отличие от Сашки. Это может говорить только о ее неподдельном волнении.

— Нет, — вздыхаю я, теряя преимущество негодования.

— Дорисовывай! — командует Сашка и, видя мое удивление, объясняет. — Портрет своего Верещагина. Жесткий, жестокий...

— Категоричный. Нетерпимый. Бескомпромиссный. Настырный. Бесчувственный, — охотно вываливаю я Никитины достоинства из своего потайного кармана.

— Он плакал, когда умер Туман! — опровергает последний довод Варя, округляя зеленые глаза. — Плакал! Большой и сильный мужчина.

— Собаки для него лучше людей! — парирую я.

— Так это так и есть! — удивленно смотри на меня Сашка. — Разве нет?

— Верещагин долгие годы лелеял и растил в сердце месть, — начинает говорить Варя, мягко, но убедительно, как умеет только она. — Теперь он в растерянности: та, которую так хотел ненавидеть презирать, стала необходимой.

— Такой же необходимой, как эта месть! — не сдаюсь я и продолжаю. — Его страсть я чувствую. Как у Сергея-Филиппа. Ее можно руками потрогать.

— Как у Филиппа? — недоверчиво спрашивает Варя.

— Ну... не так давяще и страшно... — теряюсь я, не находя слов, я же не филолог! — Но так же сильно.

— Вернемся к возрасту! — напоминает Сашка. — И что? Страстный мужчина в жизни и постели — сформулированная мечта любой нормальной женщины. Тебе тридцатник, Лерка! Раньше это был приговор. Хорошо, что времена меняются!

— Тебе тоже тридцатник! — огрызаюсь я. — И где твой мужчина в жизни и в постели?

— Я в поисках! — грустно смеется Сашка.

— Врешь! — неожиданно говорит Сашке Варя. — Лерка права. Она хоть сомневается и ждет. А ты все окна законопатила и все двери закрыла.

— Я жду?! — возмущаюсь я.

— Я законопатила?! — возмущается Сашка.

— Ждешь. Законопатила, — подтверждает Варя свои слова, довольно улыбаясь.

— Ты слишком много общаешься с Михаилом Ароновичем, — обижается Сашка. — Он на тебя плохо влияет.

— А сама такого мужчину из постели и жизни чуть не выгнала! — эмоционально напоминаю я.

— Вот именно! — возмущается в унисон Сашка. — Да за такими, как Быстров, женщины на коленях по битому стеклу ползут! А ты три недели его в черном теле держала!

— О! — заинтересованно восклицает Варя. — Мы что? Ссоримся? Как в девятом классе? Помните?

— Помним! — смеется Сашка. — Из-за Лерки кстати!

— Не из-за меня, а из-за своей глупости и самонадеянности, — устало возражаю я. — Зачем было спорить да еще ставки делать?

— А зачем было выходить из образа царевны Несмеяны и улыбаться этому футболисту? — возмущаются мои подруги почти хором.

— Ты ж сроду так не делала! — напоминает мне Сашка.

— Никогда! — пафосно подтверждает Варька.

Смотрю на подруг: Сашку, сидящую рядом со мной и держащую в руках телефон, Варьку на экране — и чувствую, как сильно я их люблю. Что было бы, если бы мне жизнь не подарила моих подруг? Страшно представить! Сознаться что ли?

— Дело в том... — аккуратно начинаю я, а потом быстро продолжаю, сжавшись в комочек. — Меня предупредил Игорь. Рассказал, что вы поспорили на деньги со всей футбольной командой. Вот я и... Из обиды и вредности. Могли бы и предупредить!

— Оба на! — восклицает Сашка. — Что я слышу?! Ты была в сговоре со Ждановым?!

— Потому что вы меня не предупредили, что на меня же спорите! — упрямо настаиваю я.

— Да нам и в голову не пришло тебя предупреждать! — встревает Варя. — Это же было очевидно! Ты никому и никогда не улыбалась, кроме нас! Тем более этим...

— Дебилам! — подхватывает Сашка.

— Вот-вот! — смеюсь я. — Игореха так и сказал!

— Ты посмотри, какой жук! — хохочет Сашка. — Да вы, подруги мои, просто ящички Пандоры! Одна целовалась с Сергеем-Филиппом при живых Быстрове и Зорине. Другая была в сговоре против лучших подруг. Мы, между прочим, рублей триста потеряли. Варька у бабушки брала.

— Сама не лучше! — хихикает Варя и возражает интеллигентно. — И я не целовалась. Он меня целовал.

— Кто тебя целовал? — на экране за спиной Вари появляется Максим.

Как всегда, элегантный, по-земному недоступный, катастрофически великолепный мужчина.

— Да мой Ванька! — спасает Варю Сашка, мгновенно сориентировавшись. — Такой теленок ласковый!

— Но ветреный! — охнув, подключаюсь я, получив локтем в бок. — На мне жениться обещает, а целуется с Варей.

— Придется вызвать его на дуэль! — грозно-ласково говорит Максим, целую Варю в шею. — Привет, красотки!

— Привет, Макс! — облегченно выдыхает Сашка — пронесло.

— Макс! — умоляюще просит Варя. — Еще буквально пару минут!

— Жду в машине, — отвечает Максим, машет нам и исчезает с экрана телефона.

— Лера! Не хочешь слушать нас — слушай притчу! — говорит Варя, возбужденно, страстно, убедительно. — Я ее для колонки женского журнала редактировала. Сюжет авторский оставила, но внутренности переписала по-своему.

Мы с Сашкой слушаем Варю и молчим, замороженные и ее тембром, и ее историей.

— На одном далеком-далеком острове жили-были самые разные чувства, способности и

мечты. Было их очень много: Счастье, Грусть, Умение... и Любовь. Однажды Предчувствие объявило всем, что остров скоро уйдет под воду. Первыми бежали с острова Трусость, Страх и Спешка. За ними сели в лодки Радость и Грусть. Сгорая от стыда, к ним присоединился Стыд. За пару часов остров покинули почти все. Предпоследней села в последнюю лодку Надежда. Любовь осталась одна — она слишком любила этот остров, чтобы покинуть его. Любовь попросила помощи у проплывающего мимо Богатства. «Все места заняты мешками с золотом и драгоценностями! — крикнуло ей Богатство. — Увы! Для тебя у меня нет места. Прощай!» На крепком плоту проплыло мимо и Счастье: оно было слишком занято собой и не услышало криков Любви о помощи. В последний критический момент потерявшую сознание Любовь кто-то все-таки спас. Очнувшись в новом месте, Любовь увидела склонившееся над собой Знание. «Кто спас меня? — спросила Любовь у Знания. — Неужели Терпение? Может, Вера за мной вернулась?» «Нет, — мягко ответило Знание, успокаивающе глядя Любовь по голове. — Это сделало Время».

— Красиво! — первой отмирает Сашка.

Я молчу и поджимаю под себя ноги.

— Леруся! Может, время тебе поможет? — посылает воздушный поцелуй Варя. — Нам пора! Завтра созвонимся!

— По телефону ты сказала, что Верещагин едет к тебе, — напоминает Сашка, отключив телефон. — И попросилась ночевать ко мне. Ты хочешь спрятаться? Как надолго? Почему? Ты же понимаешь, что и здесь он тебя найдет? Это займет не более часа, если не меньше.

— Он не опасен для вас с Ваней, — наконец обретаю я дар речи. — Он не способен вас обидеть.

— Да? — с ехидным сомнением спрашивает Сашка. — Откуда такая милая уверенность в жестоком и жестком?

— Из опыта, — ворчу я, откидываясь на мягкую спинку.

— Я всё собрал! — докладывает Ваня, вернувшийся к нам.

— Молоток! — хвалит сына Сашка. — Накрывай, хозяин, чай.

Журнальный столик-трансформер за пару секунд Ваня с матерью превращают в высокий обеденный. Через минут десять мы с Сашкой пьем чай с халвой и щербетом, а Ванька теплое молоко с хрустящими шоколадными шариками. Сашка приносит глянцевый журнал с роскошными свадебными платьями и показывает, какой фасон выбрала ее двоюродная сестра, к которой Сашка едет на свадьбу через две недели. Я поддерживаю выбор, Сашка активно критикует. Резкий звонок в дверь заставляет меня вздрогнуть.

«Это он!» — говорю взглядом Сашке.

«Что делать?» — по-деловому спрашивает она меня своими карими глазами.

«Не знаю!» — искренне паникую я.

Ваня подозрительно смотрит на нас, жуя шоколадный шарик. Наши выпученные глаза смешат его.

— Мама, у тебя живот болит? — спрашивает он. — И у Леры?

Мы синхронно киваем.

— У вас понос? — радуется чему-то Ваня.

— Почему понос? — фыркает от смеха Сашка.

— Когда у меня был понос, — вспоминает Ваня, — ты давала мне вкусный сладкий сироп. Вы тоже будете его пить? Мне дадите?

— Обязательно! — обещает сыну Сашка и говорит мне. — Пойду, узнаю, что кому надо.

— Может, не открывать? — с надеждой спрашиваю я подругу, вздрогнув от пятого звонка.

— Это не наш метод! — бодро отвечает Сашка. — Наш метод не оборона, а нападение!

Я готовилась к его появлению. Я его ждала. Совершенно точно ждала. Понимаю это, увидев на пороге Сашкиной комнаты Верещагина. Он сердит, нет, зол и раздражен. Сдерживается из последних сил. Из-за его правого колена выглядывает знакомый мне чертик, сразу беся меня до дрожи. Нечистый тоже недоволен мной, мерзко усмехается и показывает средний палец. Очень хочется сделать ответный жест, но, боюсь, эту тварь, кроме меня, никто не видит, а за Михаилом Ароновичем не пойдешь — день рождения у старика-психиатра.

— Не черт тебя нес на дырявый мост! — вспоминаю я приговорку Елизаветы Васильевны, бабушки Вари, которую она любила повторять, когда Варька с Вовкой проказничали и попадались.

В общем-то, она, бабушка Вари, права, конечно. Я слишком глубоко погрузилась в чужую историю. Так глубоко, что она успела стать моей историей.

— Добрый вечер! — выдыхает Верещагин сквозь зубы, демонстрируя нам мрачное недоброе лицо. — Прошу прощения за вторжение. Мне очень нужно...

— Поговорить с нашей Лерой? — находчиво заканчивает за Никиту Сашка, выделяя голосом слово «нашей».

Моя подруга предупреждает врага, что он на чужой территории и у меня есть защитники.

— Да, — не спорит с лишним словом Никита, не отрывая от меня взгляда.

В нем злость и нежность, раздражение и ласка, ожидание и страх. Пока я гордо складываю дрожащие руки на дрожащие колени, Сашка выхватывает сына из-за стола и уходит с ним в маленькую комнату, громко напомнив мне:

— Лерка! Мы с Ваней рядом!

— Вы мой папа? — вдруг спрашивает, вырываясь из рук матери, Ваня.

Мы все застываем. Верещагин удивленно смотрит на маленького мальчика. Сашка охает и тянет Ваню к себе.

— Что ты болтаешь? — сердито спрашивает она и, неловко улыбнувшись Верещагину, говорит. — Извините.

— Нет, Ваня, — вдруг хрипло отвечает мальчику Никита. — Если бы у меня был такой замечательный сын, я бы об этом знал и обязательно был бы рядом.

Ваня по-взрослому понимающе кивает. В глазах Никиты появляется какое-то странное выражение: он внимательно вглядывается в лицо Вани, потом с еще более странным выражением поднимает свои темные глаза на Сашку. Сашка густо краснеет, чего ее стойкий организм не умеет делать по определению. Только от жары или духоты, в крайнем случае, от злости. Видимо, злится.

Сашка с Ваней уходят и плотно закрывают дверь. Я с умным видом беру в рот шоколадный шарик и громко хрющу им. Верещагин морщится.

— Хочешь чаю? — гостеприимно спрашиваю я. — Или молока с шариками?

Верещагин смотрит на меня, как на сумасшедшую. Я встаю и иду на кухню за чистой чашкой. Возвращаюсь. Верещагин стоит на том же месте и потерянным взглядом смотрит на журнал, раскрытый на той странице, где фотография выбранного платья.

— Красивое, — хрипит Верещагин. — Тебе пойдет.

— Мне? — теряюсь я.

— Ты же уверяла, что он тебе безразличен, что он младше... — усталые карие глаза смотрят на меня, сверкая красными белками невыспавшегося человека.

— Как твоя голова? — находчиво спрашиваю я.

Приходит сообщение на телефон от Виктора Сергеевича: «Если я нужен — впусти в квартиру». Посылаю ему подмигивающий смайлик. Пусть отгадывает, что я хотела сказать.

Правая рука Верещагина непроизвольно тянется к затылку, он слегка морщится.

— Со мной всё в порядке, — по-прежнему хрипло говорит он. — Мы не успели поговорить.

— Говори, — разрешаю я, неуместно хрустя шариками.

— Я уже говорил тебе, что хочу быть с тобой, — выдавливает он из себя.

Именно выдавливает. Чертик, рассеявшийся за столом, показывает мне язык и обзывает душой.

— Зачем тебе это? — спрашиваю я, глядя прямо в глаза Никите. — Я не приз. Вяземский не пойдет тебе ни на какие уступки. Вообще ни на какие.

— Мне плевать на Вяземского, — грубит Никита, не двигаясь с места. — Я просто забуду о том, что он существует.

— Забрав себе его дочь? — саркастически интересуюсь я.

— Не забрав, — не соглашается он. — Я тебе тоже нравлюсь.

— Симпатия не повод быть вместе, — серьезно возражаю я.

— Разве нет? — не соглашается он. — Это даже больше, чем надо.

— С Еленой Барон у вас тоже была симпатия? — не удерживаюсь я от вопроса. — Глубокая?

— С Еленой давно нет никаких отношений, — отвечает он, делая шаг ко мне. — Почти два года.

— Я помню, — киваю я с умным видом, пряча руки под стол. — Ты уже говорил.

— Ты мне не веришь? — догадывается он. — Считаешь меня лгуном?

— Лгун — это слишком сильно, — аккуратно возражаю я, запрещая себе встать и бежать в комнату к Сашке с Ваней.

— Ты можешь проговорить всё, что думаешь? — вдруг просит он, делая еще один шаг. — Я устал от недомолвок и загадок.

— Зачем я тебе? — тут же настаиваю я. — Нравлюсь? Красива? Подхожу тебе? Мы красивая пара? Если это не месть, то что?

Он долго молчит, потом осторожно отвечает:

— Это не месть. Теперь я почти убежден, что твой отец не виновен в смерти моего.

— Почти? — горько усмехаюсь я. — А если к тебе вернется твоя обычная убежденность?

— Давай всё выясним вместе, — предлагает он, выдергивая меня из-за стола так же, как это несколько минут назад это сделала Сашка с Ваней.

Легкий удар наших тел друг об друга парализует обоих. Я испугана тем, что он сделал. Он боится моей реакции. Совершенно точно боится.

— Зачем это мне? — подбрасываю я новый вопрос.

Он прижимает меня к своему твердому, как камень, телу, и дышит тяжело, надрывно.

— Ты точно не здоров, — произношу я, двигая губами совсем близко возле его губ.

— У меня была температура, — соглашается он шепотом. — Два дня. Но сегодня ее

точно не было. Пока я не увидел тебя.

— Дешевый комплимент, — говорю я, старательно откидываясь назад.

Он не дает мне вырваться из его рук, прижимая еще сильнее.

— Что ты считаешь дорогим комплиментом? — шепчет он в мое воспаленное воображением ухо. — Я не беден. И это скромно сказано.

— Ты всё переводишь на деньги? — цежу я сквозь зубы.

— Не всё, — продолжает он терзать мое ни в чем не повинное ухо горячим шепотом. — Тебя не перевозжу. Федора. Тимофея. Риту. Память об отце.

— А мать? — стойко сопротивляюсь я влечению. — Ты же теперь знаешь, что она не была любовницей моего отца. Он не предавал твоего. И она, получается, не предавала.

— Пока ничего не получается, — упорствует он. — Мы знаем только то, что говорит Вяземский. Моя мать вообще ни слова правды за много лет не сказала. Отравление Ковалевских не реабилитирует ни Вяземского, ни Виноградова.

— Я понимаю, — теперь шепчу я и вижу, как покрывается мурашками кожа его крепкой шеи. — Я помню про Тумана. Я чувствую, что еще ничего не закончилось. Ты не сможешь это отпустить. А если всё вернется на круги своя? Если мой отец так мастерски запутал следы своего... своей вины?

— Господи! — горячо произносит Никита, до чертиков пугая чертика, у которого шерсть встает дыбом на услышанное святое слово. — Как же это не важно, Лера!

— А что важно? — настаиваю я, начиная дрожать в его руках всем телом.

— Я и ты, — выдыхает он в мой рот, прежде чем прижаться к нему в сильном, болезненном поцелуе.

— Красиво... — мямлю я, когда он меня отпускает. — Но неправдоподобно. Абсолютно.

— Почему? — прислушиваюсь к его ответу: неужели он стонет?

— Ты слишком загружен, излишне эмоционален, категорически непримирим, — вываливаю я на Никиту свою оценку его состояния. — Тебе не зажать это в себе. Не спрятать. Не затушить. Это сожрет тебя, если не найти ответы. А ты сожрешь меня. Сам не заметишь как.

— Если бы ты знала, как не права! — и снова стон? неужели? — Я и ты. Всё, что происходит между нами — это отдельно. Это неприкосновенно. Это по-другому.

— Что ты хочешь от меня? — теперь уже мой ответ напоминает глубокий протяжный стон безнадежно запутавшегося человека.

— От тебя мне нужна только сама ты, — жесткие сухие губы перекрывают мое слабое дыхание.

— Я его дочь, — напоминаю я между лихорадочными страстными поцелуями, на которые я не отвечаю, но очень хочется.

— Наплевать! — его губы захватывают мою нижнюю губу, воспаленную и желающую воспалиться еще.

— Он мог быть любовником твоей матери. Теоретически, — настаиваю я, перед тем, как поцелуй углубляется.

— Наплевать! — он целует мой лоб, глаза, щеки, опускаясь горячими сухими губами на шею. — Это был ее выбор.

— Но ты наказываешь ее, — напоминаю я, сходя с ума от желания самой поцеловать его.

— Наплевать! — звучит третий раз и прибавляет меня так же сильно, как сильно приложил его самого несколько дней назад Сергей-Филипп.

— Если тебе наплевать на собственную мать... — начинаю я отчаянно вырываться.

— Не на мать! — громко и жестко обрубают он мои вопли. — На ситуацию.

— Закончим этот бессмысленный разговор. Это хождение по кругу, — устало говорю я, вырвавшись и отойдя в сторону.

Но он тут же делает широкий шаг — и я снова в его крепких руках.

— Не может быть бессмысленным чувство, — настаивает он с лихорадочным блеском в глазах. — Прощу тебя, поедem ко мне. Я снял номер в гостинице.

— Я не хожу по номерам, — настолько спокойно отвечаю я, что чертик, доедающий Ванины шоколадные шарики, теперь показывает мне не средний, а большой палец.

— Ты цепляешься к словам. В этом городе у меня нет квартиры, — раздраженно отвечает Верещагин.

Я молчу, и он вдруг резко бросает:

— Хорошо! Отлично! Не хочешь в номер? Чувствуешь себя оскорбленной? Прекрасно! Поидем другим путем!

Верещагин отпускает меня сам, отходит от меня и звонит кому-то:

— Борис Михайлович! Добрый вечер! Мне нужна квартира. Нет. Не в Москве. В вашем городе.

Выслушав ответ собеседника, Никита выплевывает:

— Нет. Не в скором времени. Сегодня. Сейчас. Даю вам час. Гонорар утраиваю. Не забывайте. В этом городе у меня есть еще и Натан Георгиевич. Хорошо. Жду.

— Что ты кому доказал? — возмущаюсь я. — Что можешь купить всё, что захочешь? Не удивил.

— И не пытался! — гневно говорит он. — Веду дела, как веду их всегда.

— Можешь купить здесь дом, даже пятнадцатизэтажный, с грузовым лифтом! — накаляюсь я, сбрасывая напряжение последних часов и отпуская себя эмоционально. — И будешь жить в нем один. Нет. Не один! Со своими амбициями и неадекватными запросами!

— Неадекватный запрос — это желание быть с тобой? — руки его сжимаются в кулаки, лицо каменеет, глаза темнеют.

— Нельзя получить всё, что хочется! — дергаюсь я. — Я этого не хочу! Хватит! Хватит перевозить меня с места на место! Хватит подсылать агентов и шпионов! Хватит прикасаться ко мне! Мне противно!

— Нет! — почти кричит Верещагин и почти с ненавистью продолжает. — Не хватит! Я прошу тебя быть моей женой! Я хочу быть с тобой каждый день! Я не могу не видеть тебя! Я люблю тебя!

Некстати вспоминаю, как мы с девчонками однажды рассуждали: можно ли оскорбить любовью? Теперь я точно знаю: можно. Оскорбить, раздавить, просто размазать...

— Пошел вон! — шепчу я, потеряв голос от волнения.

— Лера! Мне волноваться? — глухой крик Сашки из маленькой комнаты напоминает нам о том, что мы не одни.

— Всё хорошо! — ответно кричу я.

— Всё хорошо?! — грозно нависает надо мной Никита, прожигая карим взглядом. — Тебе хорошо?! Отлично! Оставайся сама с собой. Наслаждайся своей красотой в одиночестве. Тебе никто не нужен. Желаю счастья с Виноградовым. Из него получится

прекрасная послушная комнатная собачка!

— Пошел вон! — повторяю я, отвернувшись, не в силах смотреть на него.

Когда через пару минут я оборачиваюсь, то вижу только расстроенную, обеспокоенную Сашку и любопытного Ваню.

— Он ушел. Всё хорошо, — как с душевнобольной, разговаривает со мной Сашка. — Не нервничай! Вот никогда не думала, что скажу это тебе.

— Не хорошо, — вдруг говорит Ваня, ткнув меня в бедро маленьким пальчиком. — Он важный и сильный. Он тебя защитит.

— От кого, малыш? — спрашиваю я, садясь на корточки и обнимая мальчика.

— От твоих страхов, — шепчет мне на ухо Ваня. — Мама мне всегда так говорит перед сном. Про себя и про папу.

— Кстати, про сон! — бодро говорит Сашка. — Чистить зубы — и в постель!

Послушный Ваня убегает в ванную комнату. Я без сил сажусь на диван.

— Значит так! — начинает свою речь Сашка. — Я, конечно, подслушивала. Ты тридцатилетняя дура. Он сорокалетний дурак. У вас полная гармония.

— Ему тридцать девять, — возражаю я, чтобы что-то возразить.

— Это, безусловно, меняет дело к лучшему, — ёрничает Сашка. — Сейчас Ваньку уложу — поболтаем.

Мы не болтаем. Мы молчим в тусклом уютном свете, сидя на заправленном диване-трансформере. Сашка налила нам в крохотные бокальчики какой-то крепкой и терпкой наливки, которая не расслабляет, не пьянит, не успокаивает. Ни уму, ни сердцу, как любит говорить сама Сашка.

— Что будешь делать, если окажется, что и ты его любишь? — вдруг спрашивает Сашка после почти получасового молчания.

— Отравлюсь, — мрачно шучу я.

— Я тебе отравлюсь! — бьет меня Сашка подушкой. — Не смей произносить такие слова!

— Я пошутила! — шепотом визжу я, делая ответный удар.

Пару минут мы деремся в полной тишине.

— К вопросу о возрасте, — устало дышит Сашка. — Драться подушками так же глупо и нелепо, как и не лечь в постель к такому потрясающему мужчине, как не выйти за него замуж. Знаешь, что тебя ждет?

— Что? — спрашиваю я, перекидывая тяжелую косу на спину.

— Ты состаришься. Станешь страшной как смертный грех, в наказание за гордыню и тупость. И будешь прятаться в доме престарелых от пенсионера Сергея-Филиппа, продолжающего тебя преследовать, — зловеще пророчит Сашка, залпом выпивая очередную порцию сладкой наливки.

— Ванька ждет отца? — меняю я тему. — Ты про него ему рассказываешь?

— Я хочу, чтобы он не чувствовал себя ущербным. Чтобы не думал, что отец бросил его. Это травма, — честно отвечает Сашка.

— А он бросил? — осторожно спрашиваю я подругу, впервые заходя так далеко в запретную зону.

— А он не знает, что Ваня родился, — шепчет Сашка, пьяно улыбаясь.

Задавать дополнительные вопросы боюсь. Вторую паузу прерывает звонок Вари.

— Девочки! Вы еще не спите? — Варька с распушенными кудрявыми волосами

появляется на экране Сашкиного телефона. — Есть новости?

— Есть, — ворчит Сашка. — И все плохие. Лерка чокнулась.

— Она не чокнулась, — бросается на мою защиту добрая, милая Варя. — Она растерялась и запуталась. Ей нужно время. Она сама во всем разберется. А он подождет. Вот увидите! Помните, как мы читали тетрадку Вовкиной мамы, которая в нее с юности стихи записывала?

— Помним! — кивает за нас обеих Сашка.

— Так вот! Я тогда в десятом классе первый раз прочла одно стихотворение Асадова. И запомнила на всю жизнь. Для тебя, Лерка! Слушай!

Любим мы друг друга или нет?

Кажется: какие тут сомненья?

Только вот зачем, ища решенья,

Нам нырять то в полночь, то в рассвет?

Со второго четверостишия я выпадаю из реальности. Нырять в полночь и рассвет. Красиво. Образно. Просто, но так точно.

Сашка толкает меня локтем в бок. Похоже, я пропустила почти все стихотворение. Варя уже заканчивает:

То у нас улыбки, то терзания,
То упреков ледящий душ,
То слиянье губ, и рук, и душ,
То вражда почти до обожания.
То блаженство опьяняет нас,
То сердца мы беспощадно гложем,
Осыпая ревностями фраз,
Но причем ни на день, ни на час
Разлучиться все-таки не можем.
Кто ж поможет разгадать секрет:
Любим мы друг друга или нет?

— Мне нужно к нему. Поговорить! — непонятное чувство вдруг подбрасывает меня с дивана, слова вылетают сами собой.

— Куда?! Мысли, обходя мозг, сразу выходят изо рта? — тянет меня за полы моей пижамы Сашка. — Ночь на дворе! Утро вечера мудренее. Это псих уже в дороге. Ты его хочешь вернуть с полпути? Он за рулем, возможно. Не факт, что с водителем. Это, в конце концов, просто опасно! Остыньте оба!

В раскрытую с легким скрипом дверь высовывается заспанная мордочка Вани.

— Мама! А он, правда, не мой папа? Ты не врешь?

Глава 23. Решение

*В один прекрасный день ты обнаружишь,
что у тебя осталась только одна проблема — ты сам.*

Бертран Рассел

*Время может вылечить абсолютно все,
дайте только времени время.*

Лев Толстой

— Теперь мне всё совершенно ясно! — твердо и решительно говорит молодая женщина, прижимая к себе годовалого ребенка с таким видом, словно его сейчас заберут у нее навсегда.

— Что вам ясно? — вежливо уточняю я, с искренним интересом глядя на странную мамочку, пришедшую ко мне на прием с капризным и слабеньким сыном Добрыней.

Приём я так и не начинаю, поскольку женщина стоит у порога вот уже минут пять и, держа на руках ребенка, больно сверлит меня подозрительным взглядом.

— Вы пройдете? — спрашиваю я негромко, не вставая из-за стола. — Покажете ребенка? Вы же на приём пришли?

— Я пришла убедиться в том... в том, что вы... вы... — мама Добрыни изо всех сил старается подобрать слова.

— Что я? — уже нетерпеливо напоминаю я, отчетливо понимая, что прием затягивается, а в коридоре еще детей десять.

— Зачем вам мой муж?! — восклицает по-бабьи женщина, напугав криком собственного сына.

— А можно на мужа посмотреть? — живо интересуюсь я, с трудом вспоминая что-то невысокого роста и трогательно хрупкого телосложения.

— Даже не стесняйтесь?! — пораженно спрашивает посетительница, чуть не выронив из рук ребенка.

Добрыня, испугавшись, начинает громко плакать, но воинственно настроенную мамочку это не останавливает. Наоборот, это придает ей сил и уверенности.

— Посмотрим, что скажет главврач! — пугает меня она, выпятив подбородок.

— Уверена, он прикрепит вашего Добрыню к другому участку, — отвечаю я неизменно вежливо. — Для того чтобы это сделать, совершенно не обязательно разговаривать со мной — достаточно вашего обоснованного желания. Теперь всё? Меня ждут и другие пациенты.

— Вы просто... бесстыжая! — выдыхает женщина, дергаными движениями подбрасывая ревущего Добрыню.

Без стука на пороге кабинета появляется невысокий мужчина с фигурой подростка и испуганным выражением на маленьком узком лице.

— Наташа! Наташа! — ласковым шепотом зовет он женщину. — Здравствуйте, доктор!

— Никита! Ты клялся, что останешься в коридоре! — кричит Наташа, очередной раз подбросив Добрыню.

— Да ладно! — сказала бы Сашка.

— Какая невыразимая прелесть! — пропела бы Варька.

— Здравствуйте! — говорю я, сдерживая улыбку: этот слабенький годовалый пацан — Добрыня Никитич.

— Наташа! — щуплый Никита забирает расстроенного ребенка из рук жены. — Тебе будет стыдно, когда ты поймешь, как неправа!

— Бесстыжая она, а стыдно мне? — уточняет Наташа, дрожа от гнева.

Мне понятно, что Наташа ревнует. Ревнует своего мужа Никиту ко мне. И даже почти уверена, что между нами взаимные чувства. Факт занимательный, но неправдоподобный. Хотя... В течение первого года жизни на прием ко мне с сыном приходил только отец. Уверена, эту маму Наташу я вижу впервые. Как объяснить этой женщине, что она ошибается, ума не приложу... Охрану звать — доводить ситуацию до абсурда. Да и охранники в нашей поликлинике — анекдот.

— Я зову охрану? — негромко спрашиваю я у мужа Наташи.

— Господи! Что вы? Нет, конечно! — восклицает он и тащит жену из кабинета. — Это недоразумение. Вы извините, Валерия Ильинична!

Хлопает дверь, и пару минут я сижу в странной и глупой тишине. Что это было? Дверь хлопает снова: в кабинет возвращается отец Добрыни.

— Валерия Ильинична! — расстроено говорит мужчина, по-женски заламывая руки. — Простите, ради бога! Наташа приехала так внезапно... Я не ожидал... Я один воспитываю Добрыню последние полгода. Ей кто-то напел, что я и вы... Простите... Она вернулась — и вот...

— Хорошо! — быстро соглашаюсь я. — Я вас всех прощаю. Записывайтесь на прием еще раз, а сейчас и вы меня извините. Очередь...

— Да-да... — мямлит странный посетитель, мелкими шагами отступая спиной к двери.

Хлопает дверь, и я даю себе еще пару минут на то, чтобы прийти в себя. Спектакль окончен? Дверь хлопает снова: в кабинет возвращается мать Добрыни.

— Если еще раз я увижу тебя возле моего Никиты... — зловеще угрожает она с порога, сражаясь за дверной проём с мамой следующего пациента.

— Наталья... — беру со стола медицинскую карту ребенка и заглядываю в нее. — Простите, Наталия Антоновна. Прошу вас, дайте мне возможность вести прием, иначе...

— Иначе я вызову полицию! — громкий окрик заставляет Наталию обернуться, а меня обрадовать.

Есть шанс начать приём. Это Ксения Геннадьевна, заведующая поликлиникой, явившаяся вместе с охранником мне на помощь, хотя, скорее всего, на крик.

— Водевиль в честь возвращения в родную поликлинику? — иронизирует Ксения Геннадьевна. — Давненько не было. Я уже и забывать стала, как на вас некоторые мамы и папы реагируют.

— Простите, — искренне отвечаю я на ее шутку. — Я и сама стала забывать.

— Работайте! — бодро отвечает заведующая, и приём начинается.

— Добрыня Никитич? — хохочет Сашка, с которой мы встречаемся около пяти часов вечера в кофейне. — Seriously?

— Более чем, — смеюсь и я.

— Это знак! — торжественно объявляет Сашка, отправляя в рот кусочек торта «Черный лес», и закрывает глаза, мурлыкая от удовольствия.

— Знак того, что мальчик вырастет богатырем? — спрашиваю я.

— Вселенная напоминает тебе о твоём Никите! — крутит пальцем у виска моя подруга. — Мы же слушали с тобой аудиолекцию по эзотерике. Помнишь? Это знак!

— Я помню, — послушно киваю я, получая от торта не меньшее наслаждение. — Надо считать знаки Вселенной. Они повсюду.

— Повсюду люди твоего отца и твоего Верещагина! — эмоционально шепчет Сашка. — Мы как нелегалы какие-то в родном городе!

— Верещагина? — выдавливаю из себя я, похолодев от сказанного только что и ошпарившись надеждой одновременно. — Где?

— Везде! — зловеще шипит подруга. — Ни за что не поверю, что он тебя в покое оставил!

— Господи! — кровь отливает от моего лица, и я точно бледнею, потому что начинает кружиться голова. — Я думала, ты кого-то увидела...

— Кроме Виктора Сергеевича, ни-ко-го! — Сашка показывает указательным пальцем на потолок. — Но я чувствую...

Привычно оглядываюсь. Да. Виктор Сергеевич здесь. Он и в поликлинику меня провожает, и по магазинам со мной ходит, и в машине у подъезда сидит. Вот сейчас он с нами в кафе, вернее, не с нами, а в паре столиков от нас.

— Сейчас главное, чтобы она тебя у подъезда с кислотой не караулила! — снова пугает меня Сашка, но, увидев, как я смотрю на нее, пугается сама и начинает неадекватно только что сказанному уговаривать меня. — Не бойся! Виктор Сергеевич на посту!

— До встречи с тобой я и не боялась... — растерянно отвечаю я. — А теперь...

— А теперь мы позвоним Варьке и напросимся к ней в гости! — командует Сашка.

Варька тащит нас к Михаилу Ароновичу, у которого мы пьем чай из фарфоровой посуды, бог знает какого века. Старый психиатр шутит, что этот же самый бог за некие неведомые достоинства наградил его встречей с самыми красивыми девушками этого города именно в том возрасте, когда для него, кроме приятного общения, ничего не доступно. Варька краснеет, Сашка хохочет, я лукаво интересуюсь, на что он намекает.

Вечер в гостях у лучшего друга и ангела-хранителя семьи Дымовых проходит уютно и весело: Михаил Аронович постоянно шутит и делает комплименты, угощая нас черничным вареньем и яичным бисквитом, мастерски испеченным его сыном, врачом Георгием, которого Варя с детства зовет Георгошей. И меня снова охватывают чувства покоя и умиротворенности, позволяющие расслабиться и не волноваться больше по пустякам. Даже если главный пустяк — это Никита Верещагин, стремительно ушедший из моей жизни с последними жесткими словами о том, чтобы я оставалась одна.

Попрощавшись с милым добрым стариком, мы идем в старую Варькину квартиру на ночной девичник.

— Портной дал мне отгул, — сообщает Сашка, плюхнувшись на диван в гостиной.

— У меня завтра вечернее дежурство, — сообщаю я подругам. — Мне на работу к трем часам.

— А я закончила корректуру последнего романа Анны и теперь относительно свободна! — говорит довольная Варя. — Вы знаете, когда она нашла свою новую любовь, она стала писать по-другому, совсем по-другому.

— Нашла новую любовь... — вторит Сашка. — Звучит шикарно! Мне бы тоже подошла

такая история!

— Всё в твоих руках! — ласково улыбается Варя. — Ты ж сама с вилами наперерез стоишь!

Вспоминаю, как был удивлен Верещагин, когда вел странный диалог с Ваней, и еще раз задумываюсь о том, что что-то здесь нечисто.

— Пьянствовать будем? — спрашивает Варька, доставая из серванта графинчик с наливкой. — Еще есть сухое белое, очень крутое, целых три бутылки. Максимум клиент подарил, сам винодел.

— Конечно, крутое вино, спрашиваешь! — тут же откликается Сашка. — Где еще выпьем? Лерка сможет, конечно, а вот я...

Белое вино, сыр, оливки — стол накрывается быстро. Между первым и третьим бокалом мы с Сашкой еще раз подробно рассказываем Варю, что случилось несколько дней назад. Варя дотошно выспрашивает, кто что сказал, как кто отреагировал.

— Тебе и время не помогло? — сомневается Варя. — Или всё-таки не любишь?

— Я не знаю, — честно отвечаю я, не глядя на девчонок. — Правда, не знаю. Он не сможет оставить прошлое в покое. А это жизнь на пороховой бочке. Смерть отца и все эти тайны так раздражают его, что он заводится с пол-оборота.

— Не то говоришь! — Варька необычно строга. — Какое это имеет отношение к любви? Либо любишь — либо нет.

— Я не знаю, — повторяюсь я, жалея, что выпила два бокала.

— Давайте погадаем! — неожиданно предлагает Варя. — Давно не гадали!

— Так не святки же... — теряется Сашка. — Надо же на Рождество гадать!

— Гадать можно в любое время! — спорит Варька. — Давайте!

— А давайте! — вдруг говорю я. Да... белое сухое тоже эликсир храбрости.

— Одно из самых серьезных и точных гаданий — на суженого с зеркалами, — сообщает Варя, убирая со стола.

— Ага! — бесшабашно отвечает Сашка. — Помню-помню Горюн-камень. Леркиным суженым Сергей-Филипп оказался!

— Идиотом он оказался! — привычно огрызаюсь я. — И никем больше!

— Вопрос спорный! — охотно вступает в спор Сашка. — Вот чьи чувства и проверять не надо! Столько лет вокруг тебя бродит мужик. Просто медведь-шатун!

— Гадаем или нет?! — спрашивает Варя.

— Гадаем! — соглашаемся мы с Сашкой в унисон.

Варя зашторивает окна, хотя поздний осенний вечер за окном дарит полную темноту.

— Надо два зеркала, свечу и плотный платок, — заговорчески шепчет Варька, ставя на освобожденный стол зажженную свечу.

— И что делать? — переходит на шепот и Сашка, став вмиг серьезной и озабоченной.

— Надо сесть между зеркалами со свечой в руках, — доверительно сообщает Варя. — Сначала спокойно посмотреть на себя в первое зеркало, потом через плечо обернуться во второе. Четко сказать: «Суженый, ряженный — явись!»

— Что-то мне не хочется... — начинаю сомневаться я. — Как-то тревожно... Да и не молоденькие мы, чтобы так развлекаться...

— Еще какие молоденькие! — спорит Сашка, решившись. — Нет ведь суженого? Нет! Хочется посмотреть!

— А платок зачем? — не понимаю я. — На голову надевать?

— На зеркало набрасывать, когда там суженый появится, — терпеливо объясняет Варя. — А то выйдет из зеркала или в зеркало затянет. И всё!

— Что и всё?! — шепотом паникует Сашка. — Вот сейчас Маркс с Энгельсом ржут в могилах!

— Это проекция суженого, а не он сам! — Варя тихо хихикает. — Сюда ему нельзя, здесь, в этом мире, его подлинник. А к нему туда нельзя, потому что это не он сам, а копия подлинника.

— Жесть! — констатирует Сашка. — Жуть!

— Может, на кофейной гуще? — слабо сопротивляюсь я. — Безопаснее. Не хочется как-то ни в тот мир, ни его сюда тащить...

— Что там твоя гуща! — решается Сашка. — Давайте я буду первая!

— Ты должна остаться в комнате одна, — говорит Варя, расставляя зеркала и усаживая Сашку на стул между ними. — А то полезут все суженые разом!

— Хардкор! — стонет Сашка. — Бабы! Нам тридцать лет!

— Тридцать лет — ума нет! — ворчу я, внезапно охваченная каким-то странным возбуждением.

— Ждать своего суженого можно в любом возрасте! — поучает Варя, прикладывая палец к губам. — Здесь не возраст решает, а чувства.

Мы с Варей уходим на кухню, оставив Сашку между зеркалами одну в комнате.

— Не напугается, суженого увидев? — спрашивает меня Варя, когда мы садимся с ней за кухонный стол.

— Сашка?! — смеюсь я негромко. — Как бы он сам, этот суженый, дуба не дал от этой встречи!

Мы смеемся, нарисовав в воображении Сашкиного избранника судьбы, вылезавшего из зеркала и тут же получающего по шее.

Сашка появляется на кухне минут через десять, бледная и чем-то расстроенная.

— Чертовщина какая-то! — громко возмущается она, спохватывается, закрывает плотно дверь и шепчет. — Зачем, дура, ввязалась?

При слове «чертовщина» мое воображение услужливо подбрасывает знакомое недоразумение, усаживая его, довольного и нагло усмехающегося, на высокий серый холодильник.

— Саша! — осторожно окликает ее Варя. — Ты в порядке? Рассказывай! Ну!

— Нечего рассказывать! — Сашка наливает себе полный стакан минералки и залпом выпивает. — Игра теней и воображения!

— Кого-то видела? — недоверчиво спрашиваю я, не веря в то, что говорю.

— Никого не видела! — отмахивается Сашка. — Говорю же, тени и свет. Всё! Твоя очередь, Лерка!

— Может, сначала Варя? — неуверенно предлагаю я.

— Ты что! — смеется Варя. — Мне нельзя, я замужем. Мне категорически нельзя гадать на суженого.

— Хорошо устроилась! — ворчу я, уходя в комнату и с опаской оглядываясь на сидящего на холодильнике нахала. Он совершенно по-свойски подмигивает мне и беззастенчиво вываливает наружу черно-розовый язычок.

Теперь уже не воображение, а память старается мне услужить: вспоминаю множество суеверий, связанных с зеркалами. Зеркало — вампир. Зеркало — вместилище-тюрьма для

души. Зеркало — портал в иной мир. Некстати вспомнилось, что Иван Грозный, боящийся сглаза и порчи, приказал, чтобы его жене зеркала изготавливали только слепые мастера.

Я не могу позвать суженого, повторив слова, подсказанные Варей. Я пристально смотрю в первое зеркало, держа свечу с мелко дрожащим пламенем перед собой. Есть в этом что-то неправильное, опасное, но до жути привлекательное. Ловлю себя на желании обернуться — и поворачиваюсь молча, не произнося ни слова, ни звука. Мое отражение, многократно умноженное на само себя, длинным извилистым коридором уходит в сверкающую свечным отблеском черноту. Завороженно смотрю в десятки, сотни пар больших серых глаз, зрачков которых не черный кружок, а мерцающий золотой. И это так красиво, что я замираю, пораженная этой красотой.

Пламя толстой зеленой свечи вдруг вздрагивает с шипением, заставляя вздрогнуть и меня. На пару секунд мне кажется, что множатся не мои глаза, а его, карие, темные, буквально излучающие страсть и боль. Бросаю платок на второе зеркало и выдыхаю. Оказывается, всё это время я и не дышала. Резкий выдох тушит свечу.

— Лера! — беспокойство в голосе Вари согревает и успокаивает. — Ты как?

— Я в норме! — устало смеюсь я. — Было очень красиво, но суженый не явился.

— Убирай, Варька, эти зеркала! — ворчит Сашка. — Только душу растревожили!

— И хорошо, что растревожили! — не сдаётся Варька. — А то ничем вас не проймешь, одиночек!

— Мы не одиночки! — насмешливо возражает Сашка, разливая в бокалы вино. — Мы амазонки!

— Тогда Ваньку ты должна была или убить (прости-прости за грубость!), или отдать на воспитание отцу! — смеется Варя. — Амазонки поступали именно так. Себе они оставляли только девочек.

— Ужас какой! — откликается Сашка, отхлебывая вино. — Уже не хочется быть амазонкой.

— А с греческого слово «амазонка» переводится как «безгрудая», — развлекается Варя.

— Потому что похожа на мужчину? — удивляюсь я.

— Нет. Есть легенда, — зловеще говорит Варя, — что амазонкам еще в детстве выжигали правую грудь, чтобы удобнее было стрелять из лука.

— А что-нибудь хорошее было у этих страшных женщин? — спрашивает Сашка, раздавая бокалы.

— Хорошее? — Варя морщит лоб. — Они были великолепными воинами. Мужчин использовали для деторождения. Женский культ мужского начала. Месть мужчинам за то, что они мужчины. Одна из них была любовницей самого Александра Македонского.

— Без правой груди? — ехидно уточняет Сашка.

— Видимо... — растерянно отвечает Варя. — Левая же у нее осталась.

Мы смеемся и болтаем ни о чем под вкусное белое вино до тех пор, пока не появляется Максим и не развозит нас по домам, иронично усмехаясь в зеркало заднего вида, когда смотрит на нас троих, обнявшихся на заднем сиденье и поющих песню «Что такое осень?»

За час до конца дежурства мне звонит Варя.

— Леруся! Отвлекаю? Можешь говорить? Мне кажется, что это срочно... Это про Верещагина...

— Через час перезвоню сама, — обещаю я, холодея от дурного предчувствия.

— Мне Максим вчера рассказал и показал кое-что, — мягко начинает Варя, когда я звоню ей после дежурства. — Я тебе сейчас переешлю. И... если он тебе не нужен, то это прекрасная причина все забыть и жить дальше.

— Да что случилось? — нервничаю я.

— Лови! Поступи правильно! — ничего не объясняет Варя и отключается.

На мой телефон приходит видео, пока оно закачивается, я не могу успокоить бешено стучащее сердце.

Это ролик московского телевидения. Отрывок из выпуска новостей. Видеосюжет о бизнесмене Верещагине, который стал спонсором нового детского онкоцентра и который проводит завтра вечером прием в честь открытия. Кроме того, лукаво улыбаясь, сообщает журналистка, на приеме будет объявлено о выборе избранницы. Московская публика замерла в ожидании: кто? Известно, что спутницей Никиты Алексеевича Верещагина будет сама Екатерина Воронина, на этой неделе награжденная в Кремле орденом «За заслуги перед Отечеством». Рассказала журналистка и милую сплетню о своей коллеге Елене Барон. Все теряются в догадках, какой подарок самому себе сделает Верещагин, ведь завтра день его сорокалетия.

Рогатый провокатор пробует на вкус шариковые ручки в стаканчике на моем столе. Выбрав ручку с зеленой пастой, высасывает чернила из стержня и скалится на меня зелеными зубами.

— Довольна? — вдруг говорит он мне голосом Сашки.

— Нет, — отвечаю я, поморщившись.

— И что будешь делать? — показывая зеленый язык, спрашивает он голосом Вари.

— Думаю, — раздражаюсь я.

— Да неужели? — иронизирует он, повторив тембр самого Верещагина.

— Мы едем в Москву, — сообщаю я Виктору Сергеевичу, садясь к нему в машину впервые за эти дни.

— Завтра? — вежливо спрашивает он, несколько не удивившись моему появлению.

— Сейчас, — лаконично отвечаю я.

— Хорошо. Домой за вещами? — тут же соглашается он.

— Нет. В Москву, — настаиваю я.

Когда автомобиль трогается с места, я набираю Игоря.

— Мне нужна твоя помощь, — не здороваясь, говорю я.

— Конечно, — спокойно соглашается он сразу. — Что нужно сделать?

— Я еду в Москву. Ты мне нужен там завтра вечером, — выкладываю я.

— Я еду из Москвы, — смеется Игорь. — Разворачиваюсь. Договорились.

Середина ночи. В доме отца тихо. Нас встречает Аркадий Сергеевич.

— Здравствуйте, Валерия Ильинична! Илью Романовича будить?

— Нет, — отвечаю я. — Это подождет до утра.

В прохладной тишине спальни я лежу, глядя в потолок. Я открыла тяжелые шторы, и фонарь во дворе получил возможность накрыть желтой скатертью высокий натяжной потолок, и теперь любимые голубые ели отца разыгрывают для меня театр теней. Вот они поклонились чинно, солидно. Вот печально приподняли в стороны верхние ветки. Вот любезно помахали мне в знак приветствия.

Я не смогла заставить себя заснуть, хотя очень устала. И только когда я перестала бороться с бессонницей, она сдалась сама.

— Ты уверена, что хочешь этого? — отец недоверчиво кривит губы. — Ты всё обдумала и все решила?

— Обдумала и решила, — киваю я, чувствуя легкую тошноту, но твердую решимость.

— Я не успею, — возражает отец осторожно. — Ты дала мне мало времени. На это надо не несколько часов, а несколько дней.

— Успеешь, — угрожаю я. — Тебе и пары часов хватит. Не скромничай!

Отец вздыхает, но молчит.

— Верещагин сделал на раз, — вкрадчиво говорю я. — А ты не сможешь?

— Я не подросток, чтобы на такое покушаться! — возмущается отец, но добавляет ворчливо. — Хорошо. Не пожалей потом!

— Не пожалею, — искренне надеюсь я.

— Отправишься на прием? — осуждающе спрашивает отец, придвигая к себе чашку кофе.

— Обязательно! — дарю я отцу искреннюю любящую улыбку.

— Одна? — хмурится отец поверх кофейной чашки. — Пойдешь с Аркадием!

— Я пойду с Игорем, — ласково отвечаю я. — У него своей охраны хватит и без этого профессионального предателя.

— Он не предатель, — устало вздыхает отец. — Я тебе говорил. Он лучший из лучших. Просто позёр, пижон и артист.

— А ты разве не пойдешь на прием? — удивляюсь я.

— Меня, конечно, пригласили, — усмехается отец. — Но я не собирался встречаться с Никитой без острой необходимости. Но если тебе нужно, чтобы я был...

— Нужно, — твердо говорю я. — Очень нужно.

Так, как я готовлюсь к встрече с Верещагиным сегодня вечером, я не готовилась ни к одной встрече. Мне хочется быть красивой. Впервые в жизни я должна быть самой красивой.

Аркадий Сергеевич привозит ко мне уже знакомых мне визажиста и парикмахера. Прозванный мною Коком парикмахер по-прежнему похож на корабельного повара, объедающего всю команду. За прошедшие недели он стал еще толще, но ему это идет.

— Есть идеи? — спрашивает он, шумно отдуваясь. — Распускаем? Поднимаем? Завиваем?

— Посмотрите на платье, — киваю я в сторону кровати, на которой разложено мое новое вечернее платье. Дерзкий фасон с открытой спиной. Квинтэссенция женственности и сексуальности.

— Ого! — оценивающе присвистывает Кок. — Красное! Со шлейфом! По-королевски! Значит поднимаем!

Девушка-визажист Платиновый Ежик тратит целый час на макияж в стиле женщины-вамп. Дымчатый мейкап. Акцент на губы.

— Это потрясающе! — склоняется к моей руке, но не смеет прикоснуться губами Аркадий Сергеевич.

— Очень на это надеюсь! — вежливо отвечаю я, принимая на плечи пальто и спускаясь с крыльца.

Элегантный Жданов встречается меня возле своего автомобиля.

— Мощно! — неизменная усмешка на загорелом лице. — Выходишь на охоту?

— Типа того, — подтверждаю я.

— Завидую жертве, — шепчет Игорь мне на ухо и целует в шею.

— Рано начинаешь, — нежно говорю я в его ухо.

— Разминка! — горячо клянется друг детства, обнимая меня за талию и подсаживая в машину.

Огромный ресторан, занимающий собой всю площадь десятого этажа и имеющий открытые веранды-балконы по периметру, полон гостей. Мы с Игорем специально приехали через два часа после начала торжественной программы. Уже произнесены все речи, сняты все интервью. Гости неспешно прогуливаются по залу, переговариваясь и принимая бокалы от многочисленных официантов. Оркестр играет живую музыку в стиле блюз.

Екатерина Воронина фотографируется на фоне стены из живых цветов. Хороша бывшая балерина, ничего не скажешь! Скромное коктейльное платье цвета морской волны, идеальная прическа из тщательно закрученных локонов. Образец простоты и целомудрия. Если бы не острый подозрительный взгляд, которым она держит в поле зрения Верещагина, образ был бы вполне цельным, гармоничным.

Наше появление не остается незамеченным. Игорь ведет меня к цветочной стене, аккуратно, но откровенно собственнически держа за талию. Екатерина, меняя позу для фотографии, сразу нас замечает, метнув панический взгляд в сторону Никиты. Верещагин рассеянно смотрит на пузырьки, поднимающиеся со дна бокала, который он держит в большой сильной ладони.

Игорь подводит меня к стене, выбрав участок-инсталляцию из белых роз.

— Фотографируемся или целуемся? — шепчет он, улыбаясь уголками губ.

В этот момент Никита замечает меня. Он даже на пару секунд прикрывает глаза, словно не верит в то, что видит.

— Тогда целуемся и фотографируемся одновременно! — решает за меня Игорь, не дождавшись ответа.

Губы Игоря накрывают мои без страсти, без нажима. Чувствую себя актрисой провинциального театра. Причем весьма посредственной. Сначала глухой треск, потом легкий крик Екатерины прерывают и поцелуй, и поток мыслей. Мы с Игорем видим, как Екатерина мечется между Никитой и официантом. У ног Верещагина разбитый бокал, а по широкой ладони стекает струйка крови.

— Он раздавил бокал! — ласково шепчет мне Игорь, снова прижимая к себе. — А хочет раздавить мою шею!

Приняв из рук официанта белое полотенце, Верещагин быстрыми резкими движениями заматывает ладонь, заморозив меня свирепым взглядом, отворачивается и уходит вглубь зала, не оборачиваясь. Екатерина, отморозив меня горячим ненавидящим взглядом, почти бежит за ним.

— Довольна? — лениво интересуется Игорь. — Это всё, чего ты хотела?

— Для начала да, — подтверждаю я.

— Повторим? — насмехается Жданов.

— Посмотрим, — обещаю я.

— Господа! — возле нас возникает охранник Верещагина Михаил. — Никита

Алексеевич приглашает вас за свой стол. Прощу за мной!

Нас встречают любопытными взглядами все, кроме Никиты и Екатерины. За столом именинника его мать, Рита, посылающая мне воздушный поцелуй, и Виноградовы. Все трое. Андрей вскакивает, увидев меня, но холодный предостерегающий взгляд Игоря его останавливает, заставляет сесть обратно за стол.

— Лерочка! Какая приятная неожиданность! — поет Николай Игоревич Виноградов, приветствуя меня тем, что слегка привстает со своего стула. — Вы представите нам вашего... друга?

— Я представляюсь сам! — Игорь галантно отодвигает для меня стул. — Игорь Жданов. Мы знакомы с вами, Николай Игоревич, через моего лучшего друга Быстрова Максима Константиновича.

— Да-да, вспоминаю... — рассеянно отвечает Виноградов-старший, внимательно глядя на меня.

Спокойно встречаю его взгляд и искренне улыбаюсь. Мне не нужны его секреты и тайны. Мне нужен совершенно другой человек.

— С днем рождения! — Игорь открыто обращается к хмурому Верещагину. — Прекрасный зал. Приятный вечер.

Верещагин молча кивает Игорю, не отрывая от меня холодного обвиняющего взгляда.

— Лерочка! — окликает меня Рита. — Никитон сегодня представит нам свою невесту! Ты вовремя вернулась!

— Нет, Рита, — отвечаю я, скреживая свой взгляд с его взглядом. — Он не может представить вам свою невесту.

— Почему? — то ли радостно, то ли разочарованно интересуется Рита.

— Никита женат, — торжественно сообщаю я.

— Никита разведен! — почти выкрикивает Екатерина, покрываясь некрасивыми красными пятнами.

— Валерия в курсе! — сухо бросает первые слова Верещагин. — Мы свободные люди, начинающие новые отношения.

Верещагин теперь сверлит колючим взглядом Игоря. Жданов же садится, вытягивает ноги и по-мальчишески подмигивает Верещагину.

— Лерка — любовь всей моей жизни! — внезапно провозглашает он, кивая официанту на коньячную рюмку.

Рита восторженно ахает. Андрей недовольно хмурится. Николай Игоревич с интересом рассматривает Игоря. Ада с любопытством смотрит на Игоря, кокетливо опуская накладные реснички. Верещагин отчетливо скрипит зубами. Екатерина складывает руки на груди и травит меня кислым взглядом тщательно подведенных глаз. Таисия Петровна смотрит на меня как-то отрешенно, обреченно, словно что-то в ее жизни безнадежно нарушено и не может быть исправлено.

— Насчет новых отношений, — томно говорю я. — Нельзя начать новое, не закончив старое. У меня есть для тебя подарок, Никита.

Я киваю Игорю, и он достает из внутреннего кармана пиджака красный конверт, передавая его Верещагину. Десятки глаз следят за тем, как Никита вскрывает конверт.

— Что это? — не выдерживает напряжения Екатерина Воронина, нервно дергая узкий ворот платья. — Ты даришь ему деньги?

— Свидетельство о браке, — аккуратно читает Рита и обиженно спрашивает. — Ты

опять женился и мне не сказал?

— Красивая подделка! — фыркает Екатерина. — У провинциалов в моде плоские шулки?

— Издеваешься? — тяжелый взгляд Никиты буквально прибавляет меня к стулу. — Действительно, плоская шулка. Я думал, ты выше этого.

— Ты не смотришь в собственный паспорт? — иронизирую я, повторяя его старую шулку.

— Паспорт? — рассеянно переспрашивает он и оборачивается в поисках кого-то.

Возле нашего стола появляется Михаил.

— Мой паспорт! — цедит Верещагин.

Те пять минут, пока нет Михаила, за столом царит гробовая тишина. Блюзовая музыка играет где-то там, в другом мире. Все напряжены. Только Игорь, попивающий коньяк, расслаблен и весел.

— Зачем ты вернулась? — небрежно, стараясь казаться равнодушной, говорит Екатерина.

— К мужу, — просто отвечаю я, глядя только на Никиту.

Он бледен и странно возбужден. Карие глаза двумя уголками сверкают на его окаменевшем лице.

— Не придуривайся! — шепотом кричит Екатерина. — Я знаю всё о ваших отношениях.

— Ваш паспорт! — склоняется над Верещагиным Михаил.

— Четырнадцатая страница, — услужливо подсказываю я.

Никита открывает собственный паспорт и безэмоционально смотрит на разворот.

— Как? Черт возьми! — негромко восклицает он.

Я поворачиваю голову влево: Вяземский Илья Романович салютует мне бокалом.

Глава 24. Тени прошлого, часть 1

*Если вы встретите свою настоящую любовь,
то она от вас никуда не денется —
ни через неделю, ни через месяц, ни через год.*

Габриэль Маркес

*Человек не зверь и не ангел;
он должен любить не животным и не платонически,
а человечески.*

Виссарион Белинский

Трепетная мелодия наполняет зал, вызывая медленный, тягучий отклик в сердце. Сентиментальная Варька любит такую музыку, она говорит, что сердце тоже может плакать. Мое сердце сейчас замерло в ожидании. В ожидании его реакции.

Темно-карие глаза Никиты смотрят на меня горячо, но недоверчиво. Рита восторженно причитает. Таисия Петровна вдруг оживляется и начинает беспокойно вертеть головой, будто кого-то ищет. Андрей Виноградов откровенно расстроен. Ада ничего не понимает, но всё, что она не понимает, ей категорически не нравится: она то кривит ярко-розовые губки, словно усмехается, то выпячивает их трубочкой, словно хочет кого-то поцеловать. Николай Игоревич совершенно спокоен, по-деловому собран и даже весел. Он рассказывает что-то занимательное Таисии Петровне, подмигивает недовольной дочери и время от времени благодарно смотрит на меня.

— Потанцуем? — громко шепчет мне Игорь, так громко, чтобы слышали все, кто сидит за нашим столом.

— Обязательно потанцуешь, танцор! — сквозь зубы тут же реагирует Верещагин. — Но не с моей женой.

— Я часто танцую с чужими женами, — вдруг насмешливо бросает в застывшее пространство Игорь, словно нарываясь на неприятности. — Это невероятно возбуждает и держит в тонусе. Красивая жена чужого мужа — это вызов!

Из потока слов Игоря мой новый старый муж выбирает самое опасное — «возбуждает» — и заметно напрягается.

— Может быть, спросим у жены? — находчиво предлагаю я, послав и мужу, и другу очаровательную улыбку.

— Демократия? — картинно удивляется Игорь и прямо обращается к Никите. — Будем спрашивать у женщины или всё решим сами?

— Минуточку! — я кокетливо прикладываю ладонь к губам Игоря, не давая ему говорить. — Конечно, спросим у женщины!

Игорь с неизменной усмешкой не дает мне убрать руку от его рта, прижимает мою ладонь к своим губам сильнее и крепко целует. Верещагин дергается, резко вставая и направляясь к нам. Игорь, наоборот, расслабляется и даже обнимает меня за талию, ласково оглаживая большим пальцем косточки позвоночника, открытого благодаря глубокому вырезу на спине.

Нависающий над нами Верещагин, еле сдерживаясь, с трудом произносит:

— Лера! Мы можем поговорить наедине?

— Не можете, — встревает до зубовного скрежета вежливый Игорь, продолжая гладить меня по спине. — У меня приказ не оставлять Леру одну. Поэтому предлагаю амур де труа.

— Приказ? — теряется Никита. — Чей приказ? Вяземского?

— Мой! — бодро и звонко говорю я. — Мой приказ. Возле тебя небезопасно.

При этих словах Николай Игоревич напряженно поднимает голову и начинает прислушиваться к нашему разговору.

— Я всегда смогу защитить тех, кто мне дорог, — негромко, но тяжеловесно отвечает Никита.

— Да? — недоверчиво переспрашивает Игорь и неожиданно переходит на «ты». — Значит, ты не любил своего Тумана?

Рита ахает, привлекая еще больше внимания к нашему разговору.

— Конечно, надо поговорить! — быстро отвечаю я, продолжая улыбаться и подавая руку Никите.

Он берет мою руку крепкой хваткой сидящего в засаде и тянет к себе. Игорь не удерживает меня, за что я ему очень благодарна. Не хочется выглядеть глупо перед гостями ресторана и быть разорванной напополам. Судя по серьезным самцовым взглядам, не отпустит ни тот, ни другой. Но Игорь отпускает, лениво приподнимаясь вслед за мной.

— На балкон? — хрипло и неуверенно спрашивает Никита, прижимая мою руку к своей груди.

Я чувствую сильные глубокие толчки его сердца, они отдаются в мою похолодевшую от волнения ладонь.

— Имей в виду! — продолжает балагурить Игорь, тоже вставая. — Я боюсь высоты!

— На это и рассчитываю! — довольно грубо отвечает Верещагин.

Под пристальными взглядами гостей нашего стола мы идем по направлению к балконам. Впереди я и Никита, крепко держащий меня за руку, за нами Игорь, насвистывающий и посматривающий по сторонам веселым взглядом. Возле широких и высоких дверей аккуратной стопкой лежат пледы: серые, коричневые, кремовые. Верещагин берет верхний темно-коричневый плед и буквально закутывает меня в него, едва успеваю не дать ему накинуть плед мне на голову.

— Эй! — сопротивляюсь я. — Не зима!

— Холодно! — по-медвежьи ворчит Верещагин. — Ветер...

На огромном балконе-веранде стоят столики из черного стекла, а вокруг них плетеные кресла, подвешенные на черных цепях к потолку. Три шустрых официанта очень быстро реагируют на наш выход: на одном из столиков появляются горящие свечи, толстые и белые, потом уютно дымящийся прозрачный чайник и три чашки.

Никита и Игорь пледы не берут и, судя по торжественным и важным лицам, совершенно не чувствуют осеннего холода и вечерней промозглости воздуха.

— Я буду чай! — громко объявляю я обоим мужчинам, когда Никита усаживает меня в кресло и накрывает вторым пледом мои ноги.

Верещагин растерянно смотрит на чайник и чашки, словно пытается догадаться, как можно сделать то, о чем я попросила. Игорь же берет чайник и медленно, изящно наливает в мою чашку чай, ароматный дымок окутывает и наполняет ноздри запахом листьев черной смородины и имбиря.

— Спасибо! — благодарно говорю я Игорю, он нарочито спокойно, не торопясь целует меня в лоб и нос, неожиданно подмигивает Никите и... идет к выходу.

— Игорь! — растерявшись, окликаю я. — Ты куда?

— Греться! — со смехом, не оборачиваясь, отвечает он. — Замерз!

— Бери плед и возвращайся! — почти испуганно прошу я друга.

Но он не отвечает и выходит с балкона. Тут же стеклянные двери перекрывает мощная спина Михаила. Игорь дурашливо вскидывает руки в жесте «сдаюсь» и даже не пытается вернуться.

Что это было? Игорь четко следовал всем моим инструкциям, подойдя к их исполнению творчески и несколько даже по-хулигански, а теперь просто оставил нас одних?

— Что это было? — моими словами мрачно спрашивает Никита, сев напротив.

— Ты об Игоре? — вопросом отвечаю я, опуская язык в горячий чай.

— Я о нашем повторном браке, — Никита хмурится и подозрительно смотрит на меня.

— Это подарок с умыслом, — весело говорю я, нервно стискивая чашку.

— С каким умыслом? — Никита мрачнеет еще больше контрастно моей веселости.

— Злобным, — улыбаюсь я нежно, и он захлебывается моей улыбкой, буквально задыхаясь и поправляя галстук, как при приступе удушья.

— Не понимаю, — осторожно отвечает он на мой выпад, жадным взглядом ощупывая мое лицо.

— Я собираюсь быть твоей женой. А поскольку я не уверена, что и ты этого хочешь теперь... добровольно, то я решила воспользоваться твоей идеей: штамп в паспорте без согласия его обладателя и шантаж. Понимаю, что это плагиат... Ты этим недоволен? — с наслаждением обжигаю горло чаем, это отвлекает от страха, ознобом охватившего закутанное в пледы тело.

Через секунду взвизгиваю от неожиданности, потому что Никита оказывается рядом со мной, положив руки на подлокотники моего кресла и резко качнув его на себя.

— Я доволен почти всем, — жарко шепчет он, наклоняясь к моему лицу. — Кроме того, что посторонний мужчина трогает и целует мою жену.

— Игорь не посторонний. Игорь — друг, — шепчу я в ответ, ловя приоткрытым ртом его горячее дыхание.

— С друзьями не целуются, — ласково упрекает он, целуя меня в губы, легко, еле ощутимо.

— Не скажи... — с удовольствием возражаю я. — Я с ним даже спала... в смысле ночевала... не один раз...

— Не один раз?! — шутливо-грозно переспрашивает Никита, рисуя губами мои брови.

— И не с ним одним... — продолжаю объяснять я, еще больше запутываясь и теряя нить разговора. — Там были и Вовка с Максом.

— Утешила! — рычит Никита, рывком вынимая меня из кресла. — Извращение какое-то... Жена рассказывает мужу, что спала с тремя... друзьями.

— Спала от слова сон, — сообщаю я его крепкой шее, прижимаясь к ней губами, а к нему всем телом.

— С этого момента ты спишь только со мной, — почти стонет он. — И от слова сон, и от слова любовь.

— Ты не торопишься? — начинаю сомневаться и паниковать я.

— Тороплюсь с чем? — он обхватывает губами мочку моего уха, слегка потянув губами

за сережку. — С правами на собственную жену? На женщину, на которой я женился второй раз за два месяца?

— Со словом любовь, — абсолютно честно отвечаю я и решаю пошутить. — Знаешь, какой у Сашки любимый анекдот? Сказать "люблю" не так уж сложно. "Циклопентанпергидрофенантрен", например, куда сложнее.

— Смешно, — грустно соглашается Никита и накрывает мои губы крепким, терпким поцелуем.

От моего мужа пахнет коньяком, силой и нежностью. Мы целуемся долго, до звона в ушах. Моих замерзших ушах. Как только Никита отстраняется, я распахиваю руки, крепко держа края пледа, и обнимаю его снова, словно летучая мышь крыльями.

— Ты замерзла, — шепчет Никита, покрывая мое лицо короткими теплыми поцелуями. — Поехали домой, жена! Этот день рождения может продолжаться и без именинника.

— Как ты вообще решился праздновать сорокалетие? — спрашиваю я лукаво. — Не веришь в плохие приметы?

— Была веская причина, — уклончиво отвечает он.

— А как же объявление о невесте? — не отстаю я. — Мы уедем и не узнаем, кто это? Мне же любопытно. Давай останемся!

— Рита нам потом расскажет, — обещает он и тянет меня к другой двери, не к той, через которую мы вышли на балкон-веранду.

— Нет! — я не даю себя увести. — Нет! Я хочу услышать сама!

— Дурочка! — Никита подхватывает меня под колени и поднимает на руки. — Никакого объявления не планировалось.

Пока я размышляю над его словами, он быстро выходит с балкона и прямо со мной на руках направляется к лифту. Мы целуемся, пока ждем лифт. Мы целуемся, пока едем в лифте. На парковке ресторана Никита ставит меня на ноги, и мы целуемся, прижавшись друг к другу, пока он не отрывается от меня и, вздохнув, не тянет за собой к своей машине.

Возле автомобиля Верещагина стоит Игорь, разговаривающий по телефону.

— Наконец-то! — прерывает он свой телефонный разговор. — Я уж думал, ты ее холодом пытаешь! Меня тогда девчонки четвертуют!

— Мы домой! — коротко бросает Никита, и Игорь, усмехаясь, галантно открывает для меня дверь на переднее пассажирское сиденье.

Глядя на мои округлившиеся в удивлении глаза Игорь артистично вздыхает:

— Не будь дурой, Лерка!

— Не буду... — растерянно обещаю я, усаживаясь в машину. — А...

— Макс! Всё в порядке! — бросает в трубку Игорь. — Молодожены уезжают в семейное гнездышко. Верещагин совершенно цел и так же совершенно счастлив. Лерка недопонимает, но для меня это к лучшему.

— Игорь? — настойчиво спрашиваю я. — Что Максим...

— Всех благ! — паясничает Игорь. — Доброго пути!

— Ты меня оставляешь? — зачем-то глупо спрашиваю я друга.

— Почему? Нет. Еду с вами. Планирую лежать строго посередине. Ты тоже за амур де труа? Неожиданно, но чертовски приятно! — Игорь открывает заднюю дверь.

— Иди к черту! — посылает Игоря Верещагин, садящийся за руль.

— Меня должна отпустить к хозяину Лерка! — тут же возражает на его реплику

развалившийся на заднем сиденье Жданов.

— Милая! — Верещагин наклоняется со своего места ко мне, берет мое лицо в свои руки и целует в губы, явно наслаждаясь и затягивая поцелуй. — Отправь, пожалуйста, своего друга отдыхать... А то я действительно боюсь обнаружить его в нашей постели.

— Тебе тоже понравилась эта идея? — живо подхватывает Игорь. — Не ожидал, дружище! Приятно удивлен!

— Никита! — упираюсь ладонями в крепкую грудь Верещагина. — Я хочу участвовать...

— Молодец, старуха! — хлопает меня по плечу Игорь. — Я знал, что ты не ханжа и не сноб!

— Я хочу участвовать в вашем разговоре, понимая, о чем идет речь! — наконец мне удается построить фразу до конца.

— Я сам всё тебе расскажу, — ласково шепчет Никита. — Помоги мне от него избавиться...

— Сейчас было обидно! — фыркает Игорь, а в карих глазах прыгают чертики. — Неблагодарные! Не гоните — сам уйду! Пока, принцесса! Из тебя получится вполне достойная королева.

Игорь наклоняется вперед, целует меня в щеку и говорит Никите:

— Если что... Ты знаешь, с кем связался.

— Иди на... — тихо ругается Верещагин и вдруг добавляет. — Спасибо.

Мы едем до нашего дома, оба молчим. Но тишина эта не напряженная, не тревожная, а какая-то благодатная, нежно успокаивающая. Никита ведет машину левой рукой, правая его рука лежит на моем левом колене, сквозь тонкую ткань красного королевского платья прожигая до костей.

— За что ты благодарил Игоря? — с придыханием спрашиваю я. — Вы в сговоре?

— Мы не в сговоре, — осторожно отвечает Верещагин, с опаской поглядывая на меня. — Но мы договорились...

— А подробнее? — строго говорю я, чувствуя себя обведенной вокруг пальца.

— Дома... — обещает Никита, лаская меня темным взглядом еле сдерживающегося от нетерпения мужчины.

Двор дома освещен. Нас встречают Злата и... Виктор Сергеевич. Мой личный охранник стоит на крыльце с вежливо-равнодушным выражением на строгом лице. Неизменно элегантный черный костюм портит галстук-бабочка ядовито зеленого цвета. Это тот самый галстук, который я дважды видела на Аркадии Сергеевиче. За Виктором Сергеевичем склонности к эпатажу я никогда не замечала.

— Что с вами? — Никита, ведущий меня в дом и держащий меня за руку, притормаживает возле Виктора Сергеевича.

— Всё в порядке! — бодро рапортует тот. — Выехал вперед, чтобы успеть встретить.

— Я про... — рассеянно отвечает Никита и, не найдя подходящего слова для зеленого безобразия на шее охранника, просто показывает на него пальцем.

— Настроение хорошее! — объясняет свой странный вид Виктор Сергеевич, глядя мне прямо в глаза.

И я вдруг понимаю. Он готов мне помогать. Он готов меня спасать. Если мне это нужно.

— Оригинально! — хвалю я галстук-сигнал и благодарно улыбаюсь Виктору

Сергеевичу.

— Добрый вечер! — по-матерински улыбается нам Злата. — Вы ужинать будете?

— Ужинать? — непонимающе переспрашивает Никита, словно забыл значение этого слова.

— Всё на кухне и всё горячее! — растолковывает Злата. — Могу подать в любое время.

— Не нужно! — смеюсь я. — Мы приехали с ужина.

— Спасибо! — реагирует и Никита. — Если нам что-то понадобится, то мы возьмем сами. Отдыхайте!

Никита ведет меня в свою спальню, в которой я никогда не была. Это огромная комната с невероятно большой кроватью. Жаль, Сашка не видит, она бы долго смеялась: она столько лет считала самой большой на свете кроватью мою кровать дома у мамы.

Увидев мои расширившиеся глаза, Никита ласково усмехается и, взяв мое лицо в ладони, окунает свой взгляд в мой. Просто ныряет. И сразу тонет. Но не барахтается, захлебываясь, а просто тонет, смирившись и наслаждаясь этим.

— Не вздумай представлять меня на этой кровати с кем-нибудь! Этот дом построен для тебя, для нас!

— Я как раз нас и представила... — искренне отвечаю я, видя, как он задыхается от моих слов.

— Сегодня я буду твоей горничной, — шепчет он, приближая свои губы к моим.

— Сегодня? — моя очередь усмехаться. — Не знаю, что ты себе надумал о моей предыдущей жизни, но у меня никогда не было прислуги, в отличие от тебя.

— Да, — соглашается он, положив теплые ладони на мою голую спину. — У меня с детства была прислуга, но никто не помогал мне снимать вечерние платья. Я их просто не носил. Они мне не шли так, как идут тебе.

— Но ты, несомненно, умеешь их снимать, — вредничаю я.

— Лера! — стонет он мне в ухо. — Мне сорок лет. Не думаешь же ты, что я достался тебе... девственником?

— Не думаю, — шепчу я в ответ, касаясь губами его подбородка. — Я хочу в душ.

— Я отнесу тебя туда, — обещает он, начиная снимать с меня платье.

Теплые сильные струи воды бьют по его широким плечам, обдавая меня мелкими сладкими брызгами, которые я по-детски ловлю ртом. Я не понимаю, почему они такие сладкие, почему по вкусу напоминают детский прозрачный сироп от кашля, который я время от времени прописываю Ваньке.

Вообще всё вокруг кажется мне нереальным и происходящим не со мной. И белоснежная плитка, которой выложены стены ванной комнаты, и грифельно-черная, которой выложен пол. И большая душевая кабина, размерами рассчитанная явно не на одного человека, и сверкающий металлическим блеском овальный круг, из которого идет теплый дождь. И двое красивых молодых людей, чьи обнаженные тела отражаются на запотевшей зеркальной стене размытыми силуэтами, словно нарисованными на морозном стекле, причудливо, интимно, с любовью.

— Как ты решилась? — очередную порцию сладких сиропных брызг на моих губах слизывает его теплый язык.

— На что? — отрешенно спрашиваю я, наслаждаясь и теплом воды, и ее сладостью, и прикосновением его губ.

— На то, чтобы вернуться ко мне да еще в качестве жены, — отвечает он, обнимая меня

и прижимая к себе.

— А! — вскрикиваю я по привычке. — Ты намочишь мои волосы!

— Высушим... — он легко скользит губами по моей шее, опускаясь всё ниже и ниже.

— Высушим, — вторю я ему, перестав расстраиваться, что придется ложиться постель с мокрыми волосами, чего я не делала никогда в жизни.

— Ты не ответила, — напоминает он моему мокрому плечу. — Как ты решилась?

— Не смогла без тебя, — отвечаю я. — Это официальная версия.

— А неофициальная? — его губы продолжают путешествие по моему телу, совершенно бессовестно отвлекая от своего же вопроса.

— Не хочу стать старой, страшной и в одиночестве закончить дни в доме престарелых, — капризно сообщаю я, напоминая его прощальные слова.

— Если бы я знал, что именно этого ты боишься, я бы пугал тебя этим с первой встречи, — лаково-предупредительно говорит он моему животу. — Эх! Сколько времени потеряно!

И мы перестали терять время. Вкус капле воды стремительно меняется: от сладкого к терпко-острому.

— Почему потолок черный? — спрашиваю я Никиту через несколько часов, глядя в глубокую обсидиановую темноту.

— Чтобы не белый, — просто отвечает он, целуя меня в висок. — В белом цвете есть какая-то безнадежность.

— А в черном надежда? — удивляюсь я, проводя пальцем по его сильной груди, чувствуя, как вздрагивает от моего прикосновения его большое тело.

— А ты видишь в нем только одиночество, замкнутость и жестокость? — теперь его палец кружит по моей груди.

— Нет. Я вижу в нем силу и упорство мужчины, — философствую я, ощущая поднимающуюся из глубины тела нежность.

— Я знаю, кто отравил Тумана, — вдруг говорит Никита, глядя мои распущенные волосы.

— Кто? — холодею я, тут же потеряв игривое настроение. — Мой отец?

— Нет, не он, — отвечает Никита. — Завтра, милая... Все этой историей мы займемся завтра.

Черный потолок исчезает из поля моего зрения, перекрытый крупным телом любимого мужчины.

Злата суетится вокруг нас, то подливая кофе, то накладывая новую порцию свежих ноздреватых блинчиков.

— Ты любишь со сметаной? — спрашиваю я мужа, который с прекрасным аппетитом поглощает третий блинчик.

— Да. А ты с джемом? — улыбается он. — Сколько мелочей друг о друге мы еще не знаем!

— Выучим! — оптимистично заявляю я. — Было бы время...

— Будет! — категорично заявляет Никита. — Теперь всё время наше.

— Я могла не приехать, — ворчливо напоминаю я, видя его довольный взгляд.

— Не могла, — качает головой Никита: отрицательно мне и утвердительно Злате,

подкладывающей еще один блинчик на его тарелку. — Слишком много людей работало на твою поездку.

— Что? — давлюсь я кофе. — Что ты имеешь в виду?

Никита смущенно (смущенно?) улыбается, зачерпывая сметану.

— Жданов? — возмущенно спрашиваю я.

— Сначала Быстров, потом Жданов, — тщательно жуя, отвечает Никита.

— Это мужская солидарность? — поражаюсь я тому, как провели меня мои близкие друзья.

— Не совсем, — признается муж, откладывая вилку. — Сначала меня всячески запугивали, пообещав уничтожить морально и физически, даже номер участка на кладбище сообщили, потом взяли с меня тысячу обещаний не расстроить тебя, не обидеть.

— Ты обещал? — хихикаю я, с нежностью думая о Максе и Игоре.

— Я поклялся на крови! — зловещим шепотом сообщает Никита. — И они поверили. Почти.

— Ты расскажешь мне о Тумане? — осторожно спрашиваю я, меняя тональность нашего общения. — И вообще... Что ты решил обо всем, что было тогда. Всё забудешь или будешь разбираться?

— Мы разберемся вместе, — обещает он, накрывая мою ладонь своей.

— А если нет? — всё-таки говорю я, не скрывая своих сомнений.

— Просто будем жить дальше, — отвечает он. — То, что мой отец отнял у себя жизнь, не повод терять бессмысленно наши жизни.

— У тебя есть план? — надеюсь я, почувствовав облегчение.

— У меня их десятки, — грустно говорит Никита, кивком отпуская Злату. — Было. Остался один. Его и будем воплощать.

Отец ждет нас в своем кабинете, куда провожает нас Аркадий Сергеевич, предупредительный, бодрый и какой-то лукавый. Вяземский встает из-за стола и идет нам навстречу. Отец обнимает меня и целует в лоб, потом протягивает руку Никите. Мой муж пожимает ее крепко, без колебаний, прямо глядя моему отцу в его холодные стальные глаза.

— В гостиной накрыты чай и... виски с коньяком, — осторожно шутит мой отец. — Прошу к столу!

— Не поверишь, Никита! — отец греет в ладонях коньячный бокал. — А ведь мы с Алексеем, твоим отцом, даже обговаривали вашу с Лерой помолвку, когда она родилась.

— Обговорили? — не удивляется Никита.

— Нет. Алексей сказал, что тебе уже десять и так долго ты ждать мою Леру не будешь, — грустно усмехается отец. — Мы посмеялись, выпили с ним. На том и закрыли тему. Он делал ставку на Ковалевских. Их Маргариту.

— Почти получилось! — встречаю я в диалог. — Если бы она не заболела...

— Вряд ли, — мягко возражает Никита. — Рита всю жизнь возле меня. Она мне как сестра.

— Остались только я и Тася... — отец жестами просит у меня разрешения закурить. — Кто может рассказать тебе правду. Но я не хочу этого делать.

— Почему? — мрачнеет Никита. — Вы боитесь меня огорчить?

— Бог тобой! — грусть в глазах отца физически ощущаема. — Лет тридцать назад я бы этого боялся... А сейчас я боюсь сломать тебя.

— Я крепкий, — возражает Никита, беря меня за руку.

— У меня только информация, — вздыхает отец, допивая коньяк. — Но я уверен, что и доказательства есть. Но не у меня. Я всегда знал, что они есть. Но не давал никому ими воспользоваться. Сможешь достать — забирай...

— Папа! — вырывается у меня. — Да говори же!

— А вот этого я боялся... — отец подливает себе коньяк. — Я так боялся, что ты его полюбишь... а он раздавит тебя своей ненавистью. Или наоборот... Он полюбит тебя, а ты уничтожишь его своим равнодушием. И тогда я не сдержу слово, данное Алексею. Очень хотелось сдержать, хотя... Я ему уже ничего не должен. Совсем ничего.

Наступает тишина. Я больше не вмешиваюсь в разговор. Никита гладит мою руку, лежащую на столе. Отец смотрит на наши соединенные руки и начинает говорить:

— Ты выбивал дверь в кабинет отца до тех пор, пока тебе не помогли ее открыть?

— Да... — хрипло отвечает Никита, сжимая мою ладонь.

— Потому что цельная дверь из массива дуба была закрыта изнутри, — констатирует мой отец, Никита кивает.

— Отец закрылся и застрелился, — Вяземский впивается острым взглядом в моего мужа.

Еще одно хриплое «да».

— А где его прощальное письмо? — мой отец не спускает с Никиты глаз.

— Его не было, — отвечает Верещагин, сглатывая, как при больном горле.

— Оно было, — резко отвечает отец. — Ты сам слышал выстрел?

— Нет, — Никита отрицательно машет головой. — Выстрел слышала охрана. А меня позвала Злата. Откуда вы знаете о прощальном письме? Это предположение?

— Нет. Это факт. Я его видел и читал, — отец устало откидывается на спинку стула.

— Как?! — выдыхаю я.

— До того, как уехать к себе, Алексей был у меня. Во всем признался. Просил прощения. Я не смог его простить, — как-то буднично отвечает мой отец, словно перечисляет блюда из меню в ресторане.

— Простить за что? — так же спокойно переспрашивает Никита, и только по легкому дрожанию его руки, держащей мою, я понимаю, что он волнуется.

— За то, что он сделал с Ковалевскими, — тихо говорит мой отец.

— Это он? — Никита резко и надрывно кашляет. — Но почему?

— Причин десятки, — тон отца становится резким. — Его финансовые махинации. Его отношения с Ириной Ковалевской. Его преступление, в результате которого погибли Рэм и Ирина. Его попытка подставить под всё это меня. У него получилось. Почти. По крайней мере, ты поверил. И веришь долгие годы.

— Мой отец убил Ковалевских? — Никита отпускает мою руку, но я сама хватаюсь за его ладонь обеими руками, как маленькая девочка.

— Отравил, — уточняет странно равнодушный отец. — Но, возможно, это был не он. Но тебе от этого легче не станет.

— Вы хотите сказать... — Никита замолкает.

— Я не хочу сказать. Я говорю, — отец, наконец, меняет безразличный тон, в голосе появляются досада и даже боль. — Я никогда не был любовником твоей матери. Но... Она была моей девушкой. Сорок лет назад. Она бросила меня ради более перспективного Алексея Верещагина, моего друга. Я женился почти на десять лет позже. На Лериной

матери.

— Ковалевские, — тихо напоминаю я, поскольку Никита странно молчит.

— Алексей долгие годы был любовником Ирины Ковалевской. Одно время я даже думал, что Рита твоя сестра, Никита. Но нет, не пугайся. Она дочь Рэма и Ирины. Я проверял, — Вяземский устало трет виски, рассказ дается ему тяжелее, чем он хочет это показать.

— Зачем моему отцу было убивать себя? — выдавливает из себя Никита. — Он боялся ответственности?

— Он подставил меня, Виноградова и Ковалевского. Это огромные деньги. И это не финансовая ошибка, а мошенническая афера. Она у него не получилась. Вернее, не была доведена до логического конца. Ковалевский — мегамозг, экономист от бога... или от дьявола. И обнаружил утечку денег быстро, и просчитал Верещагина старшего еще быстрее. Только под носом своим ничего не видел... Ирину так и не уличил в измене, — отец смотрит на пламя в камине и не смотрит на нас, тени прошлого исполняют на его суровом лице причудливый танец.

Ни я, ни Никита ничего не отвечаем моему отцу, поэтому через некоторое время он продолжает:

— В тот день мы долго говорили. Он психовал. Врал. Изворачивался. В каком-то смысле ты прав, Никита. Я тоже повинен в смерти твоего отца. Я дал ему одни сутки. Для признания. А он выбрал другой путь.

— Так в чем же твоя вина? — бросаюсь я на защиту отца, сама того не желая, но чувствуя глубокую внутреннюю потребность в этом. — Это его выбор!

— Не могу сказать, что я не намекал Алексею и на этот путь. Вернее, я понимал, что он может его выбрать. Понимал, но не стал останавливать, — Вяземский говорит сухо, даже жестко. — Поэтому догадки Никиты о том, что я виновен, имеют место быть. Хотя я надеялся, что Алексей выберет более тяжелый и честный путь. Возможно, он боялся мести со стороны партнеров и друзей Ковалевского. Это было отчаянное время. У него было письмо. Он должен был оставить его на столе, за которым... застрелился.

— Письма точно не было, — Никита сидит с закрытыми глазами, словно восстанавливает в памяти картину из прошлого. — Но я знаю, где оно. У кого оно.

— Я тоже знаю, — отец сочувственно смотрит на моего мужа.

Никита отправляет за руль Михаила. Мы садимся на заднее сиденье вдвоем, обнявшись, и молчим, пока едем в дом Таисии Петровны. Заезжаем во двор, но не выходим из машины. Михаил оставляет нас одних.

— Тебе больно? — тихо спрашиваю я. — Что всё оказалось так?

Никита прижимается лбом к моему лбу.

— А не так, как я себе это представлял? Да. Это очень больно. Я столько лет мечтал отомстить своему врагу — твоему отцу. Я ненавидел собственную мать, считая ее любовницей Вяземского. Я поражался силе любви отца к матери, которая заставила его уйти из жизни. А всё так просто... Это мой отец — вор. Это мой отец — изменник. Это мой отец — убийца.

— Вяземский сказал, что не уверен, что именно Верещагин виновен в смерти Ковалевских. Что есть варианты, — как могу, утешаю я Никиту.

— Этот вариант еще страшнее, — Никита прижимается к моим губам. — Гораздо

страшнее. Потому что за ним другое горе.

— Я не понимаю, — горячо шепчу я, с нежностью и тихой страстью отвечая на поцелуй мужа.

— Как случилось так, что ты полюбила меня? — вдруг спрашивает Никита, хотя я ни разу не произносила слова о своей любви к нему.

— Я не знаю. Я нечаянно, — глупо шучу я. — Я не хотела. Я сопротивлялась. Но ты меня убедил.

Мы долго целуемся, как подростки, на заднем сиденье автомобиля, пока я не вырываюсь мягко из его объятий и не напоминаю:

— Мы приехали разговаривать с твоей матерью.

Таисия Петровна раскладывает карты Таро за журнальным столиком в гостиной. Она в элегантном домашнем костюме горчичного цвета и с тщательно уложенными волосами.

— Это не было шуткой? — откровенно огорченно говорит она вместо приветствия.

— Что именно, мама? — сухо спрашивает Никита, и мы садимся на диван напротив Таисии Петровны.

— Ее слова о вашем браке, — объясняет она, не глядя на нас и продолжая раскладывать карты.

— Нет. Не было, — отвечает ей сын, обнимая меня за плечи.

Таисия Петровна поднимает на нас глаза. В них досада и разочарование.

— Мама. Почему Туман? За что его? Ты сама это сделала или Ритиными руками? — Никита наклоняется вперед, не спуская с матери глаз.

— Я не живодер! — нервно подергивает озябшими плечами усталая женщина. — Я бы не смогла сама. Это жестоко.

— А воспользоваться болезнью Риты не жестоко? — в глазах моего мужа настоящая боль, но он сдерживается и говорит тихо, без нажима.

— Эти ваши собаки! — вдруг восклицает Таисия Петровна. — Фома, Ерема, Туман... На них вы с отцом всегда обращали внимания больше, чем на меня...

— Глупости. Чушь, — по-прежнему тихо возражает Никита. — Ты бредишь, мама. Это друзья. Это лучшие в мире существа, но они не заменят ни мать, ни жену. Почему Туман? Чтобы я продолжал подозревать Вяземского? Или его дочь?

Таисия Петровна с какой-то жалостью смотрит на меня и как-то кокетливо говорит:

— Лучше дочь, но и отца достаточно.

— Мама, — Никита отпускает меня, берет материнские руки в свои и произносит неожиданные для меня слова. — Мама, где папино прощальное письмо?

Глава 25. Тени прошлого, часть 2

*Я поняла, что нельзя оборачиваться назад,
нельзя даже пытаться оборачиваться назад.
Жизнь — это улица с односторонним движением.*

Агата Кристи

*Пора уже оставить прошлое в покое и
жить настоящим, учитывая,
что не так уж много нам отпущено будущего...*

Олег Рой

— Императрица... Надо же... Второй раз... — Таисия Петровна вертит в руках карту, на которой изображена величественная женщина на троне, покрытом красным покрывалом с золотой вышивкой. — Мне выпала перевернутая Императрица, а на тебя, Никита, я расклад делала — получила Императрицу неперевернутую.

— Да? — спокойно спрашивает Никита, так и не дождавшись ответа на свой вопрос о письме. — Это хорошо или плохо?

— Для меня очень плохо, — горько улыбается женщина. — Много проблем. Эмоции только негативные. Эгоизм, жадность, ревность.

Таисия Петровна звонит в маленький бронзовый колокольчик, и пожилая женщина, которую я никогда не видела, приносит ей на серебряном подносе рюмочку хереса и чашку кофе. Мать Никиты с достоинством, смакуя, выпивает херес, делает глоток кофе и продолжает говорить:

— Перевернутая Императрица говорит о депрессии и долгом периоде одиночества.

— Наверное, это был и твой выбор тоже? — неожиданно мягко спрашивает Никита. — Ты столько лет обманывала меня, всех.

— Обманывала? — пожимает плечами мать, допивая кофе маленькими глотками. — Не рассказывать — не значит обманывать. Столкнешься с подобным — поймешь.

— Ты не хотела рассказывать о письме? — продолжает настаивать Никита и буквально забрасывает мать вопросами. — Почему? Я могу его увидеть? Ты его сохранила?

— Нет! — неожиданно фыркает Таисия Петровна, что идет вразрез с ее элегантным образом. — Я его не сохранила. Это было нытье растерявшегося мужика. Не те слова, которые передают потомкам.

И мне режет слух просторечное слово «мужик», так не вяжущееся с тем, что я представляла себе о матери Никиты.

— Что он написал, ты помнишь? — Никита снова обнимает меня за плечи, вызвав усталый, раздраженный взгляд матери.

— Помню, я не Рита! — Таисия Петровна вертит в руках Императрицу и повторяется. — А на тебя, сынок, она выпала неперевернутой. Какая капризная эта Императрица!

— Но это ведь хорошо, что неперевернутой? — невольно задаю я вопрос, на который мать Никиты с удовольствием отвечает.

— Это просто прекрасно! — бодро восклицает она, снова звоня в колокольчик. — Жизненная сила. Поворот судьбы только к лучшему. Награда за страдания, за пережитое.

И я вижу искреннюю материнскую радость в ее блестящих от близких слез глазах. Она не притворяется, это очевидно. Жалость медленной волной поднимается внутри меня, пропитывая каждую клеточку тела и наполняя мои глаза влагой.

Вторая рюмка хереса и вторая чашка кофе появляются на столике.

— Ты не хочешь отвечать мне, мама? — Никита смотрит в материнские глаза тепло и почти нежно, но настойчиво. — Почему?

- Не вижу смысла! — категорично говорит она, мгновенно высушив слезы и закашлявшись от резкости собственного тона. — Что это изменит? Десять лет назад я потеряла не только мужа, но и сына. Ты презираешь меня, я знаю.

— Я был не прав, мама, — Никита заметно бледнеет. — И мне так жаль, что я поторопился с выводами. Но если ты будешь справедлива, то вспомнишь, что сама же меня на них и навела.

Таисия Петровна откидывается в кресле и странным, растревоженным взглядом смотрит на сына.

— Нет, Никита! — не сразу, но не соглашается она. — Все выводы ты сделал сам. Я никогда не облекала в слова твою версию произошедшего.

— Твоя ненависть к Вяземскому всегда была показной, мама, — терпеливо отвечает Никита. — Я видел за ней если не любовь, то симпатию. Я буквально чувствовал ее. Я проверил твой телефон. Десять лет назад большая часть звонков на нем, и днем и ночью, предназначалась Илье Вяземскому. Накануне смерти отца вы виделись в номере центральной гостиницы в течение трех часов. После его смерти вы разговаривали около часа по телефону.

Таисия Петровна удивленно приподнимает изящно прорисованные брови.

— Даже так? — пораженно спрашивает она и смущается, удивив этим и меня, и собственного сына. — Ты не понимаешь...

— Так объясни — и я пойму, мама! — просит Никита.

Таисия Петровна в третий раз звонит в колокольчик, дергано, резко, нервно.

— Хватит! — Никита не пускает в гостиную прислугу с серебряным подносом. — Расскажешь всё, как было — и можешь допить все мои запасы Jerez Amontillado.

— Я их и так допью! — беспечно машет рукой Таисия Петровна и морщится. — Не нужна тебе эта правда, сынок. Совсем не нужна. Она всё перевернет с ног на голову. Это миф, что правда должна выйти наружу. Она бывает такой, что лучшее, что можно сделать, — это похоронить ее вместе с теми людьми, которых она касается.

— Она всё вернет с головы на ноги! — Никита целует мою руку. — Я теперь способен понять многое, мама. Еще позавчера бы не смог, а сейчас смогу.

— Я видела твою мать, — неожиданно заявляет мне Таисия Петровна. — Эта женщина не может быть твоей матерью!

— И тем не менее, она моя мать, — вежливо отвечаю я, не зная, какой тон подобрать для общения с разволновавшейся женщиной.

— Илья очень меня любил! — Таисия Петровна вдруг повышает голос, и он становится тонким, почти жалким. — Смею вас обоих уверить, именно любил! Это я должна была стать его женой.

— Насколько мне известно, — я аккуратно отвечаю на выпад, — это вы вышли замуж за

друга моего отца, несмотря на силу вашей любви к Илье Вяземскому.

— Алексею всегда надо было то, что есть у Ильи! — снижая голос до шепота, говорит мать Никиты. — Такую же фирму, такую же машину, такую же женщину...

Поскольку мы с Никитой не отвечаем, Таисия Петровна продолжает, будто оправдывается:

— Меня сразил его напор, образ успешного, молодого, перспективного бизнесмена. Я заколебалась, засомневалась, а он этим воспользовался.

— Но ты сама ушла от Вяземского к Верещагину? — спрашивает Верещагин-младший.

— Сама! — жалко-гордо вскидывает голову Таисия Петровна. — Мне тогда казалось, что я выбираю самого сильного.

— А оказалось? — в вопросе Никиты ожидание разочарования.

— А оказалось, что он действительно сильный. И умный. И расчетливый. Всегда добивающийся того, что задумал. И всегда с выгодой. Никогда без... — мать смотрит на сына открыто, не пряча взгляда. — А потом он струсил. Просто струсил, как котенок, который долгое время изображал льва.

— Что было в письме, мама? — Никита упорно возвращает мать к теме и цели нашего разговора. — Ты достаточно много сказала, чтобы молчать дальше.

— Я сразу поняла, что у него есть женщина, — Таисия Петровна смотрит на нас лихорадочно блестящими глазами. — Я только не знала, кто... Думала, какая-нибудь молодая вертихвостка с модельной внешностью. И то, что это моя подруга, Ирина Ковалевская, я узнала в тот самый день, когда Алексей вернулся от Вяземского. С дурацким письмом и трусливым желанием как-нибудь свалить всё на Илью.

В гостиной светло и тихо. Слышны только наше дыхание и скрип, извлекаемый нервно сжатыми пальцами Таисии Петровны из кожаных подлокотников кресла.

— Я хотела вернуть Илью, — шепчет женщина. — Если не в свою жизнь, то хотя бы в свою постель.

Таисия Петровна снова вздергивает подбородок в жалкой попытке проявить стыдливую гордость, но получается только неловкая и неуместная заносчивость.

— Илья уже давно не жил со своей семьей. И семью свою ни в Москву, ни в Питер не перевозил. Встречался со случайными женщинами. Десятки проходных, ни к чему не обязывающих романов. А меня как будто нет... Вот же я... Совсем рядом. Одинокая и обманутая. Только руку протяни...

Таисия Петровна с опаской берется за бронзовый колокольчик, и Никита ее не останавливает. Очередная рюмочка баснословно дорогого и фантастически вкусного (Сашка пробовала!) хереса крепленой сладостью помогает женщине продолжить рассказ.

— Да. Я часто звонила Илье. Просила его найти ту, с которой крутит роман мой муж, его друг. Он терпеливо выслушивал меня и всегда отмахивался. Всегда. А я уже тогда знала, кто это... Накануне смерти твоего отца я позвала Илью в гостиничный номер, чтобы нас там застал Алексей. Но... Алексей в это время пытался свести концы с концами: скрыть следы своей финансовой аферы. Ему было не до меня.

Таисия Петровна внезапно начинает смеяться, тонко, жалобно, по-детски.

— Ему было всё равно, с кем я в гостиничном номере!

Видя недоверие на лице сына, мать начинает смеяться и плакать одновременно.

— Для тебя он был идеалом! Как же! Отец, который всегда рядом. Отец, который берет с собой на охоту и рыбалку. Отец, который усаживает тебя рядом во время настоящих

важных переговоров. Тебя, молодого и жадно выпитывающего всё: повадки, манеру говорить и одеваться, даже дурацкую привычку потирать большой и указательный пальцы.

Никита сглатывает и распрямляет широкие плечи.

— Успокойся, мама! Я верю тебе.

— Веришь? — по-старушечьи щурится моложавая женщина. — Тебе стало легче?

— Я бы не сказал, что легче, — Никита еще сильнее прижимает меня к себе. — Просто многое стало понятнее. Многое, но не всё. Что было в письме? Его признание в воровстве и измене? Прощание с семьей? Покаяние?

Мать смотрит на сына, как на сумасшедшего или, по крайней мере, слабоумного.

— Покаяние? Алексея? Бог с тобой, сынок!

— Тогда что? — Никита проявляет чудеса сыновьего терпения.

— Вранье, приправленное правдой, — устало выдыхает Таисия Петровна. — Или правда, приправленная враньем. Я не считала в процентах и объемах. Да. Вяземский прижал Алексея. Они вместе с Ковалевским нашли вора достаточно быстро. Но сами добивать не стали. Играли в благородство. Загоняли его в угол.

— И загнали... — вырывается у меня невольно.

— Вот еще! — восклицает Таисия Петровна и произносит с непонятным чувством, то ли злорадства, то ли досады. — Он сам себя загнал.

— Ты забрала письмо и вышла через дверь в шкафу? — спрашивает напряженный Никита. — Чтобы никто не узнал правду? Я ведь даже не заметил, что кто-то, кроме отца, был в комнате.

— Ты сам скрывал правду о его смерти, потратив немало сил и средств, — напоминает Таисия Петровна. — И ты прекрасно понимаешь, что без помощи Вяземского тебе бы это не удалось.

— Я не понимаю, — говорю я громко и отчетливо, испытывая непреодолимое желание выпить знаменитого хереса: если Таисии Петровне он так помогает быть в форме, то, может, и мне поможет. (Сашка хвалила!) — Я не понимаю, зачем моему отцу было помогать тебе, Никита, если он так хотел добиться справедливости? Разве не это была его цель, чтобы Верещагин ответил за воровство, обман друзей, предательство и... убийство?

— Что ж вы у него не спросили, Валерия Ильинична Вяземская? — с издевкой в голосе обращается ко мне мать Никиты.

— Князева, — тихо поправляю я ее и вижу поддерживающий, добрый взгляд мужа.

— Ну, тогда тебе это понравится, — беззлобно отвечает Таисия Петровна. — Твой отец помог моему сыну и заслужил его лютую ненависть. Как тебе?

— Ты дала мне понять всё то, что я предположил, — напоминает матери Никита, но не осуждающе, а как-то безысходно.

— Потому что я просила его помочь ради меня и тебя, — огрызается Таисия Петровна, но тоже как-то безнадежно, как старая слабая мышь, попавшая в мышеловку и теперь ругающая себя за то, что польстилась на бесплатный сыр. — А он помог ради нее.

— Нее? — поражаюсь терпению Никиты, ему вполне можно было бы стать духовником смертников, с таким запасом смирения и терпения.

В общении со мной я этой его способности раньше не замечала. Но я понимаю — это его мать. Мать, которую он долгие десять лет считал любовницей моего отца, а она ею не была. Физически чувствую вину сына перед матерью. Она осязаема, ощущаема и весомо давит на сильные широкие плечи моего мужа. И мне очень хочется разделить эту тяжесть,

подставив свое плечо. Но я знаю, что он не позволит.

— Ирину! — свистящим шепотом говорит загнанная в угол женщина. — Их драгоценную Ирину Ковалевскую. Моя лучшая подруга была любовницей моего мужа и новой любовью моего первого мужчины.

— Вы хотите сказать... — начинаю догадываться я.

— Не хочу сказать! — резко отвечает Таисия Петровна. — А говорю.

— Ирина Ковалевская была любовницей и Вяземского? — ласково сжимая мою ладонь, осторожно уточняет Никита.

— Я не знаю, была ли, — аккуратно покрашенные красно-коричневой помадой тонкие губы Таисии Петровны кривятся в некрасивой усмешке, которая портит ее безупречный вид. — Но она сама мне хвасталась, что заполучила в постель и того, и другого, а муж ни сном ни духом. Эту ветхозаветную приговорку, стерва, несколько раз использовала. Рэм сам виноват. Мозги с трех десятков собрали, ему одному в черепушку вложили. Талант. Почти гений. А пустоголовая крашенная блондинка с тремя пластическими операциями ему эти уникальные мозги пудрила.

— Мама... — вдруг испуганно говорит Никита.

Именно испуганно. Вот сейчас он что-то понимает, чего совершенно не понимаю я, и боится этого, отчетливо, по-настоящему.

— В якобы прощальном письме Алексей написал правду обо мне. Я не могла допустить...

— Хватит! — Никита резко встает и за руку поднимает меня. — Не надо пугать Леру, мама.

Пока меня испугал только испуг Никиты: я ничего не понимаю, но мать и сын это делают без слов. Карие глаза Никиты темнеют до черно-грозовых и подозрительно блестят. Карие глаза его матери наполняются слезами, которые катятся по ее щекам, никем не останавливаемые, крупные, тяжелые, покаянные.

— Я вернусь к тебе, мама. Скоро вернусь. Один. Без Леры. И мы поговорим еще раз, — дрогнувшим голосом обращается к матери сын.

— Бережешь ее? — прижимая к себе колоду карт, устало спрашивает Таисия Петровна.

— Берегу, — просто отвечает Никита. — И тебя берегу. Просто раньше я не знал, что беречь надо от этого. Теперь знаю.

— Меня накажут? — сжимается в комочек Таисия Петровна.

— Ты достаточно себя наказала, — Никита отпускает меня, подходит к матери и целует ее в гордый лоб, на котором нет ни одной морщинки. — Я могу простить тебя, как сын. Прости себя сама, как мать.

В маленькой уютной квартирке Женьки и Евгения тепло и весело. Нарядный Тимофей в атласной голубой жилетке и памперсах хватает с огромного торта разноцветные безешки и торопливо, пока не отобрали, отправляет их в жадный рот.

— Обезьянам нельзя безе! — строго упрекает питомца Женька, в очередной раз не успев отобрать яркую хрупкую розочку.

Удивление в круглых наглых глазах Тимофея читается легко: «Это кто здесь обезьяна?»

Мы празднуем день рождения Тимофея. Приехали сюда сразу из дома Таисии Петровны, которую оставили в гостинной эмоционально выпотрошенной, но с высохшими слезами.

— Надо прийти в себя, — объясняет Никита, долго целуя меня в машине. — Или я сойду с ума. Тебе ведь не нужен сумасшедший муж?

Киваю с согласием. Мне вполне хватит сумасшедшей свекрови.

Ветеринар Федор купил любимцу, точнее, конечно, нам торт. Кулинарный шедевр поражает и своими размерами, и ядовито-ярким цветом крема, и количеством безе в виде мелких розочек, которыми украшен.

— Скоро Тимошка и слово «обезьяна» будет считать ругательным! — шепотом возмущается Евгений. — Не удивлюсь, если попросит паспорт и долю в нашей двушке.

— Тогда надо было назвать его Полиграфом Полиграфовичем Шариковым! — хохочет Федор. — А не Тимофеем.

— Имя было на ошейнике, когда его нашли, — смеется Женька, тряся рыжими кудрями, и угрожает Тимофею, примерившемуся к единственной желтой розочке. — Но можно и переименовать. Например, в Разбойника.

И тут же получает по плечу черным кулачком с зажатой в нем розочкой. Красную футболку Женьки с принтом Ленина теперь украшают желтые колючие крошки.

— Никита! Как лимузин? Восстановили его? — вдруг спрашивает Федор. — К свадьбе успеете?

— К свадьбе? — искренне удивляюсь я, видя, как Никита показывает другу внушительный кулак.

— Ой! Вы решились всё-таки! — почти визжит Женька, пугая Тимофея, он даже от испуга роняет третью украденную розочку, теперь голубую. — А то конечно! И любовь есть, и деньги есть! А свадьбы нет! Даже у нас с Женей была! У бедных студентов!

— Лера! Это такой лимузин! Песня! Мечта! ЗИС 110Б! Ты когда-нибудь видела такой?! — захлебываясь восторгом, подхватывает Федор.

— Ученые доказали, что самая болтливая баба — это пьяный мужик! — с легкой досадой говорит Верещагин, мне подмигивая.

Слово «баба» приводит Тимофея в состояние полной боевой готовности, но ударить Никиту он не решается.

— Молодец, самец! — хвалит обезьяну Федор. — Знает, что со старшим самцом связываться не стоит!

— Свадьба? — улыбаюсь я Никите, ситуация очень веселит и напоминает какую-то французскую кинокомедию. — Лимузин?

— Вообще-то это был сюрприз! — ворчит Никита нежно.

— Что именно? — строго спрашиваю я. — Свадьба или лимузин?

— Лимузин, конечно, — Никита целует мою руку. — А про свадьбу я еще у тебя не спросил. Собирался сначала выманить тебя на свой день рождения, а потом выдать за себя замуж. Но ты оказалась хитрее. Лера! Ты выйдешь за меня замуж?

За столом устанавливается тишина, легкая, хрупкая, доверительная.

— В третий раз?! — панически восклицаю я, и Тимофей вдруг протягивает мне белую розочку. — Мы опять разводимся?

Тимофей настойчиво сует мне безе и даже сердится, что я не беру.

— Лера! Тимофей в тебя влюбился! Он никогда ни с кем ничем не делится! Никогда! — пораженно говорит Женька, глядя обезьянку по голове.

— Я неверно сформулировал свой вопрос, — смеется Никита и тут же становится по-настоящему серьезным. — Надо было спросить, позволишь ли ты устроить нашу свадьбу,

первую и единственную?

Я теряюсь и не знаю, что ответить. Оказывается, я настолько привыкла к мысли, что уже замужем, что ни разу не подумала о свадьбе. Взгляд у моего мужа горячий, пронзительный. Он прожигает до ощущения полной зависимости от этого мужчины: эмоциональной, физической, даже физиологической.

— Тебе нужна эта свадьба? — растерянно спрашиваю я Никиту.

— Это шанс предъявить свои права на тебя всему миру! — раздается зловещий шепот Федора. — Предъявить. Клеймо поставить. Границы выставить. Все самцы так делают. Верьте мне, я ветеринар.

— Это и напрягает! — шутливо ворчит Никита. — Мы не аквариумные рыбки. И даже не обезьянки.

Федор оживает:

— У моего приятеля в зоопарке есть друг. Рыба. Бразильский скат леопольди. Ядовитый хищник с шипами на хвосте. Так вот... Он стал почти ручным, привязался к людям, которые за ним и его водоемом ухаживают. Когда Егор его кормить приходит, скат вылезает на берег, брюшком ложится на ладонь человеческую и может есть прямо с другой ладони. Я в гости к Егору приходил, он мне фокус показывал: специально ската игнорировал. Знаете, что леопольди вытворял тогда?

Мы все, с удивлением слушающие Федора, конечно, не знаем. И Федор удовлетворенно продолжает:

— Набирал в рот воды и окатывал Егора с головы до ног!

Мы смеемся и очень радуем этим Тимофея. Он подпрыгивает и весело верещит.

— Мне хотелось бы, чтобы эта свадьба состоялась, но только если ты не против, — Никита привлекает меня к себе, его горячая широкая ладонь ложится на мою спину.

Я вспоминаю свадьбу Вари и Максима. Отчетливо помню собственные мысли, которые приходили мне тогда в голову: я хочу так же. И вот сейчас теплая волна любви к этому высокому сильному мужчине согревает меня, давая ощущение защищенности и покоя, такое же широкое и мощное, как его плечи.

— Я не против, — киваю я мужу. — Пусть будет свадьба.

— Ура! — кричат Женька, Евгений и Федор, Тимофей ворует розочку и на всякий случай перепрыгивает с рук Женьки на подоконник, прячась за штору.

— Лера! ЗИС 110Б! — как молитву, благоговейно произносит Федор. — Красавец! Сам белый. Салон белоснежный. Задний привод. Механика. Сто сорок лошадей!

Я почему-то представляю возле неизвестного мне ЗИСа Аркадия Сергеевича в элегантном черном костюме и ядовито-зеленой бабочке. Вспоминаю, как Виктор Сергеевич называл его пижоном.

— Надеюсь, мы приглашены? — радостно возбуждается Женька. — У Тимоши есть фрак и бабочка!

— Будем рады! — усмехается Никита. — Будут только друзья и близкие. Никаких нужных людей.

Тимофей высовывается из-за шторки и скалится, показывая довольно внушительные клыки.

— Это мы так улыбаемся! — объясняет Женька.

— У тебя не осталось вопросов к матери? — осторожно спрашиваю я лежащего рядом

мужа, чей строгий профиль отбрасывает четкую тень на прикроватную стену. — Ты нашел успокоение в ее объяснениях?

Никита долго не отвечает, потом поворачивается ко мне, встречаясь со мной потерянными глазами.

— Ты поняла, почему возле отца не нашли письмо?

— Его забрала Таисия Петровна, — отвечаю я, проводя пальцем по его скулам и чувствуя, как напрягается всё его тело. — Из кабинета есть еще одна дверь. Пока ты выбивал одну, она ушла через другую, унося с собой письмо.

— Это половина правды, — вздыхает Никита, лоя ртом мой палец, путешествующий по его полным губам.

— А что во второй половине? — пугаюсь я. — Что-то еще, чего я не знаю?

Никита резко встает с постели и отходит к окну. Мы не задергивали шторы. Ночь сегодня ясная, холодная. Звезд немного. Очень тонкий месяц изящной золотой скобкой украшает чернильное небо.

И, как всегда, в темноте, задолго до рассвета, тревожно и тоскливо на душе, если есть из-за чего расстраиваться. А у Никиты есть причина переживать: десять лет убежденной ненависти и глубокой скорби. Но теперь некого ненавидеть... и надо ли скорбеть?

Все эти сомнения написаны на лице Никиты, повернувшегося ко мне в порыве откровенности.

— Мой отец — предатель и вор, изменник и лгун. По словам моей матери и твоего отца, еще и трус. Лера! Это мой... мой! отец! Сильный, умный, честный, самый лучший на свете человек! За десять лет моя мечта о мести его убийцам, людям, подтолкнувшим его к самоубийству, стала не просто холодным блюдом — она стала единственной жизненной целью! Блюдом изысканным, из меню самой высокой кухни!

— Я понимаю, — искренне расстраиваюсь я, тоже вставая с постели.

Беру со спинки стула его большой банный халат и прячусь в него, ощущая озноб и желание согреться. Халат пахнет любимым мужчиной и домашним теплом.

— Вряд ли, — выдыхает Никита, прижимая меня к себе. — Она никогда не покажет это письмо, потому что оно не прощальное...

— Не прощальное? — ничего не понимаю я. — А какое?

— Скорее всего, просто покаянное, чтобы отсрочить гнев и действия Вяземского, которые могли его уничтожить и как бизнесмена, и как человека, — Никита ласково берет меня за подбородок, но не целует, а внимательно вглядывается в мои глаза.

— Это космос, — неожиданно шепчет он.

— Что? — удивляюсь я его словам.

— Твои глаза, — продолжает шептать Никита. — Они хрустально прозрачные, но постоянно меняющие цвет.

— Просто серые, — улыбаюсь я.

— Нет! — спорит муж. — То светлые и невероятно глубокие, как космос. То темные и пугающе красивые, как космос.

— Да ты поэт! — шутливо иронизирую я.

— Не поэт, — мягко смеется он. — Но, как оказалось, способен и к словотворчеству. Когда я думал, что потерял тебя, то тратил долгие часы на подбор убеждающих слов.

— Давай! — веселюсь я. — Убеждай!

- Я хотел сказать, что был твердолюбо упрямым, мстительно злым и иррационально

нелогичным, но... — Никита ласково гладит меня по голове, как маленькую девочку. — Но одна прекрасная девушка убедила меня, что надо быть мягко доверчивым, безусловно добрым и рационально мыслящим.

— Неужели? — искренне удивляюсь я. — Такой резкий поворот на сто восемьдесят градусов! Голова не кружится?

— Кружится... — соглашается мой новый старый муж. — Еще как кружится! Показать?

— Мне показалось или ты хотел говорить о чем-то другом? — тревожусь я, видя и темные круги под его глазами, и растерянную грусть в глазах.

Никита долго молчит, обнимая меня и грея своим большим телом, потом отстраняется и говорит:

— Ты не догадалась?

— Нет... — совсем теряюсь я, не понимая, что именно его беспокоит. — Тебе так нужно это отцовское письмо? Что ты хочешь в нем найти?

— Мать уничтожила письмо, — с нажимом отвечает мне Никита. — Она этого не сказала, но это очевидно.

— Возможно, правильно сделала? — осторожно начинаю я. — Иначе следствие узнало бы о мошенничестве и отравлении. А значит, об убийстве Ковалевских.

Лицо Никиты искажает кривая улыбка, делающая его неузнаваемо странным, каким-то незнакомым.

— А так... — я пожимаю плечами, приподнимая его тяжелые руки. — А так и следствие, и ты придумали свои версии произошедшего и всё удалось скрыть.

— Я десять лет, Лера! Десять лет считал, что Вяземский — любовник моей матери под носом моего отца! А господин Верещагин был любовником госпожи Ковалевской, отравленной моей матерью в компании с ее мужем, господином Ковалевским.

— Матерью?! — с каким-то мышинным пискom выдыхаю я. — Матерью?!

— Конечно, — лицо Никиты буквально сереет от тяжелых мыслей и раздирающих душу чувств, которые он то ли пытается скрыть, то ли, наоборот, обнаружить, открыть. — Это она. Она отравила соперницу, а заодно и ее мужа. Но это еще не всё... Есть еще одно обстоятельство. И оно убивает меня.

— Не всё? — у меня холодеют руки и ноги, кажется, начинается легкая лихорадка. — Убивает?! Что ты имеешь в виду?

— Я почти уверен в том, что моя мать убила и моего отца, — голос Никиты странно холоден и обманчиво безразличен.

На моем лице, наверное, отчетливый рисунок из паники, неверия, шока и сочувствия.

— Не может быть! — облакаю я в слова свою растерянность. — Ты не можешь быть уверен! Она тебе призналась?

— Да. Ты слышала, она спросила «Меня накажут?». Она не о Ковалевских. Она об отце, — в голосе мужа отчаянная досада и настоящее горе.

— Ты не можешь ошибаться? — все-таки сомневаюсь я.

— Хочу. Очень хочу. Но не могу, — Никита садится на кровать и привлекает меня к себе на колени.

— Но как же... — я продолжаю искать логику и здоровое зерно во всем, что он говорит. — Была же экспертиза. Профессиональный эксперт не мог не заметить очевидного. Ты бы сразу знал.

— Заключение профессионального эксперта? — Никита горько усмехается. — Сам я

ничего не заподозрил. Обнаружив труп отца, я позвонил самому близкому на тот момент человеку — твоему отцу. Всё остальное время всё вокруг контролировал он. Я был в шоковом состоянии. Только спустя полгода стал задавать себе вопросы, нанял частного детектива. Узнал о том, что моя мать постоянно общалась с Вяземским и по телефону, и вживую. Сразу сделал выводы. Какие пришли на ум первыми. Казалось, всё подтверждалось. Тем более Вяземский вдруг закрылся, перестал со мной общаться. Ни от чего не отрещивался, но ни в чем и не признавался. Я обвинял его в связи с моей матерью — он усмехался. Я обвинял его в доведении до самоубийства моего отца — он усмехался и молчал. Я пугал его страшной смертью — он усмехался, молчал и без слов указывал мне на дверь.

— Он защищал Таисию Петровну? — предположила я, прижимаясь к его плечу носом и чувствуя горячую потребность самой защитить этого очень сильного человека.

— Нет. Не ее, — Никита берет мое лицо в широкие ладони. — Меня. Я только сегодня понял это по-настоящему. Человек, которого я истово ненавидел, которого я жаждал уничтожить, не стеснясь привлечь к этому и его единственную дочь. Человек, которого я мечтал не просто стереть в порошок, а даже, прости, Лера, довести до выбора смерти вместо жизни...

Никите словно не хватает ни слов, ни воздуха — он замолкает и не заканчивает фразу. Я смотрю в его глаза, темные, карие, затягивающие меня в какой-то коловорот, и ничего не говорю. Я испытываю боль за Никиту и собственного отца одновременно.

— Вяземский просто защищал меня от правды. От меня самого. А потом, когда понял, что я не остановлюсь и погублю тебя, возненавидел меня так же сильно, как я его. Но правды так и не сказал, — Никита смотрит на меня, не отпуская мое лицо и вдруг спрашивает. — Ты простишь меня?

— Меня бы здесь не было, — честно отвечаю я любимому человеку и даже пытаюсь грустно пошутить. — Если ты вспомнишь, то это я тебя на себе женила, в последний раз...

Он прижимается губами к моим губам, не углубляя поцелуй, не настаивая на своих правах, едва прикасаясь, словно пытаюсь оставить на моих губах легкий отпечаток своих.

— Не за мое поведение тогда, а за мою тупость! — досада искажает лицо Никиты. — Если бы всё оказалось так, как я был уверен, то хоть как-то можно было бы оправдаться! А теперь... Я совершенно не понимаю, что мне делать. Поднимать тени прошлого из могил? Настаивать на пересмотре дела? Упечь мать в тюрьму?

Я пугаюсь и молчу. Если бы мне пришлось принимать решение в подобном вопросе... То смогла бы я выбрать? Вряд ли.

— Есть еще Виноградов, — аккуратно напоминаю я. — Он кровно заинтересован в том, чтобы всё осталось внутри стен. Навсегда.

— Мне плевать на карьеру Николая Игоревича! — грубит Никита, смягчая недовольство теплым объятием. — Но мне не плевать на мать, как бы в это не верилось всем вокруг.

— Я знаю! — по-детски радуюсь я, действительно, найдя выход. — Надо посоветоваться с одним человеком. Он обязательно поможет, скажет, что делать и делать ли вообще!

— Нет! — Никита больно обнимает меня. — Нельзя никого посвящать в нашу семейную историю!

— Этого человека можно, — убеждаю я мужа, положив ладонь на его грудь и ощущая размеренное, чуть убыстренное его биение.

— Кто же это? — хмурится Никита недоверчиво.

— Макс! Максим Константинович Быстров! — быстро и эмоционально отвечаю я. — Он прекрасный адвокат. Просто лучший!

Никита смотрит на меня с откровенным мужским подозрением.

— Ты уверена? — ревниво спрашивает муж. — Ты настолько ему доверяешь?

— Больше, чем себе, — без пафоса, уверенно отвечаю я. — Ты можешь ему всё рассказать. Довериться. Он даст самый нужный совет. Если что, то и юридическую помощь окажет. Ты же с ним общался. Неужели не почувствовал?

— Я больше общался с твоим Ждановым. С Игорем, — ворчит Никита. — А Быстров просто вежливо и холодно сообщил мне номер участка на престижном кладбище, который он для меня выбрал, если я...

— Если ты обидишь меня, — помогаю я Никите закончить предложение.

— Именно, — подтверждает Никита.

— И ты испугался, и решил мне сдать? — строго спрашиваю я, целуя его в лоб, целомудренно и церемонно.

— До мурашек, — горячо шепчет он, возвращая мне поцелуй, но не такой, как мой, а поцелуй-обещание большего, очень-очень мужского, очень-очень страстного. — До дрожи в коленях. До напряжения... Ну, в разных частях тела.

— Ты разрешишь мне обратиться к Максиму? — не отстаю я от мужа. — Разрешишь?

— Я сам обращусь, — хмуро улыбается Никита. — Это мой долг и мое наказание. Вяземский предупреждал, что правда раздавит меня. А я был уверен, что меня раздавит он, не даст докопаться до истины. И вот я докопался. И он прав! Я не нашел успокоения.

Ласково разглаживаю его нахмуренные брови и стараюсь отвлечь посторонним вопросом:

— Ты так был уверен в том, что я вернусь к тебе, что начал готовить свадебный лимузин?

— Я потратил много энергии на то, чтобы выманить тебя из твоего логова, — лукаво улыбается он, устало, но уже всё-таки по-другому, не так безнадежно. — Пришлось даже обратиться к Жданову и Быстрову и слушать их кладбищенский бред, спокойно кивая головой и давая слово, как в детстве, в лагере.

— Выманить? — переспрашиваю я, радуясь, что мы сменили тему разговора. — Как жертву охоты?

— Нет, — не соглашается Никита. — Как рассерженную и спрятавшуюся женщину. В таком состоянии вы опаснее и осторожнее загнанной лисицы.

— А ремонт лимузина? — напоминаю я. — Начал ремонтировать для любой невесты? А если бы я не приехала?

— ЗИС только для тебя, — смеется Никита. — Ни Екатерине, ни Елене он не подходит. Не той масти невесты!

— Ты нас по мастям классифицируешь? — делаю вид, что оскорблена. — Как собак по породам?

— Ты цепляешься к словам, чтобы поссориться? — искренне недоумевает мой муж.

— Чтобы помириться, — честно отвечаю я, избавляясь от халата.

Глава 26. Хорошие друзья и плохие новости

*Второй брак — это победа
надежды над здравым смыслом.*

Народная мудрость

*Я тебя полюбил неожиданно, сразу, нечаянно,
Я тебя увидал — как слепой вдруг расширит глаза...*

*Ты блеснула ко мне вмиг узревшими дали зеницами.
И люблю — и любовь — о любви — для любимой — поет.*

Константин Бальмонт

- Девичник против мальчишника! — торжественно провозглашает Сашка, с размаху садясь на белый кожаный диванчик, взметнув вверх серую пенную массу гипюра, из которого сшиты нижние юбки наших одинаковых коктейльных платьев. — Молодой человек!

Расторопный официант, услужливо улыбаясь, наливает в пустой Сашкин бокал розовое игристое.

— Вот живет в тебе, Сашка, дух противоречия! — смеется Варька, аккуратно присаживаясь рядом и тщательно расправляя свои юбки. — У мальчиков свой праздник — у нас свой. Будем придерживаться традиций.

— Да уж! — лукаво фыркает Сашка, закатывая ярко накрашенные глаза. — Традиций! Так и ходил кругами Леркин Верещагин, всё невзначай интересовался сценарием девичника. Видимо, боится, что мы мужской стриптиз замутим или алкогольный марафон устроим!

— Наши мальчики закаленные! — веселится Варька. — Терпят и молчат. Макс просто мне сказал: «Надеюсь, вам будет весело!»

Теперь уже хохочем мы с Сашкой.

— Святая простота ты, Варюха! — Сашка чокается с Вариной коленкой холодным бокалом. — Доказать не могу, но уверена, Макс с Игорем всё про наш девичник выяснили давным-давно, руку на пульсе держат!

— Да что тут выяснять? — недоумевает Варя. — Скромнейшее, интеллигентнейшее мероприятие. Нам же не восемнадцать, а целых тридцать! И вкус у нас есть!

— Эх, Варя! — Сашка залпом выпивает шампанское, чмокнув губами от удовольствия. — Завидую! Тебе еще двадцать девять. Салага! Можешь позволить себе побезумствовать!

— Вряд ли, — осторожно напоминаю я. — Она у нас давно не Дымова, а Быстрова.

— Да! — бодро произносит Варя, словно отвечает на слова взаимной клятвы и тут же шепотом добавляет. — Осознание себя женой Максима поубавило во мне прыти. Вовка во мне разочаровался, наверное, когда вернулся домой.

— А в Лерке нашей эта самая прыть только-только появилась! — иронизирует Сашка, протягивая официанту пустой бокал. — Растаяла, Снегурочка!

Сашка хитро подмигивает и салютует мне бокалом.

— Ну что? Сотворим что-нибудь? Учудим нашим мальчикам на радость и огорчение?

Варя воодушевляется и с надеждой смотрит на меня:

— Есть парочка милых идей. Правда, мужская помощь понадобится... Но тут Вовка нам поможет — гарантирую!

Мы обе с сомнением и нежностью смотрим на Варю, которая уже что-то придумала.

Наш девичник проходит в чудесном месте: это загородный клуб «Чаплин», современный и винтажный одновременно. Нас только трое, в отличие от мальчиков. Я не захотела видеть никого, кроме Вари и Саши. Верещагин вообще собирался обойтись без мальчишника.

— Девочки! — тщетно взывал Никита к Сашке. — Мне сорок лет! Какой мальчишник?!

— Это тебе сорок! — возражала активная Сашка. — А нашим — тридцать! И потом, примета! Ты хочешь, чтобы Лерка тебя поработила? Жених без мальчишника — конь без седла, птица без крыльев, кастрюля без крышки... зима без снега, душа без совести...

Сашка еще долго подбирала точные сравнения с «без», а Никита веселел на глазах.

— Я вообще-то не жених, — доверительно сообщил он разошедшейся Сашке. — Я муж! И давно!

— Не совсем! — не сдавалась Сашка (Сашка никогда не сдавалась!). — Пока ты второй муж, он же первый. Всё! Счет открыт! Лерка оказалась неразборчивой — по мужикам скачет. Кто ей мешает и третий раз замуж выскочить?

Верещагин строго посмотрел на мою подругу, потом на меня и нахмурился.

— Перед свадьбой должен быть и мальчишник, и девичник! — резюмировала Сашка.

— Девичник? — сразу расстроился Никита. — Зачем?

— За тем же, что и мальчишник! — стучит по своему лбу Сашка, явно намекая на непробиваемый лоб Верещагина. — Это праздник. Символ прощания со свободой. С холостяцкой жизнью. С одиночеством, наконец! Чем качественнее проводим, тем лучше будет жизнь семейная! Скажи, Лерка!

Я сглотнула и кивком подтвердила Сашкины слова, сохраняя невозмутимое выражение лица.

— Вот! — торжествующе провозгласила Сашка. — Лерка в приметах понимает!

— Да мне, кроме Федора, и позвать некого! — попытался выкрутиться Никита.

— С Леркой в нагрузку идут три мужика. Очень приличные! — рассмеялась Сашка, потирая руки от удовольствия первой победы над моим строгим и серьезным мужем. — Макс, Игорь и Вовка. Ты ведь понял, что мы всегда вместе? В придачу к жене ты получаешь и друзей. Цени! Этот подарок потянет на стоимость всей твоей жизни!

Организацию девичника Сашка взяла на себя. Девочки уже вторую неделю живут в нашей московской квартире, а мы в доме, который Никита для нас построил. Виктор Сергеевич по-прежнему со мной. Отец категоричен. Спокойный, гордый и независимый.

Мне уже кажется, что не он при мне, а я при нем.

Мы не разговариваем о Таисии Петровне. Мы не едем на разговор моему отцу.

— Мне надо время, — просит Никита, и я не возражаю.

Мне вообще хочется отодвинуть все разговоры и объяснения на потом, на самое долгое «потом».

— Я звонил Быстрову, — утром, за завтраком в зимнем саду, вдруг сообщает мне Никита.

Я перестаю чувствовать божественный вкус Златиных блинчиков из кукурузной муки с апельсиновым сиропом и замираю.

— Он сказал, что готов встретиться и выслушать, — тихо говорит Никита, глядя в мои глаза пристально, как-то тревожно.

— Это правильное решение, — быстро отвечаю я, беспокоясь о том, что он мучается от осознания правды, ее жестокой беспощадности, от необходимости что-то решить и потом сделать.

— До частного разговора с Быстрым я не буду принимать никакого решения, — продолжает Никита, положив свою руку на мою, лежащую на столе.

Киваю, поддерживая его решение, и зарабатываю нежный поцелуй.

— Какая программа? — с опаской спрашиваю я девчонок две недели назад.

— Отпадная! — отмахивается Сашка. — Доверься нам с Варькой!

— Это и настораживает, — ворчу я, смеясь и справедливо (опыт!) опасаясь их бешеной энергетики и буйной фантазии.

— Какая всё-таки программа? — снова спрашиваю я подруг за неделю до мероприятия, утром приехав в нашу городскую квартиру.

— Вот пристала! — весело грубит Сашка, в пижаме колдующая на кухне. — Праздник будет насыщенный! Запомнишь на всю оставшуюся жизнь!

— О господи! — вырывается у меня непроизвольно. — Вы меня пугаете!

Девчонки только хихикают, нагло и раздражающе.

— Не скажете, какая программа, — шантажирую я, — я на девичник не пойду!

— Не ходи! — тут же отвечает Сашка. — Обойдемся без тебя! У меня появится шанс привлечь интересных мужчин! Не для того я с Портным в пух и прах разругалась, выпрашивая отгулы, чтобы сейчас от развлечения отказываться!

— Каких мужчин? — смеюсь я с подозрением. — Разве на Варькином девичнике были мужчины?

— Когда это было?! — возмущается Сашка, быстро и ловко готовящая завтрак. — Почти десять лет назад! В подростковом возрасте! У нас не девичник был — смех один! Утренник в детском саду!

— Хороший был девичник! — мечтательно вспоминает Варя, сонная, со спутанными

кудрями, сидящая на крутящемся барном стуле. — Мы были на рыбалке. Поймали по форели. Нам ее зажарили на углях. Был маленький джазовый оркестр и все песни Френка Синатры. Чудо, а не девичник! Мышильда до сих пор дуется, что ее не взяли! Аргумент, что ей было тринадцать лет, не принимается сестрицей в расчет!

Мы смеемся, вспоминая далекие времена.

— Ладно! — Сашка ставит передо мной чашку кофе и миску каши с ягодами и привычно командует, как сыном Ваней. — Чтобы всё съела!

— Программа, правда, замечательная, — обещает Варя, послушно поедая овсянку. — Мы старались! Это же такое счастье! Лера выходит замуж!

— Лера вышла замуж! — поправляю я Варю, меняя время глагола. — Свадьба — формальность.

— Не говори ерунду! — ругается Сашка, подсыпая мне новую порцию ягод. — Свадьба — главное событие в жизни женщины. И нормального мужчины. Только нормальных маловато осталось. И вы их разобрали!

— И тебе достанется, — зевает Варька. — Если ты его раньше не пристрелишь или табуретом не забьешь...

— Откуда ты узнала мою тайну?! — в притворной панике спрашивает Сашка, с опаской оглядываясь. — Именно так я и сделала... Сначала двинула табуреткой, а потом пристрелила...

— Портного?! — подыгрываю я. — Отгулы не давал?

— Его еще нет, — злобно огрызается подруга, с удовольствием поглощая овсянку, смело приправленную сгущенкой. — Всё впереди!

— Дресс-код Сашка продумала. Сегодня первая примерка. Загородный клуб «Чаплин». Всё будет ретро и комильфо!

— Фотосессия. Живая музыка. Мужские танцы. Не стриптиз! Шампанское. И обжираловка мороженым! — перечисляет довольная Сашка, наслаждаясь голубикой. — Сауну, массаж, конные прогулки мы сразу отменили — всё равно Быстров дознается и всё отменит.

— Ну... конные прогулки он бы не отменил, — возражает Варя. — Я сама на вашего коня не полезу. Боюсь. Он знает. Не затащите.

— Я? — смеется Сашка. — Я затащу! Но зачем мне заикающаяся и носящая памперсы подруга?

— Я, конечно, теоретически понимаю, что девичник — символ прощания со свободной девичьей жизнью, последняя попытка совершить безумный поступок. Но... — прощупываю я почву: что-то скромная программа мне озвучена, не верится.

— Так... Парочка конкурсов, — пугает меня Сашка, и мы долго смеемся.

Клуб «Чаплин» понравился мне с первого взгляда: и интерьер, и кухня, и камерная обстановка. Девичник для троих девиц, если и удивил персонал, то никто этого не показал.

Почти два часа ушло на фотосессию, для которой Сашка вместе с постоянно улыбающимся фотографом и администратором заранее приготовила несколько интерьеров. Виктор Сергеевич привез нам Кока и Ежика. Мы трижды переодевались и меняли макияж.

Уставшие и проголодавшиеся, мы ужинаем одни в маленьком уютном зале. Играет живая музыка: харизматичный бородатый гитарист выбирает для нас приятные изящные композиции, время от времени уходя в импровизацию, которую мастерски поддерживают пианистка и скрипач.

Электрические канделябры, имитирующие свет свечей, поддерживают мягкую, интимную обстановку и мягкое, дружеское общение. И мы непроизвольно погружаемся то в воспоминания, то в мечты о будущем.

Нам прислуживают шесть официантов, молодые, красивые, стройные, как на подбор.

— Зачем же шестеро на троих? — интересуюсь я, выбирая теплый салат с телятиной и улыбкой благодаря харизматичного блондина, мне его подавшего.

— Прекрасное соотношение! — спорит Сашка. — Лучше, чем наоборот! И это секрет с сюрпризом.

Пока я обдумываю ее слова, подозревая подвох, на столе появляются фрукты и холодные закуски.

— Всё, Сашка! — констатирует Варя, отправляя в рот листик салата. — Ты одна осталась!

— Одна я осталась не сегодня, а давно, — мгновенно спорит Сашка и находчиво выворачивается. — И потом... Ни Вовка, ни Игореха не пристроены. Вот их пристрою...

— Так они тебе и позволят! — хихикаем мы с Варей и от собственной шутки, и от выпитого игристого.

— Ха! — хорохорится Сашка, вертя бокал за высокую ножку. — И не заметят, как попадутся!

— Ты страшный человек, Санек! — нежно говорит Варя, с любовью глядя на разошедшуюся Сашку. — Давай и мы что-нибудь для тебя сделаем?

— С огромным удовольствием! — подхватываю я. — Интересно будет посмотреть, как попадешься ты!

— Не попадусь! — смело бравирует Сашка. — У меня иммунитет к новым отношениям!

— Из-за старых? — невольно вырывается у меня.

Но Сашка не попадает на удочку, она только смеется, опять оставляя без ответа наши вопросы.

— Фишка сегодняшнего вечера! — как заправский конференсье, объявляет Сашка. — Получаем удовольствие!

Все шестеро официантов при смене легкой расслабляющей музыки на вальсовую, вдруг аккуратно оставляют посуду в покое и неожиданно начинают вальсировать со стульями. Видя мое пораженное выражение лица, Сашка предвкушающе ухмыляется. Кружащий голову вальс сменяется чувственным танго, потом бодрым рок-н-роллом, мощным джайвом и эротичной самбой. Хореография танцевальных композиций придумана весьма оригинальная: юноши танцуют с воображаемыми, но осязаемыми и ими, и зрителями партнерами.

Харизматичный блондин танцует прямо напротив меня, и я замороженно слежу за движениями его гибкого сильного тела. Настоящее представление начинается с лукавого Сашкиного взгляда и тягучей мелодии слоуфокса.

— Мастер-класс для дам! — обращается ко мне блондин, протягивая руку.

В течение почти получаса элегантные красавцы учат нас танцевать одну из вариаций медленного фокстрота. Я, наконец, понимаю выбор коктейльных платьев пепельно-серого

цвета со множеством нижних гипюровых юбок. Каждой достается по два партнера. Оказывается, что это еще одна фотосессия.

Когда мне удастся наиболее длинный свободный шаг и блондин наклоняет меня назад, прогибая в талии, я вижу стоящего вверх ногами Верещагина. Спокойного, сурового и... крайне недовольного.

Возвращение в вертикальное положение демонстрирует правильно стоящего на ногах Никиту, но добавляет к обзору еще четверых: Максима, Игоря, Вовку и Федора.

— О! — округляет нежные губы Варя. — Мальчики!

«Мальчики» смотрят на нас с разным выражением на лицах. Никита пытается скрыть свое недовольство, но у него это плохо получается. Игорь усмехается. Вовка мягко улыбается нам, но мы понимаем, что Варе. Максим неожиданно тоже улыбается, разряжая обстановку.

— Было очень красиво! — говорит Максим, глядя бархатом своей интонации мои оголенные танцем и неожиданным появлением мужа-жениха нервы.

— Какими судьбами? — интересуется запыхавшаяся Сашка, кивком прося налить ей шампанское.

— У нас мальчишник в соседнем зале! — предупредительно докладывает Игорь. — Пошли посмотреть на удивительный танец, по наводке любопытного персонала.

— В соседнем зале? — смеется Варя. — Какое удивительное совпадение!

— Ага! — Сашка выпивает очередную порцию игристого. — Не верь, Варя, не будь наивной! Они свой мальчишник специально здесь же организовали. Сознаться! Ты, Жданов?

— Дорогие мои! — честно врет Игорь, лениво улыбаясь. — Это просто случайность! Но я рад, что так сложилось. Меньше сил, денег и нервов на слезку.

— Слезку? — возмущается Сашка, но тоже как-то не очень правдоподобно.

— Шутка! — парирует Игорь. — Объединимся?

— Она поехала за ним в Сибирь и испортила ему всю каторгу, — ворчит Сашка, сдаваясь.

— А разве можно так? — искренне удивляется Варька. — Разве объединенные девичник и мальчишник — это не сама свадьба?

— Нет! Это ее репетиция! — отбрасывает сомнения Сашка и, мило улыбаясь, милостиво соглашается за всех нас. — Присоединяйтесь!

— Сашка! — паникует Варя. — А наши конкурсы? Мы столько готовились!

— Конкурсы? — растерянно переспрашивает Сашка. — Что ж... И мальчиков привлечем!

— Мы нашими стриптизершами тоже поделиться можем, — благородно предлагает Игорь, глядя на округлившиеся глаза Вари. — Варька! Проверь у Макса карманы. Ему туда танцующая у него на коленях девушка, по-моему, записочку подсунула.

— А почему танцующая у него? — не понимает Варя. — Жених же Никита! Разве не для жениха такое развлечение на мальчишнике?

— Она его испугалась, твоего Никиту. Он с таким выражением лица сидел, что профессиональная танцовщица просто струхнула! — смеясь, подключается к диалогу Вовка. — Выбрала самого красивого и доступного — Макса!

Варька верит и огорчается. Мы смеемся, а Игорь успокаивает ее.

— Шутка! Неужели вы думаете, что мы по старинке приглашали какую-то там стриптизершу?

— А что вы делали? — подозрительность ревнивой Вари возрастает.

Так и вижу ее проснувшихся тараканов, собравшихся на экстренное заседание Совбеза.

— Мы с Вовкой и Федей пили и курили, — докладывает элегантный, совершенно трезвый Игорь. — А Макс общался с Леркиным мужем. Отдельно от нас.

Встречаюсь взглядами с Никитой, он кивает. Значит, поговорили. Вижу, что Никита если не доволен, то более спокоен.

Столик на троих волшебным образом превращается в столик на восьмерых. Меняются официанты. Вместо юношей нас обслуживают девушки с ростом, фигурами и лицами фотомоделей. Варина подозрительность возрастает. Экстренное заседание тараканьего Совета безопасности продолжается.

— Это наш сценарий? — спрашиваю я Сашку шепотом.

— Не уверена, — шепчет она в ответ и говорит громко, для всех. — Первый конкурс для невесты!

Появляются две стойки, между которыми натягивают веревку с прищепками, на которых развешиваются крупные цветные фотографии.

— Хотя нет! — Сашка даже вскакивает с места. — Зачем нам теперь фотки, если есть человеческий материал? И конкурс не для невесты, а для жениха. Сам припер... пришел!

По ее команде стойки с веревкой и фотографиями уносят. Сашка по очереди вытаскивает из-за стола мужчин и выстраивает их в шеренгу.

Ощущение возврата в детство и юность, когда мы вот так играли после уроков и в каникулы, теплой родной волной окатывает мое сердце. Смотрю на Никиту, у которого нет такого количества друзей, как у меня, и вижу его неподдельную растерянность.

— Конкурс для Никиты! — объявляет Сашка. — Сейчас ты отвернешься. Мы с девчонками накрасим губы одинаковой помадой и поцелуем мужчин. А Никита найдет того, кого поцеловала Лерка. По отпечатку.

— Класс! — свистит Игорь. — Найдет и убьет! Чудесная задумка. Очень остроумная и добрая.

— Это просто шутка. Конкурс. Для того, чтобы было весело! — сердится Сашка. — Или выметайтесь с нашего девичника!

— Спокойно, девочки! — поднимает руки в шутливом жесте миротворец Вовка. — Всех, кого Никита покалечит, я обязуюсь вылечить!

— Сразу стало легче, — шутит вдруг Верещагин и подмигивает мне.

Конкурс проходит весело, до боли в животе от смеха. Никите никак не удастся угадать отпечаток моих губ ни на Вовкиной, ни на Максимовой щеке. Нам легко и хорошо всем вместе, несмотря на то, что с нами Никита и Федор.

Федор берет у гитариста инструмент и поет:

Непокорная моя любовь

Любит не меня уже который год.

Те же стены и цветы, те же люди и стихи,

Те же мысли и слова вслух.

Мы подхватываем припев:

Люби меня, люби!

Жарким огнём

Ночью и днём

*Сердце сжигая!
Люби меня, люби!
Не улетай!
Не исчезай!
Я умоляю!
Люби меня, люби!
Люби меня, люби!**

Я отчетливо понимаю, что я там и с теми людьми, где и с которыми должна быть. И еще... Я счастлива, полноценно, по-настоящему, и поэтому мне тревожно. Я вспоминаю, как когда-то Варька сказала нам, в те дни, когда страдала по Максиму:

— Вы знаете, я была так счастлива, что всё время боялась, что так нельзя. Некрасиво по отношению к остальным. Нечестно как-то... И вот... дождалась...

Видимо, на моем лице что-то отражается, потому что Никита с беспокойством берет меня за руку и целует ладонь. По Варькиным и Сашкиным глазам вижу, что они считали мой страх и понимают его причину. Сашка тут же пытается отвлечь меня от грустных мыслей.

— Эх! — вздыхает она. — Варька! Теперь Лерку не напоить! Пьяную рулетку придется отложить до лучших времен.

— Вы планировали и пьяную рулетку? — действительно отвлекаюсь я. — Серьезно?

— А что? — защищает свою идею Сашка. — Впервые был шанс тебя напоить. Все невесты перед свадьбой нервные и неадекватные, могло получиться. Знаешь, как хочется посмотреть на тебя пьяную? Жуть, как хочется!

Федор оказывается неплохим гитаристом, ему дают вторую гитару, и вместе с профессиональным музыкантом он подыгрывает нам, и мы поем. Поем песни, которые любим петь. И я вижу, как отпускает Никиту боль долгих лет ненависти и желания мести.

*Этот парень был из тех,
Кто просто любит жизнь,
Любит праздники и громкий смех,
Пыль дорог и ветра свист.
Он был везде и всегда своим -
Влюблял в себя целый свет
И гнал свой Байк, а не лимузин.
Таких друзей больше нет...*

Начинает новую песню Федор, под него подстраиваются музыканты. Необычно прекрасно звучит в этой песне скрипка:

*Ты летящий вдаль, вдаль Ангел,
Ты один только друг — друг на все времена,
Немного таких среди нас.
Ты летящий вдаль Беспечный Ангел. ***

Новая мелодия, которую начинает подбирать Федор, вызывает Варькин восторг.

— О! Лера! Никита! Эта песня о вас!

Варя вскакивает и идет к Вовке. Он сидит, она кладет ему руки на плечи. Они поют, наслаждаясь и словами песни, и собственным исполнением. Хотя Варя поет, не всегда попадая в ноты, эта песня ей удается на удивление хорошо:

*Мы не знали друг друга до этого лета,
Болтались по свету, земле и воде.
И совершенно случайно мы взяли билеты
На соседние кресла на большой высоте.
И мое сердце остановилось,
Мое сердце замерло...*

Я впадаю в ступор. Мне кажется, что сердце Максима сейчас разорвется в клочки. Но Максим спокоен, добродушен и невозмутим. Улыбается и жене, и лучшему другу детства по-своему, по-максимовски. Так, как он не улыбается чужим. Не нам.

*И ровно тысячу лет мы просыпаемся вместе,
Даже если уснули в разных местах.
Мы идем ставить кофе под Элвиса Пресли,
Кофе сбежал под Propeller heads, ах!****

— Надо признать, что вы испортили наш девичник, но мы, несомненно, украсили ваш мальчишник! — смеется Сашка. — Только где нанятые мою мальчишки-танцоры? У нас финал с ними заготовлен.

— Финал у вас будет с нами, — обманчиво лениво говорит Игорь. — С ними расплатились по двойному тарифу. Они счастливы. Они уехали.

— Как уехали?! — возмущается Сашка совершенно искренне. — Это был наш с Варькой подарок Сашке! Как вы смеете вмешиваться?! Я себе такого красивого мальчика среди них присмотрела! Он, честно говоря, на Лерке залип... А! Понятно! Поэтому и по двойному тарифу!

— Старуха! — успокаивающе хлопает Сашку по плечу Игорь. — Он же лет на десять младше! Будь скромнее!

— Буду! В следующий раз! — обещает Сашка, надувшись.

Музыканты по знаку Игоря начинают играть. Никита уводит меня танцевать. Мы танцуем долго, меняя партнеров, неспешно разговаривая.

— Ты сегодня прекрасна! — дарит мне комплимент Игорь. — Боюсь даже представить, какой ты будешь на свадьбе!

— Еще лучше, Сашка с Варькой обещали! — смеюсь я.

— Ты уверена в нем? — спрашивает Вовка, передавая моей спине тепло своих мощных рук, рук хирурга. — Не сомневаешься?

— Теперь нет, — доверительно отвечаю я старому другу. — Уверена, как в тебе, в мальчишках, в Варьке с Сашкой.

— Это любовь, — шепчет мне Максим, нежно обнимая за талию. — Это и прекрасно, и больно. Но больше прекрасно, дружок!

— Надеюсь, — дрогнувшим голосом отвечаю я.

— Может, подарить вам на свадьбу Тимофея? — размышляет Федор, осторожно кружа меня по залу. — Он в тебя влюблен. Хотя нет... Раздерутся. Самцы. Природа!

— Очень нежелательно дарить нам Тимофея! — пугаюсь я по-настоящему. — Очень нежелательно!

— Ты чего-то боишься? — объятия мужа, как мамино одеяло в детстве, сразу успокаивают.

— Уже нет! — отвечаю я Никите, крепко обнимая его за шею. — Как тебе наш девичник?

— Первое впечатление — ты в руках смазливового блондина, было, мягко говоря, огорчительным, — аккуратно подбирает слова мой муж. — Потом всё стало милым и приятным. У тебя прекрасные друзья. Это правда. Если бы у меня были такие, я не провел бы десять лет в бесплотной и тщетной ярости бессилия. Очень постараюсь им соответствовать.

— Не надо стараться, — целую Никиту в гладко выбритую щеку. — У тебя всё получается естественно. И любить, и ненавидеть. Я буду очень рада, если мои друзья станут твоими. Ты будешь вторым, кого примет моя компания.

— Кто же был первым? — неверно понимает мои слова ревнивый муж.

— Первой была Варька! — снова целую я Никиту.

— Кстати, о друзьях, — начинает он. — Мне надо сказать тебе очень важную вещь.

— Тебе кто-то не нравится? — огорчаюсь я. — Или тебя расстроил Максим? Вы же разговаривали?

— Разговаривали. Максим дал мне понять, что ничего не надо делать. Ничего. Выстраивать отношения с матерью. Возможно, лечить ее. Выстраивать отношения с твоим отцом. Всё заново. Но я не об этом, — Никита прижимается губами к моей шее. — Я про Сашку. Вернее, про ее сына Ваню. Я знаю, кто его отец. Сначала я просто предположил, потом дал задание частному детективу.

— Тому, который два года следил за мной? — догадываюсь я.

— Ему, — совершенно не смущается Никита. — Он выяснил, что я прав. И теперь я хочу предупредить тебя.

— Что?! — пугаюсь я и даже останавливаюсь в танце. — О чем?

— Это очень серьезный человек. Очень опасный. Я обязан ему жизнью, я бы даже сказал честью, — Никита серьезен как никогда.

— Опасный? — в панике выбираю я самое страшное из его слов, представив себе маленького Ваню. — Чем? Почему? Это плохой человек?

— Для таких людей нет категории «плохой-хороший», — голос Никиты звучит глухо, мы снова начинаем танцевать, обнявшись, говоря друг другу на ухо, чтобы нас не услышали. — Он человек, такой же, как и мы, со своими достоинствами и недостатками. Очень оберегающий свою семью. И не прощающий тех, кто что-то у него забирает.

— Что забирает? — холодею я, догадываясь раньше, чем он ответит.

— Кого. Сына, — ожидаемо отвечает Никита. — Его сына.

— Чего нам ожидать? — нервничаю я, начав дрожать в теплых руках мужа. — Надо предупредить Сашку. Она об отце Вани категорически не хочет рассказывать. Даже нам с Варей. А это значит — никому!

— Понимаешь, — кается Никита, прижавшись лбом к моему лбу. — Мои телодвижения, связанные с частным детективом, были им засечены. И тему моих поисков он точно просчитал. Я, сам того не понимая, вызвал его ответный интерес. И этим подвел Сашку.

— И я не понимаю, — по-настоящему пугаюсь я. — Что значит подвел? Напомнил ему о сыне? Это его как-то разозлило? Сашка не зря всё скрывает?

— Сашка не только скрывает, но и скрывается, — Никита берет мое лицо в руки и, прямо глядя в глаза, говорит. — Очень похоже на то, что он и не знал, что у него есть сын. Вот уже почти пять лет, как есть. А теперь из-за меня знает...

Этот вечер и эту ночь я запомню на всю жизнь. Теперь я счастлива еще отчетливее, если это вообще возможно. И теперь я испугана и несчастна, потому что судьба Сашки и Вани меня пугает.

До свадьбы ровно неделя. Девчонки остаются в Москве. Мальчишки уезжают домой. В следующую пятницу свадьба Верещагина Никиты Алексеевича и Князевой Валерии Ильиничны, пожелавшей носить фамилию Верещагина.

*Гречка «Люби меня, люби»

**Ария «Беспечный ангел»

*** Сплин «Мое сердце»

Глава 27. В одно окно смотрели двое

*Я наяву вижу то, что многим даже не снилось,
Не являлось под кайфом, не стучалось в стекло.
Мое сердце остановилось, отдышалось немного
И снова пошло.*

Сплин «Мое сердце»

*— Я буду искать тебя в тысяче миров
и в десяти тысячах жизней, пока не найду...
— Я буду ждать тебя в каждой из них...*

«47 ронинов»

Написана от имени Александры Тимофеевой, подруги Валерии Князевой и Варвары Быстровой

— Белые изящны, желтые горячи, — удивленно говорит мне Вовка, разглядывая бар бутоньерок. — А красные просто царственны. Красота! Супер идея, Сашка! Чья?

— Варькина! — улыбаюсь я другу, такому важно красивому в черно-сером костюме и нежно-пепельной рубашке. — Это она придумала и бар бутоньерок, и пьянту, и печенье с предсказанием. В общем, мой сценарий проходил Варькину цензуру и ее же творческую обработку. Так что, если ты надеешься на бутылочку, лопание попами шариков и похищение невесты, то извини...

— Вот уж нет! — смеясь, возражает Вовка. — Похищение обговорено и подготовлено. Красиво, безопасно, недорого. Варюха одобрила.

— У тебя, конечно, кулаки ого-го! — сомневаюсь я, откровенно издеваясь. — Но Никита покрупнее будет.

— Откупится — получит обратно! — обещает Вовка, привычным жестом приглаживая тщательно уложенные кудри.

— Перестань! — окрик Вари, появившейся в фойе ресторана, заставляет Вовку испуганно и резко отдернуть руку от головы. — Испортишь прическу!

Варька чудо как хороша! Наша задумка, белые платья для подружек невесты и обязательно не белое роскошное платье для самой невесты, кажется мне потрясающей.

У Лерки вообще-то три платья.

Первое для церемонии — и это точно воспроизведенный свадебный комплект Грейс Келли, он серебряно-белый, изысканно нежный и целомудренно кружевной.

Второе — для фотосессии и для ресторана — роскошное платье императрицы, черно-серо-белое, с пышной многослойной юбкой и замысловатой черной вышивкой на нежно-сером лифе.

И третье — дерзкое красное, короткое, для дискотеки, кажущееся простым, но так идущее великолепной фигуре Лерки, что я опасаюсь, как бы Верещагин раньше времени не утащил в свою берлогу нашу невесту, и танцевать мы будем уже без нее.

Нашими с Варькой белыми платьями мы обменялись на стадии второй примерки. Варя,

поначалу привычно вцепившаяся в идею платья-рубашки, долго, пристально смотрела меня, потом решительно вылезла из своего платья и сказала:

— Тебе, Сашка, оно больше пойдет!

Я с сомнением надела ее заказ: рубашечный верх и пенно-белый ярусный низ, черные перламутровые пуговицы и длинный разрез впереди. Вот никогда бы такое не выбрала! Подевичьи кокетливое и сладко намекающее. Я ж солидная молодая женщина, имеющая сына, одинокая, но свободная и всего добивающаяся сама.

Отразилась в зеркале и замерла. Несколько минут я любовалась собой, глупо представляя себя невестой. Той Сашкой, которой я была всего лишь пять лет назад. А потом жизнь меня раздела и засунула в джинсы с футболкой, столкнула с назойливым Портным, заставила бороться за свободу и независимость.

Будь проклят тот день, когда... Стоп! Нет! Тот день подарил мне Ваню. Лучшее, что я сделала в этой жизни.

Варька, примеряющая мое платье, строго простое, кремово-белое, с широкими рукавами, обтягивающим силуэтом, длиной ниже колена, интеллигентное и скромное, неожиданно меняет задуманный на другом платье легкомысленно фривольный образ на таинственно строгий.

— О! — нежно округляет губы моя подруга. — Удивительно! Меняемся?

— Поразительно! — восклицает Лерка, которая смотрит на нас в некотором оцепенении. — Как вам пришла в голову такая удивительная идея? Вам так шли ваши платья. Отражали характер, буквально подписывали вас: вот Варька, вот Сашка. Но наоборот... Это фантастика какая-то!

Лерка дала нам с Варей полную свободу в подготовке свадьбы. Муж и отец жены-невесты оплачивают наши идеи, не возражая и не глядя на требуемую сумму.

— Эх! — говорю я Варьке, придирчиво работающей с флористом, который будет оформлять бутоньерки. — Может, гардероб себе сошьем за счет Вяземского и Верещагина? На все сезоны?

— Мне не надо, — отмахивается Варя и продолжает выбирать цветы. — Вот такие каллы, белые, желтые и красные. А для обмоточки вот эту бечевочку. Чтобы цветы были разные, а стиль один.

— Скучная ты! — упрекаю я Варьку. — И честная! Плохо.

Варька оборачивается ко мне, вежливо напоминая:

— Беру пример с тебя, Сашка! Ты меня за всю жизнь ни разу не обманула, ни копейки не попросила и только один раз двадцать пять рублей занимала. В десятом классе. Занимала, занимала и не заняла!

— Никак не могла придумать, куда потратить, — ворчу я. — Сумма то бешеная!

Мы смеемся, очаровывая флориста, молодого мужчину, отвечающего за цветочное оформление всего праздника.

— Букет невесты хочу сделать из сухостоя, — сообщает Варя. — Смотри, какие образцы красивые! Это ко второму платью. К первому только розы. Верещагин уже выбрал совершенно чудесный букет.

Мы долго рассматриваем альбом флориста, выбирая для Лерки второй букет, вернее, букет ко второму платью.

— Теперь надо Лерке показать! — говорит довольная Варя. — Всё-таки это ее букет!

— Ловить-то мне! — логично возражаю я. — Она это знает и не будет против.

— Они прекрасны! — констатирует Варя, разглядывая букеты из сухостоя. — Только хрупкие очень. Как их кидать-то? Рассыплются в полете.

— Как-как?! — возмущаюсь я. — Нежно! Будем репетировать! Лерка не должна промахнуться! Хотя... Что с нее возьмешь? Волноваться будет. Глаза будут косить, руки дрожать. Ладно! Сама метнусь — поймаю!

Мы живем в городской квартире Верещагина. Почти каждый день к нам приезжает Лерка. Мы обговариваем детали свадебной церемонии, болтаем о главном и о пустяках, вспоминаем, выпрашиваем Лерку о ее отношениях с Никитой.

— Я сразу, как Никиту увидела, поняла, что что-то у вас будет, — хвастается Варя. — Он так на тебя смотрел!

— Как собственник на уплывающую из рук недвижимость? — вредничаю я, вызывая Леркину улыбку. — Как голодный хищник на жертву?

— Глупости! — жизнерадостно возражает Варя. — Как влюбленный и страдающий мужчина! Но по серьезности взгляда было сразу понятно, что Лерку он никому не уступит!

— Это было понятно и самой Лерке, — констатирую я и обращаюсь к сидящей на диване перед камином подруге. — Ведь было?

— Было, — спокойно, с достоинством соглашается Лерка. — Никита сразу показался мне необычным, не похожим на тех мужчин, которые пытались за мной ухаживать. Но эта история с его отцом, с тайным браком, со штампом в паспорте...

— История нестандартная! — восклицает Варя, устраиваясь на диване рядом с Леркой. — Как опытный читатель, дипломированный журналист и профессиональный редактор тебе это говорю! Просто сюжет для книги. Романтической, приключенческой.

— В жизни все обычнее, проще, — вздыхая, возражаю я.

— Вот уж нет! — заводится Варька. — Жизнь такие сюжеты подбрасывает, что человек нарочно не придумает! От комизма до отчаянного трагизма. На долю живых людей столько испытаний или столько счастья может свалиться, что поневоле удивишься и спросишь: за что?

Да. За что? Подкинула Варя дровишек в костер моих сомнений и разочарований. Мы сидим на диване втроем, прижавшись друг к другу, как в детстве и юности сидели у Варьки дома, а ее бабушка Елизавета Васильевна устраивала каждый раз чаепитие со свежей выпечкой. И сахарные ее булочки, и сливочные сухарики, и шоколадное печенье — всё было настолько вкусным, что мы с Леркой не хотели уходить домой. Вообще у Дымовых было так уютно, так спокойно, что мы с Леркой точно знали — хотим так же.

У Лерки была только мама, которая не могла в одиночку заменить дочери полноценную семью, а у меня не умеющий готовить отец и мама-аллергик, которую я в двенадцать лет заменила на кухне. Хотя... Что жаловаться? Маму я нежно люблю, а опыт ежедневной готовки более чем пригодился.

— Переживала за тебя, старуха! — сердито говорю я Лерке, хлопая ее по плечу, и сама слышу прорывающиеся рыдающие нотки в своем голосе.

Подруги синхронно смотрят на меня, взглядами выражая искреннюю тревогу.

— Почему же? — мягко и спокойно спрашивает Лера, демонстрируя гордую посадку головы и чувство собственного достоинства, аромат которого входит в базовые нотки ее чудесного парфюма.

— Ну как? — пытаюсь я разрядить ставшую вдруг напряженной обстановку. —

Тридцать лет как-никак! Вдруг бы никто больше не взял! Сидела бы у нас с Варькой на шею до глубоких седин!

Лерка и Варя смеются, но как-то осторожно, по-прежнему вглядываясь в меня. И я отчетливо ощущаю, как мои глаза наполняются слезами.

— Сашенька! — откровенно паникует Варя, отбрасывая плед и спуская ноги с дивана. — Милая...

Я понимаю, что шанса увидеть меня плачущей у них до этого практически не было. И сама не могу объяснить, что со мной сейчас случилось.

— Это я от зависти! — вру я срывающимся голосом. — Варька замужем. Лерку еле-еле пристроили, даже парней пришлось подключать, чтобы она своего Верещагина, кстати, тоже не первой молодости мужика, не проворонила.

Варя сочувственно смотрит на меня, не реагируя на грубую шутку. А взгляд Леркиных хрустально-серых глаз меня пугает: в них знание, понимание того, что со мной происходит. Откуда? Об этом невозможно догадаться!

— Я сейчас вернусь, — неловко обещаю я и ускользаю в ванную комнату.

В зеркале отражается неприятная мне молодая женщина с длинной тонкой шеей, короткой дерзкой стрижкой и пустыми глазами одинокой женщины. То, что она выглядит лет на десять моложе своего возраста, нисколько меня не утешает.

И что из этого? Да ничего! Мне тридцать. У меня хорошая работа. Я, наконец, получаю за нее достойную зарплату. Правда, шеф мой, Валерий Альбертович Портной, нагрузка в придачу, назойливая, надоедливая, но поднимающая мою самооценку до заоблачных высот.

У меня славный сын Ваня. Лучшее, что сотворила на этом свете Сашка Тимофеева, отличница, золотая медалистка, красnodипломница. Я лишила его отца сознательно, понимая, что делаю. Возможно, он никогда не простит меня за это. Но я постараюсь, чтобы он не узнал о том, что его отец жив и здоров. Хотя... Может, не жив и не здоров! Было бы хорошо...

Напитавшись кровожадными мыслями и значительно улучшив настроение, возвращаюсь в гостиную к подругам.

Теперь и в Варькиных зеленых глазах странное понимание. Паникую. Что происходит?

— Давай расскажем Лерке все наши идеи и предложения флориста! — фальшиво бодрым голосом подтверждает мою догадку Варька, бросающаяся к столу за фотоальбомом.

Лерке всё нравится. Она вообще с нами практически не спорит, соглашается с нашим выбором, получая удовольствие от нашего энтузиазма.

Каждый раз за Леркой приезжает Верещагин, как будто Виктора Сергеевича, сидящего во дворе в машине, недостаточно, и он боится, что Лерка потеряется. Интересный всё-таки он мужчина. Высокий, мощный, широченные плечи, гордый взгляд темно-карих глаз. И лицо такое... взрослое что ли... Нас всех на десять лет старше, и это чувствуется в глубине взгляда, в выражении лица, в реакции на нас и наши слова.

Верещагин смирился с тем, что в комплекте с Леркой получил еще пятерых друзей. У нас иначе никак. Он вообще первый «чужой среди своих». Некстати вспоминаю, как однажды Варя, мы еще на первых курсах учились, мечтательно предположила, как было бы здорово, если из нашей шестерки образовалось бы три пары.

Но... Исходные данные не те. Это я, как математик и экономист, точно знаю: Максим любит Варю. Варя любит Максима. Вовка любит Варю. Варя любит Максима. Игорь любит Варю. Варя любит Максима. В нашем уравнении ничего не сойдется. Уже никогда.

— Ты готова? — тепло поприветствовав нас, Никита обращается к Лерке.

— Да! — сияет она улыбкой королевы. — Поехали!

Никита подозрительным взглядом окидывает гостиную, заставленную букетами цветов.

— Макс! — быстро реагирует на его ревнивый взгляд догадливая и тактичная Варя. —

Каждый день курьеры приносят.

Никита понимающе кивает, и они с Леркой уходят.

— Завтра порепетируем ловлю букета! — обещает мне она, послав напоследок воздушный поцелуй.

Каждый вечер мы с Варькой где-то на полчаса, а то и на час расходимся в разные комнаты огромной Верещагинской квартиры, чтобы поговорить с домашними по телефону.

Варя обязательно звонит Михаилу Ароновичу справиться о его здоровье, а потом ей звонит Максим. И Варька зависает во времени и пространстве.

Я звоню родителям, у которых мой Ванька эти две недели, и иногда отвечаю на звонки Портного. Хотя бы на один из десяти пропущенных. Чтобы не злить, но и не потакать. Чтобы ничего не учудил. Он может.

Сегодня Ваня настроен философски и спрашивает меня шепотом, чтобы не услышали бабушка и дедушка:

— Мама! Если Лера выходит замуж за Никиту, то я теперь не ее жених?

— Нет, Ваня, не ее. Никита успел жениться первым, — ласково смеюсь я над своим влюбленным сыном.

— Это я понимаю, — не обижается Ваня. — Но я же могу жениться на Лере потом, когда не будет Никиты?

— Почему его не будет? — удивляюсь я.

— Ну, он же старый, — терпеливо объясняет Ваня, — и скоро умрет.

— Что ты такое говоришь! — повышаю я голос на сына. — Как можно такое говорить? Зачем ему умирать? Я шутила тогда про его старость. Дядя Никита молод, здоров и проживет с нашей Лерой долгую счастливую жизнь! Я ты встретишь новую невесту.

— Значит, мой папа был совсем старый? — поражается Ваня. — Или его застрелили на войне?

— Почему старый? Почему на войне? — теряюсь я. — На какой войне?

— Тогда почему он уже умер? — настаивает мой сын. — Ты сказала, что он умер.

И я вспоминаю недавний разговор с отцом. Я привезла родителям Ваню, и папа воспользовался ситуацией, чтобы прочесть лекцию о моем статусе матери-одиночки:

— Александра! — водрузив очки на нос, начал он. — Прекрати от меня бегать и скажи, наконец, когда ты решишь вопрос об отце для мальчика?

— Папа! — умоляюще поморщилась я. — Не начинай! За первого встречного я не пойду, а абы за кого не собираюсь.

— К нам приезжал твой начальник, — продолжал нападать отец. — Интересный, состоятельный человек.

— Папа! — нервно смеялась я. — Портной не человек! Портной — стихийное бедствие. И он женат!

— Он сказал, что это временно! — строго наставлял меня отец. — И готов жениться на тебе, и взять ответственность за Ивана, но ты...

— Но я против? — я почувствовала приближение смеховой истерики. — Папа! Он не

просто женат! У него и детей двое! Тебя это не смущает?!

— Он сказал, — папа отреагировал на мои слова о детях совершенно спокойно. — И этих детей он не бросит. Его доходы это позволяют.

— Папа! — настойчиво спорила я. — Ты сошел с ума! Ты хочешь счастья внуку за счет счастья двух маленьких Портных?

— Я просто хочу ему счастья, — устало возражает отец. — Раз ты его решила рожать, должна была и об отце подумать.

— Я сама содержу себя и своего сына! — тут же завелась я мотоциклом, пыхтя от обиды и раздражения на нравоучения. — Захочу — и еще нарожаю!

— Рожай! — грубо отрезает отец, привыкший к моим эскападам. — Но чтобы у каждого был отец! У каждого! Если бы ты не была такой категоричной и скорой на необдуманные решения, то Ваню сейчас бы воспитывал собственный родной отец в полной семье!

— Ты ничего не знаешь и не узнаешь об этом человеке! — устало рассердилась я и из вредности добавила. — Считай, что он умер! Жаль, что не долгой и не мучительной смертью!

Позади меня послышался шорох. Я резко обернулась — это был Ваня, стоявший на пороге комнаты и внимательно прислушивавшийся к разговору.

— Правда, умер? — тихо спросил он, поглядев на меня серьезно и печально «его» глазами.

— Правда! — вдохновенно, искренне, убедительно соврала я сыну.

Оказывается, это прекрасно и совершенно невыносимо — видеть, как Илья Романович, отец Лерки, ведет ее, неземную красавицу, по направлению к Верещагину. «Повторение» гражданской церемонии, которой не было дважды, задумано нами по европейским стандартам.

Ретро-стиль платья «Грейс Келли» делает очаровательно изящную Леру удивительно целомудренной и отрешенно красивой. Верещагин, который никогда, в угоду примете, не видел ни одного из трех Лериных платьев, пораженно замирает и дергано, нервно сглатывает. Варькины зеленые глаза полны слез. Игорь насмешливо улыбается. Вовка задумчиво смотрит на Варю. Максим благородно спокоен и даже подмигивает мне, внезапно разнервничавшейся.

Вы замечали, как прекрасны все невесты на свете? Любые. Высокие и маленькие. Стройные и пухленькие. Молодые и в возрасте. Прекрасны не платьем, не красотой лица, не стоимостью украшений. Они прекрасны своей избранностью, именно это ощущение охватывает окружающих, по-хорошему завидующих им. Они прекрасны неизвестным будущим, которое кажется им и всем нам обязательно счастливым. Иначе... зачем всё это? И даже если в дальнейшем всё сложится совсем не так — сегодня все уверены в том, что у молодой семьи в жизни будет так, как задумано.

Наша Лерка полюбила. Наша холодная гордая красавица встретила того, кто полюбил ее, робкую маленькую девочку, умную и порядочную, по воле бога и родителей попавшую в это великолепное тело, получившую это неповторимое лицо и фантастически завораживающие хрустальные глаза. Получившую не как награду или наказание, а как

испытание, которое она с честью и достоинством прошла и будет проходить.

Валериана, подлитая в шампанское, творит чудеса. Я хочу плакать, но смеюсь. Я хочу завидовать, но восхищаюсь с любовью. Я хочу любить, но не могу.

Глядя на появившихся в ресторане мужа и жену Верещагиных, встречаемых небольшой группой гостей, я снова чувствую потребность любить, размытую до мутных слез.

Гостей немного, только близкие и друзья. Никаких нужных людей. Так обещал Никита Верещагин Лере и сдержал свое слово.

Рассматриваю гостей.

Родители Леры, так не подходящие друг другу, но такие спокойно счастливые, словно они и не сомневались, что дочери так повезет.

Мать Никиты, очень красивая женщина, выглядящая, как его старшая сестра, лет на сорок пять — пятьдесят, не больше. Она отрешенным взглядом смотрит на Леру, но глаза ее полны настоящей материнской любви, когда она видит своего единственного сына.

Торжественно мила наша Варя Быстрова, которой так подошло мое строгое платье. Оно сделало ее похожей на бабушку Елизавету Васильевну. Та была удивительно тонким и чувствительным человеком. Максим ни на секунду не упускает жену из вида, чем бы ни был занят.

Мы встаем, образуя проход для мужа и жены Верещагиных. Под живую игру скрипки, на которой пьесу Рахманинова исполняет молодой скрипач, они проходят к столу, принимая поздравления друзей и близких. Лера в черно-серо-белом платье, превратившем ее в королеву, приподняв пышные многослойные юбки, широко улыбаясь, идет под руку со своим мужчиной. И это тоже удивительно прекрасно.

Мы с Варей очень переживали, какой получится Леркина свадьба. Она должна была стать прекрасной, как и сама Лера, наша лучшая подруга. Наши девичьи сердца отданы друг другу давно, еще в детстве. И сейчас Лерка делится своим счастьем с нами, а мы с ней.

Все проходит так, как мы с Варей задумали. Свадьба получается уютной и трогательно красивой.

Федор пришел с молодой парой, Евгенией и Евгением, друзьями Верещагина, и обезьянкой по имени Тимофей.

— Твой тезка, Сашка! — весело представляет зеленую мартышку в элегантном смокинге Лера.

— Александр? — удивляюсь я. — Странное имя для обезьяны.

— Нет! — смеется Лера, которую за руку цепко схватил маленький модник. — Он твой тезка по фамилии. Ты Тимофеева. Он Тимофей.

Поздравление молодоженов начинается с эффектного номера официантов. Если на девичнике заказанные нами молодые люди танцевали, то на свадьбу мы наняли в качестве «подсадных» официантов вокальную группу. Как только прозвучал первый тост за молодых и гости дружно зазвенели бокалами, эти официанты, одновременно разлив шампанское в уже пустые бокалы, развернулись к молодоженам и запели:

*Для меня нет тебя прекрасней,
Но ловлю я твой взор напрасно.
Как виденье, неуловима,
Каждый день ты проходишь мимо.*

Разложенная на три голоса, знакомая всем песня звучит неожиданно и очень сильно.

*Но я верю, что день настанет,
И в глазах твоих лёд растает.
Летним зноем вдруг станет стужа,
И пойму, что тебе я нужен.**

Под последний куплет песни Верещагин приглашает Леру на первый танец молодоженов, к которому присоединяются немногочисленные гости. Секстет играет живую музыку о любви самых разных композиторов. Мы танцуем и поем, подпевая официантам. Это совершенно потрясающее ощущение.

— Не можете без толпы молодых красивых мужиков! — усмехается Игорь, танцующий со мной. — То поют они для вас, то танцуют.

— Но ведь красиво? — спрашиваю я лукаво. — Скажи, красиво?

— Очень! — улыбается Игорь, прижимая меня к себе. — А что, Сашка, может, мы с тобой, как тоскующие одинокие сердца, соединимся во второй половине жизни?

— Думаешь, уже вторая? — искренне расстраиваюсь я. — Черт! Я только всё более-менее устроила в своей жизни — и уже только половина?

— Давай поднатужимся и проживем еще два раза по тридцать? — предлагает Игорь, усмехаясь и подмигивая мне. — И вместе до девяноста? Родим Ваньке братика и сестричку? Можно и по две штуки того и другого.

— Не искушай! — смахиваю с плеча Игоря несуществующую пылинку и рисую улыбку уставшей многодетной матери, которой сегодня еще стирать руками, гладить чугунным утюгом на углях и полночи качать в колыбели пятого, а то и шестого младшенького, мучающегося коликами. — Что будешь делать, если соглашусь?

— Держать слово, — лукаво, но в то же время серьезно шепчет Игорь мне на ухо и, скромно закатив глаза, признается. — Я очень честный. Есть за мной такой грешок.

— Я знаю, — нежно шепчу я в ответ, чувствуя, как Игорь теплым ласковыми движениями гладит мою спину, и традиционно вступаю в словесный спор. — А как же любовь?

— Я тебя люблю, — погладив мой позвоночник и примерив самый искренний взгляд, парирует он. — Всегда любил и всегда буду любить.

Его умные глаза, приласкав мое лицо, перемещаются на Варю и Максима, танцующих рядом.

— Всегда, — тихо повторяет он, но я понимаю, что именно я здесь ни при чем, и его «всегда» синоним слова «никогда». — Не согласишься — умрем одинокими и недолюбленными.

— Значит, так суждено! — твердо констатирую я, на мгновение, на секундочку подаваясь ближе, реагируя на приятную, но не трогающую мужскую ласку. — Супруги-друзья? Поверь, мы достойны лучшего!

— Теоретически ты права, — соглашается Игорь, целуя меня в нос, как котенка. — Но практически это маловероятно.

— Маловероятно, что мы встретим и полюбим? — не сдаюсь я. Я вообще редко сдаюсь.

— Не совсем, — серьезные карие глаза друга детства сверкают грустными

смешинками. — Всё, к сожалению, печальнее и замысловатее. Уже встретили и уже...

— И уже полюбили? — отдаю Игорю порцию своих смешинок, но веселее не становится. — Я — нет!

— Просто ты противная и вредная, — пожимает плечами милый и покладистый Игорь. — Не хочешь признавать очевидное!

— Настолько очевидное? — проговариваюсь я. — Кому очевидное?

— Думаю, только мне и Вовке, — успокаивает меня Игорь, поцеловав мою ладонь. — Остальным невдомек. Ты прекрасная актриса!

— Не поэтому, — прижимаюсь я к Игорю. — Просто они счастливы и любимы. А взаимная любовь человека слепым делает.

— И глухим! — подыгрывает Игорь.

— И глупым! — радуюсь я возможности поговорить открыто, не стесняясь.

— И недогадливым! — понимает мою игру Игорь, поддерживая и расслабляя одновременно.

— Слышали бы Варька с Максом и Лерка с Никитой! — откидывая голову назад, хохочет Игорь. — Наши слепые, глухие, глупые и недогадливые друзья!

Меня тоже разбирает смех, такой же глупый, как и наш разговор.

— Неудачники держатся вместе? — оборачиваемся мы на вопрос Вовки.

— Третьим будешь? — радостно спрашивает Игорь, хлопая друга по плечу и передавая меня в танце.

— Буду! — обещает Вовка. — Но со мной будет еще три человека!

— Три? — удивляюсь я. — А четвертого куда денешь? Их же теперь четыре!

— Забыл! — врет Вовка, ероша светлые кудри. — Привычка считать до шести!

Привычка считать до шести. Да. Теперь нам всем надо учиться считать до семи.

Наше поздравление молодоженам становится гвоздем вечера. Мы устраиваем «допрос с пристрастием» Никите, экзаменуя его по теме «Лера» по полной программе.

Конечно, многого о своей жене и нашей Лере он не знает. Ни того, что на всех утренниках в начальной школе она была не Снегурочкой, а Бабой Ягой. Ни того, что из всех пирожных на свете она предпочитает шоколадно-вишневый пирог. Ни того, что врачом захотела стать из-за того, что не смогла остановить кровь из рассеченной брови у подравшихся из-за нее одноклассников, по-моему, в классе пятом.

Зато он безошибочно называет сорт ее любимого кофе. По вкусу с завязанными глазами узнает любимое вино. Знает и любимый фильм, и любимую книгу, и любимый фрукт.

— Ты посмотри! — восхищаюсь я, обращаясь к Варьке. — Либо кто-то слил информацию о вопросах, либо они не только... целуются, но и разговаривают! Уже ответил больше, чем на половину вопросов. Придется приз вручать!

— Сашка! Не жадничай! — упрекает Варя. — Мы его для этого и покупали!

— Я не жадничаю, — вздыхаю я. — Я...

— Ревнуешь? — понимающе спрашивает Варька и шепотом сознается. — Я тоже!

Вовка с Игорем поют старую добрую песенку, музыканты быстро подстраиваются под известную мелодию, и она звучит просто, трогательно, как-то по-мужски.

Мальчишеское братство неразменно

На тысячи житейских мелочей!

И всякое бывает,

Но дружба неизменно
Становится с годами горячей.

В этот момент я еще раз осознаю, что нам уже по тридцать. Неужели, правда, половина жизни?

*Уходит бригантина от причала!
Мои друзья пришли на торжество,
И над водой как песня прозвучало:
Один за всех и все за одного!*

Чем я заслужила то, что у меня есть такие друзья? Ничем... Мне просто повезло.

Расставим в рефератах запятые,
Мальчишество свое переживем!
И что бы ни случилось,
На свадьбы золотые
*Друг друга непременно позовем.**

Свадьба, которая должна стать точкой отсчета для Леры и Никиты, становится для меня своеобразным экватором. То ли разговор с Игорем, то ли сама свадебная атмосфера, то ли ревность к Никите, забирающего нашу Лерку, — не знаю, что послужило толчком. Но я трезво и ясно понимаю: надо что-то менять в этой самой второй половине жизни. Чёрт! Ну почему уже половина? И половина ли?

В перерывах между поздравлениями и танцами мы ходим в фойе, где работает приглашенный Варькой карикатурист. Она вызвонила его уже здесь, в Москве.

— Сашка! Это удивительный человек! — восторженно убеждала она меня, хотя я с ней и не спорила. — И гостям какой подарок! Чудесный дружеский шарж! Необидный! Яркий! Просто портрет!

— Да согласна я! — смеялась я над эмоциональностью подруги. — Если ты говоришь, что это никого не обидит...

— Что ты! — Варя долго рылась в памяти телефона, чтобы показать мне фотографии. — Берегла эту идею до нового года, но лучше потратить ее на Леркину свадьбу. Смотри, какие рисунки!

Черный, белый, серый и... синий или зеленый. Такие цвета использует неизвестный мне карикатурист, создавая цветным мелками свои маленькие шедевры.

Вот Варя. По-жирафьи длинная благородная шея. Мягкие кудри. Иронично-счастливые губы. И глаза. Омутно зеленые глаза земной женщины, любящей глубоко и долго.

Вот Максим. Художник ухватил и его строгость, и утонченность мужских черт лица, и серо-голубые глаза, в которых ум и мужская тайна. Образ несколько гиперболизирован, но на то и карикатура.

Ее зеленые и его голубые глаза — самая яркая капля на серо-черно-белом фоне. Смотрят, поражая живым, натуральным блеском.

— Представляешь, как он нарисует Лерку?! — с придыханием спросила меня Варя. — Если мои бутылочные так преобразил?

— Очень красиво! — согласилась я. — Мне тоже захотелось нарисоваться!

— Я с Вадимом на презентации книги Анны познакомилась. Он ее последнюю книгу оформлял. Такие иллюстрации — дрожь пробирает! — передернула плечами Варька. — При чем рисует очень быстро. За несколько часов всех желающих изобразит!

Названный Вадимом художник оказывается Вадимом Павловичем, возрастным мужчиной с проседью в усах и в аккуратной бороде. Работает действительно быстро и интересно. Решившийся на карикатуру гость, замерев, ждет результата, а собравшиеся вокруг него гости восклицают, смеются, поддакивают. Вадима Павловича это несколько не раздражает. Наоборот, он сыплет шуточками, заставляя объект улыбаться и показать настроение.

Вдоль стены фойе на подставках уже стоят готовые портреты. Мы подарим их гостям в конце вечера. Медленно передвигаемся, разглядывая карикатурно вытянутые или сплюснутые лица, то с большими ушами, то с крупным носом, то с улыбкой-оскалом. Но какие все они... добрые что ли... Художник ухватил в каждом самое хорошее, самое приятное, самое очевидное его глазам. И глаза — цветные капли, заглядывающие если не в душу, то в твои глаза точно.

— Оригинально он придумал, — шепчу я Варе, разглядывая портрет Лериной матери, потрясающе красивой в этом карикатурном исполнении. — Всё такое черно-белое, даже приглушенное, а глаза неожиданно яркие.

— Это фишка Вадима! — говорит Варя, идущая впереди меня и запнувшаяся взглядом (так, наверное, говорить нельзя, но это именно так: запнулась взглядом) за следующую карикатуру. — О! Не знаешь, кто это? Как будто выросший Ванька.

Произнося последние слова, побледневшая Варя поворачивается ко мне и, распахнув глаза, испуганно смотрит на меня. Я тут же пугаюсь ее испугу и подхожу ближе. Нет... Не может быть...

Нет! Не может быть!

Я поворачиваюсь вокруг своей оси, пытаюсь сделать это не резко, а плавно, как бы равнодушно, но меня выдают дрожащие руки и, видимо, некрасиво выпученные глаза. Где он?

Где он!

Варя разговаривает с Леркой, отведя невесту вглубь зала, к барной стойке. Я сижу на своем месте и смотрю на бокал томатного сока, который кажется мне бокалом моей крови, в один момент выкаченной из моих вен.

Обеспокоенный чем-то Верещагин прерывает разговор Вари и Леры, зачем-то оглянувшись на меня и сурово сжав губы. Варя виснет у него на руке, чего-то требуя. Лера тянет с другой стороны, пытаюсь обратить внимание на себя, нахмурившись и кусая губы. Верещагин не знает, на кого из двух моих подруг реагировать в первую очередь, и логично выбирает жену. Лерка явно сердится за что-то на мужа, который оправдывается, но не может оправдаться. Потом все трое смотрят на меня с тревогой и даже жалостью.

— Что происходит? — спрашивает мое сердце у моего мозга.

— Ты знаешь! — усмехается черствое сердце.

— Даже не догадываюсь! — откровенно лжет сердце.

— Врешь! — догадывается мозг.

— Боюсь, — сознается сердце.

Как меня вымотал их постоянный диалог... Мозг уже сообразил, в какую сторону бежать, а сердце отчаянно забилося, мешая мозгу работать чудовищным шумом, давящим на уши и на глаза.

— Может, в обморок? — предлагает находчивое сердце.

— Еще чего! — оскорбляется мозг. — Никогда в жизни не отпускал и сейчас не отпущу!

— Куда? — глупит сердце, не понимая смысла последней мозговой атаки.

— В обморок не отпущу! — ворчливо шутит мозг. — Не наш стиль! Не наш способ!

— Дверь? — робко предлагает сердце, задыхаясь от предчувствия.

— Думаю, не мешай! — ругается мозг, теряя драгоценное время.

Варя, не скрываясь, вертит головой по сторонам, привлекая внимание Максима.

— Я не знаю, как это произошло, но его никто не видел! — говорит мне подошедшая Лерка, приобняв меня сзади.

— Кого его? — придуриваюсь я, не сдаваясь очевидному.

Лерка не отвечает. И я не слышу ненавистного имени, на произнесение которого мною же наложено табу.

— Вадим сказал, что рисовал его давно, — к моей спине прижимается теперь Варя. — И принес с собой в качестве рекламного образца.

— Кого его? — по-прежнему молодцом держусь я.

— Сашенька, — Варька садится рядом. — Что мы можем для тебя сделать?

— Не говорить о нем! — мгновенно вырывается у меня, но это не я, это мозг.

— Не хочешь поговорить? — Лера спрашивает мягко и осторожно.

— Нет! — грубит мозг.

— Да! — стонет сердце.

— Завтра! — обещаю я. — Всё завтра!

— Когда вы его рисовали? — допрашиваю я Вадима Павловича, отдыхающего в фойе с чашечкой кофе.

— Этого? — вежливо переспрашивает он, кивая в сторону портрета. — Варвара про него спрашивала. Совсем недавно.

— Он здесь? — вырывается у меня. — Здесь?

— Я не знаю, — теряется художник, по-тараканьи пошевелив усами. — Я видел этого человека один раз в жизни. И нет... Сегодня здесь я его не видел.

— Гостей у нас мало, — пытается внушить мне Лера. — Он не может прийти и пройти незамеченным.

Даже если бы гостей было раз в пять больше, думаю я, он незаметным бы не остался.

С тобой я самая верная,

С тобой я самая лучшая,

С тобой я самая добрая,

Самая всемогущая.

Щедрые на пророчества

Твердят мне:

— Счастье кончается!

А мне им верить не хочется,

*Мне их слушать не хочется,
Ну их всех!
Ничего не кончится
Так иногда случается!***

Варя читает стихи в конце своего поздравления проникновенно, ее удивительный тембр проникает под кожу, отравляя последние остатки хорошего настроения.

Ничего не кончится... А ты, Сашка, как думала? Так иногда случается...

Третье переодевание невесты сопровождается конкурсом с пьянтой. Торжественно строгий Верещагин и Лерка в коротком красном коктейльном платье с завязанными глазами пытаются разбить каждый свою пьянту: у Никиты это полая черная лошадка с белым хвостом, а у Лерки белоснежная с черным.

— Кто умудрится сделать это первым, — объявляю я, — тот будет держать в своих руках ваш семейный бюджет. Будет самым богатым и самым щедрым!

Как ни старался Никита уступить Лере, как ни жульничал, намеренно не торопясь, выиграл всё-таки он. Бельгийская карамель золотым дождем посыпалась на паркетный пол. Серебряный дождь из разбитой Лерой пьянты хлынул на несколько секунд позже.

Праздник продолжается. Тосты. Танцы. Песни. Чудесная музыка. Негромкие разговоры группами. Гости постепенно разъезжаются. Мы остаемся вшестером. Нет... оговорилась... всемером...

— Ну что? Тянем? — спрашивает нетерпеливая Варя, когда около пяти утра мы переходим за небольшой столик, накрытый только для самых близких.

Каждый уходящий гость тянул печенье с предсказанием. Корзинка с оставшимся печеньем стоит в центре стола.

— Мы последние! — предупреждает Лерка всех. — Нам что останется!

— Вообще-то вы должны были быть первыми! — упрекаю я нарушителей моего сценария. — Надо было, чтобы самый широкий выбор был невесты и жениха!

— Мы уже выбрали самое лучшее, — серьезно говорит Никита, прижимая к себе нашу Лерку. Ладно... Свою Лерку. — Так что после вас!

— Уговорили! — Варька хватает выбранное печенье. — Это мне!

Ребята быстро разбирают разноцветное печенье, угощая и музыкантов.

— Делимся или прячем? — хитро улыбается Варя, которая не дала мне положить внутрь печенья банальные пожелания, а подобрала для этого десятки поэтических строк, смешных и трогательных, нежных и пафосных.

— Конечно, делимся! — смеется Вовка, теребя светлые кудри.

— Вуаля! — поддерживает его Игорь и разворачивает свое предсказание. — Что бы это значило?

*Есть такие люди. С ними просто.
Будто ты остался сам с собой.
Ты к нему придешь, как будто в гости,
А выходит, встретился с судьбой.****

— Аккуратно ходи в гости! — ласково говорит Варя. — Будь внимателен!

— В гостях ждет меня она?! — делая страшные глаза, шепчет Игорь, пугливо оглядываясь по сторонам.

— Паяц! — смеется Варя.

Вовка символически чокается кулаком с Игорем и читает свое:

*Научитесь прощенья просить
И прощать... Вам судьба улыбнётся.
И весна в вашу душу вернётся!
Привыкайте счастливыми быть*****

— Ребят! Я счастлив! Правда! — обманывает нас Вовка, а мы обманываем его, что верим.

*То, что Бог нам однажды отмерил, друзья,
Увеличить нельзя и уменьшить нельзя.
Постараемся с толком истратить наличность,
На чужое не зарясь, займы не прося.*

Читает нам Максим Быстров.

— Шекспир? — спрашивает Варю муж, улыбаясь.

— Он! — важно подтверждает Варя и читает свое.

*Кто понял жизнь, тот больше не спешит,
Смакует каждый миг и наблюдает,
Как спит ребёнок, молится старик,
Как дождь идёт и как снежинки тают.******

— Ну! — подначиваю я. — Жених с невестой! Не хотите поделиться с друзьями?

— Хотим! — сверкает хрусталем глаз Лерка и читает.

*Относись ко мне проще. Я — ангел.
Только крылья мои обгорели.
Я ведь долго летала над адом,
А в аду очень жарко, поверь мне!******

Мы застываем. Вот и не верь после этого предсказанием...

Никита Верещагин, внезапно ворвавшийся в нашу жизнь и судьбу, медленно, словно опасаясь чего-то, разворачивает голубую полоску бумаги:

*Всё в жизни происходит не с проста...
И многое в сравненье познаётся.*

Чтоб не коснулась жизни суета,
С судьбою не играйте — воздаётся!*****

Мы молчим, понимая, как точно и выверено сыграла с нами наша судьба сегодня, спрятавшись в это вкусное хрупокое печенье.

— Стойте! — возмущается Варя. — Сашка не гадала!

Я держу в кулаке свое печенье, рискуя его раздавить, и смотрю на Варю, вкладывая в этот взгляд всё, что могу.

— И не надо! — тут же соглашается Варя. — Пусть останется одна тайна!

— Пусть! — подхватывает Лерка.

Никто не спорит.

— Сашка! — скребется в мою дверь Варя. — Уже пять часов вечера! В семь мы должны быть готовы.

Сегодня второй день свадьбы Верещагиных. Вечер для друзей. Только для друзей.

— Не выспалась? — зевает Варька, наливая мне кофе.

— Выспалась, — говорю правду. — Но не отдохнула.

— Иди в душ! — советует Варя. — Меня разбудил только он. Поторопись. Мальчики скоро заедут.

Она непроизвольно хихикает:

— Как в юности! Мальчики и девочки отдельно!

Быстров и Зорин ночуют у Жданова, в его московской квартире.

— Ага! — глубокомысленно отвечаю я, на большее не способна.

Теплые сильные струи душа избивают меня, буквально оставляя синяки. Терплю. В кармане банного халата обнаруживается целое предсказательное печенье. Ломаю его мокрыми руками.

В одно окно смотрели двое. Один увидел дождь и грязь.

Другой — листья зелёной вязь, весну и небо голубое.

*В одно окно смотрели двое.******

**сл. М. Танича, муз. Н. Богословского*

***Вероника Тушинова*

****Эдуард Асадов*

*****Ирина Самарина*

******Омар Хайям*

******Розалия Мартысь*

******Галина Нижник*

******Омар Хайям*

КОНЕЦ